

СКАЗКИ И МИФЫ ВОЛШЕБНОЙ РУСИ

ДЕНИС МОРОЗОВ

**ВУРДАЛАКАМ
НЕТ МЕСТА В РАЮ**

18+

Денис Владимирович Морозов

Вурдалакам нет места в раю

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63389241

SelfPub; 2023

Аннотация

Роман "Вурдалакам нет места в раю" – захватывающее произведение, сочетающее в себе славянское фэнтези, мифологию и остросюжетный детектив. Действие разворачивается в сказочном мире, где обитают русалки, водяные, оборотни и другие персонажи народного фольклора. Вурдалак Горихвост обладает особенным даром – он превращается в волка. Люди боятся и ненавидят его. Герой страдает и мечтает найти свое место среди людей, но, чтобы преодолеть их недоверие, ему придется пройти через множество жестоких и мучительных испытаний. Расследование загадочного убийства старого колдуна вынуждает Горихвоста отправиться в волнующее путешествие по волшебному миру, где ему предстоит столкнуться с демонами и древними божествами, разоблачить заговор коварных злодеев, победить ужасное чудовище, и встретить такую светлую, но такую печальную любовь. Это увлекательное повествование об истинных ценностях, предательстве и самопожертвовании, которое не оставит равнодушными любителей славянского фэнтези и детективов.

Содержание

Предисловие	4
Глава 1. Вурдалак	18
Глава 2. Призрак	52
Глава 3. Змеиная гора	95
Глава 4. Черная нить	130
Глава 5. Лесная охотница	171
Глава 6. Ветхое капище	201
Глава 7. Староста	238
Глава 8. Конюшня	261
Глава 9. Кружало	295
Глава 10. Сторожевая башня	319
Глава 11. Княжеская семья	343
Глава 12. Опричник	383
Глава 13. Разобличение	422
Глава 14. Жертва	473
Глава 15. Путь злодея	499
Глава 16. Огненный змей	527
Глава 17. Вознесение	573
Глава 18. Звездная река	614
Глава 19. Небесная охота	654
Глава 20. Возвращение	694

Денис Морозов

Вурдалакам нет места в раю

Предисловие

«Вурдалакам нет места в раю» – волнующая история о том, как человек с уникальным даром сражается со своими внутренними демонами и внешними угрозами.

Откройте мир, где туманы Грязной Хмари сливаются с мрачной тайной Гремячего Дола. В этой завораживающей саге разворачивается эпическая картина приключений Горихвоста – оборотня, который борется за доверие и любовь своих односельчан.

Жизнь героя меняется, когда происходит жестокое убийство его последнего родственника – старого колдуна Дедослава. Князь Всеволод поручает расследование своему помощнику, безжалостному палачу Нежате. Но Горихвост не может доверить свою судьбу никому другому и принимает решение провести свое собственное расследование.

Окруженный опасностями, Горихвост сталкивается не только с людьми, но и с магическими силами, обитающими

в зачарованном лесу. Особые испытания готовит ему юная амазонка Ярогнева, которая неотступно преследует его.

Сила, преданность и любовь – вот главные орудия Горихвоста в его непрерывной борьбе. Он откроет для себя тайны жизни и смерти, столкнется с воплощением зла и даже с огненным драконом, чтобы спасти свой родной Гремячий Дол. Вопреки всем преградам, он готов пожертвовать собой, чтобы защитить тех, кого любит.

Отправьтесь в незабываемое путешествие по волшебным землям с Горихвостом и ощутите его силу, его жажду мести и его желание спасти мир. Отдайтесь во власть этой невероятной эпической истории, где ставки высоки, любовь таинственна, а силы зла поджидают на каждом шагу.

«Вурдалакам нет места в раю» – книга, которая потрясет вас до глубины души и разбудит ваше воображение!

13 вересня лета 6248 от сотворения мира

Деревня Грязная Хмарь видела седьмой сон, когда староста Воропай вскарабкался на скамью и потянулся к потолку, где на поперечной балке-матице покачивалось обезображенное тело старого колдуна Дедослава. Руки кудесника были связаны за спиной и неестественно вывернуты из суставов. Огонь опалил густую бороду, отчего в ней появились пепельные проплешины. Стоптаные сапоги валялись в углу, голые пятки почернели от огня, разведенного на полу.

На груди безумно оскалилась отрезанная голова козла, болтающаяся на вытянутых жилах, и на выпавшем языке, будто в издевку, прилипла щербатая серебряная копейка. И всюду кровь, боги родимые, сколько крови! Не поймешь – где звериная, где человечья.

Староста поморщился и заставил себя прикоснуться к вищащему телу. Оно покачнуло обгорелыми пятками, потолочная матица скрипнула, натянутая веревка запела, как тетива. Воропай едва не дал деру от отвращения и страха. «Ей-же ей, вот спрыгну с этой дурацкой скамьи и сбегу к себе в избу, где уютно и прибрано – кто заметит?»

Но нельзя! Быть старостой – не одни льготы. Это еще и обязанность отдуваться за всю деревню, что бы в ней ни случилось. Люди должны чувствовать, кто их вожак. Воропай отвернулся, поджал губы, и, зажмурив глаза, принялся резать веревку.

Тело с глухим стуком обрушилось на пол. Копейка выкатилась из пасти козла и зазвенела на обгоревших половицах. Взметнулась зола в самодельном костре, так не к месту разведенном прямо посреди горницы. В нос ударил запах горелой конопля, хорошо знакомый Воропаю – из конопляного волокна была выткана и его рубаха, и порты, и грубая вотола, наброшенная на плечи и перетянутая тертой пенькой.

«Долг исполнен! – с облегчением подумал староста. – Теперь можно звать воеводу. Пусть он занимается этим злодейством. А я пальцем больше не трону этого темного колдов-

ства. Ясно же, что волхва не просто убили, а казнили ради какого-то бесовского обряда. Может, бес до сих пор прячется где-то в подвале или на чердаке...»

Эта мысль так напугала его, что он соскочил со скамьи и со всех ног припустил на улицу. Утренняя заря едва занималась, деревенские жители только-только просыпались, зевали и протирали глаза, и лишь пастухи да гуляки провожали тревожными взглядами старосту, несущегося сломя голову к Сторожевой башне.

Багровый край солнечного колеса едва успел выкатиться на небосвод, а вся волость Гремячего дола уже трещала от слухов. Весть облетела окрестности со скоростью ветра: убит Дедослав Шиворонец, последний из рода великих волхвов, в незапамятные времена служивших Ушедшим богам. И не просто убит, а злодейски казнен то ли бесом, то ли какой другой нечистой силой, что кишмя кишит в Диком лесу.

Грязная Хмарь превратилась в растревоженный улей. Мужики и бабы пугливо выглядывали из-за заборов и перекликались: «Не видно ли вурдалака? Он ведь мстить явится, нечестивец поганый!»

В избу старого ведуна набилось столько народу, что боярину Видославу Рославичу, присланному в Гремячий дол на воеводство, пришлось самолично выталкивать непрошенных зевак. Обливаясь потом и размахивая длинными руками ферязи, воевода вопил:

– А ну, вон отсюда! Куда прете? Не трогайте место убийства, дайте собрать улики. Нежата, выпроваживай всех, кто не у дела. Кыш отсюда, кому я сказал!

Пожилой воин Нежата, еле продравший спросонья глаза, огрызнулся:

– Ты, боярин, мне не указывай! Не ты мне господин.

Видослав Рославич беспомощно взглянул на князя Всеволода, затертого в угол. Князь стоял, скрестив руки на груди, и хмуро взирал на кипящую вокруг него суету. Алое корзно на его плечах смялось, пушистый мех соболей с нижнего краю перепачкался в пролитой крови, отчего начал сливаться с дорогой тканью-багрянницей. Короткая русая борода и свисающие усы задрались вверх, как будто ему не хотелось видеть грешную землю. Синие глаза потемнели, как небо перед грозой.

– Нежата, не время пререкаться. Делай, что говорят! – велел он.

Пожилой вояка стремглав кинулся исполнять поручение. Под его напором праздный народец принялся вылетать в двери, как пробка из бочки с перебродившим квасом.

– Кому мог встать поперек горла старый колдун? – сумрачно спросил князь.

– Так твоему старшему братцу, Изяславу Ростиславичу, – услужливо подсказал боярин. – Тот кудесников и их слуг разогнал по лесам. А последний великий волхв вишь где спрятался – у черта на куличках. Грязная Хмарь – почитай,

самый край света. Дальше – один Шернский лес, а за лесом – нечистая сила. Люди там не живут. Тут человеческому миру предел.

Князь недовольно нахмурился, услышав про старшего брата, с которым прежде был не в ладах.

– Про Изяслава что теперь вспоминать? Его давно нет в живых, – бросил он раздраженно.

– Его-то нет, да обиды прежние никуда не делись, – возразил еще настойчивей воевода. – Изяслав-князь приказал весь род волхвов извести под корень. У Дедослава всех сыновей убили, а иные пропали без вести. Он один и остался. Не иначе, чудо уберегло.

– И что, никакой родни у него больше нет?

– Никого. Разве что суеверные бабы болтают, будто у сына его, Тихомира, родился ни человек, ни зверь, а сущий оборотень-вурдалак. То в людском виде покажется, то в волчьем. Да только кто верит бабским рассказням?

– Ты, Видоша, зубы князю не заговаривай! – встрял пожилой воин. – Никакие не рассказы это. Всё сущая правда. Вон, хоть у старосты спроси. Он тут с рожденья живет, все знает.

Воропай поспешно стянул с головы облезлую шапку и низко поклонился князю. Всеволод посмотрел свысока на селянина, недовольно мотнул бородой и спросил:

– Выходит, тот вурдалак колдуну внуком приходится?

– Истинно так, господарь, – затараторил селянин. –

Прежде звали его Гориславом, а теперь кличут Горелым Хвостом. В Диком лесу живет, к людскому жилью носа не кажет.

– А что, Хвост этот, сильно злой? – полюбопытствовал князь.

– Злой, батюшка, ужас как злой, – еще ниже склонился староста. – Мужики говорят: обязательно явится мстить. Всех волчьими своими зубами на клочья порвет, как порвал уже прежнего барина годом назад.

– Что за барин? – поднял князь русую бровь.

Староста понял, что сболтнул лишнего, и виновато взглянул на воеводу. Видослав тут же принял князя под локоток, отвел его в сторону и запел:

– Сельцом этим раньше владел сын боярский Злоба Кривая Шапка...

– Что, так и звали его? – переспросил князь.

– Так и звали, – заверил боярин. – Год назад нашли его тело на Девичьем поле, все сильно изодранное, будто волчьим клыком. Только волки из леса к жилью не суются – боятся охоты. А про вурдалака сказывают, будто он ничего не боится.

– Верно-верно, приходит в село, будто странник, – сунулся в господский разговор Воропай. – Людей сторонится – привык к лесной жизни, совсем одичал. Лицо прячет под клобуком. Разговаривает – будто рычит. Из-под губы торчит пара клыков – желтых и слюнявых, как у бешеного пса. Глаз

зеленый, мутный, недобрый. Как взглянет – так оторопь берет. Волосы жесткие, черные, что твоя шкура. На боку – меч Душебор, который покойный колдун достал из могилы на Змеиной горе. И шерсть у него везде – на загривке, лодыжках и даже ушах, только он ее не показывает.

– Если не показывает, то как ты узнал? – с сомнением спросил князь.

– Так он местный, родился тут. Мы его мальцом помним, – заверил староста. – До десяти лет бегал среди ребятишек, ничем особенным не отличался. А после твой братец, Изяслав Ростиславич, прислал слуг известить род Шиворонца. Они на нашего колдуна ополчились и семейку его перерезали. Только дед с внуком и уцелели. Дедослав обернул мальчика волком и отправил жить в лес – мол, там нечисть, туда люди не сунутся. С тех пор так и живет зверем. Кроме деда, никого у него не осталось. А теперь вот и вовсе один-одинешенек. Боюсь, нападет на него кручина. Как начнет лютовать да буянить – не уймешь. Он от людей-то отвык, жалеть никого не станет.

– Да, вурдалак придет мстить, и месть его будет жестокой, – согласился с Воропаем Нежата.

– Будет вам каркать! – прервал их воевода. – Раскудахтались, словно куры. Мы нечисти не страшимся.

– Горихвост, видишь ли, не совсем нечисть, – возразил Воропай. – Это живая тварь с душой и теплой кровью.

– Что нашли-то? – перешел к делу Всеволод.

– По всему видать, бесовский обряд, – доложил Нежата, радуясь, что может показать князю грамотность в сыскном ремесле. – Уголья еще не остыли, да и дым выветриться не успел. Выходит, дело было за два-три часа до восхода, то есть после трех ночи. Покойного оглушили сзади чем-то тяжелым, вроде молота или обуха от топора. После связали руки за спиной вот этим вот пояском и вздернули на матице, как на дыбе. Руки у него, вишь, из суставов повывернулись – ох и хрусту ж, я чаю, тут было, и воплей! На дыбе всегда так, – с видом знатока пояснил он. – Дальше злодей развел под ногами костер и принялся жечь ему пятки. Судя по иссеченной спине, охаживал шалыгой со свинцовыми шариками в языках – один такой выскочил и меж половиц закатился. После взял пучок розог, поджег и огнем тыкал в брюхо. Затем зарезал козла, пустил кровь, вытянул жилы и повесил отрезанную голову бедняге на грудь. Бросил в пасть козлу серебряную копейку – наверное, чтобы откупиться от бесов. А дальше – сам не пойму, что тут было. Конопляное семя рассыпано по полу – видать, злодей жег его и пускал в горницу дым. Стало быть, жертву окуривал.

– Для чего? – удивился князь.

– Не серчай, господине, ума не приложу, – повинился Нежата. – Может, бес ради забавы потребовал?

– Без беса не обошлось! – вынырнула из-за спины старосты его жена Духаня, которой давно уже не терпелось вставить словечко. – Дедослав-волхв, царство ему небесное, хра-

нил у себя черную книгу – большую такую, тяжелую, в деревянном окладе с позолотой и драгоценными камнями. Ему Лесной царь, всякой нечисти повелитель, на сбережение дал. Мы всю избу перерыли – нет больше книги. Забрал ее лиходей. А в книге – колдовские письма. Как вызывать нечистых духов из преисподней. Как напускать на селян лихорадки и мор. Наконец, как разбудить змея, что дремлет под Дышучей горой...

– Бес его и прикончил, – поддакнул жене Воропай. – Небось, волхв сам его и позвал. А нечистые духи – они такие. Не хватит сил совладать с ними – они на тебя первого и набросятся, и тогда уж пощады не жди.

– Нет, тут не бес погулял, – возразил Нежата. – Нечистый бы без молотка обошелся. Тут чья-то рука постаралась.

Тут уже воевода Видоша не выдержал, широко развел ладони в стороны и от души расхохотался.

– Полно, княже, – заговорил он, отсмеявшись. – Ты же вырос на западе, в просвещенных краях. Верят ли там в этакie небылицы?

– Там-то верят, – задумчиво вымолвил князь. – И не такое доводилось слышать.

– Наши вятичи тебе с три короба наплетут. Кстати, предка помершего колдуна так и звали: Плетун. Тот еще был завирала. Вятичи все такие, тебе ли не знать?

Внезапно уличные псы разразились неистовым лаем.

– Видно, что-то почуяли! – поднял палец к потолку Воро-

пай.

Вслед за псами заголосили бабы. Разревелся испуганный ребенок, послышались топот и беготня.

– Вурдалак! – истошно взвыла старостиха Духаня. – Его только что видели! Через околицу перескочил.

Князь прильнул к узкому волоковому оконцу, пытаясь разглядеть, что происходит на дворе. Видоша, забыв о приличиях, навалился ему на плечи и попытался пролезть вперед. Нежата запрыгал у них за спинами – ему тоже не терпелось увидеть все своими глазами.

В этот миг сквозь поредевшую толпу протолкался незнакомец в распахнутом черном кафтане, из-под которого виднелась замызганная косоворотка, перетянутая поясом из дубленой кожи. На поясе болтался увесистый кошель, но внимание привлекал не он, а короткий меч в ножнах, рукоять которого украшал темно-зеленый самоцвет. Лицо незнакомца пряталось под глубоким капюшоном, опущенным так низко, что выглядывала одна короткая черная борода, больше похожая на двухнедельную щетину. Острый конец капюшона колыхался над головами людей, как парус над морскими волнами, да и фигура самого незнакомца походила на тощую жердь, с которой свисают чужие обноски.

Пришелец склонился над телом убитого и бережно сложил безжизненные ладони на залитой кровью груди. Голову козла он отбросил в сторону, при этом щербатая серебряная копейка звякнула и покатилась по половице. Незнакомец

прихлопнул ее ладонью, поднял к темной дыре капюшона и втянул воздух ноздрями. Затем он смел несколько горстей конопли, рассыпанной вокруг кострища, и отправил их в суму, перекинутую через плечо.

– Эй, ты кто такой? Откуда будешь? – недовольно окликнул его Воропай.

Чужак сверкнул из-под капюшона недобрым глазом, распрявился, как тетива после выстрела, и быстро направился к выходу.

– Стой! Ребята, держи его! – завопил Воропай деревенским.

Печник Жихарь и бортник Пятуня, которых не смог вытолкать даже Нежата, схватили пришельца за руки и не позволили перешагнуть через порог. С его головы сдернули капюшон и развернули лицом к окну. На князя угрюмо глянули два зеленых глаза, горящих адским огнем. Незнакомец злобно ощерился, и из-под нижней губы его выпростались два желтых клыка, с которых сорвалась капля липкой слюны.

– Горихвост! Вот принесла нелегкая! – выдохнул староста.

Духаня спряталась за спину мужа и глухо завывала. Пришелец взмахнул крючковатыми лапами, и Жихарь с Пятуней столкнулись, звонко ударившись головами. На миг они потеряли хватку. Этого оказалось достаточно, чтобы оборотень вырвался и полез в узкую дверь.

– Не дайте ему уйти! – первым пришел в себя князь.

Воевода отшатнулся и закрыл лицо ладонями. Нежата

бросился к выходу, дернул противника за кафтан и силой втощил обратно в горницу. Чужак зарычал от ярости, скинул с плеча суму и выудил из нее волчью шкуру. Звякнула копейка, выпавшая на пол из складок. Пушистый мех заиграл переливами в отсветах узких окошек. Оборотень набросил шкуру на плечи, ловко подскочил и прямо в воздухе совершил кувырок через голову. Миг – и изумленный князь увидел перед собой черного волка, что стоит на четырех лапах и помахивает хвостом, угрожающе щерясь и пуская слюну из клыкастой пасти.

– Пустите его, не то худо будет! – заверещал Воропай.

Ошеломленный Нежата не мог поверить глазам. Он так и застыл рядом с дверным проемом, таращась на зверя. А тот, словно издеваясь над изумленными людьми, развернулся, насмешливо помахал хвостом и неторопливо затрусил мимо стража на крыльцо.

Прошло не меньше минуты, прежде чем присутствующие пришли в себя. Воропай отдышался и тяжело произнес:

– Его нельзя трогать, когда он в волчьей шкуре. Человеком-то он еще ничего, а как обернется – зверь зверем становится.

Нежата не находил себе места: он переживал, что дал слабину и упустил беглеца.

– Может, погоню послать, Всеволод Ростиславич? – робко спросил он, едва смея поднять на князя глаза.

– Только не в одиночку, – откликнулся Всеволод. – По-

лоши село. С этим зверем не управиться иначе, как целым миром.

Глава 1. Вурдалак

Волк-оборотень остановился посреди двора, показал зубы и грозно зарычал. Деревенские мужики завопили и бросились удирать. Глупая псина на цепи поджала хвост, забила в конуру и прикрыла нос лапами. Горихвост довольно оглядел свою лоснящуюся шерсть и неторопливо выбежал в распахнутые ворота.

Кажется, вурдалаку в деревне были не рады. Едва завидев его, редкие прохожие сгали в ближайшие ворота и тут же запирали их на засовы. Испуганные бабы хватили на руки детей и истошно вопили.

«И чего они меня так боятся? – подумалось Горихвосту. – Я ведь еще никого не тронул...»

Сзади слышались топот и крики – застигнутые врасплох мужики опомнились и бросились в погоню. Но черный волк считал ниже своего достоинства оборачиваться на это беспомощное мужичье. Тем не менее он все же ускорил шаг и перешел на рысцу. Однако это сыграло с ним злую шутку: едва выбежав на главную площадь села, известную под названием Утоптыш, он поскользнулся на грязной кочке и с лету въехал в вязкую мутную жижу, переходящую в стоячее болотце.

Липкий холод окутал его лоснящуюся шкуру. Горихвост

высунул голову из трясины, затянутой зеленеющей ряской, и принялся отплевываться.

«Вот тебе и на! – сказал он себе самому. – Поганая лужа! Как я мог про нее забыть?»

Горихост помнил эти места, по которым любил бегать с такими же малолетними сорванцами в прежние времена, когда были живы мать и отец. Вон там, через площадь, двор зажиточного кулака Воропая, с сыновьями которого он когда-то дрался до первого синяка. За высоким тыном из отесанных бревен с острыми верхушками слышатся голоса баб и плач младенцев – видать, его детские приятели оженились и нарожали потомства. Справа, к востоку – господская усадьба, где недавно поселился князь, невесть как оказавшийся в этом забытом богами краю. Слева, к западу – Ветхое капище, на котором когда-то волхвы приносили жертвы, пока люди не начали забывать, кому они всем обязаны.

И, конечно же, в самой середке села, недаром прозванного Грязной Хмарью – Поганая лужа, стоячее болотце, не просыхающее даже в разгар летней жары. Судя по гнилостной вони, отбивающей любые запахи, ее используют, как помойку. Остатки скисшей капусты, рваное тряпье и даже утопленные котята – все плавают в зеленовато-коричневой жиже, к которой и прикоснуться противно, не то, что залезть в нее целиком.

Горихост поспешил выбраться на сушу и самозабвенно встряхнулся, сбрасывая с пушистой шкуры ошметки помо-

ев. И тут же получил по хребту нехилый удар жесткой палкой – кажись, даже железной. Он рыкнул от неожиданности и припал брюхом к земле, и сразу же ему на шею скользнула веревочная петля, сплетенная из прочнейшей пеньки.

Едва увернувшись, он вырвался, и еще не разобравшись, что происходит, цапнул зубами подвернувшуюся ногу в стоптанном лапте и онучах. Болезненный вопль и матерный лай подтвердили, что он не растерял волчьей хватки.

– Пятуня, он схватил меня за ногу! Щас до смерти загрызет! – заныл хриплый голос.

Тяжелая туша деревенского печника свалилась в грязь и принялась извиваться, взметая коричневато-зеленые волны. Блестящая лысина в обрамлении черных с проседью прядей сверкнула под солнцем, едва пробившимся сквозь осенние тучи. Железная кочерга выскользнула из толстой ладони и звякнула о камень. Противник поднялся на карачки и прямо на четвереньках принялся уползать, проявляя при этом сноровку, неожиданную для его пухлых телес. Однако Горихвост не собирался отпускать его просто так: он впился клыками в толстую икру, стянутую онучей и лыковыми оборами, и потащил ее к себе.

– Держись, Жихарь! – завопил второй голос, скрипучий и тонкий.

Кто-то схватил вурдалака за хвост и дернул так рьяно, что шерсть встала дыбом.

«А вот это уже оскорбление. Когда бьют – это еще понят-

но. В деревнях всех бьют, такие тут распорядки. Но чтоб за хвост дергать? Этого ни один уважающий себя волчище не стерпит».

Горихвост выпустил прокушенную икру Жихаря и нырнул в сторону бортника Пятуни, привычно орудуя пеньковой веревкой. Цап! – и на длинной хваталке этого чучела остались рваные отметины его клыков. Резкий, пружинистый старт задних лап, ловкий бросок на плечи противнику, веселые обнимашки передними лапами, добрый оскал и слюнявый фонтан ему в рожу – и высокая, длинная фигура Пятуни опрокинута навзничь, как жердь с пугалом в скошенном поле.

– Жихарь, прощай! Мне конец! – запричитал бортник, прижатый к земле мощными лапами волка.

Однако печник даже не отозвался. Он удирал со всех ног, забыв о размотанной онуче и рваной ране на икре.

Горихвост распростер Пятуню в грязи, для острастки порычал ему в лицо, втихаря посмеялся над тем, как тот морщится и пытается отвернуться, и обдал его вонючей слюной. «Что, не нравится? А волков за хвост дергать – это в каком уставе прописано?»

– Кончай меня поскорее! Не мучай, нечистая сила! – тоненьким голоском выл Пятуня. – Тело ты можешь задрать, но души моей не возьмешь. Она улетит к богам прямо в рай. Потому что каждый, кого кончит нечистая сила, попадает туда прямиком, и ему искупаются любые грехи!

– Не надейся! – прорычал Горихвост. – Твою душу поймают злой бес, и утащит ее прямо в пекло. Потому что таким дурням как ты в раю делать нечего. Боги прокляли этот мир. Прокляли и уплыли. Надеяться не на что!

Пятуня зажмурил глаза и вжался затылком в грязь.

– Говори, кто убил деда? – рыкнул Горихвост.

– Откуда мне знать? – извиваясь ужом, взвизгнул бортник. – Это случилось посередине ночи. Никто ничего не видал.

– И что, никто ничего не слышал? Не было криков, мольбы, зовов помощи?

– Псы заливались от лая и все заглушали. Но я думал – это их растревожил призрак.

– Что за призрак?

– Дух прежнего барина, Кривой Шапки Злобы, который бродит неуспокоенным по своим бывшим владениям и ищет ту тварь, что его растерзала, – злорадно излил из себя Пятуня.

Он отважился раскрыть глаза и с вызовом пялился на Горихвоста:

– Помяни мое слово – он придет за тобой! Что ощерился? Думаешь, дух простит, что ты его затерзал?

– Что ты порешишь, кого я терзал? – изумился Горихвост и отпрянул назад, давая Пятуне возможность чуть-чуть приподняться. – Я деревенских не трогаю, таков уговор.

– Вот ты ему, Кривошапу, и Расскажи, – с еще большим злорадством захохотал бортник. – Все знают, что о прошлом

году ты порвал его на ошметки. Разбросал куски мяса и кости по Девичьему полю – их нашли со следами клыков. А сельцо наше прикупил этот блохастый Видоша, с тех пор все беды и начались.

– Вот так новость... – удивленный Горихвост до того ослабил хватку, что Пятуня поднялся на ноги, но не сбежал, как можно было ожидать, а принялся обличать и совестить волка:

– И отпираться не думай, вранью твоему никто не поверит! – истово вещал он, размахивая длинными руками, на которых болтались слишком широкие для них рукава. – Настоящие волки из Дикого леса к нам не бегают – боятся ловцов. Волчица скорее щенка своего отдаст, чем к охотнику выйдет, а рядом с деревней и следов их никто не видал. Вот и выходит, что кроме тебя, никто боле не мог сотворить такой лютости. А теперь дух боярина возвернулся по твою душу, и пока с собой тебя не заберет – не отстанет.

– А что этот дух, прежде уже объявлялся? – озадаченно спросил Горихвост.

– Нет, этой ночью явился по первому разу, – успокаиваясь, ответил Пятуня.

– И с чего ты решил, что это прежний хозяин?

– Его ни с кем не попутаешь. Свитка на нем черная, с черепом и двумя шестоперами. Шита из полкового знамени, которое он отбил у врага. А шапка длинная, белая, со свисающим колпаком, болтается за спиной, что твой хвост.

– И в котором часу ты его видел?

– Часу в третьем. Да и видел-то я не так много. Выбралась из конопляника чья-то тень и принялась нарезать круги меж селом и избой Дедослава.

– Как он себя вел? Может, летал, завывал, или что там еще привидения вытворяют?

– Ничего он не вытворял. Все бродил и кого-то искал. Вот псы и лаяли целую ночь. Гвалт стоял – сквозь такой ничего не расслышишь.

– Вот, значит, почему деду моему на помощь никто не пришел, – с досадой шепнул Горихвост. – А я-то думаю: как же вышло, что его полночи пытали и жгли, а в деревне все будто оглохли.

– Так ведь изба Дедослава на самом отшибе. За конопляником ее не видать. Да и привыкли мы к его колдовству. Старый волхв, бывает, такого начудит, что ни в одном сне не приснится.

– А сам-то ты почему так поздно не спал? – пришло в голову вурдалаку.

– Да мы, видишь ли, в кабаке засиделись, – смущенно признался Пятуня. – Я, Жихарь, староста, кметь Нежата и княжеский конюх Коняй.

– Что за кметь?

– Старый, опытный воин, что все время при князе. Он в столичной дружине много лет прослужил, а теперь вот приехал с хозяином на нашу окраину. И, разумеется, сразу в кру-

жало. Сначала все напились, а потом резались в шахматы. Что ни игра – то серебряная копейка. Так и ходили эти копейки по кругу, пока не пришел полоумный Лутоха. Все думали – он дурачок, вот и позвали его поиграть смеху ради. А он всех и обставил. Ну, мы, конечно, отыгрываться. Уже дело к полуночи, а вернуть своего все не можем. Так и играли до тех пор, пока ни одной денежки на руках не осталось.

– А не было ли среди них такой битой, со щербиной?

– Да, вроде была. Все Лутохе досталось. Надул нас юродивый, даром что дурень.

– И что после?

– Залили печаль доброй чаркой и пошли по домам.

– Выходит, разошлись все за час-полтора до того, как убийца вломился к волхву. Это мог быть любой, кто играл в кабаке.

– Никакой не любой, – обиделся бортник. – Говорю же: когда я выходил, то призрак уж рыскал неподалеку.

– Еще кто-нибудь его видел?

– Вряд ли. Мы столько кружек опустошили, что в небе три месяца засияло. Один только Лутоха к вину не притронулся. А когда уходил – прикупил целый мех и с собой унес. Вот и пойми его после этого.

Горихвост сел на задние лапы и задумчиво принялся расчесывать свою гриву. Пятуня помялся перед ним и смущенно сказал:

– Ты вот что, Горюня... Ты бы скинул с себя волчью

шкуру. В человеческом виде с тобой разговаривать куда как сподручнее...

Горихвост встал на лапы, и тут же услышал позади хриплый возглас:

– Хвала небесам, мой дружок еще жив! Ребята, опутывай волка сетью. Пятуня, ради всего святого, отступи от него подалее. Святополк Всеволодич, не лезь вперед, мы без тебя управимся!

Рыбачья сеть с широкими ячейками взметнулась над его головой. Горихвост едва успел отскочить в сторону, как она накрыла сухой пяточок, на котором он только что стоял. Пятуня отполз к краю лужи, растерянно бормоча:

– Постойте! Давайте просто поговорим...

Но его никто не слушал. На Горихвоста уже мчался розовощекий юнец с дорогим мечом в руке. Одет парень был побогаче: отличные сапоги из темно-красного сафьяна с вышивкой, пояс из бычьей кожи с позолоченной пряжкой, белоснежная льняная рубаха, и за плечами, как багряное знамя – княжеское корзно с золотистым соколом, несущим в когтях дубовую ветвь. Сапфировые глаза парня сверкали, а овальное лицо выражало одновременно страх и ярость, как будто он напал на целый полк лютых бесов.

– Святополк Всеволодич, куды? Стой! Батюшка в бой не велел соваться! – завопил Нежата, пытаясь ухватить юнца за края развевающегося корзна.

Куда там! Старый кметь не мог угнаться за юношей, кото-

рому было на вид лет семнадцать.

– Княжич, стой! Княжича не пущать! – на разные голоса загомонили староста Воропай и долговязый конюх Коняй.

«Княжич? – смекнул Горихвост. – Если я его трону, князь не простит, забот только прибавится...»

Юный вояка занес меч – кажется, он на полном серьезе собирался им рубануть. Это уже не печник Жихарь с гнутой кочергой – вон он, маячит за спиной барчука, делает вид, будто душа его не ушла в пятки, а поджилки не трясутся, как тетива лука после стрельбы.

Горихвост спрятал гордость подальше и полез в пахучее болотце.

– Что, испугался? – победоносно возликовал розовощекий юнец, выплясывая на берегу.

Прислуга начала умиляться и хвалить барчука за то, как лихо он нагнал страху на такого дикого зверя. «Да ладно, леший с ней, с мелкой челядью. Они всего лишь людишки. В конце концов, кто они и кто я? Но вот матерый Нежата с рыбачьей сетью, похоже, знает, что делает. Эх, принесла же его нелегкая на мой хвост!»

Пожилой воин, и в самом деле, уверенно лез к нему вброд, нимало не смущаясь чавкающей жижи, доходящей ему уже до груди. Черная борода его хищно топорщилась, взгляд синих глаз не сулил ничего доброго, а огромные, как лопаты, ладони тянулись, готовя сеть для броска.

– А может, оставить его? Ну чего он нам сделал? – робко

подал Пятуня свой тоненький голосок.

– Заткнись, жердь! Он прежнего барина изодрал! – рявкнул на него толстый Жихарь и замахнулся кочергой.

«Лихо-марево! А в болоте-то, похоже, и утонуть, что хвостом крутануть!» Горихвост понял это только тогда, когда попал в самую топь. Трясина начала засасывать его с задних лап, потом, чавкая, облизала брюхо и жадно вознамерилась проглотить всего без остатка. Вскоре над зеленой ряской торчал только влажный нос да разинутая пасть, судорожно хватаящая воздух.

– Смотрите, волка топит, как слепого котенка! – радуясь, верещал Жихарь.

Ему было хорошо на сухом берегу. Горихвост боролся изо всех сил, но чем больше он барахтался, тем больше погружался в вязкую липучку. «Неужели все кончено? – с горечью подумалось ему. – Сгинуть вот так, на сельской площади, под дурной смех и гогот неотесанной деревенщины? А будет ли кто-то из них искать убийцу моего деда? Найдет ли виновного? Отомстит ли? Нет, без меня враг останется целым, да еще насмеяться будет над тем, как ловко обделал он это дельце: истребил весь род Плетуновых под корень, прикончил старика-волхва, а последнего в роду отправил на дно грязной лужи...»

Ему стало так невыносимо при этой мысли, что он решил: «Нет, я еще поборюсь! Раз не выходит спастись силой, попробуем умом. Как выбраться из болота? Кто бы мне подска-

зал? Кто вообще это знает? Разве только болотник. Ну конечно, болотник Колоброд! Сто лет его не встречал. Где он теперь? Небось, плавает за рекой в тихих стоячих водицах. Он бы помог – стоит только позвать. Вот только как вызвать этого чешуйчатого ящера?»

Горихвост отчаянно глотнул воздуха и из последних сил прорычал:

Под водой гора, под горой – дворец.

Во дворце сидит водяной игрец.

Гусли тронет он – тут же в пляс пусться.

Царь болот и рек, мне тотчас явись!

Холодная жижа захлестнула морду и залилась в распахнутую пасть. Горихвост попытался выплюнуть тину, но захлебнулся еще больше. Дыхание перехватило, он попробовал упереться в дно, но только взмутил вокруг себя грязь. И тут же почувствовал, как его подхватывают холодные руки с перепонками на пальцах. К его пасти приложились чьи-то толстые губы и вдохнули воздух.

«Набери воздуха и не дыши!» – услышал он сквозь плеск взбаламученной воды. И тут же холодные руки с силой вырвали его из трясины и подняли вверх, над водой, обдав зеленую ряску дождем ярких брызг. Горихвост жадно глотнул свежего воздуха и задержал дыхание.

Зеленое, гибкое, похожее на большую ящерицу тело при-

жало его к груди, заботливо прикрыло глаза, и ухнуло куда-то вниз, в холодную темноту. Они понеслись по подводным протокам, известным лишь водяным да болотникам. Вода в них была свежей – не то что в помойном болоте. Горихвост не мог ее видеть, но чувствовал холодок чистых струй.

Болотник уносил его все глубже и глубже. Воздух в легких кончался, нестерпимо хотелось разинуть пасть и вдохнуть, а там будь что будет. Горихвост уже готов был пустить пузыри, когда зеленый ящер поднял его над речной рябью, под тусклые лучи осеннего солнца.

Как сладок может быть обыкновенный воздух! Он врывается в легкие упругой волной, бьет в нос, кружит голову! Горихвост не мог надышаться. Болотник медленно тащил его за загривок вдоль заболоченных берегов, выискивая подходящую отмель. Вурдалак поудобней устроился на чешуйчатой спинке ящера и растопырил лапы, купаясь в нагретой неярким солнцем воде.

Вот где раскинулось настоящее болотное царство. Разлившаяся река покрывала пологие берега, затопляя леса и подлески. Густые кусты и деревья торчали из воды, создавая подводные джунгли. Островки, заросшие соснами и осинами, возвышались над заболоченными низинами. Стоячие воды кишели мальками, а с глубины поднимались пузырьки, и даже думать не хотелось, что за заблудшие души могли их пускать. По ночам тут мигали загадочные огоньки, замани-

вая случайную жертву в трясину.

Солнце уже клонилось к закату. Его лучи пробивались сквозь серебристые тучи и золотили верхушки деревьев в Диком лесу, за которым высилась темно-зеленая громада Змеиной горы. За Девичьим полем царапали небо шатры над теремами господской усадьбы, а еще дальше выглядывала утонувшая в зелени Сторожевая башня.

С севера доносилось веселое журчание мелкой речки Змейки, которая впадала в Шерну, образуя разлив с глубокими омутами. У тихой запруды скрипело колесо водяной мельницы, его лопасти взметали ввысь тучу брызг, которые сверкали в осенних лучах, как самоцветы. Ветер сметал в воду жухлые листья, отправляющиеся в плавание вниз по течению, как кораблики под крошечными парусами.

Колоброд выволок вурдалака на восточный берег и с облегчением сбросил со спины на речную гальку. Горихвост из последних сил прыгнул, перекувыркнулся через голову и на лету скинул звериную шкуру. На твердую почву он приземлился уже двумя ногами, обутыми в стоптанные сапоги. Волчья длака – шкура, что служит оборотню для превращений – осталась в его ладонях, и он принялся вытряхивать из нее воду, разбрызгивая вокруг пахнущие гнилой тиной капли.

Болотник разлегся на мокром песке, сложил на брюшке перепончатые лапы и принялся тарашиться выпученными глазами.

– Уж и не знаю, как благодарить тебя, Колоброд, – с чув-

ством проговорил вурдалак. – Выручил ты меня, век не забуду.

– Чего тебя понесло к этим жалким людишкам? – булькнул болотник. – Сам же знаешь, у нас уговор: мы не суется к ним, они – к нам.

– В деревне убили моего деда, – ответил Горивост. – Последний мой родственник был, больше родни не осталось.

– Волхва Дедослава? – всплеснул болотник ладонями. – Что за злодейство! Он был нашим другом. А кто и за что?

– В том-то и дело, что не разберешь. Никто ничего не видал. Убийство какое-то злое, будто бес вырвался на волю. Сначала деда мучали, вздернули на дыбе, секли розгами, жгли пятки огнем. После зарезали перед ним козла, весь пол в горнице залили кровью.

– Похоже на бесовский обряд, – заключил Колоброд. – Может, он баловался с черной книгой, да и выпустил беса?

– Ах, да, черная книга! – хлопнул себя по лбу Горихвост. – Как же я про нее не вспомнил? Лесной царь эту книгу ему на хранение отдал, думал, что у него она будет в целости. А вышло вон как...

– А сама книга на месте была?

– Похоже, что нет. Всю избу перерыли вверх дном – явно что-то искали. Раз деда пытали, значит, требовали, чтобы он выдал ценности. Если тать не дурак, то он знал, что волховская книга ценнее государевой казны.

– Лесной царь будет кручиниться, коли узнает, что книга

пропала.

– Я за Лесного царя всех на ключья порву, – с чувством сказал Горихвост. – Лучше мне в пекле сгореть, чем его огорчить. Ты вот что, Колоброд... Удружи мне еще разок! Передай царю от меня низкий поклон. А про книгу пока ничего не говори. Я ее поищу – может, она где затерялась? Чего зря лесную братву будоражить?

Колоброд недовольно булькнул и хлопнул перепончатыми ладонями.

– Прямо сейчас и пойду! – решительно заявил Горихвост и принялся к ветру, который нес со стороны села запахи коровьего навоза и свежего сена.

– С тебя только что чуть было шкуру не сняли, – возразил Колоброд.

– Верно, – почесал голову Горихвост. – Что ж, дождусь ночи. В темноте деревенщина носа из-за заборов не кажет, от каждой тени шарахается.

– Поплыли-ка отсюда поскорее, – беспокожно оглядываясь, предложил Колоброд. – Места тут нехорошие. В тутошнем омуте завелась водяница – какая-то странная, будто не наша. Откуда взялась – ума не приложу. Еще год назад ее не было, а теперь тут живет. С нашим братом не знается, держится сама по себе. Не станем ее баламутить, а то кто знает, что у нее на уме?

Внезапно над омутом у слияния двух речек показалось туманное марево. Солнечные лучи осветили золотистый нос

ладьи, на котором высилась резная фигура деревянной русалки. В руках статуя держала масляную лампу, отсвечивающую призрачным огоньком. На широкой скамье, застланной узорным ковром, сидела молодая женщина в длинном белом платье без пояса. Блеклые, выцветшие волосы густой волной падали ей на груди и прикрывали лицо.

– Водяница! – забеспокоился Колоброд. – Убираемся по-добру-поздорову!

Горихвост с удивлением взгляделся в приятеля. Тот никогда никого не боялся: стоило явиться опасности, и он уходил на дно, выудить с которого его не сумел бы и самый заядлый рыбак. Однако сейчас болотник заметно тревожился и суетился.

Ладья выплыла из туманного марева. Последние лучи солнца выглянули из-за верхушек елей и пронзили насквозь и лодку с ковром, и ее хозяйку. Горихвост увидел за спиной водяницы речную рябь и золотую дорожку, упавшую на воду.

– Взгляни, она прозрачная, – успокоил он приятеля. – Это видение. Водяница не настоящая!

– Еще какая настоящая, – булькнул болотник. – Уж я-то знаю, можешь поверить.

Видение начало тускнеть и растаяло в воздухе. Порывы ветра развеяли последние клубы марева. И тут же спину Горихвоста ожег тяжелый, холодный удар. Перед носом его просвистел конец железной цепи, какими сельские жители обычно приковывают лодки к причалу. Еще взмах – и желез-

ная цепь обрушилась ему на плечи.

Горихвост зашипел от боли и отпрыгнул в сторону. Злобно оскалившись, из-за спины к нему подбирался немолодой толстый мельник с обрывком цепи в волосатых руках. Русая борода его изогнулась, будто крючком. Добротный мятель за плечами развевался от ветра. Плащ был пошит не из грубого конопляного волокна, обычного для деревни, а из дорогой парчи, в какой ходили одни богатеи. Пронзительные голубые глаза мельника сверкали, а прямой мясистый нос раздувался, как у коня. Миг – и грудь Горихвоста снова ужалил тяжелый конец лодочной цепи.

– Ты что творишь, олух? – вскричал вурдалак. – Совсем страх потерял? Вот я тебе щас кишки выпущу!

И он ощерился, показывая клыки. Обычно этого хватало, чтобы застрашать темную деревенщину, но толстый мельник и не думал пугаться. Его приземистая фигурка подобралась и рванулась вперед. Цепь закрутилась над головой и запела, рассекая тучу речной мошкары, роящейся над головами.

Горихвост отскочил на песчаную косу, вдающуюся в речную гладь. Под сапогами захрустела мокрая галька. А мельник уже набрасывался на Колоброда и охаживал цепью его рыбий хвост с острым шипом на плавнике.

– Горюня! Оборачивайся волком! Куси его, негодяя! – завопил болотник, топорща длинные, как у сома, усищи.

– Ох, не ко времени это! – ответил ему Горихвост. – Нельзя мне в волчьем обличе драть деревенских. Запрет!

А мельник, не обращая внимания на их перепалку, уже обматывал Колоброда цепью и волочил его за собой. Горихвост сбросил с плеча переметную суму и достал из нее волчью шкуру.

– Ну погоди, сейчас ты у меня запоешь! – мстительно ощерился он.

Журчащая Змейка вертела колесо водяной мельницы за невысоким холмом. Горихвост не успел опомниться, а опутанный сетью Колоброд уже бултыхался у ветхих стенок деревянной запруды, вода из которой вращала лопасти колеса. Мельник деловито прицепил сеть к железному штырю, торчащему меж лопастей. Колесо натянуло сеть, подняло ее верх, прошло полный круг и обрушило Колоброда обратно в воду.

– Ты чего меня бултыхаешь? – завопил болотник. – Отпусти! Слышишь?

Однако мельник и не думал прислушиваться к его крикам. Он орудовал ловко, со знанием дела. Вращающееся колесо окунуло болотника в речку, на несколько мгновений скрыло его в воде, а после выволокло на воздух и опять понесло ввысь.

– Я тебя знаю. Ты – мельник Курдюм, – задыхаясь от брызг, проговорил Колоброд. – Ну поймал ты меня, что поделать. Чего тебе надоть?

– Зачем подпустил ко мне водяницу? – злобно осклабив-

шись, задал вопрос Курдюм.

– Больно мне надо. Не подпускал я к тебе никого, – шевеля рыбьими усами, проурчал Колоброд.

– Как же не подпускал? – деловито продолжил допрос мельник Курдюм. – Она у меня в заводи плещется. На колесе играет. От ее забав то жернов с оси слетит, то лопатки потрескаются.

– Не знаюсь я с ней. Не наша она, не лесная, – судорожно забил хвостом Колоброд, которого мельничное колесо в очередной раз шлепнуло о воду.

– Значит, будем запираяться? – осведомился Курдюм. – И я не я, и лошадь не моя?

Он схватил лодочное весло и принялся охаживать Колоброда по бокам. Зеленые чешуйки со шкуры болотника так и посыпались в воду.

– Признавайся, нечистая тварь! – орал хриплым голосом мельник. – Как извести водяницу?

– Не знаю я! – сипло вопил Колоброд. – Клянусь Миростволом, не знаю!

– Ты водяной, и не знаешь? – хищно наседал мельник.

– Не водяной я. Болотник! – пытался возразить Колоброд.

Но Курдюм, видимо, не чувствовал тонкой разницы между болотниками и водяными. Его весло продолжало сверкать в лучах низкого солнца, с глухими шлепками опускаясь на хвост и всклокоченную гриву Колоброда.

– Горюня, теперь твой черед меня выручать! – заголосил

болотник. – Этот недоумок с меня чешую спустит!

Такого стерпеть Горихвост уже не мог. «Как же так? Колоброд меня выручил, а я его брошу? – подумал он. – Что про меня лесная братва скажет? Но как же запрет? Ведь нельзя мне задрать человека в волчьем обличье, иначе я в людской вид не вернусь. Эх, была не была, пугну только этого мельника, а царапать не стану!»

Он прыгнул вверх и на лету натянул волчью шкуру. На землю он встал уже четырьмя лапами.

Увидев здоровенного черного волка, мельник на миг обомлел, пробормотал под нос: «батюшки святы, вот это чудище!», однако тут же взял себя в руки, отшвырнул прочь весло и схватился за цеп для обмолота зерна. Резкий взмах длинной рукоятью – и деревянное било на болтающемся ремне задело торчащее волчье ухо.

Вурдалак свирепо ощерился, рыкнул и бросился на противника. Мельник взвизгнул и рванул наутек. В этот миг колесо в очередной раз окунуло болотника в воду, и тот заголосил:

– Да сколько же можно? Горюня, отцепи меня наконец!

Горихвост задержался и бросился к Колоброду. Курдюм тем временем забрался на крышу мельницы, спустился к колесу по наклонному скату и изо всех сил огрел вурдалака по спине тяжелым билом. У Горихвоста в глазах померк свет. Перед помутившимся взором поплыли темные пятна, заиграли оранжевые сполохи и лиловые искры.

– Ну, чего ты? Отвязывай! – возмущенно занял Колоброд.

– погоди! Он мне чуть хребет не сломал... – переводя дух, рывкнул вурдалак.

– Прокуси ему шею. Чего нюни разводишь? – распорядился болотник.

Бах! – и било цепа обрушилось на колесо рядом с черепом Горихвоста. Деревянная лопасть разлетелась на щепы, обдав морду грязными брызгами, смешанными с молотой древесиной.

– Он и меня так заденет. Куси его! – завизжал Колоброд.

Горихвост бросил болотника бултыхаться, вцепился зубами в край крыши и с трудом втянул свое тело на выщербленную черепицу. Мельник отмахнулся от него цепом и полез к коньку, виднеющемуся на самой верхушке. Они оказались вдвоем на гребне крыши, лицом к лицу: ощерившийся черный волк с разъезжающимися в стороны лапами и маленький толстенький человечек с пухлыми ладонями, сжавшими длинный цеп. Удар – и осколки дробленой черепицы брызнули Горихвосту в нос. Сжавшийся ком черных мускулов, прыжок – будто шелкнула выстрелившая пружина – и лапы волка опрокинули человека. Курдюм покатился по склону крыши, не удержался на краю, и рухнул вниз, как мешок сырой муки. Хлопок, облачко взметнувшейся пыли, глухие стоны и жалкие причитания – мягкая посадка, приземление прошло успешно.

Цепляясь когтями за черепицу, Горихвост съехал к краю,

перескочил на ровную крышу сеней, юркнул к крыльцу, и по ступенькам, со всеми удобствами, спустился на двор. Курдюм валялся перед распахнутой дверцей курятника и горестно охал. Мимо него носились переполошенные куры. Возмущенный петух с огненным черно-красным опереньем гонялся за ними, пытаясь навести порядок.

Вурдалак опрокинул навзничь попытавшегося подняться толстяка, придавил лапами к драной рогоже, расстеленной перед курятником, и показал ему клыки.

– Ой, не рви меня! Я сдаюсь! – истошно взвопил мельник. – Ради богов всего света, не убивай!

– Боги тебе не помогут! – оскаливаясь еще больше, рыкнул Горихвост.

– Я сделаю все, что захочешь! Стану твоим верным другом. Буду служить тебе не за страх, а за совесть. Только не убивай!

– Видали мы таких друзей, – осклабился Горихвост.

– Моя мельница – в твоей полной власти, – завыл Курдюм, жмурясь. – Живи, сколько хочешь. Я знаю: тебе нужно прятаться от людей, иначе с тебя шкуру спустят. У меня будешь, как в кладовой у Ярилы – сюда посторонние не суются. Тебя никто тут не побеспокоит. Свожу тебя в баньку, попарю как следует, а после накормлю и напою от души. Угощу белыми калачами – таких даже в городе не сыскать, у меня одного хлеб из белой муки.

– Хлеб из белой муки? – осел назад Горихвост. – Это мне в

самый раз. Это именно то, что мне нужно. Ладно, если услышишь – помилую. Для начала отцепи болотника от колеса. А то слышишь, как он голосит? До сих пор бултыхается. За что ты его так?

Сеть из тонкой пеньки слетела с железного крюка. Колоброд ударил о речную рябь хвостом, высунул из воды мокрую гриву и с жаром выкрикнул:

– Я тебе это припомню!

– Проваливай! – напутствовал его мельник.

Болотник нетерпеливо ухнул и скрылся в воде. Горихвост проводил глазами его гибкую зеленую фигуру, которая извивалась на фоне неглубокого речного дна. Несколько ловких маневров – и Колоброд выплыл в устье маленькой Змейки, впадающей в полноводную Шерну.

– Он не станет мне мстить? – с беспокойством спросил Курдюм.

– Только если сунешься в его владения. Они за Шерной, в заболоченной низине, – ответил Горихвост, уже успевший сбросить с себя волчью шкуру.

– Туда только самоубийца полезет, – с дрожью в голосе пролепетал толстяк.

– А нападать на вурдалака кому взбредет в голову? Ты что, бессмертный? Или в герои решил записаться?

– Это я со страху, – признался мельник. – В ближнем омуте завелась водяница. Вредит мне каждый день. То катается на колесе, то сети рвет, то моченую коноплю раскидает. Жи-

тья от нее не стало. Уж и не знаю, как от нее избавиться. Я как увидел болотника с волком – ну, думаю, нечисть гуляет! И все на мою бедную голову. Если я их не порешу, то совсем меня со свету сживут. Вот и кинулся, сломя голову, а у самого душа в пятках.

«Как давно я не ел свежего хлеба! В Диком лесу хлеб не пекут. А оборотню-вурдалаку без него не обойтись: хлеб – еда исключительно человеческая. Без него можно вконец одичать, и тогда к людям возврата уже не будет».

Горихвост с удовольствием вдохнул запах теплой поджаристой корочки из целой корзины, что мельник, не скупясь, выставил на широкий стол в горнице. Курдюм хозяйничал основательно, не торопясь.

– А хозяйка-то у тебя есть? – осведомился Горихвост.

– Была, – вздохнул тяжело Курдюм. – Да в прошлом году померла.

– Соболезную. А что с ней случилось?

– Утопла. Не зря говорят: водяной с каждой мельницы дань возьмет.

– Так нет в этих краях водяного, кроме болотника.

– Зато водяница имеется!

Мельник склонился над его ухом и с жаром зашептал:

– Уж ты, Горислав Тихомирович, уважь меня, помоги, ради всего святого!

– Ого! Ты, я вижу, еще не забыл, как меня по-человечьи

звать.

– В деревне и батюшку твоего помнят, и деда, царствие им обоим небесное. На тебя одного вся надежда. Только ты и в лесу живешь, с нечистью знаешься, и на селе бываешь. Помоги мне вывести водяницу из омута, иначе она и меня приберет. Чует сердце: не успокоится водная девка, пока меня не утопит.

– Боюсь, не у того ты просишь помощи, – сочувственно проговорил Горихвост. – Я водянице не приятель, как с ней сладить – не ведаю.

– Зато ты с Лесным царем знаком, – продолжал горячо шептать мельник. – Лесной царь над всей нечистой силой владыка. Попроси у него совета – может, он что подскажет?

– Лесной царь нам – как отец, – согласился Горихвост. – Случись какая беда – все к нему идем челом бить. Ни одному из лесной братии он не откажет, всех примет и ласково выслушает. Если бы боги все еще жили на небе – то и среди них не нашлось бы такого правдивого государя.

– Ну а мне к нему ходу нет, – горестно всплеснул пухлыми ладошками Курдюм. – Наша деревня под великим князем, а не под лесным государем. Не откажи, Горислав Тихомирович, заступись за меня. А я тебе такую знатную баньку истоплю, какой ты отродясь не видал! И одежду тебе подарю побогаче: будешь ходить, как жених на свадьбе. Только спаси, умоляю! Сживет меня со свету водяница, как пить дать, сживет!

Какое это наслаждение – пожить немного по-человечески! Горихвост уже сто лет не был в бане. В его волчьем логове только каменный очаг в углу – тут не до чистоты. А на мельнице и банька в отдельном срубе, и парная с вениками и нагретыми полками. Вот что значит: людское житье.

Вурдалак невольно задержался на пороге тесного и темного сруба, прокуренного еловым дымом.

– Смелее, не сварись! – подбодрил его мельник.

Горихвост вжал голову в плечи и неуверенно переступил через порог.

– Ох, и отвык же я от людского жилья! – пожаловался он. – В лесу – воля, беги куда хочешь, а вместо крыши – небо над головой. А здесь все такое тесное, как в ловушке. Потолок того и гляди плечи придавит.

– Мой потолок сам боится, что ты снесешь его своей лохматой башкой, – рассмеялся Курдюм. – Вон как вымахал, жердь лесная! Сколько в тебе росту? Небось, три аршина?

– Куда там? От силы два с половиной, – ответил Горихвост, опасливо пригибая голову.

– А кажешься выше. Видать, от того, что совсем отошал. Вона, кожа да кости, и укусить не за что. Ничего, я тебя от души угощу – на моих харчах быстро отъешься. Сейчас разведу жар, как в пекле, и все хвори-немочи из тебя мигом выйдут.

Курдюм раздул огонь в каменном очаге. Дым наполнил

тесную клеть, на бревенчатых стенах заплясали багровые отсветы пламени. Горихвост закашлялся, но мельник отодвинул дощечку, прикрывающую волоковое оконце, и дым устремился на улицу.

Ох, и хорошо же валяться на полке, когда тебя от души парят дубовым веником! Горячо, больно, но хорошо. С Горихвоста сошло семь потов. Курдюм то и дело окунал веник в ушат с пахучим травяным варом и обдавал раскаленные камни квасом.

– А что это у тебя на загривке? – приговаривал мельник, нещадно хлеща его спину. – Звериный пушок? Баня сделает из тебя человека!

– погоди! дай передохнуть, – взмолился Горихвост.

– А не желаешь ли пивка? – похохатывая, предложил Курдюм. – У меня свеженькое, только-только созрело.

Гость и глазом моргнуть не успел, как Курдюм приволок из амбара бочонок – такой же пузатый, как и его хозяин – и выбил пробку. Пенное пиво хлынуло в деревянные кружки. Мельник подал его на медном подносе, начищенном до зеркального блеска.

Горихвост припал к кружке. Холодная пена хлынула ему внутрь, и его разгоряченные кишки зашипели, как раскаленные камни, на которые льется вода. Глаза сами собой выпучились, в нос ударил запах легкой горчинки и дикого хмеля.

– Не халтурить! Ложись на живот! – по-хозяйски командовал Курдюм, держа над ним медный поднос с кружками. –

Сейчас еще три разочка пройдемся тебе вдоль спины, и станешь как новенький.

Горихвост и в самом деле чувствовал себя так, будто заново родился. Он осел в прохладном предбаннике, завернувшись в белую простыню, и размяк, отдыхая душой. Курдюм подал ему стопку чистой одежды. Горихвост сомкнул веки, его одолела лень, однако обновки были такими богатыми, что у него загорелись глаза. Он встряхнулся и натянул исподние порты из конопляного волокна. Поверх них – еще одни, но эти – льняные и крашенные в глубокую, будто морское дно, синеву. Рубаха, и снова льняная, с косым воротом, белая, на груди и спине – красный травный узор. Пояс из бычьей кожи с железной пряжкой. На плечи – вотола из толстой шерсти, какие носят все деревенские жители, но у Курдюма и она расшита травами, будто боярский наряд. И в довершение картины – сапоги, новенькие, на каблуках, один нарочно подогнан под правую ногу, другой под левую. И как раз Горихвосту впору.

– Давненько я такой чистой одежды не надевал, – блаженно щурясь, проговорил он.

– Пойдем вечерять. Солнце село, уж и укладываться пора, – позвал мельник.

Гостя успело разморить, пока Курдюм бродил по бесчисленным постройкам своего двора на берегу запруды. Наконец, хозяин вернулся с огромной бутылкой мутного самогона и с грохотом водрузил ее на стол. Зеленый глаз Горихвоста

сверкнул дьявольским пламенем.

Самогоночка! Как давно я тебя не пробовал! В Диком лесу кто ж меня угостит? Эх, Курдюм, широкой души человек!

Волшебный напиток оказался настоян на перечной мяте и листьях смородины. Хозяин налил, не скупясь, медную чарку с рельефными львиными головами на выпуклых боках. Горячий глоток скатился по горлу в желудок, устроив пожар. Тушить пожар Курдюм предложил малосольными огурцами, щедрыми ломтями копченого сала и жареной на вертеле оленьиной.

Горихвост смаковал пахучее сало и мысленно сравнивал его с лесной зайчатинной, которую он варил в котле в своей дикой землянке. Зайчатина – лучшее, что он мог добыть на природе, вся остальная еда была гораздо скуднее. Нет, все же нельзя не признать: деревенская жизнь сильно выигрывает по сравнению с лесной.

А хозяин уже наливал по второй. Они звонко чокнулись краями чарок – за здоровье хозяина, за доброго гостя, за Лесного царя, за то, чтобы люди и нечисть не воротили нос друг от дружки, за все хорошее, что есть на белом свете, и, наконец, за вечную и нерушимую дружбу. Языки развязались, и пошла болтовня обо всем, что на ум взбредет.

– Никогда б не подумал, что покорешусь с вурдалаком, – шелестел мельник, обнимая бутылку, как подружку. – Любопытство меня распирает, да стесняюсь спросить. Вот, к примеру, касаемо женского полу. Тебя на кого больше тянет: на

баб, али, может быть, на волчиц?

– Дурак! – рявкнул сгоряча Горихвост.

– Чего сразу: дурак? – обиделся мельник. – Я же со всей душой. Не могу видеть, как ты томишься один-одинешенек. Кто же еще пособит, как не верный дружок? Хочешь, подыщем тебе ладную сучку? Такую, с которой забудешь обо всех печалях.

– Вот себе ее и оставь. Я тоже в дружбе толк понимаю. Не стану у приятеля любовницу уводить.

– Ты только шепни мне, Горюня! – не слушая, придвинулся к нему Курдюм. – У нас на селе и бабы, и суки – все, чего только душа пожелает. Вот про конюха, допустим, болтают, будто он до кобыл сильно охоч. И по ночам, когда никого рядом нет, он лезет к кобыле в стойло, подставляет сзади стремянку, и...

– Заткнись! Не хочу дальше слушать! – мотнул головой Горихвост.

– Как знаешь, дело хозяйское. Просто имей в виду: чего бы ни захотел – все можно устроить, – доверительно шепнул мельник. – А на меч твой взглянуть можно?

Гость выудил Душебор из сумы, с которой не расставался даже в сильном подпитии. Темно-зеленый самоцвет, вделанный в рукоять, заиграл в отблесках масляной лампы.

– Неужто и впрямь колдовской? – изумился Курдюм. – Из могильника на Змеиной горе?

– Он самый, – заверил его вурдалак.

– Чудеса! – всплеснул руками хозяин. – А чего ж ты его в ход не пускаешь?

– Что ты! Меня родные односельчане и так за человека не принимают. А если я сгоряча кого-то прирежу? Тогда мне среди людей вовсе не жить. Я даже не достаю его, чтобы в соблазн не впасть.

Горихвост потерял чаркам счет. В конце концов, выпитое начало проситься наружу, и Курдюм выпустил его на двор. Синие сумерки сменили прозрачный вечер. Небо затянуло тучами, сквозь которые проглядывал серебряный рубль луны. Не заботясь о хозяйском имуществе, Горихвост пустил струйку на гладкие булыжники, которыми были вымощены дорожки между мельницей, амбаром и хлевом. Ясный месяц заливал двор умопомрачительным светом, и по старой привычке захотелось повыть.

Горихвост натянул порты, кое-как застегнул пряжку ремня – почему-то она никак не хотела застегиваться, хотя дело вроде нехитрое – и в полный голос затянул песню дикой печали.

«У-у-у! Е-э-э!» – разнеслось над окрестностями, залитыми призрачными лучами. Курдюм мячиком скатился по ступенькам крыльца, схватил его подмышки и потащил в дом.

– Замолчи, ради всего святого! – горячо зашептал он. – В деревне не знают, что ты у меня. Услышат – придут по твою душу с вилами и топорами, тогда нам обоим несдобровать.

– Пусть приходят! – заплетающимся языком гаркнул Го-

рихвост. – Я их на кусочки порву! А после в муку смело на твоих жерновах. Ты мне поможешь?

– Помогу-помогу, – бормотал Курдюм, затаскивая его на крыльцо. – Только сейчас отдохни. День был тяжким. Ляг на лавку и спи. Я тебе постелю.

– Спать? В такую душевную ночь? Ты рехнулся! – едва ворочал языком Горихвост. – Пошли в деревню, к бабам и мужикам. Повеселимся, песенки попоем!

– Вот они спустят на тебя псов – тогда и повеселишься, – бормотал Курдюм, пытаясь запихнуть его в низкий дверной проем. – А как привяжут к столбу и костер разведут под хвостом – так и песенки запоешь.

– Да ладно тебе сгущать! – радостно заревел Горихвост, расставляя в стороны руки и цепляясь за дверные косяки. – Мы с деревенскими – дружки не разлей вода. Они полюбят меня, вот увидишь.

– Мертвого мож и полюбят, а живого – уж очень я сомневаюсь.

– Полюбят, коли увидят, на что я способен! – гомонил Горихвост, отказываясь пролезать в дверь. – Вот сделаю ради них что-то такое... что-то большое... что они сразу охнут и все поймут...

– Глупость большую ты сделаешь...

– Нет, не глупость! А подвиг! Да, подвиг! Если б ты только знал, друг мой Курдюм, на какие подвиги я способен!

– Уж в этом я не сомневаюсь. В сильном подпитии ты и

на подвиг способен, и на любую другую дурь. Сначала про-
спись, а после решишь, как дальше быть.

– Я уже решил! – заявил Горихвост. – Иду на деревню,
немедля! Дела у меня там кой-какие...

Он вырвался из цепких объятий Курдюма и выкатился в
распахнутые ворота на поле, залитое лунным сиянием.

Глава 2. Призрак

14 вересня

Если б вы знали, как тяжела жизнь вурдалака в первобытном лесу! Тогда не смеялись бы над Горихвостом, который брел, сильно пошатываясь, в сторону Грязной Хмари. Путь его лежал через Девичье поле, медовые травы на котором уже были скошены. Справа, у берега тихой Шерны, высились грозные истуканы Ветхого капища. В темных провалах между ними сверкали загадочные огоньки, как будто какой-то тайный идолопоклонник и теперь устраивал ночные гулянки в честь богов, давно покинувших этот мир. Слева мычала скотина на господской усадьбе, где отдыхал новый князь, присланный на нашу голову из столицы. Вот чего не жилось ему в своих городских теремах, в надежной кремлёвой крепости, среди бояр и прислуги? Какой черт понес его на край света, к Дикому лесу, где гуляет нечистая сила?

Деревенские избы пускали в небеса струйки дыма, которые тянулись ввысь и смешивались с темными облаками. За ними мелькали светильники в стрельницах Сторожевой башни, что стояла у кромки леса и охраняла покой людей. Там теперь жил воевода Видоша, новый хозяин села – еще один начальник, леший побрал бы их всех. От Сторожевой

башни до одинокой избы Дедослава тянулось широкое конопляное поле – еще не убранное. Толстые стебли конопли тянулись на полтора человеческих роста и были похожи то ли на лес, то ли на хитрый лабиринт, в котором легко затеряться и забыть, кем ты был, пока не вошел сюда.

Но настоящий лес вставал темной громадой еще дальше – к югу, за селом. Вот где угнездилась нечисть! Гориховост знал это лучше всех – лес давно стал его домом. Мельница Курдюма стояла от него далеко, на берегу мелкой Змейки, что тихо журчала, впадая в Шерну. Подданные Лесного царя редко забирались в такую даль, особенно после того, как владыка людей заключил с царем ряд – не соваться друг к другу. Никому и в голову не придет, что на мельнице прячется вурдалак.

Но сейчас ноги сами несли Горихвоста к деревне, на отшибе которой темнела изба его деда. Он нарочно не стал прятаться в коноплянике, густой стеной окружавшем село. Вместо этого он попер напролом, выбрав тропу между деревней и господской усадьбой. Через околицу он перемахнул, не доходя до Сторожевой башни, и во весь рост, не скрываясь, двинулся по главной улице, освещенной в этот ночной час одним только месяцем, робко выглядывающим из-за туч. Сонные псы мигом повскакали и принялись рваться с цепей, заливаясь испуганным лаем.

В приземистой избушке кузнеца Валуя глухо стукнула заслонка, которой загораживали волоковое оконце. В темном

проеме прорубленных бревен мелькнули чьи-то перепуганные глаза – кажется, это любопытный подмастерье Шумило осмелился высунуть нос. Горихвост лихо рывкнул на него, физиономия тут же исчезла, заслонка со скрежетом встала на место.

– Сидите, не рыпайтесь у меня! – прорычал вурдалак. – Думаете, я вас боюсь? Нет, господа хорошие! Это вы должны меня бояться! Я, волчище, явился из Дикого леса по ваши души! Что, затряслись поджилки? И правильно! Я свирепый и страшный! У-у-у!

Протяжный вой разнесся под темными тучами, едва подсвеченными серебристым сиянием. Цепная собака Валуя заткнулась, жалобно заскулила и спрятала хвост в глубине коныры.

Главную площадь Горихвост почуял загодя – от нее несло запахом гнилых помоев. На этот раз он осторожно обошел стороной Поганую лужу, стараясь не угодить в вязкую топь. Ладный дом старосты прятался за высоким забором из тесаных бревен. Труба белой печи коптила небо прозрачным дымком, щекоча ноздри теплым запахом дров. Большая семья Воропая еще не ложилась – на дворе кто-то тискал гармошку, извлекая из нее сиплые звуки. Бабский голосок жалостливо пел про нелегкую женскую долю.

– Эй, Воропай, а ну, вылезай! – заорал Горихвост, подпрыгивая и хватаясь за острые верхушки бревен.

– Кто там? Чего надоть? – ответил дрожащий, с хрипотцой

голос старосты.

– А чего, просто так нельзя в гости зайти? – загоготал вурдалак. – Может, я подружиться хочу?

– Проваливай подобру-поздорову! – ответил дрожащий голос. – Лесные страшилища нам не друзья!

– Ах, я страшилище? – хмель ударил Горихвосту в голову, зеленые глаза полыхнули звериными огоньками. – Тогда отвечай, тать, отчего у твоего забора следами убийцы воняет?

– Какими еще следами? – осмелел Воропай, на помощь которому из избы выбежали сыновья и зятья.

– Коноплей так и разит! – гремел Горихвост.

– Так ведь у нас всюду тут конопля, – растерялся мужичок. – Мы и дерюгу из нее делаем, и пеньку плетем. Я на ужин конопляную кашу ел и конопляным маслом ее приправлял.

– Это не та конопля! – обличительным тоном взвопил Горихвост. – Тут жженым семенем пахнет.

– Кому придет в голову жечь конопляное семя? Что за дурь? – подал голос мужик.

– А под моим дедом жгли! – рассвирепел вурдалак и начал тяжело переваливаться через забор.

Однако остро заточенные верхушки бревен чиркнули его по животу, словно предупреждая об опасности. Сума с волчьей длакой, переброшенная через плечо, зацепилась и не пускала вперед. Горихвост попытался ее распутать, но руки спяну не слушались и вытворяли что-то не то.

– А ну, сгинь отсюда, нечистый! – тонким голосом заверещал Воропай и хлестнул его кожаным пояском. – Пшел вон с моего двора!

Горихвост вцепился в порванный ремешок и дернул его на себя. Староста испуганно выпустил пояс из рук, схватил с лавки гармошку и изо всех сил запустил ее в Горихвоста. Тяжелая гармонь ударила того по голове, отчего он покачнулся и рухнул с забора обратно на площадь. Рванный пояс остался в его кулаке.

– Лихо-марево, так ты драться? – рассерженно выкрикнул Горихвост. – Ну, погоди у меня! Я за тобой вернусь! И гармошку твою забираю. Она, чай, дорогая. На всей деревне только у старосты такая и есть.

Он поднял гармонь из травы, усеянной козьим горохом, и растянул меха. Инструмент жалобно пискнул и выдохнул горестный стон. Горихвост прошелся крючковатыми пальцами по кнопкам и двинулся вдоль по улице, во весь голос распевая:

По деревне шастает пьяный вурдалак.
Раздирает заживо мужиков и баб.
Ты не бойся, миленький! Подходи, дружок!
Прямо мне на зубки. Становись в кружок!

Гармонь при этом издавала ужасную трескотню, от которой, казалось, последние листья облетали с деревьев.

– Эх, что-то мне не играется! – пожаловался Горихвост яблоньке, свесившейся из-за забора. – А ведь я в детстве умел. Может, настроения нет?

И он двинулся к краю села, голося и рыча на перепуганную деревенщину, боязливо выглядывающую из окон.

Одинокая изба колдуна виднелась на отшибе, на лысом холме, хребет которого возвышался над конопляным полем. Мертвый Дедослав лежал на широкой лавке у дальней стены. Догорающий свечной огарок торчал поверх сложенных на груди ладоней. Его пламя отбрасывало пляшущую тень на неподвижное лицо, как будто натертое воском. В горнице, уже прибранной после убийственного беспорядка, было пустынно. Скрип половиц резал слух среди ночной тишины.

Горихвост подошел к деду и тихонько погладил его ладони. Пламя свечи колыхнулось, ребристая тень на стене подскочила, как человек, превращающийся в неведомого зверя. Пришелец смущенно отвернулся, чтобы не дышать на мертвого водочным перегаром. Ему стало неловко за то, что он явился к покойнику пьяным.

Навалившись, он столкнул с места старинный сундук, стоящий в углу. Скрежет и грохот ударили в уши, вспугнув ворону, упорхнувшую с чердака. Под сундуком обнаружилась деревянная крышка лаза с железным кольцом. Там, в земляном подвале, скрывался погреб, в глубинах которого был устроен ледник. Кучи снега в углах не таяли даже в разгар лета – Горихвост еще помнил, что дед хранил там свежее мя-

со и молоко.

Он распахнул крышку погреба и стащил тело Дедослава на лед.

– Полежи пока тут, – бормотал Горихвост, засыпая мертвеца снегом и ледяным крошевом. – Одни боги знают, когда этим олухам придет в голову сложить тебе краду. Если их не надоумить, то могут и не догадаться. Я бы сам сделал, как ты учил меня в детстве. Но кто мне позволит?

Стылая влага подпола пробирала до костей. Горихвост быстро озяб и поспешил выбраться наружу. За стенами горницы завывал ночной ветер, но тут было заметно теплее. Лестница на чердак обветшала настолько, что деревянные ступени под ногами грозили в любой миг обломиться. Он вскарабкался под наклонные своды крыши и принялся шарить ладонями по сторонам.

Если бы не острое зрение, которым наградил его лес, то в этой кромешной тьме трудно было бы что-то разглядеть. Пришлось зажечь факел, обмотанный тряпкой и смоченный в горючей смоле.

На чердаке никто и не думал убираться – тут все оставалось перевернуто вверх дном, как будто неизвестный злодей отчаянно что-то искал. Старинный поставец валялся на боку, беспомощно задрав пару сломанных ножек, а ветхий сундук разевал крышку-пасть, будто голодный зверь, вознамерившийся заглотить добычу. Даже пауки не шевелились в порванной паутине, ошметки которой густыми нитями сви-

сали с потолка.

– Куда ты мог спрятать ведовскую книгу? – бормотал Горихвост, тыча факелом в зияющее нутро сундука. – Ты один ведал, чего она стоит...

За чердачным оконцем сиял тихий месяц. Деревня вдали затаилась, створки ставень сжимались, как стиснутые зубы, в окнах – ни огонька.

– Рыться поздно – здесь все до меня перерыли! – заключил вурдалак и спустился на лестницу.

Однако хмель еще не успел выветриться из его головы. Он неловко качнулся, и шаткая ступень под его сапогом проломилась. Горихвост сорвался и с грохотом обрушился на дощатый пол. Переметная сума, с которой он не расставался, свалилась с плеча. Испугавшись, он принялся судорожно шарить рукой по углам, и в этот миг ему на загривок обрушился удар тяжелой дубины.

– Вот тебе, бесов злыдень! – заверещал скрипучий голос старосты Воропая. – Зачем сунулся к людям? Сиди в лесу, среди нечисти – там тебе место!

– Лихо-мареву! Что ж меня все бьют и бьют? – замычал Горихвост, поднимаясь на колени. – Что я такого вам сделал?

– Старого барина кто изодрал? Кто режет скотину? Кто детишек пугает?

– Снова мне этот барин! Я его едва знал. А скотину пастух стеречь должен – нечего на меня свою вину переваливать. И детишек вы сами пугаете: веди себя хорошо, не то придет

вурдалак из лесу и заберет. А зачем мне чужие дети? У меня что, своих забот мало, чтобы еще ваших оглоедов себе на шею вешать?

– Да от тебя разит, как из бочки! – не унимался староста. – Как же ты не поймешь: не нужны людям пьяные вурдалаки! А чтоб до тебя побыстрее дошло, вот тебе еще разок!

И он снова огрел Горихвоста дубиной. Вурдалак зарычал от злости и яростно выкрикнул:

– Больно ты смелый, когда дубина в руках! А вот я накинута звериную шкуру и рявкну как следует – посмотрим, как ты тогда запоешь.

Однако Воропай был мужик не промах: он резво прыгнул и отсек Горихвоста от угла, в который залетела сума с волчьей длакой.

– Зачем ты вообще приперся? – выкрикнул Горихвост. – Это моя изба. Я должен ее унаследовать!

– Как бы не так! – возразил Воропай, размахивая перед его носом дубиной. – Ты подданный лесного царя, а наше село под великим князем. У нас мир людей, у тебя царство нечисти. Брось царя, отрекись от поганого леса – тогда и получишь право на жизнь середь людей.

– Как ты смеешь? – зашелся от ярости Горихвост. – Я ради Царя всех на ключья порву!

И он рванулся на старосту, не думая о защите. Воропай успел засадить ему дубиной в грудь, но Горихвост не обратил внимания на боль-ломоту. Ладонями он вцепился старосте

в горло, повалил его на пол и принялся душить. Воропай отчаянно вырывался и пытался вывернуться. Оба покатались по обгорелым доскам, изо всех сил валтузя друг друга.

Староста едва мог отдышаться и на последнем дыхании хрипел:

– Зря стараешься! Не жить тебе среди людей!

– Не тебе решать! – злобно отвечал Горихвост, прижимая его к остаткам кострища.

– Кому, как не мне? Я староста! Я за весь мир в ответе.

– Есть и над тобой начальство.

– Кто же?

– Хоть боярин, а хоть и великий князь.

– Попадись только им в руки – они не станут волынить, как я. Мигом отправят тебя на тот свет!

Воропай наконец извернулся, сбросил с себя Горихвоста и отцепил его руки от горла. Вурдалак так низко склонялся над старостой, что рыжеватые волоски мужицкой бороды забились ему в рот, и теперь он с отвращением отплевывался.

– Говори, кто убил моего деда! – велел Горихвост. – Не то разорву, и пусть будет, что будет!

Воропай оттолкнул его и отскочил к двери, но распахивать ее не стал, а задержался перед порогом.

– Убивца мы и сами пока не нашли, – сипло выдавил он из себя. – Князь поручил розыск воеводе Видоше и своему сторожу Нежате, но они меж собой не ладят и все время лаются. Однако кой до чего они доискались. Дед твой висел

на дыбе, руки вывернуты, запястья связаны пояском. Нежата дознался, что тот поясок принадлежал Лутохе, деревенскому дурачку. Лутоха весь вечер сидел в кабаке и играл с нами в шахматы. Обыграл всех в пух и прах, а у меня выиграл серебряную копейку, что я берег на обновки внукам. Копейка была приметной, с обгрызенными краями и щербинкой по верх копыеносца. Так вот, эту копейку я видел во рту у козла, которого зарезали над Дедославом. Я прибрал ее. Вот она, смотри сам!

И Воропай протянул Горихвосту маленькую серебряную монетку. Горихвост осторожно забрал ее, стараясь не коснуться грубых мужичьих пальцев, почерневших от вьевшейся земли. Воропай тут же отдернул ладонь, будто боясь, что вурдалак ее сцапает.

Монетка и в самом деле казалась убогой – битой, кривой и щербатой. Края ее были срезаны, отчего она приобрела форму не кружочка, а семечки. Поверх всадника, разящего змея копьём, виднелась глубокая вмятина, как будто ее кусал медведь.

– Это она? – с недоверием спросил Горихвост.

– Она и есть, – подтвердил Воропай.

– А где сам Лутоха?

– С прошлой ночи никто его не видал. Целый день искали. Похоже, в бега ударился. Кто бы мог подумать, что этот нищий юродивый способен на такое злодейство!

Внезапно ушки Горихвоста наострились. Он услышал на

крыльце смутные шорохи, не похожие на порывы ночного ветра.

– Ты что, не один? – с подозрением спросил он.

– Когда пришел сюда – был один, – отозвался Воропай. – Но ты такой бедлам поднял, что все село всполошилось.

– Эй, волчище! Не трожь старосту, иначе шкуру спущу! – послышался с крыльца знакомый, с хрипотцой голос княжеского дружинника.

– Это кто кого трогает? – рявкнул в ответ Горихвост. – Видел бы ты его дубину!

– Отпусти его! – не унимался Нежата.

Рядом с дружинником шушукались сыновья Воропая. Громче всех слышался голос старшего, Головача. Кто-то растянул порванную гармошку, брошенную на дороге – она тоскливо пожаловалась на судьбу.

– Нежата, посторонись! – запыхтел на крыльце голос розовощекого княжича. – Дай мне сразиться с волчком!

– Не время храбриться, Святополк Всеволодич, – попытался унять юношу опытный воин. – Этот зверь может старосту изодрать, а уж тебя и подавно. Князь мне этого век не простит.

– Я его сам задеру! – пискнул юноша. – Вон у меня какой меч!

Горихвост от души расхохотался и сквозь закрытую дверь закричал:

– Нежата,пусти его ко мне! Мы по-приятельски потолку-

ем. Может, княжич научит меня уму-разуму? Мы в лесу звери темные, неученые...

– Не шути так! – горячо зашептал Воропай. – Скоро все село соберется, как бы клеть не подпалили. Тогда нам обоим живыми не выйти.

– Как бы рад был убийца, если б избу вместе с нами спалили, – ощерился вурдалак. – Нет покойника, нет следов пытки, нет свидетельств. И последний родич больше не отомстит. Только я ему такой радости не доставлю.

– Эй, волчище, сдавайся! – неуверенно крикнул с крыльца воевода Видоша. – Мы избу окружили, тебе некуда деться!

Горихвост кинулся к волоковому оконцу и со скрипом выдернул из узкого проема деревянную доску-заслонку. На дворе, залитом лунным светом, мелькали призрачные тени. Силуэты людей с косами и цепями в руках сновали меж овином и хлевом. Из-за гряды колотых дров, аккуратно уложенных вдоль забора, выглядывала остроконечная шапка бортника Пятуни. За ломаной телегой блекло сверкнула лысина печника Жихаря.

– Не уйти тебе! – зашептал за спиной Воропай. Его рыжая с проседью борода затряслась, как в лихорадке. – Давай выйдем по-доброму, тогда, может, тебя и помилуют.

– Помилуют, как же! – желтый клык вурдалака блеснул в лунном свете. – Моего батюшку с матушкой так помиловали, что костей не осталось. А теперь вот и дед на леднике остывает. Видно, тоже помилованный.

– Так не мы это! – карие, глубоко посаженные глаза Воропая забегали по сторонам. – Владыкой Родом клянусь, это не наших рук дело.

– Чьих тогда?

– Лутошкиных! Все улики на него указуют.

– Зачем Лутохе убивать старого колдуна? Да еще мучать его перед смертью?

– Так ведь черная книга пропала. Мы весь дом обыскали – ничего не нашли. Этот хитрюга не такой дурачок, каким кажется – даром что в шахматы всех обыграл. Он себе на уме. То и дело заводит разговор об ушедших богах. Врет, будто они вернутся, и устроят над всеми ужасный суд. Каждого спросят, кто как вел себя, пока их не было, и каждому воздадут по заслугам. Он и требы им ставил, и в старых книгах копался – все надеялся вызнать, как их обратно позвать. Один шут знает, что ему взбредет в голову. А в черной книге – всякое колдовство. Как звать бесов из преисподней и прочая лихомань. Дед твой ее никому не давал, и даже взглянуть на нее не позволял. Говорил, будто Лесной царь ему эту книгу на сохранение отдал, и случись что – с него будет спрос. Вот Лутоха и мог глаз на нее положить, чтобы наколдовать невесть что.

– Если виновен Лутоха, то я вытрясу из него правду, даже если он у черта на рогах схоронится. Однако просто так я уйти не могу, – возразил Горихвост. – Мне улики нужны! Копейку ты мне уже отдал. Теперь пояс найти бы.

– Он давно у тебя! – бегающие глазки Воропая остановились и выпучились.

– Как так? Что ты мелешь?

– Ты его у меня из рук выдернул, когда на заборе висел. Я тебя им хлестнул.

Горихвост огляделся по сторонам. Его переметная сума валялась на куче соломы в углу, между сундуком и грубым деревянным чурбаном. Неприглядный, потрепанный поясок торчал из нее, как змеиный хоботок.

Горихвост хлопнул себя по лбу и расхохотался:

– Ох, и растяпа же я! Сам его сунул в сумку. Хмель в голове еще бродит, ум за разум зашел. Это, выходит, он самый?

– Как есть он! – истово затряс головой Воропай.

Приземистую дверь, сбитую из толстых досок, сотряс глухой удар.

– Двери выламывают, – сделал вывод староста. – Сейчас горницу на копье возьмут. Боюсь, в драке забудут, где свои, где чужие.

– А ты не бойсь, – похлопал его по плечу вурдалак. – Кто боится, тот в женихи не годится.

Он бережно сложил поясок и сунул за пазуху. Дверь опять затряслась от удара. Деревянный засов, на который она была заперта, дрогнул и треснул.

– Быть беде! – закрыл лицо ладонями Воропай.

Горихвост вытряхнул из сумы волчью шкуру, лоснящуюся позолотой от тусклых отблесков светоча, брошенного на

полу. Резкий скачок, кувырок в воздухе – и вот он уже стоит на четырех лапах и помахивает хвостом, скаля зубы в звериной ухмылке.

– Беги! – охнул староста, забиваясь в угол и становясь на колени.

Горихвост ринулся на чердак, пробежал меж перевернутых поставцов и выскочил в узенькое окошко на крышу. Лапы его заскользили по деревянной черепице, он съехал к краю, сорвался и полетел вниз, но тут же наткнулся на новую крышу – сени, что ровно стелилась чуть ниже. Переживать было некогда, и он помчался вперед.

– Эй, а кто это там, наверху? – раздался растерянный голос Видоши.

Не обращая внимания на людей, суесящихся на дворе, Горихвост прыгнул с сени на крыльцо, юркнул вниз по ступеням и выскочил со двора. Прямо перед ним расстиралось бескрайнее конопляное поле. Верхушки зеленых стеблей колыхались в лучах серебристого месяца, отчего казались бескрайним морем, залитым серебром.

– Уходит! Лови его! – судорожно завопил за спиной Нежата.

Горихвост хохотнул по-звериному, капнул липкой слюной на межу и нырнул в это колышущееся зеленое море. Развесистые листья сомкнулись над его головой и скрыли от глаз преследователей.

– Все за ним! Не дайте ему уйти! – голосил воевода.

Но искать одинокого волка в этом сумрачном поле – все равно что руками ловить рыбу в море. Вурдалак прижал уши и легонечко затрусил прочь – в самую чашу сумрачного конопляника.

Вдали Дикий лес угрюмо чернел на фоне едва проглядывающих звезд. С ветки дуба сорвался ворон, сделал над конопляником круг и зловеще заграял.

– Ворон! Лес! – мелькнуло в голове Горихвоста. – Туда деревенщина носа не сунет. Добегу до опушки – отстанут.

Однако преследователи не унимались. На шум и крики и впрямь собралось все село. Кузнец Валуй с молотком в руках, подмастерье Шумило с клещами, страдник Головач с вилами, бортник Пятуня с веревкой лезли в высокие заросли и перекликались громкими, хоть и дрожащими голосами. Даже толстый печник Жихарь понес свое брюхо в темень, размахивая кочергой и срубая с зеленых ростков конопли раскидистые листья.

– Становись цепью! – командовал Воропай. – Сейчас весь конопляник прочешем, как гребнем!

Верхушки конопляных стеблей заколыхались, показывая, что цепь загонщиков двинулась в чашу. Горихвост ухмыльнулся, оскалив зубы, и радостно рыкнул: мол, только дойдите до владений Лесного царя – там вас встретят, как дорогих гостей... Ему пришло на ум нарочно заманить в лес это глупое мужичье, а уж там оборотень Деряба, леший Распут и русалка Шипуня до того будут рады развлечься, что хоть празд-

ник закатывай. И в довершение пира – милый бес Вахлак с его кривыми, как дубовые сучья, лапами, острыми когтями и непробиваемой шкурой, поросшей колючей щетиной.

Горихвост игриво вильнул хвостом и зашебуршался в листве.

– Ребята, кажись, зверюга передо мной! – дрогнул голос Жихаря.

Загонщики сбились в кучу и осторожно полезли сквозь заросли. Вурдалак затрусил к лесу, стараясь не убежать слишком быстро, чтобы растерянное мужичье не потерялось. И вдруг ворон над его головой резко снизился, заложил острый вираж и тревожно выдавил из себя хриплый окрик.

Горихвост остановился, как вкопанный. На тонкой веточке конопля, среди длинных и острых листьев, болтался обрывок белой тряпки. Он колыхался под порывами ночного ветра, и кончик его то попадал под серебряный лучик луны, то уносился обратно в тень. Такие же тряпки были развешаны справа и слева: даже волчий глаз едва различал их в ночной темноте.

Ловушка! Вот оно, коварство людей. Не зря говорят, что нет зверя страшнее, чем человек. Куда ни сунет он свои руки, везде расставляет орудия для убийства.

Волк прижал уши и осторожно начал отступать обратно. Но сзади уже доносились возбужденные голоса загонщиков.

– Сбавьте шаг! Иначе свалитесь в волчью яму! – прогремел бас Нежаты.

«Волчья яма! Вот, значит, что вы мне приготовили. Ах вы, грязное мужичье... Вы и ваши уловки – просто мерзкая пакость. Но я умнее, чем вы думаете, да и нюх у меня тоньше вашего!»

Горихвост обогнул участок поля, помеченный белыми тряпками, и осторожно продолжил путь в сторону леса. Волчья яма осталась у него за спиной.

Внезапно перед ним, всего в десяти шагах, заколыхались толстые стебли. Их верхушки качнулись, и острые листья склонились, как будто стараясь ужалить своими узкими клинками. Бредущего в зарослях не было видно, но он двигался прямо на Горихвоста.

Вурдалак осадил назад. «Это еще что за черт? Как тут мог оказаться загонщик? Ведь он появился с юга, со стороны леса!»

Горихвост хищно ощерился и приготовился прыгать. Брюхо припало к земле, хвост поджался, шерсть на загривке встопорщилась. «Кто бы ни был – опрокину его, а там выясним, что это за зверь!» Задние лапы чуть-чуть отступили назад, выискивая опору повернее.

И тут земля под ними разверзлась. Загрохотали перевернувшиеся деревянные жерди. Набросанные поверх жердей листья провалились, и лапы Горихвоста ухнули в зияющую пустоту. Передними лапами он попытался зацепиться за край открывшейся под ним ямы, но комья земли посыпались под когтями, и он кубарем покатился на дно ловушки,

пребольно ударившись хребтом о кол, торчащий посередине. Перед глазами поплыли темные пятна и заплясали серебристые звездочки, так что на несколько мгновений он перестал понимать, где настоящие небеса, а где искры в его голове.

– Ребята, кажись, волк угодил в нашу яму! – ликующим тоном взревел Нежата.

Хор деревенских загонщиков огласил ночь победоносным ревом.

– Смотрите, сами не провалитесь! – взвыл Воропай.

Сквозь заложенные уши Горихвоста донесся топот рваных сапог и измочаленных лаптей. Кусты сзади заколыхались, показывая, что загонщики стремительно приближаются. Первым вылетел к краю ямы Нежата. Он метнул наугад во тьму нож и заголосил:

– Сюды! Все сюды!

Нож вонзился в крутой склон у Горихвоста над ухом. Земля от удара просыпалась и обдала его морду тучей колючей пыли. Вурдалак рявкнул от неожиданности, но это лишь раззадорило преследователей, которые убедились, что он прячется в темноте. Селяне скопились у ямы и издевательски захохотали:

– Вот он, голубчик! Попался! Добьем эту тварь!

В Горихвоста полетели камни, дубины и жесткие комья глины. Он отшатнулся, но снова ударился о врытый в дно кол, верхушка которого была заострена, как копье. Вурдалак злобно ощерился и зарычал. Желтая пена брызнула из его

пасти в лица озверевших селян.

Кузнец швырнул в него молотком. Волк отскочил, но железный наконечник заехал ему по бедру, отчего задняя лапа чуть было не отнялась. Он попытался вскарабкаться к краю ямы, но склон слишком круто брал вверх. Горихвосту удалось лишь несколько раз подпрыгнуть, неловко подворачивая больную лапу. Подмастерье Шумило щелкнул клещами и вырвал клочок шерсти из его загривка. Вурдалак взвыл.

Нападающие перепугались и отшатнулись, но Нежата подбодрил их:

– Не робей! Тащи мой самострел! Сейчас я шкурку-то ему продырявлю!

«Дело плохо! – мелькнуло в голове Горихвоста. – От самострела тут некуда деться. Я как на расстреле. Этот старый пень вмиг меня ухайдокает!»

– Несу! – слышался голос конюха Коняя.

Нежата принял из его рук арбалет, упер приклад в брюхо и начал натягивать тетиву. Короткая и толстая стрела легла на деревянное ложе.

– Кончай его, супостата! – истошно вопили Жихарь с Пятуней.

И вдруг оба разом заткнулись. Верхушки конопляных стеблей с южной стороны зашумели и заколыхались. Судя по встряхнувшимся листьям, от леса двигалось какое-то тяжелое и сильное существо.

– Эй, ты кто? Человек али дух? – дрожащим голосом вы-

крикнул Воропай.

Натянутый арбалет застыл у Нежаты в руках. Пожилой воин раскрыл рот и уставился на противоположный край ямы. Жихарь опустил кочергу к стоптанному сапогу, а Шумило, напротив, поднял клещи к лицу, будто закрываясь от невидимой угрозы.

– Может, это кабан? – подал голос Валуй.

– Кабаны так себя не ведут, – озадаченно проговорил Нежата.

Верхушки стеблей опять колыхнулись, нагнав на сонное поле серебряную волну. В тусклых лунных лучах мелькнула черная тень, похожая на грузную человеческую фигуру в остроконечной шапке со свисающим колпаком.

– Призрак Старого барина! – становясь на колени, выдал из себя тощий, как жердь, Пятуня. – Явился за Горихвостом, чтоб отомстить за свое убиение!

– Свят-свят-свят! – отступил назад Воропай.

– Если ты с того света, то забирай, за чем пришел, и проваливай! Деревенских не трогай! – храбро выступил вперед Нежата.

Но призрак и не думал приближаться. Он остановился поодаль и завозился в кустах. Горихвосту со дна ямы не было видно, что там происходит. Злость уступила место суеверному страху. «Сражаться с живыми противниками – это по-нашему, по-волчьи. Но драться с духами? Как их вообще одолеть? Не утащат ли они на тот свет? И зачем он явился? Ведь

не думает же Старый барин, что это я его в прошлом году...»

Селяне за спиной Нежаты начали отступать. Первым сорвался с места Пятуня и бросился наутек. За ним припустил Жихарь, гремя кочергой. Высокие заросли проглотили одного за другим Валуя, Шумилу и конюха Коняя. Высокое положение старосты не позволяло Воропаю драпануть у всех на виду. Он долго приплясывал на месте, борясь с желанием спрятаться поскорее, и как только увидел, что никто из деревенских за ним не смотрит, заголосил и во весь дух ломанулся сквозь кусты к деревне.

Последним остался у ямы Нежата. Он встал в боевую стойку, выставил самострел и готовился спустить тетиву. Однако противник не показывался на глаза. Верхушки стеблей колыхались, как будто тот обходил яму кругом.

– Беги, дурак! Стрелы тебе не помогут! – рыкнул со дна Горихвост.

Пожилой воин обо всем догадался и сам.

– Ежели он за тобой, то не обессудь! Я тут не при чем! – пробормотал Нежата и попятился, стараясь не поворачиваться к привидению спиной.

Высокие сочные стебли сомкнулись, скрыв его из виду. Листья заколыхались, обозначив его путь к северу, в сторону человеческого жилья. А с юга уже шелестел новый враг, пугающий своей потусторонней силой.

Горихвост вдавил брюхо в холодную землю и прижал уши. Призрак приблизился на три шага. Конопляные стебли раз-

двинулись, и из темноты выглянула пара холодных глаз – мутных и безучастных, как раз таких, какие должны быть у нежити.

Волк тихо взвыл и непроизвольно обдал землю струйкой горячей мочи. Стебли сомкнулись, и то место, откуда выглядывал призрак, снова утонуло во мраке. Тихий шелест дал знать, что враг удаляется.

У Горихвоста отлегло от души. Он распрямился, расправил плечи. И тут же подскочил, как ужаленный. Новая мысль обожгла его и заставила броситься к краю ямы.

– Эй, ты, там! – рыкнул он. – Не уходи! Разговор есть.

Шелест листьев на мгновенье замер, и тут же возобновился с новой силой. Привидение стремилось прочь.

– Я тебя не отпущу, пока кое о чем не спрошу! – выл Горихвост.

Но призрак и не думал останавливаться. Вурдалак сделал усилие, подпрыгнул и вцепился когтями в край ямы. Комья земли посыпались из-под его лап, но он ухватился зубами за веревку, брошенную Пятуней, и подтянулся. На его счастье другой конец веревки запутался в зарослях, и черная волчья тень выскользнула на поверхность. Лунный свет посеребрил кончик хвоста, свалявшийся от грязи.

Волк наострил уши, прислушался, втянул воздух ноздрями. Острый запах конопляных листьев перебивал чутье. Призрак шелестел уже где-то вдали – он уверенно двигался к лесу.

– Нет, ты точно не человек! – взвыл Горихвост. – Деревенщина в лес ни за что бы не сунулась. Она засела бы в своих избах и дрожала от страха. А в Дикую чащу ночью потянется только умрун. Старый барин, стой!

Тихий шелест уже едва слышался. Горихвост начал прокрадываться на звук, стараясь едва касаться земли подушечками лап. И тут шелест пропал.

– Куда же ты? – с досадой завыл вурдалак. – У меня только один вопрос. Ведь я знаю, что это не я тебя разодрал! Тогда кто? Деревенские на меня вину валят. Как я оправдаюсь?

Однако призраку, судя по его поведению, переживания Горихвоста были глубоко безразличны. Ночной ветер гулял по коноплянному полю, и его гул сливался с шагами нечистой силы, за которую принимали и самого вурдалака.

Ускользящий призрак шуршал листьями где-то вдали. Горихвост ринулся за ним, разрезая грудью конопляные заросли. Ветви хлестали его по морде, вынуждая зажмуривать глаза и прижимать уши, отчего ночь становилась темнее и глуше.

Внезапно обострившийся нюх почувал новый, неожиданный для природы запах. Дымок с легким привкусом паленого веника вился над полем и навязчиво пролезал в ноздри, пытаясь добраться до мозга.

«Тут что, костер жгли?» Вурдалак принялся вертеть головой, выискивая источник пряного дыма. И уже через несколько шагов его передняя лапа попала в груды багровых

угольев, тлеющих на иссушенной проплешине. Горихвост тут же отдернул лапу. «Ой! Едва не обжегся!»

Прямо перед его носом расстилались остатки костра. На мох и ломаные ветки была набросана куча сушеных листьев конопли. Отдельно валялись дымящиеся части стеблей и соцветий. От всего костра исходил дурманящий аромат, и притягивающий, и отпугивающий одновременно.

Волк припал мордой к земле, непроизвольно ощерился и втянул ноздрями дымок. Пряный, и в то же время вонючий, он кружил голову. В рассыпанной по поляне золе виднелись следы чьих-то сапог, но унюхать их было никак невозможно – от золы несло жаром, отбивающим обоняние.

«Я найду тебя! От меня не уйдешь!» – ухмыльнулся он звериной улыбкой. Шуршание призрака затерялось в порывах ветра, колышущего заросли. Горихвост принялся вертеться вокруг костра, пытаясь взять след, но запах жженой травы перебивал посторонние вкусы.

«Ты сидел тут. Ты дышал этим дымом. Значит, ты пахнешь так же», – рассуждал он, протягивая морду к середине костра, от которой валили самые густые клубы. Он принялся обегать вокруг поляны, принюхиваясь к ночному ветру, но самые сильные запахи неслись не из зарослей, а от костра.

Горихвост нюхал еще и еще, стараясь запомнить получше этот травяной вкус. Мало-помалу пряный аромат принялся заползать в его голову и окутывать разум. Чувства обострились, с клыков сорвалась слюна. Ночь стала прозрачнее, те-

ни – загадочней, острые конопляные листья вдруг расцвели всеми цветами радуги и заиграли, как колдовской огнецвет. Ему показалось, что он видит сквозь темноту, и где-то вдали, впереди, ему почудилось движение, будто волны вздымали ладью. Он ринулся вперед, лапы сами несли его, поднимая над землей, как птицу.

«Вот и южный край конопляного поля. Дальше темной стеной встает Дикий лес. Я знаю тут каждую тропку. Чужим здесь не место, но я в лесу – не чужой. Тут меня приняли, как своего, а вот люди едва не убили. Кто я: зверь или человек? Это с какой стороны посмотреть...»

«Тени кружатся перед глазами. Как будто дубы сошли с мест и принялись бродить под лучами месяца-волхва, хитро выглядывающего из-за туч. Ветви-руки тянутся к горлу. Хотят схватить меня? Задушить? Разорвать? Или это мне только мерещится? А вон та тень в бледном болтающемся колпаке? Она тоже привиделась? Сгинь из разума, наваждение!»

Горихвосту хотелось бежать со всех ног, но колени предательски подогнулись, и он рухнул на землю. Черная тень приближалась к нему, заслоняя и поле, и лес, залитый лунным светом. Она пожирала движения и шорохи ночной природы, как дыра во времени, в которой навек исчезает все сущее. Но вот тень развернулась, и на спине ее мелькнул серебристый череп над поваленным светлым крестом. «Серебряный череп? И на спине? Наваждение, не иначе!»

Горихвост и не думал, что его самого можно задурить,

как простого селянина. Серебряный череп парил над землей, колыхаясь. Слезящимися глазами вурдалак подметил, что крест под ним – два перекрещенных шестопера. «Вот оно что! Это знамя! Черное знамя на границе заповедного леса, с серебряным черепом и двумя шестоперами крест-накрест, перешитое в свиту – точь-в-точь, как у Прежнего барина. И белый колпак с черно-бурой опушкой из хвостатой лисицы, по шкурке которой серебрятся ночные лучи».

У Горихвоста перехватило дыхание. Во рту пересохло. Он хотел зарычать, но из пасти вырвался только беспомощный хрип. Призрак подплыл к нему и завис в трех шагах.

– Ты кто? – прохрипел вурдалак.

– Будто ты не узнал? – выдохнуло привидение.

– Прежний барин? – осмелился спросить Горихвост.

Привидение расхохоталось и ухнуло, как ночной филин:

– Зачем ты здесь?

– Ищу убийцу моего деда, – откликнулся Горихвост.

– И что сделаешь, когда найдешь?

– Порву в клочья.

– А дальше?

– Порву всех, кто виновен. Где люди – там зло. Всех убью!

Никого не оставлю, и деревню сожгу, чтоб другим неповадно было.

– Слово настоящего вурдалака! – опять расхохотался призрак и начал растворяться во тьме.

– Погоди! – забеспокоился Горихвост. – Есть у меня к те-

бе дельце. Что ты забыл у избы Дедослава в ночь перед убийством? Не видел ли там кого? Может, ведаешь, кто злодей?

– Может, и ведаю, – гулко ухнуло привидение.

– Скажи мне!

– Узнаешь – умрешь, – зловеще прошелестел призрак и повернулся спиной, на которой блеснул вышитый череп.

– Нет, от меня просто так не уйдешь! – взвыл вурдалак.

Лапы сами подбросили его ввысь. Тень качнулась и слилась с кромешной тьмой. Зубы щелкнули там, где только что колыхалась вислая шапка, но поймали лишь воздух. И тут на голову ему обрушился удар чем-то тупым и тяжелым – будто молотком огрели. Горихвост рухнул на землю и застыл без движения.

*

«Не к добру грает ворон!» – так говаривал дед. Горихвост приоткрыл глаза. Пасмурное утро рассеивало над конопляником угрюмый серый туман, в дымке которого терялись очертания лесных дебрей. Большой ворон с блестящими перьями важно расхаживал перед его мордой и настойчиво каркал, привлекая внимание. Вурдалак потянулся и рыкнул от боли, пронзившей череп.

– Хорошо, что мозгов нет, а то бы сотрясение было, – крикливо програвал ворон.

– Где он? Ты видел, куда он подался? – нетерпеливо спро-

сил Горихвост.

– Кто? – не понял ворон.

– Призрак!

– Какой еще призрак?

– Тот, что меня по башке молотком двинул.

– Призрак? Молотком? Очнись, убогий! – ворон откровенно издевался. – Где ты видел, чтобы призраки молотками орудовали?

– А кто тогда?

– Ты и так сам не свой был по пьяни, а после еще какой-то дури нанюхался. Вот тебе и мерещилось всякое.

– И шишка на макушке мне тоже мерещится? – Горихвост тронул здоровенный шишкан, выскочивший у него между ушей.

Даже прикоснуться к нему было больно.

– Ты всю ночь во тьме бегал от мужиков. Вот и врезался в дерево, – каркнул ворон, расправляя крылья и перелетая через толстый обрубок дубового корня, валяющийся рядом.

Горихвост с недоверием обнюхал корневище.

– Что-то во рту у меня пересохло, – пожаловался он. – Ты не знаешь, где поблизости можно попить?

Какое счастье, что неподалеку нашелся родник! Волк ткнулся сухим носом в ледяную струю и с наслаждением принялся лакать.

– Ты не слюнявь воду-то, не слюнявь! А то после тебя пить никто не захочет, – бухтел над ухом привязчивый ворон.

Но вурдалак не обращал на него внимание. Только напившись вдоволь, он оторвался и произнес:

– Вот почему так: когда начинал пьянствовать – вроде был человеком. А проснулся поутру – зверь зверем?

– А ты не нюхай всякую дрянь, – посоветовал ворон.

– Дурак! Мне для дела нужно было, – посетовал волк. – И откуда ты вообще свалился на мою голову?

– Лесной царь послал приглядеть за тобой. Хорохором меня зовут.

– Слава нашему государю! – расплылся в улыбке Горихвост. – Вот настоящий отец лесной братии: ни о ком не забудет.

– Забудешь тут о тебе – ты таких дров наломал, что не на один костер хватит.

– Это еще не дрова. Все костры впереди, – пообещал Горихвост.

Вот наконец и опушка Дикого леса. Тонкий нюх почуял знакомые запахи сухих пней, жухлых листьев, подгнивающего бурелома. Подрагивающее ухо уловило шум листвы на ветру, скрип качающихся ветвей, тихий шепот травы. Далекие крики птиц и возня мелкого зверья волку знакомы лучше, чем любому охотнику.

Горихвост остановился за шаг от густого подлеска и огляделся по сторонам. Ворон Хорохор носился над головой, словно что-то высматривая. Что ему еще надо? Летел бы он

в свое воронье гнездо...

Однако что-то и в самом деле не так. Чутье подсказывает: вокруг непорядок. Но что это? Вроде все как обычно. Шумят могучие дубы. Торчат из-под земли корневища, в которых легко запутаться новичку, зато так удобно прятаться опытному лесовику. Ветер гоняет опавшие листья цвета красного золота. Катаются россыпи желудей, каждый из которых мечтает вырасти в огромное дерево, да только каждому ли повезет? Так что тут не так?

Волк обежал вокруг неподвижного стога сена и с подозрением понюхал ветер. «Конопляное поле – шумит и колыхается, как обычно. Дикий лес – встает хмурой стеной, как всегда. Доносятся голоса лесных тварей и птиц – вроде все как положено. И только этот стог сена маячит у меня за спиной, как чужак в иноземном кафтане. Откуда он взялся? Мужики близко к лесу не косят – боятся нечистых, особенно – вурдалаков...»

При этой мысли Горихвост расплылся в довольной ухмылке.

«Верно! Сено... Тут одна конопля да подлесок. Ну не бывает косьбы в таком месте! Эх, как же я сразу не догадался – а еще сторож леса!»

– Деряба! А ну, покажись! – в полный голос рявкнул вурдалак стогу.

Сено взьерошилось и тут же улеглось обратно, как будто его подцепили на вилы, а потом придавили гнетом.

– Хватит прятаться! Я тебя распознал!

Стог закричал, перекосясь и повалился на бок. Хорошор сделал над ним круг и насмешливо каркнул. Горихвост поддел сено носом – стог ужался и принялся перекатываться, как будто ему дали пинка, а потом вдруг подскочил высоко, кувыркнулся и грохнулся оземь уже в виде белобрысого мальчишки лет пятнадцати, одетого в дорогой парчовый камзол.

Мальчишка встал на карачки, чихнул от поднятой им самим пыли и плаксиво заныл:

– Опять ты балуешь, волчище! Ну чего не сидится тебе в своем логове? Рыщешь между деревней и лесом, а мужики потом лезут куда не нать...

Горихвост подбежал, ухватил недоросля зубами за воротник и рывком поднял на ноги. У того подогнулись колени, но он устоял на тонких ножках, затянутых в шелковые порты, и брезгливо принялся стряхивать пыль с перчаток из гладкой оленьей кожи.

– Ах ты, шап! – рыкнул Горихвост. – Нарядился, будто невеста перед смотринами. Торчишь у всех на виду, и думаешь, что тебя не заметят?

– Я, между прочим, на сторожах стою! – обиделся оборотень. – А вот где тебя ветер носит – это вопрос. Пока ты по своим делам бегаешь, я один службу несую.

– Ты такой не один – есть сторожа и опричь тебя, – возразил Горихвост. – Да и службу несешь, как трухлявый пенёк,

даром что выглядишь молодцом. Солнце уже за облаками гуляет, а ты дрыхнешь, как пес в конуре.

– Ничего я не дрыхну, – заныл оборотень. – Меня зачаровали.

– Вот еще, выдумал отговорку! Кто тебя мог зачаровать?

– Проходимец в черной свитке и кривой шапке с лисьей опушкой.

Горихвост насторожился:

– Давно он тут был?

– За час до рассвета. Шуршал в траве, будто дикий кабан.

Я решил, что это кто-то из мужиков лезет в чашу, ну и пугнул его, как обычно.

– А он?

– Что «он»? Взял, да и нашептал надо мной заклинание.

Я и остолбенел.

– Придумал бы что поправдивей! Кто такие заклинания знает?

– Может, сильный колдун. А может, дух с того света.

– И дух станет шуршать в кустах, как кабан? Врешь, и даже не покраснеешь!

Молодой парень потер перчаткой свою бледную, без единой кровинки щеку, и высокомерно промолвил:

– Я не одичалый вурдалак, чтобы врать!

Горихвост рыкнул от негодования:

– Эх, не время сейчас устраивать перепалки. Говори: куда этот призрак девался?

– Почему я знаю? Меня как заморозили, так я с тех пор ничего и не помню.

Ворон сел на дубовый сук и надменно задрал клюв, всем своим видом показывая, что вникать в разговор двух наземных придурков – ниже его достоинства. Горихвост затрусил вдоль опушки и вскоре заметил на кустарнике пару сломанных веточек. Опавшие листья были притоптаны и разбросаны невпопад, словно по ним кто-то прошелся. След вел на юго-восток, мимо Туманной поляны, как раз туда, где за лесом возвышалась угрюмая громада Змеиной горы.

– Эй, а ну стой! – заголосил вслед вурдалаку Деряба. – Туда нельзя! Запрет самого царя!

Ворон с негодованием закаркал на ветке, давая понять, что на этот раз он согласен с неудавшимся стогом.

– Тут проходил чужак! – едва обернувшись, рывкнул Горихвост. – Царь мне после сам скажет спасибо.

Хорохор спикировал с ветки и попытался клюнуть его в холку, но Горихвост так щелкнул зубами, что едва не вырвал у ворона пару перьев.

– Как же так? – приплясывая, заголосил оборотень. – Мне тут надо стоять, никого не пущать. А ты сам попер, никого не спросясь. Ну какой из тебя после этого сторож?

Горихвост преспокойно обернул к нему хвост и углубился в лесную чащу. Причитания Дерябы еще долго доносились до его чутких ушей.

Берег Волчьего ручья привел Горихвоста к обрыву скалы. Вода срывалась с каменного уступа и с шумом обрушивалась в низину, где продолжала свой бег через лес. Вурдалак уже знал, что его поджидает: хвост его непроизвольно поджался, уши встали торчком, а зеленые глаза забегали по сторонам.

Спуститься с обрыва по тайной тропке для волка – дело нехитрое, но едва Горихвост оказался у подножия водопада, как угодил в холоднящее озерцо. «Вот те на! Откуда оно взялось? Ведь раньше его тут не было, правда? Не мог же я запомнить – раз сто тут, наверное, пробегал».

Не обращая внимания на тучу брызг, поднятых водопадом, по озерцу кверху брюхом плавал шерстистый бобер. В другое время Горихвост тут же сорвался бы с места и кинулся бы за ним, но сейчас ему было не до охоты. Он знал местную тайну, скрытую от посторонних глаз: за плотной пеленой воды, за мириадами брызг и жидкой радугой, встающей в те редкие мгновения, что солнце выглядывало из-за туч, пряталась пещера, а в ней... бр-р-р, лучше даже не думать!

Он выбрался из воды на берег и встряхнул свою черную шкуру. И сейчас же ему в нос ударил отвратительный запах лежалой рогожи, нечистых подмышек и кишечного перегноя, исходящего из огромной разинутой пасти. Мощный храп подтверждал, что ему не почудилось: великан ростом с самое высокое дерево валялся поперек ручья и во всю глотку храпел, как будто задался целью заглушить и шум водопада, и голоса растревоженных птиц.

Вурдалак осторожно приблизился к толстой ладони, из которой выпала палица, сделанная из целой сосны с обломанными ветвями. Огромные пальцы с нечищеными ногтями подрагивали во сне. Грубая накидка из конопляной дерюги колыхалась над круглым брюхом, вздымающимся вверх при каждом всхрапывании. Веки, похожие на печные заслонки, прикрывали глаза размером с колесо от телеги. Великан то и дело ворочался и бормотал в тяжком сне, и тогда вода из-под его грузного бока устремлялась в долину, как через прорванную плотину. Лежащее тело перегородило ручей, образовав запруду, в которую уже стекались бобры со всех окрестностей.

Горихвост вскарабкался на жилистую руку, перебрался великану на лицо и лапой приподнял ему веко. Мутно-коричневый зрачок закатился и не выказывал признаков мысли.

– Волот! Не спать в сторожах! Подъем, кому говорю! – затрещал вурдалак, но его голосок отзывался лишь слабым эхом в слоновьих ушах великана.

– Ну, ты сам напросился! – мстительно произнес Горихвост и куснул исполина за мочку.

Тот поерзал во сне, пробормотал что-то нечленораздельное и перевернулся на другой бок. Волк соскользнул и хлопнулся оземь.

– Ничего, мы терпеливые! – сообщил Горихвост, подобрался к другому уху и клацнул зубами.

– До чего надоели кусачие вши! – проревел великан, все еще не проснувшись.

– Ах, так я для тебя словно вошь? – взъелся волк. – Ну, погоди у меня!

Он подобрался к его ноздре, запах из которой мог убить сотню помойных крыс, и дернул за черный волос, похожий на корабельный канат. Великан взвыл от боли и разом уселся, все еще не открывая глаз. Горихвост сорвался с его лица и рухнул в воду, которая с бурлением ринулась в освободившийся проход. Разочарованные бобры оказались на мигом просохшем дне, по которому сбегала тонкая ниточка ручейка.

– Кто вздумал со мной шутить? – проревел великан, шаря по земле в поисках своей дубины.

Но поскольку глаза его все еще не открылись, то пальцы лишь переворачивали валуны, щедро набросанные по берегу.

– Что за сонное царство? – посетовал Горихвост. – В лесу творится черт знает что. Где ни попадя шляются проходимцы. В деревне жгут огнем колдунов. Мужики охотятся на вурдалаков, а привидения разгуливают по долу, как будто небеса рухнули в преисподнюю. А его светлость волот Сиводур изволит почивать в грязной луже, что твое порося. Чего, говорю, разлегся у всех на виду?

Великан смачно зевнул, разинув похожую на пещеру пасть, и пальцами поднял себе одно веко.

– Ты чего тут? Сюда нельзя, – глухо пророкотал он.

– Мне можно. Я свой! – с вызовом возразил Горихвост.

– Никому нельзя. Повеленье царя. К Змеиной горе ходу нет, – прогремыхал великан.

– Мимо тебя Дикий охотник со всей своей сворой промчится – ты и его не почувешь, – расхохотался вурдалак.

– Напраслину не возводи, – обиделся волот. – Я всю ночь в дозоре глаз не смыкал.

– А под утро тебя разморило? Так, что обрушился в воду и запрудил ручей?

– Никак нет, – тупо проямлил волот. – Я до денницы не спал. А потом... Потом и не помню, что было. Кажется, тут кто-то бродил.

– Кто?

– Не знаю. Какой-то нечистик. Он еще бормотал что-то тихо, как будто читал заклинания. Я прошелся дубинкой по кустам – наверное, примял его. Поищи-ка, у тебя чуйка получше моей.

– Нету тут никого! – рявкнул сгоряча Горихвост. – Дрыхнуть в дозоре не надо.

– Да не дрых я! – принялся оправдываться волот. – Меня угомонили. Клянусь, кто-то меня заговорил. А кто – сам не видел.

– Эх, да что с тобой разговаривать? – махнул хвостом вурдалак.

– Погоди! Не ходи к горе, – испуганно бросил вслед ему

великан.

– Ты туда чужака пропустил, – не согласился с ним Горихвост.

– А тебя не пропущу! – великан поднялся, раскрыл оба глаза и поднял с земли дубину.

«Дело плохо», – смекнул Горихвост, глядя на то, как вздымается над его хребтом обломанная сосна. Он едва успел юркнуть в чащу, как дубина обрушилась на бережок и перевернула огромный валун.

– Поймаю – шкуру сдеру! – дико ревел позади него великан.

Солнце перевалило за полдень и выглянуло из-за туч, окрасив осенний лес в багряное золото. Свет переливал через пышные кроны деревьев и обволакивал теплом шкуру, напоминая о лете, что недавно отправилось вслед за Дажьбогом в гости к северной Маре. Ночной холодок еще таился в оврагах, поросших густыми кустами, но Горихвост легко перескакивал через провалы. Для вурдалака лес – родной дом.

Берег ручья довел его до горы. Вершину ее как будто откусило древнее чудище из тех, что населяли землю до людей и богов. Дышущее жерло пыхало в небо клубами едкого дыма, который скатывался по неровным склонам и заволакивал низину. В нос ударил резкий запах серы и тухлых яиц, напроць отбив волчий нюх.

Ручей плавно скрутился кольцом и обогнул обветшавший

земляной вал. Сухие комья земли сыпались из-под деревянного тына, сбитого из сплоченных бревен с остро отесанными верхушками. Тын опоясывал гору высоким забором, не давая подобраться к ней нигде, кроме широких ворот, скрипящих под деревянной башней. Горихвост помнил эти ворота: они всегда были наглухо заперты, и лишь его дед знал, как с ними сладить. Однако на этот раз распахнутые настежь створки жалобно подпевали ветру, что играл ими, гоняя взад и вперед.

Волк устремился в проход под башней, как вдруг упругая толстая плеть легла ему на загривок, опутала горло и подняла вверх, как щенка. Он беспомощно засучил лапами в воздухе, но его так сдавило, что стало трудно дышать. Из горла вырвался хриплый рык – больше удивленный, чем яростный. Морда его развернулась к старому вязу, сучья которого тянулись и опутывали его шкуру, как длинные лапы. Дерево подбросило его вверх и принялось хлестать ветвями, нанося жгучие удары.

– Ты чего? Отпусти! – ощерился вурдалак.

Пористая кора дерева разверзлась, обнажив темную пасть.

– Попался! Тать! Вор! Переветник! – глухо провыло древесное чрево.

– Какой я тебе переветник? Я лесной брат! Чур меня, чур! – загомонил Горихвост.

– Я тебе покажу, как чурать Чура! – вышел из себя вяз и начал парить его похлеще чем в бане.

Шкура Горихвоста встопорщилась от острой боли, как будто ее вздернули на адовы крючья.

– Перестань! – лаял он. – Я не виноват!

– Лесной царь решит, кто виноват, а кто нет! – сипел вяз.

– Лесной царь – мой государь, а я его верный слуга!

– Слуги не нарушают приказов хозяина! – не унималось дерево.

Не на шутку разошедшиеся ветви бултыхали Горихвоста вверх-вниз. Перед глазами его мелькали то распахнутые створки ворот, то провалившийся шатер башни, то древесные корни, вывороченные из земли и шевелящиеся, будто ползучие гады. Бултых вниз – и толстый сук припечатывает его к бугристому скату земляного вала. Бултых вверх – и голова его взматается выше тына, открывая вид на клубящуюся гору, по гребню которой скользит черная тень в кривой шапке.

«А ну, стой! Что за тень? Что за шапка?»

– Остановись, чурбан безмозглый! – зашелся от лая Горихвост. – Пока ты меня тут валтузишь, настоящий тать пробрался, куда не надо!

– Ты и есть тать! – изрыгало древесное чрево. – А за чурбана заплатишься!

– Смотри, сам напросился! – огрызнулся вурдалак и, давась, зашептал:

– В море-океане, на острове Руяне стоит бел-горюч камень Алатырь. А под камнем тем силы злые, несносные. Подни-

маю я этот камень, выпускаю я эти силы. Вы набросьтесь на Чура, стража Змеиной горы. Остолбеней, глупый Чур! Застынь и не двигайся! Уймись, ветви! Облети, листва! Сучья, замрите! Будь ты деревом, дурной страж, каким был прежде и каким будешь впредь!

Вяз со скрипом застыл. Хватка веток ослабла, Горихвост рухнул наземь, но вместо того, чтобы вскочить и встряхнуться, лишь принялся жадно дышать, ловя полной грудью воздух, смешанный с дымом.

Дерево не подавало признаков жизни. Вурдалак зарычал и тяпнул зубами кряжистое корневище, но оно оказалось таким жестким, что клык едва не сломался.

– Погоди у меня! Я тебе эту болтанку припомню! – пообещал он и юркнул в распахнутые ворота.

Глава 3. Змеиная гора

Гора не хотела подпускать к своим тайнам – тропинки на ее склонах вздымались так круто, что Горихвост едва удерживался, чтобы не соскользнуть. Камни под лапами осыпались и катились вниз, увлекая за собой пыльные тучи осколков. Почва вздрагивала и урчала, как голодный желудок.

Дым становился все гуще и гуще, он лез в глаза и заволакивал все вокруг. Сизые клубы донесли знакомый, немного пряный, немного тошнотворный запах копченой конопли – он шел из гущи пыльной завесы, со стороны горного жерла. Горихвост собрался с духом и припустил вперед.

Ох, и не нравится мне это мелкое дрожание земли! Оно будто душу выворачивает наизнанку, так и хочется драпануть прочь, да нельзя – призрак не должен уйти, иначе кто скажет правду о застарелом злодействе? Ведь не дадут мужики мне покоя, пока не узнают, кто на самом деле убил их прежнего барина. А мне не будет покоя, пока не отомщу за деда. И на лица не посмотрю: если простолюдин его мучал – замучаю до смерти простолюдина, а если князь – то и князя. Кому только в голову пришло пытаться старого волхва? И зачем? Ведь у него и гроша не было за душой.

Горный склон снова дрогнул. Горихвост покачнулся, поджал хвост и опустил уши.

Где же призрак? И какая нелегкая понесла его сюда как раз тогда, когда гора задышала?

Черная свитка и свисающий белый колпак мелькнули среди дымных клубов далеко впереди, на кручине горы. Горихвост почувствовал, как вскипает кровь, и жар ударяет в голову. Азарт охоты подстегнул его и погнал вперед. Он понесся ввысь, не обращая внимания на камни, сыплющиеся из-под ног.

Духа в свитке уже не было видно, но раззадоренный волк не мог остановиться. Он напряг силы для решительного броска и взлетел над скалистым гребнем. И вдруг обнаружил, что по ту сторону каменистого зуба расстилается не ровная плешь вершины, как он ожидал, а зияет глубокий провал, крутым склоном скатывающийся в разверстое жерло вулкана.

Подушечки лап скользнули на гладких камнях, которые тут же сдвинулись с места и покатались вниз в волне черной пыли с песком. Эта волна подхватила волка и понесла к бурлящему озеру огненной лавы, пышущей жаром.

Что за адское варево? Как будто Хозяин Пекла задумал сварить похлебку на легион злобных бесов. Раскаленная лава булькала и вскипала. Ее оранжевые потоки казались бы ослепительными, если бы не подгорелая бурая корочка, покрывающая их сверху. Но что самое удивительное – посреди этого варева возвышался гранитный остров. Он торчал, как ни в чем не бывало, в самой середине булькающего жерла.

Огненные потоки лизали гранитные обрывы его берегов, но те стояли, не поддаваясь адскому пламени.

В центре острова, вдали от раскаленных берегов, уноси-лась ввысь восьмиугольная вежа – одиноко стоящая башня, последнее убежище обороняющихся. Ни единого окошка, ни малого просвета не виднелось в ее гладких, полированных стенах, из которых торчали огромные клыки древнего змея, больше напоминающие слоновые бивни. Однако не они за-ставили Горихвоста зарычать во всю глотку. Вокруг вежи, вдоль ее отполированных до зеркального блеска стен, обви-вался золотой змей. Его широкое, в десять обхватов тело струилось по черному мрамору, уносясь к верхней площад-ке, на которой покоилась голова с костяным гребнем. Иглы гребня топорщились, как у исполинского ерша, а пасть рас-пахивалась на северо-запад, в сторону Грязной Хмари и ле-жащего за ней Ветхого капища на берегу Шерны. Торчащие во все стороны бивни напоминали рога, отчего башня каза-лась рогатой.

Горихвост сделал усилие и зацепился когтями за твердую почву. Скольжение остановилась, но даже не доехав до края кипящего озера и сотни шагов, он чувствовал его жар.

– Лихо-мареву! – вырвалось урчание из волчьей глотки.

Перед его носом болтался висячий мостик, протянутый к гранитному острову. Выглядел он ненадежно: веревочные перильца вихляли из стороны в сторону, а деревянный на-стил ходил ходуном под порывами горячего ветра. Бурлящие

пузыри лавы пытались плюнуть в него огненными брызгами, застывающими на лету, но мостик висел на такой высоте, что им было до него не достать.

Волк медленно попятился задом, но хрустящий песок под ногами снова начал скользить и сносить его вниз. Нет, уж лучше на мостик!

Лапы вязли в песке. Пыль застилала глаза. Горихвост ухватился зубами за краешек моста и вскарабкался на настил. Уф, едва не снесло в эту адскую жуть! Как же хочется повернуть назад! Там прохладно, там жар не пышет в лицо. А впереди – преподозрительнейшая черная вежа со змеем, сияющим позолотой в лучах солнца, которое едва заглядывает в горное жерло.

Горихвост недоверчиво нащупал лапой деревянную досочку и затрусил вперед. В ушах выли ветряные потоки. Мост раскачивался – будто нарочно задался целью сбросить в лаву одинокого волка. Натянутые веревки гудели, и казалось, что полосни по ним парой клыков – и они тут же лопнут, и полетит все это чудо строительного ремесла прямо в огненный кипяток, и прощай тогда, пушистый мой хвост...

Едва лапы коснулись гранитного берега, как Горихвост сжался и сиганул побыстрее вперед – лишь бы дальше от жара. Сколько ни бегал он вокруг башни – нигде не находил даже намека на вход. А как попасть внутрь? Зачем строить башни без окон, без дверей? Какой в этом смысл?

С западной стороны тело выющегося змея будто рассек

меч Перуна-воителя. Нутро зияло темной пустотой, в которой терялись мраморные ступени. Они уходили вверх, скручиваясь, словно жгут, испещренный щербинами и засыпанный мелкой крошкой. Случайного пришельца эти ступени отпугнули бы монументальной тяжестью и неизвестностью, таившейся за каждым из восьми поворотов, на которых тело дракона изгибалось вслед за гранями башни. Как и вся вежа, тело змея было высечено из холодного мрамора, однако чешую его покрывала старинная позолота, во многих местах уже слезшая или соскобленная неизвестно кем и неизвестно когда.

Ступени вели внутрь и пропадали во тьме. «Вот оно что! Выходит, это винтовая лестница, – смекнул Горихвост. – Только вьется она не внутри башни, как бывает обычно, а снаружи – вдоль стен. Тело змея – как большая труба, в которую и упрятана лестница. Эх, была не была! Не обратно же возвращаться!»

Лавовое озеро смачно чавкнуло и выбросило такой длинный язык пламени, что его кончики едва не подпалили Горихвосту шерсть. Волк взвизгнул и без раздумий нырнул в змеиное нутро. Темнотища тут стояла такая, что хоть глаз выколи – хорошо, что ступеньки под ногами оказались гладкими, так что карабкаться можно было наощупь. Жаль только, что они такие крутые. Пока десяток одолеешь – запыхаешься, а их тут сотни, хоть язык на плечо свесь.

А вот и оконце! Узенькое, как бойница. Едва свет прогля-

дывает, но хоть что-то можно рассмотреть. Восемь стен, восемь граней – сначала крутой лестничный пролет, потом маленькая площадка, поворот, и снова вверх по ступеням. Лапы уже не пружинят, колени одеревенели, но волк разве покажет, что устал? Пусть никто не видит – но как признаться себе самому, что сил больше нет? И что ждет наверху? Вряд ли добрый волшебник с подарками.

С винтовой лестницы Горихвост выкатился в просторный зал, наполненный клубами серого тумана. Дым клубился повсюду: он валил от большого костра, разведенного в центре зала на высоком яшмовом алтаре, отражался от стен, некогда сверкавших черно-мраморной гладью, а теперь закопченных, будто печное нутро, веял струями под потолком, напоминающим небо огромной звериной пасти.

Горихвост как будто оказался внутри огромного черепа, принадлежавшего исполинскому чудищу, только выполнен был этот череп не из природной кости, а из дорогих камней, чей сумрачный блеск пробивался даже сквозь дымную завесь. Пол зала напоминал длинный язык, высунутый наружу, в сторону северо-запада, где за крышами Грязной Хмари виднелись идолы Ветхого капища. Из нижней челюсти торчали каменные клыки, каждый выше человеческого роста, и такие же клыки свисали с верхней челюсти, до которой не дотянулся бы и длинный Жердяй.

Ого! Вот это здесь накурили! Да в этой палате не продохнуть, даром что она такая широкая, что и стен не разглядеть.

И немудрено: клубы дыма такие густые, что на аршин вперед ничего не видать. И как шибает в нос этот чудовищный запах паленой конопли! Весь нюх отобьет!

Горихвост проскочил сквозь струю дыма и ударился носом о каменную стенку с выпуклым барельефом. Барельеф изображал древнее жертвоприношение: к змею, хищно расправившему крылья и высунувшему язык, волхв подводил юную деву с распущенными волосами и снопом хлебных колосьев в руках. Поодаль стояла толпа родных, среди которых выделялся князь, оплакивающий дочь. Змей готов был вот-вот проглотить княжну, но Горихвосту в этот миг было не до красот: его нос сплющился и распух от тычка. Он едва удержался, чтобы не взвыть в полный голос, и тут же до его слуха донеслось:

– Огненный змей, явись мне из тьмы! Сбрось вечный сон! Покорись моей воле!

Горихвост поперхнулся собственным воем. Бормочущий голос звучал прямо над ним. Прижав уши, он одним глазком взглянул ввысь. Короткая стенка, на которую он наткнулся, располагалась посреди зала, и принадлежала массивному прямоугольному алтарю высотой человеку по грудь. Алтарь был сработан из полированной яшмы, по поверхности которой шли искусные узоры, изображающие крылатого змея. На столешнице этого каменного постамента спиной к Горихвосту восседал незнакомец в черной свитке и шапке со свисающим колпаком. На раздутой свитке колыхался узор: череп

и два скрещенных шестопера.

Горихвост подавил злобный рык. Не замечая его, незнакомец бубнил себе под нос:

– Ну же, змей, пробудись! Книга волхвов не соврет: ты должен исполнить желание. У меня – власть над книгой, у тебя – власть над тьмой. Вылезай, черт тебя подери!

Вурдалак пригляделся: в самом деле, на коленях незнакомца лежала раскрытая книга волхвов, или черная книга, как ее называли боязливые селяне. Позолоченный оклад, обтянутый чернильным бархатом, тускло поблескивал огоньками маленьких самоцветов. Под ним проглядывал потрескавшийся от времени кожаный переплет. Костер, разложенный прямо посреди столешницы, то и дело выстреливал языками пламени, которые жадно тянулись к пергаментным страницам и норовили лизнуть их. Поверх огня тлели набросанные конопляные листья, от которых исходил дурной чад. Сам незнакомец до того надышался, что и ухом не вел.

Горихвост осклабился, скакнул и постарался забраться на стол. Незнакомец в свитке отшатнулся и с досадой воскликнул:

– Колом тебе по балде! До чего ж ты не вовремя!

Всего мгновенья хватило ему, чтобы натянуть кривую шапку себе на голову аж по самую шею, так что только два бегающих глаза и пухлые губы остались торчать в небрежно прорезанных дырках. Горихвост бросил взгляд на этого проходимца, ставшего вдруг похожим на столичного палача, что

рубит головы на Лобном месте, и от негодования зарычал. Призрак с издевкой показал ему в ответ сизый язык.

– Какой ты, к лешему, призрак? – взревел вурдалак. – А ну, снимай маску! Сейчас на зубчик тебя посажу – тогда и посмотрим, что у тебя внутри.

Однако призрак не думал сдаваться. Он скинул на пышную шкуру Горихвоста остатки угольев с разворошенного кострища и сиганул со столешницы на пол по обратную сторону алтаря. Волк потерял его из виду и забеспокоился, но на этот раз, вместо того, чтобы запрыгивать на высокий стол, он осторожно обежал его сбоку, стараясь не врезаться в неожиданное препятствие, если такое снова вздумает встретиться на пути.

И уже через несколько шагов обнаружил, что звериная осторожность спасла его от настоящей беды. Оказалось, что алтарь стоит на самом краю широкого восьмиугольного колодца, занимающего всю середину зала. Горихвост свесил голову через узенький бортик и в страхе отпрянул.

Лихо-мареву! Вот это да! Теперь ясно, почему в этой башне нет ни дверей, ни окон. Да и лестницу внутри нее не устроишь.

Вся Рогатая вежа представляла собой один высокий колодец, уходящий на недостижимую глубину. Там, в самом пекле, клокотало раскаленное варево – еще более жаркое, чем в озере, окружающем остров. Казалось, будто на дне этой пропасти ворочается огненный демон.

Горихвост затрусил вдоль невысокого бортика и выбежал на противоположную сторону зала. Тут его поджидала новая преграда.

Перед ним вставал, раскинув широкие крылья, поблескивающий червонным золотом змей с хищно разинутой пастью. Рубиновые глаза полыхали адским пламенем, а гребень на черепе топорщился от гряды острых игл. Перед статуей kloкотал провал колодца, так что казалось, будто крылатый змей парит над бездной.

Горихвост недоверчиво втянул ноздрями воздух, убедился, что змей искусно вырезан из мраморной глыбы, и напасти от него можно не ждать. Но куда же тогда делся призрак? Нюх еще не пришел в себя после столкновения с алтарем, и надеяться на него не приходилось.

– Эй, ты, тень разодетая! – выкрикнул Горихвост. – Думаешь спрятаться от меня?

Призрак в свитке мелькнул за статуей и бросился вправо, к престолу, стоящему у самой стены. Девять ступеней из гладкого камня поднимались к креслу с высокой спинкой, над которой нависал тяжелый венец в виде дракона, свернувшегося кольцом и поймавшего собственный хвост. На резных подлокотниках фигурки жрецов из слоновой кости приносили в дар чудищу невольников. Рабов раскладывали на алтаре, коротким мечом вспарывали грудную клетку и вынимали сердце, сделанное из алых лалов. От старины камни выпали, оставив маленькие провалы, почерневшие от веко-

вой пыли.

Незнакомец устроился на сиденье, подогнул под себя ноги и раскрыл книгу в драгоценном окладе.

Черная книга, сборник колдовских тайн, которые в незапамятные времена открыли кудесникам потомки Белобога и Чернобога. Ее заклинания, начертанные тайными письменами – ключ к самым невероятным чудесам, которые не способен постичь человеческий разум. Боги ушли невесть куда, и оставили людям много волшебных штуквин, но ни одна из них не сравнится по ценности с этим ведовским даром.

Как обойти все три мира Вселенной? Как вызвать беса из пекла и заставить его плясать под свою дудку? Как напустить лихорадку на целый город, или как найти проклятый клад? Обо всем могла поведать эта хитрая книга тому, кто сумеет отомкнуть ее особым заветным словом и разгадать тайные знаки.

Важно лишь, чтобы она не попала к злодею, иначе он погубит весь мир. Не зря Лесной царь поручил хранить ее Дедославу – последнему волхву в роду древних правителей Града кудесников.

Горихвост аж оторопел от такого зрелища: чтобы палач сидел на престоле Царя волхвов, да еще листал при этом чародейскую книгу – такого даже выдавший виды внук колдуна не мог вообразить.

– Говори, откуда у тебя книга волхвов? – пролаял вурдалак.

– Как за морем Хвалынским, на Руяне на острове, – начал петь заунывным голосом лживый призрак.

– Будет тебе остров, будет тебе и Руяна, – ощерился Горихвост и понесся к нему.

От клубов дыма, до сих пор витающих под сводами зала, у незнакомца слезились глаза. Он потер их кулаком в безразмерной перчатке, чихнул и уставился на страницы.

– Суд судом, век веком, – продолжил он заунывное чтение. – Вурдалаку меня не съесть: у меня медвежий рот, волчьи зубы, свиные губы.

– Еще как съем! – захохотал вурдалак. – Меня пустым словом не проберешь. Ты мне за все ответишь!

– Стоит на острове дом, а в том доме – семь старцев, – продолжал бормотать палач в колпаке. – Возьмите, старцы, дубины тяжелые, мечи булатные, сулицы острые. Луки возьмите тугие, положите каленые стрелы на звонкую тетиву, да обрушьте все силы на вурдалака, что рыщет предо мной...

«Ой! – ёкнуло у Горихвоста сердце. – Кажется, это плохо, когда на тебя читают заклинание из черной книги. Дед мой никогда не колдовал при семье, да и меня учил остерегаться волшбы, потому как ничего доброго от наведенных чар не бывает. А что этот злодей в кривой шапке удумал? Вот выпустит беса – и станет со мной то же самое, что с дедом, вечная ему память».

– Бейте волка дубинами! – победоносно выкрикнул призрак. – Секите волка мечами, колите сулицами, стреляйте

стрелами!

«Если скажет: слово мое крепко, – то я пропал!» – подумал Горихвост и так резво прыгнул на незнакомца, что тот выронил из рук книгу и мигом слетел с царского места. Зубы вурдалака щелкнули так близко от свитки, что он почувствовал, как ее край прошелестел по носу.

По инерции вурдалак пролетел мимо и шмякнулся о спинку престола. «Лихо-мареву! А она жесткая. Из чего ее сделали? Видно, жрецам нужно было иметь каменный зад, чтобы восседать в этом кресле. Не удивительно, что после им хотелось пустить кровь бедной жертве. А куда делся призрак? Не разобрать из-за дымных клубов. И откуда они только берутся? Костер-то потух!»

Горихвост фыркнул, пытаясь очистить нос от набившейся гари, и поспешил глотнуть свежего воздуха, с угрожающим свистом задувающего снаружи. Зубастая пасть каменного дракона открывалась на вольный простор, расстилающийся за пределами башни. Одна из восьми стенок вежи была прорублена, и сквозь нее на улицу высовывался длинный мраморный язык. Заплутавший в дыму Горихвост не заметил, как оказался на покато́й спинке этого узкого мостика. Стоило схватиться за зуб чудища и свеситься вниз – и можно было вдохнуть полной грудью. Волк опасно выглянул и тут же отпрянул обратно – его голова закружилась от высоты, с которой были видны и подножие башни, и остров из раскаленного гранита, и огненное озеро, спрятанное от по-

сторонних глаз в жерле вулкана.

А незнакомец, похоже, как пустился с утра во все тяжкие, так решил и продолжить до самого вечера. Не бросать же бесчинство на половине пути, а то оно, чего доброго, останется недоделанным. Призрак спихнул Горихвоста с дороги, и выскочил на мраморную дорожку, будто на трамплин для прыжков в огненный бассейн.

– Наконец-то! Теперь ты от меня не уйдешь! – взревел от радости вурдалак.

Деваться с узкого язычка было некуда. Вот только клубы дыма застилали глаза, пряча мелькнувшую свитку. Черный бархат опять показался во мгле и застыл, словно поддразнивая. Не помня себя, Горихвост сжался, подпрыгнул и взмыл ввысь. Передние лапы вытянулись, стараясь впиться когтями в добычу. Пасть хищно раскрылась, обнажив острые зубы. Ах, что за сладкое чувство охоты, когда бросаешься на добычу и знаешь, что ей не уйти!

И в этот миг свитку дернули в сторону, как будто опытный тореадор ускользнул из-под носа быка. Горихвост опустил лапы, чтобы мягко спружинить на раздвоенный язычок, но твердой опоры в нужном месте не оказалось. Вместо нее под холодеющим брюхом засвистела воздушная пустота. Тяжелая голова перевесила тело, Горихвост наклонился носом к земле и полетел вниз, отчаянно суча лапами.

Отчего я не сокол? Почему не летаю? Так поет в своих

песнях народ. Вот бы ему самому полетать так, как летел в этот миг перевернувшийся вверх тормашками вурдалак!

За стенами башни не было дыма. Не дрожала земля под ногами, и пол не ходил ходуном. Но Горихвост отдал бы все на свете, чтобы снова нащупать твердую опору – пусть она и шатается, пусть дрожит, как ей вздумается, лишь бы за что-нибудь уцепиться и на чем-нибудь удержаться.

Мимо носа его проносились гладкие грани башни. Мелькнул изгиб золоченого тела дракона, в котором пряталась лестница. Как хорошо сбегать вниз по ступенькам, а не падать со всей высоты!

Его несло прямо в озеро оранжевой лавы, мимо узкого берега острова, в гранитные скалы которого вгрызалась башенная стена. Раскаленная жижа текла струями и кипела, выбрасывая оранжевые пузыри. Лопаясь, они плевались россыпью алых брызг, которые шипели и застывали в полете. Один из них угодил на волчью шкуру и едва не прожег ее. Еще один миг, и...

И тут Горихвост почувствовал, как чья-то жесткая лапа ухватила его за шиворот и резко вздернула вверх.

– Эй, нельзя ли повыше? – завопил Горихвост, перевернувшийся в нормальное положение – лапами вниз, головой вверх. – У меня хвост обжигается. Ты меня что, хочешь в огне утопить?

Он повис, шурясь, в воздухе, совершенно беспомощный, как щенок, которого показывают на ярмарке покупателю.

Перепончатые крылья над головой оглушительно хлопали, перенося его через озеро лавы, после – через скалистый гребень Змеиной горы. За ее зеленовато-желтыми склонами взгляду открылись такие знакомые просторы: Дикий лес с его Туманной поляной, уносящийся в небеса Мироствол, дальше – Грязная Хмарь с ее тоненькими, такими милыми струйками дыма из труб, а за ней – Ветхое капище с его истуканами и серебристая нитка Шерны.

Железные когти еще крепче впились в загривок, пронзив острой болью. Горихвост изловчился и тяпнул захватчика за длинный палец. Как бы не так – едва клык не сломал! Кожа жесткая – не прокусишь. Схвативший его летун хриплым голосом ойкнул, разжал пальцы и грубо выругался.

Вурдалак со всего маху грохнулся оземь, перекувыркнулся и покатился вниз по крутому склону, ударяясь о кочки и камни.

Лихо-мареву, когда ж это кончится? За что тут зацепиться? Так вконец можно побиться!

Боги смилостивились, крутой склон превратился в пологий, и его перестало вертеть и швырять. Он распластался на засохшей траве и прикрыл голову лапами. Перед глазами все ходило ходуном, небо качалось, а земля пучилась и вздымалась.

Перепончатые крылья хлопнули над головой, грубые лапы схватились за шкуру так, будто хотели сорвать ее с мясом, а низкий, с грудной хрипотцой голос продышал в ухо:

– Что, сбежать вздумал?

Как впились в холку эти крючковатые хваталки! Как будто щипцами стиснули. А когти-то, когти – того и гляди, продырявят шкуру насквозь! Разве у призрака такие бывают? И пахнет от этого чудища не коноплей, а прелым мхом, древесной гнилью и сохлыми желудями – как раз такими, что валяются у корней Мироствола.

Мироствол! Корни! Страж дерева!

– Вахлак, это ты? – радостно загомосил Горихвост, стараясь извернуться и взглянуть на захватчика.

– А ты ждал кого-то другого? – грозно пробасило чудище.

– Да отпусти же меня! Не признал, что ли? – Горихвост ухитрился скосить глаза.

Так и есть! Здоровенный бес зло сверкал на него налитыми кровью глазами. Ростом – со вставшего на задние лапы медведя, весом – пудов двадцать, морда со скошенным пятакком, щеки заросли жесткой щетиной, на тупой башке выются козлиные рога, кривые ноги с копытами, перепончатые крылья за спиной хлопают, будто простыни, и в довершение картины – хвост, словно бич с острым шипом на конце. Такая тварь только в кошмаре приснится, а наяву ее встретить – упасите все боги, какие только найдутся на земле, в небе и под водой.

– Как же я рад тебя видеть! – попытался обнять его Горихвост.

– Вот и славненько! – жутко ослабил бес, обнажая клы-

ки раза в три больше волчьих. – Значит, и за грех ответить тоже рад будешь.

– За какой еще грех?

– Зачем полез на Змеиную гору? Разве не знаешь, что Государь запретил? А ты вон что наделал. Я такого переполоха отродясь не видал. Гляжу: гора начала извергаться. Полетел посмотреть, кто ее так растревожил. И тут ты падаешь прямо мне в лапы. Хорошо хоть, виновного долго искать не пришлось.

– Никакой я не виновный! – возмутился Горихвост. – Ты правду сначала узнай, а после суди.

– Чего тут судить, и так дело ясное, – возразил упырь. – Разбудил ты гору, она и задышала. А как гора проснется – так всему лесу конец. И не говори, что не ведал.

– Это не я разбудил! – начал оправдываться Горихвост. – Это все призрак Старого барина. Я как раз его ловил.

– И чего ж не поймал?

– Обманул он меня! Заманил на край змеиного языка, да и сбросил.

– Вот нашему государю это и объяснишь, – неумолимо промолвил бес.

– Ты сведешь меня к государю? – обрадовался Горихвост. – А я и не прочь. Только пока ты меня по лесу мыкаешь, призрак совсем уйдет. Его сейчас ловить надо, пока он недалёко.

– Ты щенкам своим сказки рассказывай, – оскалилось чу-

дище. – А меня морочить не смей!

– Нет у меня щенков! – огрызнулся вурдалак, но вразумлять беса было пустой тратой времени.

Мироствол! Великое дерево вселенной, корни которого уходят в преисподнюю, а ветви простираются над счастливой небесной страной. Многое повидал ты на своем веку. Ты видел и рождение богов, и первые времена, когда на земле жили чудовища и волоты-исполины. Видел войны небожителей с бесами и всемирный потоп, уничтоживший перворожденных. Какие бы беды вокруг тебя ни разыгрывались, какое бы лихо ни бушевало – ничто не смогло уничтожить тебя. Небо, Земля и Подземелье держатся на тебе, как листья на ветке, и будут держаться, пока ты стоишь.

Бес Вахлак грубо швырнул Горихвоста к подножию Древа миров. Черноперый Хорохор свесил клюв с нижней ветки и торжествующе програвая что-то неразборчивое, но не слишком приятное для вурдалака.

– Попался! – взвыл Сиводур из-за ручья с мертвой водой.

Волота не пустили на Туманную поляну из-за непомерных размеров, и он развалился на другом берегу, сломав несколько елок и примяв густые кусты.

– Сколько волка ни гладь – все равно руку прокусит! – визгливо заголосила русалка Шипуня, раскачиваясь на древесном суку, как макака.

Оборотень Деряба смахнул пылинку со щегольского кам-

зола, наморщил тонкий носик и демонстративно отвернулся, всем видом показывая, что он выше личных счетов.

Но Горихвосту было на них наплевать. Он чувал загривком, кто смотрит на него в этот миг. Едва смея поднять глаза, он по-собачьи вильнул хвостом и, подметая брюхом опавшие листья, пополз к каменному престолу, стоящему у подножия Древа.

Нижние ветви Мироствола, покрытые увядшей листвой, уже облетали, в то время как наверху буйно играли сочными оттенками зелени семена всех трав и растений, какие только сыщутся на белом свете.

Ворон каркнул, ветка под ним качнулась, высохший желудь сорвался и упал на корону из золотистых листьев, что венчала голову Лесного царя. Каштановые волосы всколыхнулись, взгляд темных пронзительных глаз заморозил Горихвоста. Рука с драгоценными перстнями пригладила бороду, дрогнули уголки рдяных губ, по лицу пробежали старческие морщины, глубокие, как борозды на дубовой коре.

Царь смахнул желудь, скатившийся на мантию из горностаевых шкурок, и потрепал холку золоторогого оленя, что щипал травку перед престолом.

Волоча брюхо, Горихвост подполз ближе, чтобы лизнуть государю ладонь, но на его пути тут же возник здоровенный вепрь с такими длинными клыками, что волк поджал хвост и откатился обратно. Лесная братия благоговейно молчала, и лишь Хорохор возился на ветке, отчего сверху сыпались

листья и шляпки от желудей.

– Зачем ты пытался разбудить змея? – сурово вымолвил царь.

Горихвоста так удивил этот вопрос, что он онемел. Ему едва удалось раскрыть пасть, чтобы пролепетать что-то в свое оправданье.

– Ты знаешь, что я строго-настрого запретил приближаться к Змеиной горе? – взгляд Царя резал, как по живому, а голос леденил, как ветер в разгар зимы.

– Я не нарочно, – через силу пробормотал Горихвост. – Я только преследовал негодяя, что заманил меня в ловушку.

– Какого еще негодяя?

– Призрака Прежнего барина, Злобы Кривошапа, – сбивчиво начал объяснять вурдалак. – Он шлялся у избы моего деда перед убийством, да и нынешней ночью я видел его в конопляном поле между деревней и лесом. Он и привел меня на гору.

– Зачем ты погнался за ним?

– Чтобы как следует допросить! – оживился Горихвост. – Может, он чего знает? Да и в его собственной гибели мужики обвиняют меня. Будто бы это мои зубы остались на теле боярина Злобы после того, как его нашли мертвым. Да только все это ложный навет! Не могу я людей рвать зубами – если это случится, то я в человеческий вид не вернусь.

– А ты знаешь, что выйдет, если разбудить змея? – строго спросил Царь.

Язык Горихвоста снова онемел и повис.

– Давным-давно эта гора была местом злым, окаянным, – заговорил Владыка Леса. – В пещере под ней жил огненный змей, а на вершине горы стоял его храм. Змей житья не давал всей округе – пожирал скот и людей, травил урожаи, жег пастбища и охотничьи угодья. Селяне не знали, как избавиться от напасти, и вынуждены были приносить ему кровавый откуп. Раз в месяц они жертвовали ему быка, а раз в год – самую красивую деву. Отцы и матери трепетали, когда их дочери подрастали. Невиданные сокровища собрал змей в пещере: золото и драгоценные камни валялись в ней россыпями, так, что от их блеска слепли глаза.

Дошла очередь отдавать свою дочь до волхва. Волхв был праведником и всю жизнь на совесть служил горним богам. Владыки вселенной слышали его мольбу. Князь Горнего мира Перун вывел небесную свору на заоблачную охоту. Как ни пытался спрятаться от него змей – Перуновы стрелы разили его и в воде, и на суше. А довершила дело рогатина небесного князя. От ее удара вершина горы провалилась под землю вместе с храмом, в котором жертвовали людей. Самого змея боги сковали цепями и заточили на глубине. Как ни ярился он, как ни пытался освободиться – не мог порвать цепи, и впал в беспробудный сон. С тех пор он никого не тревожил.

Однако бывает, что он заворочается во сне, и тогда гора начинает дышать. Из провала ее идут дым и пламя. Клубы

гари и копоты, что выдыхает змей, рвутся наружу. Настанет день, когда змей очнется от сна и порвет цепи. Вырвется на волю – и огонь затопит долину. Ничто живое в ней не уцелеет.

Самое злое лихо, какое можно придумать – будить змея. В наше время помочь будет некому – боги ушли, и на чудовище не найдется управы. Кто будит змея – тот враг и лесу, и люду.

– Что за чушь? Зачем мне будить змея? – не выдержал Горихвост.

Русалка свесила волну зеленых волос с Мироствола и визгливо пропела:

– Ты сам трепал налево и направо, что отомстишь за смерть деда и, если нужно, всю деревню сотрешь в пыль. Нет лучше способа, чем напустить на мир огненную потраву.

– Такое мне и в голову бы не пришло! – возразил вурдалак. – С мезтью за деда я сам справлюсь, помощь чудищ мне не нужна.

– Однако на гору ты все же забрался, несмотря на запрет. Змей тысячу лет не напоминал о себе, а тут вдруг дыхнул огнем как раз в тот час, когда ты его потревожил. Вина на лицо, – хмуро сказал упырь.

Горихвост сел на задние лапы и вытаращил глаза. Язык еле ворочался, но он все же выговорил:

– Как же так? Ведь я не виновен!

– Тебя застали с поличным, – возразил Лесной царь. – Деряба, говори, как было дело!

– Стою я в сторожах, – сбивчиво заговорил оборотень, размахивая длинными рукавами кафтана. – Тут налетает какая-то тень и бормочет про моря-океаны и камень Алатырь. Меня как колотушкой огрели. Что было дальше – не помню, но когда я очнулся, то увидел перед собой черного волка. Он пихал меня носом и так зыркал глазами, будто загрызть собирался. Я ему говорю: не ходи к горе, царь не велел. А он: царь мне после спасибо скажет. И шасть мимо! Я его не пускал, вон у ворона хоть спросите.

Хорохор на ветке смущенно каркнул и спрятал клюв под крыло.

– Что было дальше? – вонзил взгляд государь в великана.

Сиводур неловко заворочался на берегу ручья и завыл, будто ветер в трубу:

– Я всю ночь на часах, как и положено стражу. А под утро – в кустах шебуршенье. Я по ним хватать дубиной, да видать, только елочку зря загубил. Слышу тихий, вкрадчивый такой голос. Заклинанье читает, ворожбу на меня наводит. Я сел в лужу подумать, что делать дальше, и тут меня разморило. А открыл веки: глядь, под носом сидит этот волчище и дергает мне волоски, издевается, зверь. И давай надо мной насмеяться: мол, мимо тебя любой чужак пробежит, ты не поймашь. И сам дает ходу к горе. Я ему кричу: стой, поймаю – шкуру спущу! Да куда там! Скрылся в лесу – только его и видали.

– Все не так было! Его призрак сморил! Это призрак! –

принялся подпрыгивать от негодованья Горихвост.

– Видел я этого призрака, – раздался над его ухом скрипучий голос.

Головы лесных тварей разом повернулись к вязу, который шевелил корневищами, будто клубком одеревенелых змей. Вяз развел ветви в стороны и обнажил дупло, похожее на темную глотку.

– Бежал этот прощельга мимо меня прямо в надвратную башню, – заскрипела древесная глотка. – Я его цап за шкирку, и давай строго спрашивать: кто таков и куда? А он давай воровать, как заправский колдун: сперва зачурал меня, будто траву-первогодку, а после изрек целое заклинание, из тех, что писаны в черной книге. Мало было меня заморочить: еще и грозился припомнить мне верную службу и опосля поквитаться. Я застыл, а волк ломанулся к горе. Сразу после земля задрожала, из жерла повалили клубы. Счастье, что повстречался бес – он и привел меня в чувство.

Вяз зашевелил корнями и медленно отполз в сторонку.

– Так и было, – подтвердил Вахлак, хлопнув перепончатыми крыльями и смахнув хвостом ворох листьев. – Я согнал наваждение с Чура, а гора уже вся дрожит и пыхтит. Ну, думаю, пришло лихо, откуда не ждали. Подлетел к кипучему жерлу, вижу: из Змеинога черепа дым валом валит. Того и гляди, сам змеюка появится и огнем пыхнет. И тут прямо мне на голову – хрясь! Валится наш доходяга, вурдалаша наш ненаглядный. Летит так красиво: головой вниз, в

струнку вытянулся, лапы прижал, будто собрался выиграть соревнование по прыжкам в огненный омут. Ну, думаю, сейчас как нырнет на дно, а мне что, доставать его из огня? Нет, увольте. Подхватил его и понес от греха подальше.

– Он благодарил тебя за спасение?

– Как бы не так! Тяпнуть за палец пытался. Вона, чуть кожу не прокусил.

– Что вы тут говорите? – возмутился Горихвост. – Я ведь думал, что это призрак спустился по мою душу. Он читал черную книгу и сидел на престоле волхвов, как в незапамятные времена, когда там приносили жертвы.

– Откуда ты знаешь про жертвы? – впился в него острым взглядом Лесной царь.

– На фигурках видал. Там их много, – упавшим голосом отвечал Горихвост. – Все такие узорные, выпуклые, из камней и слоновой кости. Совсем как настоящие, только поменьше.

Царь опять обернулся к бесу и строго спросил:

– На горе или в башне был еще кто-нибудь?

– Больше я никого там не видел, – растерянно развел лапы Вахлак. – Правда, в веже я не искал. Мне и в голову не пришло в нее соваться. Жутко там, до сих пор мураши шкуру щекочут. Сколько народу пропало в ней без вести – не сосчитать! Надо последнего ума лишиться, чтобы полезть в это проклятое место.

– Откуда ты знаешь заклинания черной книги? – вперил

царь взор в Горихвоста.

– Так ведь дед у меня был волхвом, – упавшим голосом признался вурдалак. – Ты же сам, государь, книгу ему на сохранение отдавал. Он и читал мне ее, как другим сказки на ночь читают. Я едва их упомяну, а уж использовать – так и вовсе до нынешнего дня не пытался.

– А что сегодня случилось?

– Чур меня так тряхнул, что чуть душу не вытряс.

– Значит, ты мог заморозить всех трех стражей, – Лесной царь положил ладонь с перстнями на подлокотник престола. – Ты же мог вычитать в ней про обряд, которым будят змея от вечного сна.

– Да не мог я! – с досадой выкрикнул Горихвост. – Чтобы черную книгу отомкнуть, нужно знать ведовское слово. Без него книга своих тайн не раскроет.

– Дед тебе это слово и выболтал.

– Вот и нет! Он думал, что колдовство в неумелых руках – сущее горе. Мне даже до переплета дотронуться не позволял, а уж заветного слова я от него и не слыхивал. «Книга – не баловство, ее кому попало открывать не след», – так он мне говорил.

– Но ты был на горе, когда змей заворочался, и тебя обвиняют в убийстве боярина Злобы. Выходит, ты и свитку его мог стащить с кривой шапкой. Не для того ли ты выдумал призрака, чтобы свою вину на него свалить?

– Ничего я не выдумал! – взвизгнул Горихвост. – Призрак

дубиной меня огрел – вон какой на макушке шишкан! Я ловил его в веже, у яшмового алтаря, что над огненной бездной. А после зверь махнул свиткой у меня перед носом, я напрыгнул, а за свиткой – обрыв. Я и свалился.

– Так ты был у яшмового алтаря? – лицо Царя потемнело, ладонь сжалась в кулак. – Ты видел огненную реку, что течет под землей? Вот отчего змей заворочался! Все один к одному. Чтобы разбудить древний дух, нужно, как в старину, принести ему жертву. И сделать это нужно на алтаре, залитом кровью невинных девиц. Ты мог вычитать это в книге. Разве случайно она пропала после гибели Дедослава? Признавайся: может, ты и деда убил, чтобы ей завладеть?

– Лихо-марево! Как язык у тебя повернулся? – Горихвост до того зашелся от негодования, что подавился словами. – Ведь я в тебя верил! Я ради тебя готов был и с других шкуру спустить, и свою пожертвовать! А ты меня так бесчестишь! Так знай: больше я тебе не слуга, а вам, твари лесные – не брат!

Горихвост сжался, зарычал и оскалил клыки.

– Слово сказано! Поимать его, и в темницу! – распорядился Царь. – Ты, вурдалак Горихвост, был добросовестным стражем леса, пока нас не предал. Ты попытался разбудить змея, а это великое преступление. И за него я приговариваю тебя к казни.

Обитатели леса потупили взоры.

– Под надежную охрану его! – велел Царь.

«Что еще за надежная охрана? – забеспокоился Горихвост. – Ой, нет, только не то, о чем я подумал!»

Русалка Шипуня отвратительно захихикала. Хвост вурдалака сам собой опустился к земле. Уши прижались к макушке, как будто их примяли.

Огромные корни Мироствола расступились, открыв вход в пещеру. По каменным ступеням из глубины поднялась девушка лет семнадцати, одетая, как лесная охотница. Горихвост поперхнулся, споткнулся на ровном месте и уткнулся носом в грудку жухлых листьев. Ветер раздул на плечах девы багряный плащ с одним рукавом и меховым подбоем – увяичей такие звались корзном. Затрепетало вышитое золотой нитью изображение сокола, несущего в когтях дубовую ветвь с желудями, и такой же желудь с тремя листьями, но уже не вышитый на плаще, а живой, прикрыл Горихвосту глаз, когда тот осмелился выпростать морду из-под осеннего ковра. Две косы цвета спелой пшеницы шаловливо качнулись и упали на плечи охотнице поверх длинного синего платья, перехваченного широким малиновым поясом. Гладкую кожу щек ласкал воротник из пушистой куницы, а на лбу сиял синий самоцвет, вставленный в легкий, узорный венец.

– Ярогнева, дочь моя, для тебя нашлось важное дело, – потеплевшим голосом вымолвил Лесной Царь. – Поручаю тебе сторожить злодея, который обманул наше доверие. Сама знаешь: лиху нельзя давать волю, иначе оно натворит бед. Стереги его строго: этот горе-хвост умеет выкручиваться из

переплетов.

– Будь спокоен, батюшка, я за ним пригляжу, – звонким голоском ответила дева и так стрельнула в Горихвоста голубыми глазами, что тот закопался в кучу листьев с носом.

«Дочь Лесного Царя! Вот она, значит, какая. Слышал я о ней, много слышал. Если она и вправду такая, как про нее говорят, то мой хвост на волоске от больших испытаний. Сколько волчьих шкур висит в царской пещере, и все со следами ее огненных стрел. Сколько птиц и зверья распрощались с жизнями только от того, что попались ей на глазок. А ведь среди них были такие верткие твари, до каких мне далеко. Право слово, лучше бы за меня взялся этот мордатый бес, а то и дуболом-волот с его непомерной силищей», – подумалось Горихвосту.

Едва дева направилась в его сторону, как он сам сиганул в темный провал полуземлянки, прикрытой сверху земляной кровлей, на которой густо росла трава. Со стороны могло показаться, будто волк нырнул под зеленый холм и пропал из виду, но сам Горихвост слишком хорошо знал это логово: в прежние времена оно служило ему жилищем, пока пришлый Царь не навел новых порядков. Знал он и то, что деться из этой землянки некуда – другого выхода нет.

«Вот и вышло, что я в своем собственном логове, как в темнице», – с горечью подумалось ему.

Как тут все изменилось! От каменного очага осталась лишь горелая ямка в полу. Полки на стенах сорвали, сунду-

ки вынесли, и даже запах жилья сменился на отвратительную вонь незнакомых существ, задержавшуюся в этом стылом подвале на много дней после того, как их вывели. Одни широкие лавки вдоль стен были еще на своих местах, да и те почернели и покрылись безобразными следами ножей и чьих-то когтей.

– Чувствуй себя как дома! – издевательски хохотнул Вахлак, заглянув в дыру входа.

Горихвост огрызнулся, но не стал отвечать. Что взять с этого дурного верзилы! Ну не дали боги ему мозгов, разве это его вина?

А вот когда в дыру осторожно протиснулась царская дочка, он съежился и забился в угол.

– Какой ты пушистый! – с сожалением произнесла Ярогнева, щурясь на тоненький лучик света, едва пробивающийся сквозь узкую прорезь. – Жалко будет потратить такую чудесную шкурку.

Вурдалак произвольно рыкнул, но тут же взял себя в руки и спрятал клыки. Охотница потрепала его по загривку. Горихвост не сумел удержаться и ощерился. Что поделать, волчьи инстинкты! Ну не дают волки теревить себя за ушком, как домашнюю собачку. Нас не трогай, и мы тебя трогать не будем. Зачем лезть руками, куда не просили?

Широкие рукава ее платья мягко прошелестели Горихвосту по морде. Выше запястья, почти у самого локтя, они были перехвачены серебряными браслетами, на которых узор-

ные ведьмы кружились в чарующей пляске.

– Ну-ка, волчок, покажи настоящее личико! – посмеиваясь, проговорила дева. – Я пришла подлечить твои ранки.

Горихвост подпрыгнул и на лету кувыркнулся, но стукнулся лапами о низкий потолок и грохнулся на утоптаный пол. Он все же успел скинуть шкуру, и приземлился уже мужиком с переметной сумой на плече. Сума отлетела в сторону, и из нее высунулась рукоять Душебора с темно-зеленым камнем, зловеще поблескивающим в полутени.

Ярогнева расхохоталась над неловкостью пленника, но стоило ей увидеть оружие, как синий глаз ее холодно блеснул. Она быстро схватила сумку и завладела мечом.

– Это тебе не понадобится, – ледяным тоном произнесла она, пряча оружие подальше.

– Если б я думал сопротивляться, ты бы меня не удержала, – поморщившись, проговорил Горихвост. – Но я служил Дью верой и правдой, и пусть он ко мне переменялся, я-то ведь прежний!

– Не называй батюшку Дьем, он этого не любит, – строго велела царевна.

Она достала из заткнутой за гашник сумки берестяные коробочки с мазями и велела:

– Ложись на лавку! Сейчас мы тебя подлечим! И охать не вздумай, я и не такие ранки видала!

Горихвост забрался на деревянное ложе и сдернул рубаху.

– Да на тебе живого места не найти! – удивилась девуш-

ка. – Как себя чувствуешь, волчок?

– Великолепно! – бодро доложил Горихвост.

– Ничего не болит?

– Как ничего? Все болит.

– Почему тогда великолепно?

– Раз болит – значит, жив, – объяснил узник.

– Вот и шишка! На месте, – довольно заметила Ярогнева, ощупывая его голову.

– А куда она денется? Сколько через голову ни кувыркайся, раны сами от этого не пройдут.

Шишка жутко саднила, но ему пришлось стойко терпеть, пока дева втирала в нее мазь. Потом тонкие пальцы охотницы обработали его синяки, которых обнаружилось великое множество. Кое-где пришлось даже подвязать тряпицы, чтобы кровь не сочилась.

– Что ты морщишься? – посмеялась Ярогнева, глядя на его перекошенную физиономию.

– Легко тебе смеяться, – недовольно откликнулся Горихвост. – А у меня слезу вышибает, когда ты пальцем тычешь в синяк.

– А что это за значки у тебя на спине? Их что, задом наперед накололи?

– Дед сделал наколку, когда я был маленьким. Оберег от дурной ворожбы.

– Помогает?

– Еще бы! Порча и сглаз отскакивают, как от заговорен-

ного.

Ярогнева погладила ладонью край сброшенной длаки и проговорила:

– Удивляюсь, как ты не ободрал шкурку в чаше.

– Она почти новая, – с гордостью похвалился Горихвост. – Раньше у меня была другая – серая, в бурых подпалинах. Но я оказал услугу Великому Лиходею, и он подарил мне эту. Такой милости я и не ждал.

– Лиходей? Вот это новость! – удивилась охотница. – Даже я никогда не видела Лиходея, а ведь мой батюшка его поданный. И чем ты ему услужил?

– Спас лес от большой беды. После люди заключили с лесной братией договор: они не суются к нам, мы не суемся к ним. Смешно сказать, но мне же этот договор вышел боком: людям не нравилось, что я бегаю к деду в деревню, и они потребовали у Дыя... ах, извини, у царя, чтобы он отселил меня. Раньше я жил здесь, в этой землянке. А после мне пришлось перебраться в самую глушь, в Волчьи Дебри. И логово мое теперь там.

– Вот почему мы с тобой не встречались. Даже я не забиралась так далеко, а ведь я лес вдоль и поперек обошла.

– Не удивительно: в Волчьих Дебрях сам черт ногу сломит, а уж твоя стройная ножка там и подавно завязнет.

– Моя стройная ножка может так въехать тебе в волчий лобик, что ты забудешь, как мясо жевать, и начнешь щипать травку со стадом овечек, – премиленько моргнула глазами

охотница.

Горихвост на мгновение опешил и принял виноватый вид. На прощанье она обернулась и с угрозой произнесла:

- И не вздумай сбежать. Я тебя из-под земли достану.
- Под землей только бесы сидят. Я не бес, – буркнул в ответ Горихвост.

Глава 4. Черная нить

15 вересня

Неужто настал час прощаться с жизнью? А утро такое чудесное! Лес перед восходом окутан туманом, но ветерок уже разгоняет его, и теплое солнце начинает расцвечивать край лазурного небосвода. Травы звенят от холодной росы, которая чище, чем вода в роднике. Где-то вдали голосят петухи, празднуя новый день. Только весь этот праздник не для меня. Суждено ли мне встретить вечер?

– Эй, приговоренный! Поднимайся. Пришли за тобой, – послышался снаружи мрачный голос беса.

Есть ли смысл сопротивляться? Горихвост выбрался из логова, понутив голову. Его новенькая вотола из конопляной ткани смела полами ворох золотых листьев, устилавших поляну. Осиротевший без меча пояс болтался, приспущенный, под худым животом. Ярогнева больно кольнула его взглядом холодных, как зимнее облако, глаз. «Да, от такой пощады не жди», – подумалось Горихвосту.

Леший Распут перекинул через плечо сумку с волчьей шкурой и стянул ему запястья ремнем. Ладони занемели, но время ли жаловаться? Царевна подвела их к подножию Древа, вокруг которого уже собрались обитатели леса. Царь спо-

койно сидел на престоле, сжимая ладонью каменный подлокотник.

Ох, до чего сильны лапы у беса! Щетина на его шкуре колючая, пихнет мимоходом – как наждаком пройдетя. А Сиводур-то, Сиводур, так и пыхтит от усердия, даром что боги соображалки не дали. От этих двоих не уйдешь: Вахлак хлопнет крыльями, взмоет в воздух, тут и мелкая букашка от него под листом не спрячется. А великан двумя пальцами мне хребет переломит. Щелк! – и от Горихвоста одно мокрое место. Вот и думай, как выпутаться из беды.

Двое лесных стражей схватили Горихвоста за руки, прижали спиной к стволу Высокого Древа и начали опутывать веревками.

– Ослабь путы, не то задохнись! – попросил пленник.

– Еще чего! Захотел легкой смерти? – оскалил клыки бес.

Натяжение веревок немного ослабло, и дышать стало легче. Горихвост оказался распластанным по стволу. Пеньковые нити сковали его руки и ноги так крепко, что и пальцем не шевельнешь. Высоко над его головой раскачивались огромные сучья древа. С них срывались пожухлые листья и спелые желуди, и падали на растрепанную шевелюру, украшая ее осенним венцом.

– Сам решил стать царем? – затрещала в ветвях русалка, не удосужившаяся спуститься на землю. – И над кем ты собрался царствовать? Над пепелищем, раз решил пробудить огнезмея?

– Не будил я его! – с досадой выдохнул Горихвост.

– Поздно оправдываться! – сурово вымолвил Царь. – Прими свою долю с достоинством.

Собравшиеся умолкли. В ушах Горихвоста остались лишь звуки утреннего леса: тяжелый скрип древесных сучьев, карканье ворона, пенье далеких птиц, таинственный шепот и шорохи, источник которых не всегда угадает даже Хозяин леса.

– Мы решили отдать тебя Великому Лиходею, и пусть он утащит твою душу в пекло! – приговорил Лесной Царь.

– Постой, батюшка! – вмешалась Ярогнева. – Ему к Лиходею нельзя!

Горихвост с надеждой взглянул на нее и ощутил горячий прилив нежности к этим вьющимся золотистым косичкам и небесно-сапфировым глазкам.

– Лиходей его жаловал новой шкурой, когда старая поистрепалась, – продолжала царица. – Боюсь, как бы князь тьмы не принял вурдалака за давнего приятеля. Тогда ему пекло покажется не наказанием, а берегом кисельной реки.

– Что же делать? – в карих глазах Царя мелькнула растерянность.

– Тут нужно придумать что-нибудь похитрее! – промолвила Ярогнева и посмотрела на Горихвоста, недобро прищурившись.

«Вот тебе и на! А ведь я ее за человека считал! Сердце раскрыл ей! Вот и верь после этого бабам! Это ж надо, так

наплевать прямо в душу! Выходит, у них вся семейка такая. Что батяня, что дочка – одного поля ягодки». Горихвост закрипел зубами. Ногти впились в ладони.

– Но не в рай же его, – с сомнением промолвил Царь.

Дубовый венок на его волосах покачнулся, с него сорвался коричневый лист, и, кружась, полетел к земле.

– Богиня гибели лучше нас знает, куда его определить, – уверенно заявила охотница.

– Верно! – не стесняясь давящей обстановки, заржал бес. – Мара не одну душу на тот свет проводила. Она этого пакостника просто так не отпустит – умчит его в свое ледяное царство, и будет он там вечно мерзнуть, замороженный в льдину, вместо того, чтобы греться у своего покровителя в пекле!

Все собравшиеся дружно расхохотались. Один только Колоброд недовольно поморщился, но вместо того, чтобы возразить, с головой окунулся в ручей.

«Ледяное царство Мары! Боги вселенной, только не это! Какие только страшилки не рассказывают про то, что ждет душу в краю вечного холода! Уж там за меня точно некому будет замолвить словечко. Наказания хуже невозможно придумать. Да эта девка сушая ведьма, и изобретательность у нее, как у чертовки!»

Горихвоста сначала бросило в жар, а потом его объял холод, как будто он уже очутился в ледяном дворце Мары.

«Как же я мог ей раскрыться? Как же я так оплошал? Ни-

когда не повторю этой ошибки. Хотя когда мне ее повторять? Уже и времени не осталось».

О, нет! Ярогнева вынесла из подземной пещеры золотой посох с навершием в виде медвежьей головы, разинувшей пасть. Блики солнца полыхнули на желтых зубах – таких хищных, что даже у Горихвоста шерсть на загривке невольно встопорщилась. Лесная дева благоговейно склонилась и бережно, едва дыша, протянула посох царю. Значит, он будет сейчас колдовать. В любое другое время Горихвост отдал бы все на свете, чтобы взглянуть на Дыеву волшебку, но теперь она обернулась против него, а значит – пощады не жди. Все знают: колдовство Дыя настолько сильно, что от него никакой оберег не спасет.

Царь принял посох из тонких пальчиков девы и ударил им оземь. Бес замер, боясь шелохнуть крылом. Русалка повисла на ветке, как будто ее заморозили, и даже огромный неповоротливый Сиводур задержал выдох, чему Горихвост был рад, потому что пахло от волота невыносимо.

– Выйду я из лесу, пойду не оглядываясь, – загремел голос царя. – Дойду до края земли, до самого Зимнего царства. Услышу лай снежных псов, что сторожат Ледяной дворец. Живет во дворце том царица Мара, хозяйка холода и темноты. Услышь меня, Мара-царица! Явись в зачарованный лес, ибо ждет тебя дар теплой крови!

Багровая физиономия беса побледнела. Оборотень Деряба, который и раньше выглядел так, будто ни разу в жизни

не загорал, и вовсе стал белый как снег. Великан гулко охнул и осел на землю, отчего колючие кусты под ним затрещали. Даже Ярогнева закусила губу и отступила подальше, ко входу в пещеру, словно собираясь укрыться в ней при первой тревоге.

У Горихвоста гулко забилося сердце. Только не Мара! Стоит почувствовать на губах ее морозное дыхание – и душа превращается в ледяной осколок. Сколько таких душ выстроились колоннами вдоль ее снежного дворца, что спрятался за северным краем земли! Ни рая, ни пекла, а только вечное небытие – вот что ждет того, кого принесли в жертву Маре.

– Лихо-марево! – выкрикнул Горихвост, пытаясь вырваться из стиснувших тело пут. – Лучше прикончите меня прямо на этом месте! Мало вам оболгать меня и убить – вы и душу мою хотите сдать в вечный плен?

Неожиданно раздался такой треск кустов, словно сквозь чащу ломился бешеный слон. Все покосились на великана, но тот сидел сиднем и не двигался с места. Взметнулось облако жухлой листвы, хруст переломанного сухостоя ударил в уши. На поляну будто обрушился вихрь, листья принялись облетать с Мироствола и залепили глаза Горихвосту – он едва успел разглядеть, как Шипуня сорвалась с ветки и грохнулась наземь.

– Братва, общий атас! – завопил Вахлак, хлопая крыльями и взлетая.

Однако порыв ветра подхватил и так закрутил его, что подняться в воздух бес не успел. Вместо этого его бросило вниз и покатило по земле. Уже через пару мгновений над ним намело такую кучу опавшей листвы, что из нее едва торчали козлиные рожки, да нервно дергалась кисточка на конце жилистого хвоста.

– Это Мара! Уберите ее! Прогоните обратно! – теряя голову, взвыл Горихвост.

– Что за переполох? Всем уняться! Никакая это не Мара! – разразился громом Лесной Царь. – Маре до нас добраться из-за края земли. Даже сани со снежными псами донесут ее не быстрее, чем за три четверти часа. Кто поднял эту муть?

– Это я! – раздался скрипучий голос.

Среди поляны высился леший Распут. Он суматошно размахивал длинными лапами, с которых свисали широкие рукава из рваной холстины. Остроконечная шапка на его голове перекосилась, открыв нечесаные волосы, больше напоминающие клубок переплетенных канатов. Кривые ноги в дырявых лаптях выделывали кренделя, взметая листья и выдирая с корнями траву.

– Братья, пришел час беды! – заголосил леший. – В лес вломилась ватага охотников. Идут с огнем и железом. Если найдут поляну – берегись тогда, Мироствол!

– Угомонись! – грозно прикрикнул на лешего Дый. – Что им нужно?

– Шут их знает! – размахивал рваными рукавами Распут. – У них свора собак. Лезут напролом, через чащу, словно дорожку вывели. Совсем страх потеряли. Где вы, старые времена, когда люди боялись нечистой силы?

– Что за охотники? – осведомился Дый.

– Трое их, государь, – заторопился Распут. – Один толстенький, как колобок. Он у них проводник – видно, знает дорожку. В руках – пакля с горючей смолой. Второй – видный шап в аксамитовой ферязи. По одежке видать – воевода и знатный боярин. Третий – псарь с красным рубцом на щеке, спустил с поводка целую свору гончих. Не к добру они заявились, ох, не к добру!

Горихост перестал рваться из пут и наострил ушки.

– Это твои приятели к нам пожаловали? – обратился к нему Лесной царь.

– Нет у меня приятелей среди людей, – нехотя буркнул вурдалак.

– Кто их пропустил? – повернулся царь к своим подданным.

– Так никто опушку не стережет. Все здесь собрались, – высовывая рыло из кучи листьев, виновато ответил бес.

– Не беда! Они в наших чащобах так заплутают, что после не выберутся, – попыталась всех успокоить Шипуня.

– Как бы не так! – поддразнил ее леший. – Сюда напрямиком путь держат. И часа не пройдет – будут у нас в гостях.

– Что ж, гости нам не помешают, – вымолвил царь. – Дав-

ненько мы новых холопов в полон не хватали. Всею виной договор, по которому мы людей и пальчиком тронуть не смеем. Но раз они сами в наши владения залезли – значит, отдают себя в нашу власть. Тут уж не обессудьте.

Нечисть оживленно зашевелилась.

– Верно, нам работников не хватает, – довольно замахал лапами леший. – Дебри некому расчищать.

– Вот ты их и пополни! – велел лешему царь. – Запутай их в дебрях, как ты умеешь. Когда обессият – вяжи и веди сюда. А там подумаем, к какой работе их лучше пристроить.

Лесная компания бурно загомонила. Леший с готовностью бросился исполнять поручение.

«Это кто там еще идет? – лихорадочно соображал Горихвост. – Друзья или враги? Может, они хотят спасти меня? Кто бы это ни был – лишь бы не Мара с ее ледяным поцелуем!».

– А вы чего рты разинули? – прикрикнул Дый на оставшихся. – Очищайте поляну от хвороста, валежника, сухостоя. Мара не терпит огня. Только бы искорки не проскочило!

Лесная братия дружно бросилась собирать ломаные ветви. Горихвост ощутил колючий порыв зимнего ветра. «Почему стало так холодно? – с беспокойством подумал он. – Осень едва началась, до морозов должно быть еще далеко...» А ветер дул все сильнее и сильнее, превращаясь в настоящую бурю. Небо, еще недавно синевато-белесое от светлых

промоин, на глазах становилось тяжелым и давящим, приобретая цвет грязной тьмы. Дневное сияние померкло, Туманную поляну окутали сумерки. «Уже вечер? – кончики пальцев у Горихвоста тряслись. – Но солнечное колесо еще за полдень не перекатилось! Как мог день так быстро пройти? Что тут творится?»

Ему на лоб опустилась снежинка. Она уколола его холодком и тут же растаяла, превратившись в малую капельку, смешавшуюся с горячим потом. Следом за ней повалили снежные хлопья размером с ноготь, и всего за минуту растрепанные волосы вурдалака покрылись шапкой из талого снега. Обитатели леса разинули рты и дрожали – то ли от холода, то ли от страха.

Один Лесной Царь сошел с каменного престола, и, высоко подняв в руках посох, гремел низким голосом:

– Мара, явись! Жертва уже приготовлена!

«Это я жертва? – мелькнуло у Горихвоста. – Это я приготовлен? Да что ты вообще понимаешь, чудище в золоченом венце? Не готов я расстаться с душой, а отдать ее Маре вообще не согласен! Пусть я и не в волчьем обличье, но если она только попробует меня поцеловать – я ее так укушу, что она век не забудет!»

Неожиданно сквозь лесную чащу донесся звук охотничьего рога. «Ненавижу охотников, – подумалось Горихвосту. – Но этот рожок не такой, как другие. Есть в нем что-то веселое, что-то бодрящее. Наши лесные братья рожками не поль-

зуются, значит, это продвигаются люди. Кто из них осмелился вломиться в Запретный лес?»

По серому лицу вурдалака пробежала улыбка. Под нижней губой сверкнули два белых клыка. Горихвост тут же их спрятал, чтобы не показывать виду, но Ярогнева метнула на него быстрый взгляд.

Запахавшийся леший вынырнул из чащи и упал на колени. Его деревянная грудь ходила ходуном, он сипло втягивал воздух и выдувал его через ноздри, похожие на два дупла.

– Ну что, запутал пришельцев? – сурово спросил его царь.

– Запутал! – преданно посмотрел ему в глаза Распут. – Только они, супостаты, извернулись. Я уж было завел их в такие дебри, откуда они век бы не выбрались. Еще чуть-чуть – и упек бы их в болото, а там сгинешь в трясине, и поминай как звали. Да они, вишь, задули в рожок. Звук у него такой мерзкий, аж дрожь пробирает. Видать, волховской или заговоренный. Уж прости меня, государь: я как его услышал, так меня такой страх обуял, что я бросился со всех ног бежать, и не останавливался, пока до Туманной поляны не добежал.

– Дурень! – в сердцах обругал его царь. – Ты сам им дорогу к Миростволу указал. Теперь они по твоим следам нас быстро отыщут.

– Нет, не быстро! – попытался оправдаться Распут. – Я задержал их на добрую четверть часа.

– Все равно через полчаса они доберутся, – недовольно вымолвил Дый. – Ладно, и так успеем. Мара будет уже через

четверть. Только бы эти разбойники нам не сорвали обряд. Уж очень не хочется мне ее злить.

У Горихвоста упало сердце. «Четверть часа, и мне конец! Не знаю, зачем идут эти охотники. Меня ли спасти или по своей надобности – но только бы они успели раньше Ледовой царицы! С Распутом в лесу шутки плохи – он тут каждую кочку знает. Если взялся кого-то запутать, то так заплутаешь, что назад не воротишься. Неделю блуждать будешь рядом с дорогой, да все мимо пройдешь. Сгинуть в чаще – плевое дело. Но и эти ребята, видать, непросты, раз сумели его отогнать. Значит, знают какой-то секрет. Кто бы вы ни были – поспешите, без вас я не уцелею!»

Он попытался подняться повыше, но жесткие путы давили так сильно, что удалось лишь немного поелозить спиной по стволу. Горихвост вытянул шею и вгляделся в чащу, но из сгустившихся сумерек в глаза летели одни хлопья снега. Он наострил слух, но завывание ветра перекрывало все звуки.

«Эй, где вы там? Поторопитесь!» – мысленно голосил он. – Уж очень не нравится мне это тусклое облако, что появилось под темными тучами. Почему оно летит прямо к нам? Вон как растет, аж на глазах, будто мыльный пузырь, какие дед учил меня надувать, когда я еще не был волком. Тучи несутся в одну сторону, а этот пузырь – в другую. Разве так бывает? Только б не новое лихо на мою голову!»

Серое облако, появившееся из-за северного горизонта, и в самом деле разрасталось. Снежные хлопья вырывались из

него и осыпались на землю, как будто без них не хватало бурана и холода, так не ко времени разразившихся среди бабьего лета.

На поляну спустился туман, видно, чтобы напомнить, почему ее называли Туманной. Серая мгла окутала Горихвоста, сперла дыхание, заложила уши глухой ватой. Из непроглядной завесы вынырнули невероятных размеров песцы, каждый ростом с дикого вепря. Белая шерсть их блестела от льдинок, как будто они только что пронеслись по заснеженным пустыням дальнего края земель. Шесть пар тащили огромные сани, и еще один, самый крупный и сильный песец, бежал вожакom в голове упряжки.

В любое другое время Горихвост посчитал бы вожакa соперником и немедленно изготовился бы к бою, но теперь ему было не до песцов. Он во все глаза разглядывал Северную царицу, что высилась в санях. Казалось, что вся она состоит из туманного марева, колышущегося на ветру. Белая шуба с лазурной оторочкой, расшитая серебряными узорами, полами сметала с поляны опавшие листья, и там, где она касалась земли, оставались целые сугробы.

Сани остановились, царица сошла, и Горихвосту пришлось задрать голову, насколько позволяли путы, иначе он не разглядел бы лица этой дивы. Пушистая шапка из соболей вздымалась так высоко, что почти доставала до нижних ветвей Мироствола.

Царица прошлась по поляне, с каждым шагом становясь

меньше и меньше. Туманное марево, из которого она состояла, делалось все осязаемей, пока гостья не приняла облик суровой жены, под стать Лесному царю, к которому она приближалась.

Горихвост заметил, что пальцы Дыя так сильно сжали золотой посох, что аж посинели. Ничем другим хозяин леса своего волнения не выдавал. Ярогневы было вообще не видать – она спряталась в пещере под корнями Древа и не показывала оттуда носа.

– Звал меня? – спросила Мара.

Ее голос был чистым, как звенящая струна, но таким холодным, будто звук замерзал на лету от мороза.

– Да, царица, – низко склонился перед ней Дый. – Мы собрались, чтобы принести тебе жертву. Это волк-оборотень Горихвост, человеческим именем Горислав Плетунов.

– Что ты хочешь взамен?

– Будь побережней с нашим лесом, когда наступит зима, – вкрадчиво попросил Дый.

Северная царица рассмеялась так звонко, будто запели сосульки, по которым ударили молоточком. У Горихвоста от этого смеха мороз пробежал по спине. Все присутствующие будто заледенели – никто не решался пошевелиться и вымолвить слово, и даже бес перестал хлопать крыльями, топтать копытом и дергать хвостом. Тишину нарушало лишь тьявканье зимних псов, что принялись грызться, укладываясь на поляне.

– Я принимаю жертву, – вымолвила царица и подошла к Горихвосту.

Тот зажмурил глаза, но тут же напомнил себе, что нужно быть сильным и смотреть страху в лицо. Лицо Мары казалось красивым, но это была красота льда. Светло-голубые, почти белые глаза заглядывали в самую душу и пронзали ее тысячей морозных иголок. Серебряный венец с крупными жемчужинами удерживал на голове шапку, из-под которой выглядывали тяжелые русые косы.

– Хорош красавчик! – рассмеялась царица, осмотрев вурдалака. – Его статуя украсит мой Ледяной дворец.

– Не собираюсь я ничего украшать, – выдавил из себя Горихвост. – Если хочешь знать, то меня жаловал сам Лиходей. Скажу заклинание – и целый полк жутких упырей вырвется из пекла мне на помощь.

– Какой он дерзкий! Какой горячий! – опять рассмеялась Мара, и звон ее голоса был таким ледяным, что Горихвост поперхнулся своими собственными словами. – За северным краем земель все горячее остывает. И даже огни пекла замерзнут. Это знает и твой Лиходей. Пусть приходит – я отплачу ему за те милости, что он мне оказывал в прежние времена.

Внезапно улегшиеся песцы забеспокоились. Вожак поднял голову и тревожно принюхался к ветру. Его уши встали торчком, черные ноздри раздулись, коричневые глазки забегали по сторонам.

– Ты чего там унюхал? – хотел было спросить Горихвост, да у распухшего языка не нашлось сил шевельнуться.

И тут же до его слуха долетел отдаленный собачий лай. Где-то за лесом гончие шли по следу, и победоносный гул рога перекрывал шум несущейся своры. Горихвоста передернуло по привычке – какой вурдалак без отвращения подумает об охотничьей своре? И тут же на ум пришло, что хуже уже не будет – пусть лучше охотники с их легавыми, чем своя собственная братва, потерявшая рассудок.

– Что за переполох? – ледяным тоном осведомилась Мара.

– Не изволь беспокоиться, государыня, – залебезил перед ней Дый. – Так, людишки шалят. Дело обычное. Мы их поугаем немного, они и отстанут.

– Как бы не так! – расплываясь в улыбке, взревел Горихвост, и на этот раз его голос гремел, как труба. – Сейчас эта ватага накатит и всем вам хвосты прищемит! Селяне давно грозились распугать нечисть в лесу. Удачнее времени и не выбрать!

– Ты такая же нечисть, как мы, – рассерженно бросил ему Лесной царь. – Тебя люди больше всех ненавидят.

– Правда? – загоготал Горихвост. – А вы сами-то этого не забыли? Где это видано: выдавать брата на вечное забытье? Кем нам приходится эта Мара – теткой али кумой? Она в нашем мире чужая, и раз вы решили выдать меня головой – то вы все предатели, вот вы кто!

– Придержи язык! – недовольно окрикнул Дый.

– А чего ты мне сделаешь? – расхохотался вурдалак. – Придумаешь что-то похуже?

– Когда эти люди доберутся до нас? – спросила Мара.

– Не раньше чем через четверть часа, – поспешил с ответом Дый. – Но мы им устроим ловушку, так что ты и их за раз сможешь прибрать.

– В Ледяном дворце слишком много замерзших душ, лишние там не нужны, – возразила царица. – С человеческим отродьем пусть тешится Лиходей в своем пекле, а мне нужно что-то особенное.

– Этот вурдалак необычный! – услужливо вставил Дый. – Он от корня великих волхвов, что правили колдовским городом Дедославлем. Последний в своем роду, других таких не осталось.

– Я им довольна, – оглядев пленника, вымолвила царица.

– Но у нас всего четверть часа...

– Больше мне и не нужно.

Мара приблизилась к Горихвосту и заглянула ему в глаза. Он отвел взгляд, но переносицу все равно так кололо, будто на лоб упал еж. «Только бы охотники успели пораньше, – молил он беззвучно. – Только б их гончие ворвались на поляну и распугали бы палачей!»

В руках царицы появилась толстая черная нить. Горихвост впал в тоску, настолько беспросветную, что будь в небе десять солнц – ни одно не согрело бы его душу. Длинные белые пальцы принялись перебирать узелки, завязанные на

нити. Мара притронулась к одному из узлов и легонько погладила его подушечкой пальца. Горихвосту вдруг ясно припомнилось детство: вот он в доме своего деда, с ним в горнице мать Брусница и отец Тихомир. Мать достает из печи железный противень с пирогами и ставит на стол. Отец смеется и хвалит хозяйку за доброе угощенье. Пахнет вкусной печеной коркой, тестом, рыбой и мясом. Мычат на дворе коровы и квохчут куры, в хлеву возятся свиньи, а на коленки прыгает пушистая кошка, и от ее ласкового мурлыканья становится так тепло, что тает сердце.

Вдруг мягкую улыбку отца искажает тревога. Мать меняется в лице и бросается к сыну. В горницу врываются злые люди с кривыми саблями и начинают орать, как полоумные. Поднимается свара, отец бьет их ухватом, но людей слишком много, они нападают, машут саблями и грохочут тяжелыми сапогами. И вот Горихвост уже на дворе, спотыкается о прирезанную собаку и растягивается в луже крови. Кошка запрыгивает на яблоню и расширенными от ужаса глазами смотрит на то, как выволакивают из избы едва живого отца и визжащую мать. Брусницу тащат за волосы по ступеням и безжалостно бьют. Отец пытается защитить ее, но его секут саблями. Мать тянет руки к сыну, и тут злой опричник с рубцом во всю рожу бьет ее по голове булавой. Мать замирает и падает без движения. Дед затаскивает Горюню в подклеть и зажимает ему рот, чтобы тот не голосил, а опричники рассыпаются по двору и добивают всех, кто еще шевелится –

даже кур топчут каблуками, и их перья взмываются в воздух, прямо как снежные хлопья, что падают сейчас Горихвосту на щеки.

«Зачем я это вспомнил? Тот, кто пережил такое, уже не останется человеком. В душе пробуждается что-то дикое, волчье. Хочется рвать и кусаться, бросаться на врагов и драть их в клочья, разгрызать кости, лить кровь».

– Что, припомнил? – раздался на ухом мелодичный смех.

Виденье детства пропало. Горихвост поднял помутневший взор на Мару, что разглядывала его с любопытством, следя за каждым изменением его лица.

– А вот тебе следующий узелок! – сказала она и тронула пальцем нить.

Горихвост снова увидел родную деревню. Он, мальчишка, крадется в сумерках по задворкам. Он озяб, устал и оголодал. Княжие слуги с горящими факелами несутся по улице и улюлюкают. Им весело, они горячи, в жилах бурлит кровь, смешанная с красным вином. Малец дрожит, как осиновый лист – его прикончат, как только найдут. Неожиданно за спиной раздается глухое рычание. Он оборачивается: это собака скалит зубы и готовится к броску. Он кричит и срывается с места, а собака несется за ним. Княжьи слуги хохочут и спускают вслед целую свору. Мальчик прыгает через заборы, оставляя на них клочья одежды, а его травят псами, как зверя. Для опричников это охота, веселье и гогот. Псы загоняют его в подземелье. Там ждет дед Шиворонец, сам едва живой.

Дедослав хватает мальчика, прижимает к себе и набрасывает на плечи волчью длаку, шепчет в ухо жаркое заклинание, а затем с неожиданной ловкостью поднимает и подбрасывает к потолку. Горюня взлетает и падает наземь уже серым волчонком со вздыбленной шерстью, тонкими лапами и куцым хвостом. «Беги в лес! – шепчет дед. – Сиди там, прячься, и не высовывай носа из чащи!» И вот он уже на опушке заповедного леса, а опричники все несутся за ним, продолжая охоту, улюлюкают и осыпают стрелами.

Какая мертвая хватка у этой холодной царицы! И взгляд такой же безжалостный – в точь как у тех же опричников. Только голос другой – такой мелодичный и звонкий, но от такого дрожь пробирает еще глубже. А тонкие пальцы уже подбираются к следующему узелку, и Горихвост закрывает глаза, потому что не хочет видеть всего, что приходит на память.

«А предательство друга? Маленький злыдень Игоня, в своей пестрой одежке похожий на кукольного скомороха? Каким душевным товарищем он казался мне, пока не стащил черную книгу и не выставил меня виноватым. Мужики тогда чуть не сожгли Мироствол и не разграбили сокровища в его пещерах. А единственный мой дружок, с которым я часами болтал обо всем на свете, которому изливал душу, задумал известить и всю братию, и меня. Сам захотел стать хозяином леса. Что за бредовая мысль! Как он мог так со мной поступить? И кто теперь мне друг? Кому я могу открыться?»

Уголки губ царицы чуть заметно приподнялись вверх. Какая тонкая у нее улыбка! И какая ледяная – как дыхание мороза среди лютой зимы. Пальцы опять заскользили по нитке, подбираясь к следующему узелку.

– Стой! Не надо! – взмолился Горихвост.

– Уже надоело? – улыбнулась Мара.

– Перестань мучать меня! Лучше порви эту нить.

– А ты знаешь, что будет, когда она разорвется?

– Уже догадался, – хмуро буркнул Горихвост.

– Что ж, ты сам попросил!

Ледяной тон Царицы не оставлял надежды на пощаду. Она достала из-под полы маленький серп, начищенный до зеркального блеска. Несколько снежинок опустились на его тусклую сталь, но не растаяли, а соскользнули с лезвия. Мара взмахнула серпом и приготовилась перерезать эту черную нить с узелками. Горихвост тяжело вздохнул и зажмурил глаза. Ледяное дыхание Мары обожгло его щеки.

– Где же эти охотники? – вырвалось у Горихвоста. – Когда не ждешь их, они донимают. И вот единственный раз понадобились – а их нет!

Белые песцы подскочили и залились надрывистым тьявканьем. Из темной чащи вырвалась свора гончих и ринулась к Миростволу. В один миг вся поляна вокруг Древа миров превратилась в бурлящий водоворот, в котором рыжие шкуры гончих перемешались с белыми пятнами гигантских песцов. Мара помрачнела и отступила. Снежные псы окружили

ее и оскалились, отпугивая деревенских собак.

– Они мне мешают! – обратившись к Дью, прошипела Царица. – Избавься от них.

– Не изволь беспокоиться! – засуетился Дый. – Сей же миг все устроим!

Он махнул рукой лесной братии. Бес, оборотень и русалка нырнули под огромные корни Древа, торчащие из-под земли, и скрылись из виду. Сам Дый увлек Мару в пещеру, вход в которую зиял за его престолом. Песцы бросились следом и пропали в темном провале. Проскрипели каменные ступени, давая знать, что Лесной царь и его гости удаляются в глубину подземелья.

Гончие сгрудились перед зияющей пастью пещеры. Они лезли друг на друга, толкались и заходились от лая, но не решались перескочить через порог, за которым сгущалась пугающая тьма.

Вслед за сворой из чащи выкатилась округлая фигурка мельника, сжимающего в руках палку, обмотанную горячей ветошью. Лицо Курдюма перекосилось то ли от ярости, то ли от страха, глаза жутко вращались, а рот издавал нечленораздельные вопли, похожие на заклинания. За ним сквозь густые кусты продралась еще двое загонщиков – высокий боярин лет тридцати пяти, в добротной лиловой ферязи из заморской парчи, и его слуга, отчаянного вида мужичок лет за сорок, в простецком кожухе с оторванными рукавами, по всему виду – псарь.

– Курдюм, сюда! – завопил Горихвост. – Пом...

Он поперхнулся. Слово едва не сорвалось с его языка, но застряло в горле комком. Горихвост никогда не просил о помощи – он привык жить в лесу и надеяться лишь на себя. Других он выручал частенько, и делал это с охотой, а уж то, что ему доверили охранять зачарованный лес с Древом миров, и вовсе наполняло его тайной гордостью. Но чтоб просить помощи самому? Такого он не припомнил. Однако теперь ему пришлось переступить через гордость.

– Помоги мне, Курдюм! – прохрипел он. – Ради ушедших богов! Вдруг они не сгнули насовсем? Вдруг вернуться? Тогда тебе это зачтется!

Мельник разглядел наконец пленника, привязанного к стволу, и помчался к нему. При этом он так дико размахивал своим самодельным светочем, будто хотел подпалить небеса. Оба спутника устремились за ним, но псарь кинулся не к Горихвосту, а к своим гончим, и принялся оттаскивать их от пещеры.

– Это воевода Видослав Рославич, новый хозяин села, – запыхавшись, выпалил Курдюм. – А там его псарь Звяга.

– Развяжи меня! – едва слушая, бросил в ответ Горихвост.

Курдюм впился ногтями в веревки, но пеньковые узлы оказались такими крепкими, что справиться с ними не удалось. Видослав Рославич принялся кромсать канаты ножом, но и острое лезвие лишь оставляло зарубки на толстых плетенках.

– У тебя меч был. Он где? – затараторил Курдюм.

– Отобрали, – с досадой откликнулся Горихвост. – Дыева дочка стащила, чтоб ее лихоманка прибила!

– У Лесного царя есть дочь? – переспросил воевода Видослав.

От удивления он перестал резать веревку. Его серые, цвета темного моря глаза забежали по поляне.

– У него много кто есть, – с беспокойством выговорил Горихвост. – Тут еще и бес со всей шайкой в засаде, так что держите ушки остро, не попадитесь!

– Что ж тебя так запутали? – пыхтя изо всех сил, опустил руки Курдюм. – Вот черти лесные! Ну как с ними сладить? Где эта Дыева девка? Отниму меч обратно и мигом тебя ослобожу.

– Не до нее сейчас! – завертел головой пленник. – Тут где-то Мара была, вот кого надо бояться!

– Мара? – едва услышав это имя, загорелый Видоша побледнел и отскочил от Древа. – Чур меня, только не тронь!

– Не зови Чура, он тоже поблизости! – не удержался от гогота вурдалак. – И от кого это так псиной воняет? Не выношу запаха псарни.

– Ты свою стельку нюхни, зверь лесной! – откликнулся Звяга, который как раз приближался, угомонив гончих. – Таких, как ты, собаки к селу на версту не подпустят.

– Твои собаки поджимают хвосты, едва почуют мой след! – не без самодовольства заметил Горихвост.

– Что-то ты слишком борзой для щенка, с которого шкуру едва не спустили, – стрельнул темным глазом псарь.

На его щеке искривился багровый рубец, длинный мясистый нос шевельнулся, изображая недобрую ухмылку. Вислоухий пес, которого он держал за ошейник, вырвался и с лаем бросился к хитросплетению дубовых корней. На вывороченном из земли кряже преспокойно сидел русский заяц, чесал задней лапой за ухом и нахально разглядывал незнакомцев. На шее его виднелся поясок из оленьей кожи. Звягин пес подпрыгнул и попытался цапнуть его за ляжку, но не долетел и только щелкнул зубами в воздухе. Вся остальная свора кинулась ему помогать. Поляна потонула в ожесточенном лае.

Заяц сделал вид, будто струхнул, осторожно спустился с корневища и, не слишком торопясь, затрусил вдоль широкого ствола. Его коротенький хвостик при этом так призывно качался из стороны в сторону, словно его обладатель нарочно поддразнивал гончих. Недолго думая, собаки рванули за ним. Звяга растерянно выкрикнул: «Я в этом лиходейском лесу без псов ни шагу!», и бросился за своими питомцами. Видослав тоже не устоял на месте, а следом пустился в бег и Курдюм. Шумная и толкающаяся лавина покатила по полюне, перескакивая через вывороченные корни.

– Вы куда? Стойте, простаки! – закричал им Горихвост. – Заяц липовый! Это козни нечистой силы!

Но охотники так торопились, что им некогда было слушать предостережения привязанного к дереву пленника.

Корень дерева миров, загородивший вид на старую землянку Горихвоста, со скрипом распластался по земле. За ним открылось видение, которого сам Горихвост никак не ожидал тут увидеть. На месте узилища, в котором его продержали всю ночь, вставал дивный дворец. Каменные палаты с позолоченными крышами тускло поблескивали в хмуром сиянии сгустившихся сумерек. Серебряные стены кольцом опоясывали просторный двор. Распахнутые створки ворот зазывали войти, словно заманивая колдовством. Заяц нырнул в них, игриво вильнул хвостиком и скрылся из виду.

Свора гончих умолкла и принялась бегать вокруг, недоверчиво принюхиваясь. Звяга приблизился к воротам, осторожно заглянул и жадно потер ладони, как будто предвкушая поживу.

– Что там? – нетерпеливо спросил его Видослав.

– Нашлись сокровища Дикого леса! – довольно осклабился псарь. – А я думал, будто про них только в сказках рассказывают.

– Не ходите туда! Это обманка! – закричал им Горихвост.

Но боярин лишь с досадой от него отмахнулся. Толстенький Курдюм подкатился к воротцам, заглянул вслед за Звягой и разинул от удивления рот.

У порога возникла фигурка благообразного старца с седой бородой. Синий кафтан его был расшит серебрястыми звездами, отчего старец напоминал звездочета. Казалось, что прожитые годы гнетут его, однако даже сгорбившись, он на

две головы возвышался над боярином и его псарем. Едва почувяв его запах, псы зашлись от лая. Не обращая на них внимания, старец раскинул руки в радушном жесте и вкрадчиво заговорил:

– Вот вы и пожаловали, дорогие гости! Богатства Туманной поляны вас давно уже ждут. Берите столько, сколько сможете унести. Моя дочь вас проводит.

На крыльце палаты из белого камня показалась юная девушка в сказочном сарафане и высоком кокошнике. Вид ее неприятно кольнул Горихвоста: на мертвенно-бледных щеках слишком ярко горели румяные пятна от наведенной красоты. В мутно-серых глазах не пробежало ни искорки, что разительно отличало ее от подвижной, горячей Ярогневой. Девушка ласково улыбалась, но улыбка казалась натянутой и неживой.

Не закрывая рта, Курдюм переступил через порог и пошел прямо к ней.

– Эй, куда! Я дворец первым нашел! – вцепился в его пояс Звяга.

– Цыц! Я тут хозяин! Вперед барина не соваться! – окрикнул их Видослав.

– Вас морочат! Послушайте меня! Я сторож леса, я все их уловки наизусть знаю! – вопил Горихвост, порываясь выпутаться из веревок.

Видослав Рославич оглянулся, бросил на него неприязненный взгляд и поспешил к крыльцу. Звяга с Курдюмом

устремились за ним.

– Кто первым успеет, тот все и получит! – неестественно улыбаясь, пропела девица.

Забыв обо всем на свете, трое охотников бросились вверх по крыльцу. Звяга оттолкнул Курдюма, отчего тот поскользнулся и покатился вниз. Пока он карабкался обратно, боярин и псарь уже вломились в двери, которые девица услужливо распахнула. Мельник пронесся мимо нее и скрылся внутри.

Некоторое время их не было видно. Затем из каменной палаты донеслись грохот и звон, как будто кто-то переворачивал сундуки с ветхой рухлядью. Через пару мгновений на крыльце показался Звяга. Коварно улыбаясь, он вздымал в руках тяжелый ларец, из-под распахнутой крышки которого сыпались самоцветы. Следом возник боярин с грузом продолговатых серебряных слитков, которые он тащил за собой в сундуке. Последним выбежал из дворца толстый мельник, разодетый, как падишах тридесятого царства. Тяжелая шуба из соболиных шкурок волочилась по полу, сметая рассыпанные камни. На голове Курдюма колыхалась шапка с золоченым венцом, украшенным жемчугами. Пухлая ладошка сжимала драгоценный скипетр, которым мельник орудовал, словно дубиной.

Он попытался прорваться вперед, но Звяга наступил на край шубы, Курдюм споткнулся, перелетел через сундук с серебром и покатился вниз по ступеням. Бледная дева таращила на них безжизненные глаза и медовым голосом пела:

– Не торопитесь, дорогие гости! Берите все, ничего не оставляйте!

Неожиданно золотой блеск дворцовой крыши померк. Белые стены заколыхались и начали растворяться в осенней мгле. Ветер сдул верхние этажи, над которыми расплывались остроконечные шатры, чьи пики мгновенье назад вонзались в темные тучи.

Боярин Видослав оступился и покатился по лестнице вслед за Курдюмом. Сундук опрокинулся, серебряные слитки высыпались на ступени. Барахтающийся Курдюм ухватил за ногу Звягу и подцепил его, отчего псарь грохнулся носом в пыль и выпустил из рук свой ларец. Самоцветы рассыпались и перемешались с серебром. Шапка с короной слетела с головы мельника и покатилась по двору.

– Лови! Собирай! – заголосил Видослав.

Курдюм не успел подняться и прямо на карачках пополз к шапке, но стоило ему ухватить ее меховой краешек, как корона рассыпалась в прах. Ветер швырнул ему в лицо облачко пыли, оставшееся от золота с жемчугами.

– Эй, а где мое золотишко? – растерянно выдавил из себя мельник.

Черный ворон спикировал с Древа, ухватил клювом шапку и потянул на себя. Курдюм догадался, что его грабят, пришел в ярость и попытался прихлопнуть ворона скипетром, но стоило ему занести руку, как драгоценная рукоять превратилась в обглоданную кость, явно вытащенную из могилы

покойника. Мельник с отвращением отшвырнул ее от себя и заголосил:

– Это что тут творится? Братцы, не иначе, как нас водят за нос!

– Наконец-то дошло! – с облегчением выдохнул Горихвост.

Боярин Видослав испуганно забегал глазками по сторонам и изо всех сил сжал в ладони серебряный слиток с двумя зарубками.

– Не дави так – сотрешь в порошок! – раздался сверху насмешливый голосок.

Боярин поднял голову и увидел русалку, повисшую на ветвях и раскачивающуюся, как на качелях. Взметнулась волна длинных зеленых волос, и поляну огласил издевательский хохот, похожий на визг.

Видослав поспешил упрятать серебряный слиток за пазуху, но тут обнаружил, что сжимает почерневшую ветку ракиты с парочкой жухлых листьев. Он разжал ладонь – ветка упала в траву, усеянную грязным хворостом, в который обратилось серебро.

– Обольстили! Навадили! – загремел разъяренный рев Звяги.

Псарь оторопело глазел на горсть рассыпающихся угольков, в которые обратились сверкающие самоцветы. Он неожиданно всхлипнул, просыпал уголья на землю и разрыдался, прикрыв ладонями лицо с перекошенным шрамом. На

щеках и на лбу, влажном от капелек пота, проступили следы пальцев, перепачканных в угольной пыли.

– Бегите, дурни! Это ловушка! – не унимаясь, кричал Горихвост.

– Я сокровищ не брошу! – рассвирепел Звяга. – Всю жизнь я мечтал вырваться из нищеты! Уйти от хозяина, зажить барином, сладко пить, мягко спать. И вот в кои-то веки выпала мне удача, так что же? Сбежать? Не на того напали!

Он бросился к бледной деве, взирающей на всех троих с высоты крыльца, и яростно завопил:

– А ну, лярва, отдавай взад мои камни! Или я из тебя душу вытрясу!

Он вцепился в ее тощие плечи и так принялся их трясти, что стало ясно: его угроза – не шутка. Однако девушка вдруг выскользнула из его рук и превратилась в зайца с кожаным пояском вокруг шейки. Звяга изо всех сил пнул его носком стоптанного сапога. Заяц ойкнул, вполне по-человечески проматерился и покатился по траве, с каждым оборотом принимая облик бледного Дерябы.

Оборотень остановился, привстал на колени, и, протянув в сторону Звяги кулак, зло просипел:

– Ах ты, грязная псина! Я тебя первого упырю скормлю! Нарочно его попрошу, чтобы он сразу тебя не убивал, а еще из живого кровь выпил!

У Звяги отвисла челюсть. Он бросил обшаривать землю в поисках самоцветов и заторопился к воротам. Уже и Курдюм

сообразил, чем пахнет дело, а боярин Видоша все еще ломал ветхую скрыню, в которую обратился кованый сундучок, и бормотал:

– Где же рублики? Ведь казна целого княжества была у меня в руках!

Звяга схватил барина за рукав и потащил за собой. Курдюм обогнал их и первым вломился в ворота, отчаянно вереща:

– Сгинь, нечистая сила!

Стоило всем троем приблизиться к выходу со двора, как в воротах возникла фигура благообразного старца с седой бородой. Все так же радушно улыбаясь, он раскинул в стороны руки, перегородил проход и запричитал:

– Куда же вы, гости? Али не приглянулись вам наши лесные дары?

– Уйди! – заголосил Курдюм, накатываясь прямо на него.

Однако старец и не думал сторониться. Стоило мельнику уткнуться лбом в его брюхо, как синий халат звездочета свалился, обнажив жесткую шкуру с колючей шерстью. Седая бородка скрутилась в козлиную прядь, на голове показались рога, а крючковатый нос превратился в тупой, как у борова, пятачок. Словно плеть, хлестнул по земле голый хвост с пышной кисточкой на конце, а из-под нижней губы выпросталась пара огромных клыков.

– Батюшки! Да это бес! – дошло наконец до Курдюма.

Звяга издал растерянный хрип, подхватил Видослава в

охапку и помчался обратно, однако там уже тянул к его горлу оленьи перчатки оборотень, по тонким губам которого скользила злая усмешка.

– Государи небесные! Упасите! – взвопил полупридушенный Видослав.

– Шипуня, тяни! – прогремел хриплый голос Вахлака.

Повинуясь команде, русалка со всей мочи дернула за веревку, привязанную к тающему на ветру шатру. Дворец окончательно развеялся в туманном мареве, оставив лишь сеть из пеньки, натянутую вместо крыши на четырех грубых столбах. Сеть упала на головы Курдюма и псаря с голосащим боярином. Все трое отчаянно забарахтались, пытаясь выбраться, но запутались еще больше.

– Сиводур, не пускай их! – с азартом прокричал бес.

Тотчас грязная горка поблизости ожила и восстала, сбрасывая с себя дерн и листья, которыми она была присыпана. Под толстым слоем грязи обнаружился великан, огромная лапа которого заграбастала вторую сеть, расстеленную перед воротами. В нее попала свора гончих, которые от лая перешли на жалобный визг.

Сиводур прицепил обе сетки к толстому суку дерева, по которому прыгала, будто белка, Шипуня. Беспомощные охотники повисли над землей, истошно вопя и ругаясь.

– Попались! – торжествовала русалка, потирая ладошки.

– Я же вам говорил! – безнадежно выпалил Горихвост, отворачиваясь.

У него уже сил не осталось смотреть на то, как издевается нечисть над теми, кто шел, чтобы спасти его.

Однако долго печалиться ему не позволили. Из глубины пещеры выступил Дый, оглядел сетку с подвешенными людьми, и позвал:

– Государыня Мара, изволь возвратиться! Те, кто нам помешал, обезврежены. А жертва все еще ждет!

Мара приблизилась к Горихвосту и произнесла:

– Вот ты и мой. Теперь тебя никто не спасет.

Какое холодное дыхание у Мары! Один вдох – и твоя душа вылетает из тела и прямо в воздухе замерзает. Мара прячет ее в кошель, что висит у нее на поясе, и завязывает на шнурок. После забирается в сани, и вожак рвется с места. Мелькают под полозьями земли и страны, одна темнее другой, пока не пронесется мимо край света. А дальше, за краем – вотчина зимней царицы, где властвует вечный мороз. Там скованы льдом души тех, кто попал в ее рабство. Ни жизни, ни смерти, одно вечное забытье.

Колдунья оперлась обеими руками о ствол, прижав вурдалака, и склонилась к его лицу. Горихвост сморщился и попробовал отвертеться, но заснеженные губы царицы оказались прямо перед его куцей бородкой.

– Боги, где бы вы ни были, помогите! – прошептал он.

И в этот же миг над поляной поплыло раскатистое пение заколдованного рога. Волна гулкового звука ударила в уши и перевернула душу. У Горихвоста как будто вскипела кровь.

Мара испуганно отшатнулась.

– Труби еще! Распугай их всех к едрене фене! – орал в сетке Курдюм, подвешенный к Миростволу.

Рядом с ним, едва барахтаясь от тесноты, боярин Видослав прижимал к губам волшебный рог Рокотун. Звяга изо всех сил оттягивал сеть на себя, чтобы дать хозяину хоть немного простора. Все трое были плотно прижаты друг к другу, но еще находили силы, чтобы сопротивляться. В соседней сетке разразилась лаем кишащая масса рыжих собачьих тел.

– Я знаю: нечисть лишь одного боится! – не унимался Курдюм. – А ну, поддадим огоньку! Подпалим логово – зверье само разбежится!

Он просунул сквозь ячейки просмоленную паклю и принялся щелкать огнивом. Снопы искр посыпались из его ладоней. Несколько неудачных попыток – и пакля наконец запылала. Курдюм швырнул ее в кучу сухой листвы и заорал:

– Получите, нечистые! Мы всю вашу поганую чащу в сплошное огнище превратим!

Языки пламени с жадностью бросились пожирать мелкий хворост и жухлую траву. Огненные завитки поползли по краям желтых листьев. Стоило ветру поворошить листву – и огонь вспыхивал в полную силу, начинал гудеть и трещать, словно запугивая всех, кто вставал у него на пути.

Оборотень Деряба со страху превратился в стог сена. Огонь тут же подполз к его подножию, лизнул нижние со-

ломинки и начал бодро карабкаться вверх, словно радуясь редкой удаче. Из сена повалил сизый дым. Стог человеческим голосом заверещал, опал на землю и снова стал бледным юношей в богатом кафтане, только на этот раз кафтан с шапкой горели, а из-под стоячего воротника вырывались дымные струйки. Не переставая визжать, Деряба заметался по полю. Длинные рукава его бестолково болтались.

Русалка Шипуня свесилась с древесного сука, пытаясь помочь ему, но пламя лизнуло ее длинные волосы, и она взвизгнула, как резаное поросся. Совершив в воздухе невероятный кульбит, она нырнула в ручей, вытекающий из-под корней Мироствола. Мгновенье ее не было видно, затем вода в ручье вспенилась, русалка вынырнула, схватила Дерябу за шиворот и потащила на дно.

Великан Сиводур наступил толстой лапой в огонь, глухо ухнул, развернулся и бросился прочь. Чащи, вставшей у него на пути, не поздоровилось: волот влетел в нее на полном ходу и начал прокладывать путь, выламывая древние сосны и затаптывая кусты. Через минуту за его спиной образовалась целая просека, а еще через пару мгновений Сиводур скрылся из виду.

Дольше других продержался Вахлак. Он попытался бороться с пожаром, но понял, что силы неравны, хлопнул крыльями и взмыл в воздух. Пламя лизнуло ворсистую кисточку на его хвосте, отчего над поляной поплыл едкий запах паленой курицы. Бес обругал на чем свет «Огненного Сварожи-

ча», очевидно, считая его виноватым в беде, и поднялся выше. Некоторое время он еще носился над поляной, высматривая, чем помочь, но потом сдался и полетел прочь – туда, где воздух оставался прохладным и чистым.

Все это происходило под победоносный гул рога, в который Видослав дул, не переставая, чтобы окончательно вспугнуть нечисть. В руках Звяги мелькнул стальной нож – псарь ловко разрезал ячейки сети, и все трое пленников свалились на черные проплешины, оставшиеся после уползающего огня. Пока Курдюм охал и потирал бока, Звяга разрезал соседнюю ловушку, в которой копошились собаки, и рыжая лавина снова хлынула на поляну, суется и оглашая лес лаем.

Кучи опавших листьев вспыхивали одна за другой. Огонь подкрадывался все ближе и ближе к Древу миров, пока не охватил его алым кольцом. Полыхнул толстый корень, отгораживая привязанного Горихвоста Мары с ее снежными псами. Из темноты подземелья выскочила Ярогнева. Искры пламени отразились в ее расширенных глазах.

– Батюшка! Прячься! Огонь всех попалит! – закричала она.

Дый обвел взглядом стену огня и неуверенно предложил Маре:

– Государыня, не изволишь ли сойти в преисподнюю? Лиходей нас укроет, стоит мне попросить.

– Ты совсем сдурел в лесной глуши? – Мара посмотрела на Дыя так, будто тот предложил ей сунуть голову в пасть

бармаглота. – Я тысячу лет просидела у Лиходея в плену. И ты хочешь, чтоб я добровольно к нему вернулась?

Всего несколько уверенных движений понадобилось ей, чтобы впрячь в сани песцов. Холеные пальцы ударили жожака по холке, тот потянул упряжь, и сани взмыли ввысь. Воспарив над землей, Мара грозно окликнула Дыя:

– Видать, ты нарочно все это придумал, чтобы заманить меня в пекло. Посулил жертву, да обманул. Хотел поймать меня на живца?

– Что ты! – растерялся царь леса. – Как могла ты такое подумать? Я не враг ни тебе, ни князю тьмы. Мне до ваших распрей нет дела.

– Языком-то молоть ты горазд, да поступки твои сами за себя говорят, – не согласилась царица. – Докажи, что не пытался меня обвести. Иначе я из тебя самого душу высосу. Вот выйдет из тебя украшеньё моему ледяному дворцу!

Над спинами песцов расправились крылья, что до сих пор были тщательно скрыты под гладкой шерсткой. Вожак рванул сани и понес их по небу, увозя хозяйку в северный край. Тяжелые снежные тучи полетели за ней, открывая синее небо и сияющее дневное солнце. Дый посмотрел вслед, покачнулся, охнул и оперся на Ярогневу.

Огонь смел тонкий покров листвы и покатился к опушке. Курдюм проскочил мимо сплетения корней и добрался до Горихвоста.

– Погоди-ка, не ерепенься, – бормотал он, рассекая верев-

ку ножом, выхваченным у Звяги. – Еще чуть-чуть, и мы отсюда сбежим.

Толстая пенька начала наконец поддаваться. Ее края лопнули, оставляя лишь тонкую ниточку посередине, на которой еще удерживалась перевязь. Горихвост поднапрягся, дернулся и попытался порвать ее. Жилы на его лбу вздулись, черная шерсть на загривке заблестела от пота. Нить с треском лопнула, путы начали опадать. Держась подальше от полыхающего корня, к ним подбежали боярин со Звягой.

– Перестань дуть в свой рог! – выпутываясь, взмолился Горихвост. – Он мне всю душу выворачивает наизнанку.

– Был у нас один пленник, теперь будет четверо! – раздался над их головами суровый окрик.

Горихвост оторвал взгляд от небес и увидел Лесного царя, что приближался к нему со стороны пещеры. За ним поспевала Ярогнева, на поясе которой болтался его собственный меч. Едва Видослав увидел их, как изменился в лице.

– Друзья мои, нам пора отступать, – тихо проговорил он.

– Ну нет! – неожиданно взорвался Курдюм. – Взгляни-ка, Горюня: у этой девки твой тесачок. Давай его отобьем!

Ярогнева приблизилась к Горихвосту, положила ладони на тлеющий корень и уставилась на него.

– Что ж ты не бьешься? – насмешливо прозвенела она. – Твой дружок так и рвется в драку.

Горихвост заглянул в ее глаза – голубые, яркие, с лихой искоркой удалого безумия, какого он не встречал больше ни

у кого, даже у самой отъявленной чертовщины. И отступил на шаг назад. Девушка засмеялась.

Пожар обжег темные тучи, оставшиеся после бегства Мары. Они загустели и пролились на землю холодным дождем. Липкие капли прибили языки пламени, еще продолжающие вылизывать кучи опавших листьев. Огонь зашипел от ярости, но дождь оказался сильнее, и пламя начало гаснуть, оставляя после себя струи пахучего дыма.

– Дочь моя, – вымолвил Лесной царь, – Мара не даст нам покоя. Чью-то душу она заберет. Если не выдать ей вурдалака, то она вернется за мной.

– Да, батюшка, – покорно ответила Ярогнева. – Я его приведу.

Она ловко вскочила на корень. Меч с зеленым камнем в рукояти скользнул ей из ножен в ладонь и лег, как влитой.

– Горюня, линияем! – встряхнул мельник Горихвоста.

– Чтобы я испугался какой-то малолетки? – заупирался вурдалак.

– Это кто малолетка? – обиделась девушка. – Ах ты, змеиный язык!

Она замахнулась мечом и рванулась вперед. Боярин Видослав отскочил, и, не дожидаясь, пока дева приблизится, заголосил:

– Дёру!

Не церемонясь, Звяга заехал Горихвосту кулаком по затылку, отчего в голове зазвенело, как внутри колокола, по

которому двинули биллом. Было больно, зато мысли сразу прочистились. Горихвост развернулся и припустил за товарищами, которые уже улепетывали со всех ног.

– Дочка, не дай им уйти! – кричал сзади злой царь.

– Не беспокойся, батюшка, я жертву не упущу, – откликнулась Ярогнева.

Но беглецы и не думали ждать. Все четверо скрылись в едком дыму, от которого щипало глаза.

– Я их не вижу! – с досадой проговорила царевна.

– Хорохор! – выкрикнул Дый.

Черный ворон спикировал с Древа.

– Я так и знал, что тебя не испугают ни град, ни пожар, – ласково потрепал его перья царь. – Лети за бегунами и дай знать, как увидишь их.

Ворон каркнул, встряхнул крыльями и взмыл ввысь.

– Следуй за ним, – приказал дочери Дый. – Птица укажет тебе путь к Горихвосту. Помни, дочь: один из нас отдаст душу Маре – либо он, либо я.

Ярогнева забежала в клубы непроглядного дыма, но тут же запуталась и потеряла направление. Она попыталась продвигаться на ощупь, но споткнулась о корень и растянулась.

– Я тебе покажу малолетку! – выкрикнула она в пустоту. – Мне почти восемнадцать. Ну, волчья морда, попадись только мне! Шкуру спущу!

Глава 5. Лесная охотница

Горихвост улепетывал со всей мочи – так, что лес трещал, потому что бежать приходилось напролом. Ему казалось, что он продвигается слишком медленно, и что в любой миг с неба нагрянет неистовый бес, или тропа вдруг искривится под умелыми чарами лешего и выведет обратно, прямо в руки царя, или еще какое черное колдовство наведут на него братья-нечистики, которые в этом деле большие знатоки.

Грудная клетка вздымалась от хриплого дыхания, а легкие ходили ходуном, как кузнечные меха. Боярину Видославу Рославичу и псарю приходилось еще хуже – эти были непривычны к бегу по чащам, а Курдюм и вовсе застрял где-то сзади.

Горихвост выскочил на опушку и ухватился руками за сук, чтобы не свалиться от изнеможения. Лопоухие гончие путались под сапогами, как будто и без них не нашлось бы, обо что споткнуться. Ободрав дорожную ферязь о колючки, из чащи вылез боярин. За ним появился Звяга, кожух которого насквозь промок от пота. Но, несмотря на усталость, псарь тут же принялся пересчитывать собак.

– Курдюм где? – едва выплевывая слова, прохрипел Горихвост.

– Отстал, – махнул рукой в сторону леса боярин.

– Надо вернуться.

– Брось. Вернемся – сгинем.

– Он за мной воротился. А я его брошу? Не по-нашенски это, – возразил Горихвост и полез в кусты.

Подлесок проглотил его с головой, но стоило ему поскользнуться на россыпи бледных поганок и со смачным чвоком плюхнуться в грязь, как из гущи колючего малинника ему навстречу выкатился толстый мельник, точно так же скользнул по траве и грохнулся следом. Оба беглеца – худой и высокий Горихвост и маленький круглый мельник – столкнулись лбами, отчего по лесу пролетел такой звук, будто полное ведро со стуком поставили на край колодца.

– Батюшки-святые! Спаси-сохрани! – со страху заверещал Курдюм.

– Лихо-мареву! Как обухом по рогам! – взвыл Горихвост.

– Чего ты бодаешься? – обиженно выкрикнул мельник.

– Это я бодаюсь? Мне нечем! Всю башку обдолбали! – сквозь брызнувшие слезы простонал вурдалак.

Они посмотрели друг на друга и разом расхохотались. Курдюм обнял лесного верзилу и вымолвил:

– Горюня, как я рад, что ты цел!

– А я уж и не чаял тебя увидеть. Думал, чаща тебя проглотила.

– Э, нет, брат! Я лесу не по зубам.

– Не говори! Хоть ты с виду и жирненький, как Еропкино поросся.

Они снова расхохотались. На опушку оба выбрались, обнимая друг друга за плечи.

Звяга хмуро взглянул на них и неодобрительно буркнул:

– Вот дружки: волк и боров!

– Молчи, пес! – бросил в ответ Горихвост. – Свору на поводке держишь, а вот язык за зубами держать не умеешь!

– Эй, холопчики, вы чего лаяться вздумали? – прикрикнул на них Видослав. – Мы же только что вместе ушли от опаски.

– Пес и волк по-другому не могут. Знать, природа такая, – примирительно молвил Курдюм, обнимая обоих.

– Как там погоня? – не успев отдышаться, забеспокоился боярин. – Нечисть от нас просто так не отстанет.

– Угомонись! Я лесную братию знаю. Ни бес, ни леший за лесную опушку не сунутся, – успокоил его Горихвост. – Разве что ворон сюда залетит, ну ему-то мы перышки быстро оциплем.

– И все же давайте убираться подобра-поздорову, – расстроился Видослав. – Звяга, пригляди за тропой: не идет ли кто по нашему следу?

– Погоди, барин, не до того мне! – недовольно ответил псарь. – Не видишь что ли: выжлица ополоумела. Не даётся мне в руки.

– Ну и брось ее, после сама прибежит.

– Что ты! Как можно? Я ее со щенячьего возраста помню. Вдруг дикие твари ее затерзают? Помоги-ка лучше ее пой-

мать. Да береги пальцы: в сильном расстройстве она и хозяйка тятнет.

Боярин нехотя поплелся за псарем и сделал вид, что помогает ему ловить суку. Однако выжлица и в самом деле была не в себе: она не давалась, визжала и носилась между опушкой и конопляником, беспокоя всю свору. Наконец, она нырнула в заросли конопли и скрылась из виду. Боярин и псарь углубились за ней.

Горихвост перевел наконец дух, хлопнул по плечу Курдюма и вымолвил:

– Пусть бегут. Но как вышло, что судьба вас так вовремя принесла?

– Эх, кабы надеяться на судьбу, то висела бы сейчас твоя шкура на Древе миров, и клевало бы ее вороньё! – расплылся в улыбке мельник. – Как слинял ты с мельницы в сильном подпитии, так и заговорила во мне самая бесполезная вещь на свете – совесть. Ну, думаю: раз волка на подвиги потянуло, то лучше бы овцам не бляеть. А в деревне у мужиков на тебя зуб. Как бы шкурку с тебя не спустили! Дождался я утра и пошел посмотреть, не случилось ли беды. Вижу: деревня с рассвета не спит, вся переполошилась. Селяне рассказывают, что полночи за вурдалаком гонялись, да призрак Прежнего барина в лес его уволок. Эх, думаю, быть огорченьицу! Кинулся в ноги воеводе Видославу Рославичу, так мол и так, говорю, ты теперь на селе главный начальник, так изволь, мол, распорядиться – спаси от лютой судьбы Горихвоста. Те-

бе доброе дело зачтется.

– Разве не князь на селе главный?

– Князь-то что? Он только и думает, как бы в столицу вернуться и снова на свой золоченый престол сесть. А боярин Видоша сельцо наше прикупил себе в вотчинку – видать, задумал тут корни пустить. Он и есть настоящий хозяин. Ты разве не знал?

– Откуда? Кому в лесу интересны деревенские сплетни?

– И то верно. В лесу жить – по-волчьи выть, – согласился Курдюм.

– Борзуха! К ноге! – послышался из зарослей голос, охрипший от крика.

– Зачем нам вообще выходить? Может, выгодней в зарослях отсидеться? – последовал тут же рассудительный голос боярина.

Из конопляника появился Звяга с выжлицей, посаженной на поводок. Лопухая гончая беспокоилась и вырывалась, так что псарю стоило сил ее сдерживать. Боярин высунул из кустов испуганное лицо, огляделся и сделал маленький, очень-очень осторожный шагок на опушку.

Горихвост задрал голову. Над верхушками сосен кружил Хорохор, расправив черные крылья и склонив хищный клюв. Увидев людей, он победоносно каркнул и начал снижаться.

– Выследил нас, злодейский пособник! – попытался прикрыться кустом Видоша.

Лапы молоденькой елочки у опушки дрогнули, и из-за них

показалось юное личико с гладкой кожей. Пара глубоких голубых глаз уставилась на беглецов. Золотисто-пшеничные волосы, заплетенные в две косы, всколыхнулись от беззвучного хохота. Серебряный обруч с лазоревым яхонтом перекосялся, скрывая морщинки, побежавшие по гладкому лбу. Ладонь с золотым кольцом на мизинце поправила драгоценную запону багряного корзна, на спине которого колыхался вышитый сокол, несущий в когтях ветку дуба.

Хорохор резко спикировал с высоты и уселся на еловую лапу вровень с пушистым воротом из куньего меха. Однако стоило ему заметить запону с желтым прозрачным камнем, в глубине которого мерцала темная прожилка, похожая на змеиный зрачок, как он испуганно каркнул и перелетел повыше.

– Не бойся, Змеиный глаз кого попало не ворожит, – раздался звонкий голосок охотницы.

– Я нашел их, царевна. Но они уже выбрались из владений твоего батюшки, – прогряял ворон, опасливо косясь на запону.

– Тебе-то что беспокоиться? У птиц нет границы. Да и я хожу, где хочу, – беспечно ответила Ярогнева.

Стоило ей отодвинуть куст и показаться на опушке, как Видослав Рославич испуганно заголосил:

– А вот и погоня! Дождались! Эх, говорил же я вам! Ярогнева достала из-за спины лук и тул со стрелами. Ее движения не оставляли сомнений: охотница собиралась

стрелять. На расстоянии в два десятка шагов спрятаться от ее стрел было негде. Да и что это были за стрелы! У людей таких точно не сыщешь. У каждой из них наконечник пылал пламенем, как огненный цветок. Казалось, что стоит тронуть такую стрелу – и обожжешься. Но Ярогнева уверенными движениями вытащила одну из них из тула и положила на тетиву.

– Стрельнет – насквозь прожжет, – заворожено прошептал Курдюм, наблюдая за тем, как распускается пламенеющий цветок в руках у царевны.

Решив, что выжидать опаснее, чем поторапливаться, он отчаянно бросился к ней. Полотняная шапочка мельника едва доходила охотнице до носика, однако толстяк так вцепился в ее тоненькую фигурку, что лук со стрелой выпали из ее рук. Царевна потянулась к поясу и выхватила из ножен меч.

– Знаешь, что это? – грозно спросила она Курдюма. – Это меч Душебор. Он забирает души таких остолопов, как ты.

– Мы еще посмотрим, кто из нас остолоп, – возразил Курдюм и вцепился ей в пояс.

Ворон на ветке беспокойно заграял.

– Оскорбить меня хочешь? – выкрикнула возмущенно царевна.

В самом деле: сорвать с девы пояс, да еще при народе, у вятичей считалось таким оскорблением, что родня обиженной вряд ли простила бы посягателя. Однако в этот миг изображения девичей чести, похоже, беспокоили Курдюма мень-

ше всего.

– Отдай меч! – с неожиданной дерзостью рявкнул он.

– Зачем он тебе? У тебя руки кривые, – возразила царица.

– Все равно он не твой. Ты его у вурдалака стащила.

– Тебе-то что? Выискался заступник.

Ярогнева направила острие Курдюму в брюхо, легонько ткнула и осведомилась:

– А если насквозь продырявить – что из тебя потечет: кровушка или пиво?

Мельник опешил и отскочил назад. Глазки его забегали, он решил сменить тактику и вкрадчиво предложил:

– Тогда, может, продашь его? Взгляни на рукоять. В ней камень зеленый, он к твоим глазам не идет.

– К моим глазам все идет, – заверила царица.

На миг она все же смутилась, и непроизвольно поправила легкий венец с синим сапфиром, перекосившийся на ее пшеничных волосах. Пока мельник неловко топтался, не решаясь приблизиться, она подобрала лук и взяла стрелу, наконечник которой рассыпал сноп искр. Оглядев всех четырех мужчин, она остановила взгляд на парадной ферязи Видослава.

– Ты, боярин, – ткнула она в его сторону пламенеющей стрелой, – прикажи всем вести себя смирно. Псаря можешь забрать, а волчка оставь мне.

– Я не боярин, просто одет хорошо, – залепетал Видослав,

отступая подальше к коноплянику. – И вообще, я тут не главный. Главный он! – указал его перст на Курдюма.

Царевна с сомнением оглядела мельника и отрицательно качнула головой.

– Чего ты болтаешь, трепло! – вышел из себя мельник. – Хватай ее! Обезоруживай! Меч отними перво-наперво, знаток воинских дел!

– Ну чего тебе дался этот меч? – соорил страдальческую гримасу Видоша.

– Этот меч колдовской. Если он не поможет избавиться от водяницы, то ничто уже не поможет! – сгоряча выкрикнул мельник.

– Так возьми его! – Ярогнева сняла ножны с пояса и протянула боярину. – Ты – воевода, ты должен заведовать оружейной. Разве не так?

Видоша распахнул глаза: нет ли подвоха? Царевна кокетливо поправила желтую запону, скреплявшую полы ее багряного корзна. Воевода наконец нашел в себе силы, приблизился и протянул руку.

– Смотри сюда! – властно велела охотница.

Она показала ему яхонт желтовато-медового цвета, вставленный в золотую оправу запоны. Прозрачный, с мелкими каплями самоцвет заключал в себе темно-коричневую прожилку, похожую на зрачок. Запона до удивления напоминала змеиный глаз, каким удав заворачивает добычу. И Видоша повелся на эту опасную ворожбу: он окончательно потерял

волю, перестал лепетать и двинулся к Ярогневе, забыв и себя, и товарищей.

– На колени! – велела царица.

Он покорно опустился перед ней на траву.

– Кто ты таков? Говори, ничего не скрывая!

– Видослав, сын Рослава, из служилых людей Великого Мира-города, – ровным тоном пропел рыцарь.

– Как ты очутился у нас в Грязной Хмари? – требовательно допрашивала его Ярогнева.

– Из столицы прислали, чтобы смотреть за князем, – не переча, продолжал выдавать воевода.

Ярогнева удивилась и сделала шаг назад. Запона в ее руке покачнулась, Видослав вздрогнул, отвел взгляд и с изумлением оглядел себя, стоящего на коленях. Однако дева опомнилась, быстро приблизилась, положила руку ему на плечо и заставила снова посмотреть в змеиный глаз камня. Видослав разинул рот и застыл.

– Кто тебя прислал? – продолжила она свой допрос.

– Мой государь, величайший правитель мира, кормилец и благодетель! – истово отвечал боярин.

– Какой еще государь? – с досадой бросила Ярогнева, очевидно, не понимая, о чем лопочет привороженный Видослав. – Разве не Всеволод Ростиславич – великий князь?

– Что ты! – развел рукавами Видослав. – Севку-князя давно развенчали. Он нынче в опале. Вот и сослали его на край света. А мне повелели следить за ним, чтобы он не сбежал

и не начал сноситься с народом, который хочет вернуть его на престол.

– Вот это новость! – похоже, Ярогнева раньше ничего не слыхала о столичных делах. – А кто же теперь на великом столе?

– Буриной Прибыславич, бывший Севкин дружок. Он меня среди других бояр выделил и доверие мне оказал, за что я вечно ему благодарен. Только жить в таком захолустье я, признаться, не рад. Мне бы обратно, в столицу... Кабы знала ты, сколько мук я терплю в этой глуши!

– Да чихать мне на твои муки! – рассердилась царица. – Что ж теперь Всеволод Ростиславич? Неужели он ссыльный? Я-то думала: он тут отдыхает от столичного шума.

Несмотря на стеклянный взгляд, Видослав нашел в себе силы расхохотаться.

– Несчастное, дикое лесное создание! – воскликнул он. – Выросла в чаще и не знаешь: шум столицы – как гром, но этот гром слаще музыки.

– Помню я эту музыку! – с еще большей досадой выкрикнула Ярогнева. – Помню и Кремник, и каменные палаты. И острые иглы шатров, что вонзаются в небо. Помню золоченые крыши храмов и толпы народу. Суету площади-Середы и громаду Железной стрелы. Только я уже начала думать, что это все мне приснилось. Столько лет прошло – всего не упомнишь.

Взгляд Видослава уже начинал мутнеть. Речь его станови-

лась все более неразборчивой. Наконец, он сбился на бормотанье, из уголка его тонкого рта стекла струйка слюны.

Хорохор сорвался с ветки, закружил над головами и тревожно заграял:

– Довольно, царевна! Нет нужды прошлое поминать. Не боярин наша цель, а вурдалак!

– В самом деле! – опомнилась Ярогнева.

Она прикрыла Змеиный глаз ладонью и направила лук в сторону Горихвоста и Звяги. Видоша пришел в себя, униженно вытер грязной ладонью слюны и прямо как был, на коленях, отполз обратно, под защиту собачьей своры.

Горихвост был уверен, что шумная стая легавых отпугнет одинокую преследовательницу. И тут прямо перед его носом в землю вонзилась стрела. Ее наконечник полыхнул сотней маленьких огоньков и расцвел, будто чудо-цвет, выкованный Сварогом из небесного пламени. Собаки поперхнулись и с визгом начали разбегаться. Звяга разинул рот, наклонился над огненной стрелой, чтобы получше ее рассмотреть, и тут язык пламени взвился и так полыхнул ему в рожу, что псарь заорал, отпрянул и ухватился ладонью за бороду. До нюха Горихвоста донесся запах паленых волос – это тлела борода псаря.

– Воды! – завопил Звяга и бросился к ручейку, журчащему вдалеке.

Свора с лаем покатила за ним.

– Пали! Хватай! Волк нам нужен живьем! – скрипучим

голосом заграял ворон, делая круг над головой Горихвоста.

А Ярогнева уже накладывала на тетиву вторую стрелу и целилась в вурдалака, и острый взгляд ее голубых, пронзительных глаз не сулил ничего доброго.

– Ну, волк, сдавайся по-доброму. Своей волей не отдашь-ся – прожгу в тебе такую дыру, что руку можно будет просу-нуть, – грозно вымолвила лесная царевна.

Курдюм схватил Горихвоста за шкурку, рывком потянул за собой и заорал, брызжа слюной:

– Давай дёру!

– Нет, стойте! – рассердилась царевна. – Я вас не отпу-щу!

Но Горихвост и не думал медлить. Следом за мельником он в три прыжка перескочил через поляну и вломился в заросли конопли. Острые листья захлестали его по лицу, высокие стебли закачались у него за спиной. Курдюм постоянно оглядывался и вопил:

– Ходу! Кого из нас ноги кормят – мельника или волка?

Под темнеющим небом сверкнула стрела и вонзилась в землю в двух шагах позади Горихвоста. Конопля опалилась и вспыхнула, оставляя противный запах, который успел опостылеть ему хуже некуда. По загривку ударила волна жара. Краем глаза беглец заметил, что травяная чаща позади него полыхает, как во время пожара.

А пламенные стрелы все летели и летели по небу, проно-сясь мимо Вечерней звезды, одиноко мерцающей в надвига-

ющихся сумерках.

Вот и овраг перед избой Дедослава. Горихвост помнил его еще с детства. Каким огромным он тогда казался! Но теперь, когда понадобилось укрыться, он показался мелким и неудобным.

Курдюм с шумом скатился с обрыва, несколько раз перекувыркнулся, примял лопухи и высунул из зарослей голову, как испуганный заяц, огретый лопатой. Горихвост свалился следом, уткнулся в толстое брюхо мельника и растопырил пальцы, смачно чавкнувшие в грязи.

Вечерняя темень уже пожирала извилистое овражье нутро. Солнце опускалось за Шернские заводы, но отсюда виднелись разве что верхушки лесных елей, окрашенные рдяными лучами.

«Как я любил прятаться здесь, когда был мальцом! Залезешь сюда, и никто не отыщет. Мамка, бывало, выйдет на двор и зовет, а я схитрю и замру – попробуй, найди! Эх, где сейчас те времена?»

– Чего размечтался, волчище? – пихнул его в бок Курдюм. – Уходим на север по дну. Авось, эта чертова девка нас не углядит.

– Я эти извилины знаю, – хмуро сказал Горихвост. – Овраг попетляет, да выведет нас на поверхность через двести сажень. Там уже не укроешься.

– Нам всего-то и нужно – добраться до мельницы! – за-

шептал с жаром Курдюм. – Она у меня как крепость. На копье ее не возьмешь!

– Эх, дружище Курдюм! – хлопнул его по плечу Горихвост. – Ты добрейшей души человек, но в охоте – дурак дураком. В лесу даже самая мелкая тварь понимает: ни в коем случае не тащи охотника к своему логову! От логова прочь уводить надо, иначе разорят дом, и не станет житья.

– Не уберемся по-быстрому – нас самих не станет!

Курдюм вскочил, ухватил Горихвоста за рукав и поволок за собой.

Когда они добрались до устья оврага, солнце уже погрузилось за край семи вод. Мерцающее стадо Ясного Месяца высыпало на сапфировый небосвод, закружив над головами звездный хоровод. Вечерние сумерки погрузили мир в тишину, лишь запоздалые кузнечики стрекотали, провожая последние теплые дни, да жаловались в дальних болотах лягушки на то, что скоро придется им впасть в забвенье. Горихвост высунул голову на поверхность и принюхался к воздуху.

– Ну, чего там? – нетерпеливо потряс его мельник.

– Тихо все. Не ерпенься! – успокоил приятеля вурдалак.

– Тогда полезли быстрее. Мне домой надо.

– погоди! Перед нами ровное поле. Мы на нем, как на ладони. Нужно дождаться кромешной тьмы.

– некогда мне ждать, – заныл мельник. – Не могу я хозяйство без присмотра оставить.

– Никуда не денется твое хозяйство, – возразил Горихвост.

– Если бы так! – всплеснул пухлыми ладонями Курдюм. – Водяница не дает мне покоя, беда с ней, и только. Чуть отвернулся – глядь, а она колесо поломала. Ось перекосилась, жернова встали. Я и на час боюсь выйти из дома. Эх, Горюня, если б ты только знал, как она мне вредит!

– Потерпи чуток, – сказал Горихвост, обнимая его за плечи. – Ночь уже опускается, еще полчаса – и нас никто не заметит. А пока высовываться рано – опытная охотница быстро смекнет, где нас ждать.

Курдюм сдался и привалился спиной к глинистому склону оврага.

– Мятлик свой не запачкай, – ухмыльнулся Горихвост.

– Кто бы мычал, – осклабился мельник в ответ. – У самого рожа заплыла, пальцы в грязи, как... как у вурдалака, другого слова не подберу. Вотолу тебе только вчера подарил, а она уже в дырах. Ничего: вот вернемся на мельницу, вычистим перышки.

– Я с тобой не вернусь, – возразил Горихвост.

– Отчего так? – удивился Курдюм.

– Есть у меня перед дедом должок. Кроме меня, родни у него не осталось. Мстить за кровь больше некому. А злодей может уйти. Нынче каждый час дорог.

Курдюм как услышал про злодея – так его аж передернуло от страха.

– Разве ты уже выяснил, кто убийца? – заикаясь, спросил он.

– А чего тут выяснять? – заговорил Горихвост. – Пятуня мне сказывал, что в вечер перед убийством он со старостой, конюхом и Нежатой сидел в кабаке и резался в шахматышки. Как стемнело, появился Лутоха. А чего он забыл в кабаке? Он же непьющий. Ну, его и позвали для смеху сыграть – думали, что легко обыграют. А он всех и обставил. Выиграл щербатую копейку – ту самую, что я нашел в пасти козла. Перед уходом весь выигрыш спустил на вино и закуску, и еще до полуночи был таков. А утром дед висел под потолком с вывороченными руками, и связаны они были его пояском. Вот он, смотри – я его раздобыл!

И Горихвост достал из сумы, с которой не расставался, рваный Лутохин пояс. Курдюм брезгливо взял его в руки, внимательно осмотрел и даже понюхал для верности.

– Так выходит, Лутоха и есть тать? – недоверчиво спросил он.

– А кто же еще? Все улики на нем сходятся, – убежденно проговорил Горихвост. – И время было у него, и возможность. Пятуня сказал, будто он ненавидел волхвов, за то якобы, что они плохо служили богам, отчего те и ушли.

– Верно, – осторожно подтвердил мельник. – Он на этой почве и сбрендил. Все знают, что юродивый спит и видит, как бы вернуть ушлых божков. На кой ляд они ему сдались – только шут знает. Может, надеется, что они его наградят?

Воропай мне телегу ржи привез – я так забежался, что до сих пор за нее не принимался. Так вот, он болтал, что Лутохе в тот вечер не раз предлагали вина, а он по привычке отнекивался. Но перед уходом спустил выигрыш на целый мех дорогой иноземной романеи, хотя ее только князь да бояре позволяют себе попивать. И еще купил большую корзину белых калачей. А кого ими кормить? Ведь он один-одинешенек – ни кола, ни двора. Собирался, будто на пир, и ведь сам ни глотка ни сделал – все с собой утащил. Может, бесов хотел подкормить? Без бесовства тут не обошлось – так все мужики говорят.

– А долго ли еще игроки сидели после его ухода? – поинтересовался Горихвост.

– Часа два, может, два с половиной, – вращая глазами, выдал Курдюм. – До тех пор, пока в стельку не налакались.

– Игроки вышли в третьем часу, – начал соображать Горихвост. – Лутоха ушел за два с лишком часа до этого. Пятуня видел, как перед избой Дедослава бродит какой-то призрак, но ему в таком сильном подпитии кто угодно мог призраком показаться. Мучать деда начали после трех, а к пяти он был уже мертв. Что делал все это время Лутоха? И самое главное: куда он после убийства пропал?

– А вот и не пропал! – с торжеством заявил Курдюм.

– Почему не пропал?

– Я его нонеча видел.

– Где?

– Не скажу!

– Не морочь мне голову!

– Это ты меня тут морочишь. Мне давно домой пора, а ты меня не пускаешь. Посмотри – сумерки уж сгустились. Темнота – хоть глаз выколи.

– Курдюмчик, милый, ну потерпи четверть часика, – взмолился Горихвост. – Темно только в овраге, а в чистом поле еще все видать.

– Что? Четверть часа? – восстал Курдюм. – Да ты издеваешься, не иначе. Сейчас самый разгул нечисти начинается. Водяница из омута вылезет, и плакала моя мельница. Не понять тебе, бродяге, что значит иметь собственное хозяйство.

И мельник выскочил из оврага на ровное, гладко скошенное Девичье поле. Горихвост попытался ухватить его за портки, да куда там! Курдюм хоть и выглядел увальнем, а на деле был юрким, как колобок. Вурдалак и глазом моргнуть не успел, а мельник мчался уже через поле на север, где за невысокими холмиками журчала мелкая Змейка.

Пухленькая фигурка Курдюма замелькала в темной синеве сумерек. Ночь уже надвигалась, и только бархатистое небо еще сопротивлялось и пылало лазурью, не желая уступать сгущающейся тишине. Горихвост мельком взглянул на месяц, набирающий полную силу, и только махнул на него рукой:

– Ждешь, что я начну петь тебе песню? Не до тебя мне, отстань!

Месяц как будто услышал его – на него тотчас же напозла тучка, и он спрятался за ее завесой, словно обидевшись. А Курдюм улепетывал прочь, и, конечно же, он взял курс на самое незаметное место – одинокое дерево, торчащее посреди поля. Это была известная всей округе Мокушина березка – высокая, развесистая, с гнутым стволом, рогаткой разделившимся на два ростка, отчего издалека казалось, что это торчит огромная вилка, воткнутая в землю шутником-великаном.

А куда еще побежит мельник, оказавшийся в голом поле? Он же умный. Мигом сообразит, где нет никаких примет, никто не станет искать, и куда никто даже не взглянет.

– Олух! Прячься за кочкой! – прошипел Горихвост, стараясь приглушить собственный окрик.

Но было уже поздно. В вышине хлопнули черные крылья, и вечерний покой разом сгинул от отвратительного вороньего грая.

– Сюда! Нашел! Вижу! – хрипло вопил Хорохор, сужая круги.

Острый краешек месяца вдруг пропал на миг, а затем появился опять, и по этому мерцанию Горихвост смекнул, что ворон уже над его головой, и его крыло застит свет.

– Ах ты, тварь! – непроизвольно вырвалось из вурдалаковой глотки.

– А вот и волчище! – обрадовался Хорохор, резко спикировал, и попытался попасть клювом Горихвосту по черепу.

– Ай! Зачем так сильно клюешься? – с притворным испугом взвопил вурдалак.

Хорохор самодовольно закаркал, взмыл в воздух и заложил над его головой вираж.

– Не смей! Мне же больно! – продолжал завывать Горихвост.

Хорохор наострил клюв, нацелился ему в темя и впал в крутое пике.

– Нельзя же так! Это уже ни в какие ворота! За что мне? – голосил вурдалак, краем глаза высматривая темный силуэт ворона, мелькающий на фоне звезд.

Хорохор подлетал к земле. Его железный клюв готов был впиться в загривок беглеца. Дождавшись, пока падение ворона станет неотвратимым, Горихвост извернулся и отпрянул в сторону. Хорохор пролетел мимо и вонзился в кочку. Столкновение ошеломило его, но Горихвост для верности еще и прихлопнул его ладонью. Загрубевшие пальцы ухватились за птичий хвост и выдернули клоч лоснящихся перьев. От боли ворон попробовал разразиться оглушительным граем, но сквозь ушедший в землю клюв донеслись только истошные хрипы.

– Вот и курочка нам на ужин! – хищно осклабился Горихвост и выдернул ворона из кочки.

– Я не курочка! – слабо запротестовал Хорохор.

– И то правда! – откликнулся Горихвост, сжимая его в руках. – Что тут жарить? Одни жилы да кости. И укусить не

за что.

– Меня? Жарить? – зашелся от возмущения Хорохор. – Да ты знаешь, что вороны – самые умные существа в природе? Мой выходящий за границы воображения разум, моя тонкая, чувственная душа – для тебя просто еда? Да ты зверь!

– Верно, зверь! – довольно проговорил Горихвост. – А ты – птица. Я тебя в гости не звал – ты сам на меня налетел. Вот теперь и узнаешь, кто из нас двоих хищник, а кто – добыча.

Он нарочно разинул рот и сделал вид, что собирается заглотить ворона целиком. Хорохор впал в панику, судорожно затрепыхался и попробовал вырваться, однако ладони вурдалака сжимали его слишком цепко.

И тут в глаза Горихвоста ударил ослепительный огненный сполох. Пылающая стрела упала с неба и вонзилась в землю перед его носом. От неожиданности Горихвост выпустил ворона из ладоней. Хорохор тут же взмыл в воздух, неловко маневрируя драным хвостом. А огненные стрелы уже летели одна за другой, и каждая норовила лечь так близко к разметавшейся вотоле Горихвоста, что он чувствовал жар, исходящий от искрящихся наконечников.

– Надо же, как вы не вовремя! – сгоряча сказал он.

И тут же почувствовал, как в макушку его ударило что-то острое и очень жесткое.

«Стрела! – мигом пронеслась мысль. – Прямо в голову! Неужели пробила?»

Однако голова продолжала работать, мысли не путались,

сознание не выключалось. «Что это за стрела, которая меня даже не вырубилась?» – подумалось ему. Он поднял глаза и увидел Хорохора, с победоносным видом парящего прямо над ним. Заметив изумленный взгляд вурдалака, ворон с торжествующим хрипом загреял:

– Так тебе! Я отомстил!

– Это ты меня клюнул? – вышел из себя Горихвост.

И тут новая вспышка едва не прожгла суму, перекинутую через его плечо. «Длака! Только бы ее не задело!» – мигом сообразил он. Ему стало не до дурного летучего крикуна. Он подхватил суму и бросился в сгущающиеся сумерки, где едва виднелась колышущаяся на ветру Мокушина береза.

– Он тут! Я слежу за ним! Пли! – хрипел над его головой Хорохор.

Горихвост попытался разглядеть, откуда несутся стрелы. Ветра оведали Девичье поле со всех четырех сторон света, и только поодаль, у околицы Грязной Хмари, что осталась за спиной, да перед господской усадьбой, огоньки которой проглядывали по правую руку, темнели заросли кустарника и одинокие купы деревьев. Впереди и чуть слева простор загораживали невысокие холмики, за которыми спряталась Курдюмова мельница.

Ворон хлопнул крылом так близко, что сбил пыль с гривы жестких волос. И тотчас же из-под раскидистой ивы, пристроившейся на краю мелкого болотца у княжеского двора, вырвалась огненная стрела и устремилась прямо к нему. Го-

рихвост увидел, что пылающее острие несется ему в переносицу. Он едва успел отвернуться и сделать полшага, а стрела уже падала ему на загривок, не оставляя ни малейшей надежды сохранить шкуру без новой дырки.

И тут он споткнулся о пухлый тюфяк, неразличимый в сгустившейся темноте. Беглец со всего маху рухнул на землю, дергая коленями и оббивая новенькими каблуками мягкую рухлядь, попавшую под ноги.

– Ой! – жалобно выкрикнул тюфяк голосом мельника.

Стрела пролетела в том месте, где только что был воротник Горихвоста, вонзилась в кочку и осветила перепуганное лицо Курдюма, распластавшегося на траве.

– Промах! Точнее бей! – с досадой прогрял ворон.

– Ты чего тут? – заорал на Курдюма вурдалак.

– А ты чего? – взорвался в ответ мельник.

– Тебя ищу! Зачем прячешься?

– А ты зачем сапогом меня пхаешь? Я этот сапог сам тебе подарил, а ты вот как со мной?

Из-под ивы вышел светящийся силуэт. Сквозь вечерние сумерки проступила фигура охотницы, сжимающей в руках тул с целым снопом полыхающих стрел. Ярогнева наложила одну из них на блестящий от искорок лук и начала натягивать тетиву.

– Сейчас вдарит, – обреченно подвел итог мельник.

– Жги! Дырявь! – радостно захлопал над головами ворон.

Горихвост отвесил Курдюму душевный пинок, мигом

поднявший его с земли, и подтолкнул в сторону одинокой березы. Ярогнева неторопливо шагала по полю, рассчитывая в этот раз стрельнуть наверняка. Ее худая фигурка маячила уже за полтора шагов, и судя по тому, как неуклонно она надвигалась, теплой встречи было не миновать.

Горихвост затащил упирающегося мельника под березу и перевел дух.

– Отличное укрытие! Спрятались так, что никто не найдет! – издевался над их головами ворон, нарезающий вокруг березы круги.

– Мельница! Всего триста шагов, – задыхаясь, просипел Курдюм.

– Не успеем! – едва выдохнул Горихвост. – Поле голое, тут же подстрелит.

– Я не старый. На тот свет еще рано, – отрывисто бросил Курдюм.

– Заткнись и не ной! – саданул его кулаком в бок вурдалак.

– Чего дерешься? Я что, тебе враг?

– Если не враг, то скажи, где Лутоха.

– Давеча видел его на Ветхом капище. Он там ночью и днем ошивается. Ставит жертвы ушедшим богам. Вот ведь дурень! Кому жертвовать? Они же ушли. Полоумный, и только.

– А чего ему надо?

– Дурака кто поймет? У него в голове черти свистят и пляшут. Хочешь знать, что я думаю? Деда твоего, вечная ему

память, этот лживый юродивый тоже в жертву принес своим каменным истуканам. И убийство, и пытка, и отрезанная голова козла – все это нечестивый обряд, списанный с черной книги.

– Зачем ему это?

– Уж больно он был обижен на старых кудесников за то, что они не пытаются вернуть сбежавших богов. Вот и принес последнего из волхвов в жертву поганым кумирам. Может, надеялся, что те его наградят. А может, еще большее лиходейство задумал. Ты послушай меня, Горюня!

Мельник приблизился и жарко задышал Горихвосту в лицо.

– Не ходи к нему! Не ищи лиха! Этот дурень вконец сбрендил. Ради идолов на любой грех готов. Попадешься ему – и тебя принесет в жертву таким способом, что сам взмолишься, кабы тебя побыстрее прикончить. Я таких мракобесов никогда прежде не видывал. Отступишь – цел останешься.

– Не могу отступить, Курдюм, – проговорил Горихвост, ослабля хватку и давая приятелю волю. – Долг за мной. Кровный долг. Я обязан отомстить. Да и как с этим убийцей смириться? Ведь он бродит на воле. Кого еще он захочет убить? Не будет всему Гремячему долгу покоя, пока его не накажут.

– Ты уж не обессудь, но драться с погаными мракобесами – не по моей части, – опустил глаза Курдюм.

– Так и есть. Я на тебя не в обиде, – потрепал его по плечу

вурдалак. – Мстить за кровь – дело родственное, тут мне никто не помощник. Это дело я должен сам до конца довести.

– Эй, волчок! – раздался звонкий девичий голос. – Тут твоя малолетка пришла. Чего не встречаешь?

– Приходи годика через три – встречу, – отозвался Горихвост.

– Через три годика ты будешь уже старичком.

– Этот старичок тебе такого перцу задаст, что ты мать родную забудешь.

– Ой, смотрите, как расхрабрился! Если ты такой храбрый – то выходи, потолкуем.

– А чего выходить? Пожалуй ко мне сама, – подозрительно ровным голосом откликнулся Горихвост.

Ворон, устроившийся в ветвях на безопасной высоте, аж зашелся от возмущенного грая.

– Вот я к тебе и пожаловала, – быстро нашлась царица. – Три версты за тобой гналась, как простушка за иноземным принцем. Теперь твой черед мне на глаза показаться. Либо ты сдашься, либо я тебя продырявлю.

– Нам конец, – всплеснул пухлыми ладошками мельник. – Государи Вселенной, хоть я в вас и не верю, но молиться больше некому, так что спасайте меня, потому как окромя вас уже больше никто не поможет...

– Чего ж ты не стреляешь? – выкрикнул вслух Горихвост, и на этот раз в его голосе ясно звучала насмешка.

– А вот и стрельну, – нерешительно вымолвила Ярогнева

и от досады закусила губу.

Курдюм высунулся из-за березы и с любопытством начал разглядывать, что происходит. Ночная тьма стала уже непроглядной, но тул с огненными стрелами в руках девы светил так, что она сама казалась пламенным существом из небесного мира. Одна из стрел лежала на луке, но спущенная тетива болталась, как будто охотница и не собиралась стрелять.

– А чего она? – поднял голову к Горихвосту Курдюм.

– Молчи! – ухмыльнулся тот.

Ворон сорвался с ветки и обеспокоенно закричал:

– Сдавайтесь! Вы посреди голого поля, деться некуда!

– У тебя в хвосте лишние перья? Лети ко мне, мигом поправим! – отвечивал вурдалак.

Ярогнева нерешительно остановилась в десяти шагах перед деревом.

– Горюня, чего ты? – дрожащим голосом зашептал мельник. – Она нас прямо тут и пожжет вместе с этой кривой березой.

Горихвост взглянул на него свысока и расхохотался:

– Вот ты других дурнями обзываешь, а сам ни бельмеса не смыслишь! Береза-то непростая. Это Мокушино дерево. В нем живут души умерших женщин, что служили Небесной Царице. Им тут и требы ставят, и одежду оставляют – смотри, сколько тряпочек и обрывков навязали на ветки. Ни один лесной брат, а тем более девка, на таком дереве даже листика не тронет – побоится причинить боль невинной душе. Отто-

го наша охотница и перестала палить.

– Ну так что – ты идешь? – с беспокойством выкрикнула Ярогнева.

– Размышляю, – нахально откликнулся Горихвост. – А пока отпусти моего дружка. Он-то тебе, чай, не нужен?

– Пусть проваливает, – гневно бросила охотница и начала теревить лук в руках.

Горихвост врезал Курдюму по затылку. Растолковывать тому было не нужно – мельник мигом взял ноги в руки и пропал в темноте. Ворон даже не посмотрел ему вслед.

– А теперь – выходи! – потребовала Ярогнева.

– Сейчас, в зубах веточкой поковыряюсь, – протянул Горихвост. – Зарезал в деревне овечку, а она, вишь, лярва, оказалась старой да жилистой. До сих пор во рту вязнет.

Он подобрал с земли сухую ветку и с громким хрустом разломил ее пополам. В ночной темноте за его движениями было не уследить, тем более, что разросшаяся на два ствола береза надежно скрывала его от глаз охотницы.

– Ты что делаешь? – дрожащим голосом выкрикнула Ярогнева. – Прекрати портить дерево, или убью!

– Ой, мала веточка оказалась, – издевался над ней Горихвост. – А вот я сломаю сучок покрупнее.

И снова хруст переломленной ветки прозвучал в ночной тишине, как раскат грома.

– Ах ты, зверь! – сорвалась с места царевна и бросилась прямо к нему.

Но Горихвост этого только и ждал. Волчья шкура уже давно поджидала в его руках, вынутая из сумы. Быстрый прыжок, кувырок – и вот он стоит на четырех лапах и скалится. Не поймешь, то ли смеется, то ли грозит.

Пока Ярогнева обегала дерево справа, волк прыгнул налево и сиганул в темноту. Его черная шкура растворилась в ночи. Мягкие лапы тихонько касались жухлой травы, шелестя так незаметно, что даже острый слух не уловил бы шагов. Ярогнева забежала за березу, тыча стрелой во тьму. Но огненные сполохи стрел, пугающие все живое вокруг, сыграли с ней недобрую шутку. Глаза ее так привыкли к свету, что не видели в темноте. Пока она вглядывалась в ночь, Горихвост успел сделать полсотни прыжков.

– Пали! Жарь! – загреял в ветвях Хорохор.

Ярогнева выстрелила в ночное небо, но стрела лишь прочертила огненную нить на мерцающем фоне звезд. Ее сияния не хватило, чтобы осветить землю.

– Да что же ты будешь делать? – с досадой выкрикнула охотница.

Волчья пасть Горихвоста растянулась в улыбке. Он был уже в ста шагах, и продолжал удаляться.

Глава 6. Ветхое капище

Ночной ветер то приятно холодил, то пробирал до костей. Горихвост трусил между кочек, мокрых от мимолетного дождика, и старался не ежиться. Лапы то и дело скользили в грязи, оставляя размазанные следы. Холодный ветер дул с севера, прямо в лицо. Там, за скошенным Девичьим полем, струилась между холмов извилистая речка Змейка. Мельница Курдюма пряталась в темноте – ни один огонек не выдавал ее, зная, мельник еще не успел возвратиться. Зато слева, на западе, на крутом яру, мелькали таинственные огни Ветхого капища. Какие заблудшие души пылают на этом проклятом месте? Что за бесы выбираются из-под земли, чтобы поиграть среди ночи?

Подушечки лап коснулись гладких, замшелых булыжников, которыми были вымощены ступени, уводившие на Крутой яр, возвышающийся над тихой Шерной. Ветхое капище взгромоздилось на плоскую вершину скалы, вдающейся в реку каменным языком. Дед рассказывал, будто в давние времена боги прикончили на берегу волота – чудовищного великана, хозяина окрестных просторов. Умиравший волот пытался набраться сил, и высунул язык, чтобы напиться воды из реки, да так и окаменел. Место, где боги одержали победу, стало площадкой для праздников и молитв.

Однако какие тут праздники, в наши-то дни? Боги забыты, молить больше некого. И все же Горихвост испытывал суеверный страх, взбираясь по лестнице, вырубленной в скале. Подвернуть лапу тут, на осыпающемся подъеме, было проще простого.

Промозглая мгла вспугнула его резким скрипом. Волк поджал хвост, но все же пролез под воротами, настолько обветшалыми, что казалось, будто любой порыв ветра может их повалить. Незапертые створки на прогнивших столбах ходили ходуном и издавали пронзительный скрежет. Двускатная крыша над столбами давно обвалилась, осталась лишь поперечная перекладина, под которой болтались натянутые лески, сплетенные из конского волоса. Перекладина, да свисающие нити, делали ворота похожими на виселицу, что придавало месту языческого поклонения еще большего гостеприимства.

«Ого! А вот это уже интересно!» – подумалось Горихвосту.

На лесках сушились грибы, собранные совсем недавно – это можно было понять по тому, что шляпки, нанизанные на нить, только-только начали усыхать.

Горихвост почувствовал волчий голод. Целый день беготни дал о себе знать. Он сорвал нить и жадно принялся глотать сушеные припасы, почти не жуя. В темноте он не мог разглядеть, что за гриб лег ему на зубок, а на запах их было не различить. Оставалось надеяться, что неведомый грибник

тщательно перебрал их и отделил грузди и боровики от поганок. Кому придет в голову заготавливать на зиму ядовитую гадость? Разве, какому-нибудь недоумку?

Последний гриб в связке подозрительно пах чем-то странным. Горихвост пригляделся и увидел, что остатки недоеденной шляпки какие-то бурые, с блеклыми пятнами.

«Тьфу! Я, кажется, съел мухомор!»

Он мигом сплюнул крошки, оставшиеся во рту. Как некстати! Не хватало еще отравиться. Хорошо, что успел съесть только половину.

Недоеденную ножку гриба Горихвост вдавил в землю и на всякий случай еще порычал на нее. Кто повесил на ниточке мухомор, да еще перед входом? Может, это такая ловушка?

Сразу за воротами волка встретили высокие изваяния Белобога и Чернобога. Два извечных противника сошлись в незаконченной битве, как было при рождении миров. Они протягивали друг к другу руки над дорожкой, вымощенной булыжником, чтобы вцепиться во врага со всей яростью, что накопила вселенная перед началом времен.

Вурдалак проскочил в арку, образованную переплетением их рук, и побежал вдоль вереницы кумиров, что тянулись по обе стороны от мостовой. Ушки сами собой прижались к голове, а брюхо припало к земле: Горихвосту казалось, будто богини и боги, что обитали в Серебряном городе заоблачного края, никуда не ушли, а лишь притаились, чтобы в неожиданный миг выступить из темноты и схватить его за тот са-

мый хвост, что уже не раз горел в самых отчаянных передрягах.

Вдали кумиры расступались, открывая путнику площадь, на которой полыхал негасимый огонь. Вот и еще одна загадка! Костер не может гореть сам по себе. Его нужно поддерживать, постоянно подбрасывать дров, иначе огню станет нечего есть, и он умрет от голода. Как может огонь Ветхого капища гореть вечно? Кто за ним тут следит?

Последними в веренице устроились истуканы Стрибога и Рода. Как и в небесном городе, тут они оберегали вход на центральную площадь, что издревле звалась «Капово Середице». Даже слова эти были ветхими, как само капище – от них веяло незапамятной стариной.

В этой промозглой тьме, холодной от мелкого дождика, верилось без сомнений, что в прежние времена тут и в самом деле приносили кровавые жертвы, чтобы напоить богов кровью. Или это все только сказки? Пойди, разбери!

Волк припал брюхом к земле. Идолы словно толкали его вперед – на круглую площадку, где перед четырехугольным столбом из белого камня полыхал жарко костер. Выскочив на середину капища, Горихвост едва не уткнулся носом в стол из гнилого дерева, превращенный в третище – старинный жертвенник, на который в древнюю пору выставлялись дары божествам.

Однако и нынче кто-то, видно, решил вспомнить древний обряд. Пламя горящих свечей колыхалось от ветра на черной

от гнили столешнице. Между свечками тускло поблескивали подносы со сладкими куличами, чара с темным вином, чашки с медом и мисочки с молоком. Кто бы ни был хозяином капища – он явно готовил угощение для неземного духа.

Щерясь и пригибая голову, Горихвост принялся озирать статуи древних божеств, кругом обступивших его. Костер трещал в центре площади так, как будто его только что развели. Блики пламени плясали на ликах кумиров, и от того Горихвосту казалось, что боги шепчутся и морщатся, разглядывая его. Рядом валялись вязанки хвороста и кучи сухостоя, бережно собранные каким-то неведомым хранителем. От костра доносился запах хвои и свежей смолы, как бывает в бору во время пожара.

При мысли о пожаре Горихвост невольно ощерился и заворчал. Дикое, неуправляемое пламя – это единственное, чего боится в лесу вурдалак.

Блики костра навеяли старые воспоминания. В памяти всплыла история, случившаяся пять лет назад. Горихвост жил тогда в самой середине Дикого леса, на Туманной поляне, у корней Древа миров, и очень гордился званием его стража.

Толпа ошалевших от жадности мужиков вломилась в лес, чтобы разграбить пещеру под корнями Мироствола. Глупые селяне поверили изменнику, нашептавшему, будто там спрятаны несметные сокровища. Однако вместо сокровищ они встретили только лесных сторожей, на помощь которым пришел сам царь бесов – Великий Лиходей, поднявшийся из глу-

бин преисподней.

Жадная деревенщина получила отменный урок, и больше не смела соваться в запретную чашу. Жаль только, что Горихвост не увидел победы. Он успел разоблачить подлого заговорщика, предавшего лесную братию, но поплатился своей старой шкурой, сожженной под пытками на костре.

Так бы и уйти ему в мир теней безвозвратно, если бы сам Лиходей не оживил его и не подарил новую длаку – шкуру, которая дает вурдалаку дар оборачиваться волком. С тех пор Горихвост щеголял в этой черной, пушистой обновке, прославившейся на все окрестности. Однако и он извлек урок: «береги зубы смолоду, а шкуру снову».

После той ссоры в лес и прислали Дыя – править, царствовать, и не допускать поругания Древа миров. Он заключил с князем вятичей договор: люди не должны заходить в лес, но взамен и нечистая сила обязуется не вылезать из чащобы и не нападать на людское жильё.

Казалось бы, все по-честному, но надо же так случиться, что именно Горихвосту тот договор вышел боком. Уж больно пугались его деревенские бабы, когда он прибежал из лесу, чтобы навестить деда. Вот мужики и пожаловались на него Лесному царю. Дый повел себя неумолимо – соблюдать договор должны все: и несусветная нежить, вроде леших, упырей и русалок, и вурдалаки с душой и горячей кровью, что лишь притворяются нечистыми духами, а на деле – такие же мужики, приучившиеся к оборотничеству.

Пришлось Горихвосту переселиться с Туманной поляны в самую глухомань – в Волчьи дебри, где никто не видел его и не слышал, и откуда он точно не мог никого напугать. А у Лесного царя завелась ни с того ни с сего приемная дочь – Ярогнева. И откуда она взялась, да еще сразу двенадцатилетней? Не родилась же такой.

Горихвосту такие загадки никто не разъяснял. Да он и не спрашивал. «Позовет царь на помощь – приду служить лесу. А прогонит с глаз долой – уйду, и обиды не выскажу. На обидчивых черти в аду воду возят. А нам до воды дела нет».

Так и разминулся Горихвост с новой любимицей леса. Ярогнева в одну сторону, он – в другую.

Тени прежних событий сами туманили память, пока волк рыскал по площади, выискивая следы убийцы. Земля заросла чахлой травкой, сквозь которую проглядывали ряды булыжников, образующие сужающиеся круги. Эти круги складывались в лабиринт, в центре которого и торчал столб из точеного мрамора. Безмолвные лики, высеченные в камне, взирали на четыре стороны света, словно ожидая нападения сразу отовсюду. На головы им костяной шапкой был насажен лошадиный череп, взиравший на Горихвоста пустыми глазами, как демон потустороннего мира.

Волк невольно ощерился и зарычал. «Где же враг? Тут должна быть засада!»

Он втянул воздух ноздрями, но нюх будто отшибло. Вот он, поганый мухомор! Отрава уже бьет по чувствам, чтоб ее

понесло лихоманкой. Как же найти кровопийцу, если подводит чутье?

«Ничего! Где наша не пропадала? Я измену за версту распознаю. И тебя, подлый изменник, найду. Я ведь вижу – ты здесь! Мне даже не нужен нюх, чтобы найти твой след. Кто еще мог приготовить это поганое требище, как не злодей, задумавший воскресить тени ушедших призраков? А может, ты и есть призрак? Тот, что шарился в коноплянике перед самым убийством деда, а после огрел меня чем-то тяжелым по голове? Тот, что пытался разбудить змея в дышучей горе, из-за чего на меня ополчился весь Дикий лес во главе с Дыем? Ты не уйдешь от меня, и эта промозглая тьма, едва рассеянная отсветами костра, не поможет тебе выиграть в прятки!»

Горихвост едва удержался от звериного рыка, что мог его выдать, и затрусил кругом вдоль каменных грядок. Стая птиц опустилась на требище и с шумом и щебетом принялась клевать кулича. Никто не думал их отгонять, словно так было и надо. Пламя свечей на ветру колыхалось и освещало пир, устроенный будто нарочно для птиц.

Волк забежал за столб и едва не наткнулся на лошадиный скелет, брошенный неведь зачем. Черепа не хватало – видеть, его и нахлобучили на столб, приделав четырехликому кумиру костяную шапку.

Истуканы, окружившие площадь, взирали на Горихвоста сурово, словно осуждая за нарушение обряда. Прямо перед

его лицом высился серой громадой Перун, горный воитель, князь дружины богов. Серебряные доспехи и позолоченный шлем поблескивали в свете костра. Каменное корзно на плечах развевалось, словно от ветра, дующего в иных мирах. Рука, продетая в единственный рукав корзна, сжимала рогатину, что не ведает промаха, а за поясом у истукана торчала секира, которой страшится нечистая сила.

Горихвост втянул голову в плечи и пустился рысцой, выискивая в темноте затаившегося врага. Однако его встречали только каменные изваяния, то ли недвижные, то ли замершие перед броском.

Бегущего волка проводили взглядом государыня Горнего мира Мокошь и владыка Род, прячущий под накидкой ключи от заветного рая. За ними росли из земли кузнец Сварог, царствовавший в Золотой век, и его сын Дажьбог, что скачет по небу в солнечной колеснице. Напротив устроился скотий царь Велес, что повелевает зверьем в лесах и полях.

«Как бы боги в камнях не очнулись! – подумалось Горихвосту. – Не приведи судьба попасться Перуну под горячую руку. Хлоп – и от волка осталось лишь мокрое место. У богов так всегда. Мы для них – только мелкие блохи. Нас прихлопнуть – раз плюнуть!»

Грибная отравка уже начинала кружить Горихвосту голову. В желудке взметнулась отвратительная тошнота, к горлу подступил ком, а разум начал уступать место наваждениям, для которых как будто нарочно было создано это место.

Перун взялся за руки с Мокошью и Родом. К ним присоединились Велес, Дажьбог и Сварог. Все вместе они закружили хоровод вокруг волка, в голове которого началась беспорядочная круговерть.

«Боги ожили? Или это одна из насмешек, которыми потчует незваных гостей древнее капище?»

Горихвосту почудилось, что он стал горячим, несмотря на холодный дождь. На шкуре выступил пот. Зрачки расширились, и в них заплясало пламя, отраженное от костра. Учащенно забилось сердце. Он попытался крикнуть, чтобы боги убирались туда, откуда явились, но из пересохшей глотки вырвалось только глухое рычание.

В этот миг одна из темных фигур шевельнулась и тронулась с места. Глаза Горихвоста округлились, шерсть встала дыбом. Хлесткий удар полыхающей еловой ветви обжог его бок. В ноздри ударил запах паленой шерсти, жар пробежался по телу и устроил такую встряску, что его передернуло от носа до кончика хвоста.

– Куда лезешь, псина? Не оскверняй божьего места! – раздался над ухом резкий окрик.

– Это кто псина? – взелся вурдалак, еще не успев разглядеть противника. – Кто бы ты ни был, но за эти слова ты ответишь!

Незнакомец подбросил в костер ворох хвороста. Огонь зашумел и принялся радостно пожирать сухой корм.

«Ой! Зачем так? Я же обжегся! Я слишком хорошо знаю,

что бывает, когда палят шкуру огнем. В лесу с огоньком шутки плохи».

А незнакомец, как будто нарочно, выудил из костра горящий сук и ткнул пылающей веткой прямо в волчий нос. Горихвост отскочил и приложился спиной к кумиру Мокоши. Холодный камень привел его в чувство, он на миг отрезвел и взглянул на противника незамутненным взглядом.

Размахивая еловой ветвью, сыплющей искрами, на него наступал жалкий оборванец лет сорока с лишним, одетый в обноски. Рубаха, запачканная багровыми пятнами, едва прикрывала тощую грудь с выпирающими ребрами. В карих глазах плясали отблески пламени, отчего взгляд казался искрящимся.

Горихвост рыкнул, обдав мужичонку слюной. Тот наморщил рябую рожу с горбатым носом и отвернул в сторону кущую бороденку блекло-рыжего цвета. «Это что, призрак-убийца? Или оживший бог? Нет, богов я представлял себе по-другому».

Быстрый взгляд по округе. Кумиры стоят на местах, ни один не шевелится. На каменных лицах никакого движения. И только хилый мужичок в равном тряпье машет горячей веткой так, будто окуривает святилище перед обрядом.

«А ты не так страшен, как казалось в бреду!»

Еловая лапа в руках мужичка догорела. Он замахнулся и горестно закричал:

– Уйди прочь! Ты сорвешь мне важнющее дело!

Горихвост обнажил клыки в коварной ухмылке. «Так вот ты какой, Лутоха-юродивый! Сейчас ты расплатишься за грехи!»

Лутоха растерянно остановился, затем отступил в темноту. Волк надвигался на него медленно, не торопясь – как дикий хищник на ягненка, затертого в углу овчарни. А куда тут деваться? Вокруг только обрывы Крутого яра, под которыми плещутся воды Шерны.

– Не смей подходить! – тонким голоском пискнул неряха.

– Твоя елочка догорела! – рыкнул Горихвост.

Юродивый развернулся и пустился бегом вокруг столба, взирающего на поединок двух странных тварей пустыми глазницами конского черепа. Горихвост припустил за ним, ускоряя шаг. Он набрал ходу как раз перед лошадиным скелетом, брошенным на задворках.

Лутоха подскочил так резво, словно сам был скакуном, и перелетел через кости. Вурдалак прыгнул за ним, надеясь на охотничью сноровку. И сам не понял, что произошло в следующий миг. То ли лапы ему отказали. То ли разум, затуманенный грибной отравой, ошибся в расчетах. Однако вместо того, чтобы упасть беглецу на плечи, повалить его и прижать к земле, как бывало прежде, Горихвост угодил прямо в клеть растопыренных лошадиных ребер. Волчьи лапы застряли в костях, как в капкане. Горихвост постарался их выдернуть, но завяз только сильнее.

– Что, попался? – торжествуя, воскликнул Лутоха.

Он отломил от лошадиной ноги здоровенную кость и приблизился.

«А косточка-то тяжела! Лучевая? Или, может, берцовая?» – наметанным взглядом оценил вурдалак. Как он ни рыпался, но освободить лапы из грудной клетки скелета не мог.

– Уберешься подобру-поздорову, или тебя порешить? – надвинулся оборванец.

Горихвост не нашелся с ответом. Лутоха занес над его головой костяную дубину с тяжелым мослом на конце. Волк зажмурился и прижал уши, ожидая удара.

Однако удар не последовал.

В темном воздухе, пронизанном морозящим дождем, раздались хлопки крыльев. Загадочное существо, едва различимое в отблесках костра, опустилось на мраморный столб и впилось когтями в конский череп, который в ответ недовольно брякнул, словно высказывая негодование.

Вурдалак распахнул глаза. Забыв о нем и отбросив кость в грязь, Лутоха бежал к центру площади. Глаза нищего расширились, руки затряслись от волнения. Он метнулся к трибуну. В жуткой спешке разжег потухшие свечи. Подбросил костер сосновых дров и развел пламя пожарче. Раскрошил куличи и рассыпал по сгнившей столешнице, как будто нарочно, чтобы покормить птиц. Мех с вином опрокинулся, пополняя заздравную чару, которая показалась Горихвосту знакомой – вроде, уже где-то видел ее, только когда? Кажет-

ся, очень давно...

Чара со стуком опустилась на стол. Мелкие дождевые капли упали в нее и разбежались кругами. Вино в чаре казалось багровым и темным, как свежая кровь. Лутоха поднял ее обеими руками и полез вверх, к верхушке столба, где уже хлопал крыльями загадочный силуэт. Отблески костра выхватывали из темноты то края оперенья, то когти, то птичий хвост...

«Это что за пришелец из дальних миров? Зачем юродивый протягивает ему чару, как будто пытается напоить кровью? Что за обряд происходит тут на моих глазах?»

Отрава дурманила разум, но, несмотря на нее, Горихвост со всей очевидностью осознал: Лутоха вызывал из неведомых краев кого-то летучего и большого, и жадного до чужой крови. Не иначе, какое-то адское чудище пожаловало из преисподней. Напьется – и наберется сил.

«Может, это тот самый змей, в пробуждении которого меня обвиняли? Тогда выйдет, что Лутоха и есть призрак, что бормотал заклинания в Рогатой веже. А как должен выглядеть это змей? Его уже тысячу лет никто не видал...»

Горихвост понял, что дергаться бесполезно, и начал тянуть лапу осторожно, стараясь плавно вытащить ее из зажима. Старания принесли успех: ноги удалось высвободить, хотя их до сих пор и ломило от давки. Вурдалак начал подкрадываться к оборванцу, обходя его со спины. Главное – не шуршать, и не наступать на трескучие ветки. Тогда он не

успеет очухаться, как окажется на земле.

Лутоха явно задался целью задобрить чудовище, которое шебуршилось во тьме. Теперь все стало ясно. Этот злодей, притворившийся овечкой, не только убил колдуна, но еще и вызвал змея, чтобы окончательно принести гибель всей волости. Выходит, он дважды обманщик! Ах ты, поганец...

Юродивый забрался с ногами на третище и высоко воздел руки. Неясный силуэт наклонился над чарой. Еще чуть-чуть – и чудище глотнет крови, и тогда всех ждет большая беда.

Горихвост зарычал, рывком взвился ввысь и впился когтями в худые плечи поганого беспоклонника. Тот опрокинулся и обрушился на гнилые доски. Чара выскользнула из его рук, кровавая жидкость расплескалась, обдав волчью морду едкой, сладковато-кислой волной. Несколько капель попали вурдалаку на язык, и он в панике принялся отплеиваться, чтобы случайно не проглотить их и не совершить святотатства. Как знать – может, это кровь Дедослава, или другой неповинной жертвы. Кого еще мог зарезать этот отчаянный лиходея?

Нелепо размахивая руками, Лутоха барахтался в липкой луже. В пахучей жидкости плавала деревянная дощечка, выпавшая из сжатой ладони. Что еще за дощечка? Небось, заклинание из черной книги?

Чудище на вершине столба беспокойно захлопало крыльями. Сейчас главное – не допустить, чтобы оно хлебнуло жертвенной крови. Любой ценой нужно согнать его с места

и как следует напугать, чтобы оно не вернулось. Легко сказать! А вдруг это и вправду змей? Он же таких зверей, как одинокий волк, должен на завтрак есть с потрохами!

«Эх, была не была! Думать некогда!» Стараясь избавиться от приступа леденящего страха, Горихвост упрямо полез на шатающиеся доски требища.

«Вон он, змей, шебуршится во тьме. Кто он, как выглядит – не разглядеть. Чем он встретит? Когтями? Или зубастой пастью с колючим жалом? Кабы знать – служба стала бы слишком легкой».

Горихвост попытался допрыгнуть до конского черепа, но не достал. Удалось лишь как следует порычать на чудовище, что тарасилось на него парой блестящих глаз. Глазки мелкие – видать, змей не так страшен, как его малевали.

Наблюдение придало волку храбрости. Он вцепился когтями в узорные выступы на истукане и начал карабкаться ввысь, как заправский кот. Лутоха поднялся и попытался стащить его вниз, вопя что-то неразборчивое о том, что волк все порушит, испортит, и вообще нанесет ущерб, какого Гремячий дол отродясь не видал.

«Если это ущерб твоим лютым замыслам – тогда да, еще как нанесу! А на плечи Лутохи удобно встать задними лапами и оттолкнуться от них, как от ступеньки. Так что спасибо, что подсадил!

Вот и ты, злобный змей! Ну и лапы у тебя. Жилистые и когтистые. То ли орел, то ли курица в десять раз больше, чем

в Воропаевом петушатнике. Кто ты, нежить? Покажи личико!»

Крылья с темными, жесткими перьями расправились у него перед носом. Переливаются, как перламутр. Один черт! Пусть не змей, пусть хоть птица. Доброй твари убивец не позовет!

Над Горихвостом, настырно карабкающимся на верхушку столба, склонилось лицо. Женское. Красивое, и немного печальное. Большие серые глаза с человеческой мыслью и жалостью. Ожерелье на шее. На волосах – венец с золотыми оленями. С венца на серебряных нитях свисают колечки в виде цветков с семью лепестками – как обычно бывает у баб перед праздником Небесной Царицы. И при этом – крылья, хвост, оперенье и куриные ноги с когтями. Кто ты, птица? Откуда явилась?

– Не трогай ее! Даже не думай! – раздался за спиной истошный вопль Лутохи.

«Нет, я сам во всем разберусь. Меня наваждением не заморочить! Кому писан закон, чтоб творить непонятное колдовство в неурочное время?»

Тонкие уста птицы-девы открылись. Она уставилась на Горихвоста немигающим взглядом и затянула негромкую песню, настолько печальную, что волк замер.

«Не пройдет и недели, как тебя настигнет лютая смерть, – пела птица. – И смерть эта будет настолько горестной, что не пожелаешь врагу...»

Пронзительный взгляд вещей птицы завораживал. Едва смысл дошел до сознания, как Горихвоста охватил такой приступ паники, какого он не испытывал отродясь.

– Что ты пророчишь? – визгливо залаял он. – А ну, замолчи! Заткнись немедленно! Я тебя не просил петь мне всякую чушь!

Страх подсказал ему: нужно расправиться с той, что сулит беду. Тогда, может, пророчество и не сбудется?

Он вскарабкался на вершину, щелкнул зубами и попытался сцапать ногу ведуньи. Но птица взлетела раньше, чем его челюсти сомкнулись. Взмах крыла, хлопки в темноте – и вещая птица растворилась в дождливой мгле.

– Стой! Куда ты? Вернись! Расскажи мне, что будет! Как от этого уберечься? – опомнившись, завопил вслед вурдалак.

Однако ответа он не дождался – лишь холодные капли падали ему на нос, словно небо пыталось остудить ударивший в голову жар. Когти волка заскользили по мокрому камню и начали съезжать вниз. Горихвост постарался удержаться и схватился за лошадиный череп, но тот перевернулся и соскочил со столба.

– Ой! Ты еще и кидаться вздумал? – раздался взбешенный голос.

Горихвост глянул вниз. Со столешницы требища к нему тянулся Лутоха. Лицо юродивого перекосилось от ярости. Череп свалился ему на голову и глухо ударил, еще больше взбесив.

– Если б ты знал, зверь, какую надежду ты только что загубил! – закричал Лутоха и сдернул вурдалака со столба.

Оба с грохотом повалились на третище. Гнилые доски проломились, остатки праздничного угощения перемешались со свечами и рассыпались по земле. Вурдалак зарычал и попытался прокусить врагу горло, но в глазах все двоилось, и от этого зубы поймали лишь холодную пустоту. Тогда он попытался прыгнуть, но едва смог оторвать лапы от вязкой земли.

– Что со мной? Ты нарочно отраву подсунул? – взревел он.

Лутоха сорвал прочную леску, протянутую между двумя истуканами, стряхнул с нее сушеные грибы, и набросил вурдалаку на задние лапы. Горихвост приготовился сопротивляться, но голова до того замутилась, что он покачнулся и упал наземь. Юродивый оборванец без труда опутал его конским волосом и поволок к воротам.

«Раз-два! Как ловко получилось у него вздернуть меня под перекладину! Может, он и деда моего так же подвесил к матице?»

Лутоха перекинул леску через ворота и потянул на себя конец. Горихвост оказался подвешен за задние лапы и повис вниз головой, раскачиваясь и хрипя. Тошнота подступила к горлу, желудок вывернулся наизнанку, и поток кислой рвоты сам собой вырвался из нутра и пролился на землю, образовав целую лужу коричнево-желтой жижи, в которой плавали остатки грибов.

Однако юродивого эта картина не разжалобила. Он подступил к вурдалаку с лошадиной костяшкой и занес ее над головой, приготовившись отделать того как следует.

– Хочешь меня прикончить? – прохрипел Горихвост из последних сил. – От тебя, изверга, я пощады не жду.

– Если б ты знал, какую беду принес, то сам бы себя не пощадил, – отозвался Лутоха.

– Так убей меня! – вызывающе гаркнул волк. – Убей, как убил Дедослава! Или, может, сначала пытаться меня вздумаешь? Сечь плетьюми, огнем жечь? Ты, я вижу, мастак пыточных дел. К дыбе жертву подвесить – раз плюнуть.

Рука Лутохи, уже занесенная для удара, неожиданно опустилась. Мужичок в обносках изменился в лице и присел на коленки, как будто внезапно ослаб.

– Что за чушь ты несешь? – дрогнувшим голосом спросил он. – Кто убил Дедослава? Когда?

– А то ты не знаешь! – яростно выкрикнул Горихвост, глядя в его лицо снизу вверх. – Кто залез к нему в дом? Кто подвесил на дыбе? Кто черную книгу стащил?

– Как? И черную книгу украли?

Изумление юродивого казалось неподдельным.

– Не притворяйся! Улики тебя изобличают. Вся деревня дозналась, что это твоих рук работа. Даже тупой кметь из столицы – и тот мигом смекнул, кто виновен.

Лутоха запустил пальцы в грязную шевелюру и от души разрыдался. Едва смахнув слезы, он приблизился к Горихво-

сту, поблескивая ножом. Беспомощный волк сжался, ожидая смертельного удара.

«Что там птица пророчила? Не пройдет и недели? Вот так точность! Еще четверти часа не прошло. Видать, в Ирии все такие счастливые, что не наблюдают часов».

Однако вместо того, чтобы прикончить зависшего волка, хлипкий мужичок перерезал леску, на которой тот раскачивался. Волк рухнул носом в лужу вонючей жижи, которую сам и наделал. Еще один взмах ножом – и Горихвост почувствовал, что его задние ноги свободны. Леска из конского волоса спала. Ему удалось встать и размять лапы, затекшие до онемения.

– Что за беду ты накликать? – еще не придя в себя, рявкнул он.

– Если хочешь разговаривать по-человечески, то прими человеческий вид! – потребовал нищий.

Горихвост заколебался. Уверенность в драке он чувствовал только тогда, когда надевал волчью личину. А в человеческом виде ни прыгнуть, ни покусаться, ни даже когтями как следует поскрести. Как люди вообще могут драться? Им же нечем!

Однако Лутоха сидел перед ним на земле и выглядел так жалко, что драться с ним стал бы только разбойник. Покряхтев, Горихвост кое-как прыгнул и кувыркнулся, стараясь не угодить в ту же лужу. Оборванец даже не взглянул в его сторону – как будто каждый день видел, как оборотень из волка

превращается в человека.

– Так-то лучше, – только и сказал он, когда Горихвост вышел из темноты.

– Как ты меня узнал? – удивился вурдалак.

– Тебя, волчью пасть, только дурак не узнает, – ответил нищий. – Шерстка черная, глаз зеленый, да и рост такой, что ни один настоящий волчище до такого не вымахает.

– Признавайся: чья кровь у тебя на рубашке? – опомнился вурдалак.

– Кровь? Ты совсем спятил? А еще говорят, что это я по-лоумный, – рассердился Лутоха.

– Тогда что это за красные пятна?

– Это вино! – как о само собой разумеющемся деле, вскричал мужичок.

– Вино? Ты не пьяный. Я бы это почувял.

– Разумеется, я не пьяный. Быть пропойцей – тяжкий грех. А вино теперь и твою шкуру залило. Так и разит от тебя.

– Винись: ты убил колдуна? – не давая опомниться, насел на него Горихвост.

– Что ты! Зачем мне? – вскинул на него юродивый заплаканные глаза.

– Про тебя говорят, будто ты ненавидел волхвов. За то якобы, что они перестали служить богам. За то, что не пытаются возратить их из небытия. А ты баял, будто боги вернутся и устроят всем страшный суд. Вот ты и вздумал начать

судилище, не дожидаясь, пока они явятся.

– Навет это! – с возмущением ответил Лутоха. – Твой дед был моим другом. Он единственный понимал меня. Только с ним я мог отвести душу и вдоволь наговориться о том, как позвать горних владык обратно.

– Все говорит о том, что ты принес его в жертву своим каменным истуканам, – настаивал Горихвост. – Деда убили жестоко, над ним сотворили поганый обряд. Козла зарезали, крови налили. Мужики говорят: бесов звали. Твоих идолов не отличишь от чертей. От кого еще ждать безумной тины, как не от идолопоклонника?

– Как ты смеешь звать меня идолопоклонником? – возмутился Лутоха. – Если б ты не был Дедославлевым внуком, я б тебе язык вырвал! Я не молюсь истуканам, я молюсь только живым божествам! А они жертв на крови не принимают. Живые боги едят вместе с нами только чистую пищу. Я кормлю их лучшим, что раздобуду: вином, медом и молоком. Подношу им праздничные куличи и калачики из белоярой муки. Ты бы стал есть человечину и пить кровь? Почему же ты думаешь, что станут боги – самые совершенные и безупречные создания, какие есть во вселенной?

– Не дави мне на жалость! – продолжал напирать Горихвост. – Сам знаешь: меня обвиняют в убийстве боярина Злобы. Говорят, будто я его в поле загрыз и кости обглодал так же, как обглодана эта лошадь. Думаешь, раз я и сам без вины виноватый, то можно задеть меня за живое?

– Если я захочу задеть тебя за живое, то врежу по твоей волчьей морде лошадиным мослом, – заверил Лутоха. – Ни за что не поверю, будто ты загрыз Злобу. Но и ты должен понять: кровью жертвуют только упырям. А с богами делят лучшее, что имеют. И если ты не отличишь упыря от настоящего бога – значит, дед ничему тебя не научил.

– Не твое дело, чему меня дед учил! Я только знаю, что ты мог оказаться на месте убийства. Ты ушел из кружала за три часа до начала пыток и будто сквозь землю провалился. Никто не видел тебя до сих самых пор. Где ты скрывался? Зачем прятался от людских глаз?

– Ни от кого я не прятался! Я сидел тут безвылазно и караулил небесную птицу, которую ты вспугнул. А то, что селяне боятся сюда заходить – разве это моя вина? Ищут там, где мне нечего делать. А здесь никто поискать не додумался.

– Никто из селян не бывает на капище? Выходит, ты один знаешь, как проводить колдовские обряды, – не сдавался Горихвост.

– На капище только богов славят, – не поддался Лутоха. – А чернокнижьем можно заниматься где угодно.

– Вот именно! Черная книга! Кому еще она могла понадобиться, кроме тебя?

– Наоборот всё! Мне она не нужна.

– Ты же хотел богов звать?

– Для зова богов она бесполезна. В ней – заклинания бесов и темная ворожба. Дед твой старался защитить от ворож-

бы и себя, и людей. Поэтому и прятал черную книгу, никому ее не давал. Вот, наверное, злилась бесова сила, что он не дает ей разгуляться! А теперь кто ее остановит? Дед твой знал, что в плохих руках книга служит лишь злу. Он был лучшим хранителем тайн. При нем книга была в безопасности.

– Уж больно складно ты врешь! – Горихвост не сдержался, ощерился и показал пару клыков. – Как будто нарочно все выдумал. А что ты на это скажешь?

И он вытряхнул из переметной сумы поясок, отнятый у Воропая.

– Ах, вот он где! – потянулся к нему Лутоха, но Горихвост резко отдернул руку.

– Признался! – напористо закричал вурдалак. – Твоим поясом Дедослава связали и к дыбе подвесили. Кто мог это сделать, если не ты?

– Я этот пояс оставил, когда вечерял. Мы так заговорились, что я позабыл обо всем. Уходил второпях. Как я об одежде забочусь – можешь и сам посмотреть.

Горихвост оглядел обноски, в которые кутался оборванец, и с сомнением покачал головой.

– А эту копейку ты тоже забыл? – предъявил он щербатую денежку.

– Откуда она у тебя? – удивился Лутоха.

– Оттуда же! Ей расплатились с нечистой силой, чтобы отправить покойника на тот свет.

– Вот беда! – горестно зарылся в ладони лицом оборва-

нец. – А я-то думал: везет мне! Я в тот вечер таких монет девять штук выиграл.

– Рассказывай все по порядку. Почую, что врешь – глотку перегрызу! – пригрозил Горихвост.

– Третьего дня, ближе к вечеру, я зашел навестить Дедослава, – покорно начал нищий.

– В котором часу?

– Шести еще не было. Солнце светило. Нам с твоим дедом всегда говорилось легко. Но в этот вечер его одолели тяжкие думы.

– Что стряслось?

– Об этом я его и спросил. Он мне поведал, что вычитал в черной книге, будто проснулось великое зло. Тайный злодей разбудил силу, с которой людям не совладать. От векового сна очнется чудовище, запертое в земных недрах. На Гремячий дол обрушится бедствие, какого еще никто не видел. Где был лес – останется пепелище. Где была суша – туда нахлынет большая вода. Море смоев дома, и жить станет негде. Ничего не останется ни от людей, ни от зверей с птицами.

– Что за чушь! Какие-то страшные сказки! – расхохотался Горихвост, хотя душу его заскребли коготки.

– Дед твой так не считал, – серьезно ответил Лутоха. – Он открыл книгу и показал колдовские письма. Они полыхали, как от огня. Дед сказал, что так бывает лишь перед большой бедой.

– А кто этот тайный злодей?

– Книга его не указала. Но он уже здесь, среди нас. И он творит ворожбу у всех на виду. Убийство волхва – его рук дело.

– Как его распознать?

– По поступкам, иначе никак.

– Выходит, ты все же видел черную книгу?

– Еще бы не видеть! Она лежала передо мной на столе. Страницы сами собой перелистывались и такое показывали, что меня жуть пробрала до костей. Ох, чего там стесняться! Струхнул я до чертиков. Даже забыл подпоясаться.

– Дальше что?

– Вышел я от него в девятом часу, уже солнце клонилось к закату. И направился сразу в кружало, но не для того, чтобы пьянствовать и обжираться. Понадеялся я выпросить у Щербора куличей, вина, меда и молока. Однако тот, вместо того, чтобы смилостивиться, разозлился не на шутку. Ты бы слышал, какой крик он поднял! Так и орал, слюной брызжа: «Ты совсем обнаглел, нищеброд! Посмотри на себя! Для тебя черная каша с сухим хлебом – и то царёва еда, а ты клянчишь дорогого вина». Едва не вытолкнул меня вон из своего заведения. Хорошо, что вступились игроки, что сидели за длинным столом и резались в шахматки.

– Кто там был? – перебил Горихвост.

– Воропай-староста, печник Жихарь, бортник Пятуня, да князьи слуги – сторож Нежата и лошажник Коняй. И позвали они меня смеху ради.

Я не слишком хороший игрок. Да и шахматы – забава разбойничья, озорская. Приличные люди за такую не сядут. Но и меня за приличного человека никто не считает, так что мне в самый раз. Вот и сел я ладейками постучать. Жихарь едва не прогнал меня – сказал, что играют на деньги, а я гол как сокол. Но выручил Воропай – одолжил мне копеечку, самую бедную из всех, что ходили по кругу – щербатую, со скошенными краями, какую не жалко. Я, конечно, ее проиграл в первом же разе. Разгоревался: чем отдать старосте долг? Все надо мной хохочут, один другого в остроумии перещеголять так и норовит.

Да скоро им всем не до смеха стало. Повезло мне! Веришь ли, но я не только свою копеечку отыграл, но и все остальные собрал со стола. Все девять, сколько их было. Жихарь так хотел отыгратья, что даже у Щеробора пытался занять. Но тот пожадничал – сказал, что не только у него, а и во всей деревне серебра больше не сыщешь.

– Неужто деревня такая бедная?

– Не в бедности дело. У нас деньгами платить не привыкли. Все возят друг другу зерно, мясо, муку. А в железных кружочках какой толк? Они только в столице в ходу. В общем, полуночи еще не пробило, а я уже стал богачом. Только эти стяжатели в толк не возьмут, что деньги нужны мне не для себя. Я их все тут же роздал.

Воропаю вернул долг, и еще парочку сверху добавил – уж больно он переживал, даже домой бегал, чтоб вещички про-

дать кой-какие.

Одну копейчку подарил я Нежате, чтоб он перестал гонять меня с княжеского двора и позволил бы ночевать в овине. А то осень уже, ночи холодные, на улице не поспишь.

Три копейки ушли Щеробору – за корзину праздничных куличей, которые ты, вурдалак дикий, в грязь втоптал. За мед, что ты размазал по доскам, да за дорогущее вино, что ты по земле расплескал.

– Извинения ждешь? Не дождешься! – показал клык Горихвост.

Лутоха махнул на него рукой и продолжил:

– Еще копейка пошла Коняю за то, что подвез покупки на телеге до Девичьего поля и помог собрать дров для костра. Тут я с ним и расстался, чтоб он не видел, куда я дальше пошел.

Так и осталась у меня одна-единственная монетка. Но и той я не сохранил. Бросил ее водянице в омут, чтобы людей на дно не тянула. Завелась, вишь, у нас в омуте нечисть, да какая-то чуждая: ни с кем дружбы не водит, общения чурается. Того и гляди, до беды доведет. Может, возьмет серебро вместо живой души, да и угомонится.

– И кому же досталась шербатая денежка?

Лутоха задумался и потер грязный лоб.

– Прости, но теперь уже не упомяну, – признался он. – Я же их не перебирал. Над сундуками не чах, как Кощей. Ушли денежки в руки людям, вот и слава господня!

– Эх, юродивый! О чем только с тобой толковать? – с досадой сказал Горихвост. – Выходит, ко времени убийства монет у тебя не осталось?

– Ни одной!

– А из кружала когда ты ушел?

– За полчаса до полуночи. Это все видели. А Коняй меня еще и проводил.

– Он один тебя провожал?

– Щеробор помогал ему куличи таскать. Да в темноте оступился на лесенке – там ступенька такая коварная, всё шатается, а он ее не починит. Ну и грохнулся оземь. Ногу вывихнул, а корзину с покупками удержал. Так стонал, бедолага, что всех на семь верст вокруг всполошил.

Горихвост делал вид, что внимательно слушает, но мысли его витали в этот миг далеко. Стоило вспомнить, что напроорочила залетная вещунья, как внутри все переворачивалось.

– А что за зловещую птицу ты пытался зазвать? – ни с того ни с сего спросил он.

– Никакая она не зловещая, – обиделся Лутоха. – Это Дива. Она живет в ветвях Мироствола и поет Песни приветствий душам, возносящимся в Горний мир.

– Для чего она тебе понадобилась?

– В нашу последнюю встречу сказал Дедослав, что нет способа избавить Гремячий дол от надвигающейся беды, кроме как позвать на помощь богов. Но до богов нынче не докричишься, они больше не слушают наших молитв. Вот он

мне и присоветовал написать им письмецо, да отослать его с вещей птицей. А подманить птицу не так-то просто. Нужно поставить ей угощение, какое она любит. Ты и сам видел: лицо у нее, как у бабы. А рук нет, одни крылья. Ну-ка, попробуй, раздобудь себе пропитание, когда ни птичьего клюва, ни человеческой хватки. А какая еда ей нужна – ты и сам догадаешься. Ведь и сам ты – хоть в длаке, хоть нет, не можешь обойтись без хлеба. А Диве и меду охота, и молочка.

– Вот ты на вранье и попался! – завелся Горихвост. – Нет у тебя никакого письма!

– Еще как есть! Ты его чуть не сломал.

Лутоха поднял с земли дощечку и протянул Горихвосту. Тот стер рукавом комья грязи, поднес поближе к огню и прочитал неровные буквы, нацарапанные ножом:

«Зло наступает. Грядет конец света. Придите и помогите».

Искра от костра пролетела сквозь дырочку от сучка, из которой торчал обрывок шнурка, и погасла на переметной суме вурдалака.

– Вишь, я шнурок Диве к ноге привязать собирался, – пояснил оборванец. – А ты влез и вспугнул птицу. Плакала наша надежда.

У Горихвоста опустились руки. Он вернул юродивому дощечку и проговорил:

– Может, она вернется?

– Вернется, как же! – передразнил Лутоха. – Птицы из

Заоблачного края так пугливы, что даже один раз увидеть их – неслыханная удача. Второго раза можешь не ждать.

– А другой способ передать письмо есть?

– Об этом и я говорил с Дедославом. Сказал: если другого пути нет – то я сам отправлюсь на небо и передам письмецо. А он мне: «И думать не смей! В Горний мир подниматься умеют лишь опытные волхвы. А простой смертный может попасть к богам, только скончавшись. Волхв поопытней, может, еще и вернется. А простой человек – никогда».

– То есть живым туда не попасть?

– Выходит, что так.

– Почему же тогда Дедослав сам не позвал богов?

– Он в них не верил. Рассказывал, что поднимался туда, к ним, в Заоблачный край. Так вот – там нет никого.

– Что значит «нет»?

– Они вправду ушли. Никого не осталось. След простыл. Пуст Серебряный город!

– Тогда кому ты писал свое деревянное письмецо?

Лутоха вздохнул и потрепал Горихвоста по плечу.

– Я же юродивый! – как ребенку, объяснил он. – Мне законы не писаны. Что хочу, то творю.

– Убедительно, – согласился с ним Горихвост.

Лутоха искательно заглянул ему в глаза и спросил:

– Скажи, а дед твой правда умел подниматься на небо?

– Он много чего умел. Он был великим волхвом, – неохотно сказал Горихвост.

– А ты? Ты туда можешь подняться?

– Я всего лишь вурдалак.

– Разве в детстве он не учил тебя?

– Он учил моего отца. Тот научил бы меня. Но пришли злые люди. Отца с матерью убили. Меня выгнали в лес. Так род великих волхвов и пресекся.

– Выходит, ошибки уже не исправишь, – безнадежно развел руками Лутоха. – Остается одно: встретить судьбу, какой бы она ни была.

– Я судьбы ждать не собираюсь, – резко возразил Горихвост. – Убийцу деда поймаю и отомщу, и никакая судьба его не спасет.

– Что ж, милость небесная тебе в помощь, – вздохнул Лутоха, и отправился собирать остатки рассыпанной еды.

Чтобы занять руки, Горихвост принялся чистить длаку от рвоты, вина и грязи, но никакое занятие не могло отвлечь его от тягостных мыслей о зловещем пророчестве. Стоило вспомнить, что напела птица, как его передергивало, кожа покрывалась пупырышками, а на лбу появлялась испарина.

Лутоха вернулся с перепачканной чарой и остатками калачей, посмотрел на перекошенную физиономию Горихвосту и предложил:

– Похоже, отравы еще не прошла. На-ка, попей молочка. Тут немного осталось. И хлебешка поешь. Сейчас я куличик почищу. Если верхний краешек соскрести, то середка еще будет чистенькой.

Горихвост запил сладкое тесто молоком, и почувствовал, что ему вроде как полегчало. Лутоха сунул горбатый нос в чару и радостно воскликнул:

– Какая удача! На доньшке еще что-то плещется!

– Ну так напейся, – посоветовал вурдалак.

– Какой же ты непонятливый! – с сердцем ответил юродивый. – Это заморская романея. Такое питье не для наших краев. Я приберег его для богов. Сейчас отхлебнем по глоточку, и, может быть, они выпьют с нами...

Горихвост покачал головой. Если у человека на чердаке непорядок, то уборщика звать уже поздно. Лутоха меж тем окурил чару горячей сосновой веткой, нашептал пару заговоров и сделал долгий, со вкусом, глоток. Затем протянул сосуд вурдалаку и напомнил:

– Все не пей. Только чуть-чуть.

Горихвост хлебнул кисловато-сладкого вина, которое в сгустившейся темноте можно было принять за кровь, и с размаху хлопнул себя по лбу:

– Вспомнил! А я-то думаю: где я мог ее видеть! Владыки мира, сколько же лет прошло!

Юродивый с удивлением поглядел на него: настала его очередь теряться в догадках.

– Это же чара моего деда! – продолжал Горихвост, блаженно улыбаясь. – Я ее с детства помню. Он вытащил ее из старинного клада под Змеиной горой. Вместе с мечом Душебором. Сколько лет этой вещице? Смотри-ка, совсем обвет-

шала...

Он потер ее выпуклый бочок, усеянный впадинами от выпавших самоцветов.

– Постой! – вдруг пришло ему на ум. – Как она к тебе попала?

Он вскочил на ноги и надвинулся на Лутоху.

– Если она у тебя – значит, ты ее и забрал! Вместе с книгой! Вместе с жизнью старого колдуна!

– Угомонись! – остановил его оборванец. – Я купил ее. Все по-честному.

– Когда и на что ты мог купить ее?

– На те самые денежки, что я выиграл в кружале.

– И кто ее продал?

– Так Воропай! Он проигрался и вынужден был продавать всякую рухлядь. А я и увидел, что вещь эта непростая. Не иначе, как в прежние времена ее использовали для подношений. Сейчас она кажется непригодной. Однако на ней печать старой волшбы. Неужто не чувствуешь?

– А где ее взял Воропай?

– Вот этого не скажу. Выдумывать не стану.

Горихвост призадумался. Если юродивый не сочиняет, то взять чару староста мог только у Дедослава. Возможно – тогда же, когда пропала черная книга. У кого их найдут – тот и есть тать.

– Сколько монеток ты отдал старосте? – спросил он Лутоху.

– Три, – напомнил юродивый.

– Сразу три! Одна из них могла быть той самой...

– Неужели гретишь на старого кулака? – изумился Лутоха.

– А на кого же еще? Он с самого начала у меня на заметке. Раньше всех оказался на месте убийства. Он стар и опытен, многое повидал на своем веку. Мог и оружием поработать, и тело подвесить под матицу. Наверняка знает, как развязать язык несговорчивым односельчанам. Из кабака ушел вместе со всеми, за пару часов до убийства. После никто его не видал аж до утра. Где он был, чем занимался?

– Староста – мужик суровый, но на душегубстве никто его не ловил, – возразил робко Лутоха.

– Потому что ловца не нашлось! – чувствуя азарт, заявил Горихвост. – Я еще давешним утром почуял: от его дома разит жженой коноплей. Тот же запах, что в дедовой горнице. Нечасто такой встретишь! Вот ты хоть и юродивый, а придет ли тебе на ум коноплю жечь? И твой поясок он зачем прикарманил?

– Только чем Дедослав ему насолил?

– О, тут у нашего старосты поводов, хоть отбавляй, – засмеялся злорадно вурдалак. – Помню, пять лет назад он уже покушался на черную книгу. Пытался ее в Диком лесу раздобыть. Был у нас злыдень Игоня – нашептал деревенщине, что так можно доискаться до клада, что спрятан под Древом миров.

– Да и я от него пострадал, – нехотя признался оборвыш. – Староста наш – известный охотник на ведьм. Целью задался: вывести нечистую силу, чтобы духу ее не осталось. Под эту раздачу и я попадал – он бездомных и нищих в одну кучку смешал. А Дедослав – друг Лесного царя. Послух при договоре Дыя и светлого князя. Воропай мог подумать, что от волхва идет тайная ворожба. Боялся, что порчу ему на след наведут. Да и баба у него жуть до чего суеверная. Наплела, будто я эту лошадь убил (он показал на разбитый скелет), а теперь хочу принести в жертву конюха – якобы, на капище только тогда можно действия творить, когда под ним чья-то голова зарыта, и лошадиник для этого подойдет в самый раз.

– Ты и лошадь убил? – удивился Горихвост.

– Что ты! – рассмеялся Лутоха. – Этим костям сто лет в обед. Погляди сам, как они побелели.

– Пережду дождь, а после со старостой побеседую, – хищно щерясь, сказал Горихвост.

– Ты бы поспал до утра. Я тебе рядом с костром соломки подстелю, – предложил Лутоха.

– Не надо рядом с костром! – испугался вурдалак.

– Да успокойся ты! Не сгорит твоя длака. Учись жить по-человечески. Ты ведь последний в роду волхвов. Кому, как не тебе, дело их продолжать?

Глава 7. Староста

«А рядом с костром, оказывается, так уютно! И дождик почти перестал».

Горихвост поворочался на подстилке из взбитой соломы. Лутоха устроился по ту сторону от огня, прикрывшись рваными накидками, не подошедшими каменным истуканам. «Сколько еще до утра? Часа три? Или меньше? Надо поспать перед серьезной беседой. Может, завтра уже все решится?»

– Лутоша! – негромко позвал он.

– Да! – сонно откликнулся оборванец.

– Это очень плохо, что я вспугнул птицу?

– Ничего не поделаешь. Поздно рвать волосы.

– А это можно поправить?

– Если только найдешь способ вернуть богов, – буркнул юродивый.

– А куда они делись?

Лутоха повернулся, посмотрел на него сквозь угасающие языки пламени, и негромко забормотал:

– Боги строили мир с трудом и любовью. С первых же дней творения у них разгорелась вражда с бесами, которые всячески им вредили. После множества войн, победу в которых не могли одержать ни те, ни другие, они разделили вселенную: боги взяли себе небосвод, а бесы спрятались в преисподней.

Земля осталась неподделенной, и обе стороны еще долго боролись за власть над ней.

Сначала на земле жили страшные чудовища, настолько невероятные, что никакого воображения не хватит, чтобы представить их. Затем настал век волотов-великанов, от шагов которых сотрясались горы. Но и волоты не владели землей долго – почти всех их смыл всемирный потоп, и лишь немногие уцелели. Наконец, настал век людей.

Боги возлагали на нас особенные надежды, потому что мы приходимся им внуками. Но люди огорчали своих божественных предков и не оправдывали их надежд. Вместо того чтобы наполнять вселенную истиной, добром и красотой, для чего боги и породили нас на свет, мы затеяли войны и свары, принялись истреблять друг друга и проливать кровь.

И боги испытали жестокое разочарование. Люди же настолько преисполнились гордостью, что подняли бунт против небесных предков. Но боги не стали сражаться со своими внуками. Они повернулись и уплыли по звездной реке в глубины вселенной, бросив нас на произвол судьбы.

С тех пор мы предоставлены сами себе. У нас есть прошлое, но нет будущего, потому что мы не ведаем цели, ради которой рождены, и не знаем, куда и зачем нам идти.

– Почему раньше никто не пытался вернуть их? – спросил Горихвост.

– А кому это нужно? Никто этого и не хочет, – пробормотал юродивый, отвернувшись от пляшущих язычков пламени,

и захрапел.

16 вересня

Ой! Кто это?

Горихвоста разбудил резкий удар плетью, обжегший кожу от спины до груди.

«Лутоха? Коварный предатель! Обманул? Наврал? Решил напасть, пока я сплю?»

Не успев продрать глаз, Горихвост вскочил, но тут же получил удар дубиной, от которого свалился с ног. Крепкие руки с толстыми пальцами сорвали с его плеча переметную суму с длакой и набросили сверху рыбачью сеть.

– Вяжите! Не дайте уйти нищоброду! – распорядился знакомый, с легкой хрипотцой бас.

Барахтаясь, Горихвост разлепил веки. Над капищем брезжил серый рассвет. Тучи развеялись, и первые лучики солнца начинали пробиваться сквозь верхушки восточного леса. В уши ударил топот мужицких ног. Здесь что, собралась вся деревня?

– Поймали! – воскликнул ликующий голосок Жихаря.

– Помоги! Едва держим! – вторил приятелю голос Пятунни.

– Сами справитесь! Не видите, что ли – я вурдалака пеленаю! – раздраженно ответил им голос Нежаты.

– Горюня, беги! – прорезал гомон истошный вопль Луто-

хи.

Горихвост дернулся, и тут же получил по ребрам. Эх, Лутоха-юродивый! Предупредил, называется.

На Ветхое капище валом валил деревенский народец. Капово Середице заплотонили Воропай, примчавшийся вместе с женой Духаней и сыном Головачом, Жихарь с Пятуней, и даже бабы, которых набилось видимо-невидимо, отчего площадь начала казаться тесной.

– К столбу их! – распорядился Нежата.

Подручные прислонили Горихвоста к шершавому камню и быстренько прикрутили веревками. С обратной стороны столба они привязали Лутоху, который дергался, как скоморох, и увещевал своих пленителей:

– Отстаньте! Скоро всему нашему миру крышка! Вы ничего не понимаете!

Нежата полюбовался на свою работу, выполненную на совесть, и гаркнул на всю площадь:

– Теперь можно и князя звать.

Толпа расступилась, и в проход величественно прошагал Всеволод, за спиной которого размахивал длинными рукавами боярин Видослав Рославич. Коняй притащил князю кресло с высокой спинкой и поставил лицом к столбу, чтобы пленники оказались прямо перед глазами.

Всеволод с удобством расположился на сидении и сложил на коленях руки, одна из которых была затянута в кожаную перчатку без пальцев. Боярин в лиловой ферязи встал у него

за спиной, всячески подчеркивая, что в любой миг готов услужить. Заметив его, Нежата скривил недовольную рожу, однако князь так благосклонно оценил его труды, что кметь просиял.

– Оба подозреваемых в одной ловушке, – проговорил Всеволод. – Ох, и ловкач ты, Нежата! Как тебе удалось разыскать вурдалака?

– По следам, Всеволод Ростиславич, – с гордостью произнес кметь. – Ночью дождик прошел, в сырой земле след хорошо виден. Я, может, и стар, да службу знаю получше бояр в дорогих ферязях.

– Читай обвинение, – велел князь.

Охранник прокашлялся, вытащил из-за пазухи лист пергамента и начал читать нараспев:

– Нищий Лутоха, без роду без племени, не имеющий постоянного жительство, ведущий беспутный образ жизни, подозревается в совершении противоправных действий, повлекших смерть одного или более граждан.

Он приостановился и победоносно оглядел селян. Взгляд его лучше слов говорил: видите, олухи, как грамотно я умею составлять важные документы? Из вас, бездарей, никто так писать не умеет!

Князь одобрительно покивал и махнул рукой, требуя продолжать.

– В течение длительного срока подозреваемый имел сношения с жертвой, пользовался ее гостеприимством и вти-

рался в доверие. После чего совершил преступление, о котором свидетельствуют улики, найденные на месте осмотра, а также красные пятна на его одежде, по виду и цвету совпадающие с пятнами крови.

– Вино это. Разве не видишь? – обиженно возразил нищий.

– Зачем лить вино на рубаху? Вино пить нужно, – урезонил его обвинитель. – Дельце сшито. Оправданий нет. Казнить прямо сейчас будем, или отложим до праздника?

– Погоди казнить! – вышел из-за спинки кресла боярин Видослав Рославич. – А защищать обвиняемого, что, никто не собирается?

Нежата хмуро взглянул на боярина и с раздражением кинул:

– Какая еще защита? Все ясно, как день.

Толпа зашумела, выражая ему поддержку. Жена Воропая Духаня выскочила и дурным тоном заголосила:

– Поглядите на конский череп! Вон он, валяется прямо у них под ногами. Откуда они его взяли? Ясно ведь: вурдалак лошаденку загрыз, а юродивый череп присвоил, чтоб при- дать капищу колдовских сил. Они оба разбойники, как пара из двух сапог. И кого еще им взбредет лишить головы? Того и гляди, перейдут от лошадей к коневодам. Зарежут, к примеру, Коняя, и зароят его череп под капищем. Мы наутро придем – а конюх-то и без головы!

Коняй задрожал от страха и забился подальше в толпу.

– Вот он, голос народа! – вернул себе слово Нежата. – А то, что вурдалак с этим разбойником в паре – вы и сами видите. Похоже, они – одна шайка. Так что пришьем к дельцу: «преступления совершены организованной ватагой по предварительному сговору...»

– Это что, доводы? – возмутился Видослав Рославич. – Вурдалака-то в чем обвиняют?

– В том, что в прошлом году загрыз Злобу Кривую Шапку, – с ненавистью глядя в лицо боярину, выдал Нежата.

– Обвини его еще в том, что Шутиха утопла!

Парочка вольнодумцев из народа осторожно захихикала.

– Шутиха утопла по вине водяницы. Это все знают, – встав на цыпочки, чтобы казаться вровень с высоким боярином, взвизгнул Нежата. – Несчастный случай при купании в неположном месте.

– Вам бы только собачиться. Надоело уже, – отвернулся князь от приближенных.

И, обратившись к толпе, спросил громко:

– Кто выскажется в защиту?

– Нечего их защищать! Обоим расправа и казнь! – загомонили селяне.

– Как же так? – не желая сдаваться, взметнул рукавами ферижи боярин. – Возможно, юродивый и виновен. Улики против него очевидны. Но виновен ли вурдалак? Против него прямых доказательств нет.

– Какие тебе нужны доказательства? – сорвался, не вы-

держав, княжеский кметь. – Ты только взгляни, как горят адским огнем его глаза! Сразу видно: его душу заполонил бес.

Толпа загудела и обступила Видослава Рославича, не давая ему говорить. Князь задумчиво потер русую бородку.

– Умоляю: казните Лутоху, – перекрыл общий гомон дрожащий голосок конюха. – Ведь он прирежет меня и закопает, как пить дать!

– Мой приговор! – поднялся с кресла князь.

Толпа разом умолкла.

– Признаю подсудимых виновными. Казнить их как бесноватых.

– Не могу на это смотреть! Как хотите, а я ухожу! – не выдержав, Видослав Рославич повернулся ко всем спиной и зашагал прочь.

– Ступай-ступай, скатертью дорожка, боярин, – поощрил княжеский кметь. – А мы костерок разведем.

В его руках обломки требища мигом превратились в дрова. Селяне с готовностью подбавили сухих ветвей, собранных на берегу. Осталось только запалить костер, чтобы отправить души приговоренных на тот свет. Кметь схватил факел и ткнул его в кучу дров.

Толпа народа затихла. Огоньки побежали по сучьям, пустили дымки, затрещали.

– Про шкуру его не забудь, – напомнил князь.

– А как же! – заверил Нежата и вывернул наизнанку суму, отнятую у Горихвоста.

Волчья длака упала на доски, языки пламени жадно потянулись к лоснящейся шерсти, будто почуяли пищу. Горихвост сморщился, сжал зубы и, не выдержав, зарычал.

Неожиданно прямо под его ногами расцвел ярчайший огненный цветок. Вурдалак на мгновенье зажмурился, а когда открыл глаза, то увидел, что огонь охватил не только сухие ветви, но и веревки, сдавившие его грудь.

Толпа пришла в панику, бабы заголосили, мужики заматались. Нежата с растерянным выражением лица скрылся в дыму. Горихвост увидел, что пламя лижет его длаку, напрягся и всем телом налег на веревки. Вдулись жилы на его лбу, путы с треском начали рваться.

Едва высвободившись, он выхватил из костра лоснящуюся шкуру и начал сбивать с нее пламя. Потерявший силы Лутуха за его спиной упал на четвереньки и уперся ладонями в горящие бревна.

Огненные стрелы продолжали втыкаться в каменные круги, выступающие из земли посреди Капова Середица. Кресло под князем перевернулось, сам Всеволод вскочил на ноги, и его чуть не снесла обезумевшая толпа. Над головой Горихвоста хлопнул крыльями Хорохор, и торжествующий вороний грай резанул слух:

– Берегитесь, людишки!

Улизнуть – самое время! Эта мысль яркой молнией пронеслась в волчьем мозгу. Однако едва Горихвост сделал шаг к аллее, через которую попал на капище прошлым вечером,

как на пути его встал молодой княжич.

– Не пущу! – заявил юноша.

– Отойди подобру-поздорову! – прохрипел Горихвост.

– Молодчина, Святоша! Не пугайся. Стой крепко! – зазвенел сзади девичий голос.

«Лихо-мареву! Этого я и боялся».

Горихвост обернулся. Тонкая ладонь лесной охотницы схватила его за воротник и так дернула, что едва не опрокинула.

Перепуганные селяне уже спускались с Крутояра по каменной лестнице. Последним скрылся из виду Нежата, волоча за собой ошеломленного, но по-прежнему не сопротивляющегося Лутоху.

– Ты кое-что должен Лесному царю. Не забыл? – спросила Ярогнева, пряча за спину огненный лук. – Не знаю, загрыз ты кого из людей или нет. Дело не в этом. Твоя голова – выкуп за Дыя. Удача, что Мара согласилась забрать тебя вместо него.

– Я тебя знаю! – неожиданно заявил Святополк, сделав шаг к девушке. – Признавайся: откуда взялась?

– Не мешай! Не до тебя сейчас! – оглянулась охотница.

Всего мгновенья хватило Горихвосту, чтобы вырваться и затолкать волчью шкуру в суму.

– Не пущу! – встала на пути Ярогнева, едва он бросился к выходу.

Острие Душебора, направленное ему в переносицу, говорило, что с ней шутки плохи. Он метнулся в обратную сто-

рону, перемахнул через повалившийся забор, и спрыгнул с высокого Крутояра к Шерне, синей лентой текущей в дальнюю даль.

«Ух! Только бы лапы не переломать!»

Подогнув коленки, вурдалак рухнул на крутой откос и покатился, прижимая к себе суму. Берег реки в этом месте оказался таким узким, что не успел задержать беглеца, и тот кувырком плюхнулся в воду.

Ярогнева добежала до обрыва и суматошно забегала, выискивая, где с него можно спуститься. Но каменистые склоны нависали над речкой вытянутым языком, под которым не находилось пологого спуска. Охотница собралась с духом и приготовилась прыгать.

– Куда, глупая? Переломаешься! – удержал ее Святополк.

Горихвост уже плыл, по-собачьи барахтаясь, вниз по течению.

– Пусть плывет. Попадет к водянице – одной заблудшей душой в омуте станет больше, – успокоил охотницу княжич, оттащив ее от обрыва.

Ярогнева посмотрела вслед уплывающему Горихвосту, и, кусая губы, сказала:

– Как же так? Ведь он был у меня в руках!

А Горихвост торопился убраться подальше, пока охотница, чего доброго, не одумалась и не пустилась в погоню. Сума, перекинута через шею, набухла и ужасно мешала, но ему удалось кое-как дотянуть до ближайшей излучины и вы-

карабкаться на бережок, заросший столетними соснами.

Крутояр в этом месте сходил на нет, а излучина скрывала от глаз капище. До Волчьих дебрей отсюда было рукой подать – там можно было бы обсушиться и сменить одежду. Однако стоило сунуться в лес – и леший мгновенно проведает о твоём появлении. Пришлось побороть соблазн и отказаться от мысли вернуться хоть ненадолго в обжитое логово.

– Только б не попасться на глаза этому дурному ворону, – дрожал от холода Горихвост, пробираясь по берегу между рекой и лесом. – А то как начнет каркать – ничем не заткнешь. И откуда только берутся такие вредные птицы?

Дикий лес – такой родной, а теперь ставший враждебным – пришлось обогнуть. Нырнув в конопляник, он проскочил мимо села и оказался на Девичьем поле. Только тут наконец можно было разложить волчью шкуру на травке и подсушить ее на солнышке, так удачно выглянувшем из-за туч.

Перезрелая черника, спрятавшаяся под листвой, сама так и просилась в рот. Горихвост сбросил одежду, растянулся на зелени и подставил солнцу лицо, по которому непроизвольно расплылась блаженная улыбка. Одна ягодка за другой – вот и весь завтрак. И пальцы уже перемазаны в фиолетовой мякоти – обо что бы их вытереть, чтобы не оставлять следов? Разве что о сырую вотолу.

– Что за жизнь? – пожаловался Горихвост солнышку. – Враги совсем озверели. Даже позавтракать не дадут. А после еще удивляются, почему вурдалаки такие злые.

И надо же: будто накликал! Со стороны села донеслись растревоженные голоса. За околицей, на широкой улице, которую звали Веселой канавой, суматошно носились селяне. Видимо, подсказала мужичья смекалка: вурдалак, ускользнувший из их лап, не спустит обиды, и непременно явится, чтобы предъявить счет.

«Мы же не станем обманывать их ожидания, верно? – сказал сам себе Горихвост. – Наверняка среди них Воропай, а к нему появились кое-какие вопросы».

Конец завтраку, снова время рвать когти! Он спешно дожеввал сладкую ягоду, натянул еще не просохшие до конца сапоги, и, прячась в высокой траве, полез к деревенской околице.

Село до сих пор не могло успокоиться. Впереди мелькали растрепанные зипуны охотников, ищущих вурдалака. Испуганные голоса перекликались, проверяя, цел ли сосед.

«Вот и отлично! – подумалось Горихвосту. – Посреди этой сумятицы добычу схвачу еще тепленькой!»

Он перелез через плетень и по чужим огородам выбрался на площадь Утоптыш. Однако добраться до двора старосты без приключений не удалось. Едва впереди замаячил бревенчатый частокол, за которым курился дымок из печной трубы, как нога сама собой влезла в вязкую топь Поганой лужи. Болотце охватило сапог липкими щупальцами и потянуло ко дну, словно надеясь переварить в своей темной утробе.

– Ты что? – как живую, обругал трясину Горихвост. – Са-

пог совсем новый. Не про тебя он! Сглотни-ка кусочек по-тверже!

И он запустил в середину болотца тяжелым булыжником. Луже такое обращение не понравилось. Она обиделась и выплюнула сапог. Горихвост вытащил ногу и заковылял к главному дому на площади, но широкие ворота с узкой калиткой оказались наглухо заперты.

– Меня это не остановит! – погрозил он обитателям дома, спрятавшимся за частоколом.

Стоило ему отвернуться, чтобы обогнуть тын и найти местечко пониже, как он наткнулся на девку лет шестнадцати, возвращающуюся от колодца с двумя ведрами на коромысле.

– Млава! – воскликнул он, оказавшись с ней лицом к лицу. – Внучка старосты! Тебя-то мне и нужно!

Девка разинула рот от испуга. Коромысло соскользнуло с ее плеча, ведра ударились оземь и покатались, разливая воду по утоптанной дорожке. Пронзительный вопль вырвался из ее глотки и завибрировал над домами. Чуткий слух Горихвоста будто ножом резануло. Он зажал девке рот и велел:

– Молчи, дура! Зови Воропая! Чем быстрее придет – тем целее останешься!

Головач высунулся из калитки и не своим голосом заорал:

– Отпусти дочь, вурдалак!

– Меняю девицу на старосту! Новенькую сорочку на старую ветошь – неплохой обмен, верно? – осклабился Горихвост.

Жена Головача выглянула из-за забора, за ней показалась испуганная физиономия старости Духани. Сам Воропай появился, дрожа, как осиновый лист, с дубиной в руках, и неуверенным шагом пошел к Горихвосту, крича:

– Ах ты, звериное нутро! Мало тебе боярских костей – теперь и за девок взялся?

– Не брался я за вашу девку. Забирайте свое добро! – Горихвост подтолкнул Млаву к родителям.

Та быстренько юркнула в калитку, за которой тотчас же закрипел засов. Горихвост вырвал из рук Воропая дубину, бросил в сторону и начал возить старосту по траве, приговаривая:

– Выходит, ты все мне наврал в прошлый раз? Глаза отве-сти пытался? Сам колдуна затерзал, а вину хочешь свалить на юродивого?

– Род-владыка с тобой, Горислав Тихомирович, – попытался унять его староста. – Что ты несешь? Кого я терзал?

– Дедослава! Ты продал Лутохе Кровавую чару, которую дед мой откопал на Змеиной горе вместе с мечом Душебором. Я тогда был мальцом, но эту вещицу надолго запомнил. Скажешь, не ты ее взял у убитого? Не ты первым оказался у бездыханного тела? Не на твоём дворе пахло жженной коноплей, как на месте злодейства?

– Зачем мне убивать колдуна? Я всегда ему помогал.

– Помогал, как же! Лутоха рассказывал: ты грозился нечистую силу повывести, и всех, кто ей пособничает, уни-

чтожить. Настоящую охоту на ведьм устроил. Цель поставил: очистить Грязную хмарь от колдовства. А тут Дедослав-волхв, как бельмо на глазу. Мужики не раз слышали, как ты говорил: Дедослав – пешка Лесного царя.

– Говорил, что с того?

– Так ты признаешься?

Горихвост ухватил старосту за шиворот, и, как мешок с трухой, дотащил до колодца. Воропай упирался и никак не хотел стоять смирно, поэтому пришлось обмотать его колодезной цепью, а ведро нахлобучить на голову, из-за чего отчаянные вопли старосты приобрели жестяной тон.

– Ты чего творишь, изверг? – высовываясь из-за забора, голосила Духаня.

– Отпусти отца, дикая тварь! – вторил ей Головач, не решаясь, однако, выйти за частокол.

– Отпущу, как наши небесные предки нам грехи отпускают, – пообещал Горихвост и продолжил расспрос:

– Ты ушел из кружала сразу после полуночи. Утром ты оказался первым у тела. Мужик ты крепкий, многое повидал. Как подвешивать к дыбе, как огнем жечь и плетьюми сечь – знаешь не по чужим рассказам. Но самое главное – эта чара!

Горихвост вытряхнул из сумы обветшавший сосуд.

– Она похищена у моего деда! – с напором закричал он, стуча чарой по жестяному ведру, под которым гундел староста. – Признавайся: ты убил его, чтобы украсть черную кни-

гу?

– Нет, не так все! – завыл староста из-под ведра.

– Я заставлю тебя говорить! – разъярился Горихвост и столкнул старосту в темное жерло колодца.

Воропай перевалился через край деревянной клетки и заскользил вниз. Цепь, едва закрепленная на его плечах, начала со скрежетом разматываться. Горихвост натянул ее, но староста все же окунулся с головой в воду, тускло поблескивающую на дне. Пришлось повертеть колодезным воротом, чтобы мужик не захлебнулся.

– Утопил, изверг! – ахнула Духаня.

Млава завыла, как заправская волчица.

– Не прощу! – выкрикнул Головач. – Соберу мужиков – они с тебя, злыдня, семь шкур спустят!

Копна его всклокоченных волос пропала за забором – видать, он и в самом деле побежал звать соседей. «Придется поторопиться!» – подумалось Горихвосту.

Он перегнулся через бортик, подергал за цепь и убедился, что староста висит в темноте вниз головой, не доставая до воды.

– Винись, или будешь купаться до тех пор, пока не утонешь! – пообещал вурдалак.

– Все скажу, только не отпускай цепь! – сдался староста и забубнил:

– В кабаке я сидел до полуночи. Малость принял винца, был грешок. Лутоха нас всех в шахматишки обставил – уж

больно ловко двигал своей фирзёй, никак было ее не поймать. Пришлось сбежать домой и продать ему чару. Взгляни сам на эту рухлядь. В стародавние времена она была ценной. Медь, крытая серебром, да со множеством тонких узоров. В бока вставлены самоцветы. Только камни давно уже выпали. Серебро облупилось. Даже медь почернела. Теперь эта чаша почти ничего не стоит. А юродивый дал за нее две копейки, да еще одну в возврат долга надбавил.

– Как она попала к тебе? – спросил Горихвост, и для убедительности макнул старосту в воду.

– Перестань! – завопил тот, отплеываясь. – Твой дед сам мне ее подарил. И случилось это задолго до его смерти.

– Зачем ему было дарить тебе такую диковинку?

– Когда прежний князь, Изяслав Ростиславич, прислал своих слуг, чтобы семью твою искоренить, я пустил Дедослава в деревню и, как мог, его прятал. Княжьим слугам не выдал. Дед твой этого не забыл, и в благодарность отдал мне находку. Чара эта – не бог весть что, но это же от души! И нищоброду я продал ее до того, как Дедослава убили. У кого хочешь спроси! В кабаке было народу полно, все это видели. Лутоха ушел еще до полуночи. А Дедослава, вечная ему память, много после полуночи порешили.

– Зачем же ты говорил, что колдунов ненавидишь?

– Есть такая слабость: боюсь, что мне порчу на след наведут. Но Дедослав темного злодейства никогда не творил. Волхвом он был грамотным, кудесничал только по-божески.

От злой ворожбы все село оберегал. А ругался я на волхвов для отвода глаз, чтобы никто не подумал, будто я его покрываю.

Горихвост хлопнул себя по лбу, едва не выпустив из руки цепь.

– Как же я не подумал, что чара пришла к тебе раньше, чем совершилось убийство! – с досадой произнес он. – Но что с запахом конопли? Почему на твоём дворе пахло так же, как на месте убийства?

– Я тебе расскажу, только повыше меня подними! – взмолился Воропай. – Водица тут чистенькая, зато жуть какая студеная.

Горихвост повертел ворот, вытащил цепь, посадил старосту на деревянный бортик и снял с его головы ведро.

– Когда Лутоха уходил из кружала с покупками, – дрожа от холода, начал мужик, – Щеробор вышел его проводить. Сверзился с собственного крыльца и подвернул ногу. Моя Духаня прибежала его подлечить – она у меня в этом деле настоящая дока. Привязала к ноге Щеробора дощечки, наложила обвязки. Мимоходом учуяла, что я пьян, и давай меня костерить на чем свет. Я уж знаю заранее: как приду домой, так устроит мне взбучку. Ну, я и лег ночевать на дворе, в летней беседке, благо, ночь выдалась теплой.

Однако выспаться не удалось – во всей деревне псы будто с цепи сорвались. Лай стоял такой, что глаз не сомкнуть. Около двух я вставал поглядеть, что стряслось. Видел: кра-

дется мимо Коняй, княжий конюх. Я и покрыл его матерным лаем, за то, что псов переполошил. Шум на какое-то время улегся, но перед рассветом опять разбудил меня. Встаю, вижу: снова крадется по площади какой-то неведомый тать.

– Кто таков?

– Во тьме не разглядел.

– Коняй?

– Может, Коняй вернулся, а может, кто-то другой. Оперся о мой забор, сапоги скинул, потом портянки, и обмотал ноги заново чистой тканью. А старую перекинул мне через забор.

– Зачем?

– Бес его знает. Видно, хотел от портянок избавиться, чтобы не пахли.

– Где они? Покажи!

– Проснулся! Я их давно выкинул.

– Куда?

– Прямо в Поганую лужу. Там они и утопли. Однако на-вонянь успели изрядно. Хорошо хоть, теперь запах повывет-рился.

Горихвост призадумался.

– И куда этот тать подевался?

– Сбежал. Растворился во тьме. Может, в баню подался.

– Почему в баню? – удивился Горихвост.

– Видел я, что на господском дворе вьется дымок. Видать, ночью кто-то топил баньку. Доносились оттуда шум, дурной гогот и голоса, а чьи – не расслышал. Наши-то, деревенские,

по ночам в баню не ходят. Там ведь банник шалит, он после заката к себе не пускает. Если кто-то и сунется париться затемно, то только городской. Вон, сколько их понаехало с князем. Творят, что хотят, обычаев не соблюдают, старины не чтут. Я тебе точно скажу: все беды – от столичных разгильдяев. Где бы что ни случилось – ищи их вину. Хоть того же Коняя возьми. Вечером, за игрой, рассказал всем, что ходил к Дедославу по поводу одного тонкого дельца. О таких обычно не говорят, да он выпил, язык у него и развязался.

– Что наплел-то?

– Он до женского полу охочий, как жеребец, а девки ему не дают. Немудрено: от него несет стойлом. Вот он и пошел к колдуну за зельем для любовного приворота. Старый волхв над ним подшутил: сварил ему киселя на корнях девясила, якобы для мужских шармов, и пообещал, что теперь все бабы будут от него без ума. Конюх наклюкался и пошел так зыркать на девок, словно он китайский ампирактор. Еще и хвастался перед нами: показывал пузырек и говорил, что с таким зельем он кого хошь соблазнит. Мужики зелье понюхали: а это обыкновенный кисель! Ну и давай над ним потешаться, кто во что горазд. Коняй сильно обиделся, я бы даже сказал, разозлился. Обещал при всех старого колдуна наказать. Клялся, что не спустит обиду.

– Когда он ушел из кружала? – перебил Горихвост.

– Раньше всех! – загадочно зашептал Воропай. – Хитрый Лутоха обобрал игроков, да и был таков. А Коняй с ним на-

мылился, якобы, подвезти на телеге покупки. Только куда их везти? У юродивого – ни кола, ни двора. Зато конюха никто больше не видел до самой ночи, когда он у меня на дворе объявился.

– С него и спросим, – решил Горихвост. – Напоследок ответь: где копейки, которые ты получил от Лутохи?

– Все при мне! – забеспокоился Воропай. – Не изволь волноваться. Забирай серебро, только душу не отнимай!

– Нужна мне твоя душа! Ее даже черт не возьмет, – заявил вурдалак, и размотал колодезную цепь, до сих пор сковывавшую руки старосты.

За бревенчатым тыном уже давно повисла подозрительная тишина. Горихвост ждал, что монетки из дома вынесет Головач, однако в калитку протиснулась Млава и, развернув платок, показала три тусклых кружочка. Девка освоилась и перестала бояться. Она дерзко зыркала на вурдалака мутно-серыми глазками и то и дело прыскала в кулачок, изображая сконфуженный смех.

– В доме еще деньги есть? – рявкнул он на нее.

– Нет. Тут все! – с вызовом заявила она. – Бери серебро, чару и все, что пожелаешь, только дедушку отпусти!

Горихвост повертел монетки в пальцах, засунул их девке за вырез сорочки и ослабился:

– Твой дедушка столько не стоит. Нам таких даром не надо. Забирай, да песок за ним подмети. А то вишь, из него уже сыплется.

– Ага, вот он! – раздался в конце площади азартный возглас. – Нежата, гони зверя к луже! Святополк Всеволодич, доставай меч! Покромсаем оборотня на куски, а кости собакам скормим!

Это кто такой смелый? Горихвост оглянулся. С дальнего края Веселой канавы на него надвигалась целая толпа во главе с княжичем и пожилым кметем. Впереди всех мчался старостин сын Головач, суматошно размахивающий сучковатой палкой.

«Вот, принесла их нелегкая! Поговорить не дадут. Только со старостой общий язык нашли...»

– Отпусти старика! И дочку не трожь! – вопил Головач, вращая выпученными от страха глазами.

– Твоя дочка, похоже, мечтает, чтоб ее кто-то потрогал. Да только я ей такой радости не доставлю! – выкрикнул Горихвост.

Расхрабрившаяся деревенщина никак не желала уняться. Он накинул на плечи длаку, и, превратившись в волка, пугнул врагов звериным рыком. Довольный произведенным впечатлением, он развернулся и со всех ног припустил в противоположную сторону улицы.

Глава 8. Конюшня

Конюшня для вурдалака – место, признаемся откровенно, плохое. Лошади чувят в нем хищного зверя. Стоит их ноздрям уловить запах волка, как они начинают тревожиться, ржут и встают на дыбы. Вслед за лошадьми шум поднимают дворовые псы, и пошло гудеть все село, как будто сто чертей разом начали грохотать медными сковородками.

«Нет, лошадям у нас никакого доверия. Не для нас этот вид тяглой силы, не для нечистых из Дикого леса».

Горихвост вбежал в распахнутые ворота господского двора и бросился к княжеским теремам, но там его встретил такой дружный лай дворовых псов, что пришлось метнуться в сторону и залезть под сломанную телегу, брошенную перед входом у длинной деревянной постройки.

В ноздри ударил невыносимый запах навоза и конского пота. Горихвост втянул воздух и высунулся, чтобы лучше рассмотреть двери конюшни, оказавшейся всего в одном прыжке от его убежища. Вонь, идущая от лошадиных стойл, оказалась настолько сильной, что заглушила все остальные запахи. Ветер разнес ее по двору, псы потеряли нюх, успокоились и умолкли.

Воровато озираясь, Горихвост выскочил из-под телеги и сиганул в незапертые двери. Его занесло в длинный продоль-

ный коридор, тянувшийся вдоль денников, в которых мирно шебуршились сонные лошади. Не останавливаясь, он затрусил вдоль невысоких дверок, отгораживающих стойла.

Запах усилился до того, что стало тошно. Нюх уже ничего не ловил, кроме конского пота, сена и ячменя. Однако из самого дальнего денника, видневшегося в тупике у глухой стены, несло прелой рогожей и старыми сапогами, вымазанными бараньим жиром. Так вот где вас искать, господин княжеский конюх!

Этот явно не лошадиный запах указал Горихвосту дорогу. Черный волк притаился, и бесшумной трусцой начал прокрадываться к дальней стене. Дверцы последнего денника были распахнуты, словно сами приглашали напасть, застав беспечного хозяина врасплох. Охотничий азарт ударил в голову и затмил все остальные чувства.

И тут над правым плечом кто-то всхрапнул и ударил копытом о землю. Горихвост поднял глаза. Здоровенный вороной жеребец высунул голову из стойла и склонился над дверцей, разглядывая незнакомца. Ноздри вороного раздулись, губы вздернулись, обнажая большущие зубы. Жеребец встряхнул пышной гривой, встал на дыбы и оглушительно заржал. Ему тотчас же ответили из соседних стойл, и уши Горихвоста сами собой прижались к макушке от дикого переполоха, поднявшегося сразу и справа, и слева.

С опаской оглядываясь на бушующих лошадей, он мигом одолел оставшееся пространство и ворвался в распахнутые

дверцы последнего денника.

Заспанный Коняй приподнялся с кучи соломы, продрал глаза, увидел перед собой волка, вскочил, как ужаленный, и заорал что было дури. Ему ответило конское ржание, ставшее таким оглушительным, что Горихвосту показалось, будто задрожали скаты крыши, видневшиеся высоко над головой.

Конюх начал шарить вокруг, пытаясь найти хоть что-то, годное для драки. Однако под руку ему попадались то старое седло, то хомут, то негодные вожжи. Рваная упряжь валялась повсюду, явно показывая, насколько трудолюбив и приучен к порядку хозяин этого закутка. Не найдя ничего лучшего, он швырнул в волка хомутом.

«Ого! А хомут-то тяжеленький!» – почувствовал Горихвост, когда тот саданул его по лбу.

Этот случайный снаряд мог бы разбить ему голову, если бы не приложился мягкой обивкой – хомутиной, которой были обтянуты овальные половинки-клещи. Тут же, на клещах, болтались обрывки супони – кожаных ремешков, которыми половинки хомута завязывают на лошадиной шее. Горихвост выплюнул конец ремешка, забившийся ему в пасть, и, оскалившись, бросился в нападение.

В глазах после удара все еще плавали темные пятна, поэтому Коняю удалось перепрыгнуть через него и выскочить из денника. Конюх бросился к стойлу, в котором заходилась от истощного ржания вороной жеребец.

– Басилей! Помогай! Бей волка копытом! Лягай! – вопил он, распахивая дверцы денника, в котором метался вожак табуна.

Преодолев боль, Горихвост устремился за ним. Однако едва он ворвался в денник, как навстречу ему угрожающе попер вороной Басилей, на спину которого успел вскочить конюх.

«Лихо-мареву! Этот жеребчик, похоже, нам не по зубам. Он же раз в десять меня тяжелее! Вон, как играют упругие мышцы под лоснящейся черной кожей. С таким волку не совладать, по крайней мере в одиночку».

Благоразумие победило охотничью ярость, и Горихвост попятился вон. Коняй же, ловко удерживаясь на хребте скакуна без седла, размахивал вожжами с таким видом, будто стремился опутать ими самого хищника. Лихо вращая запястьем, он на лету скрутил из вожжи аркан и попытался набросить его на вурдалака. Огрызнувшись, тот прыгнул в сторону, и ловец промахнулся.

Коняй почувствовал кураж и полез в нападение. Вороной жеребец ржал, храпел и бил землю копытом от страха, но все же надвигался на волка, угрожая разбить ему череп.

«Ну нет! – мысленно подбодрил себя Горихвост. – Нас таким нападением не смутишь. Лошадь опасна, когда поворачивается задом. Тогда она может лягнуть так, что костей не соберешь. Но пока она стоит к тебе мордой, можно не опасаться. Даже такого упрямого жеребца, как этот Басилей».

Он собрался, прынул ввысь, и пустил в лицо конюху смачную струю волчьих слюнок. «Что, не нравится? Так утрись!»

Клыки клацнули перед носом Коняя. Тот отшатнулся и побледнел. Однако эта лихая контратака не увенчалась успехом. Вороной Басилей уже прочно завладел серединой прохода. Протиснуться мимо него не удавалось – он только и ждал случая лягнуть копытом. А наездник, видать, задумал какую-то хитрость: накинул аркан жеребцу на шею, свободный конец перекинул через потолочную балку, нависающую над коридором, и ухватился за этот конец обеими руками.

– Но, Басилей! Н-но! – заорал Коняй, вскакивая на круп коня ногами.

Жеребец развернулся и побежал к выходу. Накинутый на его шею аркан натянул вожжи, переброшенные через балку. Свободный конец вожжей взлетел вверх и утянул за собой Коняя, вцепившегося изо всех сил.

Хоп! – и конюх оседлал балку, как акробат в цирке. Горихвост аж присел от неожиданности. Потолочного перекрытия в конюшне не делали. Деревянные балки из круглых бревен нависали над пустотой, а над ними виднелись сумрачные своды кровли, опирающейся на продольные слепи и поперечные жерди-курицы.

Оказавшись под крышей, Коняй понял, что волк до него не дотянется. Он свесился с бревна и принялся издеваться:

– Эй, зверюга! Хочешь, я с тебя шкуру спущу? Сказал бы я, что ты сукин сын, да похоже, это не ругательство, а чистая

правда. Ой, какой злобный рык! Попрыгай, попрыгай. Ты и вправду такой злой, или просто пугаешь?

Горихвост не находил себе места. Он подскакивал изо всех сил, но взлететь удавалось едва на треть высоты, на которой зубоскалил конюх. Вконец обнаглев, тот принялся плевать в него шелухой от тыквенных семечек и издеваться:

Злобный волк живет в лесу.

Кроет дохлую лису.

Жрет мышей и тухлых крыс.

Волка вздернут. Берегись!

«Ах, ты так? Думаешь, я тебя не достану? А что ты на это скажешь?»

Вурдалак подпрыгнул повыше, перекувыркнулся через голову и прямо в полете скинул пушистую длаку. Коняй протер кулаками глаза, но зрение его не обманывало: там, где только что скакал зверь, уже высился тощий мужик с черной щетиной на лице, и грозил ему кулаком. На плече оборотня, принявшего человеческий вид, бултыхалась переметная су-ма, а зеленые глаза горели такой дикой яростью, что конюха начала бить мелкая дрожь.

Конюх замер от неожиданности. Его физиономия побледнела и приняла глуповатый вид. Горихвост подобрал оглоблю и запустил ее ввысь, целя детине промеж глаз. Тяжелая жердь сбила Коняя с балки, тот свалился и повис, скручен-

ный собственным арканом, между полом и потолком.

Первым делом Горихвост отогнал Басилея подальше. Затем привязал конец вожжи к крюку, вбитому в стену, схватил шмякнувшуюся на песок оглоблю, и без лишней спешки подверг зависшего конюха обработке.

– Отпусти! Смилуйся! Забирай все, что хочешь! – не своим голосом заверещал парень.

– Что с тебя взять, голодранец?

– Все, что есть, отдам, только жизнь не отнимай!

– Ладно. Где та копейка, которой Лутоха с тобой расплатился?

– В пустом деннике, под седлом с кучей сена, в углу! Бери, ради всех богов и небесных знамений.

По щекам конюха покатались такие крупные слезы, что можно было подумать, будто кто-то облил его из ведра. Горихвост нырнул в денник. Монетка из тусклого серебра нашлась быстро – она оказалась завернута в грязную тряпку, спрятанную в куче хлама.

– Другие есть? – выглянул он.

– Только эта! На селе серебро не в ходу. Тут все платят зерном-полотном, а денегат ни у кого не найдешь, – заверил подвешенный Коняй.

Взглянув на рожу, на которой не осталось и следа от бахвальской самоуверенности, Горихвост проговорил:

– Твоя денежка при тебе. Выходит, не ты ее бросил на месте убийства. Однако ты в ночи крался, как вор – как раз пе-

ред тем, как напали на Дедослава. Признавайся, холоп, что ты сделал с моим дедом?

– Род-владыка с тобой, Горислав Тихомирович! Я в жизни своей никого пальцем не тронул. Это подлец Нежата раздает оплеухи кому попало. Того и гляди, прибьет. А сам я, чтобы кого-нибудь задеть – ни-ни!

– Хочешь сказать, что Дедослава не ты убил?

– Я даже на войне никого не убил. Нежата меня за то «хоронякой» ругал, чтоб ему пусто было. А война была жаркая, с Буривошкой-самозванцем, да с его изменниками...

– Заткнись! Не разевать пасть без вопроса, или порву. Понял?

Коняй выпучил глаза, и со всей выразительностью продемонстрировал, что может отвечать и без слов.

– Народ слышал, как вечером перед убийством ты в кружале грозился расправиться с Дедославом за то, что тот тебя обманул и осрамил, – напирал Горихвост. – Говорили, будто ты хвастался, что сварил тебе Дедослав зелье для мужской силы, да это оказался обыкновенный кисель. Тебя мужики засмеяли, ты обиделся и решил отомстить. Что, не так было?

– Так, все так! – лицо конюха приняло самое доверительное выражение. – Только вышло-то наоборот! Помогло мне зелье твоего деда, вечная ему память.

– Это как еще помогло? – недоверчиво переспросил Горихвост.

– Вышло так, как колдун и предсказывал. В эту ночь я

любовь свою повстречал. И кисель, настоящий, между прочим, на корнях девясила, меня не подкачал. Ох, и ночка выдалась! Все остались довольны: и подружка моя, и я сам.

Коняй хитренько подмигнул Горихвосту, надеясь, что тот с пониманием отнесется к молодеческому хвастовству.

– Так ты на него не в обиде?

– Какие обиды? Одна благодарность.

– Кое-кто видел, как ты крался в ночи по селу. Подозрительно это: добрые люди ночной порой не крадутся и от чужих глаз не прячутся.

– Ах, так вот кто меня оговорил! – рожа Коняя расплылась в ухмылке. – Тогда все понятно. Был я ночью у старостиной избы, признаю. Но ходил я туда по любовному делу.

– Что за дело такое?

– Млава, старшая внучка старосты, и есть моя подружка. Только Воропай, да отец ее, Головач, и слышать обо мне не хотят. Думают, что раз я городской, то соблазню девку и брошу, а сам уберусь обратно, в столицу.

– Внучка старосты? Выходит, ты с ней любви крутил?

– Ну да, с ней! – расплылся в еще более широкой улыбке

Коняй.

– Сколько лет-то ей?

Конюх почуял, что запахло новой виной, и поспешил заверить:

– Шестнадцать! Давно замуж пора выдавать.

– И ты собрался на ней жениться?

– До этого у нас пока не дошло, – замылся от неуверенности Коняй.

– Ладно, твои похождения меня не касаются, – отрезал Горихвост. – Для меня главное – что ты мог добежать до избы Дедослава и сотворить злодейство. Сил в тебе – как в жеребце. И с вожжами ты обращаться обучен. Мог ты подвесить Дедослава под матицу? Еще как мог! Мог пытаться его? Тоже мог!

– Да не мог я! – выкрикнул Коняй так отчаянно, что Горихвост даже поверил. – Я в это время с подружкой ласкался. Хоть у нее спроси.

– Если у бабы любовь – она ради дружка что угодно сохрет, – недоверчиво вымолвил Горихвост. – Кто еще видел, что вы были вдвоем?

– Да кто ж нас увидит? Любовные дела напоказ не выставляют.

– Значит, ты выдумки тут сочиняешь.

И Горихвост дернул ляжку так, что Коняя встряхнуло. Лицо его тут же перекосилось от боли, и он завопил:

– Перестань! У меня руки вывихнутся.

– Не ври мне! Рассказывай, как на духу!

– Что рассказывать?

– Все без утайки!

– Воля твоя, – заговорил конюх. – На эту дикую окраину я попал вместе с князем всего месяц назад. В столице-то девок хоть отбавляй, а тут раз, два – и обчелся. Ну, я и пошел

по селу искать кобылку себе по душе. Уже на следующий день повстречал у колодца Млаву – она пустыми ведрами так гремела, что звонарю в колокольне можно брать выходной. Девка, согласись, видная, кровь с молоком. Ну, я и начал ее обхаживать.

– А других не нашел?

– Не спорю, другие возможности были. Но там мне совсем ничего не светило. За день до гибели Дедослава приходил я к нему за любовным зельем.

– На что оно тебе?

– Вот и он то же спросил. Сказал, мол, ты и так жеребец, каких поискать. Я пожаловался, что девки мне не дают, нос воротят, дескать, от меня за версту несет лошадиным навозом. А навоз что? Удобрение почвы. Жаль, они это не понимают.

Дедослав надо мной вроде как подшутил. Сварил зелье на корнях девясила, а на словах велел в бане помыться и прихорошиться, да волосы наконец постричь-причесать. Легко сказать! Баня у нас на дворе одна, и Нежата туда никого не пускает. Говорит, мол, она для князя с княгиней, а не для грязных холопских рож. Это меня он так величает.

Вечером перед убийством я в самом деле сидел в кабаке. Играл в шахматы на копейки. Мало того, что в пух и прах проигрался, так еще мужики меня обсмеяли. Сказали, будто Дедослав надо мной поизгалялся и вместо приворотного зелья дал киселя, а я будто бы и пошел зыркать на девок, как

турецкий салтан. Меня одолела кручина, да еще выпил лишнего, вот язык и развязался. Наболтал сгоряча невесть что, сам теперь даже не помню.

А совет Дедослава я все же исполнил. Свозил на телеге Лутоху до Девичьего поля, и он мне копеечку за это вернул. Подобрался я к моей душке Млаве, наплел ей с три короба – мол, такую баньку для тебя затоплю, какой ты в жизни своей не видала, отпарю по-княжески, да сладким вином угощу, из дальних краев привезенным... Девка и повелась! Ну, думаю, если сам не оплошаю, то нынче же ночью она будет моей! Сам понимаешь, какое возбуждение на меня напало. Главное, чтобы кметь прежде времени не вернулся. При нем в баньку не сходишь, а вот ночью, когда его нет – тогда самая пора.

Надоумил я Млаву пожаловаться, будто от столпотворения в избе голова пошла кругом. Она и отпросилась ночевать на сеновале. Головач, лопух простодушный, любое слово на веру принимает, а вот дед ее отпускать не хотел, все выспрашивал, что да с кем. Но милашка моя все ж нашлась, что сказать, и от семьи отвертелась. Вот я и отправился ночью на старостин двор, чтобы забрать ее, да за ручку до баньки довести. Иначе сама бы она ни за что не решилась.

Не обошлось без напастей – едва я за ней явился, как на крыльцо вышел сам Воропай. Вроде, псы его разбудили – они лаяли без умолку. Я едва улизнул, и Млаву увел из-под носа хозяина. Ловко, правда? Кто еще так бы смог?

– Это в котором часу было? – перебил его Горихвост.

– Может, в два, а может, уже и в третьем. Темень, ночь, часу не разберешь.

– И до какой поры вы миловались?

– До самого до рассвета. С утра село просыпается, а мне нужно было вернуть девку домой, пока ее не хватились.

– И что, никто вас не видел?

– Хвала Ладе-игрунье, никто. Только Млава перепугалась до смерти, пока шла за мной к бане – говорит, будто видела призрак старого барина, ну, того, кого в прошлом году вурдалак растерзал... ой, я кажется что-то не то ляпнул?

– Где она его видела?

– В коноплянике.

– А ты видел?

– Куда там! Это все бабьи сказки. Бабы от каждой тени шарахаются, в каждом кусте нечистую силу чувт.

– Плохо, что вас никто не заприметил. Как я проверю, правду ты говоришь или нет?

– Только не дергай вожжу! Погоди, дай подумать. Знаю, есть и на это свидетель! Правда, свидетель такой, что особо его не разговоришь. Но ведь ты сам из Дикого леса, может, с ним сладишь?

– Что за свидетель?

– Понимаешь, когда я с Млавой в бане плескался, банный черт меня кипятком сзади ошпарил.

– Поди, только что придумал?

– Если бы! У меня руки связаны, так что потрудись сам спустить мне штаны да взглянуть на ягодицу.

Морщась от неприязни, Горихвост зашел к подвешенному со спины, распустил ремень и задрал подол рубахи.

– Эх, как тебя обдало! – не удержавшись, рассмеялся он. – Вся кожа красная, и лезет струпьями.

– Тебе-то смешно, а мне не до смеху, – обиделся конюх. – Банный черт точно знает, что мы с Млавой были в его бане в ту пору, как деда твоего мучали. Если спросить его, он подтвердит. И тогда ты поймешь, что я никакой не убийца, и, может, тебе станет стыдно за то, что ты мог так подумать...

– Не бойсь! Стыдно мне если и станет, то не от тебя, – заверил его Горихвост. – Кого еще ты видел той ночью?

– Так Нежату! – с готовностью начал вещать Коняй. – Он утром меня и застал. Хорошо хоть, что Млава успела уйти. Увидел изверг, что я валяюсь в неубранной бане, и так на меня осерчал, что целую взбучку задал. И чего он так взъелся? Ну, подумаешь, мыльня сырая. Ушаты валяются где попало, веники растрепались. Очаг закоптился, сажа на бревнах, мешочек пустой из-под винца. Как будто он сам никогда княжеским погребом не пользовался!

– А где был Нежата всю ночь? – не слушая оправданий, спросил Горихвост.

– Вот это уже интересно! – перешел на загадочный шепот Коняй. – Я ушел из кружала с Лутохой перед самыми сумерками. Нежата еще оставался играть. Довез я нищеврода с по-

купками до Мокушиной березы, помог ему разгрузиться и повернул воз обратно. И тут, уже в сумерках, заметил, как Нежата выходит на Девичье поле и всех сторонится.

– Что он забыл ночью в поле?

– Не сказал. Да я к нему и не подходил. Сам покумекай. Приличные люди в темноте по полям не шастают, особенно, когда урожай уже собран. Сначала решил я, что он трав для своего козла накосить хочет. Да уже утром узнал, что как раз той ночью его козла и прирезали.

– Какого такого козла? – насторожился Горихвост.

– Что значит какого? Ты совсем оторвался от жизни в лесной глухомани? Козел его – знаменитость. Заморский подарок, редких и благородных кровей. Шерстка мягкая, шелковистая. Рога длинные и витые. Не животное, а красавец – не то, что хозяин. Его князю из вагров с гостями прислали, а тот и пожаловал диковинку своему любимчику, даром что тот уже пень трухлявый. Это я о Нежате, а не о животном. Эх, говорил я: не пойдет кметю впрок такой дорогой подарок! Так и вышло. Колдун козлика-то и прирезал. Видать, черный обряд затевал. А после нечистая сила самого колдуна унесла. Жалко скотинку, лучше б мне ее подарили!

Горихвост вспомнил зарезанного козла, оставленного над телом покойного деда. Взгляд его изменился. До Коня дошло, что он сболтнул лишнего. Осекшись на полуслове, он смолк.

– Козел, значит, Нежата был?

– А то чей же? – несмело подал голос конюх. – Это все знали.

– А как он к Дедославу попал?

– С кметя спрашивай. Кроме него, никто больше не скажет.

Горихвост кинул копейку под ноги подвешенному и проговорил:

– Мне чужого не надо. Забирай! А теперь пойдём к баннику, да как следует потолкуем. И молись, чтобы он подтвердил все, что ты мне наплел.

Он отпустил лямку. Коняй мешком рухнул на пол, подняв тучу песка и пыли. Не успел он прийти в себя, как Горихвост напялил ему на плечи хомут и стянул клещи супонью, чтобы его полоняник не мог дергать руками. Правда, хомут сел криво, и завязать его половинки удалось лишь через силу, но все же Коняй пришел в такое жалкое состояние, что пакостей от него можно было не опасаться.

– Где баня? Показывай! – прикрикнул на пленника Горихвост, едва они вышли на свет.

Связанный конюх повел его в дальний угол двора, где притулился низенький деревянный сруб, крытый тесом. Горихвост зашел в предбанник, аккуратно прикрыл за собой толстую дверку, чтобы никто снаружи не расслышал, о чем нечистая сила шепчет внутри, и вступил в тесную клеть парной. Гнетущая тишина навевала почтительное уважение. Он оглядел полок, едва освещенный тусклым светом, льющим-

ся из дыры в крыше, каменный очаг, выложенный в углу, и деревянные ушаты с вениками, составленные в углу. Кашлянул для приличия и спросил:

– Будь здоров, банный хозяин! Не пустишь ли к себе в дом помыться, попариться?

Никакого ответа – только доносятся из узенького волокового оконца, прорубленного в стене, далекие крики Нежаты, ужасно злого из-за того, что потерял след беглеца.

– Хозяин, дома ли ты? Лесная родня в гости пожаловала. Принимай! – настойчиво гаркнул вурдалак.

И снова лишь скрип сырых досок раздался в ответ.

– Ах, ты прятаться вздумал? – рассердился Горихвост. – Так я тебя к вежливости приучу! Вылезай, чертов дед, или я разнесу твою клеть по бревнышку!

И он начал расшвыривать по углам ковшики для воды и громыхать деревянными ушатами.

– Перестань! Не буянь! – раздался из темного угла сиплый окрик.

Горихвост почувствовал, как по лицу его хлестнул березовый веник. Маленький дед, ростом не выше локтя, стянул с головы красную шапочку с острым верхом, сунул веник подмышку и вскарабкался на верхний полок, где до него трудно было дотянуться. Банные листья облепили его голое тело, настолько тощее, что ребра выпирали во все стороны. Однако густая борода, белая от седины, прикрывала грудь и доходила до простыни, которая обтягивала бедра. Это простыня,

да еще красная шапочка, были единственной одеждой, которую признавал банник.

Хозяин сруба поскреб пальцем плешивую макушку и скрипучим голосом выдал из себя:

– Чего надоть? Зачем пришел?

– Перво-наперво, большой привет тебе от Лесного царя и всех родичей с Туманной поляны, – поприветствовал Горихвост.

– Нужны мне его приветы! – заскрипел банник, отмахиваясь веником, как от наваждения. – Небось, Дый и не вспоминает родню. Загордились вы там, в Диком лесу. Деревенскую нежить ровней себе не считаете. Думаете, что вы одни хозяева всему Гремячему долу.

– А чего ж так не думать? – с раздражением спросил Горихвост. – Мы в лесу Древо миров охраняем. А вы попрятались за печами в теплых избах, да сидите, нос не высовывая. Раз в сто лет обратишься за помощью – и той не допросишься. Что, не так, что ли? Тогда помоги мне.

– Вот явился, бродяга! – подпрыгнул от негодования банник. – Не угостив, не задоблив, хозяина не уважив, тут же требует помощи. А кто ты такой? Я тебя знать не знаю. Мало ли шастает по окрестностям вурдалаков? Село любит покой и порядок, а лесное зверье только шорох наводит.

– Ах, так я зверье, говоришь? – вышел из себя Горихвост. – Вот я и вести себя буду, как зверь! Ты ответишь мне на вопросы, а если откажешь – пеняй на себя!

И он прыгнул на полок, чтобы поймать вредного деда. Однако тот быстренько натянул на плешь красную шапочку и мгновенно исчез из виду. Горихвост попытался схватить его, но ладони нащупали лишь пустоту.

– Эй, хозяин! Куда делся? – растерявшись, выкрикнул вурдалак.

Ответом стал только вредный смешок, раздавшийся из-за спины. Горихвост развернулся и принялся ловить невидимку в углах бани, но как ни хватал он сырой воздух – маленький старичок не попадался.

Хлоп! – ковш для горячей воды сам собой снялся с гвоздя, взлетел и угодил ему в лоб. Бух! – дубовый ушат упал на ногу. Вжих! – почерневший от пламени камень из очага, пущенный меткой рукой, приложился к груди – как раз к тому месту, где вздувался синяк от тычка оглоблей.

– Перестань баловать! Не то по-настоящему рассержусь! – рыкнул Горихвост с угрозой.

– Сначала поймай меня! – зазвенел вредный смешок где-то над головой.

– Погоди у меня! – свирепея, взвопил Горихвост.

Он выскочил в предбанник и резко распахнул дверь, едва не зашибив Коняя, который как раз силился сбросить с плеч хомут и кусал узлы на вожжах, стянувших его запястья. Побледнев, конюх резко отпрянул, как будто его застукали за преступлением. Но Горихвост не обратил внимания на его шалости, а лишь прокричал страшным голосом:

– Живо тащи ветошь, солому, да горючей смолы! Я эту чертову баню сожгу!

– Что ты? – всполошился конюх. – Постройки на княжьем дворе нельзя жечь. Все хоромы сгорят!

– Тащи, говорю, да побольше! – пуще прежнего завопил Горихвост, усиленно подмигивая недогадливому остолопу. – От банника никакой пользы. Пусть все пропадает!

Коняй, наконец, догадался, что нужно подыграть своему пленителю, соорудил страдальческую физиономию и начал подпрыгивать на одной ножке, изображая бег.

– Уже ташу, все ташу! – запыхтел он. – Сейчас разложим костерок. Приладим к стрехам ветошки. Под стеночки подложим соломки. Обольем все смолой. Огоньку сам поднесешь, или мне сбегать?

– Молодец! Ведь можешь, когда захочешь! – поразился его сообразительности вурдалак.

– Эй, постой! – раздался испуганный голос из темноты.

Дед стянул с головы красную шапочку и возник, словно из ниоткуда. Горихвост присел рядом, на нижний полок, чтобы их лица расположились вровень, и примирительно произнес:

– Может, просто поговорим?

– Давай, спрашивай, что хотел. Только баньку не трожь, – убитым тоном откликнулся голый старик.

– Как зовут-то тебя? – догадался спросить Горихвост, чтобы наладить знакомство.

– Водогрей, – молвил банник. – Про себя можешь не го-

ворить, о тебе вся деревня болтает. Да и дед твой водил со мной дружбу, пусть земля ему будет пухом.

– Помнишь ночь, когда Дедослава убили?

– Еще бы не помнить! – возмутился Водогрей. – Тот конюх, который снаружи торчит, такое непотребство тут развел, что глаза бы мои не смотрели.

– В котором часу это было?

– Да после трех пополуночи. Приличные люди париться засветло ходят. Тут я им не мешаю, а наоборот, всячески способствую и одобряю. А ночь – мое время. После заката я здесь хозяин, и делить свою баньку ни с кем не желаю. Дурной конюх, не спросив позволенья, привел эту глупую девку, внучку старосты-кулака. Видать, прежде уже успел повалять ее на сеновале – сухая солома с обоих так и сыпалась. Не поздоровавшись, не поставив мне угощенья, начали баню топить, гремять ведрами и ворочать ушаты.

А ненаглядная-то его хороша. Делает вид, будто верит, что только помыться пришла. А сама так и норовит побыстрей скинуть платье. Хвостом вертит, но строит из себя недоτροгу. Требуется, чтобы он на нее не глядел. Да сама из кожи вон лезет с такой стороны показаться, чтоб у этого жеребца похоть сильней разгорелась. Сначала мылись, потом обнимались. Потом Коняй стал ее лапать. Девка ржет, как дура, а сама так и ложится на полочку, где поудобней. Конюх сверху ее покрыл, да видно, не знал, что дальше делать, и что куда сунуть.

Верить ли, нет, но такого непотребства, как они тут устроили, я уже целый век не видал. А мыльня, между прочим, для чистоты, а не для разврата. Я, разумеется, попытался призвать их к порядку. Сначала постучал в стену. Но эти двое так увлеклись, что даже внимания не обратили. Потом начал кидать в них горячие камушки из очага. Девка-то перепугалась, да конюх ее успокоил и уговорил продолжать. Сначала валял ее четверть часа, потом разобрался, где что, и начал жарить. Уж так пыхтел, лось, так пыхтел, как будто бревно в гору тащил. Смотрел я на это, смотрел, наконец не выдержал и как плесну ему в задницу варом, в котором они веник вымачивали. А вар-то горячий, почти кипяток. Как этот жеребец взвоят! Как вскочит! Как бросится прыгать и носиться по мыльне, будто черти его понесли! Девка приподнялась, гляделки вытаращила и не может понять: то ли ему так понравилось, то ли она впопыхах ущемила дружку какое неожиданное место. Схватили они быстренько манатки – и вон из парной на холодный воздух. Под утро уже это было, как раз перед первыми петухами.

– А не было ли на конюхе следов крови? – спросил Горихвост.

– На конюхе-то нет. А вот у девки – еще как было. Ну, это дело обычное, если по первому разу. Я такое и раньше уже наблюдал. Ох, не по назначению использует народ баню, это я тебе говорю!

Голый дед задрал вверх крючковатый палец, придавая

своим словам особый вес.

– Выходит, Дедослава все же не конюх убил, – пробормотал Горихвост себе под нос. – В самое время убийства Коняй тут развлекался, да еще не один, а с подружкой.

– Этот Коняй – хитрый зверь, – зашептал банник. – Ты бы не верил ему, не то проведет. Продаст ни за грош – глазом моргнуть не успеешь.

– Я уже убедился, – ответил Горихвост. – Благодарю от души, Водогрей. Встречу Лесного царя – доложу, что ты правому делу помог. И еще одна вещь. Вижу, шапочка у тебя очень полезная. Может, дашь ее мне? Мне б невидимым стать, а то бьют да бьют, на боках места живого не осталось.

– Эх как ты слюнки пустил! – отпрянул банник. – Вурдалакам шапка-невидимка не положена. Не про тебя она!

Банник натянул на плешь шапочку, показал здоровенную фигу и исчез из виду. Горихвост развернулся, вышел в предбанник и толкнул дверь, однако та оказалась подперта снаружи, и открыть ее не удалось.

– Эй, Коняй! – с раздражением прикрикнул он. – Это ты дверь подпер? Отворяй, мне пора выходить.

– Еще чего! – мстительно крикнул через дверь конюх. – Посиди там, пока я тебя князю не сдам прямо в руки.

– Ах ты, предатель! – пришел в негодование Горихвост. – Ты чего удумал, жук навозный?

Он заглянул в щелку между двумя неплотно подогнанными дверными досками. Коняй приплясывал от нетерпения

на дворе. Распутанные вожжи валялись у него под ногами, а снятый с плеч хомут и вовсе оказался заброшен в кусты.

Конюх заметил, что пришелец таращится на него в щель, и начал дразнить его:

– Пень лесной! Узлы вязать – уметь нужно! И супонь кто ж так стягивает? Сразу видно, что ты со скотиной не привык иметь дела.

– Еще бы! – согласился Горихвост. – Зато такая скотина, как ты, мне каждый день на зубок попадается.

– Я из твоих зубов бусы сделаю! А череп на кол посажу, чтобы он конокрадов отпугивал, – почувствовав себя в безопасности, снова принялся зубоскалить конюх. – Подожди хвост, и сдавайся по-доброму. Или я подпалю баньку, как и обещал. Князь мне только спасибо скажет.

– За хвост ты мне ответишь! – вышел из себя Горихвост.

– Отдай суму с длакой! Немедля! Вот, смотри, у меня в руке пакля. Осталось ее только в смолу макнуть да искру высечь. Что, не веришь? И не верь, если привык дымком дышать да в огне жариться!

Горихвост произвольно погладил суму, перекинутую через плечо. Он так привык к ней, что давно перестал замечать. Она как будторослась с его телом.

«Длаку мою захотел, смерд дворовый? Этого я не прощу!»

Он ринулся обратно в парную, сметая с пути разбросанные ковшики и ушаты. Банник сидел на верхнем полке, вытаращив испуганные глаза.

– Горюня, избавь меня от напасти! – взмолился он. – Этот жеребец бешеный. Ему как шлея под хвост попадет – он так взбрыкнет, что горя не оберешься.

– Как выбраться из сруба? – не слушая, рывкнул вурдалак.
– Дыра в крыше. Через нее дым выходит.

Горихвост вспрыгнул на полок и вскарабкался к кровле, в которой и в самом деле зияла дыра для топки по-черному. Однако в отверстие пролезла только его голова, а вот плечи застряли. Особенно досталось суме, которая едва не порвалась об острые края тесаных досок.

– Ты лишнюю дощечку-то убери! – озабоченно охал снизу Водогрей. – Она же снимается. Да не ломай мне жилье, неуклюжий зверь, мне тут век еще коротать!

Горихвост хрустнул соседней доской – она в самом деле легко поддалась и съехала вбок. Через миг он уже стоял на крутом скате крыши и искал глазами Коня. Глупый конюх припал ухом к дверке и слушал, что происходит внутри. Горихвост прыгнул ему на плечи, навалился и саданул по нечесаной голове.

– Нежата! Охотники! Вяжите его! Я держу! – заголосил конюх.

Горихвост оглянулся, но увидел лишь пустой двор, по которому ветер гонял обрывки рваной мешковины. Воспользовавшись его замешательством, Коняй вырвался и со всех ног дернул к конюшне.

– Ах ты, врун! Стой! Поймаю! – полез за ним Горихвост.

Он задержался лишь на чуток, чтобы подобрать хомут и остатки вожжей. Коняй пронесся мимо сломанной телеги, ворвался в конюшню и побежал по продольному проходу, распахивая по пути дверцы денников. Беспокойные лошади начали выходить в коридор, недовольно мотая хвостами и взбрыкивая.

Не обращая на них внимания, Горихвост догнал конюха и прижал его к дальней стене.

– Думал сбежать? От меня не уйдешь! – произнес Горихвост, убедившись, что они в тупике.

– Нет, это ты от меня не уйдешь! – дерзко возразил Коняй, поворачиваясь к нему лицом.

«Это еще что такое? Каким наглым тоном он отвечает! Как будто не я его поймал, а он меня».

Горихвост оглянулся. Узкий коридор между денниками и в самом деле оканчивался тупиком у глухой стены. Но теперь весь проход был заполнен взбешенными лошадьми, сбившимися в плотный табун. Вороной Басилей вел их прямо на Горихвоста. Кони испуганно ржали, но шли за своим вожакom. Табун надвигался, грозя растоптать вурдалака.

Коняй сунул в рот пальцы и резко свистнул. Басилей ответил на сигнал ржанием. Потное стадо приободрилось и принялось напирать.

– Меня кони не тронут, – сказал Коняй. – А вот тебя они не пощадят. Бросай хомут с вожжами. Отдавай суму. Иначе встретишь конец под копытами.

Горихвост встал с ним рядом и прижался к стене. Лошадиные морды приблизились на расстояние вытянутой руки.

– Топчи его! Бей копытом! – заорал Коняй.

Басилей встал на дыбы и выбросил вперед твердые, как жерди, ноги. Его передние подковы мелькнули у Горихвоста перед носом.

Эх, была не была! Горихвост перекинул вожжу через потолочную балку. Ухватился руками за оба конца, подпрыгнул повыше, как он это умел, да вдобавок еще подтянулся, но накидывать длаку не стал, чтобы не сверзиться в волчьем обличье прямо в середину растревоженного табуна. Вместо этого он перелетел через конские головы, как на качелях, отпустил вожжи и спрыгнул у лошадей за спиной. Ноги сами пустились в бег, не дожидаясь приказа от головы.

– За ним! Следом! – принялся разворачивать Коняй свой табун.

Непонятливые животные толкались и жались к стенкам, но конюх оседлал Басилея и ринулся на нем в погоню. Горихвост не успел добежать до выхода, а табун уже несся за ним. На этот раз кони грозили нагнать его на полном скаку, и тогда от их копыт было бы не спастись.

Басилей уже готов был сбить его своей черной грудью, когда Горихвост выскочил из конюшни и бросился под сломанную телегу. Табун вывалился и неудержимой ордой пробежал мимо. Коняй, верхом на Басилее, орал на своих лошадей и пытался созвать их, но те вышли из послушания и приня-

лись носиться по всему двору, распугивая ошалевших собак.

Горихвост закрыл голову руками и постарался стать незаметным. Однако от конюха было не спрятаться. Тот соскочил с коня, сунул оглоблю под сломанное колесо, и невероятным рывком перевернул телегу вверх дном. Жесткий борт придавил Горихвоста к земле так, что стало трудно дышать.

Не упуская ни мгновенья, Коняй принялся молотить его оглоблей, выкрикивая:

– Я тебя прямо щас убью! Надоел ты мне! Одна от тебя беда!

Горихвост попробовал освободиться, но обнаружил, что не может пошевелиться.

– погоди! Дай передохнуть! Ты мне все ребра переломашь! – взмолился он.

– Прекращу, если сдашься и сбросишь суму! – орал Коняй.

– Сдаюсь! – слова сами собой вырвались у Горихвоста.

Коняй перестал молотить его, вытащил из-под телеги суму с длакой и водрузил себе на плечо.

«Как она гадко смотрится на этом придурке», – думал Горихвост, пока конюх вязал его руки вожжами.

– Свяжу так, что не распутаясь, – бормотал Коняй. – Моя упряжь не рвется, в этом не сомневайся. А вот и хомут на твою волчью шею. Как ты надо мной издевался, так и я над тобой поиздеваюсь.

Клещи хомута охватили плечи Горихвоста так, что руки плотно прижались к бокам. Кони вокруг продолжали носить-ся, как угорелые, и Горихвост не осмеливался сопротивлять-ся. Из-за высокого тына слышались встревоженные голоса Нежаты и его верной дружины. Старый кметь кричал:

– Головач! Жихарь, Валуй! Поглядите, чего кони ржут?

Коняй забегал глазками по сторонам и пробормотал:

– Чертов Нежата! Только бы прежде времени не появился.

Это моя добыча! Ни с кем делиться не стану.

Горихвост скрипнул зубами, глядя, как конюх вытряхивает на пыльную землю содержимое его сумки. Пушистая черная длака, предмет его гордости и самая главная ценность, оказалась в грязных хваталках Коняя.

– А я превращусь в волка, если ее накинута? – щерясь, спросил конюх.

– Не трогай! Эта одежка не по тебе, – сдавленно прорычал Горихвост.

– Заткнись! Не тебе решать!

Конюх накинута дубленую шкуру на плечи и принялся в ней красоваться. Превращения почему-то не происходило.

– А дальше-то что? Может, заветное слово сказать надо? – недоумевал княжеский холоп.

– Сдохни – вот твое слово! – рыкнул вурдалак и куснул злыдня в шею.

Конюх пришел в дикий ужас и заголосил:

– Люди добрые! Эта нечисть меня укусила! Я теперь упы-

рем стану? Чужую кровь пить начну? Что ж это делается? Как мне теперь быть?

Ошалев, он вскочил на Басиля и натянул вожжи. Конь дернул с места, свалил Горихвоста и поволок по двору. Конюх дотащил пленника до теремного крыльца и наконец отцепился. Изрядно побившись и наглотавшись пыли, Горихвост отдышался и попытался подняться. Однако встать удалось только на коленки.

– Может, теперь мне воздастся по заслугам? – крикнул Коняй, взбегая по крыльцу.

– Будь спокоен: воздастся! – послышался уверенный голос.

Через распахнутые ворота на двор ввалились все пятеро загонщиков во главе с Нежатой. Старый кметь по-хозяйски обошел вокруг Горихвоста, потрогал его рукоятью кистеня и подвел итог:

– Вот и славненько. Разом обоих злодеев и порешим: и Лутоху-убийцу, и дикаря-вурдалака.

– Дубина! Только такой чурбан, как ты, мог обвинить в преступлении юродивого! – выдавил из себя Горихвост.

– Не суйся в сыскное дело. Я знаю, как довести его до конца, – отрезал кметь.

– Сам не суйся! – встал перед ним грудью Коняй. – Это мой пленник. Я его к князю доставил.

Остальные охотники окружили охомутованного вурдалака и с любопытством принялись его разглядывать. Горихвост

сдавленно рыкнул и отвел взгляд, но все же успел рассмотреть вооружение бравых вояк: палицу с торчащим сучком в руках Головача, железную кочергу в руке Жихаря, молот Валуя и кузнечные клещи Шумилы.

– Если немедленно не уберешься, я натяну волчью длаку и превращусь в зверя! – напирал на Нежату Коняй.

– Давай, голубчик. Я погляжу! – поиздевался кметь. – Чтобы вертаться оборотнем, нужен особый дар. А его только от волхва получить можно. У этого чудика дед был волхвом. Он внушка и пристрастил к оборотным кувырмам.

– Не твое песье дело, от кого у меня этот дар! – не смог сдержаться Горихвост.

– Волчья злость не пропала, – довольно откликнулся кметь. – Даже шерсть на загривке – и та торчком встала. Эх, и славный же мы разведем костерок!

И он вдохнул, предвкушая, как развеется по ветру паленый запах сгоревшего вурдалака.

– Пусть он лучше уйдет, но тебе, упырю, не достанется! – с отчаянием выкрикнул Коняй и схватился за узел на путях пленника.

Горихвост с удивлением заметил, что конюху понадобилось всего-навсего дернуть за свободный конец вожжи, чтобы узелок сам собой развязался. Запястья пленника оказались свободны, однако плотно стиснутый хомут до сих пор не давал воли рукам. Да еще и насажен он был неудобно – бочком, так что супонь болталась над левым плечом, а изо-

гнутые клещи давили на грудь. Коняй потянулся к супони, чтобы рывком развязать и ее, но Нежата перехватил его руку и ловким броском повалил конюха наземь.

– Беги, вурдалак! – с обидой взвопил Коняй. – Задай им всем жару! Покажи, что они без меня ни с одним делом не справятся!

Горихвоста упрашивать не пришлось. Он воспользовался случаем и бросился к воротам, чтобы вынырнуть со двора. Однако отступившие Жихарь с Валуем навалились на створки и затворили их, перекрыв путь.

Горихвост затравленно огляделся и увидел, что со всех сторон высятся деревянные клетки, а там, где их нет, скребет небо острыми концами бревен тын на земляном валу. Куда тут деваться? Да еще не успокоившиеся до конца жеребцы продолжают носиться, как осы в разворошенном улье.

– Держи волка! Он лошадок боится! – хищно ухмыльнулся Нежата.

Горихвост подбежал к княжескому прихвостню. Мигом сообразил, что драться с опытным бойцом на кулаках, да еще с хомутом на плечах – себе выйдет дороже, и ловкой подсечкой сбил его с ног. Кое-как прихватив суму, дал деру – лишь бы подальше от тех, кто при оружии.

– Ребята! Не давайте ему надеть длаку! – обеспокоенно выкрикнул кметь.

– На коня лезь! Он через тын перенесет! – истошно вопил Коняй, дергая Нежату и не давая ему подняться.

Головач с палицей и Валуи с молотом бросились догонять. Жихарь почесал кочергой спину и неуверенно затрусил следом, делая вид, что участвует. Шумило отважно остался охранять запертые ворота.

Вурдалак метнулся в дальний угол двора, где тын казался не слишком высоким, а земляной вал рассыпался. Попытка взять его с ходу не удалась – хомут стукнулся о бревно и отбросил назад. Над самым ухом раздалось конское ржание – даже вороной Басилей не желал оставить его в покое, и преследовал с лошадиным упрямством.

Горихвост снова полез через острые бревна. Басилей пихнул его мордой в зад. Вурдалак сорвался, но успел ухватиться коню за шею и вскарабкался на его хребет. Жеребец замотал головой, выражая отчаянное несогласие с таким седоком.

Едва шевеля руками, беглец всем телом припал к нему, вцепился в мокрую гриву и саданул пятками по бокам. Басилей резко прыгнул и пустился вскачь. Неопытного всадника затрясло, словно весь мир перевернулся перед глазами. Но Горихвост не сдавался и еще больше бил скакуна пятками, заставляя бежать все быстрее. Жеребец сделал по двору круг, распугав Нежатино воинство.

– Басилей, взять преграду! Скачок! Борзо! – пронзительным окриком приказал конюх.

Вороной разогнался, выбрал самый низкий участок тына, оттолкнулся задними ногами и взмыл в воздух.

«Щас свалюсь и побьюсь! – мелькнуло в сознании Горихвоста. – На этот раз насмерть. Эх, что бы ни было – все лучше, чем гореть на костре...»

– Хрен вам всем, а не пленник! – заорал Горихвост, шалея от чувства беды. – Я врагу в руки не дамся! Чтоб вам всем пусто было!

Перелетев через тын, конь опустился по ту сторону княжеского двора. Горихвоста потрянуло и едва не сбросило. Каким-то чудом ему удалось удержаться. Не останавливаясь, Басилей проскакал по улице, пугая случайных встречных.

– Э-ге-гей! – заходясь от восторга, орал Горихвост. – Я скачу! На коне! Видите? Я с ним справился!

Глава 9. Кружало

Бешеная скачка не могла продолжаться долго. Резвый Басилей ухитрился и все-таки сбросил вурдалака с хребта, да еще подгадал сделать это прямо перед кружалом Щеробора, как будто в насмешку.

Горихвост хлопнулся оземь, но волчья сноровка и тут помогла: он успел сжаться и перекатился через плечо, благодаря чему отделался всего парой новых ушибов. Крикнув вслед уносящемуся скакуну все, что думает о лошадях вообще, и о вороних жеребцах в частности, Горихвост уселся на крыльце, что вело к кабаку. Ступенька под ним покачнулась и скрипнула. Голове, еще не отошедшей от тряски, почудилось, что тело сейчас кувыркнется. Пришлось вскочить, пинком наказать ступень и вбежать в трактир, чтобы высказать его содержателю все, что на душе накипело.

Щеробор царствовал в полутемном зале за стойкой, сонно натирая столешницу. Наполовину пустая кружка с пивом пенилась под рукой, но видно, трактирщику было лень до нее дотянуться и допить до дна. Бортник Пятуня сидел у окна, подперев щеку рукой, и жалостливым голоском выводил грустную песенку. Его жена, баба с истерзанным сарафаном и таким же лицом, трясла его за плечо, будто надеясь разбудить, и костерила, на чем свет стоит. «Отстань, старая! Всю

плешь мне проела. Пока не напьюсь с горя – никуда не уйду», – пытался отделаться от нее бортник.

– Где народ? – спросил трактирщика Горихвост.

– Никого нет, – внезапно увидев перед собой вурдалака, Щеробор мигом стряхнул с себя сон и присел за прилавок так, что из-за столешницы блестели только расширенные глаза.

– Как нет? Скоро вечер. В этот час у тебя не протолкнуться, – заподозрил его во вранье гость.

– Так сбежали все, вурдалака ловить. Ой, прости! Сболтнул лишнего, не подумав, – прикрыл ладошкой пухлые губы трактирщик.

Пятунина баба обернулась к пришельцу, явно намереваясь обругать и его, пьяницу, развратника и негодяя, как и все в этом вертепе порочных страстей. В тусклом свете она не сразу разглядела, что за гость заглянул скоротать вечерок. Но увидев клыки, обнажившиеся при ухмылке, шерсть на загривке, и главное – зеленые глаза, горящие диким огнем, она поперхнулась, на мгновение заткнулась, а потом вновь разинула глотку и так пронзительно заверещала, что Горихвосту почудилось, будто его уши свернулись в трубочку.

– Пошла вон, дура! – рыкнул он на нее, лишь бы избавиться побыстрее от этого воя.

Женка бросилась к выходу, по пути налетев на скамью, и выскочила в дверь.

– Баба с возу – кобыле легче! – с облегчением промолвил

Пятуня. – Душу вымотала. Не даст посидеть, медовухи выпить. Почему, мол, не дома, почему не в семье?

Не обращая внимания на его сетованья, Горихвост наклонился над стойкой и вытащил из-под нее Щеробора. Осоловелье глазки трактирщика так быстро бегали из стороны в сторону, что казалось, будто они вот-вот сорвутся с орбиты и пустятся в вольный полет. На улице Пятунина женка с истошным воем пронеслась мимо окна.

– Ты, Горюня, меня извини. Побегу за ней, приведу в чувство, – поднялся бортник из-за стола. – А то вишь, какая трясучка на нее напала. Как бы карачун не хватил.

– Пятуня, стой! Умоляю! – задергался в руках Горихвоста трактирщик. – Не оставляй меня с нечистым наедине. Он от меня живой косточки не оставит.

Однако мысли раскисшего от выпивки бортника в этот миг явно были не о трактирщике. Покачиваясь, он вывалился на крыльцо, едва не расшибся на шаткой ступеньке, и пошел по селу, пьяным голосом оповещая окрестности:

– Эх, судьба моя, судьбина!

Я – мужик, а не скотина!

Щеробор вырвался наконец из рук вурдалака, но едва наступил на ногу, замотанную тряпочками, как ойкнул от боли и рухнул на пол.

– Сбежать захотел? – нагнулся над ним Горихвост.

– Не могу! – слезы покатались из глаз трактирщика. – Нога вывихнута, еще не поправилась. Всем святым прошу – не откусывай ее! Может, она еще прирастет.

– Откушу, если соврешь, – сообразил Горихвост и для верности щелкнул зубами.

Получилось красиво и звучно.

– Ой, не надо! – завопил перепуганный до смерти Щеробор.

– Когда вывих случился?

– Вечером, перед той самой ночью, когда колдуна растерзали.

– Расскажи все, как было.

– Начался вечер удачно. Честной народец собрался, чтобы постучать фирзёй по доске. Пустили по кругу целую пригоршню серебряных денежек – в нашей деревне за раз столько редко увидишь. После приперся Лутоха и начал клянчить вина, я его уж собрался вытолкать взашей, но тут Воропай кликнул его поиграть, шутки ради. А Лутоха возьми, да их всех и обчисти! Мужики, разумеется, злились, а вот мне вышло счастье – нищий купил у меня куличей и вина, да еще молока с медом, и свечек, всего аж на три цельных копейки. Уходить он собрался за полчаса до полуночи, конюх вызвался его подвезти. И надо же, какая незадача! Пошел я его проводить, поднести до телеги корзинку с покупками. И оступился на той вредной ступеньке. Скатился кубарем, вывихнул ногу. Боль такая, что зенки едва не полопались. А ведь

так хорошо все начиналось!

Ладно еще, Воропай сжалился и прислал свою старостику Духаню. Та вывих мне вправила, наложила на ногу дощечки, тряпками их замотала и заговор нашептала. Боль ушла – только после этого я смог уснуть.

– И в каком часу ты лег?

– Да уже после трех.

– Тебя кто-нибудь видел?

– Как же! Супруга моя, ее мать – моя теща, да ее брат, мой шурин, да детки малые – хотя те уже сны смотрели.

Горихвост отпустил воротник трактирщика и присел рядом на лавку.

– Покажи мне копейки, – велел он.

Щеробор поднялся и засуетился. Монетки он вытащил из-за статуэтки Велеса, что стояла в красном углу.

– Вот они, все три, – любовно сказал он, разворачивая тряпочку.

– А куда делась щербатая? – грозно спросил Горихвост. – Кому чешуйка досталась?

– Извиняюсь, не уследил, – повинился трактирщик. – В тот вечер Лутоха все денежки сгреб со стола, у игроков ничего не осталось. Они еще посидели, допили вино, погорланили песни, да пошли по домам. Должно быть, чешуйку Лутоха с собой забрал. Ты возьми эти копейки, Горислав Тихомирович, я без них проживу! Может, Велес-владыка мне новых пошлет. Только меня оставь нетронутым, ради всего

святого. Я против тебя зла не умышлял. Все мужики, вон, сам видишь – гоняются за тобой с дубинами и кистенями. Я один при своем заведении питейном остался – содержу его в чистоте и порядке, и все ради досуга трудолюбивых селян. Ведь не для себя же стараюсь! Это для народа, ради всеобщего блага!

Выпученные глаза трактирщика выражали такую искренность, что на мгновенье Горихвост даже поверил.

– Сильно болит? – он постучал по деревяшке.

– Только когда наступаю. Уже помаленьку проходит. Ну так что, берешь откуп? По рукам?

Горихвост швырнул серебро ему в подол:

– Я разбоем не занимаюсь. Я за убийство деда мщу. Понял?

Трактирщик ошалело затряс головой, хотя смысл сказанного до него, очевидно, не доходил. На крыльце поднялась кутерьма. Жена Пятуни заглянула в окно и прошептала так громко, что всем было слышно:

– Вурдалак еще тут. А кружальника не видать. Наверное, уж и косточек от него не осталось.

Рядом с ней показалась ее соседка Русана, Нежатина женка. За ними замелькали рожи деревенских дружинников.

– Сиди здесь. Не высывайся, – предупредил Горихвост Щеробора. – Будут спрашивать, куда я отправился – говори, пошел по душу того злодея, что убил старого колдуна. Непременно найду его, и тут уж пощады не жди. Все понял?

Трактирщик истово закивал. В пустом взгляде читался целый набор ярких чувств – вот только разумной мыслью в нем и не пахло.

– Похоже, что вывих твой неподдельный. С таким до избы Дедослава ты не смог бы добраться, – заключил Горихвост. – Что ж, пришла пора задать кое-какие вопросы Нежате. Тем более, что ловец сам бежит на живца.

При облаве что главное? Думаете, обложить и загнать зверя? Или верно расставить цепь, чтобы он не прорвался? А вот и нет! Главное при облаве – это грамотное руководство. Потому как без опытного руководителя любая охота пойдет псу под хвост. И подчиняться начальству нужно беспрекословно: это наипервейшая заповедь!

Эту простую мысль Нежата никак не мог вбить в головы своих добровольных помощников. До Головача дошло быстро – он привык слушаться Воропая, а вот Коняю пришлось объяснять попонятней. Кметь вlepил ему затрещину и проверил, усвоен ли урок. Конюх, разумеется, побухтел что-то невыразительное, мол, я этого так не оставлю и все в том же духе. Но небольшая выволочка сняла все вопросы, и он снова стал, как шелковый.

Восстановив свой авторитет, старый воин снова начал расставлять цепь вокруг Щероборова кружала. Дурак Жихарь полез за глухую стену без единого оконца – пришлось и ему объяснять, что сторожить нужно окна и двери, а через стену

даже черт с того света не просочится.

Только после того, как все были расставлены по местам, Нежата с важным видом поднялся по крыльцу, постучал в дверь и, прокашлявшись, выставил ультиматум:

– Эй, волчище! Выходи и сдавайся. Клеть окружена. Деваться некуда. Ты попался.

Разумеется, это была уловка. Какой волк сам выйдет сдаваться? Такой халявы ни одному охотнику не выпадало. Зверя вспугнуть и направить в засаду. Пусть бежит, думая, что уносит ноги. Ловушка сделает свое дело.

Так что Нежата, даже не думая дожидаться ответа, спустился и спрятался в сторонке от косящатого окна, через которое, видимо, волк и попробует вылезти.

– В каком виде добыча появится – в человеческом или в зверином? – деловито осведомился Валуй.

– Без разницы. В любом хватай, – велел опытный руководитель.

Ждали волка? Вот вам волк! Эй, чего не встречаете?

Горихвост вылез через дверцу в подклете, где у Щеробора был оборудован склад, и на этот раз волчьи лапы и хвост оказались весьма кстати, чтобы помочь проскочить через полуподвал и вскарабкаться по земляным ступенькам. Складской лаз выходил на задний двор, застроенный амбарами и сараями, и, разумеется, доблестное воинство Нежаты не позаботилось о том, чтобы его перекрыть.

Все калитки распахнуты настежь – беги, куда хочешь. В одну сторону – княжеский двор, в другую – Сторожевая башня, а за ней – конопляник и Дикий лес, куда мужичье точно не сунется. Однако у нас к этому мужичью назрел ряд вопросов, особенно к его начальничку, что вопит во всю глотку у парадного крыльца и кроет помощников руганью за то, что упустили добычу.

На этот случай у нас заготовлен особенный трюк.

Есть у диких зверей хитрый приемчик – «показать хвост». Мы, волки, прямо так его и называем. Хорошо, что охотники о нем не знают. Я люблю хвост показывать – он у меня хороший, пушистый, самого что ни на есть высшего качества. С таким и за границей появиться не стыдно, только кто это оценит? Перевелись знатоки на Руси. А ведь так бывает приятно, когда твоим хвостом восхищаются, особенно женский пол!

Сейчас, правда, придется показывать его вовсе не женскому полу, а деревенскому мужичью. Публика, конечно, не театральная. Что поделать, другой не нашлось. Эх, была не была!

– Ой, а вот же волчище! – испуганно отскочил Жихарь, когда Горихвост выкатился прямо под ноги загонщикам, нахально помахивая предметом своей волчьей гордости.

Возбужденные крики разом смолкли. Зверь оскалился и зарычал.

– И чего мы стоим? – прикрикнул на подчиненных Нежа-

та. – Не робей! Лови зверя!

Головач изобразил движение, которое означало: «я в деле, но первым пусть подойдет к хищнику кто-то другой...»

Вурдалак повернулся к Нежате спиной, задрал хвост и обдал его вонючей воздушной струей. Мужики захохотали.

– Ах ты, дикарь! – вскобелился кметь. – Издеваться надо мной вздумал?

И бросился за волком, не думая об опасности.

«Ну да, я издеваюсь. Самую малость, исключительно в рамках дозволенного. Тут главное соблюдать меру. Нам ведь надо всего лишь, чтобы выжлец оторвался от своры. Да и что это за свора – не кобели, а отребье. Но даже такое отребье рвет в ключья, когда в стаю собьется, так что ее мы благоразумно оставим в сторонке. А вот вожак сам за нами увяжется – он же такой матерый, ему терять лицо перед низшими ни в коем разе нельзя».

Горихвост выскочил на пустырь, тянувшийся до Сторожевой башни, и дал деру. Деревенская дружина и впрямь поотстала, но ее старый вождь взъелся не на шутку. Он размахивал кистенем и вопил что-то весьма нелюбезное, однако надолго его не хватило. Добежав до башни, кметь привалился к ее пузатенькому бочку и тяжело задышал. Пора, давно пора нам в отставку по состоянию здоровья. Что же наш князь своих слуг так нещадно заездил? Или у нашего государства кончились выплаты по старости лет?

Горихвост сбавил ход и перешел на трусцу. Конопляник

уже перед носом, но исчезнуть из виду нельзя, иначе охотник махнет рукой и бросит погоню. Нужно его подзадорить.

Вурдалак развернулся и сделал вид, что пытается атаковать. Кметь собрался с духом, оторвался от каменной стенки и пошел на него, тряся кистенем, как в приступе лихорадки.

«Ой, только бы под эту гирьку не попасть, а то шипы у нее такие жесткие, тюк по башке – и нет вурдалака. Хоть охотник и старый – а все же он поопаснее конюха». Волк дал задний ход, влез в конопляник и зашебуршился, чтобы воин не потерял след.

У Нежаты открылось второе дыхание. С криком и улюлюканьем он пересек густые заросли. Горихвосту пришлось пару раз возвращаться, чтобы преследователь не заблудился, но в конце концов он все же добился своего – вывел кметя к лесной опушке.

Сторожевой пост Дерябы остался далеко справа – тут нам никто не помешает залезть в чащу, где только лешие да русалки бродят.

Увлечшись, Нежата проскочил опушку и углубился в запретный лес. Здесь он, разумеется, заплутал в гуще кустов. Дикая чаща приняла человека в свои объятия, и ласковыми они ему точно не показались. Пришлось малость повыть, чтобы направить его на путь истинный.

Горихвост и волчью шкуру успел сбросить, и лежку в засаде утрамбовать, а загонщик все не появлялся. Ну где он застрял? Сколько ждать?

Место засады было выбрано с умыслом – на Русальной проплешине. Здесь играли русалки ночами, под полной лунной. Им-то что: это мы, честные волки, с утра до вечера на ногах. А у русалок какие заботы? Только раскачиваться на качелях да хохотать до одури, пугая птиц и зверье.

Вот и здесь, на тесной полянке, запрятанной в глубине чащи, леший соорудил для своих подружек качели – деревянные, допотопные, без единой железной вставки.

Боковые опоры их были устроены из толстых бревен, глубоко вбитых в землю. В просверленные насквозь верхушки бревен вставлена толстая ось, а поверх оси надета втулка из круглого бревнышка с выпиленной сердцевинной, что позволяло ему вращаться, совершая полный оборот. На двух кривых жердях, использованных в качестве подвесов, крепилось сидение, сделанное из доски. Сами жерди были закреплены на верхней поперечине с помощью деревянных колышков, опять же вставленных в пропилены. При раскачивании это нехитрое приспособление нещадно скрипело и резало слух, но русалок именно это и приводило в восторг, так что качели использовались по назначению, и нередко. Хорошо, что солнце еще не успело закатиться за верхушки деревьев, и час ночных забав не наступил, иначе встречи с братьями по лесной страже было бы не избежать. Впрочем, сейчас к засаде пробирался совсем другой зверь – он пыхтел и сопел, и лез напролом, как медведь, что не замечает препятствий и думает, что чаша сама должна уступать ему путь.

Вот-те на!

Нежата выбрался на лесную полянку. Наваждение? Морок? Прямо среди чащи – качели, да еще так хитро устроены – без колец и цепей, на деревянных подвесах. Ой, не к добру эта забава – не иначе, как черти лесные тут резвятся.

Однако охотник мигом позабыл про опасения, увидев, что на доске от сиденья валяется брошенная сума. Не простая сума – та самая, вурдалачья, которую этот бешеный зверь таскает через плечо, когда ему вздумается изображать из себя человека.

Рука сама потянулась к находке. И тут сзади – хватъ! Вот напасть!

Горихвост сбил его с ног, повалил на траву, и от души въехал кулаком в круглую рожу, заросшую густой бородой. На мгновенье кметь потерял чувства. Вурдалак воспользовался случаем и стянул его запястья ивовыми прутиками, заранее подготовленными в засаде. Такие же прутики, только длинные и хлесткие, он сложил в пучок, подготовив отличные жгучие розги.

– Вот теперь нам есть, о чем поговорить, – тяжело дыша, сказал он, перевернул кметя на спину и отшлепал его по щекам.

Нежата очухался, приподнял голову, и тут же получил в нюх еще раз – для острастки.

– Как удачно! – навис над ним вурдалак. – Был ловцом,

стал добычей. А знаешь, что с такими делают в нашем лесу?

– Пугай, чем хочешь! Не боюсь я тебя! – сплюнув кровь, ответил кметь.

– Правильно! Ну, подумаешь, порву на клочки. Ну, остатки утоплю в омуте, где их подберет водяница и ракам скормит. Чего тут бояться-то?

Лицо поверженного врага изменилось, однако он из последних сил пытался побороть страх.

– Хочешь – рви меня, хочешь – топи, а я тебе не поддамся, и господина своего не предаю, – сказал Нежата. – Ни один из людей не мог меня одолеть. Только такому лесному чудищу, как ты, это и удалось.

– Да, я лесное чудище, безжалостное и жестокое, – издеваясь, обыскивал его Горихвост. – Так что пощады не жди. Но у тебя еще есть возможность вымолить быструю кончину без долгих мучений. Если признаешься, что убил Дедослава.

– Ты надо мной такую власть взял, что можешь требовать, что захочешь. Но чужого греха я себе на душу не возьму. Видят боги: старого колдуна я не убивал.

– Ладно, попробуем по-другому, – с угрозой произнес Горихвост.

Он поднял кметя на ноги. Сорвал с него белую перевязь, на которой когда-то висела сабля. Затем сорвал кафтан – из недорогого, но добротного сукна, со шнурами и начищенными до блеска медными пуговицами. Нежата остался в рубахе, перетянутой поясом из грубой кожи.

Горихвост связал его собственной берендейкой, после чего накрепко примотал руки к подвесам из деревянных жердей, а ноги – к доске, из которой сиденье и состояло. Убедившись, что теперь кметь не может шелохнуться, он качнул жерди, отчего грузное тело Нежаты взлетело ногами вперед.

– Давай-давай, покачай меня, – попытался храбриться кметь. – Меня такими детскими забавами не проймешь.

Однако стоило Горихвосту качнуть его посильнее, как у кметя перехватило дыхание, он поперхнулся и тяжело задышал.

«Ага! Вот чего не выносит наш доблестный воин. А если раскрутить его так, чтобы он через голову кувыркнулся? Почему бы и нет, качели это позволяют!»

И Горихвост принялся налегать, раскачивая жерди изо всех сил. Чем выше взлетали качели, тем хуже чувствовал себя кметь.

– Голова кружится! Меня укачивает. Сейчас стошнит, – начал молить он наконец. – Ай, сейчас упаду, разобьюсь!

– Не упадешь – ты привязан, – уверил его Горихвост.

– Ой, веревочки отвязались! Перестань! Ты меня вниз головой повернешь!

– Вот и ладненько! Полетай вверх тормашками, – приналег вурдалак. – Давай-давай, сапогом в небо. Подрыгай ножками – так забава надолго запомнится.

Ему удалось раскачать качели так сильно, что они сделали полный круг. Кметь ухнул с высоты вниз, остатки храбрости

покинули его, но он попытался скрыть отчаянный страх за угрозами:

– Погоди у меня! Отольются тебе мои слезки! Я с тебя вурдалачью шкуру спущу – сам рад не будешь!

Горихвост дождался, пока кметь пролетит мимо, и хлестнул его розгами:

– Ты явился в Грязную Хмарь вместе с князем всего месяца назад. Что тебя могло связывать со старым волхвом?

– В твоей грязной деревне я оказался не по своей воле, – огрызнулся Нежата.

– А по чьей же?

– Судьба привела.

– А эта судьба не велела расправиться с моим дедом, а после него и со мной?

– Судьба мне велела служить своему господину. До старого колдуна ей дела не было.

Горихвост дождался, пока качели сделают полный оборот, и со вкусом поддал ему розог. Кметь заскрипел зубами и вцепился в поручни с такой силой, что побелели ладони.

– Кто убил деда? – напористо выкрикнул Горихвост, подбрасывая качели ввысь.

– Ясно кто: нищеброд полоумный, – уносясь в воздух, выдохнул кметь.

– Врешь, собака! У тебя налицо и причина, и возможность, и улика, от которой не отвертеться. Когда я мальцом был, столичный князь уже подсылал к волхву убийц, чтобы

покончить с ним и всем его родом. Я отца с матерью тогда потерял. А теперь ты явился, чтобы довести до конца это дело. Что, не так?

И он снова со свистом разрезал розгами воздух, попав кметю по пухлому заду.

– Из кружала ты вышел раньше других, сразу вослед за Лутохой и конюхом. Ты за ними следил? Что тебе было нужно? Впрочем, важно не это. Всю ночь ты шлялся, неизвестно где – как раз в то время, что моего деда пытали. И только под утро явился на княжеский двор и застал спящим Коняя. Мог ли ты быть тем злодеем, что пытал деда? Вполне мог. Мог ли подвесить его под матицу и пятки огнем жечь? Да кто ж лучше тебя с этим справится? Кому еще придет голову так мучать жертву, как не тебе, опытному палачу?

Но главное – это козел. Нет, я не про тебя говорю. Ты, скорее, баран – лоб тупой, лишь бы бодаться. Тот козел, кровью которого ублажали бесовскую силу, оказывается, в наших краях знаменитость. Племенная порода, заморских кровей. Мужики обзавидовались. Угадайте, господа судьи, кому он принадлежал? Ни за что не поверите! Нашему добросовестному служаке! Доблестному кметю, достойному воину княжеского полка, защитнику закона и образцовому гражданину!

А знаете, господа судьи, что с козлом сделали? Отрезали голову и подвесили к телу жертвы. Да еще сунули в пасть копейку в уплату бесу, чтобы он самого злодея не тронул. Что

прикажете сделать с виновным? Может, ему самому отрезать голову? И копейку в нее сунуть? Ась? Не слышу!

И чтобы неведомые господа судьи поверили окончательно, Горихвост стеганул розгами по спине кметя. Получилось весьма убедительно.

Нежата едва мог говорить. Качели завертели его до того, что лицо стало красным, как спелое яблоко, а глаза, наоборот, выпучились и побелели. Старый вояка тяжело дышал и лишь горестно охал каждый раз, когда качели, сделав новый виток, падали вниз.

– Все не так было, – собравшись с силами, прохрипел он.

Серебряная копейка выпала у него из-за пазухи, перевернулась в воздухе и шлепнулась Горихвосту на темечко. Вурдалак прихлопнул ее ладонью и поднес к глазам.

– К волхву я заходил, чтобы узнать, жив ли Воята, мой сын, – тяжело дыша, вымолвил кметь. – Он сражался в моем полку на Велесовом поле. Мы тогда проиграли, лютей враг оказался сильнее. Всех, кто восстал против него, злой царь преследовал. Вояте пришлось бежать и скрываться. Где он теперь, что с ним – не знаю ни я, ни жена. Она занедужила с горя. Дедослав раскрывал колдовскую книгу и показывал мне картинки, что движутся сами, по одному его слову. Увидел я на тех картинках своего сына, целого и невредимого, в старинном граде Мстиславле. Русана, жена моя, как узнала об этом, так сразу поправилась. Да и я так был рад, что подарил волхву самое ценное, что у меня нашлось – племен-

ную скотину. Дедослав не хотел принимать этот дар, отговаривался. Но я упросил его принять – ведь это же от души.

Горихвост перестал подталкивать качели, отчего они начали замедляться. Нежата перевел дух и задышал свободнее.

– Где ошивался всю ночь? – строго спросил вурдалак.

– На Девичьем поле. Огнецвет караулил, – заговорил кметь. – Дедослав мне сказал, что этот цветок и Русане поможет, и разузнать про Вояту с ним можно будет точнее. Велел мне затаиться в ночи и смотреть, не придут ли на поле русалки плясать свои буйные пляски. Где они заведут хоро-вод – там и мелькнет в траве огонек. Нужно его ловить, пока не погас. Колдовской цветок, много в нем силы. Вот я и просидел всю ночь в засаде. Только напрасно: русалки не показались.

– Разумеется, – усмехнулся вурдалак. – Осень вот-вот придет. Русалки свое отплясали.

– Вот и колдун мне сказал то же самое, но я не поленился и попытал счастья. Вернулся уже на рассвете, усталый и злой. И тут вижу: дверка в баню распахнута, в мыльне сыро, из ушата торчат веники, в углах пена. Кто-то тут развлекался, господскими полотенцами подтирался, да еще выпил вино, для князя с княгиней прибереженное – пустой мех под ногами валяется. Насвинячили, как в хлеву. Захожу – а там конюх дрыхнет, туняедец и разгильдяй! Ну, я после бессонной ночи и осерчал малость. Приложил ручку к его лошадиной морде, отвел душу. Он, конечно, обиделся, и обещал по-

сле припомнить. Не верь тому, что он наплел про меня. Тут дело личное.

– А что дальше? – спросил Горихвост, останавливая качели.

Нежата начал хватать воздух ртом. Кровь отлила от его головы, и лицо кметя мало-помалу начало возвращать себе привычный цвет.

– Не дано было выспаться мне в этот день. Прибежал Воропай, руки трясутся, двух слов не может связать. За рукав тянет к избе колдуна. Я вошел, глянул – как стоял, так и сел. Ведь мы только вечером с ним толковали. Впрочем, что говорить – ты и сам все это видел.

Горихвост показал монету, зажатую в кулаке, и спросил:

– Откуда денежка?

– От Лутохи. Он просился в овин ночевать, я не смог отказать.

– Другие где спрятал?

– Какие другие? – не понял Нежата.

– Где деньги держишь? Не строй из себя недоумка.

Кметь неожиданно расхохотался.

– Почему все думают, будто у князя служить – дело денежное?

– А что, нет?

– Кто за гроши служит – ничего не добьется. Да и не платит наш князь своим слугам. Казну не он держит, а боярин Видоша. А тот мне не даст ни полушки. Разругались мы с

воеводой. Вот кто на самом деле мог и пытаться, и казнить. Уж кому-кому, а боярину это дело знакомо. В столице при новом царьке Буриное он был первым помощником. Всегда тут как тут и готов услужить. И на пыточном дворе хозяину помогал. Для него человечка на тот свет отправить – плевое дело.

– Врешь! Зачем ему? Он с моим дедом даже не знался.

– Ошибаешься! – похоже, Нежата успел прийти в себя после встряски. – В первый же день по приезду в село Видоша отправился к колдуну. Угадай, что тот ему предсказал? Скоро гибель от лютого чудища!

Кметь злорадно расхохотался. Горихвост вспомнил, что ему самому напророчила вещая птица, и зябко поежился, хотя лес успел за день прогреться, и стояла теплынь.

– Как услышал боярин такое пророчество, так озлился почище своей пегой Борзухи. При всех посулил колдуну язык вырвать и псам на съедение бросить. Эту угрозу многие слышали – у кого хочешь спроси. Я Видошу давно знаю – он злопамятный. Затаит злобу – через три года вспомнит. Дай ему только случай – устроит расправу, какой свет не видывал.

– Ох, язык у тебя без костей! Я от боярина слова худого не слышал. Он единственный из всей деревни не побоялся в этот лес вломиться, чтобы меня из лап нечистой силы спасти. С чего вдруг такая милость к внуку от того, кто ненавидел деда?

– Видошкина милость тебе боком выйдет – помяни мое

слово. Хотя что тебе толковать? Такие сумасбродные вурдалаки своей смертью не умирают. Ты и без чужой помощи допрыгаешься.

– Благодарствую на добром слове! – Горихвост еще разок съездил розгами по порткам кметя.

Однако зерно сомнения уже было посеяно. «Из Сторожевой башни через конопляник к избе деда – прямой путь. Где был Видоша всю ночь? Никому не известно. Мог ли он быть призраком, что долбанул меня в зарослях? Как раз он-то и мог. Среди загонщиков я его не заметил. А в Рогатой веже? Незнакомец, что прятался под колпаком с прорезями для глаз? И тут у боярина нет никаких оправданий».

– Я как почуял на месте преступления травяной дух – так сразу же про Видошу вспомнил, – не дал ему поразмыслить Нежата. – Он ведь у нас конопляный король. Таких посевов во всем Гремячем доле ни у кого больше нет. Этот промысел – по его части.

– Опять на невинного бочку катишь? – усомнился Горихвост. – Ты и на Лутоху грешил. Валить с большой головы на здоровую станет лишь тот, у кого рыльце в пушку. Не пришить ли это соображение к твоему дельцу, твоим же собственным языком выражаясь?

– У тебя дело белыми нитками шито, – возразил кметь. – А у меня все чин по чину.

– Какой у тебя может быть чин? Ты как был мелким служкой, так и остался. И до конца жизни высоких чинов зарабо-

тать уже не успеешь.

– А ты меня малым чином не попрекай! Я хоть богатств не стяжал, зато волком по лесу не рыскал. И господин у меня всю жизнь только один. Верный пес не меняет хозяев – тебе, волку, этого не понять.

– Да уж куда мне! Зато я хорошо понимаю, что ты – главный мастер заплечных дел. Если по пыткам судить, то, как ни крути – ты подозреваемый номер один, и этого листочка из твоего дела не выкинешь.

– Да, негодяев и изменников мне пытать приходилось! В этом стыда нет, и я глаз не прячу, – огрызнулся кметь. – Однако колдун ни в чем был не виновен, и расправы не заслужил. А просто так мучать я никого бы не стал – тут мне удовольствия нет.

– Может, прикончить тебя? – почесал голову вурдалак. – А то не знаешь, чего ожидать от такого строптивца. Жаль, что вина твоя до сих пор не доказана – тогда было бы проще. Да и приговаривать к смерти в лесу может лишь Дый – а мы сейчас в его владениях. Чую, что еще пожалею об этом, но придется тебя отпустить.

Горихвост отвязал пленного от качелей и освободил его руки.

– Вот уж не ждал милосердия от вурдалака! – съязвил старый вояка.

– И правильно делал! – заверил его Горихвост. – Это не милосердие, а всего лишь отсрочка. Найду доказательства –

ты от меня не уйдешь.

– Попадись только мне в руки – ответишь за прежнего ба-рина и за все бесчинства, что ты в последние дни учудил, – не остался в долгу кметь.

Горихвост подивился тому, как резво бросился Нежата прочь из чащи. Что ж, нельзя не признать, что оправдания служаки показались убедительными. Однако это всего лишь слова, их еще проверять и проверять. А как их проверить, когда свидетелей – раз, два, и обчелся?

Перед тем, как исчезнуть в кустах, Нежата обернулся и выкрикнул:

– А эти качели я тебе еще припомню!

– Давай, драпай! – рявкнул ему вслед вурдалак. – Не то кликну Шипуню – она до смерти тебя защекочет!

Угроза подействовала – старый кметь пропал из виду. «Однако, и мне пора вон из леса – в любой миг явится леший, и тогда встречи с Дьем не избежать. И куда я пойду на ночь глядя? Опять к мельнику? Но я кое-что узнал о Видославе Рославиче. Нет, не хочется верить, что он в чем-то может быть замешан. Но расспросить его не помешает – только не так, как других, а с уважением и поклоном».

Горихвост воровато оглянулся по сторонам, убедился, что леший за ним не следит, и начал тихонько прокрадываться к опушке, на которую вечернее солнце уже отбрасывало длинные тени.

Глава 10. Сторожевая башня

Сторожевая башня высилась серой громадой на границе села, между господским двором и конопляником. Ее построили в давние времена, чтобы защищать сельский мир от нападков нечистой силы из Дикого леса. После заключения договора между Дьем и Всеволодом надобность в постоянном карауле отпала, и башню забросили до тех пор, пока в ней не поселился новый хозяин округи – боярин Видослав Рославич, приехавший в свите великого князя.

Выбравшись из леса, Горихвост направился прямо к башне. Он шагал в полный рост, не таясь. Бабье лето радовало Гремячий дол последними солнечными лучами. Дневное светило словно задалось целью растратить остатки тепла перед долгой зимовкой. Оно щедро лило свой золотистый свет на крыши деревенских домов, оставшихся за спиной, на увядающие стебли неубранной конопли, до сих пор ждущей серпа. Прямые лучи пробивались сквозь лесную чащу и расцветчивали мрачную Змеиную гору, над которой вились дымные струйки.

Как хорошо, что гора далеко! Вон она где, за лесной чащей, за Туманной поляной и Волчьими делями. Остается надеяться, что Сиводур и прочие лесные стражи не спят, и не пропустят к ней посторонних. А то мало ли что удумает

затаившийся злодей? Со Змеиной горой шутки плохи...

Еще не успев зайти на двор, Горихвост почувствовал, что в доме боярина полный порядок. Ворота плотно заперты на засов, а не распахнуты, как у беспечных селян, отвыкших от настоящей опасности. Пришлось как следует постучать, прежде чем прибежала дворовая баба, спросила, кто да за чем, и лишь после этого пропустила.

Баба еще молода и недурна собой. В руках – конопляные стебли. Вон их сколько вокруг, снопы целые. Тут их треплют, чтоб из волокна наделать пеньки и холстины. Еще бы – Вишоша у нас конопляный король!

Женка повела гостя через просторный двор к серой громаде, похожей на уснувшего каменного великана.

«А к башне так просто не подступиться! Узенький вход с толстой дверцей – на высоте в два человеческих роста. Попробуй, возьми его силой! Деревянная лестница на столбах – подруби их, и нападающие рухнут на жесткую, утопанную землю. А после до единственного входа не дотянешься – разве, придется громоздить всякий хлам или лестницы подставлять. Ну а что делать дальше? Подставил ты лестницу, и что? Дверь можно выбить только тараном, а как его поднять на верхотуру? И, разумеется, страж этой дверцы – наш знакомый псарь Звяга. А кто же еще?»

Горихвост едва сдержался, чтобы не ощериться при виде знакома, от которого за версту несло псиной. Тот ответил похожей любезностью, но дверцу раскрыл и посторонился,

чтобы пустить гостя внутрь. «Что, не нравятся гости? Терпи, пес!» – ухмыльнулся Горихвост про себя.

– Зачем явился? – не слишком радушно спросил Звяга, рассматривая пришельца с ног до головы.

– Хочу хозяина твоего повидать. Доложи о моем приходе, – велел Горихвост тоном, не терпящим возражений.

– Оружие выкладывай! – грубо распорядился псарь.

– Какое еще оружие? Я гостем пришел. С оружием в гости не ходят.

– А это мы щас проверим!

Звяга не отказал себе в удовольствии ощупать одежду вурдалака так, чтобы тот ясно почувствовал, как ему доверяют.

– Что, нашел? – поиздевался в ответ Горихвост.

– Найдется – сам на него и напорешься, – посулил псарь.

Мимо прошла баба с ворохом трепанной конопли и поднялась вверх по лесенке.

– Длаку отдай! – протянул руку Звяга к переметной суме.

– А вот этого не дожدهшься! – Горихвост хлопнул его по лапе.

Звяга ощерился, не сдержавшись. Вурдалак тоже. Баба спустилась по лесенке и объявила:

– Барин просит пожаловать!

– То-то же! – Горихвост рад был увидеть бессилие псаря.

Хозяин принял его в роскошном личном покое, устроенном на верхнем этаже башни. Боярин Видослав Рославич расхаживал по тесной палате по-домашнему, в халате поверх

чистой сорочки, затянутой тоненьким пояском. Горихвоста он встретил улыбкой и широко распахнутыми объятьями, как будто несказанно обрадовался дорогому гостю.

Верхний этаж, или, как здесь выражались, «мост», освещался намного лучше глухого подвала и среднего яруса с его тонкими бойницами. Тут, под верхней площадкой, в стенах были проделаны уже не бойницы, а настоящие окна, хотя и довольно узкие. В одно из них как раз заглянуло солнце, начавшее клониться к вечеру, и его лучи ярко высвечивали столбики пыли, витающей над деревянным полом.

Боярин усадил Горихвоста за празднично обставленный стол, накрытый узорной скатертью. Помощница принесла дорогое вино с пирогами.

– Присядь со мной, отужинаем, – предложил Видослав. – Пироги с зайчатиной любишь? Потолкуем за чарочкой доброго вина.

– Не откажусь, – облизнулся Горихвост.

Он потянулся к вину, но дворовая баба опередила его и сама наполнила серебряные чарки. И блюда, и дубовые поставцы вдоль стен, и новые ферязи из заморской парчи – все производило впечатление роскоши и богатства.

Вкус вина Горихвост не распробовал – оно показалось одновременно и сладким, и кислым. А вот пироги и вправду пришлись по душе – он налег на них с такой живостью, что долго не мог говорить. Однако клещами вытягивать из Видоши признания и не понадобилось. Словно читая мысли,

тот сам заговорил о деле.

– Знаю, знаю, что тебе про меня наплели, – запел он, подливая вина. – Небось, говорили, будто я ссорился с Дедославом? Будто обещал вырвать ему язык, и вообще вел себя так, словно всех тут хочу изъязвить и изрезать? Особливо княжеских слуг, среди коих один старый кметь?

Горихвост хотел подтвердить, что действительно нуждается в разъяснениях. Однако набитый рот не позволил ему произнести ни слова, и он только с силой затряс головой, выражая согласие.

– Кушай, кушай не торопясь, – потчевал Видоша ласковым голосом. – А то все тебя только гоняют, ни поесть, ни передохнуть не дают. Так и было: в свой первый же день в Грязной Хмари я пошел к Дедославу. Давно уже слухи ходили, что есть знающий волхв, которому открылись вещи тайны. Разумеется, такого случая я не мог упустить, тем более что нынче село в моем полном владении. Нагадал мне твой дед гибель лютую от чудовища страшного. Я поверил и перепугался. Был грешок: накричал на него, и да, говорил, что язык вырву и псам скормлю. Но ведь ты понимаешь: сгоряча чего только не ляпнешь! А потом остынешь и думаешь: зря лишнего наговорил. Уже после пришло мне на ум, что колдун хотел не напугать, а остеречь меня. Вовремя данное остережение – ценнее серебра. Вот и вышло, что Дедослав доброе дело сделал. А Нежата и рад на меня напраслину возвести. Это в нем ревность играет!

Видоша хитренько захихикал.

– Сторож – мелочь служилая, а я боярин с собственной вотчиной. Нежата из мужиков, ему вотчины не видать, как своих ушей. Так и уйдет в могилу бессребреником, и потомкам своим ничего не оставит. Даже вспомнить его будет не за что. Вот он мне и завидует. На дух меня не переносит – прямо, как ты Звягу.

Боярин снова подлил вина в чарки.

– За хозяина! За его радушие и гостеприимство, – у непривычного к хмелю вурдалака уже развязался язык, к тому же, он хотел показать, что хорошее воспитание и в лесу получить можно. – За твою неприступную башню, чтоб ей стоять целый век. И пусть расшибет о нее лоб любой враг, что попробует ее взять.

Чарки звонко столкнулись краями, крепкое вино обожгло горло.

– Как, наверное, хорошо и спокойно жить в такой крепости! – позавидовал он. – В нее и не влезть, иначе как через узкую дверцу, да и до той нужно сначала добраться. А из бойниц наступающих можно так встретить, что они это надолго запомнят.

– И не говори! – оживился боярин. – Полюбуйся на мой арсенал.

Он подвел гостя к стене, на которой поверх дорогого восточного ковра была развешана коллекция редкого заморского оружия на любой вкус и под любую руку.

– Ого! – оценил Горихвост. – Таким вооруженьем можно целую бойню устроить.

– Еще бы! – у боярина заблестели глаза. – Вот этот пернач мне подарил царь Буриной. Рукоять, крытая серебром, и ребрышки на головке. Вдаришь таким – любой шлем сомнется. Но это не просто оружие. Это знак высокого боярского чина.

Однако тонкий пернач, разновидность булавы, не привлек внимания Горихвоста. Вместо него он схватился за дубину с железным покрытием, из которой торчали острые гвозди. Боярин расхохотался:

– Это ослеп. Я знал, что тебе он понравится. Оружие простонародья. Это тебе не боярский пернач. Но если взять ослеп в руки – то даже самый храбрый враг испугается. Правда, гвозди застревают в доспехах. Хотя тому, кто под этим доспехом, вряд ли станет от этого легче. Ты лучше сюда погляди. Видишь? Это трезубец. Оружие царское. Раньше такими ловили рыбу, а теперь, говорят, Лиходей ловит души. А вот этот рожок узнаешь?

Боярин любовно погладил рог, окованный серебром.

– Как же! Век не забуду, что ты вытащил меня из ледяной хватки Мары, – откликнулся Горихвост. – А это что за диковинный цеп? Никогда прежде такого не видел.

– О, это гордость моего собрания!

Боярин провел ладонью по длинной деревянной ручке, соединенной с цепью. На конце цепи болтался тяжелый железный шар с шипами – намного увесистей, чем на любом ки-

стене.

– «Утренняя звезда»! – похвастался Видослав. – Перед ее ударом ни один рыцарь не устоит. Дробит головы, ломает кости, и никакая стальная броня не поможет. Сделана немецкими мастерами. За большие деньги купил!

– Да, внушительный арсенал, – похвалил Горихвост, стараясь угодить хозяину. – Нечистую силу железом не отпугнешь, а вот лихие люди сто раз подумают, прежде чем сунуться.

– Еще по чарочке! – предложил гостеприимный хозяин. – Вино заморское – романея.

– Неловко тебя спрашивать, Видослав Рославич... – замялся Горихвост

– Не стесняйся! Мне скрывать нечего, – улыбаясь, подбодрил боярин.

– Ты, верно, богат?

– Да уж не жалею! Мой государь наград для преданных слуг не жалеет.

– Тогда у тебя должно быть много таких денежек...

Горихвост вытащил из сумы щербатую копейку и протянул Видоше, но тот сморщился, как при виде жабы, и даже рукой не повел, чтобы взять и как следует рассмотреть ее.

– Фу, какая мерзость! – с отвращением произнес он. – Я таких не держу. У меня кое-что понадежней. Смотри!

Он открыл ларец, украшенный росписью и узорами. Внутри поблескивала целая россыпь новеньких серебристых мо-

неток, ярких, еще не успевших потускнеть после чеканки. Увесистая кучка наполняла ларец почти до краев. Видослав зачерпнул горсть монет и с гордостью показал Горихвосту:

– Совсем свежие. Только что из столицы. Отчеканены новым царем Буриваем. Старые деньги теперь не в чести.

– А в чем разница? – задал наивный вопрос вурдалак.

Боярин от души расхохотался.

– Ничего-ничего, – успокоил он. – В лесу деньгам не знают цены. Твое неведение объяснимо. Посмотри: на лицевой стороне твоей чешуйки намалеван человечек с копьем, бьющий змея. Если только этого уродца с квадратной головой можно назвать человеком. Сама монета обрезана до неузнаваемости, да и серебра в ней едва половина, остальное – дешевый сплав меди. А теперь взгляни на мои деньги. Полновесное серебро! Без всякой примеси. Слушай, как звенит!

Боярин бросил монетку на стол. Она забилась ребрышками о дубовую столешницу и голосисто запела.

– Чуешь, какой чистый голос? И на лице ее – всадник, замахнувшийся саблей. Оттого она и называется сабляницей, а не копейкой. То, что ты мне показываешь – старый хлам. Ему на помойке место.

– Значит, у тебя таких нет?

– Если б и были – раздал бы холопам, – скривился с презрением боярин.

Горихвост с готовностью покивал – уж больно не хотелось винить в злодействе радушного хозяина.

– Видослав Рославич, пойми меня правильно, – со всей теплотой, на какую способна вурдалачья глотка, произнес гость. – Ты ко мне добр, даже не знаю, чем я заслужил твою милость. Но мне позарез надо узнать, кто виновен в смерти деда.

Тут уже настал черед боярина кивать и поддакивать.

– Не откажи: поведай, отчего на твоём дворе коноплей пахнет. В горнице деда стоял такой запах, что я до сих пор забыть не могу.

– Отчего же, охотно расскажу! И даже покажу! – с готовностью заговорил Видослав. – Пойдем-ка на воздух!

Он поднялся из-за стола и увлек гостя на лестницу, выходящую на вершину башни. По крутым и скрипучим ступеням Горихвост поднялся вслед за ним и ступил на открытую площадку, огороженную каменными зубцами. Сапог его наступил на мозаичное изображение дракона, охотящегося на единорога.

Хозяин подвел его к краю и обвел округу широким жестом:

– Посмотри! Вот он, Гремячий дол. Всё мое! Леса, поля, и даже речушка, покуда течет по моим землям. Я тут хозяин, и это богатство достанется моим наследникам, если они народятся. Но пустая земля ничего не стоит. Ценится то, что она порождает. Видишь конопляник? Целое море!

Горихвост перегнулся через каменный бортик и оглядел поле, колышущееся от ветра. Оно простиралось от деревни

до опушки Дикого леса, и казалось таким густым, что в нем легко было утонуть.

– Из конопли ткуют холстину и вяжут пеньку, – продолжил боярин. – Из семени варят кашу и дают масло. Ее едят, ей еду заправляют, на ней спят и ей же укрываются. До нашего края слухи доходят не сразу, но я по большому секрету скажу тебе важную новость. В столице сменилась власть. Теперь царствует Буриной Прибыславич, славнейший из витязей, властный правитель и доблестный воин. Он задумал великий поход по Варяжскому морю. Хочет завоевать не только славянские Старгород и Стрельцов, но и немцев, данов, франков – всех, вплоть до самых далеких англов с саксонцами. А для этого ему нужны ладьи. Много ладей. Угадай, без чего не обойдется ладья?

– Без весел? – сказал наугад Горихвост.

– Сразу видно лесного клеща, – расхохотался боярин. – Ни одна корабельная снасть не увяжется без каната. А канаты плетут из пеньки. Моей пеньки!

Он окинул простор орлиным взглядом.

– Царь Буриной поручил мне особое дело, – с гордостью сообщил он. – Оснастить его ладьи канатами и парусами. Новый царь щедр, казны не жалеет, и своих верных слуг награждает так, что все, кто правил прежде, перед ним жалкие скупердяи. Вот почему на моем дворе не ступишь и шагу, не угодив в коноплю! Я растил ее, и буду растить. И за царем полечу, сломя голову, хоть на край света. Потому что

когда-нибудь он сделает меня головой боярской думы, или даст мне в удел не мелкую вотчинку, как этот Гремячий дол, а целое королевство!

– О, да ты птица высокого полета, – с одобрением похлопал его Горихвост.

– Вот ведь угадал! Не в бровь, а в глаз! – расхохотался боярин. – Подойди-ка сюда. Погляди, что я изобретаю.

Он подвел гостя к двум широким полотнищам из тонкого китайского шелка, сшитым краями. Под порывами ветра они раздувались, напоминая матерчатое крыло.

– На что это похоже? – спросил боярин.

– На рваный парус! – озадаченно протянул Горихвост.

– А вот и нет! – Видоша восторженно хлопнул его по плечу. – Это вовсе не парус, хотя издалека может сойти за него. Стоит натянуть стропы и подбросить крыло – ветер надует его и потащит ввысь. На нем можно парить, аки птица небесная! Разве не здорово! Что скажешь?

Боярину явно был нужен зритель, чтоб восхититься модной новинкой. Но Горихвост был не из тех, кто хватается за новизну:

– Людям летать не дано. Сверзишься с высоты – и в лепешку. Нет, нам такого шалопайства не надо. Без него приключений хватает.

– Если б ты только попробовал воспарить над этой грешной землей! – мечтательно закатил глаза боярин.

– А ты уже пробовал?

– Что ты? – испугался Видослав Рославич. – Пока еще нет. Пусть Звяга сначала попробует. Ежели жив останется – тогда уж и я.

У подножия башни баба пронесла новый ворох конопли. Звяга вышел покормить свору собак сырым мясом, отчего те пришли в возбуждение и подняли жуткий лай. Выжлица Борзуха подскочила, поставила передние лапы псарю на плечи и принялась лизать в лицо, отчего тот заулыбался, как маленький. Солнце прокатилось над Змеиной горой, пересекло небо над лесом и начало клониться к западу, где спокойно плескалась Шерна.

– С твоей башни видна вся округа, – заметил Горихвост. – И господский двор, как на ладони, и кружало, и деревня, и даже капище разглядеть можно. Только Курдюмова мельница за холмами. Если бы кто-то прокрался к Дедославу в избу – ты бы заметил?

– Днем – наверняка, а ночью не видно ни зги, – ответил боярин. – Гляди-ка: старый пес до сих пор тебя ищет. Все неймется ему.

И действительно: от Веселой канавы к княжескому двору бежал запыхавшийся Нежата. За ним устало поспевал Головач, изрядно потрепанный и запыленный. Оба оглядывались по сторонам и перекликались, однако их голоса до башни не доносились.

– Чувствую, досаждают тебе князьи слуги, – улыбнулся вурдалак.

– Слышал я, что и твою семью они не пощадили, – осторожно заметил боярин. – На деревне болтают, будто заезжие мечники убили твоего отца с матерью. Да я слухам не верю: не знаю, что правда, а что выдумка.

– Это правда, – сказал Горихвост. – Хоть и прошло два десятка лет, а саднит до сих пор.

– Два десятка? – задумался Видослав. – Это кто ж тогда князем был? Ох, так это еще Изяслав Ростиславич. Я его помню! Как раз службу при нем начинал. Стоял рындой в почетной охране, пока он принимал иноземных послов. Сколько ж лет мне тогда было? Всего-то пятнадцать!

Боярин рассмеялся от своих полудетских воспоминаний, и продолжил:

– Помню: был Изяслав князем льстивым и двоедушным. Мог улыбнуться боярину, обласкать его, но я-то знал: уже отдан приказ этого беднягу казнить, а его вотчинку – отобрать. Суровое было время, да только я по молодости лет этого не понимал. Все изменилось, когда престол занял его младший братец. Всеволод Ростиславич неправые казни остановил, народу дышать легче стало. Вот только слуг своих распустил – считают себя выше великородных бояр, дерзят, не в свои сани садятся. Любой проступок им с рук сходит.

– Постой, – спохватился Горихвост. – Выходит, Всеволод – родной брат Изяслава?

– Не родной, а единокровный, – поправил боярин. – У них матери разные. И возрастом сильно разнятся. А ты разве не

знал?

– Откуда? Я в Диком лесу живу, с одной нечистью знаюсь. Столичные сплетни – не для нашего слуха. Но раз Всеволод унаследовал княжество Изяслава, то он и дело его мог продолжить?

– О каком деле речь?

– Дед рассказывал, что великие волхвы правили в городе Дедославле.

– Верно, был такой город. В нем жили кудесники и колдуны. Говорят, много крамолы от них шло.

– Потому и решили князя известить их под корень. Город сожгли, кудесников по лесам разогнали, а великого волхва с семьей вовсе со света сжили. Я – последний в роду. Так зачем князь приехал к нам в глушь? Ведь у нас не столица, развлечений тут нет. Вражья сила сюда не доберется, войны проходят стороной. Так какое такое дело привело князя на самый край света? Отчего он тут только с парой самых преданных слуг? Может, взялся закончить то, что начал его старший брат?

– Думаешь, Всеволод нарочно приехал, чтобы убить последнего волхва? – осторожно спросил Видослав.

– Посуди сам, – загорячился Горихвост. – От приезда князя до убийства деда прошло всего несколько недель. Как явился – так начались беды. А за мной его пес так гоняется, будто ему хозяин велел взять добычу. Кто Нежату на меня натравил?

– Всеволод? – изумился боярин.

– А кто же еще! – вскричал Горихвост. – Изяслав начал волхвов истреблять, а его брат и наследник продолжил. Как я был слеп! Только теперь прозрел. Благодарю тебя, боярин, за то, что раскрыл мне глаза.

– Да ведь это не я, – смущенно отступил Видослав. – Я такого не говорил.

– Ты помог мне понять, кто виновен! – Горихвост не мог остановиться. – Немедля пойду и порву на куски всех, кто под руку попадет в княжьем доме и на дворе. Жаль, потерял мой меч! Но у тебя есть оружие – я видел! Одолжи мне свою саблю.

– Так нельзя! – слабо запротестовал боярин. – Если моей саблей князя порубят, то вина на меня ляжет.

– Чтоб расправиться с лиходеем, мне и сабли не надо! – гремел Горихвост. – Зубами его порву! Раскромсаю когтями! Вот только накину длаку – и держись, подлый обманщик!

– Погоди-погоди, – удержал его Видослав. – Глянь, сколько народу на господском дворе. Ты один с ними не справишься. Лучше утра дождись. Гости уйдут, останутся только те, кто нужен. И свидетелей лишних не будет.

– Верно! – от избытка чувств Горихвост едва не полез обниматься. – Какое счастье, что ты на моей стороне! Сразу видно: такой мудрый советник как раз подойдет в головы боярской думе. Можно, я затаюсь у тебя до утра?

– А вот это нельзя! – неожиданно резко ответил Видослав. –

Пойми правильно, но люди меня не одобряют, если я к злоумышленю на князя буду иметь хоть какое-то отношенье.

– Ладно! Я у Курдюма переночую. А утром – на дело. Только б рассвета дожидаться! – горел вурдалак от нетерпенья.

Боярин сам проводил его до ворот. Собачья свора облаяла вурдалака, но, увидев хозяина, завиляла хвостами. Звяга набычился, но Видослав строго велел ему:

– Волка не обижать! Завтра проводишь его до княжеского двора и покажешь, где перелезть через тын. После встретишь и удостоверишься, что все в порядке. Понял?

Звяга ощерился в злобной улыбке, посмотрел на Горихвоста и произнес:

– Понял, барин! Мы свое дело знаем. Будь уверен: не подведем!

Как хорошо отдыхать, когда скрипит мельничное колесо! Едва слышные струи реки плещутся о лопасти, трутся жернова. От этого равномерного шума веет теплом и спокойствием.

Гостеприимный Курдюм накрыл стол на свежем воздухе и позвал вечерять. Горихвост едва заставил себя оторваться от лавки, на которой с блаженством раскинулся.

– А тут холодно! – зябко поежился он, выходя на двор.

– Чего ты ждал? Лето кончилось. Со дня на день начнется настоящая осень, – откликнулся мельник, выставляя на ска-

терть бутылку с самогоном.

– Может, длаку накинуть? – задумался вслух вурдалак.

Мельник засуетился:

– Даже не думай! Как я с тобой разговаривать буду? Лучше набрось-ка вотолу. Прежнюю уже изорвал, но ничего – я тебе еще одну подыщу. Только эта будет ношенная.

– Мне любая пойдет, я привередничать не привык, – мирно согласился Горихвост, и закутался в мягкую шерстяную накидку.

Мельник разлил самогон по медным чаркам и подвинул одну к гостю. Горихвост облизнулся, почесал космы, крикнул, и решительно отодвинул ее к краю стола.

– Отказываешься выпить? Чего это вдруг? – удивился Курдюм.

– Завтра на дело идти. Нужно, чтобы рука не дрожала, – хрипло вымолвил вурдалак.

– Тогда вот тебе кашки с маслицем, – согласился хозяин. – Хлеб из белой муки, как ты любишь. И грибочки, соленьки. Накладывай, не стесняйся!

– За хлеб спасибо, мне он необходим, чтоб навечно в волках не остаться. А вот грибы употреблять я, пожалуй, остерегусь. Уже сыт ими по горло.

– Ну, как знаешь. Тогда может пива?

– Пива можно! – повеселел Горихвост.

Неожиданно под мельничным колесом раздался шумный всплеск. Курдюм изменился в лице.

– Слышал? – жарко зашептал мельник.

– Что стряслось?

– Водяница играет! Под самое колесо заплыла. Мало ей было погубить душу Шутихи – она и меня заполучить норовит.

– Полно! Может, жена твоя сама по себе утопла. Никто же не видел. Селяне во всех бедах нечисть винят, да только потом выясняется, что кроме них – других виноватых нет.

– Эх, Горюня! – обиделся мельник. – Ничего ты не понимаешь. Загляни-ка под колесо.

Горихвост подошел к краю потока и всмотрелся в темную воду. Из глубины на него глянула пара светящихся глаз – настолько ярких, что он на мгновение зажмурился. Но стоило открыть веки – и наваждение исчезло.

– Уйди от греха подальше! Разом сгинешь, – потянул его за рукав мельник.

– Да ладно тебе. Она из воды, небось, и не вылезает, – с сомнением сказал Горихвост.

– Из воды, может, и не вылезает. Зато как подойдешь к бережку – тут же схватит и утащит на дно. Моя супружница так и попалась, пусть иной мир ее упокоит. Остался один сарафан на прибрежной скале, вот и вся память.

Горихвост приумолк и вернулся к столу. Даже есть расхотелось. Курдюм налил ему полную кружку пива, придвинулся ближе и зашептал:

– Горюня, мне позарез нужен меч Душебор! Без него не

избавиться от этой злой твари. Где он теперь? Как его раздобыть?

– Курдюм, друг сердешный, я бы и рад помочь, – с чувством откликнулся гость. – Но Душебор умыкнула лесная дева – ты и сам видел. Он до сих пор у нее.

– Не видать мне меча, как своих ушей, – опустил плечи Курдюм.

– Не печалься! Мы придумаем способ избавить тебя от беды.

– Твоими бы устами, да мед пить! – воскликнул Курдюм. – Откуда вообще взялась эта лесная царевна? Как она может быть дочерью Дыя, если тот не женат?

– Я и сам потерялся в догадках, – признался вурдалак. – Когда Дый пришел в лес, ее еще не было. А после вдруг появилась, откуда ни возьмись. Как раз после заключения договора.

– Какого еще договора?

– Когда Дый с князем Всеволодом умолвились друг другу в вотчины не соваться. С первого взгляда, условия справедливые. Только мне они вышли боком. Деревенские жители вурдалаков боятся, вот и зачислили меня в нежить. Мало того, что Дый запретил навещать деда, так еще и с Туманной поляны отселил в Волчьи дебри. Оттого я с Ярушкой и не встречался, хотя соседи по лесу о новой царской любимице мне все уши прожужжали.

– Нет охоты ломать голову над такими загадками, – мах-

нул пухлой ладошкой Курдюм. – Мне бы только с ней встретиться. Я бы попробовал ее уговорить.

– Уговорить ее – это вряд ли, – рассмеялся вурдалак. – Ты же видел, какая она шепутная.

Ночь сгустилась, но небо осталось ясным. Звезды выпали и завели хоровод вокруг месяца, раздувшегося в пышный серебряный шар.

– Хорошо, что погодка сухая. Следов не останется, – потер вурдалак ладони.

– Опять что-то задумал? – насторожился Курдюм.

– Завтра иду брать на щит княжеский двор, – решительно заявил Горихвост.

– Завтра не выйдет, – всплеснул ладошками мельник.

– Это еще почему?

– Так ведь казнь завтра! Как раз на дворе у князя. Все село только об этом и говорит.

– А кого казнят? – нахмурился Горихвост.

– Как кого? Юродивого Лутоху, – как о само собой разумеющемся деле, поведал мельник. – Должен же кто-то ответить за убийство твоего деда.

– Так ведь я до сих пор не выяснил, кто убийца!

– Нежата выяснил. Ты же сам слышал: Лутоху приговорили.

Горихвост крепко задумался.

– Нет, так не пойдет! – рубанул он ладонью воздух. – Юродивый тут не при чем. Нюхом чую!

– В суде нюх бесполезен, – возразил Курдюм. – Суду нужны доказательства и улики. А против нищего их столько насобирали, что на троих хватит.

– Понимаешь, дружил он с моим дедом. У них в головах одни мысли роились.

– С чего ты взял, что нищий говорит правду? Может, он тебя за нос водит? – потрепал его по плечу Курдюм.

– Если завтра его казнят, то я правды уже не узнаю, – покачал головой Горихвост. – Нет, брат Курдюм, говори что хочешь – но я казни невинного не допущу.

Мельник заглянул вурдалаку в глаза и проникновенно сказал:

– Горюня, там все село соберется. Ведь тебя уже били. Погляди на себя: рожа синюшная, как у черта, глаза заплыли, на теле места живого не сыщешь. Если хочешь, чтоб тебя до смерти ухайдокали, то завтра твоя мечта сбудется.

– Моя мечта – обожраться, напиться, и лежать отдыхать. И чтоб ничего не болело, – угрюмо сказал Горихвост. – Жаль, меня вырастили, как стража леса. Хоть в лепешку разбейся – а Мироствола в обиду не дай. И не порушь правды. Иначе весь мир рухнет. Понимаешь? Весь мир. Мир на правде стоит. Не станет правды – и все пойдет прахом.

Курдюм безнадежно махнул на него рукой.

– Помнишь, как тебя на том самом дворе Коняй повязал? А после Нежата со своей сворой едва не отделал? И как ты на этот раз вознамерился их одолеть? – спросил он.

– Мужики соберутся на казнь поглазеть. Оружия не возьмут – уже прибыль на мой счет, – заблестели глаза вурдалака. – Правда, тот же Нежата, да князь – эти с железными побрякушками не расстаются. Тут главное страх на толпу навести. Как Коняй давеча напугал меня табуном лошадей. Топот, переполох, неразбериха.

– Хочешь коней выпустить? – спросил мельник.

– Ты что? – испугался вурдалак. – Они меня первого и затопчут. Лучше людей превратить в лошадиное стадо. Напугать бы их чем-нибудь?

– Колдовством напугай! – предложил Курдюм. – Ведь твой дед был кудесником. Научил же он тебя какой-нибудь хитрости?

– В том-то и дело. Не успел он меня научить. Слишком рано пришлось мне уйти от него, – посетовал Горихвост.

– Погоди-ка. Я знаю! – просиял Курдюм. – Остались у меня с прошлых святок хари нечистой силы. Маски ряженных, что бродят по избам и подачки выпрашивают. Им дают угощение и разную дребедень, лишь бы отделаться. Мужики у нас суеверные. Многие верят, что под личинами в самом деле черти да покойники, вставшие из могил. Напаялим хари – у них поджилки и затрясутся. Вот только не приперлась бы царевна из Дикого леса. Против ее колдовства я не устою.

– Постой, ты что, тоже со мной пойдешь? – удивился Горихвост.

– А ты думал, я тебя одного пушу? Одного боюсь – этой

чертовой девки. Как ты думаешь – она захватит с собой Душебор?

– С чего ты взял, что она туда явится? Деревня – не ее вотчина.

– Хорошо, если так. Я пойду, приготовлю личины, а ты спать ложись. Завтра тяжелый день.

Глава 11. Княжеская семья

17 вересня

Как мало в деревне интересных событий! Никаких развлечений. Хорошо хоть, что время от времени кого-то казнят, а то не на что посмотреть.

К полудню народ потянулся на княжеский двор. Уже с утра оттуда слышался стук топоров – это Нежата с добровольными помощниками из села сбивал деревянный помост с виселицей, состоящей из четырех столбов с двумя верхними перекладинами, поставленными крест-накрест, как две скрещенные буквы «П».

Однако вешать приговоренного никто не собирался. Потратить Лутохину жизнь так бездарно мог только простак. В помосте под виселицей выпилили круглую дыру, а к перекладинам подвесили огромный котел, в котором по праздникам варили пиво сразу на всю сельскую братчину. В котел налили конопляного масла, а снизу, под помостом, устроили костерок. Да еще и деревянную крышку с прорезью для головы сообразили – хорошо, что так сразу не догадаешься, для чего, а то Лутоха начал бы волноваться задолго до торжества.

– Только бы вурдалак не явился! А то все событие испор-

тит, – озабоченно сказал Нежата Всеволоду, вышедшему посмотреть на приготовления.

– Пусть приходит. Обоих зараз и казним! – улыбнулся княжеский сын Святополк, который, в отличие от отца, суетился чуть ли не больше всех.

Коняй подбежал к звоннице, устроенной рядом с крыльцом, и со всей дури принялся трезвонить в полошной колокол, подвешенный под деревянной аркой. Гулкий звук поплыл над деревней, пронесся мимо Щероборова кружала, обогнул Сторожевую башню и дотронулся до пожелтевших листьев на опушке Дикого леса. Ворон Хорохор с любопытством встрепенулся, расправил перья, и, сорвавшись с дубовой ветки, взлетел над округой, высматривая, что происходит.

– С ума сошел? Зачем полошишь дол? Лихо накличешь! – обругал конюха старый Нежата.

Но Коняй и не думал ему подчиняться. Он еще больше усердствовал, чтобы народ, уже начавший подтягиваться, разглядел, какой он, конюх, важный человек, раз его допустили до сигнального инструмента.

Звяга обошел княжий двор с самой заброшенной, восточной стороны, где пылали всеми оттенками красного увядающие листья кленов. Не доходя до дороги, ведущей на Красную слободу, он нырнул в давно обмелевший ров и вскарабкался на земляной вал.

Горихвосту пришлось подтолкнуть Курдюма в пухлый зад, чтобы помочь ему забраться на осыпавшийся склон. Звяга уже раздвигал бревна – в этом месте тын дышал на ладан, и отклонить в сторону пару бревен оказалось проще простого.

– Пстой! – заупирался Курдюм. – Давай хари наденем.

– Ты сначала в дыру пролезь! – пихнул его Горихвост.

– Что ты! Вдруг меня кто-то узнает? – испугался его товарищ.

Горихвосту пришлось уступить. Курдюм помог ему облачиться в ветхую рогожу и старательно перепоясал ее лыком. Ужасающего вида деревянную личину с единственным глазом посреди лба вурдалак надел сам, а вот драную шапку из звериного меха на него нахлобучил псарь.

Пока Горихвост поправлял маску так, чтоб в ней можно было дышать и смотреть в прорезь, Курдюм напялил старую шубу, вывернутую мехом наружу, и приделал сверху густую копну конопляных волокон, свисающих, как спутанная грива. Личина его изображала чудовищного вида существо с четырьмя глазами, из которых два были фальшивыми, со свисающим носом из толстого древесного сучка, и с разинутой пастью, в которой торчали кривые зубы. Кроме них, над маской вздымалась пара бычьих рогов, что придавало мельнику вид потустороннего демона.

– Вот так нежить! Тебя бы сам Дый испугался! – взглянув на него, захохотал Горихвост.

– На себя посмотри! Вылитое Лихо одноглазое, – огрызнулся Курдюм, и для острастки взмахнул косою с привязанным куском черной ткани, на которой красовался вышитый череп с обломками костей.

– Ступайте уже! Я вас тут буду ждать, – пообещал Звяга и оскалился, как пес, почуявший добычу.

Лутоху вывели из темницы при полном стечении народа. Увидев приговоренного, толпа возбужденно загомонила и заулюлюкала. В юродивого полетели камни, палки и комья грязи.

Нежата поднял деревянную крышку, силой затолкал бе-долагу в котел, полный жидкого масла, и водрузил крышку на место, просунув голову нищего в круглое отверстие посередине. Закрытый чан он обмотал железной цепью и запер ее на замок, ключ от которого под возбужденные крики толпы вручил Всеволоду. Кметю осталось только разжечь костер и вскарабкаться на помост, чтобы как следует допросить приговоренного в последние минуты, которые тому оставались перед мучительной смертью.

Хорохор сделал над господским двором широкий круг. Острое зрение позволило ему в самых мелких подробностях рассмотреть ужас на лице нищего, который уже начинал ощущать жар, припекающий днище котла. Не ускользнули от вороньего взгляда ни возбужденная ярость толпы, ни деловитая сосредоточенность Нежаты, с такой сноровкой испол-

нящего обязанности палача, ни глупое любопытство княжича, ни бледность конюха, пытающегося заглушить страх перед юродивым пустой суетой.

Ворон спустился к горницам, вдоль которых тянулось гульбище – широкая веранда под крышей, на которую выходили окна жилых светелок. У перил он едва не попался под руку возбужденному Святополку, и взлетел к верхнему этажу, где торчали узорные башенки теремов. Тут он уселся на деревянный шатер, крутые склоны которого вздымались к небесам, и почувствовал себя в безопасности.

– А ну-ка, Жихарь, подбавь дровишек в костер! – деловито распорядился Нежата.

Печник бросился к огню, едва тлеющему под котлом, и начал ворошить угли кочергой.

– Не жалеЙ! Быстрее сварим убивца – быстрее очистим Гремячий дол от греха! – подбодрил его конюх.

Толпа селян загомонила, выражая горячее одобрение. Всеволод обнял за плечи сына, который наблюдал за представлением, облокотившись на деревянные перила. Из внутренних покоев чинно выплыла жена князя, Верхуслава, и присоединилась к ним. Смотреть на страдания юродивого не доставляло ей удовольствия, однако толпа желала видеть свою государыню в этот миг единения власти с народом. Княгиня выбрала темно-синее платье, чтобы подчеркнуть скорбность события, и надела такой плотный убрус, что ли-

цо ее едва выглядывало из складок накрученного платка.

Жихарь набросал в костер свежих дров, и языки огня принялись жадно лизать днище котла. Лутоха почувствовал, как нагревается под ним медь, и заголосил:

– Ах вы, нелюди! Вам без разницы, кого жечь. Виноватого или невинного – всех под нож пустите. Толпа есть, а людей в ней – ни одного! Тьфу на вас!

И он смачно плюнул в зевак. Однако плевок его не долетел и упал в пыль за помостом. Народ возмущенно загомонил.

– Огоньку не подбавить? – услужливо подскочил Жихарь, размахивая кочергой.

Нежата вырвал у него из рук железяку, раскалил на огне и ткнул загнутым краем Лутохе в лоб. Нагретое до багрового блеска железо зашипело и оставило на коже черную отметину, от которой валил дым. До ноздрей Верхуславы донесся запах паленого мяса, она отвернулась и убежала с гульбища в тихую горницу, отгороженную от всего мира наглухо запертými ставнями.

– Чтоб тебя черти в аду так же жгли, – от души пожелал кметю юродивый.

– Сегодня я – твой черт, – отозвался Нежата, подступая к нему с кочергой, на этот раз раскаленной добела.

– Это кто тут нас звал? – раздался над площадью хриплый возглас.

Горихвост быстро взбежал на помост, размахивая нелепыми рукавами из рваной холстины. Впалый глаз, прорезан-

ный в деревянной личине, зловеще уставился на толпу.

– Ты кто такой? – опешил Нежата.

– Кто-кто, Одноглазое Лихо, не видишь, что ли? – заявил пришелец, вырывая у него кочергу.

Курдюм наконец одолел восемь ступенек, ведущих на помост, и, пыхтя, начал размахивать косой, на которой, как знамя, болталось черное полотно с облезлым черепом.

– Ой! Нечистая сила пожаловала, – тонким голоском пискнула старостиха Духаня.

– Мы не просто нечистая сила! – хрипло завыл Горихвост, подбегая к краю помоста и обращаясь к толпе. – Мы – посланцы Великого Лиходея!

– Да-да, мы явились из пекла, чтобы стащить ваши души! – поддержал его Курдюм и так махнул косой, что едва не задел нос Воропая.

Толпа отхлынула и затряслась.

– Души грешников в пекле истлели, – продолжал выть Горихвост. – Лиходей всех их съел, и теперь жутко голоден. Он послал нас собрать урожай теплой крови. Всех вас он сожрет, а косточки выплюнет!

– Ох, и накосим сейчас свежих жизней! – замахнулся косой Курдюм. – Всё, селяне, хана вам! Пришла ваша смертушка!

– Что за чушь? Это какие-то ряженые! – опомнился Нежата. – А ну, брысь отсюда, пока я вас самих не сварил!

Горихвост замахнулся повыше и, не скупясь, съездил ему

по роже все еще горячей кочергой. Нежата свалился с помоста на землю, впился толстыми ладонями в обожженную щеку, и начал кататься по земле с диким воем. Русана, его жена, бросилась к мужу и подняла такой визг, что заложило уши.

– Кто еще сомневается, что мы черти? – навис над толпой Горихвост. – Жестокий царь пекла велел не щадить вас!

Пятуня, забыв о приличиях, первым сиганул в распахнутые ворота двора. Щеробор с костью и перевязанной ногой едва не обогнал его. Головач столкнул с места Воропая, который застыл с разинутым ртом, и потянул его к выходу, голося:

– Батя, чего встал, как вкопанный? Уматывай со всех ног!

Духаня подхватила старосту под локоток и повлекла за собой.

– Жихарь, это твоя кочерга? Поди-ка сюда. Щас заставлю ее проглотить! – посулил Горихвост и протянул печнику горячий конец железяки.

Печник закатил глаза до того, что стали видны одни белки, и пустился наутек, истошно вопя:

– Пятуня! Меня не бросай! Пропадаю!

Коняй перепугался до полной потери воли. На его бледной физиономии ужас смешался с отчаянием. Ему страсть как хотелось сбежать, но ноги вросли в землю, он остолбенел и не мог сделать и шагу.

– Чего встал? – нацелил на него деревянный глаз Горихвост. – Сейчас порчу на тебя наведу!

Зачерпнув из костра горсть горячей золы, он швырнул ее в лицо конюху и начал читать:

– Как за морем Хвалынским, на Руюне на острове стоит бел-горюч камень Алатырь. А под камнем тем силы темные, силы злые. Поднимаю я этот камень, выпускаю я силы злые. Вы летите в край вятичей, налетите на конюха, и на кметя Нежату, и на жену его Духаню, и на всю деревенщину, что попадется под руку...

Зола толстым слоем осела на роже Коняя, отчего тот стал похож на эфиопа. Духаня взвизгнула, судорожно стряхнула с себя черную пыль, как будто та была заразна, и потащила жутко завывающего Нежату прочь со двора.

Горихвост двинул Коняя по лбу и заорал:

– Пошел вон, остолоп! Иначе царь пекла превратит тебя в грязь!

Конюх наконец ожил, подпрыгнул и принялся удирать с такой скоростью, что даже брошенный камень его не догнал. Курдюм спрыгнул с помоста, осмотрелся всеми четырьмя глазищами, и начал обходить двор кругом, размахивая косою и приговаривая:

– Эй, кто еще тут живой? Соберу урожай, поднесу Лиходею. Будет пир в преисподней! Потечет кровь по чашам, запекут кости в печах!

Последним из виду скрылся Валуй. Горихвост поднял глаза к гульбищу. Всеволод замер недвижно, вцепившись в перила так, что сжатые пальцы белели.

– Вот ты где, князь! Тебя-то мне и надо! – с угрозой ощерился вурдалак. – Спускайся с небес к нам, грешникам. По-толковать нужно.

– У меня к тебе нет дел. Раз явился незванным гостем – сам и поднимайся, – возразил князь.

– Мы не гордые. И поднимемся, и ручку облобызаем, – хищно осклабился Горихвост, замахиваясь остывающей ко-чергой.

Краем глаза он успел разглядеть, что на вершину Сторожевой башни вышла фигурка в лиловой ферязи с длинными рукавами. Боярин потер подбородок, сложил руки на груди и принялся наблюдать за тем, что происходит на господском дворе.

Курдюм запер ворота двора на засов, чтобы никто из селян не опомнился и не вернулся.

– Эй вы, черти! – жалобно простонал Лутоха. – Уж не знаю, откуда вы взялись, но только ради всего святого, да хоть ради вашего Лиходея – выпустите меня из котла! Я сварюсь, ей-же-ей!

Горихвост попытался снять с чана деревянную крышку, но обнаружил, что она накрепко оплетена железными цепями, запертыми на большущий амбарный замок.

– Где ключи? – спросил он.

– Знать не знаю, – состроил жалобную гримасу юродивый.

– Потерпи, дружок! Как бы князь от меня не ушел!

Багряное корзно мелькнуло на гульбище и исчезло в двер-

ном проеме. Хлопнула неприметная дверка. Горихвост бросился к теремам, но Всеволод уже пропал из виду.

– Поторопись! Еще чуть-чуть, и масло забулькает! – крикнул вдогонку Лутоха.

Курдюм подбежал к звоннице, ухватился за цепь, привязанную к колокольному языку, и поднял такой трезвон, что заложило уши. Святочная харя с четырьмя глазами колыхалась на его голове, отчего казалось, что это обезумевший черт пляшет, дорвавшись до шумной игрушки.

– Задай им, Горюня! Порви в клочья! Не щади никого! – вопил мельник так, что голос его доносился до леса.

Звон вспугнул Хорохора, до сих пор наблюдавшего за действием с крыши терема. Ворон взлетел, спустился пониже и начал кружить, пытаясь разглядеть, кто спрятался под личиной. Горихвост с удивлением оглянулся на своего спутника, которого ни с того ни с сего обуял воинственный пыл. Курдюм колобком прыгал у звонницы, и, не переставая, орал:

– Чего мы ждем? Возьмем хоромы на щит! А после вломимся в Дикий лес и самого Дыя прирежем! Всех нечистиков до одного изведем!

Этого ворон не мог стерпеть. Он возмущенно закаркал и быстро полетел к лесу, торопясь предупредить Хозяина о готовящемся бесчинстве.

Видослав Рославич на Сторожевой башне вытянул шею, пытаясь получше разглядеть, что происходит. От этого он стал похож на цаплю, высматривающую лягушку в боло-

те. Колокольный трезвон всполошил все окрестности. Горихвост зарычал от ярости и ринулся на крыльцо княжеских хором.

Из горниц доносились шумы, как будто там переворачивали вверх дном сундуки и кидали на пол все, что под руку подвернется. Однако ставни окон, выходявших на гульбище, оставались наглухо заперты, и дверь не поддавалась, сколько вурдалак ее ни дергал. Он схватил деревянную лавку, и, орудуя ей, как тараном, начал высаживать створку.

– Выходи! Будем биться! – орал он. – Пущу кровь, вырву жилы – никого не пожалею, как ты никого не жалел!

Неожиданно дверь распахнулась, и Горихвост на полном замахе влетел в темную горницу. Свет едва сочился сквозь закрытые ставни. В пыльном мраке трудно было разглядеть что-то после яркого света. Вурдалак грохнулся на пол и выронил лавку.

Всеволод метался в дальнем углу палаты, спешно натягивая кольчугу с позолоченными пластинками на груди. У ног его валялся перевернутый сундук, из которого высыпались дорогие наряды вперемешку со шлемом, поножами и наручами. В руках князь сжимал позолоченный меч – настоящее произведение искусства. По клинку шел узор в виде стебля, на котором распускались цветы с острыми лепестками.

– Что тебе надо? Зачем явился? – спросил князь. – Ведь был у меня договор с Дьем – дикие твари не суются в мою волость, а селяне – в его лес.

– А Дедослава ты по какому договору убил? – теряя терпение, выкрикнул Горихвост. – Моих батюшку с матушкой кто велел кончить?

– Когда это случилось?

– Тому двадцать лет.

– Я и князем тогда еще не был!

– Зато брат твой был! Вот ты и решил доделать, что он не успел.

– Что можешь ты, вурдалак, знать о княжеской семье? – тяжело проговорил Всеволод, снимая со стены щит в виде перевернутой капли. – Брат со мной не советовался. Я к его делам непричастен.

– Дела твоей семьи мне и в самом деле до петушка на шатре, – наступая, сказал Горихвост. – А вот я свою семью потерял. Оставался у меня один дед – и того не стало сразу, как ты появился.

Золотой лев на червленом щите, казалось, готов был спрыгнуть и наброситься на вурдалака.

– Где твой меч? – ощерился Горихвост. – Чего не пускаешь в дело?

Однако князь не торопился использовать столь привычное оружие. Вместо этого он схватил щит за узкий конец, и, как доской, огрел вурдалака по макушке. В голове Горихвоста защебетали волшебные птички. Он отступил на шаг, сжал кулаки и прорычал:

– Ты за все мне ответишь!

В этот миг его не могли остановить ни оружие, ни преграды. Он набросился на князя, как вожак волчьей стаи набрасывается на лося. Прокусить врагу горло не удалось только потому, что тот закрывался щитом. Они покатались по полу, громыхая и путаясь в разбросанных одеждах. Горихвосту под руку попала тяжелая чаша – он принялся молотить ей противника, как молотком, однако тот продолжал закрываться щитом, время от времени нанося ответные удары.

Верхуслава, как кошка, подпрыгнула к вурдалаку сзади. Ее тонкие пальцы впились ему в горло. Дыхание сдавило так, что глаза чуть не вылезли из глазниц. Горихвост захрипел и откинулся на спину, и в этот миг Всеволод оседлал его, прижал к полу и упер в грудь острие золотого меча.

– Коли! – взвизгнула Верхуслава.

Всеволод резко всадил клинок в грудь Горихвоста. Тот почувствовал, как хрустнули ребра.

«На каком я свете? На этом, или уже на том?»

Мысли спутались так, что в них было не разобраться. В тусклом сумраке Горихвост разглядел, как золотой клинок с треском раскалывается и распадается на половины. В руке Всеволода остался жалкий обломок. Из рукояти торчали острые щепки, с которых осыпалась труха, высвеченная пробившимся сквозь ставню лучом.

– У тебя что, меч деревянный? – несмотря на отчаянное положение, Горихвост зашелся от смеха.

Его так затрясло, что он сам собой вывернулся и освободился.

дился от хватки князя. Всеволод растерянно отшатнулся и остался стоять на коленях. Горихвост схватил князя за широкую и рывком поднял в воздух.

– Полюбуйтесь! Вот он, наш игрушечный князек! – прогоготал вурдалак, показывая его Верхуславе.

– Отпусти! – слабым голосом попросила она.

– И оружие, и княжество, и сама власть твоя – всё игрушки! – торжествуя, провозгласил вурдалак. – Только преступления настоящие. Вот за них и ответишь. И если другой власти нет, и справедливого суда не дождешься, то будет тебе моя власть и мой суд!

В его руках Всеволод сразу обмяк и перестал сопротивляться. Курдюм, запыхавшись, ворвался в горницу, распахнул ставни, впустив свет, и прерывисто выкрикнул:

– Там Лутоха! Брякнулся в обморок! Еще чуть-чуть, и заживо сварится!

– Где ключ? – грозно обратился вурдалак к Верхуславе, встряхивая ее мужа.

Княгиня нашарила в куче разбросанной по полу одежды ключ от замка.

– Стереги пленных, – бросил мельнику Горихвост и поспешил на двор.

Лутоха в самом деле был уже без сознания. Его голова безвольно упала на дощатую крышку котла, под которым до сих пор тлел костерок.

– Курдюм! – выходя из себя, заорал вурдалак. – Что ж ты

костер не загасил, олух окаянный?

Он по-быстрому раскидал остатки тлеющих углей, вставил грязный ключ в ржавый замок и заскрипел, с натугой пытаясь провернуть его. Цепь падала тяжело, будто нехотя. Откинув крышку, Горихвост вытащил из нагретого масла обмякшее тело юродивого и уложил его на помост.

– Эй, ты жив еще? – с беспокойством спросил вурдалак, хлопая нищего по щекам.

Не успев открыть глаза, тот схватил его за ладонь и упрекнул:

– Хватит по морде меня лупить! Нравится тебе это, что ли?

– Ты меня напугал, – с облегчением сказал Горихвост.

– А уж меня как напугали! – приподнялся наконец оборванец.

Его хлипкое тельце дрожало, ребра выпирали, как будто под кожей не было ничего, кроме скелета.

– Вы не могли побыстрее? Я едва не сварился.

– Радуйся, что хоть так успели, – подобрел Горихвост, и на всякий случай еще разок шлепнул спасенного по осунувшемуся лицу.

Курдюм, до сих пор не снявший святочную харю, похоже, основательно вошел в роль демона из преисподней. Он грубо вытолкнул связанных князя с княгиней из горницы, спустил их по лестнице, и, нещадно пихая кулаком в спину, погнал на помост.

Обеспокоенный ворон вернулся из леса и принялся нарезать круги над его головой. Курдюм запустил в него комом земли, да так метко, что ударил в крыло и едва не перевернул птицу в воздухе. Хорохор возмущенно закаркал, обругивая хулигана на своем птичьем языке.

– Ты покаркай еще у меня, покаркай! – пригрозил ему мельник. – Мигом отправишься в чан с маслом вместо юродивого. Выйдет вкусненький вороний супчик. А уж если добавить в варево князя с княгиней, да их нерадивого сынишку – то после такой похлебки сами бесы в аду пальчики оближут!

Хорохор поперхнулся испуганным граем и взмыл повыше.

– Лети прочь! И всем расскажи, какие мы беспощадные! – завопил вслед ему мельник.

Однако ворон, похоже, уже успел донести вести до Дикого леса. Вместо того, чтобы убраться подальше, он занял позицию на шатре терема и принялся выжидать, возбужденно поблескивая черными глазками.

Горихвост, между тем, затащил князя с княгиней на деревянный помост, и добавил к ним княжича, связанного по рукам и ногам. Лутоха, не желая участвовать в святотатстве, убрался подальше и спрятался под настил. Сорвав с Всеволода корзно, вурдалак бросил его на настил и с наслаждением вытер о багряную ткань сапоги. Затем грубо, не церемонясь, стянул с князя кольчугу и, звякнув, выбросил под по-

мост. Однако стоило ему приняться за Святополка, как тот забился в его руках, принялся вырываться и истошно орать:

– Нежата! Куда подевался? На помощь!

Горихвост бросил взгляд на ворота двора, но те были заперты на засов.

– Молодец, Курдюм! – одобрил он предусмотрительность напарника.

Однако тот отреагировал неожиданно:

– Зачем ты меня назвал? Я все еще под личиной. А ты взял, и раскрыл мое имя!

Мельник бросил в пыль конопляную шевелюру, стащил с головы четырехглазую маску, и с досадой сказал:

– Деваться некуда. Теперь всех придется кончать. Иначе после меня опознают.

– Привяжи их к столбам! – приказал вурдалак.

Мельник с готовностью бросился исполнять приказ. Горихвост глазом моргнуть не успел, как его приятель опутал веревками князя, княгиню и молодого княжича. Каждому досталось по личному столбику вокруг котла, от которого веяло нагретым теплом. Закрутив для надежности хитрые узелки на путях, мельник с гордостью продемонстрировал свою работу.

– Молодчина! – похвалил Горихвост.

В его руках уже подрагивала плеть с разветвленными кожаными языками, которую Нежата заготовил, чтобы пытаться юродивого. Сам Лутоха, однако, не торопился расквитаться

со своими мучителями. Он робко выглядывал из-под помоста и тихо ныл:

– Вурдалаша, может, не надо? Кто мы такие, чтобы судить да рядить?

– Цыц! Если не помогаешь, так хоть не мешай! – рявкнул на него Горихвост.

Нищий втянул голову в плечи и спрятался в темноте. Вурдалак подступил к князю, привязанному к столбу, и сунул ему под нос копейку с обрезанными краями.

– Твоя? – спросил он.

Всеволод отвернулся.

– Что воротишь нос? У тебя, небось, серебра полон дом! Ты же князь.

– Вот и нет, – за мужа ответила Верхуслава. – Не осталось у нас денег. Нищие мы, как твой Лутоха.

– Чтобы князь, да остался без денег? – усомнился Горихвост. – Ни за что не поверю.

– Твой приятель, Видоша, позаботился о том, чтобы мы ни копейки не сохранили, – пришел жене на помощь Всеволод. – Он боится, что я найму войско.

– Наплевать мне на войско! – потерял терпение вурдалак. – Говори про убийство деда. У тебя и причина была, и возможность, и холопы твои в пыточном деле такие умельцы, каких и в столице не сыщешь. Все тропинки сошлись на тебе. Не признаешься доброй волей – запытаю до смерти, и тебя, и жену твою, и сына, и холопов, чтоб им вечно в пекле

сидеть на колу!

– Мы еще и собаку уьем! – добавил Курдюм от себя.

– Собаку? Зачем? – не понял хода его мыслей вурдалак.

– Чтоб не лаяла, – пояснил мельник.

И вправду: пес в дальнем углу двора надрывался, однако никто не позаботился спустить его с цепи, так что он только прыгал и рвался понапрасну.

– Да, верно. Всех уьем как собак, – присвоил чужую мысль Горихвост. – Ты встречался с Дедославом за день до злодейства. О чем говорил с ним?

– Тебе не понять.

– Жаль! Всё, что я не пойму, придется вытягивать пыткой, а если вдруг по какой-то случайности ты ее выдержишь, то жена твоя с сыном точно дадут слабину.

Всеволод поскрипел зубами, с ненавистью взглянул на вурдалака, и выдавил из себя:

– О дочери мы говорили.

– О какой еще дочери?

– О моей.

– Врешь! Нет у тебя дочери.

– Раньше была. Отдать пришлось.

Верхуслава всхлипнула – на глаза ее навернулась слеза.

– А мой дед тут причем?

– Он знался с нечистью, по черной книге гадал, – продолжал Всеволод. – Он мог знать, что с ней стало.

– И что?

– Сказал только, что жива и здорова.

Несмотря на отчаянное положение, Верхуслава разрыдалась в полную силу.

– А убил ты его за что?

– Да не убивал я! – безнадежно мотнул головой князь.

– Значит, слуги твои это сделали. Я и их пытать буду, пока не признаются. Но начну с тебя.

Горихвост рассек плетью воздух и с удовлетворением послушал, как свистит ветер под кожаными язычками.

– Князя нельзя плетью сечь! Это бесчестье! – пискнул изпод настила Лутоха.

– Вот и отлично. Как раз то, что нужно! – заявил Горихвост и размахнулся пошире, чтобы хлестнуть Всеволода от всей души.

Но не успели кожаные язычки с вплетенным свинцом обжечь кожу князя, как его руку перехватили.

– Кто еще там? Лутоха? Не путайся под ногами! – зарычал Горихвост.

Но это был не юродивый.

– Вот так новость! Явилась, не запылились! – пропел тонким от удивления голосом мельник.

Дрожа от бешенства, Горихвост обернулся. В его запястье впились тонкие белые пальцы – не столько сильные, сколько цепкие и приставучие. Худая фигурка под красным корзном, подбитым линялым мехом. Пронзительный взгляд голубых глаз, в этот миг потемневших от гнева. На лбу – золотой ве-

нец с сапфиром такого же цвета. За спиной – тул со стрелами и колдовским луком, а на поясе – меч, его меч, Душебор, старым дедом подаренный. И пара девчачьих косичек, на солнце выцветших до состояния сушеной соломы.

– Ярогнева! Тебя только тут не хватало! – выдохнул Горихвост.

– Отдай плеть! – приказала лесная охотница.

– Не суйся не в свое дело!

Дева выхватила меч из ножен и уперла ему в живот:

– Отступись! Еще миг – и ты превратишься в душегуба.

После этого путь один – в пекло.

Мятый кожух Звяги показался из-за амбара, скрывающего дальнюю часть ограды. Псарь суматошно запрыгал и замаhal руками, однако его сигнал предназначался не Горихвосту. Фигурка в лиловой ферязи на Сторожевой башне скрылась за высоким зубцом и больше не показывалась на глаза.

– Душегуб я или нет – не тебе судить, – пытаюсь вырвать ладонь, сказал Горихвост. – Не мешайся, когда я в одном шаге от цели.

Но дева вцепилась так, что освободить руку не удавалось.

– Не губи душу – ни свою, ни чужую, – попросила она.

– О моей душе жалеть поздно. Ее давно загубили. Отомщу за убитых – успокоюсь.

– Не тем мстишь! Одумайся! Иначе на меч насажу.

– Это мой меч! Отдай!

Воспользовавшись тем, что охотница отвлеклась на уве-

щевания, вурдалак вырвал меч из ее рук. Ярогнева отпрыгнула, хитро улыбнулась, и повела рукой, будто хотела сбросить корзно. Однако ладонь ее замерла у плеча, где полы плаща скреплялись застежкой, с которой таращился желтый змеиный глаз с черным зрачком.

– Осторожней, Горюня! Девка – ведунья. Она тебя приворожит! – воскликнул Курдюм.

– Подойди, волчок, – с коварной лаской проговорила охотница. – Одним чучелом в моей пещере станет больше.

– Сама ты чучело! – раздраженно рявкнул вурдалак. – Меня колдовством не проймешь. Я к нему с детства приучен.

– Тогда посмотри прямо в глаз этой змейке, – ведунья вытянула руку с запоной. – Забудь ярость и злобу. Забудь, как тебя звали. Опустись на колени. Покорись. Будь послушным волчонком.

Горихвост вдруг почувствовал, что ему стало легко и приятно. Он как будто впал в детство. Какими чудесными были времена, когда можно было носиться по полю среди цветов. Нет забот, нет тяжких мыслей – есть только веселье и радость, яркое солнце, и бездонное небо над головой...

– На колени... – шептал голос ведуньи.

«В самом деле, чего я стою? Так набегался – пора и отдохнуть».

Горихвост присел, недоумевая, почему это не пришло ему в голову раньше.

– Брось меч, – проникал в душу голос.

«Фу, какая неприятная железка! О нее же порезаться можно. Чего я ее схватил? Что мне вообще было надо?»

Рукоять с зеленым камнем выскользнула из его ладони, клинок вонзился в дощатый помост.

– Горюня, очнись! – донесся издали голос Курдюма. – Не поддавайся чарам!

«Какие же это чары? Чары – там, где страх, боль и злоба. А тут свет и тепло. Возвращаться не хочется. Хочется лечь и уснуть».

Горихвост растянулся на досках и уставился в небо, затянутое серыми облаками.

«И чего Курдюм так суетится? Пора и ему уgomониться. Вон, как скачет вокруг этой милой красавицы. Наверное, тоже почуял, как она хороша. Помогает ей скинуть с плеч корзину. Расстегнуть запону с этим глубоким, манящим змеиным глазом... Снять пояс с мечом, который теперь никому не нужен... Ой, нет, не отворачивай от меня этот глаз! Я хочу смотреть в него еще и еще! Друг Курдюм, так нельзя! Ты все испортишь! Ну вот, опять!»

Шум и суматошные крики прорезали его слух. Мельник отнимал у охотницы корзину с пристегнутым оберегом, отчего глаз перестал смотреть в душу.

– Отстань! Проткну, жирный боров! – с негодованием орала охотница, тыча в мельника Душебором.

– Хозяин, похоже, мы вовремя! – раздался твякующий голос Звяги.

Горихвост даже оглядываться на него не стал. Псарь появился со стороны дыры в тыне, однако на этот раз он был не один. Рядом с ним высилась громоздкая фигура боярина Видослава Рославича в лиловой ферязи с волочащимися рукавами. Подбородок Видоши лишь немного возвышался над краем помоста, а серые глазки бегали по сторонам и стреляли очумелыми искорками.

Звяга и без указаний понял, что делать. Он подобрал длинную цепь с замком, оставшуюся от котла, взмахнул ей, и одним ловким броском обмотал ее вокруг красных сапог Ярогневы. Всего один раз понадобилось дернуть цепь, чтобы сбить девушку с ног. Лесная охотница грохнулась навзничь, меч выскользнул у нее из рук, венец с самоцветом упал со лба и зазвенел по помосту.

Курдюм мигом сиганул к ней, схватил меч и сорвал с девы пояс, на котором болтались ножны. Подняв в руке Душебор, он победоносно воскликнул:

– У меня волховской меч! Будет теперь мне удача!

Ярогнева пришла в себя и потянулась к луку. Мельник взвизгнул, ударил ее по руке и заорал Горихвосту:

– Ей нельзя верить!

Он схватил лук и с такой силой переломил его о колено, что тот хрустнул. Однако Курдюму и этого было мало. Он набросился на обломки и принялся кромсать их, пока и тетива, и стрелы не превратились в ошметки. За луком последовал и оберег, сорванный с корзна. Остро наточенный Ду-

шебор раздробил желтый камень и расколочил черный зрачок.

– Вот тебе, злая сила! Получи! Что, не нравится? – не мог уgomониться Курдюм, превращая остатки Змеиного глаза в мелкое крошево.

Только убедившись, что от колдовского оружия ничего не осталось, он вытер со лба пот и с облегчением проговорил:

– Хвала небесам, теперь эти гадости нам не страшны. А меч я себе оставлю. Не возражаешь?

Но Горихвосту в этот миг было не до него. Подбежав, он схватил деву за плечи и принялся трясти, крича:

– Кто тебя подослал? Дый? Что он велел? Убить меня? Выдать Маре? Говори!

Ярогнева безвольно содрогалась в его руках, даже не пытаясь обороняться.

– Делай со мной все, что хочешь, волчище! Только не трогай моего отца с матерью!

– С какой стати я стану их трогать? – опешил Горихвост. – Дый, положим, мог бы со мной обойтись и помягче. А твоей матери я и вовсе не знаю.

– Отпусти князя с княгиней. И сына их, Святополка, – слабо прошептала девушка.

Ее тонкая косичка щекотала ладонь Горихвоста. Осеннее солнце выглянуло из-за тучи и заиграло блестками на слезах, покотившихся по щекам крупными градинами. Ветер пытался утащить корзну, валяющееся на помосте, но его не пускал Курдюм, топчущий знатную одежду с остервенением жерно-

ва, перемальвающего зерно.

– А они тут причем? – Горихвост заглянул в голубые глаза, в которых ярость атаки сменилась стеснением и болью. – Какое тебе до них дело?

Курдюм с удовольствием вытер ноги о золотистого сокола, сжавшего в когтях дубовую ветвь. Корзно как корзно – такое же, как у князя, только старое и маленькое, будто детское. Глаза – голубые, пронзительные, как у княгини. Щеки – розовые, чуть припухлые, как у княжича.

Горихвост поднял голову над помостом и крикнул Всеволоду, трущемуся спиной о столб:

– Про какую такую дочь ты спрашивал у Дедослава, когда приходил к нему перед убийством?

– У Святополка была сестра-близняшка, – нехотя отозвался князь. – Когда Дый заключал со мной договор, то потребовал отдать в заложники сына. Но боярская дума не согласилась отпустить наследника. Пришлось пожертвовать дочерью.

– И как звали твою дочь? – спросил Горихвост.

Он уже догадался, каким будет ответ.

– Ярогнева, – за мужа ответила Верхуслава.

Лесная охотница разрыдалась и вскарабкалась на помост.

– Яська! – радостно выкрикнул Святополк. – А я ее первым узнал.

Ярогнева бросилась ему на плечи, хотя он и не смог обнять ее в ответ.

– Доченька! Неужели это ты? Как выросла! – не могла поверить глазам Верхуслава.

Дева обняла мать и повисла на шее у Всеволода.

– Вы тут что, надо мной издеваетесь? – вышел из себя Горихвост. – Разжалобить меня вздумали? Вся семейка – сплошные предатели! Хорошо, что все здесь собрались. Щас всех разом под корень и вырву!

– Покроши их, Горюня! – поддержал Курдюм. – Только девку оставь. А то мало ли что Дый подумает.

– Повремени! – Видослав стоял поодаль вместе со Звягой и приближаться не торопился.

– Что еще?

– Меня тут быть не должно. Выжди, пока я удалюсь, и делай, что хочешь.

– Ступай, Видослав Рославич. Ты мне знатно помог. А за дело не беспокойся – вурдалачий суд будет скорым.

Боярин поспешил к дальнему углу двора, за которым скрывалась дыра в тыне. Псарь задержался на миг, чтобы подобрать драгоценный венец, упавший со лба лесной девы, и поторопился прочь, пока находку не отняли.

– Подлый изменник! – закричал ему вслед Всеволод. – Я как увидел тебя – сразу понял, чей это заговор.

– Поздно вопить, Всеволод Ростиславич, – ухмыльнулся Видоша, едва обернувшись. – Прежде был ты великим князем, а теперь от тебя только и осталось, что корзно с порха-

ющей пташкой.

– Нет, постой! – взревел Всеволод. – Если ты напустил на меня эту дикую тварь, то останься и сам посмотри, как она задерет меня вместе с наследником княжеского стола и невинной девой, которую я принес в жертву, лишь бы нечистая сила моих подданных не донимала.

– Нечего тут смотреть, – буркнул Видоша. – Меня не должны видеть на месте убийства.

– Эй ты, волк! – заорал Всеволод. – Дай меч! Дай что хочешь, хоть палку. Только развяжи и позволь лично сразиться с изменником.

– Мне нет дела до ваших господских распрей! – рявкнул Горихвост так, что Курдюм испугался и отскочил. – Собачьтесь между собой, сколько душе угодно. Но сначала ты, князь, мне признаешься, что убил деда. А чтобы язык тебе развязать, я сделаю с тобой то же, что ты собирался с юродивым сделать. Эй, Курдюм! Разводи костерок под котлом. Кипяти масло. Посмотрим, вкусны ли из князя щи.

Мельник с готовностью полез под столбы, чтобы собрать дрова, раскиданные Лутохой.

– Ты и девушку сваришь? – хмуро спросил князь.

– Нет, – сказал Горихвост, взбираясь на помост. – Она – беззащитная жертва в твоих играх с Дьем. Без лука и Змеиного глаза она не опасна. Я ее отпускаю.

Мельник оторопело высунулся из-под помоста.

– Ступай! – бросил вурдалак Ярогневе. – Скажи Дью, что

я зла на него не держу, хоть он и предал меня. И на лесных братьев обиды у меня нет. Все мы делаем, что должны. Я должен воздать по заслугам за деда. А там – будь, что будет. Запомнила? Уходи!

– Нет! – сверкнула глазами дева. – Я только что нашла отца с матерью, а ты хочешь отнять их?

Она сделала к Горихвосту решительный шаг. Слезы на ее щеках высохли, тонкие брови упрямо сошлись на переносице. Курдюм метнулся к ней, подхватил под локоток и зашептал на ушко:

– Тебе лучше уйти, девонька! Не зли волка. Пойдем, я тебя провожу.

Но охотница с гневом оттолкнула мельника и приблизилась к Горихвосту настолько, что тот ощутил ее дыхание.

– Ты затеял не суд, а расправу! – сказала она, поднявшись на цыпочки.

– Я казнию за вину, – хмуро возразил он.

– На суде у ответчика должна быть защита. Кто его защищает?

– Хочешь – ты защищай, – осклабился вурдалак.

– Тогда слушай! – схватила его дева двумя руками, как будто боясь, что он сбежит. – Был у моего батюшки закадычный дружок, Буриной, из славянского племени вагров. Двадцать лет верой и правдой служил вятичам, кровь за них проливал, славился, как воевода. Не было у отца более близкого друга-сподвижника. Только с возрастом люди меняются. По-

менялся и Буривой. Начал томиться по собственной власти. Должность служилого воеводы перестала его прельщать. Изменил он отцу, подговорил злых бояр и устроил переворот. Батюшку выгнал, а себя провозгласил царем.

– Отродясь не бывало царей в вятичах, – не удержался от восклицания Всеволод.

– Народ бы его прогнал, – продолжила Ярогнева, – да поддержали измену бояре – такие, как твой приятель Видоша.

Лиловая ферязь Видослава Рославича уже скрылась было за деревянными клетями. Однако едва послышалось его имя, как он вновь появился и с перекошенным от волнения лицом зашагал обратно, взметая длинными рукавами дворовую пыль. Звяга, прячущий за полой кожуха золоченый венец, трусил за ним, как преданный пес.

– Видоша – боярин мелкий и худородный, – с презрением поддержала дочку Верхуслава. – Я его с малых лет помню. Все хотел выслужиться, да знатнейшие слуги его наперед себя не пускали. И вот подвернулся случай. Злыдни советовали Буривою от моего мужа избавиться, да только он не решался – уж больно народ своего князя любил. А Видоша спит и видит, как бы выслужить должность думного головы. Вот он и насоветовал господину сослать князя с глаз подальше, на самый край света. Мало ли, что там случится. Сгинет князь – и концы в воду. Никто ничего не видал. И тут ты, зверь, ему подвернулся.

– Чем тебе не угодил мой отец? – заглянула в лицо Яро-

гнева.

– Он приказал перерезать мою семью. Мои собственные отец с матерью – Тихомир и Брусница – погибли от княжеских слуг.

– Это случилось еще до того, как я родилась?

– Да!

– Мой отец не мог этого приказать. Тогда княжил не он, а его старший брат Изяслав.

– Какая мне разница! Что один князек, что другой – одна шатия-братия.

– Но мой батюшка сам не правит. Он тут в ссылке. Видоша за ним надзирает.

Горихвост растерянно оглянулся на боярина, который подбежал, запыхавшись, и теперь не находил слов, чтобы обрушиться с отповедью на речь Ярогневы.

– Ты думал, Видоша – слуга? – надела на Горихвоста охотница. – Какой ты наивный! Боярин – тюремщик. Он смотрит за всеми с вершины Сторожевой башни. Оставил отца без копейки – боялся, что батюшка наймет войско и двинется на столицу, чтобы отвоевать свой престол.

– Откуда ты все это знаешь? – ошеломленно спросил Горихвост.

– Ветры Дикого леса напели, – сказала охотница. – Работлепствовать и лебезить наш воевода умеет, этого ему не занимать. А сам отобрал у князя оружие. Заставил ходить с деревянным мечом, как мальчишку. Кто стерпит такое оскорб-

ление?

– Это правда, Видослав Рославич? – обратился к боярину Горихвост.

– Правда сложнее, чем ты можешь представить, – отрывисто бросил тот. – Не верь ей. Девка хочет тебя охмурить.

– У батюшки не было причин убивать Дедослава, – Ярогнева вела речь так, будто во всем мире они остались вдвоем. – Он под строгим надзором. Выйти с господского двора незамеченным невозможно. С башни хоромы видны как на ладони. Вот Видоша увидел, что я пришла – тут же явился. Подсматривает день и ночь. Тут и шагу не ступишь, чтоб он не углядел.

– Как мне не верить боярину? – не сдавался Горихвост. – Он – единственный из начальных людей, кто помог мне. Что ж теперь, отплатить ему черной неблагодарностью?

Ярогнева взяла его за руку и заглянула в глаза:

– Видоша запутал тебя. Ему главное – убить князя, чтобы выслужиться перед Буривоем. Сделать это своей рукой он не может – народ не простит, тут же поднимется. А тут ему будто подарок на именины. Прибегает Курдюм и лопочет, что вурдалак ищет виновного в гибели деда. Представь радость боярина: натравить тебя на противника – князя нет, а его руки чисты. Кто виновен? Нечистая сила! Весь народный гнев падает на Лесного царя. Мужики мстят Дикому лесу, вырубают под корень, выжигают до пустоши. Видошиной вотчине – новые пашни и пастбища, одна прибыль. Но самое

главное – Буриной за такую услугу даст ему место боярского головы, что сидит в думе и всеми повелевает. Вот о чем твой боярин мечтает! Ты – всего лишь наемный убийца, к тому же бесплатный и добровольный.

– Никакой я не убийца! – оттолкнул Горихвост ее руку.

– Разве? А кого ты хотел убить вместе с женой, сыном и слугами?

– Хватит слушать эту бесовскую ложь! – вышел из себя Видослав. – Неужели ты веришь, Горюня, что я мог так поступить с тобой?

– погоди, Видослав Рославич. У нас суд, а на суде затыкать рот защите не принято, – остановил его Горихвост. – Правильно ли я тебя понял, княжна? Твой отец, Всеволод Ростиславич, моих родителей не убивал, и слуг к ним подослать не мог? Здесь он в ссылке, ничем не правит, и никакой причины для расправы с Дедославом у него не нашлось?

Ярогнева согласно кивала.

– Ах, как ловко эта лесная колдунья зубы тебе заговаривает! – Видоша приблизился и затряс свисающими рукавами. – Не слушай ее! Вспомни: ты – дикий зверь! Не щади никого! Отомсти за обиду! Посмотри на них: это овцы, а ты – волк в овчарне. Настоящий волк не уйдет, пока всех овец не перережет!

Ярогнева оттолкнула боярина и погладила Горихвоста:

– Ты не волк. Ты такой же человек, как и все. Слушай только свой разум – он подскажет тебе верный выход.

Разве эти глаза могут врать? Дева заглядывала ему в лицо с такой искренностью, что Горихвост не устоял.

– Я не знаю, кто прав, – растерянно произнес он.

– Горюня, не поддавайся колдовским чарам! – предупредил Курдюм. – Видослав Рославич – знатный боярин, а эта девка явилась из леса, где тебя приговорили. У нее одна цель – заманить тебя в ловушку и скормить Маре. Поверишь ей – пропадешь!

– Если решишь убить батюшку с матушкой, то убей меня первой, – Ярогнева охватила грудь Горихвоста и прижалась к нему.

Ее плечи подрагивали, концы косичек взметались, тонкие уши покраснелись.

– Что скажешь, князь? – обратился Горихвост к Всеволоду.

– Может, я и ошибался, полагаясь на верных людей, – произнес Всеволод. – Но твоего деда я не трогал, и слугам своим не приказывал. А к гибели твоих отца с матерью я и вовсе не мог приложить руку – в ту пору я жил за морем, и сам подвергался опасности.

– Кто ж виновен тогда?

– А спроси у дружка своего, у Видоши. Вот расправился бы ты со мной, убил бы жену мою, сына с дочерью, после – слуг. А что дальше? Гулять, как ни в чем не бывало? Думаешь, у Видоши не было на твой счет задней мысли? Убийство князя – преступление, о котором всей земле станет извест-

но. А ему нужно в сторонке остаться, следы за собой замести. Вот и спроси: зачем Звяга тебя караулил? Зачем сидел с длинным ножом за забором и ждал, пока ты всех порешишь?

– Клевета! – взвизгнул Видоша, отступая подальше. – Горислав Тихомирович, не слушай наветов!

– В самом деле, псать! – глаза Горихвоста начали наливаться яростью. – Почему ты сидел за забором? Чего ждал?

– Совсем сбрендил! – всплеснул рукавами Видоша. – Звяга, быстро уходим! Сегодня не наш день.

Псать ощерился на Горихвоста, но дерзить не решился, и затрусил за господином. Однако Ярогнева не дала боярину уйти. Она прыгнула на него сзади, как рысь, вцепилась в лиловую ферязь и заголосила:

– Куда? Вздумал сбежать? Нет, сначала ответишь за заговор!

Но Видоша уже сбросил личину добропорядочного вельможи. Он распахнул полу ферязи и открыл ножны, в которых пряталась сабля.

– Раз вурдалак не закончил дела, так я сам вас в расход пущу, – прошипел он и надвинулся на Ярогневу.

Горихвост испугался. Впервые с того часа, как он явился в деревню, чтобы посмотреть на убитого деда, он испытывал страх, от которого внутренности перевернулись. Только страх этот был не за себя. Ярогнева! Ее голубые глаза. Ее тоненькая фигурка. Две косички, взметнувшиеся от борьбы, и лицо, искаженное страстью, и от того еще более милое...

– На половинки тебя разметаю! – взревел Видослав, заносясь над ней саблю.

Горихвост бросился на боярина, схватил его за руку и начал вырывать саблю.

– Обворожила его чертова девка! – всплеснул руками Курдюм, прижавшийся к запертым воротам, за которыми слышался гомон толпы.

Горихвост почти завладел саблей, как вдруг мощный удар сзади сбил его с ног и повалил носом в траву. Звяга! Такого опасного врага нельзя оставлять за спиной.

Псарь вывернул ему руки назад и скрутил цепью. Горихвост почувствовал, как захрустели суставы в плечах. Холодные звенья обмотали запястья так, что не пошевелиться, а Звяга уже перекинул цепь ему через шею, натянул сзади и начал душить, приговаривая:

– Пес всегда травит волка. Так и я тебя затравлю!

– А ну, прочь! – Ярогнева столкнула его с Горихвоста, но ее тут же схватил Видослав, выкрикнув:

– Раз ты княжна, то тебе же хуже. Мой господин будет мне благодарен, если я всю княжескую семью под самый корень подрежу.

Горихвост перевернулся на спину, но встать не успел. Звяга поставил ему колено на грудь и придавил к земле. Ловко выудив нож-засапожник из-за голенища, он поднес лезвие к горлу поверженного и злобно сказал:

– Как я ждал этого часа! Барин велел потерпеть: не кон-

чать тебя раньше, чем ты загрызешь князя с семейкой. Говорил я ему, что надежда на тебя плохая, что ты ни на что не годишься и в нужный миг подведешь. Только он в тебя верил, думал, что ты сделаешь, как он замыслил. Вот и вышло по моему. Я тебя сам прирежу, но сначала располосую волчью шкуру. Где она? Признавайся!

– На-ка, выкуси! – ни с того ни с сего разошелся Курдюм. – Мы звериную длаку припрятали, а где – ни за что не скажу!

Звяга метнул в него острый взгляд, но оставить лежащего Горихвоста не решился. А Курдюм между тем вытащил из скоб длинный засов, на который запирались ворота, и широко распахнул створки, крича:

– Заходи, народ! Бей изменников! Князю нужна ваша помощь!

Горихвост краем глаза увидел, что за воротами собралась целая толпа возбужденных селян. Предводительствовал ей Нежата, вооруженный дубиной. Воропай суетился рядом и истошно вопил:

– Порадеем за князя! Вызволим из беды!

Валуй первым ворвался во двор, потрясая своим молотом. За ним ринулись Жихарь с Пятуней, Головач и Шумило, и даже Щеробор с костылем заковылял за всеми, пусть и самым последним.

Видослав выпустил Ярогневу, которая отчаянно вырывалась и пыталась его укусить. Звяга занес нож над Горихвостом, но охотница так пихнула его сапожком, что выбила нож

из руки. Закряхтев от досады, Звяга вскочил и бросился догонять своего господина, уже улепетывающего со всех ног в дальний угол двора, к дыре, что таилась за клетями.

– Держи изменников! – потрясая дубиной, взвопил Нежата.

Толпа ринулась за боярином и псарем. Ярогнева распутала цепь на руках Горихвоста, заглянула в глаза и спросила:

– Ты цел?

Горихвост хотел ответить каким-нибудь храбрым, лихим словцом, но не нашелся и только осклабился. А девушка уже бросила его и понеслась на помост, где до сих пор изнывали Всеволод, Верхуслава и Святополк. Тут и пришелся кстати засапожник Звяги – он оказался наточен, как бритва, и вмиг перерезал узлы, с таким старанием навораченные Курдюмом.

Князь прижал Ярогневу к груди и спросил:

– Неужели это и вправду ты, моя дочь?

– Это я, батюшка! – тихо ответила дева.

Верхуслава налетела на нее, как голубица, обняла, и отчаянно разрыдалась. Лутоха вылез наконец из-под помоста. Его рожа до того извозилась в золе, что он стал похож на черта больше, чем Курдюм.

Запыхавшийся Нежата подбежал к клубку, в который сплелись обнявшиеся Всеволод, Верхуслава, Ярогнева и Святополк, покрутился за их спинами, улучил момент и доложил:

– Не сердись, Всеволод Ростиславич. Улизнул переветник.

И псарь вместе с ним. Больно ловкими оказались.

– Пусть их пьяный бес потрошит, – отмахнулся князь.

Семейное торжество попытался разделить даже ворон. Он сел на плечо Ярогневе, но его так прижали, что едва не помяли крыло.

– Как же так? – Курдюм встал посреди двора и гордо воздел ввысь сверкающий Душебор. – Мы упустим злодея? Не бывать тому! Сейчас же пойдем, и возьмем башню приступом!

– Верно! Все вместе пойдем! – подхватил Воропай, возвращающийся от тына с безудержным деревенским воинством.

Горихвост отвел Ярогневу в сторонку, заглянул в ее голубые глаза, принявшие чистый, невинный вид, и сказал:

– Так вот ты какая, лесная охотница. Была царевной, стала княжной. Твой новый титул на ступеньку пониже. Не жаль терять?

– Ничего я не потеряла. Я свою семью нашла.

– А что скажет Дый?

– Он поймет. Он с самого начала знал, что придется меня отпустить.

Глава 12. Опричник

– Эй, голубки! Вы чего там уединились? – закричал Горихвосту с Ярогневой Курдюм. – Хватит ворковать. У нас важное дело.

Вурдалак оторвал взгляд от глаз девушки. Вслед за возбужденными мужиками на княжеский двор ворвалась толпа баб, и вскоре вокруг помоста с опустевшими столбами собралось все село.

– Покончить с Видошей! Сторожевую башню взять приступом! – вскарабкавшись на крышку котла, голосил Курдюм.

– Эк, как тебя понесло, – крикнул в кулачок староста Воропай. – Ты ж с воеводой дружбу водил.

– Между мельником и боярином не может быть дружбы, – рванул ворот рубахи Курдюм. – Обманул он меня. А теперь мои очи раскрылись. Пусть ответит за заговор, за злоумышленье против князя, и за то, что играл нами, как куклами.

– Но мы так и не доискались до того, кто убил Дедослава, – не унимался въедливый староста.

Шум разом смолк. Все призадумались.

– А чего тут раздумывать? Видоша и убил! – навис над народом Курдюм.

– А Злобу Кривую Шапку кто растерзал? Тоже Видоша? –

с издевкой спросил Воропай.

Все посмотрели на Горихвоста. Почувствовав на себе взгляды, тот смутился, и неловко потер щетину на подбородке. Княжеская дочь взяла его за руку, выражая доверие.

– Злобу тоже Видоша прикончил! – без тени сомнений заявил Курдюм.

– Это еще почему? – продолжал спорить с ним Воропай.

– Смекни сам, – нашелся мельник. – После гибели Злобы вся наша волость осталась ничейной за вымором прежних владельцев. Вот Видоша и приобрел ее по дешевке. Кому еще придет в голову покупать землю на краю Дикого леса? А ему – новая вотчинка, и почти забесплатно.

– Не мог Злобу Видоша убить, – возразил князь. – Покуда прежний хозяин здесь жил, Видоши тут не было.

– Бросьте! – разразился смехом Курдюм. – У боярина руки – длиннее, чем рукава его ферязи. Думаете, он не нашел доброхотов, которые бы ему подсобили?

– Что скажет честной народ? – громко спросил князь у толпы.

– Выходит, виноват боярин. Кругом виноват, – ответил за всех Воропай.

– Ведь говорил же я, говорил: Видоша – главный злоумышленник! – обиженно заявил старый кметь. – Никто не слушал, все только смеялись.

– Так пойдем и накажем его! – возвысил голос Курдюм, с такой воинственностью потрясающий Душебором, что нель-

зя было не поддаться на его призыв.

Народ хлынул к воротам, не дожидаясь, пока раскачается князь.

– Эй, погодите! Куда вы? Вооружиться сначала надоть! – пытался остановить их Нежата, но селян было не удержать.

Толпа вырвалась с княжеского двора и понеслась к Сторожевой башне, угрюмым серым великаном возвышающейся над окрестностями. Курдюм первым перемахнул через плетень, которым был огорожен боярский двор.

– Злодеев не щадить! Рубить головы! – воинствовал он.

Народ повалил плетень и волной хлынул к башне.

– Становитесь кругом! Цепью держитесь! – орал Нежата, войдя в роль главного знатока воинского ремесла.

Воропай с важным видом занял место напротив входа. Головач, Жихарь с Пятуней, Валуй и Шумило выстроились, перекрывая осажденным пути отхода.

– Ой, а что это? – спросила, приблизившись, Ярогнева.

Горихвост задрал голову и увидел, что над смотровой площадкой раздувается парус, сшитый из двух шелковых полотнищ. Ветер надувал между ними зазор и тянул ввысь, норовя утащить в дальнюю даль.

– Быстрее! – занервничал вурдалак. – Разбойник готовится улизнуть!

– Не улизнет, – заверил Нежата, проверяя оцепление. – Мужики башню со всех сторон окружили. Тут и мышь не проскочит.

– Вот пень! – махнул на него рукой Горихвост. – Нужно схватить боярина прежде, чем он улетит.

Лесная охотница тоже не понимала, как можно улететь с окруженной башни. Терялся в догадках и князь. Он с удивлением рассматривал взметнувшееся полотно и недоумевал.

– Зачем ему парус? Он что, плыть куда-то собрался?

– Выпускай псов! – скомандовал с башни Видоша.

Звяга распахнул двери псарни. На двор выкатилась лающая, прыгающая, толкающаяся свора собак во главе с выжлицей Борзухой, которая, недолго думая, тяпнула за ногу конюха.

– Ай! – завизжал Коняй, пытаясь убраться подальше.

Однако спрятаться от шерстистой волны, затопившей двор, было негде. Хуже всего пришлось неповоротливому Щербору, приковылявшему на костыле. Псы чуть было не опрокинули его навзничь, после чего от трактирщика наверняка остались бы только клочья. Однако на этот раз костыль его спас: орудуя им, как дубиной, кружальник принялся отбиваться. Сразу несколько собак заскулили, попав под его удары.

– Бей их! – сообразил Горихвост.

– Чем бить-то? Коноплей, что ли? – отозвался Нежата.

В самом деле: конопля на боярском дворе валялось, хоть отбавляй, а вот ничего твердого под руку не попадалось. Селяне принялись разбежаться. Уже Головач взвыл, пытаясь повязать укусы остатками разодранной штанины, уже принялся

отступать Жихарь, которому не помогала даже его коротенькая кочерга, а псы все кусались и наседали.

– Неужели собаки нас остановят? – в досаде воскликнула Ярогнева.

Горихвост презрительно скривил губы:

– Собаки боятся палки. Страх перед палкой у пса в крови, как у холопа – перед господским кнутом. Покажи им, кто хозяин.

Он вытащил из плетня кривую жердь и протянул ее деве. Та с трудом удержала ее на весу. Горихвост вооружился сам и пришел ей на помощь:

– Не стесняйся. Они сами знают, когда отскочить.

И он огрел, не скупясь, Борзуху, которая уже подбиралась к его сапогу. Выжлица взвизгнула и отпрянула.

– Беги ко мне! Получи еще! – звал ее вурдалак, однако собака оказалась умнее.

Схлопотав еще пару ударов, она перемахнула через плетень и скрылась в густом коноплянике. Лишившись предводительницы, свора бросилась врассыпную. Всего за несколько мгновений двор расчистился, и только укушенный Коняй никак не мог успокоиться, носился с жердью и вопил, как оглашенный:

– Вот вам, звери смердящие! Сам всех вас перекусаю!

Звяга успел вернуться к единственной дверце, через которую можно было попасть в башню, и теперь пытался закрыть ее, навалившись на створку всем телом. Горихвост сжал в

руках жердь и метнулся на лестницу. Курдюм бросился за ним, однако добежать до входа можно было, только миновав несколько пролетов.

– Запрутся – сто лет их не выкурим! – крикнул князь.

Горихвост запустил жердь, как копье. Она отбросила псаря в темноту, застряла в дверном проеме и не позволила створке хлопнуться. Ярогнева уже догоняла, но вурдалак не мог ей позволить первой столкнуться с опасностью, и полез в узкую щель.

– Стойте! Меня подождите! – заголосил снизу Курдюм.

Не успели глаза привыкнуть к сумраку, стоявшему внутри башни, как Горихвоста ожег хлесткий удар цепью, прилетевшей из темноты.

– Звяга! Ты здесь? Покажись! – выкрикнул он, и сразу же получил новый удар.

Курдюм, как назло, застрял в узком проходе. Его пухлые тела не пролезали в дверь, так и не распахнувшуюся до конца. Ярогнева, пыхтя и ругаясь, пыталась втащить его, с треском разрывая добротную ткань мятля.

Цепь зазвенела у лесенки, ведущей на верхний этаж. Горихвост взбежал по ступеням и оказался в хозяйских покоях. Тут не нужно было блуждать впотьмах: свет свободно лился через расширенные бойницы, выходящие на все стороны света. Лучи солнца красили в розовый цвет балдахин из тонкого шелка, устроенный над широкой кроватью. Но веселее всего блики плясали на гранях булав и палиц, развешанных

поверх ковров. Скалясь по-собачьи, Звяга уже надвигался на вурдалака.

– Ну, где твой засапожник? – спросил Горихвост.

– На этот раз у меня кое-что понадежней, – ответил псарь и показал ослоп – дубину, утыканную гвоздями.

Горихвосту попался под руку бочонок с вином, приготовленный к трапезе. Он метнул его Звяге в голову, надеясь если не поразить противника, то хотя бы остановить нападение. Псарь отмахнулся и так двинул по бочонку дубиной, что тот раскололся. Черемуховый обруч лопнул, и вино пенной волной окатило псаря с ног до головы. Горихвост обмакнул палец в лужицу, стекшую на пол, облизнул и одобрил:

– Неплохое вино. Дорогое, заморское.

– Не для тебя приготовлено! Волку только из луж лакать, – рассердился псарь и пошел в атаку.

Вурдалак перемахнул через широкую боярскую постель и оказался у стенки, между медвежьим чучелом и коврами, на которых блестело оружие.

– Тут я тебя и прикончу! – повеселел Звяга, решив, что загнал зверя в ловушку.

Горихвост обнаружил, что зажат в углу. Между ним и псарем оставалась только боярская постель с сорванным балдахином. Он рванул ее и поставил на попа, загоразживаясь, как дверью. Удар ослопа пришелся по мягкой перине, набитой лебяжьим пухом. Гвозди разодрали обивку и выпустили целое облако белого пуха, который окутал псаря и облепил его

голову, мокрую от сладкого вина. Но Звяга не думал останавливаться. Он так навалился на кровать плечом, что Горихвосту пришлось отступить. Кровать вместе с псарем рухнула на пол и подломилась.

Вурдалак схватил подушку, набросился сверху и принялся душить его, прижимая к доскам. Тот захрипел, и нестриженными ногтями впился в тончайшую наволочку, на которой боярин изволил почивать по воскресеньям. Ткань затрещала, и ворох нежнейшего пуха взметнулся такой густой тучей, что заволок все вокруг. Щекочущие перья набились и в ноздри, и в рот. Голова пса превратилась в сплошной белый ком, как у снежной бабы, которую лепят зимой.

Горихвост подобрал огниво, выпавшее из поставца, и ударил кремнем о кресало. Сноп ярких искр упал на пушинки, однако огонь оказался слишком слабым, чтобы поджечь их. Звяга почти перестал видеть сквозь пух, но ослеп в его руках продолжал оставаться смертельным оружием.

Вурдалак отскочил, и сорвал со стены «Утреннюю звезду», которой так гордился хозяин башни. Тяжелый шар на железной цепи так заехал псарю по плечу, что тот выронил дубину.

– Вот и пришла хана песику, – сообщил Горихвост, выгадывая, откуда удобней к нему подступить. – Как ни лай, а волк пса задерет.

– Сколько волков уже псыими косточками подавилось! – возразил Звяга, слепо щурясь сквозь перья.

– Песик в ловушке, – ласково вымолвил Горихвост, выцеливая противника. – Если будет кусаться – мы ему зубки повыдергаем.

– Я на своем дворе, ты – на чужом, – опять возразил псарь. – Что бывает с волками, залезшими в господский дом?

Горихвост изготовился и обрушил на врага новый удар. Однако псарь успел спасти голову и нырнуть под дубовый стол. Ладони вспотели, сжимая длинную рукоять «звезды». Ее шар раз за разом обрушивался на столешницу, превращая ее в щепы. Псарь ужом извивался, но деваться ему было некуда.

– Где ты там? Выползай! – орал Горихвост, пьянея от ощущения близкой победы.

Он наклонился, чтобы посмотреть, в какой угол забился Звяга, и тут же получил в лицо такой тычок каблуком, что упал на спину и выпустил оружие. Псарь вырвал «звезду» из его рук и вскричал:

– А теперь кто кого загрызет?

Горихвост начал пятиться, не вставая, но уперся спиной в стену. Ладони утонули в куче пуха, разметавшегося по палате.

– Тут и сказке конец, – заключил Звяга, и занес над ним шар на цепи.

– А не хочешь ли огоньку? – выкрикнул Горихвост, и с такой силой чиркнул кремнем о кресало, что сноп искр мгновенно воспламенил пух, настырно лезущий во все щели.

Пламя ударило Звяге в лицо. Тот отпрянул, но Горихвост, не давая опомниться, собрал ворох горящих хлопьев и швырнул его во врага. Пушинки, облепившие плечи и голову Звяги, вспыхнули, будто этого только и ждали. Объятый пламенем псарь заорал и завертел головой. Ладонями он попытался сбить огненные языки, но только размазал крепленое вино по лицу.

– Что там у вас? – обеспокоенно закричал с башни Видосла. – Звяга, удержи их на пару мгновений. Я почти готов!

– Твоему песику не до службы! Лови горячее облачко! – огорчил боярина вурдалак.

Полыхающий псарь вырвался и понесся наверх, на смотровую площадку, где свежий ветер мог его охладить. Горихвост взлетел по ступеням за ним вслед. Смотровая площадка, открытая всем ветрам, встретила его шумом воздушных потоков, гуляющих между зубцами, и гулкими хлопками полотнища, готового к взлету.

Видослав Рославич стоял на краю парапета и лихорадочно пристегивался ремнями к кожаной люльке, подвешенной к летучему крылу. Ветер раздувал сшитые полотнища и норовил утянуть их к небесам.

– Удержи его хоть на миг! – закричал боярин слуге, увидев ворвавшегося вурдалака.

Но Звяге в этот миг было не до хозяина. Вместо того, чтобы остудить пламя, ветер раздул его еще больше. Псарь повалился на каменный пол и судорожно задергался. Огонь пре-

вращал облепивший его белый пух в горелые ошметки, бьющие в ноздри запахом паленой кожи.

Горихвост перепрыгнул через вопящего псаря и устремился к боярину, но в этот миг Звяга протянул руку и дернул его за сапог. Вурдалак споткнулся и грохнулся на жесткие камни.

– Горюня, ты цел? – зазвенел сзади девичий голос.

На площадку выбралась Ярогнева. За ней выкатился Курдюм в рваном мягле, после вылезли Всеволод, Святополк, Нежата, и даже Воропай, не желающий отставать от воинствующего начальства. Лесная дева склонилась над расprostертым вурдалаком.

– Видоша! Уйдет! – зарычал Горихвост.

– Схвачу! Мигом! – откликнулся мельник, и ринулся к парапету, размахивая Душебором.

Нежата и Всеволод задержались, чтобы сбить остатки пламени с корчащегося псаря.

– Стой! – крикнул Курдюм, подбегая к Видоше и грозя ему мечом.

Губы боярина растянулись в высокомерной усмешке.

– Копошиться в земле, черви навозные, – произнес он и спрыгнул с уступа.

Кожаная люлька повисла на натянутых стропях. Ветер взметнул парус ввысь и понес его над долиной.

– Как же так? Упустили? – задохнулся от бессилия Горихвост.

– Еще нет! – завопил Курдюм, прыгнул следом и уцепился за длинную ленту, хвостом волочащуюся за парусом.

Хвост, приделанный для равновесия, как к воздушному змею, натянулся под тяжестью мельника. Парус перекосялся и начал заваливаться набок.

– Сейчас рухнет! – затаив дыхание, произнесла Ярогнева.

Однако Видоше удалось выровнять крыло и удержать его в полете. Полотнище лишь накренилось, отчего курс изменился: вместо того, чтобы лететь на северо-восток, к Красной слободе, его потянуло на юг, к Дикому лесу.

Вурдалак поднялся и подвел деву к краю площадки. Сбив с пса ря пламя, к нему присоединились Всеволод, Нежата и Воропай.

– И далеко они так улетят? – с сомнением спросил князь, глядя, как играют трепещущим парусом порывы ветра.

– Куда там! Вот-вот грохнутся. Крыло двоих не потянет, – заверил его старый кметь.

Вцепившийся в хвост Курдюм орал и размахивал Душебором, но полотнище мелькало уже над лесом, и его крики едва доносились.

– На волоске висит, – взяв Горихвоста за руку, произнесла Ярогнева.

– Сорвется и разобьется, – почесал голову Воропай.

– Смотреть не могу! – Горихвост отвернулся.

Всего несколько минут потребовалось летучему крылу, чтобы добраться до Туманной поляны, над которой вздыма-

лось Древо миров. Бело-синее полотнище утонуло в облачной пелене, и лишь изредка проглядывало в просветы.

– Смотрите, Видоша готовится прыгнуть! – заметила Ярогнева.

В самом деле: лиловая ферьязь боярина отделилась от люльки и понеслась вниз. Горихвост мотнул головой, но успел разглядеть только, как она скрылась за густой стеной сосен.

– Чтоб его разметало по кочкам! – с чувством пожелал кметь.

– А Курдюм-то, Курдюм! Что ж он медлит? Нужно прыгивать, пока его в дышучую гору не затянуло, – обеспокоился князь.

– Прыгай, не то пропадешь! – закричал Горихвост, сложив ладони трубкой.

– Прыгай! – на разные голоса подхватили товарищи.

Но Курдюм улетел уже так далеко, что не мог слышать криков. С высоты башни было видно, как он беспомощно болтается на хвосте, пытаясь выровнять полет и не дать крылу унести его к Змеиной горе, над которой курятся зловещие клубы дыма. Однако что мог сделать маленький человечек, которым ветер играл, как соринкой?

Парус перелетел через лес и понесся над жерлом вулкана. Из подземной утробы выскочил язык черной гари, как будто гора поджидала добычу, и теперь вознамерилась проглотить ее. Светлое полотнище пропало из виду.

Ярогнева застыла. Горихвост взвыл и закрыл ладонями лицо. Вокруг повисла гнетущая тишина.

– Что видать-то? – нарушил безмолвие Всеволод.

– А чего там глядеть? – отозвался Нежата. – Свалился наш мельник в дышущее жерло и утонул в огне. Врагу не пожелаешь такой страшной смерти.

– Вечная ему память, – горестно вздохнул князь.

– Хоть и прижимистый был мужичок, а все же село не могло без него обойтись, – добавил Воропай.

Горихвост оторвал от лица ладони. Ярогнева погладила его по плечу и тихонько проговорила:

– У тебя глаза на мокром месте. Впервые такое вижу.

– У меня не было лучшего друга, чем Курдюм, – хрипло сказал вурдалак. – Даже не знаю, чем я, страшила лесной, заслужил его приязнь.

Смотреть на связанного и обожженного Звягу Горихвост не захотел, а вот Нежата сделал свое дело с удовольствием: за шкуру стащил пса в разгромленные боярские покои, поставил на колени, и, сняв со стены широкий палаш, занес над шеей поверженного, выражая полную готовность немедленно оставить его без головы.

– Признавайся! – велел князь, выбирая из коллекции оружие, приличествующее его высокому статусу.

– В чем? – хмуро спросил псарь.

– Во всем, – коротко бросил князь.

Звяга помедлил, и нехотя заговорил:

– Хозяин велел проводить утром мельника и вурдалака на твой двор, да так, чтоб меня самого не заметили. Никому на глаза не показываться – посторонние не должны знать, что хозяин тут как-то замешан. Дождаться, пока вурдалак убьет князя с семейкой и слугами...

При этих словах глаза Ярогневны сверкнули, а Святополк сжал кулаки и едва не набросился на псаря – Нежата решительно, хотя и мягко сдержал его.

– А после, – продолжал псарь, – прикончить и самого вурдалака, и свидетелей, если такие окажутся рядом.

– А что дальше? – Всеволод выбрал наконец посеребряный пернач, с шумом рассек воздух и примерился, удобно ли будет тюкнуть ребрышком по темечку пленника.

– Дальше боярин сам явится и всем скажет, что князя убила нечистая сила, а он, Видослав Рославич, тут же и отмстил. И в доказательство предъявит бездыханного вурдалака с дружкой.

– Он это сам придумал, или ему кто подсказал? – строго спросил князь.

– Откуда мне знать? Боярин перед псарем свои мысли не станет раскладывать, – ощерился Звяга.

– Что с ним делать? – спросил кметь, всеми движениями намекая, что готов прямо сейчас отрубить псарю голову.

– Сохранить как свидетеля, – вымолвил Всеволод.

Нежата состроил разочарованную гримасу.

– Он понадобится для суда над Видошей. У того самого есть хозяин – вот кто главный зачинщик.

– В подвале башни – темница, – подсказала Ярогнева. – Там стены глухие – не ускользнешь.

– Вот и отлично, – решил князь. – Я ценю твое рвение, Нежата, но уж ты постарайся, дружок, чтобы псарь дожид до суда. Иначе Видошу не обличить.

Лицо кметя изобразило всю глубину понимания, на которую тот был способен:

– Нежто мы не понимаем, Всеволод Ростиславич? Пусть только попробует очокуриться прежде срока – я с него шкуру сниму и псам выдам на растерзание!

Горихвост с облегчением выбрался из затхлой башни и глотнул свежего воздуха. Селяне, собравшиеся на дворе плотной кучкой, разразились восторженными криками и бросились навстречу.

– Да ладно вам... что вы... я едва дров не наломал, – зашмушался вурдалак.

Однако Пятуня и Жихарь пронесли мимо и схватили под локотки вышедшего вслед Всеволода, которому и предназначались приветствия. Князь принял их с достоинством, подобающим истинному владыке. Посеребренный пернач в его деснице сулил грозу мировым силам зла.

Воропай отвел Горихвоста в сторонку, вытер шапкой пот со лба и проговорил:

– Хорошо, что ты удержался и бед не наделал. А то народ

начал уже судачить, что повторяется Бешеная ночь.

– Что за бешеная ночь? – удивился Горихвост.

– Как же! Весной прошлого года в одну ночь пропали Шутиха и Злоба Кривая Шапка, а после них в омуте завелась водяница, как будто и без нее не хватало напастей. Вот селяне с тех пор и боятся деньков, когда нечистая сила гуляет.

– Так это все в один день произошло?

– В одну ночь! – заверил староста. – Ты уж это, Горюня, постарайся такого не повторять. Хочешь жить, как все люди – тогда и сам будь человеком. Не торопись кусать первого встречного. Селянам спокойная жизнь нужна, а не драки и костоломство.

– Пока убийца не пойман – спокойной жизни не будет, – возразил Горихвост.

– Как же его поймать, если ты чуть что – сразу драть и калечить. Этак, пока ты до настоящего вора дойдешь, на селе и в живых никого не останется.

Воропай похлопал его по плечу и оставил в глубоком раздумье среди двора, на виду у честного народа, празднующего победу.

Как хорошо очутиться в господских хоромаш после всех встрясок и переживаний! Да еще, когда тебя потчует ее светлость княжна, вступающая в права хозяйки этого дворца. Вот, значит, что это такое – чувствовать себя человеком...

Горихвост развежился на лавке в просторной, добротной

обставленной горнице, и промурлыкал:

– Посмотри на меня! Я тебе нравлюсь?

Ярогнева взглянула ему в лицо и от души расхохоталась:

– Ты хоть в зеркало поглядишь! У тебя рожа – как перезрелая груша. Как будто ее неделю по земле валяли, да еще корова сверху копытами потоптала. Кто тебя так отделал?

– Нашлись желающие, – помрачнел Горихвост. – Ты, кстати, тоже приложила свои нежные пальчики.

– Ой, а мы прямо обиделись, – передразнила дева.

– Я не обидчивый, – с достоинством возразил Горихвост.

– Давай-ка я тебя подлечу, – предложила она. – У меня с собой жив-трава. Прямо с Туманной поляны. Сама собирала.

В ее сумочке, перекинутой через гашник, и в самом деле нашлась целая россыпь лечебных трав. Только какое лекарство сравнится с волшебным цветком, впитавшим силу земли, солнца и месяца?

Горихвост послушно дождался, пока дева сварит ведовской отвар. Затем пришлось подождать, пока он остынет и превратится в целебную мазь. И только потом он блаженно зажмурился и подставил лицо под умелые пальцы охотницы, которая явно знала толк в травной волшебстве.

– Как ловко у тебя получается! – придумал он наконец, как польстить девушке.

– Не разевай пасть! А то наглотаешься! – приказала она.

Пришлось замолчать и оставить попытки развеселить ее.

Зато на следующее утро, глядя в ковшик с водой, Горихвост не узнал себя. Со дна ему улыбался во всю ширь помолодевший красавчик, без единого синяка и царапинки. Только щетиной зарос сильно. И зубы кривые. А так очень даже ничо.

Горихвост вспомнил глаза Ярогневы, прикосновение ее пальцев, и улыбка на глупой роже расплзлась до ушей.

«Ой! А вдруг кто-то увидит, что я улыбаюсь ковшу? За дурака посчитают. Хотя чего мне стесняться? Я дикая тварь из дремучего леса. Умниками нас и так никто не считает».

18 вересня

– Кто бы знал, что в мою думу войдет вурдалак! – поприветствовал гостя князь Всеволод.

Горихвост с шумом ввалился в гридницу – просторный зал между двумя половинами господских хором, через который тянулся длинный стол с чашами для вина. На лавках, покрытых коврами, уже сидели Святополк, Верхуслава, Нежата и даже Коняй. Воропай, сильно стесняясь, жался у самого уголка, а вот Горихвост без церемоний сел к князю поближе.

– Да, дума уже не та, – крикнул Нежата в кулак.

Верхуслава оглядела собравшихся и рассмеялась.

– Чего звали-то? – скрывая неловкость, спросил Горихвост.

– Новости есть. Дикого леса касаются, – проговорил князь. – Посиди, послушай. Может, что посоветуешь.

Ярогнева вошла, сияя новеньким корзном, на этот раз не маленьким и потертым, а широким, с пушистым меховым подбоем. Одно осталось неизменным на этом знаке княжеской власти – золотой сокол поверх багряной парчи, сжавший в когтях ветку с тремя желудями. Горихвост взглянул на раскрасневшееся лицо девы, и испытал прилив нежности.

«Что со мной? Почти тридцать лет прожил, а раньше такого не чувствовал. В лесу девок не встретишь, одни дикие твари шныряют. Хорошо еще, если простые звери, а то у нас чаще – лешии да упыри. А тут сюрприз: охотница, что готова была продырявить мне шкуру, стала вдруг дорогой, так что хочется сгрести ее в охапку и утащить в свое логово. Или просто прижаться лицом к ее щекам, и ловить ее дыхание...»

Бр-р-р! Вурдалак вытряхнул из головы наваждение.

– Ну как, видела Дыя? – спросил Всеволод.

– Видела, батюшка! – защebetала княжна, усаживаясь на лавку напротив Горихвоста. – Обрывки летучего крыла нашли у самого края огненного жерла. От мельника и следа не осталось. Ой, прости, вурдалашик!

Горихвост сжал зубы. Ярогнева погладила его по руке, извиняясь за собственную бестактность. Верхуслава заметила этот жест дочери и едва заметно покачала головой.

– А вот Видоша успел спрыгнуть раньше, – оживилась охотница. – Помял траву на Туманной поляне, а после делся невесть куда. Видно, в чаще решил схорониться.

– Дый разрешил нам устроить облаву? – забыв о чинах,

высунулся Нежата.

– Нет, он настаивает на том, что договор все еще действует, – погрузилась охотница.

– Скажи главное – он тебя отпускает? – подняла на нее глаза мать.

– Я ему рассказала, что встретила матушку с батюшкой, – смущаясь, вымолвила Ярогнева. – Может, он и согласится меня отпустить. Но только если вы заключите новый договор, на этот раз без заложницы.

– Чего он хочет? – нахмурился Всеволод.

– Того же самого. Однако прежде сохранность договора держалась на мне и на Дедославе-волхве, хранителе черной книги. Теперь волхва нет, черная книга пропала, да еще и заложница домой возвращается. Кто поручится, что никто договор не нарушит? Нужны послухи. А еще лучше – заключить его всем миром, при полном стечении народа и лесной братии, чтобы никто не смог отговориться, будто не слышал или не знал. Пусть сельский мир сам и станет таким поручителем. А по рукам ударить нужно в особенном месте – на Змеиной горе. Клятвы, данные там, нарушить никто не посмеет.

Верхуслава посмотрела с надеждой на мужа.

– Соглашайся на все, лишь бы дочку вернуть, – тихо проговорила она.

Всеволод уткнул взгляд в притихшего вурдалака и с нажимом спросил:

– Что думаешь, Горислав-волк?

– Чего тут думать? – развел Горихвост руками. – Я не такая важная особь, чтобы вести речи от имени леса. У меня должность маленькая – знай себе, охраняй Древо миров. Если царь требует нового договора – значит, жми ему руку. А твоим слугам в наших чащобах и вправду лучше не появляться. Поверь: гиблое это место.

– Хорошо, дочь, – обратился Всеволод к Ярогневе. – Передай Дью, что мы встретимся и ударим с ним по рукам. Пусть только назначит день. И будь добра, проследи, чтобы нечистая сила нас не надула.

– Не переживай, батюшка! – Ярогнева обняла отца так горячо, что Горихвост позавидовал князю. – Я Лесного царя много лет знаю. Уж если он дал слово – так будет держать.

– А как же Видоша? – не дал им закончить Нежата. – Нельзя же его без наказания оставить.

– Вот тут я согласен! – встрял Горихвост. – У меня к нему свой счет.

– Очень я беспокоюсь, – сказала княгиня мужу. – Если твой бывший дружок Буриной подослал своего прихлебателя, чтобы с нами расправиться, то может, он что-то еще удушает? Как знать, не явится ли новый убийца?

Нежата так резко ударил по столу кулаком, что зазвенели чаши.

– Пошли вестового по городам и весям, – предложила княгиня. – Пусть соберет верных людей. Они не дадут про-

пасть своему князю.

– Пошли меня! – вскочил с места Нежата. – Я не просто людей соберу – я целое войско приведу. Народ как узнает, что князю грозит беда – так за тебя, Всеволод Ростиславич, вся земля разом встанет.

– Нет! – взяла его за руку Верхуслава. – Ты наш единственный сторож. Вернее тебя никого нет. Мое сердце за мужа спокойно, только когда ты рядом.

Кметь размяк от такого негаданного изъявления чувств.

– Вон, Коняя пошлите, – втихаря ухмыльнувшись, предложил Горихвост.

Конюх задрогал ногами от неожиданности. Верхуслава с сомнением оглядела его и сказала:

– Ты, Коняша, не обижайся, но таких разгильдяев еще поискать. Нужен кто-нибудь понадежней.

Конюх сделал вид, будто расстроился, хотя на довольной роже читалось: «фу, пронесло!»

– Может, мне сбегать? – спросил Горихвост. – Я как длаку накину, так по хорошей дороге за ночь сорок верст пробегу.

Тут засмеялись все разом.

– Уж если тебя в Грязной Хмари встречали дубиной да коромыслом, то представь, как встретят в Красной слободе, а то и на Середи Мира-города, – подсказала Ярогнева.

Святополк, давно уже сидевший, как на иголках, не выдержал и вскочил:

– Отец! Матушка! Хватит за недоросля меня держать. Я

давно готов к службе. Отпустите меня. Только мне, княжичу, люди поверят.

Верхуслава схватилась за сердце. Однако Всеволод неожиданно поддержал сына:

– Я в тебя верю, Святоша! Ты и впрямь уже взрослый. Твоя сестра стала самостоятельной в Диком лесу. Пора и тебе приниматься за дело.

– Пусть отправится для начала в Лобынск, – дрожащим голосом выговорила княгиня. – Там мой батюшка, Держимир Верховодович, закрылся от гнева царя Буривого.

– Верно! – согласился Всеволод. – Ступай к деду. Он знатный боярин и опытный воевода – лучше нас знает, что делать. Столько лет думу боярскую в кулаке держал, никому не давал спуска. А теперь хвородный Видоша метит на его место. Ох, и зол должен быть на него мой тесть! Представляю, с каким удовольствием он поквитается!

И Всеволод от души рассмеялся.

– На рассвете поеду. К вечеру буду уже в Слободе, а еще через день – в Лобынске, – рвался Святоша.

На выходе Горихвост ухватил за рукав Ярогневу и шепнул:

– Хочешь, ягодкой угощу?

– Где ты ее возьмешь? – игриво спросила княжна.

– Я знаю полянку у речки – там ягоды спелые, как твои губки.

– До моих губок тебе век тянуться, – поддразнила княжна.

– Так придешь? – ничего не понял вурдалак.
Хитрая охотница лишь расхохоталась в ответ.

19 вересня

Проводить Святополка собралось все село, несмотря на рассветный час. Небо осталось пасмурным, словно прикрывая княжича мягкими сумерками. Коняй подвел ему поджарого вороного жеребца, так и рвущегося пуститься вскачь. Верхуслава не выдержала и всплакнула, отпуская сына.

– Мама, я давно уже не ребенок, – сказал он, прощаясь.

Его багряное корзно, почти такое же, как у Всеволода, замелькало на дороге, ведущей к Красной слободе. Народ долго не расходился, все горестно вздыхали и тревожились за судьбу княжича, отправившегося в такой опасный путь.

– А ты не боишься за брата? – спросил Горихвост у Ярогневы.

– Чего бояться? Если он нашего рода, то дорога сделает его еще крепче. Покажи-ка мне лучше полянку, что давеча обещал.

Горихвост опешил от неожиданности, но взял себя в руки и потащил деву на берег, к устью Змейки, где маленькая речушка впадала в Шерну.

– Мы же у самого омута! – изумилась княжна. – А водяница тебя не пугает? Говорят, она здесь обитает.

– Еще б не пугаться! – воскликнул Горихвост. – От одной

мысли трясет.

Дева рассмеялась – как будто серебро зазвенело.

– Деревенские тоже пугаются, – продолжил он. – Даже скотину на выпас сюда не гоняют. От того тут брусника растет в полную величину. Рвать ее некому, кроме нас. А ну-ка, открой ротик! Я тебя покормлю!

– Я и сама покормлюсь, – заверила княжна, срывая сочную ягоду. – Чего звал-то? Может, сказать что хотел?

– Конечно! – Горихвост неожиданно расхрабрился. – Хотел сказать, что млею, когда лучи солнца падают на твои золотые косы. Сердце тает, когда ты улыбаешься, и душа радуется, когда ты смеешься!

– Ой, да ты прямо певец! В Волчьих дебрях все такие?

– В Волчьих дебрях никто, кроме меня, не живет. Там сплошной бурелом – не подобраться.

– А Видоша не мог через них перелезть?

– Если только он черт. Потому что в них даже черт ногу сломит.

– Как здорово! Со сломанной ногой он от нас не убежит, – заметила дева, расстилая на траве новое корзно и садясь, как на ковер.

На этот раз пришел черед Горихвоста смеяться.

– Думаешь, правда Видоша во всем виноват? – спросил он.

– Кто же еще? – отозвалась охотница. – Ты и сам слышал: Звяга сознался, что боярин твоими руками хотел моего ба-

тюшку извести. Если бы это случилось, я бы тебе не простила.

– И что бы ты сделала?

Дева нахмурилась и прикусила сорванный стебелек:

– Сняла б с тебя шкуру. И даже думать не стала бы, хороший ты или плохой. Что, обиделся?

– Чего тут обижаться? Было бы по-другому, вряд ли б ты мне приглянулась.

– А я тебе приглянулась? – повеселела дева.

– Что толку об этом судачить? У тебя свой путь, княжеский. У меня свой – лесной.

– Но я ведь тоже из леса, – обиженно протянула княжна, как будто Горихвост не принимал ее за свою.

– Теперь все пойдет по-другому, – сказал он. – Тебя ждет большое будущее. А меня ждет Миростол. Мне б вернуться к нему. Вот только с убийцами расквитаюсь.

Где-то у омута послышался всплеск воды.

– Ой! Водяница играет, – забеспокоилась Ярогнева.

– Может, и водяница. А может, и сом плещется. Мне Курдюм сказывал, что она из воды не выходит. Правда, может на дно утянуть, если к самому берегу подойти.

– Так пойдем и посмотрим! Боишься? – проверила его дева.

Горихвосту до ужаса не хотелось пытаться судьбу в этот ранний час, когда солнце начинает разгонять тучки и заливать луга теплыми лучами. Однако не мог же он показать девуш-

ке, что ему страшно. Разумеется, он не просто приблизился к берегу, а еще и вошел в воду, вымочив сапоги.

Плеск раздался еще явственней, как будто сом затревожился и резко нырнул.

– Не ходи туда! Я же шучу! – Ярогнева сама испугалась и потянула его обратно.

– Может, я искупаться захотел, – гордо продемонстрировал он свой нрав.

– Эта водяница какая-то странная. Ни с кем не общается, будто чужая.

– Тебе не холодно? – спросил Горихвост, пользуясь тем, что осеннее утро и впрямь было не жарким.

Дева взглянула на него и ничего не ответила. Он решился и обнял ее тонкие плечи. Она не противилась.

– Это правда, что птица напела тебе скорую гибель? – спросила она, слегка повернув изящную шею.

Ее лицо оказалось так близко, что Горихвост едва удержался, чтобы не сделать... чего-нибудь... ну а что тут обычно делают? В Волчьих дебрях такому не учат.

– Мне кто только гибели не пророчил, – утаив чувства, ответил он.

– Вещие птицы прилетают из рая. Оттуда все видно, – тревожно сказала она.

– Если все видно, то пусть скажут, кто убил деда. Я бы так не суетился.

– Выходит, до правды ты так и не доискался?

– Я нашел кучу правд, а какая из них настоящая – бес знает.

Горихвост поднялся, размял ноги, и заговорил:

– Перво-наперво я решил, что из лесных братьев злодейства не мог совершить никто. Уж больно строго Дый следит за тем, чтобы нежить не выходила за опушку. Кроме нежити, в лесу только я, ты, да Хорохор, чтоб ему своим карканьем подавиться.

Мысли так увлекли его, что он перестал трогать девушку и принялся расхаживать взад-вперед по речной гальке.

– Воропай обмолвился, что случилась в прошлом году «бешеная ночь». Неизвестный растерзал прежнего барина, Злобу Кривую Шапку. В ту же ночь в омуте невесть откуда завелась водяница и утянула на дно Шутиху. Никто не ведает, отчего эти беды в раз произошли. Может, звезды на небе так сошлись. Есть у меня подозрения, что эти события как-то связаны между собой. Только пока не пойму, как. И убийство моего деда за ними следует, только с разницей в год.

– Как ты узнал о потере?

– Утром Хорохор разнес весть, что Дедослава не стало. Я его уже пять лет не видел, а тут вдруг такая новость! Я даже отпрашиваться у Дыя не стал – заявился в деревню, как был. В избе, где я родился, народу – не протолкнуться. Зеваки толпой стоят, князя в угол затерли. Нежата один как петух квохчет – строит из себя следопыта. Осмотрел я тело покойного. Вижу: пытали его нещадно, а за что – непонятно.

То ли черную книгу искали, то ли слово хотели выведать, которым она отпирается.

– А что это за слово? – полюбопытствовала Ярогнева.

– В том-то и дело! Сам не знаю, – хлопнул ладонями Горихвост. – Дед когда-то сказал, что это слово все время со мной, только я этой загадки не разгадал. Попытки были ужасные, изуверские. Мужики думают: бес ворожил. В конце деда пристукнули чем-то тяжелым.

– Может, камнем?

– Не нашел я там камня. Видно, было оружие, которое убийца с собой утащил. Что-то вроде молота или клевца, какой раньше носил с собой Злоба. Барин этим клевцом дорожил, а после его гибели тот пропал, как сквозь землю.

– Постой! – вдруг схватила его Ярогнева. – А это не мог быть сам Злоба? Что, если барина не убили? Ведь тело Злобы было так обезображено, что...

– Нет, нет! – прервал ее Горихвост. – Тело Злобы мужики опознали. Это точно был он, и никто другой. А вот наградное оружие исчезло вместе со свиткой и той самой шапкой. И знаешь: точно в такой же свитке, и в свисающем колпаке, был тот призрак, что огрел меня чем-то тяжелым, когда я прятался в коноплянике от облавы. Этого призрака видел перед избой Пятуня в самую ночь убийства. Ох, чую: пахнет тут следом, только не ясно, куда он ведет.

– А что рассказал Пятуня?

– Примерно то же, что Воропай, Щеробор и все осталь-

ные, кто собрался в ту ночь в кабаке поиграть в шахматешки. Вся честная компания вместе с Жихарем, Нежатой и Коняем засиделась за полночь. Перед сумерками к ней присоединился Лутоха, который и снял со стола девять копеек, что ходили по кругу. Вместо того, чтобы запрятать серебро в кубышку, юродивый тут же его растратил. Три копейки отдал Воропаю в уплату долга, да за Кровавую чару, которая ему приглянулась. Еще три копейки получил Щеробор за угощение, которое Лутоха готовил, чтобы подманить вещую птицу. Получили по копейке Коняй и Нежата, а последнюю он выбросил в этот вот самый омут. Думал, что водяница безобразничать перестанет. Эти копейки оказались единственными на селе. Ни у Видоши, ни даже у князя других не нашлось.

– Еще бы! Тюремщик Видоша у моего батюшки все кошелечки обчистил, – подтвердила Ярогнева. – Видно, боялся восстания, а может, сразу задумывал лиходейство.

– Важно то, что одну из этих копеек я нашел на месте убийства, – глаза Горихвоста лихорадочно блестели. – Ее оставили в уплату бесу за нечистый обряд. Вот она, до сих пор у меня!

Он показал деве почерневшую монетку с обрезанными краями.

– Тут-то я и смекнул: у кого денежки не достанет, тот и есть злодей!

– Нашел? – затаила дыхание Ярогнева.

– Нет! – хлопнул себя Горихвост. – Щеробор показал все три денежки, которыми с ним расплатился юродивый. Сам он в тот вечер вообще ногу вывихнул и не мог никуда пойти. Его старостиха Духаня лечила, а ее на мякине не проведешь. Показали мне свои деньги Воропай и Нежата с Коняем. Все нашли для меня по монете!

– А Лутоха?

– У него денежек не осталось, если только он не врет, и на самом деле свою выкинул в омут.

– А не может быть так, что Лутоха соврал? – осторожно спросила Ярогнева.

– Вот поэтому я и начал с него, – приблизился к ней Горихвост. – И не один я грешил на юродивого. Умник Нежата тоже его обвинил. Я опросил Лутоху, и весьма тщательно. Только я с ним подружился, как явилась ты, свет очей моих!

Ярогнева смущенно улыбнулась:

– Что ж ты не ждал меня? Сам сказал, что я тебе глянулась.

– Если чего-то и ждал я, так это спокойных дней, да видать, мне жить в покое и радости не судьба. Хорошо, что Лутоха успел рассказать про Кровавую чару, которую я с детства помню. Дед откопал ее с Душебором на Змеиной горе. А всплыла она вдруг у Воропая. Я подумал: ну, Воропай, ну, хитрый кулак! Деда ограбил, колдовскую чару унес. А черная книга тебе зачем? Застал я его у колодца, искупал, остудил. Он стал как шелковый и рассказал что уже после убий-

ства искал в избе Дедослава черную книгу, да ничего не нашел. Зато в ночь злодеяния дважды видел, как кто-то крадется. Первый раз это был Коняй – Воропай его разглядел, и случилось это за час до убийства. Второй раз – уже после, и на этот раз татя он не опознал. Тот скинул с ног обмотки, что пахли жженой коноплей, и выбросил их подальше.

– Зачем татя это сделал?

– О, тут он схитрил! – Горихвост остановился и поднял вверх палец. – Догадался, что псы могут его след взять. Вот и скинул старые, вонючие обмотки, а взамен чистые намотал. Так и ушел. Видать, опытный вор, иначе я по следу к нему быстро пришел бы.

– А по старым нельзя было его опознать? Сунул псу в нос, он их хозяина и облает.

– Воропай, вишь, простец, из брезгливости утопил их в Поганой луже. Так и пропала улика. Все три копейки он мне предъявил и поклялся, что других нет. Мог ли он быть тем злодеем, что будил змея в Рогатой веже? Вполне мог. А вот мог ли он ошеломить меня в коноплянике? Тут загвоздка. Я его видел среди загонщиков. Не сомневаюсь, что охотники шкуру б с меня спустили, если б поймали. Но он был в их числе, а значит, тот призрак – не он.

Впрочем, я видел среди загонщиков не только его, но и многих других: к примеру, Валуя с его молотком. Кузнец, стало быть, отпадает.

Какая связь между призраком и убийцей – это вопрос до

сих пор не решенный. Ясно только, что призрак расхаживает в одежде покойного Злобы. Поймать бы его и спросить обо всем. Только как его взять? Он же призрак...

После многих мытарств, что принесли мне лишь шишки да синяки, добрался я до боярина Видослава. Видоша суеверен, как и многие в наших краях. Если ему что нагадали – верит безоговорочно. Как только он обустроился в Сторожевой башне, так сразу пошел навестить волхва, молва о котором разошлась далеко окрест. Но предсказание книги ему не понравилось. Лютая гибель от злого чудища – как услышишь такое, так карачун хватит. Говорят, что боярин осерчал не на шутку. Грозился вырвать колдуну язык и бросить на съедение псам.

И воплотить этот замысел ему проще простого. Между Сторожевой башней и избой деда – сплошной конопляник. Еще дальше – лесная опушка, куда ни один поселянин в здравом уме не полезет. Нырнул в заросли – только тебя и видели. Где был Видоша в ту ночь, чем занимался – этого вообще никто не скажет. Боярин и сам колдуна мог прикончить – вон он какой, с саблей не растается, того и гляди, всем подряд головы начнет сечь. И псаря своего мог послать. Звяга давно уже перестал грязное дело от чистого отличать. С башни село – как на ладони, а самих их никто не видит. Могли они пытаться жертву? Еще как! Черную книгу боярин мог умыкнуть, чтоб отвести от себя предсказание. И в довершение: Видоша у нас – конопляный король, а на месте убийства

как раз коноплей пахло. Ох, сгустились над боярином тучи!

Разговор с ним навел на меня смуту. Он ведь прежде благоволил мне, хоть я и не догадывался, чего ради. Только сейчас я прочувствовал, какими льстивыми были его речи. Все обвинения он сразу отмел. Сам первый о деле заговорил, и все объяснил.

Коноплю он растит для царя Буриvoja, который поручил ему оснастить пенькой ладьи. Сам не курит и другим не советует. Ночами из башни никуда не выходит – боится нечистой силы.

– Тут он прав. Попадись нашим – не спустят, – заметила Ярогнева.

– Я ему и поверил! Про ссору с дедом сказал, что погорячился попервоначалу, да после остыл и признал, что колдун ему пользу принес: предупредил об опасности. И Нежатинову неприязнь объяснил, и свое серебро показал. Но главное: так ловко дал мне понять, будто князь – источник всех бед, что мне показалось, словно мысль моя собственная, а не внушенная. А за свои мысли каждый держится крепко. Вот я и вбил себе в голову, что твой батюшка виноват.

Ярогнева перестала жевать травинку. Лицо ее приняло весьма воинственный вид. Вурдалак залюбовался.

– Благодарствую тебе, моя душенька, за то, что от греха меня уберегла, – искренне произнес он. – Едва не прикончил я всю княжескую семейку, боярину на радость. Мог ли Видоша быть тем самым призраком? Вполне мог. А мог ли он

в Рогатой веже будить змея? И тут ответ: да! Смерть прежнего барина Злобы ему только на пользу пошла. Он его вотчину к рукам прибрал. А если еще и нечистую силу из леса повывести – то будет ему такое раздолье, какое ни одному столичному богачу не светило.

– Давай-ка итог подведем, – предложила охотница. – Злодей должен был незамеченным, ночью, пробраться в избу Дедослава. Он довольно силен и умел, чтобы подвесить жертву под матицу и пытаться ее. У него есть причуды: дышал коноплей, хотя в наших краях за этим занятием никого, вроде, не замечали. Сделав дело, добрался до Поганой лужи, где переобулся и был таков. Зачем-то ему понадобилась черная книга, причем заветного слова к ней он не знал. И у него оказалась одна из копеек, которые выиграл в тот вечер Лутоха.

– Все верно! Ты умница!

От избытка чувств Горихвост сжал деву в объятьях, но тут же смутился, отпустил ее и отодвинулся подальше, чтобы она его не боялась. Ярогнева наморщила носик в насмешку.

– Да еще по ночам шастает призрак в одежде убитого Злобы. Клевец смахивает на орудие, каким оглушили деда. Этот призрак пытался разбудить змея в Рогатой веже, – добавил он.

– Похоже, все сходится на Видоше, – заключила охотница.

– Хорошо, если так. А то у меня ум за разум зашел, – пожаловался Горихвост. – Ладно еще, что пса-Звягу мы положили и заточили в его собственной башне. Но значит ли это,

что виновен Видоша? Ведь я с ним уже говорил, и вины его не доказал. Звяга тоже об убийствах ничего не сказал, хотя его песенка спета, и он своим песьим умом должен смекнуть: теперь самое время переметнуться на верную сторону. И начать лучше с раскаяния. Что же он медлит? Почему не умоляет князя простить его? Может, ему и каяться не в чем?

– Как бы это проверить? – потерялась Ярогнева в догадках.

– Давай-ка прикинем. Итак, у деда умыкнули черную книгу. Незнакомец читал ее на Змеиной горе, отчего змей заворочался и едва не проснулся. Что было надо злодею? На алтаре, где я застал его, в незапамятные времена приносили дев в жертву змеюке. Всего одна капля крови – и чудище пробудится. Пошевелил я мозгами, и вывел: злодей готовит обряд. А для него нужны чара, алтарь, меч, но главное – кровь благородной девы.

Ярогнева смотрела ему в глаза, не понимая, к чему он клонит.

– Подумай сама: есть ли в нашей деревне благородные девы? Кто у нас тут вообще благородный? Кулак Воропай? Пень Пятуня? Печник Жихарь с его кочергой?

– А Злоба Кривая Шапка? Тот был не просто боярином, а прославленным воеводой.

– Верно. Но его уже нет. Кроме Злобы – боярин Видоша. Но не станет же он сам себя приносить в жертву. А еще – князь с княгиней. Только матушка твоя уж не дева, а женка,

прости меня за прямоту.

Ярогнева потупилась.

– Кто у нас остается? – задал вопрос Горихвост.

– Кто? – отозвалась она.

– А ты не догадалась?

– Вроде, ты всех пересчитал.

Горихвост расхохотался.

– Какая же ты недогада! Ты и есть благородная дева. Ты по крови княжна. И Лесной царь тебя пестовал, будто родную дочь. Задумай злодей вновь, после многих лет, повторить обряд – лучшей жертвы ему не придумать.

– Пусть приходит. Тогда и решим, кто охотник, а кто его жертва, – заявила девушка.

– Ух, как наша княжна горяча! – поддел ее Горихвост. – Но мысль ты уловила верно. Злодей явится за тобой. Мимо никак не пройдет.

– Вот и отлично! Я его буду ждать. Поймаем на живца, и ему будет не отвертеться. Кто заявится – тот и есть лиходей. Как ты думаешь, кем он окажется?

– Выбор у нас невелик. Я грешил на Лутоху, Воропая, Коня, Нежату. Потом на Видошу, и на твоего батюшку, еще раз прости за него. Пока нет доказательств, что все они невиновны.

– Что гадать? Под прямым подозрением Видоша. Он в бегах. Он умышлял уморить моего батюшку. Он же грозился убить Дедослава за зловещее предсказание. Разыщем его –

разом снимем вопросы.

– Только где его искать? – возразил Горихвост. – Места у нас дикие. Вокруг на десятки верст – чащи, дебри, болота. В них не то, что один человек – в них табун лошадей сгинет так, что не сыщешь.

– Ты же сам сказал – злодей мимо меня не пройдет! – от азарта у Ярогневы загорелись глаза. – А что, если мы сами выйдем ему навстречу? Пустим слух, что в урочный час явимся на Змеиную гору. Придумаем оправдание. Мало ли, может, великому князю с Лесным царем нужно о чем-то договориться? Ну, и я с ними. Злодей не упустит такую возможность. Непременно заявится, чтобы меня захватить.

– Это опасно! – Горихвост отступил на шаг. – Я тебя под угрозу не подведу.

– Наоборот! – у Ярогневы хитренько забегали глазки. – Опасно сидеть и ждать, пока тайный враг не явится за мной, когда ему будет удобно. Застанет врасплох – что мы ему возразим? А если мы сами устроим ловушку – тут он и попадетсся. Пусть лучше все будет по-нашему.

Горихвост залюбовался на то, как зарделись румянцем ее щеки.

Идти обратно пришлось мимо Курдюмовой мельницы. Вурдалак поглядел на остановившееся колесо и тяжело вздохнул.

– Кто теперь будет муку молоть? – задался он вопросом. – Деревня без мельника не проживет.

Глава 13. Разобличение

20 вересня

Двадцатый день месяца вересня задержался в пути. Еще до рассвета долину окутала непроглядная мгла, как будто небесные тучи разом опустились на землю и разлеглись по низинам. Туман, настолько густой, что хоть кашу вари, встал на пути первых проблесков утренней зари, и лучи света не смогли пробиться сквозь его пелену. Ночные сумерки никак не желали рассеиваться, и лишь меняли свой цвет с чернильно-черного на грязно-синий, а после на пасмурно-серый.

Не дожидаясь рассвета, цепочка хмурых людей потянулась сквозь мглу на вершину Змеиной горы. Путь прокладывал староста Воропай, безжалостно подрубая топориком колючие кусты, из-за которых каменистая тропа становилась совсем непроходимой. За ним едва поспевал упревший Нежата, хриплое дыхание которого походило на вихрь, прорывающийся через горловину пещеры. Следом вытянулись тонкой ниточкой старостиха Духаня, князь Всеволод с женой Верхуславой, Коняй, Жихарь с Пятуней, кузнец Валуй с подмастерьем Шумилой и Горихвост с Ярогнуевой. Последним, в самом хвосте, плелся одинокий Лутоха. Его ветхие обноски из конопляной дерюги терялись в тумане. Приглу-

шенные голоса едва слышались, как будто путники боялись разбудить неведомых врагов, спрятавшихся в пелене.

Упругая фигурка Ярогневой маячила у Горихвоста перед глазами. За спиной у нее колыхался тул с луком – на этот раз самым обыкновенным, без колдовских стрел. Багряное корзно княжны с золотым соколом развевалось на ветру, то и дело приоткрывая округлые бедра со стройными ножками, затянутыми в шелковые порты. Из-за крутого подъема они постоянно оказывались на уровне вурдалачьего носа, и Горихвост смущенно отворачивался, чтобы никто не подумал, будто он пялится на девчонку. Однако никому не было до него дела. Даже бывалый Нежата запыхался, и на его седой бороде тускло поблескивали капельки пота.

– Кончилось бабье лето! – с горечью воскликнул староста Воропай. – А ведь завтра – праздник Царицы небес. По приметам, если Царицын день теплый, то вся осень будет доброй. А ежели лето к бабьему дню уже кончилось – быть бескормице аж до весны.

– Давай-давай, топай! – подтолкнул его сзади Нежата. – Вишь, как наш хвост растянулся. Не ровен час, выскочит из мглы какое-нибудь чудище, а мы на такой круче и оборониться не сможем.

– Пусть выскакивает, – остановился передохнуть Жихарь, не расстающийся со своей кочергой. – Ну, сожрет Лутоху – жалко нам, что ли?

Все дружно захохотали. На всякий случай князь оглянул-

ся – нет ли потеря? – но людская цепочка терялась в тумане, и он принялся карабкаться на скалистый гребень, заботливо подавая руку жене.

Жерло вулкана тонуло во мгле. Рогатая вежа пряталась в тучах, и только обрывок висячего мостика виднелся над бездной, заполненной серой облачной хмарью. Над головами раздался вороний гай – это Хорохор, как всегда, первым заметил пришельцев, и подал знак хозяевам. Нежата поморщился и потянулся к ножнам. Его широченная ладонь судорожно ощупала пояс, но не нашла ничего, кроме маленькой сумочки, заткнутой за ремешок. Кметь удивленно осмотрел свою экипировку, вспомнил, что князь приказал оставить оружие дома, и недовольно потряс бородой. А из тумана уже выступала величественная фигура Лесного царя, восседающего на дубовом престоле.

– Батюшка! – кинулась к нему Ярогнева, но тут же спохватилась и виновато оглянулась на Всеволода.

Дый улыбнулся и протянул деве руку. Всеволод молча кивнул, разрешая дочери отойти от него. Ярогнева радостно бросилась и коснулась царя. С плеч Дыя сползла горностаевая мантия, а венец из дубовых листьев качнулся, когда он наклонился к деве и прошептал ей что-то на уху.

Ярогнева по-свойски устроилась рядом и оттеснила за высокую спинку кресла беса, лешего и русалку, которые толпились вокруг своего государя. Горихвост нерешительно приблизился и поклонился, но Дый не удостоил его ответным

кивком.

Вурдалак вдруг почувствовал, что оказался один среди двух враждебных миров, каждый из которых был для него родным. Но теперь оба не хотели его принимать, и он растерялся, не зная, куда отступить – назад, к людям, или пройти вперед, и встать рядом с лесовиками и Ярогнуевой, которая уже всю болтала с Вахлаком.

Он неловко потоптался на месте и отошел в сторону, давая дорогу Всеволоду. Князь гордо встал перед дубовым престолом, не желая склоняться. Дый поднялся с сиденья и сделал шаг ему навстречу. Они встали друг против друга: владыка леса в белой мантии с черными пятнами, и повелитель людей в багряном корзне с золотым соколом, сжавшим в когтях ветвь с желудями.

– Пусть твои люди перестанут тревожиться. Они в безопасности, – вымолвил Дый, оглядев Нежату, Коня и Воропая, которые замерли в таких позах, будто на головы им вот-вот упадут небеса.

– Хотелось бы верить, – откликнулся Всеволод. – Но они боятся не только нечистых. Сбежал опасный преступник. Он прячется невесть где.

– Я в лесу преступников не укрываю. Мне своего лиха хватает, – возразил Дый, приняв реплику на свой счет.

– Но мы на горе. Лес остался внизу... – осторожно ответил Всеволод, не решаясь вслух усомниться в том, что Змеиная гора входит во владения Лесного царя.

– Потому мы тут и встретились, – Дый потер каштановую бородку. – Эта гора – древнее, священное место. Заключенные здесь договоры должны свято храниться. Нарушить их будет кощунством.

– Что ж, давай обновим договор между людьми и лесным царством, – перешел к делу князь.

– Я не против. Но, насколько я знаю, ты больше не правишь людьми.

Услышав эти слова, Нежата с перекошенным лицом шагнул вперед, но Всеволод сделал едва заметное движение рукой, и его слуга отступил, кипя гневом.

– Я больше не правлю столицей, – спокойно объяснил Дью князь. – Но те люди, которых ты видишь за моей спиной, по-прежнему мне доверяют. Я – их князь, а они – мои подданные. Я говорю от их имени.

– Чего вы хотите? – осведомился Дый.

– Спокойной жизни. Чтоб нам никто не мешал. Чтобы нечистая сила не вылезала из леса, не входила в деревню и не пакостила селянам.

– Какое совпадение! Мы хотим того же: чтобы люди не лезли в лес, не рубили его на дрова и не пакостили лесовикам.

Бес Вахлак дико заржал за спинкой престола, а русалка Шипуня противным голоском захихикала. Ее зеленые волосы затряслись, а бледные губы растянулись в таком противном оскале, что князя передернуло.

– Если кто-то из нечисти появится в деревне, мы вправе отпугивать и изводить его всеми способами, какие придумают колдуны, – продолжил Всеволод.

– Если кто-то из людей заберется к нам в царство, мы возьмем его в полон и заставим работать до тех пор, пока он не отработает ущерб, нанесенный лесу, – ответил Дый.

– Нет, так не пойдет! – возмутился Всеволод. – Люди не держат нечистиков в рабстве. И вы нас не держите! А кого взяли – отпустите.

– Некого нам отпускать. Сейчас полону нет.

– А Шутиха? – принялся напирать Всеволод, подступая к Лесному царю чуть не вплотную.

Горихвост со стороны углядел, что Дый почти на голову выше немаленького князя. Всеволод понял, что его грозный маневр не удался, и, немного смутившись, отступил, но напористого тона не сбавил.

– Что за Шутиха? – удивился Дый.

– Жена мельника, утонувшая в прошлом году. Говорят, нечисть ее на дно утянула.

– Среди моих подданных такой нет. Может, водяница ответит? Но она с нами не знакома.

– Ладно, черт с ней, с Шутихой, – Всеволод собрался с духом и перешел к главному: – Отпусти мою дочь!

– Ярогневу? Но она прижилась в лесу. Она нам как родная.

– Врешь! Яруша – моя кровинушка! – выскочила из-за

спины князя Верхуслава. – Ты ее отнял у нас дитем. Что она тогда понимала?

Ярогнева кинулась было к матери, но осеклась, оглянулась на Дыя и нерешительно замерла.

– Девочка уже выросла, – вымолвил Всеволод. – Пусть сама решает, с кем ей жить.

Оба властителя посмотрели на царевну. Ярогнева приблизилась к Дью, охватила руками его горностаевую мантию и прижалась щекой к темной рубахе, поверх которой висел на цепочке золотой оберег.

– Батюшка, не сердчай на меня, – виновато вымолвила она. – Мне пришло время возвращаться домой. Ведь я родилась у людей, среди них мне и жить.

Она обернулась к Всеволоду, и ее синие глаза вдруг блеснули:

– Однако есть у меня в лесу еще одно дело. Пока его не закончу – уйти не смогу.

– Что за дело? – испуганно спросила Верхуслава.

– Мара! – воскликнула дева. – Она грозилась забрать моего названного батюшку в Ледяной край. Я не могу уйти, пока над ним нависает такая напасть.

– Что ты можешь тут сделать? – попыталась образумить ее мать.

– Если я не смогу – то никто не сможет! – решительно возразила охотница.

– Решено! – молвил Дый. – Ярогнева останется со мной до

тех пор, пока мы не придумаем, что делать с Марой. После она вернется домой, к родным матери и отцу.

Всеволод оглянулся на жену – та испуганно затрясла головой. Ярогнева бросилась к ней, обняла и запричитала:

– Маменька, не возражай! Дый и его слуги были мне, как родные. Не могу я их бросить в беде. Как только выручу – так сразу вернусь.

– Быть по сему, – молвил Всеволод и протянул Дью руку. Лесной царь крепко пожал ее.

– Договорились! Наконец-то! Какое облегченье! – радостно заголосил Воропай.

Жихарь с Пятуней за его спиной принялись возбужденно орать и подбрасывать в воздух шапки. Хорохор взмыл со скалистого гребня и начал носиться над головами с восторженным карканьем. Дый уже развернулся, собираясь спускаться к Дикому лесу, а бес с лешим подняли на руки дубовый престол, когда Горихвост, до сих пор державшийся в стороне, возвысил голос:

– Погодите! А как быть со злодеем?

Нежата замахал на него руками – мол, заткнись, ради всего святого, только что всё решили, теперь бы разойтись, не наступив никому на хвост. Но Ярогнева встала рядом с вурдалаком и звонко воскликнула:

– В самом деле! Ведь злодей будил змея.

Всеволод остановился, нахмурился и запустил пальцы в русую бороду.

– Никто не должен соваться к Рогатой веже, – сурово вымолвил Дый. – Будить змея – великий грех.

– Не возражаю, – буркнул князь. – Но кто станет ее сторожить? Люди рядом с горой не живут.

– Перерубить мост – и дело с концом! – предложил кметь. – Вон, как кипит в озере огненное варево. Так и булькает! Не станет моста – и до острова никто не доберется.

– Тятенька, позволь мне это сделать! – запрыгала вокруг Всеволода Ярогнева.

Князь взглянул на дочь, улыбнулся и снисходительно молвил:

– Ступай. Только будь осторожна!

Дева выхватила у Воропая топорик и покатила с каменистого гребня к мосту, переброшенному через горное жерло. Мостик качнулся под ее сапогами, закрипел, заходил ходуном. Уже через несколько шагов багряное корзно княжны едва проглядывало сквозь туман.

Верхуслава встревоженно протянула к ней руки и умоляюще посмотрела на князя. Всеволод переглянулся с Нежатой. Тот мигом все понял, сорвался с места и поспешил де-ве на помощь. И тут мостик еще отчаянней закрипел, зашатался, и сквозь туманную мглу проступили очертания лиловой ферязи с длинными рукавами, свисающими чуть не до самого пола. Ярогнева стояла к озеру спиной и не замечала, что со стороны Рогатой вежи к ней приближается незнакомец с кривой саблей в руках.

– Яруша! Беги! – закричал Горихвост.

Княжна удивленно вскинула голову, и в этот миг человек в ферязи схватил ее сзади за плечи и приставил к горлу острое лезвие сабли.

– Не трепыхайся! – злобно сказал незнакомец. – Если твой батька меня послушается – останешься целой.

– Видоша! – тревожно выкрикнул Всеволод. – Оставь мою дочь!

– А вот и ты, злыдень! – заголосил Горихвост и со всех ног устремился к мосту.

– Назад! – резко окликнул его Видослав, приподнимая беспомощную Ярогневу и показывая ее обнаженную шею, к которой плашмя прижимался клинок.

– Стой! – выкрикнул князь.

Не добежав до моста всего десяти шагов, Горихвост остановился и злобно ощерился.

– Что, не ожидали меня тут встретить? – криво улыбаясь, заговорил боярин. – А я знал, что никто не сунется в это проклятое место. Побойтесь меня тут искать. А вот я ничего не боюсь!

– Вот ты и выдал себя, – глухо сказал Горихвост. – В эту вежу полезет лишь тот, кто задумал освободить змея. Не тебя ли я давеча видел в Змеином черепе с черной книгой?

– Что за чушь ты несешь? – рассмеялся Видоша.

– Чтобы разбудить змея, нужна кровь благородной девы. Ярогнева такая одна. Кто попытается принести ее в жертву

– тот и есть тайный злыдень, что мучал село.

– Ты спятил! Какие еще жертвы? – издевался боярин. – Видно, туман не только над миром – туман и в твоей голове.

– Отпусти княжну! – выдохнул Горихвост.

– Да хоть прямо сейчас! – согласился боярин. – С девками я не воюю. На кой ляд мне эта мелкая егоза?

– Тогда что тебе нужно? – спросил Всеволод.

– Догадайся! – расхохотался боярин.

– Моя голова? – хмуро проговорил князь.

– Именно! У меня только один государь – царь Буривой.

Ты мне не князь.

– Дочь мою отпусти! – потребовал Всеволод.

– А ты ее отбери! – нагло предложил боярин.

Он встряхнул Ярогневу и швырнул себе за спину – на шаткие доски мостика. Топорик выпал из ее рук. Натянутые канаты дрогнули и загудели. Порыв ветра развеял туман и взметнул полы алого корзна. Девушка стояла на коленях, держась за канатные перильца. Мост под ней раскачивался, норовя сбросить в огненную пропасть.

Хорохор подлетел сзади к боярину и попытался долбануть его клювом в макушку, но Видослав так ловко отмахнулся саблей, что половину вороньего хвоста срезало, будто бритвой. Ошметки лоснящихся перьев рассыпались в воздухе и закружились, опускаясь в озеро раскаленной лавы.

Дый шелкнул пальцем. Бес Вахлак тут же взмыл ввысь и начал кружить над Видошей, выискивая случай для нападе-

ния.

– Только попробуй! – пригрозил ему саблей боярин. – Враз девку прикончу. Рука у меня не дрогнет.

Горихвост рванулся вперед и взмолился:

– Зачем тебе девушка? Возьми лучше меня. А ее отпусти к матери.

– Ты-то мне зачем? – издевательски рассмеялся боярин. – От шкуры вурдалака какой прок? Из нее даже овчины не сошьешь. Мне нужен князь. Только князь!

Всеволод отодвинул Горихвоста, промолвив:

– Посторонись!

Верхуслава вскрикнула и закрыла лицо ладонями. К Горихвосту подскочил Нежата и потянул его назад за вотолу. Князь остался с Видославом один на один.

– Хочешь вернуть дочь – сражайся! – выкрикнул воевода.

Всеволод сделал привычное движение рукой – потянулся к поясу, чтобы вытащить из ножен меч, но оружия на месте не оказалось, и пальцы нашарили лишь широкий кушак. Князь растерянно оглянулся на слуг, но даже преданный Нежата ничем не мог помочь в этот миг – оружия не было и у него.

– Бейся! – настойчиво требовал Видослав. – Сколько лет ты сидел надо мной повелителем! Но ты никогда не был моим господином. Я – настоящий хозяин земли, а таких мелких князьков мы, бояре, сведем под корень, чтобы ни одного не осталось!

– Знать бы раньше, что я пригрел на груди гадюку, – горько посетовал Всеволод.

– Ты не грел меня! Ты грел родню. А мне всего приходилось добиваться службой, – захлебывался Видослав. – Но теперь твое время прошло. В Великом Городе новый владыка. И он будет мне благодарен, если ты сгинешь тут, на краю света!

– Позволь, княже, я его голой рукой придушу, – зловеще попросился Нежата.

– Нет! – резко остановил его Всеволод. – Вызволять дочь – дело отца.

Он решительным шагом направился к мостику.

– Стой! Куда! Он ведь с саблей! – прикусив губу, взвыл кметь.

Но Всеволод так быстро заскользил вниз по склону, что его было уже не остановить. Он взбежал на мостик и пошел по скрипучим доскам. Канаты гудели, когда он придерживал их ладонью. Видоша хищно осклабился, пихнул носком сапога Ярогневу и перехватил поудобнее саблю.

– Я бы тебе все простил, – глухо вымолвил князь, останавливаясь в трех шагах от врага. – И измену, и вероломство, и ложь. Но то, что ты на семью мою покусился – этого я не прощу!

– А я на твое прощенье плевал! – заорал Видослав, замахиваясь клинком. – Кончилась твоя власть. Ты – никто. Я царю Буривою – верный пес. На кого он меня натравит – то-

го разорву.

– Так это он тебя с цепи спустил?

– Меня не нужно спускать. Добрый пес сам чует, чего хочет хозяин. Ты моему господарю – словно кость в горле. Не станет тебя – не станет угрозы его царской власти. А я получу место думного головы, и стану первым боярином государства. И никто мне не помешает!

Ярогнева за спиной Видослава поднялась на ноги и начала подкрадываться к нему, но мостик под ее сапогами предательски закачался. Боярин почувствовал, как дрогнули доски, обернулся и отшвырнул деву назад. Ярогнева отлетела, упала и покатила по настилу. Ее корзно промелькнуло между канатами, она соскользнула и повисла над мгlistой бездной, уцепившись за веревки. Всеволод кинулся к ней, но Видоша встал у него на пути и взмахнул саблей.

– Под корень! Все семейство – под корень! – взревел боярин.

Князь успел подскочить, вцепился в лиловую ферязь и опрокинул противника. Они покатались по шатким доскам, рискуя сорваться. Горихвост бросился к ним, но едва он ступил на мостик, как тот качнулся, и багряное корзно девы взметнулось над бездной, как крыло диковинной птицы.

– Стой! Княжна упадет! – заорал сзади Нежата.

Горихвост затаил дыхание. Вахлак хлопнул крыльями и полетел к Ярогневе, но Видослав высвободил руку с саблей, ткнул ей в сторону девы и закричал:

– Всем стоять! Это мой бой! Один на один! Если помешаете – никого не пощажу!

Клинок сабли едва не рассек побелевшую ладонь Ярогневы, судорожно сжавшую край моста. Вахлак поднялся выше и закружил, не решаясь приблизиться. Всеволод попытался вырвать саблю, но боярин так двинул его рукоятью, что тот опрокинулся навзничь и перестал шевелиться.

Торжествуя, Видослав поднялся, поставил сапог на грудь неподвижного князя и во весь голос загрохотал:

– Я не боюсь ни князей, ни богов с бесами! Если скажет мне государь: руби головы! – буду рубить. Скажет: жги и пытай – буду жечь и пытать. Одному государю служу, и никому боле. И за грехи свои только перед ним отвечать буду. А таких князьков, как ты, я буду давить, как змеенышей!

И он занес над распластанным Всеволодом саблю.

– Горюня! Выручай! – взмолилась Ярогнева, все еще болтающаяся над бездной.

Горихвост подхватил топорик, выпавший из ее рук, и бросился на боярина.

– Ах, вот и ты, волчище! – сверкая глазами, выкрикнул Видослав. – Думаешь, ты такой страшный? Думаешь, тебя все боятся? Да от твоего леса скоро и пня не останется. Мне только дай время – я заселю эту землю своими холопами, а нечисть повыведу. От лесовиков не останется и следа!

– На земле всему должно быть свое место, – возразил Горихвост, заноса вверх топор. – Только тебе тут места нет. Ты

– чужой. Убирайся, откуда явился!

– Я тут не по своей воле, – ответил ему боярин, выступая вперед и размахивая саблей. – Если б не твой князек, то и меня бы сюда не прислали. Но я рад, что так вышло. Вы все у меня в руках. Никто не станет выяснять, что случилось тут, на краю света. Скажу: князя убила нечистая сила – все поверят, и допытываться до правды не станут.

Горихвост бросился на него и рубанул топором лиловую ферязь, раздувающуюся на ветру. Однако не так прост оказался боярин, чтобы подставиться под удар. Ловко вывернувшись, Видоша взмахнул саблей, и ее клинок вышиб топориче из руки вурдалака. Топорик со звоном ударился о край моста и ухнул в пропасть. Горихвост едва успел проводить его взглядом, а боярин уже набрасывался на него, крутя саблей так быстро, что даже с волчьей сноровкой не вышло бы от нее ускользнуть.

Вурдалак скинул Курдюмову вотолу из толстой, добротной конопляной ткани, намотал на руку и выставил вперед вместо щита. Хрясь! – и сабля ударила так, что рука онемела. На миг Горихвосту почудилось, что боярин рассек ему локоть, и только глаза подсказали, что рука все еще на месте – просто ничего не чувствует от удара. Воспользовавшись замешательством вурдалака, боярин изо всех сил въехал сапогом ему в живот. Горихвост согнулся от боли, упал на колени и ткнулся лбом в шаткие доски.

Пока Видоша издевался над Горихвостом, демонстрируя

свое превосходство, бес подлетел снизу к Ярогневе и начал подталкивать ее вверх, на мостик. При этом он так громко пыхтел и хлопал крыльями, что не расслышать его мог бы только глухой. Видослав оглянулся, обнаружил у себя за спиной нового противника, и набросился на него со всей яростью, которую накопил.

Резкий взмах саблей – и острый клинок вонзился в жесткую, темно-бурую шкуру Вахлака, похожую на толстую дубовую кору. Довольный боярин отступил, чтобы полюбоваться на свою работу: видимо, он ожидал, что рассеченный противник сверзится в пропасть. Однако Вахлак и не думал пугаться: его шкура выдержала удар, и только несколько волосков слетели с его груди.

Одним движением бес втолкнул Ярогневу на мост, убедился, что она держится, и накинулся на боярина. Его копыта зацокали по скрипучим доскам, витые рога наклонились по-бычьи и нацелились в грудь Видослава, а длинный хвост с острым шипом на конце щелкнул, как бич, прямо перед вздернутым боярским носом.

Но разошедшийся Видослава не думал отступать: он так ловко начал вертеть своей саблей, что даже самый лихой черт едва ли смог бы от нее увернуться. Не заботясь о шкуре, бес отпихнул княжну в сторону и принялся насаждать на врага. Удары сыпались на него, и сверху, и снизу, и справа, и слева, но упругая шкура не поддавалась. Наконец, Вахлак прижал боярина к канатным перильцам, наклонился и направил ему

в лицо шип на конце хвоста, явно намереваясь ужалить Видошу прямо промеж глаз.

Видослав взмахнул саблей – и вжжиихх! – кисточка с острым шипом отлетела от хвоста, как хлебный колос, срезанный серпом земледельца. Вахлак недоуменно проводил взглядом предмет своей гордости. Кончик его хвоста стукнул Ярогневу по волосам, отскочил от ее лба и скатился в пропасть. И тут только Вахлак дернулся и завизжал от боли.

Сквозь темную пелену в глазах Горихвост разглядел, как скособочился кабаний пятак беса, как брызнули из глаз слезы, как сложились его крылья. Вахлак перевесился через шаткие перильца, тяжело перевалился через них и начал падать вниз, в сторону кипящего озера.

– Вахлак! Очнись! Я велю тебе, слышишь? – гаркнул Лесной царь таким громовым голосом, что со склонов горы посыпались камни.

Не долетев до кипящей поверхности всего нескольких локтей, бес перевернулся копытами вниз, расправил крылья и выправил полет. Уже через несколько мгновений он оказался на берегу лавового озера, где его тут же приняли под руки Шипуня с Распутотом. Русалка принялась слюнявить обрубок его хвоста. Вахлак распластался на скале, страдальчески прикрыл глаза и только глухо охал, давая понять, как он страдает.

А Видоша схватил Ярогневу за шиворот, наступил сапогом Всеволоду на спину и занес над его головой саблю, вопя

во все горло:

– Что, не нашли на меня управы? Не боюсь я вас! Никого не боюсь. Ни лесовиков, ни людей.

– Ради всего святого, отпусти мою дочь! – взмолился Всеволод. – Я в твоей власти, ты меня одолел. Что тебе еще нужно?

– Мне нужна твоя жизнь! – заявил боярин.

– Мою жизнь возьми, но девчонку не тронь!

– Да на кой она мне? Пусть катится на все четыре стороны, – расхохотался боярин.

Оглушенный Горихвост приподнялся на локтях и удивленно взглянул на него. «Изменник отпускает Ярогневу? Быть такого не может!» Однако Видоша и в самом деле схватил деву за косу, рывком поднял на ноги, и толкнул в сторону косогора.

Придавив распростертого Всеволода, он поднял в руке обнаженную саблю и закричал так громко, что горные склоны эхом принялись повторять его голос:

– Кончилось время князей! Прощайся с жизнью!

– Уймись! Ты не сможешь разбудить змея! – из последних сил крикнул ему Горихвост.

– Катитесь в пекло со своим змеем! – злорадно расхохотался Видоша. – Я признаю одного змея: того, что нарисован на гербе моего государя. А остальные мне побоку.

Согнувшийся в три погибели Горихвост поднял голову. Сквозь мутную пелену, застилающую глаза, он увидел, как

боярин заносит саблю, широко замахивается и начинает опускать ее на шею князя. Пробившийся из-за облаков солнечный луч сверкнул на клинке, на миг ослепив и без того едва зрячего вурдалака. Лезвие сабли стремительно пошло вниз. Всеволод уронил голову на руки и зажмурил глаза.

И тут невесть откуда на пути сабли появился другой клинок – прямой, плоский, широкий, с длинной ложбинкой и змейкой, вытравленной на многослойной стали. Железо с лязгом ударило о железо, и в лицо вурдалаку брызнул сноп искр. Пухлая ладонь с толстыми пальцами ловко извернулась перед его носом, орудуя рукоятью со знакомым зеленым камнем. Полы изумрудного мятля взметнулись и хлестнули щеку, дав почувствовать, что это не видение. Отбитая сабля выскочила из боярской руки, со звоном ударилась о край мостика и повисла над бездной, зацепившись за выступ.

Разъяренный боярин вцепился в горло пухленького человека в зеленом мятле и повалил его на настил. Два борющихся тела покатались по доскам, попеременно оказываясь сверху.

– Помогайте мне, что ли! – как из бочки, завопил толстяк в мятле. – Я один с воеводой не справлюсь!

«Ничего не понимаю, – подумалось Горихвосту. – Это что, Курдюм? Откуда он взялся? Он же пропал!»

Однако это и в самом деле был мельник. Он выскочил из последних клубов тумана, все еще окутывавших Гранитный остров. Видослав даже не думал, что кто-то может появиться

у него из-за спины, со стороны Рогатой вежи, поэтому нападение Курдюма оказалось для него полной неожиданностью.

А мельник тем временем опять очутился сверху, придавил боярина своим увесистым брюхом и приставил ему к горлу острие Душебора, победоносно крича:

– Не смей трогать князя с семьей! Они не про тебя!

Видоше почти удалось сбросить Курдюма, но тут на него налетели княжеские слуги. Нежата подхватил повисшую саблю и принялся беспощадно дубасить боярина, приговаривая:

– Это тебе за князя! Это тебе за княжну! А это твоему господарю, укравшему чужой престол!

Коняй даже не потрудился нагнуться – он просто пинал изо всех сил поваленного Видослава сапогами. Пятуня с крючковатым суком и Жихарь со своей кочергой присоединились к нему, превратив драку в настоящее избиение. Воевода не мог подняться: он закрыл голову руками и катался по доскам, натываясь со всех сторон на тычки.

Курдюм со счастливым лицом выбрался из этой толчеи и поспешил к князю, к которому уже бежали Верхуслава и Ярогнева.

– Неужели это и вправду ты? Вот так радость! Никто и не думал, что ты мог уцелеть, – обнял его Воропай.

– Боги меня спасли. Сам не верю, что жив, – со счастливым лицом поведал мельник.

Горихвост кое-как поднялся на ноги. Мостик раскачивался, как качели, вдобавок шла кругом голова, еще не отошед-

шая от ударов, и он судорожно вцепился в канатные перильца, пытаясь устоять. Мир перед глазами ходил ходуном, облака и огненная бездна внизу так и норовили поменяться местами, а вершина Рогатой вежи все еще тонула в тумане, и он не знал, то ли этот туман настоящий, то ли затуманена его голова.

«Что тут вообще происходит? Зачем Нежата с подручными так месят Видошу? Кажется, боярин вот-вот испустит дух, а ведь он еще ни в чем не повинился. Да и в чем ему виниться? В том, что хотел убить князя? Но ведь если бы он разбудил змея, то погибли бы все, а не один князь. Видоша мог захватить Ярогневу и принести ее в жертву. Мог, да не захотел. Ему это было не нужно. Он даже не думал об этом...»

– Вот тебе, сукин сын, вот, вот! – взбешенно орал Нежата, навалившись на Видослава и изо всех сил молотя его своим огромным кулачищем.

Боярин уже перестал отбиваться. В этот миг он походил на мешок с мокрой мукой, упавший с телеги.

– Кончай его! – тоненьким голоском визжал Коняй.

– Пусти, я его кочергой по башке приложу! – рвался вперед Жихарь.

– Чего возитесь? В огонь его, да и дело с концом! – сердито прикрикнул на них Курдюм.

Ярогнева склонилась над князем и принялась приводить его в чувство. Всеволод приподнял голову, погладил дочь

по лицу и слабо улыбнулся. Мостик так тряхнуло от драки, что Верхуслава едва не свалилась. Курдюм бросился к ней и услужливо придержал. Душебор с зеленым изумрудом в рукояти все еще мелькал в его пухлой ладошке.

– А ну, Коняй, взяли! – скомандовал Нежата.

Княжеские слуги приподняли переставшего сопротивляться боярина и подтащили его к краю мостика.

– Бултых его в пекло! – рассмеялся Курдюм. – Пусть знает, как рубить голову великому князю.

– Посадите! – из последних сил прохрипел Видослав.

Истоптанные рукава его ферязи беспомощно волочились по доскам, забрызганным кровью.

– Еще чего! – грубо отозвался Нежата и начал подталкивать его к краю.

– А ну, стой! – шалея, заорал на них Горихвост.

Он оторвался от вибрирующих канатов, бросился в гущу драки и принялся расшвыривать в стороны селян, плотной стеной окруживших поверженного воеводу.

– Не смейте его убивать! – напирал Горихвост. – Его нужно судить!

– Ишь ты, какой справедливый! – недовольно приподнялся старый воин. – Чего это ты так врага защищаешь? Али ты за него?

Горихвост схватил его за грудки и оттащил от Видоши.

– Он должен ответить за свою вину, но не за чужую! – прокричал он.

– Спятил наш вурдалаша, – растерянно проговорил мельник.

– Вяжи его! – свирепея, набросился на Горихвоста Нежата.

Коняй и селяне тотчас бросили Видослава и окружили Горихвоста. Началась свалка. Про князя все в этот миг будто забыли. Ярогнева уткнулась в рубаху отца и залилась слезами.

– Не могу видеть твои слезы, – прошептал Всеволод. – Курдюм, будь так добр, уведи дочь подальше. Ей бы куда-нибудь в безопасное место, а то уже натерпелась.

– Сделаем! – подмигнул мельник, сгреб княжну в охапку и повлек ее прочь – только не к косогору, на скалистом гребне которого устроился Дый с лесовиками, а в противоположную сторону – к Гранитному острову и Рогатой веже.

Горихвост в этот миг как раз получил в бровь удар увесистого Нежатиного кулака, от которого голова его запрокинулась, а тело отшатнулось и вылетело из толпы. Увидев, что Курдюм потащил княжну, вурдалак взвыл, черная шерсть на его загривке встала дыбом, а зеленые глаза засверкали.

– Не трожь ее! – завопил Горихвост, бросаясь за мельником.

– Горюня, чего ты? – примирительно вымолвил тот. – Я же ее спасаю. Мне князь велел.

– Не прикасайся! – не слушая, голосил Горихвост.

Нежата с селянами, уже изготовившимися схватить Гори-

хвоста, застыл от изумления. Вурдалак вихрем налетел на Курдюма, но толстый мельник выставил вперед острие Душебора и с угрозой произнес:

– Не лезь на меня!

– Отпусти княжну! Немедля, я кому говорю! – задыхаясь, выдавил из себя вурдалак.

– Ты совсем сбрендил! – откликнулся мельник. – Это же я, Курдюм! Я жив и здоров. Не узнаешь меня?

Верхуслава приподняла мужа, подперла плечом и попыталась отвести к твердой земле, но Всеволод обернулся, остановил ее и спросил, указывая на Горихвоста:

– Он хочет отбить нашу дочь? Что он творит?

– Яруша, иди ко мне! – прокричал Горихвост.

Княжна сделала к нему робкий шаг, но мельник придержал ее и возразил:

– Нет, постой! Наш дружок не в себе. Кто знает, что за бесы взмутились в его голове? А тебя мне твой батюшка поручил, не перечь его воле!

Ярогнева нерешительно остановилась. Горихвост подскочил к ней, схватил за руку и потянул к себе. Всеволод возмутился, махнул рукой в его сторону и велел слугам:

– Чего смотрите? Разве не видите – вурдалак взбеленился! Хватайте его, пока он не наделал лиха!

Нежата вышел из оцепенения, подскочил со спины к Горихвосту и набросился ему на плечи, но Горихвост так яростно принялся молотить его, что старый воин отлетел в

сторону.

– Дурак! Не мешай мне! – закричал вурдалак. – Не видишь, что ли – я княжну оберегаю!

– Ее от тебя самого беречь нужно! – возразил Нежата и опять полез в драку.

Коняй с Воропаем двинулись за ним вслед, с опаской поглядывая на разбушевавшегося вурдалака.

– Ну, сами напросились! – заявил Горихвост, и так начал размахивать кулаками, что Нежата обрушился на настил, а его помощники пустились наутек.

– Царь! Это твой подданный. Уйми его! – закричал Всеволод Дью, который наблюдал схватку со скалистого косогора.

Дый переглянулся с бесом, который сидел со страдальческой рожей и облизывал кончик обрубленного хвоста. Вахлак поймал взгляд хозяина, тут же забыл про обрубок и расправил крылья. Взмыв в воздух, он налетел сверху на вурдалака и обрушился ему на голову всей тяжестью своей двадцатипудовой туши. Горихвост рухнул на мостик и отчаянно забарахтался, пытаясь выбраться из-под жесткой шкуры.

– Как же так? – забормотал он, давясь словами от негодования. – Неужели до вас не дошло? Все же ясно!

– Молчи, бешеный пес! – двинул его по губам подбежавший Курдюм. – Совсем озверел. Своих от чужих отличать перестал.

Горихвост почувствовал вкус крови на языке. Губы распухли и онемели, но в отчаяние его приводило не это, а

то, что справиться с тяжестью беса не хватало никаких сил. Осмелевшая деревенщина подбежала, уже не остерегаясь. Жихарь двинул его по плечу кочергой, так что рука окончательно отнялась, а Пятуня набросил на шею веревку – ловко, одним броском, как на охоте.

Горихвост и глазом моргнуть не успел, как оказался опутан по рукам и ногам. Вахлак оторвал его от настила, поднял за шкурку и жестко встряхнул.

– Не человек – зверь! – то ли с ужасом, то ли с восхищением проговорил Воропай.

В голове все звенело, дыхание сперло, боль пронзала лицо, руки, грудь. Его скрутили и привязали к Видоше, спина к спине, так, что он едва мог шевельнуть пальцем. Рукав лиловой боярской ферязи волочился по мостику. Нежата наступил на него своим сапожищем. Послышался треск рвущейся ткани, оба связанных пленника не удержались на ногах и грохнулись на деревянный настил. Мост качнулся, и Горихвост едва не слетел вниз, но связка с боярином его удержала, и он свесился с края дощатой дорожки, глядя в бездну, на дне которой варилась огненная каша.

Нежата оттащил пленных подальше от края. Князь приблизился, хватаясь за трясущиеся канаты, склонился над Горихвостом и с укором произнес:

– Как ты мог изменить мне? Этому опричнику я и раньше знал цену, – он указал на Видошу. – Но ты! Ведь я принимал тебя за товарища!

– Я и теперь за тебя, – харкая кровью, выдавил из себя вурдалак.

Но Всеволод только досадливо отвернулся, махнул кметю и поспешил к жене, которая замирала от того, что на шатком мосту столпилось слишком много народу. От тяжести мост прогибался, прогнившие доски скрипели, трещали и норовили сломаться, но княжие слуги с селянами гомонили так возбужденно, что тревожные звуки тонули в поднимающемся шуме. Курдюм казался единственным, кто беспокоился, что мост вот-вот рухнет. Не надеясь пробраться сквозь людскую толпу, запрудившую проход, он потянул Ярогневу к Гранитному острову. Ошеломленная девушка попробовала упираться, но мельник ласково пошептал ей что-то на ухо, и она поддалась.

– Ты показал свое истинное лицо, – гневно произнес князь, оборачиваясь к Горихвосту. – Я думал – ты человек, а ты – зверь. Казнить изменников! Обоих разом!

– Постой, батюшка! – выкрикнула Ярогнева, но Курдюм удержал ее.

Как слаженно действуют княжие слуги! Как будто они всю жизнь только тем и занимались, что казнили невинных. Жихарь с Валуем мигом притащили огромный камень. Нежата деловито прикрутил его цепью к веревкам, стянувшим тела пленников. Видоша поднял голову, оскалился в недоброй улыбке и бросил:

– Думаете – избавитесь от врагов, и заживете, как ни в чем

не бывало? Ошибаетесь! Вы сами приговорены! Эх, была бы моя воля – своей бы рукой порубил всех до единого!

– На-ка, поддержи камушек, – попросил Нежата, кладя груз ему на грудь. – Сейчас булькнете в кипяток, и будет тебе твоя воля!

Ярогнева в истерике вырывалась, но Курдюм так прижал ее, что ее усилия пропадали даром. Всеволод бросил украдкой взгляд на дочь и быстро отвернулся, чтобы никто не заметил его колебаний.

– Прими, Государь горнего мира, двоих новых путников в своих райских садах! – бегло пробормотал Нежата слова отходной молитвы, и натужно принялся сталкивать приговоренных с моста.

– Вы хоть послушайте меня! – выкрикнул Горихвост, отчаянно стараясь вырваться из пут. – Какие вы скорые на расправу! Повремените пару мгновений.

Воропай, пришедший на помощь Нежате, задержался и перестал пихать его к краю, но пожилой кметь с укором взглянул на своего добровольного помощника и наставительно отчитал:

– Не мешкай! Люди перед казнью мучаются, переживают. Чем больше ты медлишь, тем больше у них боязни. Так что не мурыжь их попусту. Бултых – и никто не успел испугаться. О людях заботиться надо!

Но Горихвоста было уже не заткнуть.

– Как вы не понимаете? – во всю глотку голосил он. – Каз-

ните меня, и никогда не узнаете правды. А настоящий злодей смотрит на вас и смеется!

– Не ври, не смеется он, – неуверенно возразил староста. – Вот он, с тобой в одной связке, и с камнем на шее.

И Воропай указал на боярина, отчаянно пытающегося доплюнуть до Всеволода.

– Видослав – лютей опричник, и виноват в том, что злоумышлял против великого князя, – не унимался Горихвост. – Ему нет оправдания. Но Дедослава он не убивал. Ему нет дела ни до селян, ни до Дикого леса. Не он давешней ночью бродил в коноплянике в свитке Старого барина, не он бил меня по голове, оставив вот эту шишку, что саднит до сих пор. Не он читал в веже черную книгу, пытаясь разбудить огнезмея. Наконец, не он дышал коноплей. Все это сотворил тот, кто убил Злобу Кривошапа год назад. Но Видослава Рославича не было в Грязной Хмари в прошлом году. Он приехал лишь месяц назад, вместе с князем.

– Тогда кто это сделал? – подался вперед Всеволод.

– Взгляните получше! Злодей до сих пор среди нас.

Воропай начал обеспокоенно озираться по сторонам. Жихарь с Пятуней переглянулись и одновременно спросили друг друга:

– Это не ты?

И так же одновременно поклялись:

– Нет, не я!

После чего крепко обнялись и троекратно облобызались.

Коняй задумчиво запустил пальцы в свою грязную шевелюру, а Нежата набычился и начал сурово оглядывать из-под нахмуренных бровей тесно сбившуюся толпу.

– Говори, не выматывай душу, – велел князь.

– Давайте-ка пораскинем мозгами, – извиваясь в веревках, начал вещать Горихвост. – В одну ночь пропала Шутиха, тогда же в омуте завелась водяница, и, в довершение всего, погиб неизвестно от чьих зубов прежний барин, Злоба Кривая Шапка. Да так погиб, что останки его едва признали, а одежды и вовсе не нашли. К кому тянутся все три нити?

– Ни к кому вроде... – почесал репу Нежата.

– А если подумать?

– Раз мельничиха утопла – то это касается мельника, – поразмыслив, заявил Воропай.

– Верно! А кто с водяницей путается?

– С такой вредной тварью кто дело захочет иметь? – засомневался староста. – Разве что тот же мельник. Она ведь его мельницу облюбовала.

– Ну что, появляются проблески мысли? – глядя на озадаченную толпу мужиков, спросил Горихвост.

– Ты что, на Курдюма гресишь? – с сомнением заметил Нежата. – Только тут кое-что не срастается. Со Злобой-то он никак не был связан.

– Ошибаешься! – перешел в наступление Горихвост. – Шутиха со Злобой любовные шашни крутила. Попервоначально я думал, что это пустые сплетни. Да после дознался, что

Шутиха была не так проста, как казалась. Припомним все с самых начал. Как появилась Шутиха в деревне? Как вышло, что она женила на себе первого богача среди мужиков, а после вдруг канула в воду?

Селяне тесно обступили Горихвоста, наострив уши и вытаращив глаза. Нежата уже не подталкивал пленников к пропасти, а Воропай, наоборот, ухватился за их веревку, как будто боялся, что они свалятся раньше времени. Всеволод протолкался в первый ряд, а Жихарь с Пятуней, забыв про приличия, даже не подумали посторониться и подпирали его с двух сторон, оттеснив преданного Коняя. Даже Курдюм, который уже почти дотащил Ярогневу до Гранитного острова, остановился в самом конце моста и с нескрываемым интересом прислушался.

Один Дый с верными лесовиками еще стоял на крутом берегу над обрывом. Однако все действие разворачивалось перед его глазами, и слова Горихвоста без препятствий доносились до его слуха.

– Посмотрите на нашего мельника, – продолжал Горихвост с таким жаром, что уже никому не удалось бы заткнуть его. – Курдюму почти полвека, а он еще хоть куда. Как будто сошел с картинки, на которой намалевано деревенское счастье. До прошлого года он и горя не знал: дом ломится от изобилия, в горнице хозяйничает жена-красавица: живи и радуйся. И тут беда: Шутиха, жена, сгинула. Никто не видел, как она утонула. Курдюм рассказал, что вернулся под утро

и нашел ее платье на берегу омута. Он же рассказал про водяницу, которая появилась на мельнице в тот же день. Все решили, что водяница утянула Шутиху на дно. Никто в этом не сомневался. Да и как не поверить самому богатому мужику на селе, крепкому хозяину, который кормит мукой всю округу?

Кто же во всем виноват? Разумеется, нечистая сила. Тем более что на Девичьем поле, от которого мельница совсем рядом – рукой подать – нашли тело барина Злобы, истерзанное волчьими зубами. Вот и прозвали все эти события «бешеной ночью» – мол, нечисть побесновалась. При этом у Злобы пропала его любимая кривая шапка со свиткой, перешитой из знамени, да еще клевец – память о ратных подвигах, которыми он гордился.

Признаюсь: поверить в нечистую силу нетрудно. Я и сам видел призрак Прежнего барина в коноплянике. И не только увидел, но и почувствовал: он едва не угробил меня, когда двинул по голове чем-то тупым и тяжелым, похожим на боевой молот – как раз такой, как обратная сторона клевца. Ничего себе, призрак! Тяжеловата рука для бесплотного духа.

А на следующий день тот же призрак в черной свитке и шапке со свисающим колпаком явился мне в Рогатой веже – там он читал книгу, похищенную у Дедослава, и пробовал разбудить огнезмея.

Единственным из людей, кто помог мне в эти лихие дни, оказался наш мельник. Он приютил меня на своем дворе, на-

кормил, напоил, сводил в баньку и даже одел во все новое. Да я ему руки готов был лизать, как брошенный щенок первому, кто его подберет. Если бы он хоть о чем-нибудь попросил меня – например, подарить ему меч Душебор, оставшийся в память о деде – то я ничего бы не пожалел. С легким сердцем расстался бы с этой ветхой реликвией, да еще б радовался, что нашел, чем отблагодарить кормильца. Но Курдюм – почти что святая душа – ни о чем не просил. Привечал меня бескорыстно, и платы за доброту не требовал. Судите сами: бывают ли друзья лучше?

Я бы и не уходил от него, если б не долг. Ведь не найден убийца деда, а на княжеских слуг надежда худая. Нежата винит Лутоху. И впрямь: все улики сошлись на юродивом. Дед был связан его пояском. Вечером перед убийством Лутоха ходил к Дедославу в избу, а потом у всех на виду выиграл щербатую копейку, которую бросили после в козлиную пасть. Кого еще подозревать?

Однако стоило с ним познакомиться – и стало ясно, что никого он не убивал. Зато я узнал, что Лутоха раздал все копейки еще до убийства. Те и пошли по рукам. Ну, думаю, у кого неостанет копейки – тот и попадетсЯ мне на зубок.

Обошел я Воропая, Коняя, Щеробора, Нежату, дошел аж до князя, а потом до Видоши. И собрал все копейки, кроме той, что Лутоха пожертвовал водянице. Как же так? Я не понял. Все копейки нашлись. Откуда же взялась та, что валялась на языке у козла? Ведь ее бросил убийца в дань бесам.

Неужели соврал мне Лутоха, и эту единственную копейку он не выбросил в омут, а оставил на месте убийства? Зашевелились во мне прежние подозрения.

И только после я догадался. Если юродивый не соврал, если и вправду бросил щербатую денежку в омут, то лишь одна водяница могла ее оттуда достать. В ту же ночь копейка оказалась на месте убийства. Сама водяница убить вряд ли могла – она не больше, чем дух с того света. Но вот вручить убийце монету, что была принесена ей в дань – это она могла. Выходит, злодей с водяницей действовал заодно. Вот что я понял, собрав все копейки.

Горихвост перевел дух. Все замороженно слушали, и даже князь не пытался перебивать его.

– После того, как мы взяли Видошину башню, Воропай мне поведал, что все три застарелых дела – растерзание Злобы, утопление Шутихи, да в придачу к ним появление водяницы – произошли в одну ночь, – продолжал Горихвост. – Вот так новость! Я подумал: а не привязано ли одно к другому? Что у них общего? И принялся соображать.

Начал я с пропажи Шутихи. Тут дело вроде бы ясное. Ну, пошла баба ночью купаться на свою беду – вот и утонула. Только кто это видел? Курдюм, по его словам, был на ярмарке в Красной слободе. К вечеру расторговался и поторопился домой. Воротился под утро и нашел на берегу омута платье жены.

А водяница? Оказывается, ее прежде в омуте никто не

встречал. А с этого дня она начала баловать на мельнице того же Курдюма. Две из трех нитей протянулись к нему. Тело Злобы нашли в ту же ночь, причем на Девичьем поле, за которым течет речка Змейка. А на Змейке Курдюмова мельница как раз и примостилась.

Тут и начали одолевать меня нехорошие мысли. Очень уж не хотелось думать, что мой приятель Курдюм может быть в чем-нибудь виноват. Однако деваться некуда, дело есть дело. Пришлось отвечать на вопросы.

Мог ли Курдюм убить Злобу? Как я ни гнал от себя эту мысль, но ответ пришел сам. У одного мельника была веская причина: Шутиха ворковала с баринном за спиной мужа. Какое неожиданное совпадение: оба погибли в один день – вернее, в одну ночь.

В эту ночь Курдюм якобы был в дороге. А мог ли он вернуться не под утро, а на несколько часов раньше? Мог ли искромсать тело барина? Руками такого не сделать. Но Злоба всегда носил свой любимый клевец – тот напоминал ему о былой воинской славе. Барин гордился им, выставлял напоказ. Какой мужчина не захочет похвастаться подвигами перед бабой – тем более такой соблазнительной, как Шутиха? Вот он и взял свое оружие на свидание, чтобы покрасоваться. А к утру его тело оказалось раздрызгано так, что страшно смотреть. У клевица одна сторона – что железный клюв, который пробивает насквозь и выдирает куски. А другая сторона – как боевой молот, что проламывает и дробит. Не похоже

ли было, что Злобу клеветом обработали?

– Вообще-то, мужики на вурдалака грешили, – отвел взгляд Воропай.

– Мне-то он на кой ляд? – не выдержал Горихвост. – Я Злобу едва знал. Да и не могу я никого рвать зубами. Мне после такого зверинства в человеческий вид не вернуться. А мог ли Курдюм сам жену утопить? Его мельница – на отшибе, там кричи, не кричи – не услышат. Останется только одежду на берег подбросить, да свалить все на нечистую силу – например, водяницу, которая, вот опять совпадение, как раз в эту ночь и объявилась. А что выйдет, если утопшую по-человечески не похоронить?

– Душа в рай не отправится. Так и будет скитаться по грешной земле, – отозвался юродивый.

– Вернее сказать – по воде, – поправил его Горихвост. – Как попала Шутиха в омут, так водяницей в нем и осталась. Она и отдала своему бывшему муженьку ту щербатую деньгу, которую Лутоха ей в жертву принес. Есть старое поверье: если нечистый коснется серебра – оно почернеет. Когда я нашел копейку, она была черной, будто ее сам князь тьмы обмусолил. Что, брат Курдюм, не так оно было?

– Не так, – хмуро ответил мельник с конца мостика. – Выдумки это.

– А когда ты вернулся в ночь с ярмарки, и застал на своем собственном ложе Шутиху со Злобой? Оба голые, беззащитные, да еще заняты таким делом, что ничего на свете не

замечают? Что ты тогда сделал? Рассказывай сам, чтоб выдумывать не пришлось.

– Ничего я не сделал, – буркнул мельник. – Я вообще только утром вернулся.

– Кто может это подтвердить? – обратился Горихвост к селянам. – Кто своими глазами видел, как Курдюм возвращается из Красной слободы?

Мужики отводили глаза под его требовательным взглядом. Ни один не хотел отвечать, все глядели в землю.

– Что, никто? – настаивал Горихвост. – Выходит, что обо всем вы знаете с его собственных слов? Что он вернулся под утро, жены не нашел, увидел ее сарафан на берегу омута и так понял, что ее утянула на дно водяница?

– Вроде, так все и было, – решил сказать Воропай.

– А что, если я расскажу, как все было? – Горихвост попытался вырваться из пут, но лишь причинил боль стонущему Видоше. – Курдюм с ума сходил по Шутихе, так она его околдовала. Пока он торговал, чтобы принести побольше денег жене, та кувыркалась в постели со Злобой, благо, завлечь барина было делом нехитрым. Курдюм торопился домой, вернулся среди ночи, а они, занятые любовью, ничего не заметили. И вот мельник видит измену, приходит в жуткую ярость, крадетсЯ к одежде барина, которую тот набросал где попало, и ворует клевец. Эй, Курдюм! Барин почувствовать-то хоть что-то успел? Ты над ним издевался? Наслаждался моментом? Объяснил ему, как плохо спать с чужими же-

нами?

– Ничего я не объяснял, – буркнул Курдюм.

Ярогнева рядом с ним замерла и даже перестала трепыхаться.

– А вот в это я верю, – откликнулся Горихвост. – Удар острым концом клевца в затылок – и череп разнесен вдребезги. Злоба не страдал, если это кого-то утешит. Оставалось лишь избавиться от покойника, да видать, мельник пришел в такую ярость, что продолжал кромсать тело даже тогда, когда дух уже отошел. Оттого оно и оказалось разделано до бесчеловечности. После выволоч его на Девичье поле и бросил, будто это нечистая сила застала барина среди пустыря.

– А что же Шутиха? – очнулся от изумления князь.

– Ох и визжала она, наверное! Так или нет? Ты схватил ее за горло, верно? После мокнул головой в воду – как раз туда, где отмокает срезанная конопля.

Пухлая ладонь мельника нащупала Душебор и легла на рукоять с зеленым камнем.

– Когда ты поднял ее из воды, она уже не дышала. Тут только ты спохватился. Бросил ее тело в омут, чтобы скрыть с глаз долой. Да она просто так не пропала! Обжилась на дне, а потом появилась. Когда это случилось? На годовщину убийства? Что она велела тебе? Признавайся!

Курдюм беспokoйно вращал глазами.

– Братцы мои, дорогие! – заголосил он, едва не плача. – Что ж тут творится? За что этот поклеп? Княже, будь ми-

лостив, защити меня от порухи доброго имени. Вы же меня столько лет знаете! Разве я к вам не со всей душой?

– В самом деле, – с недоумением спросил князь. – Допустим, мельник и вправду тот самый злодей, что убил жену вместе со старым вотчинником. Но причем тут Дедослав? Чем старый колдун перед ним провинился?

– Подумай сам, княже, – ответил ему Горихвост. – Курдюм признавался, что отдаст все на свете, лишь бы вернуть жену с того света. А для этого нужна черная книга. Дый не даст мне соврать: Дедослав ни за что не отдал бы книгу в чужие руки. А пытал его злодей ради того, чтобы выведать слово, которым отмыкаются страницы.

Князь вопросительно посмотрел на Лесного Царя. Дый качнул дубовым венцом на каштановых волосах и произнес:

– Через год после смерти с того света никого не вернешь. Ни черная книга тут не поможет, ни сокровища всего мира.

– Верно! – воскликнул Горихвост. – Но злодею кто-то внушил, что если разбудить огнезмея, то тот выполнит любое желание. А сделать это можно, повторив древний обряд.

– Что за обряд? – подозрительно спросил князь.

– Жертва! Нужно напоить змея кровью девы из благородной семьи. Как это сделать – как раз и описано в книге волхвов. Оттого дед и прятал ее от посторонних – знал, какая беда может случиться, если на книгу упадет дурной глаз. Вот Курдюм и замыслил украсть книгу, пытками выведать у волхва слово, которым она отмыкается, разбудить змея и

потребовать исполнения желания.

В ночь убийства никто Курдюма на мельнице не видел. Никто не знает, где он был в это время. От мельницы до избы Дедослава – прямой путь. Нужно лишь пробежать через Девичье поле, между Ветхим капищем и Мокушиной березкой, да обойти стороной околицу Грязной Хмари. К удаче злодея дед жил на отшибе, в стороне от деревни, на краю густого конопляника, в котором можно спрятаться так, что никто не найдет. Добраться до него незамеченным мог бы даже проstack, а Курдюм далеко не прост. Он заприметил, что, несмотря на поздний час, в окнах кабака горит свет – там шла игра. Он дождался, пока игроки разойдутся, и только когда они легли спать, вылез из зарослей. Тут-то его и заметил Пятуня, по пьяни принявший злодея за призрак Прежнего барина. В ночи ошибиться нетрудно, тем более что Курдюм вырядился в черную свитку, на которой и без того уже была кровь, да прихватил с собой клевец.

Мой дед хорошо знал Курдюма. Мельник на селе – фигура видная, на его мельницу все зерно возят молоть. Дедослав был доверчив, к нему вся деревня ходила за лечением и советом, он никому не отказывал, всех привечал и впускал. Вон, Лутоха не даст мне соврать.

Стоящий поодаль Лутоха молча кивнул и смахнул слезу, ни с того ни с сего пробежавшую по щеке.

– Так что дед мой, не глядя на позднюю ночь, сам распахнул дверь перед своим убийцей, – продолжал Горихвост. –

Однако как ни пытал Курдюм волхва – тот тайны книги не выдал и слова заветного не сказал. Тогда мельник прибег к привычному средству. В огонь, которым поджаривал деду пятки, он набросал конопляных листьев, и дышал этой гарью до одури, пока совсем разум не потерял. После он добил измученного старика клевцом и зарезал у его ног козла, чтобы все решили, будто тут бесновалась нечистая сила. Козлиной кровью он облил тело жертвы, а отрезанную голову повесил деду на грудь – так можно было подумать, что волхв сам вызвал беса из черной книги, да не справился с ним, вот бес его самого и прикончил. А в довершение, будто в насмешку, кинул в пасть козлу щербатую копейку, которую достала ему водяница со дна.

– Копейка-то для чего? – угрюмо осведомился Нежата.

Горихвост только пожал плечами, но Лутоха уверенно объяснил:

– Это для беса! В уплату за черное дело! Чтобы ни у кого не осталось сомнений, что тут погуляла бесовская сила.

– Нет беса страшнее, чем человек, потерявший людской облик, – с горечью продолжал Горихвост. – Я и сам грешным делом подумал, что тут без нечистого не обошлось. Однако мельника толкал на это злодейство не бес. Вряд ли он до такого дошел бы, если бы не коварная прихоть его бывшей жены – утонувшей Шутихи. Она и при жизни была криводушной, а уж как превратилась в подводную тварь – тут и вовсе пустилась во все тяжкие. Только она не могла не знать, что

не будет ей выхода с того света.

– Выходит, она и мужа своего обманула? – заключил Всеволод.

– Выходит, что так, – подтвердил Горихвост.

– Но для чего это ей?

– Похоже, задумала еще пуще злодейство. Иначе зачем она подговаривала своего благоверного будить змея?

– В самом деле – к чему это? Змей проснется – попалит землю, ни травинки живой не оставит, – дрожащим голосом произнес Лутоха.

– Ах ты, чтоб тебя! – воскликнул вдруг Дый.

Горихвост с удивлением уставился на Лесного царя: на его памяти это был первый раз, когда тот давал волю чувствам.

– Вода! – коротко бросил царь. – Пожар от змея такой, что ничем не унять. Надежда одна – на бескрайний потоп. Хлынут воды всемирного моря – затопят сушу. Весь наш мир, все поля с городами и селами уйдут на дно. Где сейчас поют птицы и кормятся звери – там одни стаи рыб смогут проплыть. Где высокие горы – там останутся одинокие острова. Придет водное царство. Кто его призовет – тот и станет в нем царствовать.

– Вот оно что! – гулко выкрикнул Горихвост. – Выходит, мало водянице ее омота. Захотела весь мир превратить в дно морское, а самой превратиться в царицу. Вот так желание загадала – не постеснялась!

Князь сделал едва заметное движение рукой, затянутой в

кожаную перчатку. Нежата понял его без слов: тут же снял с пленников цепь, которой пристегивался каменный груз, и принялся разрезать стягивающие их путы. Горихвост с наслаждением сбросил остатки веревок, поднялся, нетвердо шатаясь на хлипких качелях моста, и принялся разминать затекшие руки. Видоша остался лежать, молясь, чтобы о нем поскорее забыли.

– Эй-эй, вы чего? Это же вурдалак! – забеспокоился Курдюм. – Попадете ему на зубок, он костей от вас не оставит!

Но его уже мало кто слушал.

– Что же ты никому не сказал, что подозреваешь мельника? – осведомился Всеволод.

– Догадка казалась мне самому настолько дикой, что, не проверив ее, я не решился бы обвинять друга. Врагом показал себя Видоша, он и навлек на себя подозрения. Но после взятия Сторожевой башни, когда Воропай обмолвился, что все три события Бешеной ночи произошли разом, у меня будто молния в голове сверкнула. Только я сам себе не поверил. Как же так? Ведь Курдюм так стремился помочь мне: и на мельнице прятал, и из Дикого леса вытаскивал вместе с Видошей и Звягой.

– И вправду: зачем ему было стараться?

– Не я ему нужен был, а мой меч Душебор. Без него не закончить обряда, который задумал злодей. Курдюм после взятия башни пропал без вести, а Видоша ударился в бег. Я подумал: подстрою ловушку. Если злодей уцелел – то объ-

явится, даже если конец света наступит. То-то я удивился, когда появился Видоша!

– И тут выскочил мельник, как чертик из табакерки, – задумчиво вымолвил князь.

Чем дальше Нежата слушал эту обличительную речь, тем более недовольным становилось выражение его физиономии. Черная, с седыми прожилками борода задиралась кверху, ноздри раздувались, а огромные кулачищи дергались из стороны в сторону, будто не находя, с кем познакомиться.

– Выходит, ты у нас один такой умный? – не выдержал старый кметь. – Княжеские слуги убийца сыскать не смогли, а вурдалак из Дикого леса прибежал, хвостиком махнул – и на тебе всю правду в готовом виде и за бесплатно!

– А ты на Дикий лес бочку-то не кати! – повысил тон Горихвост. – Если ты со всем своим опытом следопыта с делом не справился, то кто виноват? Снова нечисть?

– Ты-то чего в следствие сунул нос? Ты вообще не при службе!

– Еще бы! На служак вроде тебя понадейся – и злодей будет резать селян, пока не упьется кровью по самое горло. Зато у юродивых, невиновных и беззащитных, враз полетят головы.

– Ты меня службе не учи, – затряс кулаками кметь. – Да, бывает, казнишь человечка, а после окажется, что виноват был другой. Но это не так уж и страшно. Главное – чтобы злодей не ушел от ответа. А если по дороге еще кого-нибудь

зашибет, так извиняюсь, рука правосудия тяжела.

– Нежата, уймись! – строго окликнул подручного князь. – Ревновать сейчас не время. А за то, что вурдалак прежде тебя доискался до правды, я не в обиде. Уж больно хитер злодей. Кстати, с какой стати он вообще высунулся? Его же считали погибшим. Так и ушел бы от ответа. Или ему еще что-то нужно?

– Боюсь, что так, княже, – проговорил Горихвост. – Твоя дочь – единственная в нашем краю девушка благородных кровей. Все остальные простушки. Если злодей замыслил жертву, то без Ярогневны не обойтись.

Вслушиваясь в их слова, Курдюм с тревогой озирался по сторонам.

– Доказательства есть? – деловито осведомился Всеволод.

– Посмотрите в его заплечном мешке, – посоветовал Горихвост. – Если он пришел творить жертву, то должен был прихватить кое-какие вещички.

Князь кивнул слугам. Коняй и Нежата бросились к Курдюму, но тот приставил к шее Ярогневны острие Душебора и с угрозой выкрикнул:

– Куда? А ну, стой! Я из девки кровь выпущу. У меня-то рука не дрогнет!

– Осторожно! Не двигайтесь! – испуганно взвопил Горихвост. – Он уже столько душ загубил, что перестал бояться греха.

Верхуслава побледнела и закусила губу. Ярогнева схва-

тилась ладонью за острие Душебора и принялась отталкивать меч от себя. Из-под пореза на ее пальцах закапала алая кровь.

– Вот чертова девка! – взревел Курдюм и так сдавил тоненькую фигурку, что у девушки хрустнули кости.

Забыв обо всем на свете, Горихвост устремился к дальнему концу мостика. Дорожка под его ногами зашаталась так сильно, что его бросило к краю. Он судорожно вцепился в канаты, пытаясь удержаться и не свалиться в жаркую бездну. А Курдюм уже успел взвалить девушку на плечо и тащил ее прямо к Гранитному острову. Ярогнева вырывалась, визжала и била его кулаками, но толстый мельник не обращал внимания на сыпавшиеся удары. Горихвост почувствовал прилив дикой ярости и бросился вперед.

– Хватай его! Кожу с него сдери! – прокричала вслед Верхуслава.

Ее голос отражался от скалистых склонов вулкана и гремел эхом сразу со всех сторон. Горихвост нагнал мельника у самого конца моста. Багряное корзно Ярогневых мелькнуло перед глазами. Курдюм швырнул тоненькую фигурку вперед: девушка пролетела несколько шагов и распласталась на гранитном берегу острова.

– Не смей трогать девку! – взревел вурдалак.

– Я за свою жизнь столько девок потрогал, что одной больше, одной меньше – погоды не сделает, – ухмыльнулся Курдюм, и принялся рубить мечом канаты, удерживающие мост

на весу.

– Сейчас рухнем! Назад! – закричал Горихвост, обернувшись к толпе.

Всеволод подхватил Верхуславу на руки и бросился к горному склону. Стая селян во главе с Воропаем ломанулась за ним, грохоча и ломая дощатые ступени. Волокна на рассеченных канатах трещали и лопались, пока не остались одни тонкие ниточки в самой их сердцевине.

– Катись в пекло! – выкрикнул мельник, соскочил на гранитный берег и от души рубанул напоследок.

Последние нити канатов с гулом начали лопаться. Перед глазами Горихвоста мелькнул зеленый мятль, поверх которого болтался заплечный мешок. Он кинулся вперед и вцепился в мешочные ремни. Мельник, испугавшийся, что его сбросит в пропасть, отстегнул их. Мешок сорвался с его спины и остался в руках вурдалака. И тут последний канат с оглушительным хлопком лопнул. Падающий мостик бросил Горихвоста вниз, прямо к кипящей лаве. Как язычок плети, кончик моста хлестнул по скалистому обрыву, от души приложив о шершавую стенку оседлавшего его человечка.

Селяне во главе с князем уже толпились на противоположном берегу. Обрубленный мостик повис в пропасти, лопнувшие канаты дернулись, будто в конвульсиях. Их дальние концы потерялись за крутыми изгибами скал. Всеволод подошел к обрыву, заглянул через край и спросил:

– А что наш вурдалак? Неужто пропал?

Нежата с Коняем вытянули на скалу остатки моста, на дальней ступеньке которого раскачивался, цепляясь за дощочку, Горихвост. В руке он продолжал сжимать заплечный мешок мельника.

– Что, уже отпевать меня вздумали? – спросил он, выбираясь на ровную твердь.

Нежата развязал тесемки на горловине мешка и начал вытряхивать его содержимое на каменный пяточок. И тут же взвыл от боли. На ногу ему с глухим стуком свалился железный клевец на длинной деревянной ручке. Одна сторона боевой части вытягивалась кривым долгим жалом, напоминающим птичий клюв, а вторая обрывалась тупым плоским чеканом в виде тяжелого молота. Этот молот и грохнулся на стопу кметю, вызвав непроизвольную волну брани.

– Я этот клевец узнаю, – оживился Воропай. – Это «Вороний коготь». Злоба повсюду его таскал.

– А что там еще? – с любопытством полез вперед Жихарь.

Вслед за клевцом о замшелые камни хлопнулся ветхий книжный оклад с колдовским знаком на лицевой дощечке. Воропай потянулся к нему, и тут же отдернул ладонь, будто испугался обжечься.

– Она самая! Черная книга! – с суеверным ужасом произнес он.

– Не трогай! – строго велел князь.

– Это еще не сама книга. Это всего лишь оклад, – успокоил старосту Горихвост. – Но и его достаточно, чтобы удосто-

вериться: мельник – тот самый тать, которого все искали.

– Я его заберу, – потянулся к окладу Дый.

– Забирай, и храни подальше от жадных рук, – согласился князь. – Осталось найти саму книгу, иначе кто-нибудь доиграется и таки вызовет бесов из пекла.

Наконец, вслед за книжным покрытием из мешка выпала скатанная свитка из черного бархата с серебряным черепом и двумя скрещенными шестоперами, вышитыми на спине. Рядом со свиткой упала пушистая шапка со свисающим колпаком, в котором ясно виднелись три прорези для рта и глаз. Сверху их щедро осыпал ворох сушеных листьев конопли. Мелкая пыль облачком потянулась в нос Горихвосту, отчего он звонко чихнул.

– За этими дырками он и прятал глаза, когда водил меня за нос в Змеином черепе, – подобрал колпак, проговорил вурдалак.

– Вот и свитка, – добавил Воропай. – Сколько раз прежний барин рассказывал, как отбил полковое знамя в бою. Да враги его так потрепали, что оно стало негодным. А жена воеводы из него сшила свитку, ей Злобу и наградили за доблесть.

Нежата тщательно ощупал толстый бархат и заключил:

– Пятна крови – повсюду. На черной ткани они почти не видны, но их тут тьма тьмущая. Душегуб даже ее не стирал. Видать, верил, что кровь его жертв копит силу. Что ж, улики неоспоримы. Раз у татя нашлись одежда с оружием убитого вотчинника – значит, он его и сгубил. Ну а оклад чер-

ной книги из избы Дедослава свидетельствует, что Курдюм и есть убийца волхва. Забрать книгу мог только он.

– Вина мельника доказана, – подвел итог князь. – Но у него моя дочь. Что он хочет с ней сделать?

Глава 14. Жертва

Последние остатки тумана рассеялись. Свежее осеннее утро радовало дремучий лес, стеной обступивший Змеиную гору. Ночной холодок отползал в низины, с негодованием ругаясь на солнечные лучи треском сучьев и шелестом опавшей листвы. На это невнятное бормотанье отвечал заливистый щебет птиц, собирающихся в свое ежегодное путешествие к верхушке Древа миров, где их поджидала чудесная страна Вырий.

Но Горихвосту не было дела до этого радостного буйства природы. Подступив к самому краю обрыва, он с тревогой вглядывался в противоположный берег, лежащий за огненной пропастью. Там, на Гранитном острове, среди холодных каменных плит, что были, казалось, вытесаны неведомым великаном в незапамятные времена, разворачивалась отчаянная схватка.

Ярогневе удалось вырваться из липких ладоней мельника. Она подбежала к ступенькам моста, но увидела лишь короткий обрубок, свисающий с обрыва. Горихвост ясно видел, как она рванулась вперед в отчаянной попытке найти хоть какую-то переправу, но огненная пропасть внизу кипела и пучилась пузырями, не оставляя надежды на спасение. Княжна запрыгала на берегу, размахивая руками и звонко

выкрикивая:

– Батюшка! Мама! Я тут! Помогите!

Но мельник уже набрасывался на нее сзади и выкручивал руки.

– Горюня! – завывла княжна.

Багряное корзно, зацепившееся за обломок доски, сорвалось и поплыло над бездной, как пламенеющий ковер-самолет. Горихвост дернулся вперед, но там, под ногами, простиралось лишь кипящее варево, выстреливающее снопами рдяных искр. Он заскрипел зубами, невольно обнажив пару клыков.

До другого берега было не меньше десятка сажений. Упругая фигурка Ярогневы запуталась в зеленом мятле Курдюма. До нее было, казалось, рукой подать – происходящее разворачивалось прямо перед глазами. Но Горихвост мог только рычать и щериться от бессилия при виде врага, до которого было не дотянуться.

Накидка плавно опустилась в бурлящие пузыри лавы. Несколько мгновений кипящее варево не трогало ткань, как будто соображая, что делать с этой неожиданной добычей. Затем оранжевые пузыри вокруг корзна вздулись, забулькали, и жадно набросились на золотистого сокола, сжавшего в когтях дубовую ветвь. В считанные секунды чавкающая жижа засосала корзно в свое чрево и принялась его переваривать, от удовольствия лопааясь пузырями и рассыпая искры.

– Не смей меня лапать, подлец! – звонким голоском вы-

крикнула княжна, пытаясь отбиться от наседающего Курдюма.

Но мельник так крепко схватил ее, что вырваться не удалось.

– Только попробуй сделать что-нибудь с дочерью! – выкрикнул Всеволод, присоединяясь к Горихвосту.

Подскочив к краю обрыва, князь так толкнул вурдалака, что тот едва не слетел вниз. А Курдюм нарочно подтащил деву к самому краю моста и на глазах у отца принялся срывать с нее малиновый пояс с позолоченной бляшкой, расшитую узорами рубаху, и даже тонкие ноговицы из небесно-голубого шелка. Княжна осталась почти голой – лишь тонкая юбочка еще продолжала болтаться на ее бедрах, почти ничего не скрывая.

– Смотрите и наслаждайтесь! – орал мельник, подталкивая деву к обрыву. – Что захочу – то с ней и сделаю! Захочу – обнасилю! Захочу – в огне утоплю! И никто мне не помешает! Мне никто не указ! Слышишь, князь? Ты проглядел измену лучшего друга. Тебя выперли из столицы, как последнего нищеврода. Ты потерял белый стол вместе с княжеством и дворцом, а теперь потеряешь и дочь. Чего стоит правитель, который не может защитить ни свое владение, ни свою семью? Ты – ничтожество! Пустое место! На тебя только плюнуть и растереть!

И супружница твоя благоверная – вся муженьку под стать. Низкий поклон тебе, великая княгиня Верхуслава свет Дер-

жимировна! Благодарствую за то, что растила такую чудесную дочь. Вот она, перед вами – красавица, умница, мастерица, каких свет не видывал. Небось, думали, что она пойдет невестой к заморскому принцу? Сыну какого-нибудь королька? По глазам вижу – думали! А она пойдет в жертву змею! Не судьба ей ублажать принцев в королевской постельке! Не судьба царствовать в дальнем царстве! А судьба пролить кровь на древнем алтаре, что в прежние времена видел сотни зарезанных девок. Хотите знать, что с ней будет? Я распластаю ее на столе, взрежу вот эти вот белые грудки мечом и выну горячее сердце! А кровь спущу в колодец, на дне которого дремлет чудовище. Как только первая капля попадет ему в рот – так тут же оно и проснется. И сожрет вас всех к чертовой матери, так что и памяти не останется от вашей славы и гордости!

– Придурок, он и тебя сожрет! – не сдержавшись, выкрикнул Горихвост.

– А вот и нет! – захохотал Курдюм. – Кто змея разбудит – тот его повелитель. Чудище сделает все, что я ему прикажу. А я уж знаю, что приказать. Я давно это обдумал.

– Над змеем нет повелителей, – прозвучал голос Дыя. – Он над собой ничьей власти не терпит.

– Скажи это кому-то другому! – самозабвенно заливался Курдюм. – И ты сам, и твой лес, и твои дикие твари – все вы тут же сгорите в огне, и никто вас не убережет. Даже если обрушится Мироствол, даже если небо падет на землю

– пусть так и будет. В новом мире не будет нечистой силы, разве что моя женка вернется всевластной богиней и согнет всех в бараний рог!

– А ты не боишься, что она тебе отомстит? – вмешался Нежата.

– Если б она захотела мне мстить, то давно б это сделала, – не унимался Курдюм, хватая золотистую косу княжны и наматывая себе на кулак. – Нет, я – единственный, кто ей близок. Я ради нее все, что хошь, сделаю. Вы все сгинете, а мы станем хозяевами в этом мире. Будем, как царь и царица небесные. Что ты морщишься, старый кметь? Не сумел меня разгадать? Весь твой опыт и вся твоя сила оказались напрасны перед моей хитростью. Так какая тебе цена? Выходит, ты не слуга, а пес шелудивый! И гнать тебя надо в лес, чтобы ты там подох, да только вы все скоро сдохнете, как собаки!

Кто вас будет жалеть? Вон, к примеру, Коняй. Слышишь, конюх? Ты так долго возился с конями, что сам стал похож на лошадь. Посмотри на свое отраженье! Лошадиная рожа, лошадиные зубы, а глазищи, глазищи-то – вылитая кляча. Пахать на тебе и пахать, до тех пор, пока не отбросишь копыта!

Или ты, Воропай! Небось, думаешь, что ты такой важный? Как же! Столько лет сельским старостой. Просто первый мужик на деревне! А сама-то деревня – одни лужи да грязь. Из приличных людей в нашу сторону никто даже не смотрит. Вот и вышло, что ты – первый разве что среди смердов. Драный лапоть тебе под забор, вошь заразную тебе в гриву!

Все вы стоите вашей княжны – этой молоденькой дуры, что свое девство хранила не для жениха, не для заморского принца и даже не для удельного князя из грязного захолустья, а для чудовища-змея, что напьется непорченной крови и наберет силу, которой вас же всех и погубит!

Ярогнева, которую мельник нещадно драл за косу, упала на колени. Лицо ее исказилось от боли. Тонкие руки пытались оторвать от себя потные ладони мельника, но тот сжимал волосы так крепко, что все ее усилия пропадали впустую.

– Зачем тебе сдалась эта дева? – упавшим голосом взмолился Горихвост. – Возьми лучше меня. Принеси меня в жертву. По вурдалаку плакать и вправду никто не станет.

– Да кому твоя шкура нужна? Что с ней делать? Разве что блох кормить! – затрясся от смеха Курдюм. – Ты же самая бесполезная тварь в нашем мирке. Я тебя уже десять раз мог прирезать. Например, тогда, в бане, когда ты лежал передо мной, как младенец. Да только Шутиха меня предупредила: не убивай его, пока не проверишь заветного слова. Кто знает – то ли наколото у него на спине? Лишь после того, как мы отомкнули твоей «ведой» книгу, и на ее черных страницах проступили колдовские письмена – стало ясно, что слово то самое. Тут бы тебя и прикончить, да вот досада – из книги выяснилось, что резать княжну надо волшебным мечом, что твой дед достал в Змеином храме. А ты, лох блохастый, умудрился меч потерять. И добро бы, его отнял великий во-

ин, или неведомый богатырь. Так нет же! Его отняла у тебя эта девка. Да ее же соплей перешибить можно. Полюбуйтесь, как она дрожит от легонького ветерка!

– Да, я сам подставлял тебе спину, – с горечью согласился Горихвост. – Потому что я верил в друзей. Пусть меня предавали сто раз, пусть обманывали – а я все равно верю. Для кого еще жить, как не для тех, кто рядом с тобой? Пусть они и гоняют меня в хвост и в гриву. Вот этот вот Воропай, что на выстрел не подпускал меня к жилью. Вот эти вот бабы и мужики, что шарахались от одного моего следа и винули меня в каждой пропавшей скотине. Этот князь, что готов был расправиться со мной, как со зверем, и его слуги, которые праведным долгом считали извести нечисть под корень. Да что люди! Моя родная братва, мои лесовики, и даже мой государь – Лесной царь – даже они от меня отвернулись. И все равно – я готов голову за них положить. Потому что кроме них, у меня никого не осталось. Пусть они не такие, как мне бы хотелось. Но других нет. И мирка у меня нет другого – только этот. Только лес с Волчьим логовом и Миროстволом, только Грязная хмарь с ее лужей поганой. Я другого в жизни своей и не видел. Так что я себя не жалею. Надо будет еще раз подставить спину – подставлю. Режь меня, если хочешь. Вот моя голова!

– Ай, чего с вами болтать попусту? – разразился последней тирадой Курдюм. – Все равно вы приговорены. Вы покойники, хоть еще и не успели это почуять. От змея вам не

уйти – всех сожрет с потрохами. И людей, и лесных тварей, и даже Дыя с его ведовством, и никакая шуба из горностаия от этого не упасет. Все, пора с вами кончать. Прощайтесь с княжной! Эй, девчуня, скажи батьке «прощай»! Ах, да, у тебя же их двое... Ну, обоим скажи!

И он поволок полуголую Ярогневу к винтовой лестнице, вьющейся вокруг вежи.

– Да что же это за бесчинство? – не сдержал возмущения Дый. – Не потерплю поругания своей дщери! Пусть по крови она мне и приемная, зато по духу – роднее родной!

Горностаевая мантия слетела с его плеч на руки помощникам. Под накидкой открылась льняная сорочка, расшитая травным узором, но и она полетела на камни, как тонкая простыня. Дубовый венец на его голове распустился и расцвел тысячью ярких цветов. Каштановые локоны взвились и превратились в упругие ветви, которые поползли во все стороны. На концах их раскрылись зеленые листья со спелыми желудями, а загорелая кожа царя на глазах покрылась толстой бурой корой. Дый вырос в три человеческих роста, поднявшись над головой не только ошеломленного Горихвоста, но и над гребнем скалы, отделяющей жерло вулкана от окрестностей. Вурдалак увидел перед собой величественное дерево с густой кроной, но из-под ветвей на него смотрели пронзительные карие глаза, а две длинных руки в виде сучьев разрослись и вытянулись так далеко, что перекинулись на противоположный берег. Цепкие пальцы на разветвленных ла-

донях начали шарить по гранитному склону, подбираясь все ближе и ближе к Курдюму.

– Что, попался, толстяк? Не уйдешь! – ликующим голосом выкрикнула Ярогнева.

Всеволод застыл на берегу, раскрыв рот, да и сам Горихвост мог лишь наблюдать, как упругие ветви оплетают мельника и тащат его обратно, к обрыву, под которым кипит оранжевая лава.

– Выпусти деву! – голосом, похожим на гул тысячи труб, выдохнул Лесной царь.

– И не подумаю! – упираясь, завопил мельник. – Только попробуй столкнуть меня в озеро! Я и девку с собой утащу. Вместе сваримся!

И он еще крепче охватил толстыми лапами Ярогневу, прижав ее к себе так, что она перекосилась от боли.

– Царь, не трогай его! Хуже будет! – заголосила Верхуслава, бросаясь к Дью.

Однако дотянуться до лица Хозяина леса она уже не могла. Ее роста хватало лишь на то, чтобы перепрыгивать через толстые корневища, в которые превратились Дыевы ноги.

– Не погуби дочь! – сурово вымолвил Всеволод.

– Не беспокойтесь! – загудел Дый. – Я остороженько!

Наклонившись над пропастью, он оперся руками-сучьями о другой берег и принялся разнимать мельника и княжну. Пальцы-ветви так плотно опутали Курдюма, что из-под зеленой листвы едва торчал его нос. Другая рука ухватилась за

Ярогневу и принялась бережно оттаскивать ее подальше от разбушевавшегося злодея. Курдюм выпустил деву и отчаянно заверещал, размахивая, как безумный, руками и ногами. Утробно расхохотавшись, Дый потянул его к краю обрыва, намереваясь столкнуть.

В это мгновенье Видоша, про которого все забыли, вскочил на ноги, сверкнул глазами, и, подобрав длинные рукава ферязи, ринулся на Нежату.

Хлоп! – и боярский кулак со звоном врезался кметю в лоб. Шмяк! – старый воин грузно рухнул на камни, выпустив из рук саблю. В один миг Видослав завладел своим любимым оружием, выудил саблю из ножен, и, подняв высоко клинок, заголосил:

– Что, списали меня со счетов? Рано радуетесь!

– Держи переветника! – виновато завыл Нежата, безуспешно пытаясь подняться.

Боярин пихнул его в бок сапогом – от души, не жалея сил, отчего кметь покатился по склону.

– Ох ты, чтоб тебя! – глухо ухнул Дый, оборачиваясь.

Одна из его ветвей протянулась к Видоше и принялась оплетать рваную ферязь. Боярин рванулся вперед, но смог продвинуться лишь на полшага.

– Не уйдешь! – хохотал Дый, срывая с боярина остатки лиловой накидки.

– Врешь, чудище лесное! – голосил Видослав, ловко орудуя саблей. – Не на того напал!

Обнаженный клинок в его руках сверкал так, что Горихвост едва мог за ним уследить. Лучи дневного светила так и вспыхивали на кончике сабли. Вжух! – и острое рассекло тонкое запястье ветви, одним взмахом отрубив древесную ладонь.

– Ай! – вскрикнул от боли Дый.

Руки-сучья безвольно повисли. Даже те его лапы, что протянулись к берегу Гранитного острова, разжались и выпустили добычу. Курдюм вырвался из мертвой хватки ветвей, подхватил Ярогневу и выкрикнул:

– Поделом тебе, пень трухлявый! И на деревянный калач найдется железный зуб!

Торжествуя, он поднял с земли крупный обломок гранита и запустил его в гущу листвы. Камень смял ветки, причиняя Дью еще больше боли. Лесной царь взвыл и резко отдернул лапу, отчего она соскользнула в провал. Камень запутался в ветках и начал клонить ее вниз, прямо в огненный поток, булькающий на дне пропасти.

– Осторожней! Сгоришь! – тревожно предупредил Горихвост.

Но теряющий силы Дый не мог удержать на весу свои длинные руки. Под тяжестью груза сук наклонился так низко, что окунулся в огонь. Пламя вспыхнуло, затрещало и поползло вверх по коре, жадно облизываясь и подбираясь к древесным плечам. Дый зашелся от глухого стога, но вытащить увязшую лапу ему не удавалось: он лишь бултыхал ею

в лаве, отчего пламя охватывало все новые и новые побеги.

Видоша окончательно освободился, сбросил с себя остатки древесных пут и без лишних слов начал карабкаться на горный склон.

– Как? Куда же? Постой! – растерянно голосил Нежата, обдирая колени о камни, плывущие под его ногами.

Расстояние между ним и беглецом от этого только росло, и становилось понятно, что кметю боярина не ухватить. Оказавшись на гребне скалы, Видослав обернулся, погрозил князю саблей и выкрикнул:

– Я вам еще покажу!

– Что ты покажешь, олух? – с досадой откликнулся Горихвост, но Всеволод лишь махнул на него рукой и сказал:

– Пусть бежит. Не до него сейчас. Тушите Дыеву длань!

И он первым поспешил на выручку Лесному царю. Как по приказу, за ним тут же бросился Воропай с целой толпой селян, не говоря уже о лесовиках, которые дружно вцепились в горящий сук и принялись тащить его из озера. Совместными усилиями древесную руку удалось вытянуть на бережок. Горихвост первым сорвал с себя вотолу и набросил ее на полыхающие ветви. Его примеру последовал князь, пустив в дело свое дорогое корзно. Лутоха неистово сбивал пламя ветхой рубахой, оголив по пояс худое, истерзанное тело. Последним к всеобщему столпотворению успел Нежата: он навалился на ветки грудью и принялся закутывать их в набросанные одежды, не оставляя огню воздуха.

Пламя под Горихвостовой вотолой возмущенно зафыркало, попыталось глотнуть кислорода сквозь шелку, но его тут же прикрыли, и оно задохнулось. Из-под княжеского корзна запыхтели клубы дыма, ударив в чуткий нюх вурдалака едким запахом гари.

Дый стонал, закрывая глаза – по его вялым движениям чувствовалось, что он не пришел в себя. Видослав сделал в их сторону неприличный жест, перепрыгнул через гребень скалы и скрылся из виду. Горихвост опустился на раскаленные камни и отдышался.

– Вот беда! – с горечью выговорила Верхуслава. – Мельник-злодей поволок дочку на лестницу. Даже представить боюсь, что он хочет с ней сделать.

Княгиня стояла на краю обрыва и вглядывалась вдаль. На том берегу Курдюм затаскивал Ярогневу на винтовую лестницу, ведущую к Змеиному черепу.

Ветви Дыя наконец перестали дымить. Лесной царь вернул себе человеческий облик. Его лицо, обычно темное от загара, поразило Горихвоста неестественной бледностью. Русалка Шипуня засуетилась вокруг, стирая со лба повелителя капли зеленого пота. Одна рука Дыя безвольно свисала. Ладонь почернела от огня. Смотреть на нее было страшно, и Горихвост перевел взгляд на другую руку, но и на ней не хватало пальца, срубленного боярской саблей. Из раны струилась алая кровь. Капли стекали на каменный склон, и в тех местах, куда они попадали, тотчас пробивались сквозь мох

и расщелины диковинные, ярко-красные цветы на сочно-зеленых стебельках.

Пыхтя и потея, Курдюм затащил Ярогневу на винтовую лестницу. Извивающееся тело дракона, скутившегося вокруг вежи, приняло в свою темную утробу толстую фигурку мельника и тоненький силуэт девы, вырывающейся и кричащей. Несколько шагов по ступеням – и они скрылись в тени.

– Доченька, только держись! – кричала им вслед Верховслава. – Мы с отцом тебя выручим! Мы тебя не дадим в обиду!

Однако как только Ярогнева пропала из виду, княгиня прижала ладони к лицу и разрыдалась. Всеволод обнял жену и постарался утешить, но нужных слов не находилось, и он только гладил ее по волосам, спрятанным под убрус.

– Все, что хотите, отдам за дочь! – обратился князь к слугам. – Кто спасет ее – для того ничего не пожалею. Век тому буду обязан, только помогите!

Воропай растерянно переглянулся с Духаней. Жихарь бестолково носился по краю обрыва, размахивая кочергой и грозя острову, на котором виднелись лишь одинокие птицы. Пятуня раскручивал конец веревки, намотанной на шею, но, глядя на его неуверенные движения, Горихвост сразу понял, что он не добросит до противоположного берега. Нежата уселся на камень, нависающий над обрывом, и так вцепился в собственную бороду, что казалось, будто он норовит вырвать из нее клоч.

– Как же быть? – потерянным голосом пробормотал Кояй. – Через огненное озеро не перебраться.

Вурдалак сорвался с места и сдернул с шеи Пятуни толстый моток веревки. Конец он накрепко привязал к деревянной рукояти клевца. Бросок – и клевец взвился над пропастью. Вербка потянулась за ним, извиваясь тоненькой змейкой. Дзвеньк! – и острый клюв ударился в гранитные зубцы острова. Над огненным озером протянулась нить. Горихвост дернул ее и убедился, что клевец застрял между камней. Нежата помог закрепить второй конец, и туго натянутая веревка зазвенела, как тетива.

Лесной царь приблизился к вурдалаку и обнял его, как медведь.

– Если мельник успеет разбудить змея, то ни лес, ни деревня уже не увидят завтрашнего утра, – проговорил Дый. – Всему нашему краю настанет конец. Прости за то, что я сомневался в тебе. Прости за то, что винил в чужих грехах. Теперь я вижу, что никто, кроме тебя, не сможет спасти наш мирок.

Горихвост заглянул в пропасть. Оранжевое варево бурлило и пузырилось, выстреливая в небо россыпью огненных искр. Тоненькая струна звенела над бездной, утопая в клубах сизого дыма, поднимающегося со дна. Он поплевал на ладони, прижался всем телом к натянутой тетиве, и пополз над пылающей пропастью, неловко перекидывая ноги.

Курдюм уже успел распластать Ярогневу на широком сто-

ле алтаря. Лесная охотница отчаянно пыталась выкрутиться, но тугие ремни стиснули ее запястья, не давая пошевелиться. Ее тонкое тело, почти ничем не прикрытое, вдавилось в холодную яшму. Под белой кожей вздулись темно-синие жилы, но их напряжение пропадало впустую: вырваться из пут не удавалось.

Курдюм подставил Кровавую чару под желобок для стекающей крови, погладил толстой ладошкой упругую белую грудку и с вожделием облизнулся.

– Эх, до чего ж ты хорошенькая! – засмеялся он. – Так и отведал бы твоей девичьей невинности. Жаль, нельзя – ты нужна мне для более важного дельца.

Он провел лезвием Душебора по ее животу, оставляя багровый след.

– Вот тебе! – завелась Ярогнева, извернулась и заехала каблуком в его толстое брюхо.

Раздался смачный шлепок.

– Ах ты, стерва! – рассвирепел мельник. – Я тебе кишки выпущу! Свои собственные потроха съесть заставлю! Умолять меня будешь, чтоб я тебя прикончил!

И он заткнул рот девушки кляпом, для верности придавив его кожаным ремешком. Мельник действовал сосредоточенно и неторопливо: он не сомневался, что на острове, отделенном от берега лавовым потоком, ничто ему не угрожает. Осмелев от безнаказанности, он, поджег ворох конопли, припасенный в углу, и сунул голову в клубы дыма, потя-

нувшиися к потолку.

Горихвост спрыгнул на гранитную скалу.

– Оружие не забудь! – крикнул с того берега князь.

Уже сорвавшийся было с места Горихвост выудил из расщелины клевец и прикрутил веревку к выступу каменного зубца.

– Что, выручил тебя твой вурдалак? – надышавшись, спросил Курдюм и наклонился над девой, распятой на алтаре. – Ни князь со всеми своими подручными, ни Лесной царь с нечистой силой не смогли меня остановить. Да что царь – сами боги, если они еще здесь, давно закрыли глаза на то, что я тут творю.

Он положил пухлую ладонь на пупок девушке, которая закрипела зубами и выгнулась, но не смогла вырваться из ремней, опутавших ее руки и ноги.

Горихвост бросился к лестнице, ведущей в Змеиный череп. Курдюм облизнул толстые губы и проговорил:

– Какая ты вкусенькая! Так бы и скушал. Кстати, что-то меня голодок пробрал. И горло пересохло, как пустырь на солнцепеке. От конопляного дыма у меня всегда так. Вот спасибо Шутихе – надоумила, как выжать из конопли всю ее пользу. Раньше-то, с первой моею супружницей, я ничего такого не знал. Хотя и отец мой, и дед спокон веков вымачивали в заводи конопляные стебли, а после сушили в печи. И только Шутиха присоветовала мне дать им чуть-чуть подгореть, а потом вдохнуть их травный вкус. Хочешь попробо-

вать? Ишь ты, какая норовистая!

И мельник громогласно расхохотался, глядя на то, как отчаянно его пленница пытается выкрутиться. В этот раз его перегнуло от смеха – он скорчился и упал коленями на яшмовую ступень, с которой можно было подняться к гладкой столешнице алтаря.

Отсмеявшись, Курдюм приподнялся, навис над растянутой девой, и, высунув сизый язык, принялся облизывать ее живот. Ярогнева возмущенно завыла сквозь кляп.

– Ты меня не боись, – шептал мельник. – Я тебя не испорчу. Ты нужна мне целехонькой. Только девичья кровь может разбудить змея. А где змей – там богатства. И исполнение желания. Знаешь, какое мое желание? Чтобы моя Шутиха – моя единственная любовь, которая свела меня с ума так, что я отравил собственную жену – снова оказалась со мной. Но на этот раз, пройдя через смерть, она поймет, что напрасно баловала с другими. Она увидит, что я для нее сделал. Тогда она станет моей, навсегда, безоглядно. А если ей суждено стать царицей морей – то я буду царствовать вместе с ней. Боги, какая сушь в горле! Все бы на свете отдал за глоток воды!

Он поднял в руках Душебор.

– В прошлый раз я приходил с черной книгой, – зашептал он. – И едва не лишился ее. В этот раз я умнее. Книга в надежных руках. Твоим дружкам ее не получить. Может, они думают, что я без нее не справлюсь? Ха-ха, они плохо зна-

ют Курдюма! Шутиха читала мне вслух заклинания, одно за другим. И я запомнил их все, до последнего слова! Хочешь, я и тебе почитаю?

И он забубнил, поглаживая рукой изображение змея на каменном барельефе:

– Как за морем Хвалынским, на Руяне на острове, стоит бел-горюч камень Алатырь. А под камнем тем дремлет змей – жало острое, хобот огненный. Поднимаю я камень, выпускаю я змея. Ты лети, огнезмей, в поднебесье, на волю. Принеси, огнезмей, мне сокровища, что копил ты веками. Я взамен напою тебя кровью девы невинной рода благого, рода княжеского. Хлебни, змей, алой крови. Напитайся живым духом и силой. Оживи и воскресни после долгих лет мертвой спячки! Подчинись мне, Курдюму, и исполни все, что я тебе повелю!

Мельник подставил Воропаеву чару под желобок для стекающей крови, провел острием Душебора девушке по груди и царапнул ее тонкую кожу. Ярогнева застонала сквозь кляп.

– Пришла пора вырвать из груди твое сердце! – взревел Курдюм.

В этот миг из темного лестничного проема вырвался Горихвост с клевцом в руках.

– Ха, вот и наш вурдалашка явился! – зашелся Курдюм от внезапного приступа хохота.

На этот раз его так переклинило, что он едва смог разогнуться.

– Отойди от нее! – выкрикнул Горихвост.

– И не подумаю! – сквозь хохот проговорил Курдюм. – Змей уже почуял ее кровь. А ты опоздал!

До алтаря оставалось не меньше тридцати шагов. «Не успею!» – мелькнула мысль в голове вурдалака.

– Все, хватит возиться! – внезапно оборвал свой смех Курдюм, обеими руками ухватился за рукоятку меча и занес его над девой.

– Стой! – в панике завопил Горихвост.

– Змей, пробудись! – громогласно протрубил мельник и начал опускать острие на грудь Ярогневы.

Горихвост со всех ног бросился к ним, но увидел, что и вправду опаздывает. Не раздумывая, он на ходу запустил в Курдюма клевец. Железный наконечник ударил мельника в плечо, тот громко вскрикнул и выпустил меч. Рука его безвольно повисла, Душебор ударился о мраморные плиты пола и зазвенел.

Увидев Горихвоста, Ярогнева на алтаре дернулась и замычала. На тонких руках вздулись прожилки, ладони попытались вырваться из ремней, которые крепко притягивали запястья к яшмовому столу, но все усилия пропали даром. Курдюм перехватил меч, вытянул его в сторону Горихвоста и положил онемевшую руку на голый живот девы.

– Только попробуй! – с угрозой произнес он.

И тут на Горихвоста нахлынула такая ярость, что он перестал отдавать себе отчет в своих действиях. Всего несколь-

ких прыжков хватило, чтобы приблизиться к алтарю и схватить тяжелую чару, подставленную под желобок для стекающей крови. Курдюм рубанул Душебором, пытаясь раскроить ему лоб, но Горихвост вытянул руку и подставил облезлую медь под удар. Клинок рассек чару чуть ли не до дна, она вырвалась из ладони и с жалобным звоном покатила по полу. Ярогнева опять замычала, пытаясь вытолкнуть кляп изо рта.

– Не смей ее трогать! – тяжело дыша, выговорил Горихвост.

– Это еще почему? – осведомился Курдюм.

– Она не твоя!

– Может, ты думаешь, что твоя? – расхохотался мельник. – Ты что, к этой девке неровно дышишь? Лучше бы выбрал суку, как я предлагал.

– Думаешь, можно просто так у нее жизнь забрать?

– Почему просто так? – возразил Курдюм. – Вовсе не просто так. Она послужит большому делу. Разбудить змея – кто еще на такое способен? Ведь с ним даже боги едва справились. А эта тощая дурочка в лесу выросла, как дичок. Пользоваться таким дичком – все равно что срубить в чаще деревце. На месте срубленного десяток новых поднимется. Не жалея леса, Горюня – вон его сколько вокруг, весь твой.

– Жизнь – не лес, а люди – не щепки, – сказал Горихвост, поднимая клевец с мраморных плиток. – Рубить их никому не позволено.

– Отчего же все это делают? – притворно удивился Кур-

дью, подбираясь поближе. – Князь, Нежата, боярин Видоша – они чем занимаются? А селяне со старостой? Им так легко приговорить своих ближних. Да и сам ты: попадись тебе под горячую руку – порвешь.

Горихвост принялся рубить тугой узел ремня, стянувший пленницу. Однако узел не поддавался: клевец был приспособлен для того, чтобы чеканить и пробивать насквозь, но никак не резать и рассекать.

– Я в одном шаге от цели, – подбираясь, бормотал мельник. – У меня все на карту поставлено, проиграть я уже не могу. Не уйдешь по-хорошему – станешь кормом для змея. Слышишь – он уже просыпается. Его будят мои заклинания. Осталась всего капелька девичей крови, и дело будет доделано. Брысь отсюда, волчонок! Ты тут лишний!

– Брысь? Ты мне «брысь» говоришь, будто кошке? – разъярился вурдалак.

Узелок почти распутался, осталось лишь посильнее дернуть.

– А кто ты? Человек? Как бы не так! Тебя все за зверя считают! – выкрикнул Курдюм, запрыгивая на столешницу.

Он сделал резкий выпад, едва не наступив на живот Ярогневе, и резким пинком выбил клевец из рук Горихвоста. Железный наконечник глухо звякнул о яшмовый стол рядом с девой.

Глухой рокот на дне колодца перешел в череду громовых раскатов. Язык раскаленной лавы выплеснулся и заце-

пил вурдалака веером ярких искр. Горихвост чертыхнулся и отскочил подальше.

– Что, не нравится? – расхохотался Курдюм. – Змей уже лезет наружу. Хана вам пришла, мои миленькие!

Он спрыгнул на Горихвоста и погнал его вдоль ограды колодца, пытаясь проткнуть клинком. Стараясь не попасть ногой в лужи застывающей лавы, вурдалак бросился бежать по залу, мимо стен, увешанных охотничьими трофеями и головами животных, некогда принесенных тут в жертву.

– Вот ты и попался, дружок! Тебе некуда деться! – проговорил мельник, подступая к нему с мечом.

Горихвост кинул взгляд по сторонам. Он оказался зажат в углу, и даже сверху, над головой, нависали огромные, ветвистые лосиные рога.

– Вот тебе! – сделал резкий выпад Курдюм.

Острие Душебора понеслось Горихвосту в грудь. Он подпрыгнул, ухватился руками за рога, подтянулся повыше и повис, болтаясь в воздухе. Меч ударил о стену и выбил из мрамора несколько острых осколков. Тяжелая лосиная голова закачалась, раздался треск, и железный штырь, на который она была насажена, вырвался из стенной плиты.

– Иди ко мне! – суетился Курдюм, пытаясь поддеть вурдалака снизу.

Но Горихвост не мог ничего поделывать. В обнимку с рогатой головой он рухнул вниз, придавив Курдюма так, что тот распластался по полу. На несколько мгновений все сме-

шались в комок: и толстый мельник, хватаящийся за меч, и вурдалак, от ударов потерявший представление, где он и в каком состоянии, и лосиная голова с длинными рогами, взирающая неживыми глазами на двух проходимцев, потревоживших ее покой.

Они вскочили одновременно. Курдюм замахнулся Душебором, но Горихвост направил на него рога и начал отталкивать от себя, пользуясь тем, что их раскидистые ветви длиннее пухлых рук мельника.

– Звал меня? Вот я и иду! – голосил вурдалак, бодая противника, как заправский лось.

Курдюм вынужден был отступать. Через несколько шагов он оказался прижат к стенке алтаря. Рога врезались в изображение змея, взлетающего с останками жертвы в пасти. Мельник ловко извернулся, и, вскарабкавшись на ступеньку, приставил меч ко лбу Ярогневы. Кровь отхлынула от лица и без того бледной девы. Она попыталась отвернуться, но тугая веревка так прижимала ее голову, что она едва шевелилась. Курдюм полоснул клинком по ее щеке. Горихвост зажмурился и сжал зубы от боли, как будто удар попал по нему самому.

– Ах ты, подлец! – зазел девичий голос. – Только попробуй меня тронуть!

Вурдалак распахнул глаза. Удар Душебора пришелся не по лицу девушки, а по ремешку, продетому через уголки ее рта. Курдюм отбросил срезанные концы и вытащил кляп. Едва вернув способность ворочать языком, Ярогнева обрушила

на хватку целый шквал ругани и угроз. Мельник слушал ее, ухмыляясь, а затем влепил оглушительную пощечину и приказал:

– Я не для того дал тебе слово, чтоб ты меня костерила. Скажи своему дружку, чтобы он бросил рога и сдавался.

– Не смей сдаваться, Горюня! – закричала княжна. – Обернись волком и загрызи этого изверга!

– Он меня до такого озверения довел, – откликнулся Горихвост, – что я уже и не помню, когда я волк, а когда человек.

– Бей его чем попало! – верещала княжна. – Хоть рогами его забодай, хоть когтями порви! Обо мне даже не думай!

– Бедняжка, что же ты так раскричалась? – ласково зашепестел Курдюм, прикрывая ее лицо своей толстой ладонью. – Не верти так головкой, а то глазик наколется на мой пальчик и вытечет на пол. Он такой синенький, такой чистый-пречистый. Будет жаль его, правда, Горюня? Смотри!

Он приставил большой палец к глазу княжны и слегка надавил. Горихвост тут же отпрыгнул обратно и швырнул рога на пол.

– Не вреди ей! Я сдамся! – упавшим голосом сказал он.

Ярогнева вертелась и глухо стонала, но Курдюм еще больше давил ей на глаз.

– Стой! Ты же видишь! Я тебе не опасен! – испуганно закричал Горихвост.

– Ложись на пол! Мордой вниз! Руки за спину! – по-хо-

зыйски скомандовал мельник.

Горихвост беспрекословно опустился на колени, лег на холодный пол и уткнулся носом в мраморную плиту.

– Не смей рыпаться! – продолжал мельник. – Не шевелись, или девке конец!

Он стянул запястья Горихвоста ремнями так, что кровь перестала течь по ладоням. Кожаную петлю он натянул ему на шею, затем опутал лодыжки и волоком подтащил к статуе змея, распахнувшего крылья.

Глава 15. Путь злодея

Перекинув ремень через нижнюю челюсть змеиной пасти, мельник вздернул своего пленника ввысь. Горихвост почувствовал, что его руки вот-вот выдернутся из суставов. Он повис под вытянутой головой статуи, раскачиваясь и стучаясь спиной о холодный мрамор.

Сквозь мутную пелену, застилающую глаза, ему удалось разглядеть, что Ярогнева высвободила руку и отчаянно царапает ногтями узел, прижимающий левую ладонь к яшмовому столу.

– В драке двух победителей не бывает, – назидательно произнес мельник, роясь в переметной суме вурдалака. – Думать нужно, на кого тывкаешь. Ошибешься – костей не соберешь. Ой, а это что? Конопля? Ты тоже к ней пристрастился? Вот уж не думал!

– Ничего я не пристрастился, – через силу выговорил Горихвост. – Это улики. Неделю их собирал, пока не догадался, кто прячется под маской Кривой Шапки.

– Знатно ты мне удружил, – хихикнул Курдюм. – Вот прикончу тебя, пущу кровь твоей девке – и отведу душу.

– Может, и мне дашь? – пришло вдруг на ум Горихвосту. – Хочу попробовать перед смертью. Другого случая, видно, не будет.

– Хочешь смерть оттянуть? – захихикал Курдюм – А и правда, куда спешить? На тот свет опоздавших не бывает. Да и мне одному над костром сидеть скучно, а с приятелем веселее. Тем более, когда можно делать с ним все, что душа пожелает.

В колодце, оставшемся за спиной мельника, забурлил огонь. Оранжевая лава поднималась рывками со дна, как чудовище, что лезет настырно, карабкаясь по стене. Раскаленное варево пузырилось уже у самых бортиков, норовя перевалить через них и затопить зал.

Курдюм бросил в этот котел горсть сушеной травы. Конопляные листья вспыхнули и пустили струйки сизого дыма. В нос Горихвосту ударил запах паленого веника.

– Ах, как хорошо! – от удовольствия зажмурился мельник. – Утопшая женка подсказала, что так можно сбросить тягость и горе. Уж больно я тосковал по ней, хоть и отправил в иной мир своими руками. А уж она, как в водяницу превратилась, так заблестала таким изощренным умом, какого прежде за ней не водилось.

Ярогнева распутала второй узел и в изнеможении откинулась на яшмовый стол. Курдюм повел головой, собираясь оглянуться. Горихвост испугался и крикнул:

– Эй!

– Чего?

– Сыпь еще травы, не жалея!

– Ага! Тоже почувствовал? Разобрало? – передумал огля-

дываться мельник.

Он вытряхнул в огонь остатки конопли, отчего зал заволокло дымом, ненадолго скрывшим от глаз Ярогневу, пытающуюся дотянуться до брошенного клевца. Вслед за травой Курдюм достал из сумы волчью длаку, бесцеремонно расстелил ее на полу и уселся, скрестив ноги. Горихвост зарычал от негодования, но этим лишь рассмешил мельника.

Княжна дотянулась-таки до клевца, несмотря на то, что ремни сжимали ее грудь. Но тронуть его удалось лишь одним пальчиком. Она попыталась подтолкнуть его к себе. Деревянная рукоять приподнялась, но соскользнула с пальца и стукнулась об алтарь.

Курдюм забеспокоился, обернулся, и начал нащупывать Душебор. Однако сгустившийся дым не позволил ему ничего рассмотреть. Невзирая на боль, Горихвост раскачался и пнул по острию меча, который мельник уже поднимал. Душебор вырвался из ладони мельника и отлетел в сторону.

– Ах ты, тварь! – взвизгнул противник. – Вздумал сопротивляться? Что ж, получи, что просил! Легко уйти тебе на тот свет я не дам. Смерть твоя будет лютой. Не это ли обещала вещая птица?

Он схватил обтрепанный веник, завалившийся среди хлама, и начал хлестать Горихвоста по животу и груди, однако орудие показалось ему слишком мягким. Он сорвал с вурдалака рубаху, обмакнул веник в кипящую лаву и дождался, пока кучье метелки на его концах загорятся.

– Так-то лучше! – с удовлетворением сказал он, прикладывая пламя к груди вурдалака, и без того покрытой ранами и синяками. – Я и деда твоего горящим веничком угощал. А сейчас ты висишь передо мной так же, как он. Что с дедом сделал – то же сотворю и с внучком!

Горихвост заскрипел зубами, однако мысли его в этот миг были о Ярогневе. Курдюм глубоко вдохнул конопляный дым, витающий вокруг его головы. Лицо его приобрело бледный оттенок, глаза выпучились, а зрачки так расширились, что он стал похож на ночную сову. Внезапно сорвавшись, он начал хлестать Горихвоста изо всех сил, как будто стараясь растерзать его тело на мелкие части.

– Думаешь, ты самый умный? – визгливо орал мельник. – Разоблачил кровопийцу. Так, да? Воображаешь, что все про меня знаешь? Ничего ты не знаешь!

– Прав... – прохрипел Горихвост.

– Что? Не мямли!

– Ты прав. Я про тебя ничего не знаю. Ни как ты дошел до такой жизни, ни отчего ты решился на зло.

– Хочешь, расскажу? – злорадно спросил Курдюм. – Времени у нас хоть отбавляй. Остров окружен огненным озером. Через него не перебраться. Никто тебе не поможет, и княжну твою не спасти, так что помучайся перед смертью.

– Нет! Не мучай своими рассказами, – решил схитрить Горихвост. – Знать ничего не желаю.

– Мне плевать на то, что ты желаешь! – брызнул слюной

Курдюм. – Я и сам вспоминаю, как все начиналось. Эх, счастливые были деньки!

Он опять подышал дымом, и начал размеренно повествовать:

– Еще пять лет назад я был мужик видный, красавчик и при деньгах. Одна беда – женат на Нечае уже двадцать лет, а детей боги не дали. Вся деревня судачит, что нужно разводиться и брать новую бабу, только где ж это видано, чтобы выгнать из дому жену, с которой столько лет прожил? В деревнях так не принято. Раз уж выпала такая судьба – терпи и не жалуйся.

Все бы ничего, да тут все как в пословице: седина в бороду – бес в ребро. Поехал я на ярмарку продавать муку. В Красной слободе – тьма народу, на рыночной площади шумно илюдно, мужики водят медведей, скоморохи играют и пляшут. Это не наше захолустье с его вечной грязью и непролазными топями. Купила мешок муки игривая молодуха Шутиха, да так стрельнула глазами, что мое сердце подпрыгнуло. Попросила подвезти тяжесть до дома – мол, самой мешок не дотащить. А я и рад стараться. Так и привязался к молодке.

Стала она моей задушевной подругой, слушала жалобы на судьбу. Да так слушала, будто все-все понимает. Ни у кого такого отклика не встречал. Знала, как посочувствовать, пожалеть, приголубить. Во всех заботах участие принимала. Нашла колдовское снадобье для плодовитости, и подсунула, чтобы я дал жене без ее ведома.

Начал я подсыпать ее травы Нечая в еду и питье. Разболелась моя благоверная, стала чахнуть не по дням, а по часам. В деревне ей очень сочувствовали, но что тут поделаешь? Дело житейское: захворала баба, с кем не бывает?

А Шутиха играет со мной, распалает похоть. Клянется, что любит меня, что хочет родить мне детей. Ну как перед ней устоять? Чувствую: скребутся на сердце кошки, нашептывают дурные мысли. А ну, как скончается моя Нечая? Не станет ее – женюсь на Шутихе. Может, оно и к лучшему, что она расхворалась? И все подсыпаю в ее питье травку, будто бы ей на пользу, а сам жду: что будет дальше?

Нельзя сказать, чтобы я не догадывался, будто сам даю жене отраву. Но совесть моя в это время как будто уснула. Ум подсказывает, что творю злое дело, а руки сами все продолжают. Так и довел жену до смерти.

Хоронили ее всем селом. Мне соболезнуют, выражают поддержку, говорят задушевные речи. А я чувствую: будто камень свалился с души. Легкость такая, будто я молодые годы вернул. Ну, думаю, заживу теперь как хочу. Все будет по-новому.

И двух месяцев не прошло, как женился я на Шутихе.. Вроде, исполнилось, чего так вождеделел. Однако по-новому – не значит лучше.

Все и вправду переменилось. Старая-то жена была разумной, спокойной. И мудрый совет, бывало, подаст, и руки у нее золотые – все сама сделает, со всем сладит. А новая –

вертихвостка, у нее на уме лишь забавы да хохотушки.

Курдюм втянул ноздрями последние клубы дыма и разогнал их ладонями.

– Жили мы с Шутихой, как кошка с собакой. То бурно ссорились, то жарко мирились. И собачились друг с другом, и царапались, и кусались. Я с ней человеческий облик терял, будто в животное превращался. А уж как я ее ревновал! Особенно, когда она строила глазки молоденьким паренькам на селе. И ведь было с чего. Шутиха-то целыми днями ходила по избам, ворожила, гадала, раздавала чародейские травы. То в одной избе за полночь засидится, то в другой. Я, бывало, жду ее, весь изведусь. Думаю: где она сейчас? С кем воркует? Мужики-то вокруг нее так и выются, как мухи вокруг меда. Просижу как на иглах полночи, глаз от волнения не сомкну. А она вернется, как ни в чем не бывало, и вины ни в одном глазу. Ну, я и напущусь на нее: у кого гостила, с кем любезничала? Бывало, побью ее сторяча, чтобы помнила, кто ее муж. Наутро она хмурится, дуется. Молчит, будто воды в рот набрала, к себе близко не подпускает. А я чувствую: не могу без нее, хоть ты тресни. С ума схожу, только бы снова обнять. К вечеру наговорю ей ласковых слов, и мы снова в постельке, да так сладко нам, что все обиды разом и прощены. И так до следующей ночи, пока она не засидится в гостях.

Три года прожили мы с ней вместе, но детей не прижили. Мужики надо мной смеются: мол, не в бабах дело, а в дурных семенах. Злили меня эти шутки – не описать как. И тут

вернулся с войны прежний хозяин села, сын боярский Злоба Кривая Шапка. Такой весь из себя богатырь, ратной славой овеянный. Герой битвы на Яворовом огнище, в черной свитке, что жена воеводы перешила ему из полкового знамени, с боевым клевцом на ремне. Одно слово: хозяин, да еще вдовый в придачу. Вот моя милая глаз на него и положила.

Как-то, помню, поссорились мы с ней сильно. Я давай ее упрекать: мол, обещала мне детей, а сама не дала. А она мне: я, мол, не дура, от такого старого и толстого наследников заводить. Вот тебе и на! Выходит, я для нее старый и толстый. Что ж ты жену мою первую уморила, стерва такая? А она мне: ты сам ее уморил, я твоей рукой не водила. Да разве я решился бы на такое, если б она меня не сподвигла?

Уж очень многого она от жизни хотела. Не знаю, отчего она такой стала. Была она у своих родителей поздним ребенком, к тому же единственным. Они души в ней не чаяли, баловали, как только могли. Вот она и выросла с убеждением, что стоит ей чего-то захотеть – так сразу все и получит. С детства верила, будто это закон.

Курдюм призадумался. Горихвост разглядел сквозь дым, что Ярогнева распоролла ремни на груди и принялась рвать их.

– И как долго ты думал, прежде чем утопить ее? – спросил он.

– Ничего я не думал! – неожиданно взелся Курдюм. – Поехал я как-то раз на ярмарку в Красную слободу. Мне то-

гда повезло: продал целый воз муки разом, получил прибыль и поспешил домой, чтобы порадовать жену. Знал я за ней эту слабость: уж больно охоча она до серебра, еще больше, чем до любовных утех. Вот я и вернулся не на следующий день, как обещал, а среди ночи.

Ты и сам убедился: тихо на мельнице не бывает. Шумит вода в ручье, колесо скрипит, жернова трутся. Пустую телегу с одним седоком не расслышишь. Захожу в горницу, а там такое творится, что глаза бы мои не глядели. Кувыркается моя ненаглядная с барином Злобой в постели, да такое с ним вытворяет, что мне даже не снилось. Оба разнагишались, пыхтят изо всех сил, одежда валяется, по всему полу разбросанная. А на креслице, в котором я так люблю сидеть, лежит оружие барина – его старый клевец, с которым он не расстанется.

Я от гнева потерял разум. Подкрался, благо, они в самый разгар ласк ничего вокруг не замечали. Схватил клевец, да как вдарю носиком барину прямо в затылок. У него голова – хрясь, и на части разъехалась. Благоверная моя под ним вся в крови, вырывается и вопит, будто ее режут. Хорошо, что деревня от нас далеко – не услышат. Но меня самого этот крик так перепугал, что я вцепился ей в горло и начал душить. Макнул в бочку с солеными огурцами, лишь бы заткнулась. Но стоило вынуть ее из рассола – и она опять голосит во всю глотку. Пришлось выволочь ее на двор и окунуть в запруду, где конопля отмокает. Уж больно мне страшно было, что она

снова разорется, вот я ее в водичке и передержал. Вынимаю – а она уж не дышит. Я ее ну трясти, по щекам хлопать – поздно. Захлебнулась жена.

Как дошло до меня, что я наделал – так напал на меня такой страх, что словами не передать. Ну, думаю, узнают об этом односельчане – сами меня и казнят. Ведь у нас тогда и князя еще не было, и боярина не осталось, так что властей никаких. Как решит сельский сход – так и будет. А мужики у нас строгие, спуску не дадут. Вот я и решил замести следы: труп жены оттащил к речке и бросил в омут. Злобу выволок на Девичье поле и оставил подальше от мельницы. Сарафанчик жены сложил на бережке, чтобы все выглядело, будто она на ночь глядя купалась. Следы крови на мельнице тщательно вычистил, барскую одежду собрал и припрятал. Еще до рассвета управился, так что никто меня за этим занятием не заметил.

А как солнышко встало – пошел в деревню и рассказал, что только что вернулся, жены не застал, зато нашел ее сарафан на берегу. Мужики как увидели тело Злобы, так решили, что ночью за ним приходил вурдалак. И Шутиху нечистая сила на дно утянула. Связи между обоими не уловили, и списали все на разгул нечисти Дикого леса.

– Как ты узнал, что черная книга у моего деда? – не глядя в сторону Ярогневых, спросил Горихвост.

– Он читал по Шутихе заупокойную молитву на берегу омута. Его первого позвали, чтобы спасти ее душу, да куда

там! Душа оборотилась уже в водяницу. Отпевали ее всем селом. И мужики собрались, и бабы. Дедослав пришел с черной книгой и листал ее у всех на виду. Тогда Шутиха и заметила ее. После она мне сказала: у старого колдуна – сборник волховских заклинаний. Получишь его – и весь мир в твоей власти.

Целый год жил я без женки, вот и начал скучать по ней. Все же любил я ее, хоть она и была вертихвосткой. Взяла меня тоска по ней – хоть волком вой.

Как прошел год с ее смерти, решил я устроить по ней поминки. Поставил на стол бутылку самогона, зажег свечи, напек пирогов в печи, как она, бывало, пекла. Не успел и трех чарок приговорить – слышу: в заводи плеск, мельничное колесо закрутилось, будто вихрем его понесло, половицы скрипят, гул и треск по всей мельнице. Что за диво? Испугался, признаюсь. И тут является мне моя суженая – в белом платье, каким помнил ее со свадьбы, в венке. Я бросаюсь к ней, хватать – а руки проходят сквозь нее, как сквозь воздух. «Не обнимешь меня, говорит, я теперь существо не из этого мира». Я бух перед ней на колени! Дорогая, кричу, как мне тебя вернуть? Все на свете бы отдал, лишь бы еще раз тебя обнять. Тут она мне и рассказала, что есть один способ. Разбуди огнезмея, говорит, и выдаст он тебе все сокровища, какие поднесли ему за тысячу лет, в стародавние времена. Мало этого – он исполнит любое желание, все, что ни попросишь. Прикажешь ему вернуть меня с того света – он и это испол-

нит. Говорит, что змей в пекле – весьма важное существо, он там душами повелевает. Захочет – удержит покойника в своем царстве, а захочет – отпустит.

– Обманула тебя Шутиха! – раззадоривая Курдюма, усмехнулся Горихвост. – Змей вообще не из пекла. Он в плену у богов. И душами повелевает совсем не он, а Великий Лиходей, хозяин тьмы.

– Откуда ты знаешь? – подозрительно спросил мельник.

– Так я же в лесу живу, среди нечистой силы. Мне ли не знать?

– Врешь ты! – разозлился Курдюм. – Не могла моя милая меня обмануть.

– А вот и могла!

– Молчи!

Рассвирепев, Курдюм пырнул его Душебором. Лезвие скользнуло по ребру и рассекло кожу, пустив струйку крови. Через бортик колодца перекатился жирный рукав лавы, подполз к алой лужице, помедлил, будто раздумывая и приняв хиваясь, и лизнул ее, словно огненным языком.

– Я своей жене верю, а не тебе, вурдалаку лесному, – продолжал мельник. – Она мне дороже твоей волчьей морды.

– Нет ее! Все, что было – истлело. Ведь пока она не появилась, был ты добропорядочным мельником, семьянином и любимцем села. А как села она на твою шею – так ты сразу испортился.

– Понимал бы ты что! – разъярился Курдюм. – Ты, дикарь,

не знал настоящей страсти. Кто ее раз попробовал – тот без нее уже жить не захочет. А тебе и знать незачем, твоя кровь нужна лишь для того, чтобы напитать змея!

Взрыв гнева поднял мельника на ноги. Он накинулся на беспомощного Горихвоста и принялся рвать с его загривка ключья шерсти. Вурдалак зарычал сквозь плотно сжатые зубы. Шерстяные комки с обрывками окровавленной кожи полетели в огонь – языки пламени взметнулись ввысь и подхватили их на лету.

– Я тебя на лохмотья порву! – забываясь, орал мельник. – Убью так же, как убил старого колдуна. Хочешь знать, как я с ним расправлялся? Не кривись, а послушай! И не смей отворачиваться, смотри прямо, ты весь в моей власти!

Он сжал руками голову Горихвоста, и, приблизив лицо, заговорил, не давая тому отвернуться:

– Водяница принесла мне копейку, выловленную в омуте, и сказала: «пора!». Я надел свитку и колпак Злобы, чтобы меня принимали за привидение, и вооружился его клевцом. Добраться от мельницы до избы Дедослава нетрудно: нужно лишь пересечь поле, во тьме никто не заметит. Однако в ту ночь в кабаке шла игра. Пришлось спрятаться в коноплянике и подождать, пока игроки разойдутся.

Дедослав сам открыл дверь: он привык к тому, что сельчане могут явиться за помощью в любой час дня и ночи. Увидев меня в одежде убитого барина, он обо всем догадался. Я сделал последнюю попытку: попросил выдать мне книгу по

доброй воле, но тот наотрез отказался.

Что ж, этого я и ожидал. Против клевца даже колдун не устоит. Тюкнул его тупой стороной, чтоб не сразу прикончить. Метил в затылок, да руки тряслись от волнения – попал в место, где хребет соединяется с шеей. Старичок так и обмяк. Я связал его пояском, который валялся на лавке. Подвесил к матице и отстегал плетью, но старик лишь ругал меня. Тогда я сыграл с ним в «тепло-холодно». Начал шарить по горнице и спрашивать: холодно или тепло? Колдун не отвечал, однако читать его мысли оказалось не так уж и трудно. Когда я удалялся от цели, он оживлялся и принимался ругать меня, на чем свет. Когда приближался, он леденел, кусал губы и молчал, будто рыба. Так я и нашел половицу, под которой скрывался тайник с книгой.

Однако раскрыть ее оказалось мало. Страницы не захотели показывать письма. Дедослав насмешничал и издевался. Говорил, будто книга не выдаст своих тайн такому лопуху. Что ж, он сам накликнул беду.

Я развел костерок и поджарил ему пятки. Времени – хоть отбавляй, до утра три часа. Изба стоит на отшибе, в деревне ничего не слышно. Зато псы заливаются так, будто волка почуяли. Их лай заглушает и крики, и стоны.

Покидал я в костер коноплю, подышал, и тут такой нашел на меня хохотун, что я аж по полу покатился. Говорю старику: вот ты гадаешь по книге, а своей гибели не разглядел! Какой ты колдун после этого? Шарлатан и обманщик. Как чи-

тать книгу? Признавайся, иначе смерть твоя будет жестокой!

Но он только проклял меня всеми богами, и посулил смерть от того же оружия, с каким я пришел. Вот простец! Я давно уже проклят, мне назад пути нет, да и душу мою не спасти. Он своими проклятиями еще больше меня разве-селил. Много брани выслушал я в эту ночь. Дед твой будто нарочно меня злил, чтобы я побыстрее его замучил. Однако трудился я не удовольствия ради, так что пришлось ему потерпеть еще пару часиков.

Чтобы обставить все, как бесовский обряд, я надумал за-резать козла – тот сам подал голос из хлева, как будто судьбу звал. Кровь я пожертвовал темной силе. Отрезал козлу голо-ву, повесил деду на грудь, и положил на выпавший язык ту копейку, что мне водяница дала – чтоб меня самого бес не тронул, если удастся его зазвать. Однако без заклинания из книги темная сила не торопилась явиться, так что пришлось все доделывать самому.

Когда стало ясно, что заветного слова от колдуна я так и не услышу, я добил его по затылку чеканом. Кромсать тело не стал. Прежнего барина я разделал из ярости, но тут ярости не было – только цель и холодный расчет.

И вот читаю я заклинание на пробуждение змея, а там: «возьми меч Душебор... раствори грудь благородной девы... достань сердце... седи рúду в Кровавую чару...» Ничего не пойму. Что за меч Душебор? Что за «рúда»? И где я возьму благородную деву?

И надо же: опять мне повезло! Может, я под счастливой звездой родился? Согласился Видоша отправиться тебе на выручку, да еще и псаря с собой взял. Что было дальше – ты помнишь. Жаль, меча мы не выручили. Так и остался у чертовой девки...

Я как увидел ее корзно с соколом, так смекнул: не она ли та самая благородная дева? Как удачно: сразу две составных жертвы – в одном месте: княжна и меч. Только как выманить ее из лесу? Это задачка...

Хорошо, что решение ты мне сам подсказал, когда собрался брать приступом княжой двор. Растрезвонить об этом на всю округу – и княжна сама явится, чтобы спасти отца с матерью. Правда, лук у нее с оберегом такие, что лучше держаться подальше. Но тут я на тебя понадеялся, и не ошибся.

Курдюму сделал движение, словно хотел обернуться и взглянуть на Ярогневу. Горихвост спешно спросил:

– А что бы ты дальше сделал? Если бы все по-твоему пошло?

– Тут совсем просто, – рассмеялся Курдюм, наблюдая, какие мучения доставляют подвешенному его слова. – Натравить тебя на князя с женой и сынком – легче легкого. Пока ты бы их рвал, я занялся бы девкой. Если б ты помешал – тут я б тебя и прикончил. Чару кровавую я успел прикупить у Воропая – ты, недотепа, бросил ее, когда от него убегал. Меч и девка в наличии, черная книга уже у меня. Осталось затащить княжну в Рогатую вежу, привязать к алтарю и вспороть

ее белую грудку, как делали в старые времена.

Курдюм облизнулся и опять попытался обернуться, но Горихвост задержался и застонал, тем более что притворяться ему не пришлось. Мучитель довольно засмеялся и произнес:

– Вижу: мои байки тебя радуют до глубины души. Мучения не только для тела годятся, они и душу должны задевать, иначе пытка будет неполной. Что еще хочешь услышать?

– Почему все пошло не так? – спросил Горихвост.

– Девка мне все планы спутала. Заглянула тебе в глаза и приворожила. На это я никак не рассчитывал. Пришлось выбираться из затруднения, а для этого нужен был большой шум. Я позвал всех на приступ Сторожевой башни. Народ был возбужден, долго уговаривать не пришлось. Вижу: Видоша собрался на парусе улетать. Эх, была не была! Уцепился за хвост и полетел вместе с ним. Едва не сверзился и не расшибся. Боярин прежде меня соскочил, а вот я до самой горочки долетел.

Ох, и перепугался же я, когда крылатый парус потащил меня невесть куда! А когда я увидел под собой дымящуюся гору, то душа моя вовсе в пятки ушла. Но как только клубы дыма скрыли из виду башню, я догадался: вот удобный случай, чтобы исчезнуть!

Парус клонило к земле, горный склон оказался почти под ногами. Спрыгнуть оказалось легко. Остатки паруса я бросил на краю жерла, он уже был не нужен. Обосновался в Рогатой веже, засел тут в засаде. Слух прошел, будто все сюда

вяжутся, чтобы новый договор заключить. Князь семью свою приведет.

И опять мне удача! Жертва сама на ловца идет. Это ли не знак счастливой судьбы? Подлый Видоша чуть мне все не напортил: вылез не вовремя и едва замысел не сорвал. Но я как увидел, что он в княжну саблей тычет – тут же вмешался. А теперь ты с княжной в моей власти. Захочу – прямо щас кишки выпущу, захочу – чуть подольше помучаю.

– Ну, прикончишь ты нас. А что дальше? – спросил Горихвост.

– Выйдет змей из норы, встанет передо мной. Я велю ему выполнить мое желание. Вернуть с того света Шутиху и выдать сокровища, что таятся в глубинах горы.

– От сокровищ тех давно след простыл. Мой дед копал здесь – не нашел ничего, кроме старого хлама.

– Душебор, чара кровавая – не такой уж и хлам. Вещи древних веков. Впрочем, когда моя женка станет морской царицей, у нас будут сокровища всего белого света. Жаль только, что моя баба будет выше, чем я. Ничего, потерплю как-нибудь. Главное, чтоб она не забыла, кто ради нее так старался.

– Выходит, все это время тебе нужны были только жертва и меч, – с горечью проговорил Горихвост. – А я-то за друга тебя принимал!

– Не был я никогда твоим другом! – заявил Курдюм, и для убедительности ткнул его острием Душебора.

Струйка крови стекла из раны. Язык пламени потянулся к ней и жадно слизнул. Лава в колодце разбушевалась.

– Ловко ты притворился! Говорил, что мечом собираешься одолеть водяницу. Я и верил.

– Водяница сама меня одолела, – рассмеялся Курдюм. – Я весь ей принадлежу, душой и телом. Каждый раз, когда вспоминаю, как жена меня обманывала – хочу придушить ее. Так и душил бы ее раз за разом, своими руками, так и стирал бы в прах. А после, как приступ удушья отпустит, начинаю опять тосковать. Чувствую – жить не могу без нее. Все на свете бы отдал, лишь бы вернуть.

– И что будет, когда ты достанешь ее из воды?

– Расцелую, а после опять задушу, – со смехом ответил Курдюм.

Ярогнева наконец сбросила последние путы. С замиранием сердца Горихвост следил за тем, как она осторожно спускается с алтаря, неловко цепляясь за гладкую поверхность стола. Курдюм уловил краем уха хлопок за спиной и попытался оглянуться. Пленник качнулся, пнул его по руке, и выкрикнул прямо в лицо:

– Дурень ты! Все твои злодеяния пропадут напрасно. Ни сокровищ ты не получишь, ни жену не вернешь.

– Это еще почему? – впился в него едким взглядом Курдюм.

– Змей – подземное чудище, оно не станет слушаться такого холуя, как ты. Как ни читай черную книгу, сколько за-

клинаний ни говори – ему хоть бы хны.

– Врешь ты все! – разозлился мельник. – Нарочно зубы мне заговариваешь, чтобы свою смерть отсрочить. Только тебе это не удастся!

И Курдюм потянулся к мечу. Душебор лежал у него под рукой, на мраморных плитках. Не отрывая взгляда от пленника, мельник нащупал его рукоять и потянул на себя. Но меч не поддался. Курдюм дернул его посильнее. И снова меч остался лежать, как будто приделанный к полу.

Удивленный Курдюм обернулся. У него за спиной высилась в полный рост Ярогнева с клевцом в руках. Ее нога в темно-малиновом сапоге придавила клинок Душебора к холодному мрамору.

Курдюм изменился в лице и растерянно произнес:

– Ой! Ты тут?

И не смог договорить. Ярогнева пихнула его сапогом. Мельник откинулся на спину и грохнулся об пол.

– Постой! Как же так? Так нельзя... – забормотал он.

– Нет, так можно! – возразила охотница. – Так даже нужно!

И она изо всех сил ударила его тупой стороной клевца в грудь. Раздался хруст сломанных ребер. Благообразная физиономия мельника перекосилась, и он издал такой вопль, что его одного хватило бы разбудить всех мертвых в округе.

– Пощади! – плаксиво взвыл мельник, пятясь от девушки на карачках.

Ярогнева склонилась над ним, сжимая клевец пальцами, побелевшими от напряжения. Ее голубые глаза полыхали, как Перуновы молнии.

– Ты собирался прикончить Горихвоста, который доверял тебе, как щенок? – спросила она.

Курдюм бухнулся ей в ноги и взмолился:

– Смилуйся! Ради всего святого!

– Какого еще святого? – молнии из глаз Ярогневы посыпались, как во время грозы. – Что святого осталось в твоей сгнившей душе? Ты меня обнасилить хотел!

– Не хотел! – взвизгнул Курдюм.

– Тогда зачем думал об этом?

И Ярогнева принялась чеканить его клевцом, раз за разом опуская тяжелый молот на грудь, плечи, бока, целя в голову, которую воющий мельник изо всех сил закрывал руками. По пути он задел волчью длаку и невольно пихнул ее к Горихвосту.

– Освободи меня! – глухо позвал волк подругу.

Ярогнева бросила втоптанного в грязь мельника, поменяла клевец на меч и рассекла кожаные ремни, на которых болтался вурдалак. Горихвост рухнул на пол и первым делом подобрал свою шкуру.

– Можешь встать? – спросила Ярогнева.

– Попробую, – слабо проговорил он.

Дева взвалила на плечо его руку и подняла с пьедестала, залитого кровью. Несколько алых ручейков стекли с белого

мрамора и унеслись вниз, к колодцу, в стоках которого бурлила лава.

– Змей кровь почуял. Ворочается, – заметил Горихвост. – Чем больше крови, тем больше в нем жизни.

– Ты думаешь, он проснется? – с тревогой спросила Ярогнева.

– Заклинание из черной книги прочитано. Крови в колодец натекло предостаточно. Осталась самая малость.

– Какая?

В этот миг за спиной Ярогневы оставленный без присмотра Курдюм собрался с последними силами, подобрал брошенный клевец и поднялся на ноги. Горихвост успел заметить, как он заносит над головой девы железное жало, вырвал из ее рук Душебор, сделал выпад и всадил острие меча в толстое брюхо мельника. Ярогнева испуганно оглянулась и увидела за собой врага, оседающего на колени с выпученными глазами и выпавшим из-за зубов языком. Курдюм навалился на бортик колодца и перевесился через край. Кровь из его раны струей полилась вниз, прямо в разверстое жерло, из которого в лицо бил душный жар. Поднимающаяся лава заклокотала и брызнула в потолок снопом оранжевых искр. Ярогнева успела вырвать клевец из рук мельника и отшатнулась.

– Ты хотел убить мою ладу! – впадая в бешенство, заревел Горихвост.

И откуда только взялись силы? Превозмогая слабость и

боль, он схватил длаку, набросил на плечи и кувыркнулся через голову.

– Что ты де... – начала Ярогнева, но не успела она договорить, как перед ней стоял черный волк, помахивающий пушистым хвостом.

Зубы на волчьей морде скалились, обнажая клыки. С языка капала пена. Резко скакнув, волк набросился на едва живого Курдюма и принялся терзать его. Мельник не сопротивлялся, последние жизненные силы уже покидали его. Утробно урча, волк впился зубами в его бок и принялся вертеться, стараясь вырвать кусок побольше.

– Горюня, оставь его! – выкрикнула Ярогнева. – Ты разве забыл? Если порвешь кого, пока ты в волчьей шкуре, то назад в человеческий вид не вернешься!

Но Горихвост впал в такую ярость, что не слышал слов деды. Голова Курдюма запрокинулась, обнажая горло с торчащим кадыком. Устоять перед таким соблазном не смог бы ни один зверь. Волк вонзил клыки в шею врага и уперся лапами в пол, выдирая клочок мяса.

– Горюня, нельзя! Брось его! – прыгала за его хвостом Ярогнева.

Куда там! Горихвост забыл обо всем на свете. Курдюм задыхался. Разинутый рот хватал воздух, как у рыбы, вытасченной из воды. Из раны в горле вырывались скрипучие хрипы. Кровь хлестала ручьем, заливая колодец и поднимая в нем волны кипящей лавы.

– Он кончается! Быстрее скидывай длаку! – закричала Ярогнева.

Но Горихвост до того упивался долгожданной местью, что не думал больше ни о чем. Дева схватила его за хвост и начала оттаскивать от колодца. Волк отпустил добычу, обернулся и грозно ощерился.

– Прыгай! Навек волком останешься! – тянула его дева.

Горихвост посмотрел на нее и опомнился. Силы вдруг разом оставили его, он вспомнил, что ранен и потерял много крови.

– Давай же, вертись! – толкала его подруга.

Черный волк кувыркнулся и покатился по полу.

– Ну, чего ты? – полошилась над ним княжна.

Попытка оказалась неудачной: длака не слезла с плеч зверя, и перед девой до сих пор стоял зверь.

– Подпрыгни, как ты умеешь! Я же видела – у тебя всегда выходило! – гомонила она.

Горихвост стиснул зубы, терпя боль, подобрался и взмыл в воздух. Неловкий кувырок... Хлоп! И волк растянулся на мраморных плитах, жалобно скуля от ушиба.

– Что же ты? Неужели не можешь? – забылась от отчаяния девушка.

Черный волк поднялся и потерся ей шерстью о бок.

– Не получается? – погладила она его по загривку. – Ты уж постарайся, мой друг! Злодею осталось жить считанные мгновенья. Если сейчас не выйдет, то не быть тебе человеком

уже никогда!

Горихвост осторожно взял ее зубами за пояс и потянул к алтарю. Княжна послушно засемила за ним. Волк вскинул морду к высокой столешнице и нерешительно тявкнул.

– Туда хочешь? На высоту? Я тебя подсажу!

Она затолкала его на ступеньку, ухватила за задние ноги и подтолкнула на яшмовый стол.

– Давай, кувыркайся! Что б ни случилось – я с тобой! – выпалила дева.

Горихвост подобрался, прыгнул вверх и старательно кувыркнулся. В этот миг язык пламени дотянулся до впавшего в забытие Курдюма и лизнул его лицо. Мельник дернулся, засипел и раскрыл глаза. В его зрачках мелькнули огненные фонтаны, ополоумевшая княжна, не находящая себе места, и взмывший под потолок вурдалак, пытающийся вернуть себе человеческий облик.

Волна пламени подкатилась ему под зад и прожгла на портках дыру. Курдюм подскочил, как будто его подтолкнула пружина, вырвал из живота Душебор и выпрямился в полный рост. Мятущаяся Ярогнева не замечала его.

Мельник сделал к ней шаг и застыл у нее за спиной. Он выглядел как покойник, восставший из мертвых. Из раны на животе лилась кровь, казавшаяся почти черной. Дыра в горле сипела, как прорванная труба. Обожженная кожа на ладонях, боках и лице дымилась, как будто черти в аду только что сняли его со сковороды. Курдюм выставил меч вперед и

всем телом навалился на Ярогневу.

– Вр-р-р-аг! – раздался раскатистый рык вурдалака.

Горихвост был на полпути к высшей точке прыжка. Его шерсть встала дыбом, лапы задрались кверху, хвост закрутился. Ярогнева мгновенно обернулась и схватилась за лезвие Душебора. Мельник упал на нее, стараясь ткнуть клинком в грудь, но она оттолкнула от себя острие, порезав ладонь, из которой закапала кровь. Клевец до сих пор был у нее в руке, она размахнулась и изо всех сил всадила железный клюв прямо в макушку Курдюма. Жало пробило череп злодея насквозь, смяло кости и разбрызгало по углам розовые мозги, после чего прорвалось через нёбо и вышло сквозь нижнюю челюсть. Безжизненное тело врага рухнуло на пол. Голова, похожая на расколотый арбуз, стукнулась о мраморный пол и распалась на части.

Дрожащей рукой Ярогнева вытерла пот, отпихнула упавшее тело и с трудом проговорила:

– Наконец-то с тобой покончено. Сколько же лиха ты принес!

И тут за спиной ее прозвучал гулкий шлепок. Горихвост приземлился, раскинув в стороны человеческие руки и ноги. Тело его прикрывала изодранная вотола, а на голову сверху упала волчья длака, окутав его так, что не стало видно ни глаз, ни ушей.

– Ты успел. Вот и слава владыкам, – слабым голосом прошептала княжна.

Взгляд ее упал на кровавое месиво, оставшееся от Курдюмовой головы. Она толкнула рыхлое тело к колодцу. Грохот на дне шахты усилился, основание вежи содрогнулось, как будто чудовищный змей под ней и в самом деле зашевелился.

– Вот так: хотел ты построить свое счастье на чужой крови, а вышло, что сам дух испустил, – заключила Ярогнева и поспешила на помощь Горихвосту.

– Ты чего не шевелишься? – склоняясь, тревожно спросила она.

– Не смотри на меня, – сдавленно прохрипел Горихвост из-под длаки.

– Что случилось, Горюня? У нас все хорошо. Курдюм мертв. У тебя руки-ноги на месте. И я цела, одну только ладошку порезала. Пойдем, порадуем бабушку. А ты Дью похвастайся, может, он хоть теперь начнет тебя жаловать.

– Знаешь что? Ты, пожалуй, уйди. Я сам встану, – кротко сказал Горихвост.

– Что с тобой? – забеспокоилась Ярогнева. – А ну, снимай эту шкурку!

Она сорвала с головы Горихвоста шерстистую длаку. И обомлела. А где привычные черные волосы? Где зеленые глаза, что смотрят то вкрадчиво, то пытливо, то так, будто ты – самый красивый цветок на поляне? Где, наконец, шея, поросшая шерстью, по которой вурдалака можно узнать даже сзади?

Вместо этого на Ярогневу тоскливо таращились волчьи

зрачки, невыразительные, как у любого зверя. Острые ушки прядали над макушкой, заросшей густой гривой. Волчья пасть с торчащими клыками, длинный тонкий язык, высунутый, как у собаки, тяжелое и быстрое дыхание – сомнений не оставалось, перед ней морда волка, а не человека.

– Ты чего, шутить вздумал? – упавшим голосом спросила она.

– Какие тут шутки? – горько произнес волк.

Пасть его раскрывалась с трудом, слова вылетали невнятные, будто жеванные.

– Курдюм испустил дух в тот миг, когда я скидывал длаку. Я успел обернуться только наполовину. Тело вернулось ко мне человечесь, а голова так и осталась волчьей. Теперь я ни волк, ни человек.

– Не может быть! Не бывает такого! – горестно заголосила Ярогнева и принялась трясти его за плечи так, будто хотела стряхнуть волчью кожу.

– Что поделать? Заклятье... – виновато проскулил зверь.

– Эта волчья голова так теперь у тебя и останется?

– Да. От заклатья избавляет только смерть.

Ярогнева уткнулась лицом ему в грудь и разрыдалась.

Глава 16. Огненный змей

Голова Курдюма превратилась в кровавое месиво. Кровь хлестала из прорванных вен и потоком неслась к колодцу, где смешивалась с лавой и шипела, вздуваясь алыми пузырями.

– Не смотри туда, – сказал Горихвост, и прижал лицо Ярогневы к груди.

Девушка беспомощно всхлипнула. Змей, уснувший на дне колодца, как будто оживал. Рокот из глубины становился сильнее, мраморные плиты под ногами качались, словно вся вежа превращалась в шаткий мостик над бездной.

– Ты весь изранен, – сказала княжна, трогая изорванную рубаху. – На тебе места живого нет. Гляди: твоя кровь стекает и смешивается с кровью Курдюма. Как бы змей не проснулся!

– Не беда! – попытался успокоить ее Горихвост. – Змею нужна кровь благородной девы, а моей вурдалачьей бурдой, тем более кровью убийцы, его не разбудить.

– А сколько нужно девичьей крови? – наивно спросила княжна.

– Неважно сколько, хоть одна капля.

– Ой! – испуганно вскрикнула Ярогнева и показала свою ладонь.

Из пореза, оставленного Душебором, сочилась густая влага – такая же багряная, как сафьяновые сапоги княжны.

– Схватилась за лезвие, когда Курдюм тыкал в меня мечом, – виновато сказала она.

Капельки ее крови падали на пол и смешивались с потоками, вытекающими из-под брюхатого тела убийцы. Горихвост схватил ее за руку, прижал к губам и принялся жарко лизать языком, стараясь остановить кровотечение.

– Поздно! – звонко дрогнул тоненький голосок. – Моя кровь в колодце.

И тотчас же, словно откликнувшись на ее голос, из восьмиугольного провала выплеснулась целая волна огненной жижи и потянулась в сторону девы.

– Назад! – выкрикнул Горихвост, отталкивая ее.

Язык вязкой лавы жадно слизнул тело Курдюма, чуть-чуть поворочал его, словно пробуя на вкус, и унес в огненную утробу, навсегда скрыв из глаз. Несколько искр прыснули на Горихвоста, причиняя ему новую боль.

– Огонь сожрал мельника! – со страхом выдавила из себя дева.

– Он нас всех сожрет, – буркнул вурдалак, с трудом шевеля звериным языком. – Надо бежать, и быстрее!

– А вдруг змей ничего не почувет?

– Он уже просыпается. Вот-вот грянет гром!

Горихвост сжал ладонь девы и потянул ее к выходу. Колодец за их спинами бурлил и вскипал. Оранжевые языки лавы

выплескивались из глубины, взметаясь до потолка. Они обрушивались на мраморные плиты зала и с шипением ползли, словно нащупывая добычу. Снопы искр брызгали во все стороны, как сверкающая шрапнель.

Горихвост резво скакнул, пытаясь убраться подальше, но едва пятка его коснулась пола, как все тело пронзила острая боль. Он припал к плечу Ярогневой, едва удержавшись на ногах, и виновато прошелестел:

– Не могу бежать. Курдюм сильно порезал.

Княжна звалила на плечи его худощавое тело и потащила к лестнице, бормоча:

– Ничего-ничего, мы с тобой выдюжим. И не в таких переплетах бывали.

– Это такой переплет, какого мы еще не видали.

– Вот и здорово! – храбрилась княжна, несмотря на тяжелую ношу. – Потом перед Дьем похвастаем: мол, из такой переделки выбрались, в какой до нас никто не бывал.

Громкий гул потряс своды зала. Из колодца выплескивались уже не языки, а целые волны лавы. Оранжевый вал шлепнулся об пол у них за спиной, едва не утопив.

– Поторопимся! – выкрикнула Ярогнева, бросаясь с ношей на лестничные ступени.

Горихвост задыхался. Длинный язык высунулся из пасти и болтался туда-сюда в такт шагам. Тоненькая Ярогнева тащила его на плечах, то и дело оступаясь на выщербленных ступенях. Волчья голова ударялась о стены, стоящие торч-

ком уши дрожали, а черная шерсть взмокла от пота.

– Давай, миленький, давай! – торопила дева, едва успевая вздохнуть на поворотах.

Волна лавы катилась за ними, подпрыгивая на ступенях и не давая остановиться. Едва они выбрались на свет божий, как в лицо Горихвосту ударил поток морозного воздуха. Он словно оказался на леднике.

– Только этого не хватало! – выдохнула Ярогнева.

Над островом словно сгустились сумерки. Солнце померкло и спряталось за набухшими тучами. Мрак окутал Рогатую вежу, сотрясающуюся от гула и грохота. Горихвост едва разглядел перед собой широкие сани, запряженные вереницей песцов.

– А это еще что за чучело? – послышался с саней знакомый женский голос.

Этот голос звенел, как ледяные сосульки, по которым ударил мороз. Горихвоста укололо тревожное воспоминание.

– Кто присобачил тебе такую башку? – леденит голос. – Хотя так даже лучше. Такого диковинного образца в моей галерее скульптур еще не было. Тело человека, голова зверя! Ты станешь ее украшением.

– Мара! – выкрикнула Ярогнева. – Явилась по твою душу! Быстрее бежим!

– Ах, чтоб ее! – вырвалось у Горихвоста. – Мало мне было несчастий!

Они развернулись, чтобы броситься обратно в вежу, но

навстречу им хлынула волна шипящей лавы. Раскаленные ручейки так и тянулись к ним, будто пальцы жадного великана, норовящего поймать мелкую дичь. Горихвост продолжал терять кровь, его ноги едва шевелились, и каждый раз, сгибая колени для шага, он не был уверен, что удастся их распрямить. Ярогнева чуть ли не волоком протащила его мимо саней, увернулась от хватких объятий Мары и устремилась к пропасти, за которой приплясывали от нетерпения Всеволод, Верхуслава и Дый.

Мара взяла в руки погоночный шест и ударила по спине ближайшего песка. Упряжка мгновенно припустила вперед, но вожак натолкнулся на огненную волну, несущуюся навстречу, и жалобно заскулил.

– Вверх! Взлетайте! – закричала на своих зверей Ледяная царица.

Песцы взмыли в воздух, едва не завязнув в пышущей жаром лаве, и устремились за беглецами. Огненная волна покатила к берегу, пытаясь лизнуть каблуки вурдалака. Морозные сани взлетели над их головами, от хлестких ударов погонщицы завыл ветер. Ярогнева дотащила Горихвоста до края обрыва, но не увидела ничего, кроме натянутой веревки.

– Спасайся! – выговорил Горихвост. – Эту преграду я не одолею.

Княжна прикусила губу, решительно взвалила его себе на плечи и резко велела:

– Держись мне за шею!

– Ползи первой. Я за тобой! – попытался обмануть ее Горихвост.

– Держись, я кому говорю! – рассердилась она.

Волна огня смачно чавкнула у него за спиной. В двух шагах комок лавы ухнул с обрыва в пропасть. Огненный поток внизу откликнулся и забушевал, языки пламени заплескались, пытаясь дотянуться до тонко натянутой нити.

Ярогнева проверила, крепко ли держится Горихвост, схватилась за веревку и повисла над пропастью. Сквозь шум и бурление до слуха вурдалака донесся жалобный стон Верхуслavy, переживающей за дочь. И тут огонь добрался наконец до веревки, которая вспыхнула и затрещала.

– Быстрее! Нить вот-вот лопнет! – не выдержал Дый.

Горихвост чувствовал, как отчаянно барахтается дева, пытаясь зацепиться за веревку руками и ногами. Его длинное, жилистое тело висело на ней тяжким грузом. «Отпущу ее плечи, – пришло ему на ум. – Может, она хоть так спасется?»

Огонь накатился на край обрыва, поглотил веревку и водопадом начал низвергаться в ущелье. Веревка перегорела, лопнула, и оборванной струной понеслась вниз. Раздался звонкий хлопок, и Горихвост почувствовал, как их с Ярогневой неумолимо несет в кипящее варево, булькающее на дне.

– Ай! – взвыла на берегу Верхуслavy, как от собственной боли.

И в этот же миг Горихвост со всего маху обрушился на твердое днище саней. Израненная спина хлопнулась на настил, показавшийся мучительно жестким. Ярогнева упала на него сверху, угодив локтем в порез на животе, отчего сперло дыхание и помутилось в глазах.

– Вот вы и мои! – раздался над ухом торжествующий возглас Мары.

Оглушительно хлопнул шест. Упряжка песцов помчала сани по воздуху резвее птичьей стаи, выбираясь из ущелья на вольный простор.

– Пошли, мои верные! Борзо, борзо! – подгоняла их Мара, присвистывая.

– Не бери лишний грех! – закричал ей вдогонку Дый. – Отпусти хотя бы девку! Она-то тебе на что?

Но Мара и не думала уступать. Она обернулась к удаляющемуся берегу, победоносно расхохоталась и выкрикнула:

– Как бы не так! Я забираю обоих! Вы все мне остались должны – и люди, и лесовики. Вам никаких кладов не хватит, чтобы со мной расплатиться!

Ее сани стремительно набирали ход. Горихвост наконец пришел в себя, и он увидел, как берег стремительно удаляется, превращаясь в маленькое, почти игрушечное подобие знакомого мира. Он вспомнил о Ярогневе, которая откатилась куда-то вбок, похолодел и начал судорожно шарить ладонью по днищу саней. Дева нашлась почти сразу: она вцепилась в обитую мехом скамью, сжала зубы и с отчаянием в

глазах смотрела, как земля превращается в овчинку.

– Вот, значит, какими нас видят птицы! – попытался подбодрить ее Горихвост.

Она взглянула на него, но девичьих сил не хватило, чтобы разжать зубы и проговорить в ответ хоть что-нибудь.

Гибкий шест звучно щелкнул над спинами снежных псов. Сани заложили над островом крутой вираж, направляясь к северному краю земли. Пол резко наклонился, едва не выбросив Горихвоста за борт, тот вцепился в скамью и увидел, как внизу мелькает гребень мраморного змеиного черепа, венчающий Рогатую вежу.

На другом берегу огненного каньона носились среди скал маленькие фигурки Всеволода и Верхуславы, похожие на муравьев. Княгиня размахивала руками и причитала, упрашивая безжалостную богиню вернуть ей дочь, но Мара даже не глядела в ее сторону. Лицо Ледяной Царицы оставалось суровым, она то и дело бросала беспокойные взгляды в сторону вежи, с которой явно происходило что-то неладное.

Дым из разинутой змеиной пасти повалил такими густыми клубами, как будто внутри начинался пожар. Дрожание и рокот земли становились все явственней, вежа качалась и грозила обрушиться.

– Что вы наделали? – обернулась к пленникам Мара. – Огненный змей заворочался под гранитными плитами. Вы его разбудили?

– Никого не будили мы. Зачем нам это надо? – буркнул в

ответ Горихвост.

– Вы с ума сошли! – не веря, выкрикнула Царица. – Только полному остолопу придет в голову выпустить змея. Он же спалит ваш мирок к чертовой матери! Лишь бы мой ледяной дворец не затронул.

И в этот же миг Рогатая вежа под полозьями саней стрельнула в небо огненным языком, оранжево-сизым, шипящим и раскаленным, будто поднявшимся с самого дна преисподней. Сани едва не перевернулись, шерсть на волчьем лице опалилась, а Ярогнева перекатилась под лавкой и охнула, глядя на то, что происходит внизу.

Горихвост свесился с края саней. Вежа дымилась так, будто легион злобных бесов устроил в ней свистопляску. Сизые клубы вырывались из разинутой пасти Змеиноного черепа и уносились в небеса. Земля гулко дрожала, наводя дикий, панический ужас.

Вдруг башня заходила ходуном, из нее ударил столб яркого света, крыша разлетелась на тысячи мелких осколков, и из бездонного колодца, образованного развороченными стенами, наружу полез он – тот самый огненный змей, которого опасались даже небесные божества.

Веки людей сомкнулись от нестерпимого света. Чешуя чудища переливалась всеми оттенками красного – от ярко-пламенного до зловеще-багрового. Огненные, желтые с черными искрами глаза на шипастой голове безумно тарасились на поднебесный простор, а длинная пасть распахивалась и

щелкала челюстями, как будто собираясь заглотить столько воздуха, сколько влезет в безразмерную, раздувающуюся утробу. На черепе аспида пылал гребень, а вокруг шеи топорщилось ожерелье с сотней острых игл, готовых разить во все стороны. Но главное было не это.

Горихвост сразу понял, что одолеть эту тварь невозможно. Это оказалось бы не под силу не только ему. Ни один богатырь, ни один витязь в мире не смог бы справиться с этим чудовищем. И не потому, что оно будто дышало огнем. Нет! Оно само и было огнем.

Коротенькие ножки дракона оканчивались острыми когтями, светящимися, как раскаленная сталь. Его тело извивалось и несло ввысь так стремительно, что сам Великий князь Горнего мира не смог бы его удержать. Широкие крылья с шумом били по воздуху, сиюсья расправиться после вековой спячки. Рассыпая вокруг мириады пламенеющих брызг, змей взлетал, словно стрела, выпущенная из горящего лука.

Казалось, что змей целиком состоял из огня. У него не было твердого тела. Его нельзя было рассечь мечом или придавить камнем. Шипящие, оглушительно воюющие языки пламени – вот все, что его наполняло.

Змей летел высоко и легко, но не потому, что махал перьями, будто птица. Он летел, потому что огонь легче воздуха. Его поднимала та сила, которая заставляет языки пламени вздыматься ввысь.

– Все пропало, – упавшим голосом выдавил из себя Горихвост. – С этой тварью не сладить.

– Неужто совсем никакой надежды? – слабо выговорила Ярогнева.

– Погляди на него. Ни меч, ни копье, ни взрыв пороха не причинят ему никакого вреда. Он их попросту не заметит. Даже сетью его не поймать – он пролетит сквозь нее, как вихрь.

– Что же делать?

– Не знаю. Никто не знает. Даже Мара не ведает. Вон, смотри, как она побледнела. Того и гляди, начнет таять!

Ярогнева не удержалась от злорадного хохота. Мара и в самом деле пришла в панику. Она судорожно дергала ремни упряжки и орала на песцов, упрашивая их поторопиться. Но ездовых и не требовалось подгонять: кончики белых хвостов уже тлели, горящая шерсть облетала с них и забивалась Горихвосту в ноздри, а сами песцы жалобно скулили и изо всех сил тянули постромки, спеша обратиться подальше.

Повозка взмыла над облаками, расплывшимися по поднебесью подобно дымным дорогам. Горихвоста пробрала морозная дрожь. Заоблачные ветра впились в кожу ледяными иголками, напоминая, что в этом океане без дна нет места существам с теплой кровью. Ярогнева раскрыла рот и тяжело задышала: воздуха на высоте не хватало, а лучи солнца стали настолько безжалостными, что кололи, как стрелы.

И тут огненный змей взвился ввысь, взлетел в поднебесье

и хрястнул пылающими челюстями, пытаясь схватить сани. Песцы взвизгнули и припустили вперед, но забраться выше они уже не могли, и повозку так резко трянуло, что она едва не перевернулась. Мару бросило вниз и ударило о скамью, под которой барахталась Ярогнева.

– Держись! – крикнул княжне Горихвост, хотя он и сам болтался, как язык колокола в пьяный праздник.

Змей цапнул зубами полозья саней и потянул их к земле. У Горихвоста ухнуло сердце. Он почувствовал, что его с неодолимой силой уносит вниз. Ощущение полной беспомощности в этой воздушной стихии сковало его. Ему стало ясно, что он вот-вот разобьется.

Сани хрустнули и разлетелись в щепки, которые тут же запылали и посыпались, как огненный дождь. Мара сжала в бледных ладонях скамейку – единственное, что осталось от ее роскошной повозки. Песцы дернули упряжку и потащили остов воза вперед, но змей снова щелкнул зубами, ремни лопнули, а вожак стаи взвыл, сорвался и рухнул в бездну. На Маре вспыхнула шуба из белого меха, ярые огоньки побежали по рукавам и подолу, подбираясь к оледеневшему лику владычицы.

– Выносите меня из беды, мои песики, – сквозь застывшие губы шептала Царица. – Век сюда не вернусь, в этот проклятый полуденный мир. Пусть сгорит он в огне, пусть пекло поглотит его – мне сюда ходу нет. Не мое это царство, и мне здесь нечего делать!

Горихвост оказался совсем без опоры. Ветер нес его вниз, и он падал, как камень, переворачиваясь через голову и бултыхая ногами в инстинктивной попытке нащупать опору. Но в поднебесье опоры не находилось, и только заоблачная твердь, на которой некогда пировали ушедшие боги, сияла далеко-далеко отблесками алмазов, отражающих катящееся своим путем солнечное колесо.

Перед глазами мелькнул и тут же пропал опаленный хвост вожака песцовой стаи, который парил в воздухе. Рядом ветер нес Ярогневу, распахнувшую широкое платье наподобие крыльев летучей мыши. Горихвосту захотелось выкрикнуть ей что-нибудь ободряющее, но свистящий вихрь запихнул слова обратно в его глотку. Глаза так слезились, что почти ничего не видели. Он лишь заморгал и протянул к Ярогневе ладонь, пытаясь схватиться за край ее платья. Та потянулась к нему в ответ. Они взялись за руки и понеслись к земле парой, как двое лебедей, сбитых в полете одною стрелой.

Остатки саней стремительно удалялись и вскоре скрылись на севере за облачной пеленой. Утих вой обожженных песцов. Огнезмей нырнул вниз, пожирая обломки повозки и хрустя челюстями. Горихвост с Ярогневой остались наедине с облаками.

Земля неслась им навстречу. Тонкая нитка Шерны на глазах превращалась в широкое полотно, сверкающее солнечными зайчиками среди темных лесов, рыжих полей и заболоченных топких низин. Буро-зеленая шишка Змеиной горы

из маленького пупыря вырастала в исполина, уснувшего на земле и притворившегося скалистой громадой. Дымящиеся развалины Рогатой вежи пыхали в небо клубами гари. Ярогнева зажмурилась и сжала ладонь Горихвоста так сильно, что заглушила боль от ран.

– Я спасу тебя, моя лада! – прокричал он сквозь вой ветра.

– Мы не птицы, у нас крыльев нет! – выкрикнула Ярогнева в ответ.

Горихвост взглянул вниз и понял, что через несколько мгновений от него не останется мокрого места. Эх, теперь что терять?

– Будь, что будет, но я люблю тебя! – выкрикнул он. – Хоть ты и дочка великого князя. Хоть и не судьба мне тебя обнимать. Что с того? Все равно люблю! Просто чувствую это!

Ярогнева взглянула на него глазами, которые распахнулись так широко, что у Горихвоста дрогнуло сердце. Она потянулась, чтобы прижаться к нему в эти последние мгновения. Но Горихвост взглянул в сторону, ловко юркнул куда-то вбок и отстранился подальше, как будто желая сбежать.

– Прижми меня! – попросила она.

Слезы наворачивались на глаза княжны то ли от ветра, то ли от чувств. Вурдалак в самом деле схватил ее накрепко, но только одной рукой.

– Держись! – крикнул он.

– За что держаться? Мы в небе! – откликнулась она с го-

речью.

И тут вдруг ее так тряхнуло, что душа едва не выпрыгнула из груди. Горихвост оказался у нее над головой. Узкая девичья ладонь выскользнула из его руки, и Ярогнева почувствовала, что осталась одна в этом воющем поднебесье, но это чувство продлилось только мгновение, потому что вурдалак тут же поймал ее за шиворот и потянул вверх, как щенка.

Ярогнева повисла, качая сапожками. Земля почему-то замедлила ход и уже не неслась с прежней скоростью. Вой ветра утих, в ушах так не шумело. Над головой раздалось писклявое тьяканье, в ноздри ударил едкий запах паленой шерсти, а снежно-пушистый хвост хлестнул ее по лицу и заслонил взор.

– У тебя снова хвост? Почему белый! Ты цвет поменял? – ничего не понимала она.

– Хватайся крепче! Это песец. Он нас вынесет, – ответил ей Горихвост.

Она отплевалась от шерсти, лезущей в рот, и только тут разглядела, что Горихвост, одной рукой ухвативший ее за воротник, второй обнял шею песца – вожака ездовой стаи, вырвавшегося из упряжки. Снежный пес плавно несся к земле, но в отличие от них двоих, он не утратил способность парить по поднебесью, как птица.

Волчья морда Горихвоста прижималась к его голове, чем выглец, кажется, был недоволен. Он пытался вывернуться и укусить вурдалака, однако тот и сам был не промах. Вы-

скользнуть из волчьих объятий оказалось не так-то просто, и все трое неторопливо спускались вниз. На миг перед глазами Ярогневы мелькнуло огненное ущелье с выходящей из берегов лавой, но тут же возник скалистый обрыв, на котором не находили себе места от волнения ее отец с матерью.

– Как ты поймал песца? – успела спросить Ярогнева.

– Вовремя под руку подвернулся. Ему змейка хвост подпалила! – смеясь, крикнул в ответ вурдалак. – Гляди-ка, а он, оказывается, совсем не рад послужить нам ездовой собачкой! И кто бы мог подумать!

Горихвост изо всех сил держался за жоака, но тот вырывался, тявкал и норовил укусить.

– Этот пес нас не вытянет! – крикнула княжна. – Смотри, он едва держится!

И вправду: жоака сносило прямо в огненное ущелье, из которого сыпались искры.

– Ты нас только до берега дотяни! – зашептал Горихвост песцу на ухо.

Из последних сил жоак тащил их к берегу пропасти. До края скалистого обрыва оставалось всего несколько локтей, но песец уже взмок и тяжело дышал, высунув язык.

– Давай-давай, песик! Еще чуть-чуть! – уговаривала его Ярогнева.

Навстречу ей бросился Всеволод. За ним побежал Дый, подметая мшистые камни полами горностаевой мантии, а дальше размахивала рукавами Верхуслава, отчаянно причи-

тающая и голосящая.

– Уходите! Бегите прочь! – заорал на них Горихвост. – Змей всех попалит!

– Прочь! Спасайтесь! – вопил Горихвост.

В этот миг пропасть у него за спиной пыхнула огненным жаром и выплеснула волну раскаленной лавы. На острые скалы обрыва выползло змеистое тело, покрытое полыхающей чешуей. Огромная драконья морда с игольчатым гребнем поднялась высоко над берегом и принялась жадно хватать воздух разинутой пастью. В середине желтых глаз сверкнули сузившиеся зрачки, в которых отразились люди – мелкие, как муравьи.

– Прыгайте! – выкрикнул князь.

Змей сделал выпад и попытался схватить песца за хвост, однако тот даже с двумя спутниками на хребте казался не больше, чем комар, мельтешащий перед слоновьими бивнями. Прихлопнуть такую мелочь змею не удалось, он разъярился и полыхнул огнем, вырвавшимся из его глотки.

Пламя опалило песцовую шкуру. Горихвост почувствовал, как дымятся остатки его вотолы. Ярогнева у него под рукой жалко вскрикнула – видать, и ее обожгло. Из последних усилий песец взмыл над берегом и рухнул на край скалы.

Горихвост со всего маху хлопнулся на камни и покатился по горящему мху. Ему едва удалось прикрыть голову от ударов, но ребра, ноги и бедра так приложило о скалистые выступы, что он едва не взвыл от приступа новой боли. Рядом

катила кувырком Ярогнева: перед глазами мелькала то ее белая рубаха с узором, то красные сапоги. Обезумевший песец с визгом метался среди островков огня, пытаясь найти выход из раскаленного пекла.

Змей с трескучим гулом взмыл вверх и набрал высоту. Краем глаза Горихвост заметил, что тот закладывает новый вираж под самыми облаками, очевидно, для того, чтобы повторно ринуться в нападение. Песец угодил лапой в пламенеющий мох, взвизгнул, отпрыгнул и налетел на Горихвоста, перевернув и не дав подняться. Не успев оправиться от ударов, Ярогнева бросилась к вурдалаку и приподняла его голову.

– Что с тобой? Ты еще цел? – беспокойно спросила она.

Горихвост разинул пасть и с трудом поворочал языком, пытаясь ответить.

– Кто это? Что за зверь? – раздался испуганный крик Верхуславы.

К княжне с вурдалаком уже торопились князь, княгиня и Дый. Верхуслава увидела на коленях дочери огромную черную морду с высунутым языком и остановилась.

– Вот это да! Никогда раньше такого не видел! – подоспел им на помощь Дый.

Он помог Ярогневе поднять Горихвоста, у которого подгибались колени.

– Что с ним? – едва не впал в ступор Всеволод.

– Наполовину оборотился, – пояснил Лесной царь. – Ви-

дать, все пошло вкривь и вкось.

– А волчья голова у него так и останется?

– Похоже, что да. От подобных заклятий лишь смерть избавляет.

Ярогнева прижала к себе Горихвоста и горячо прошептала:

– Мы спасем тебя, вот увидишь! Мы найдем способ вернуть тебе человеческое лицо!

Горихвост слабо улыбнулся и погладил ее по волосам.

– Уходить надо! Змей возвращается! – пританцовывал от нетерпения Вахлак, который таскался за Дьем, как хвост, несмотря на раны.

Верхуслава обняла Ярогневу, прижала к себе и отказывалась отпускать. Лутоха протиснулся сквозь толпу, обступившую спасшихся, взвалил Горихвоста на плечо и потащил вверх по склону, приговаривая:

– Убраться бы поскорее, от греха подальше! И от кого только у тебя этот дар – попадать в передряги? Эх, одно с тобой горе!

– Что с Курдюмом? – успел спросить Дый.

– Нет больше злодея. И тени от него не осталось, – едва проворочал языком вурдалак.

Его вставшие торчком ушки уже ловили сухой треск искр, сыплющихся с чешуи огнезмея. Гул ветра давал знать, что чудовище приближается, стремительно падая с высоты.

– Яруша! – произвольно сорвалось с его алого языка.

– Тут я, тут! – подскочила к нему Ярогнева, подхватывая его под плечо.

– Спасайся! – прохрипел Горихвост, досадуя, что она поняла все наоборот.

Его макушку обдало жаром. Черная шерсть затрещала, стгорая. Уши прижались к голове, а сама голова ушла в плечи. Змей пролетел всего в трех аршинах над ними, но этого хватило, чтобы мох и жалкие кустики, торчащие между скал, вспыхнули, как свечи. Навстречу им из клубов дыма выскочил Нежата, увидел звериную морду Горихвоста и обомлел.

– Чего вылупился? Заступись за княжну! – с раздражением рявкнул на него вурдалак.

Нежата пришел в себя и потянулся к Ярогневе, но та недовольно оттолкнула его и приказала:

– Не мешай! Лучше матушке помоги!

Толпа селян во главе с Воропаем уже окружала Всеволода и Верхуславу, как будто надеясь закрыть их от огня. Змей опять набирал высоту, готовясь к новой атаке. Ярогнева заторопилась, чтобы добраться до гребня горы раньше, чем он вернется, но ее истощенных сил не хватало.

– Что ж это творится такое? – причитал Воропай. – За что нам такая напасть?

– Так пророчили варяжские руны, – мрачно откликнулся Всеволод. – В Эдде черным по белому писано, что наступит Последний час мироздания. Когда он придет – никому знать не дано, но случится он точно, и отвратить его не получится.

– Эх, ученый ты человек, княже, – отозвался Лутоха, обливающийся потом под тяжестью Горихвоста. – Вырос среди варягов, нахватался от них книжной грамоты. А того не уразумеешь, что без воли богов ничего не случится. Никакого конца света не будет, если горние государи не повелят.

– Судьба выше богов, – угрюмо откликнулся Всеволод.

– Ничего не случится, если боги не захотят, – настаивал юродивый. – Там, в заоблачном Вышеграде, они собираются на совет. И три Государя вселенной решают, как быть. Как они порешат, так и будет. Захотят – спасут мир. Захотят – приговорят. Докажи им, что люди не безнадежны. Докажи, что все можно поправить. И они придут в милость. Ведь они-то не злые! Они сами в нас верят. А мы их веру обманываем почем зря, вот они от нас и отвернулись. Оттого и посыпались на нас напасти.

– Что же делать прикажешь? – с недоверием бросил Всеволод. – Как от змея избавиться?

– Нужно молить Государей, и они пощадят! – с убеждением произнес Лутоха.

– Вот и моли, пока змей тебе шкуру насквозь прожигает! – рассердился князь на недоумка.

Лутоха остановился, перевел дух и покачал рваной шапкой:

– Простых слов они не расслышат. Нужно послать им гонца. Он донесет до них весть о беде.

– И куда же его посылать? В тридевятое царство? – посме-

ялся над убогим умишком Нежата.

– В Горний мир.

– Дурень! Горний мир – не для живых. Туда только мертвые попадают. Вот спалит тебя змей – твой дымок и поднимется к небу. И если у тебя еще будет, чем говорить, тут ты все богам и расскажешь.

– Давай, миленький, еще несколько шажков, и перевалим через гребень, – подтолкнула вурдалака Ярогнева. – А там тропинка покатит под горку и станет легче!

Горихвост едва двигал ногами. Змей сделал круг над опаленными развалинами вежи, распрямылся и огненной стрелой полетел на людей.

– Он не даст нам уйти! – с отчаянием прошептал Нежата, оглядываясь и закрывая собой Верхуславу.

– Подхватили и понесли! – скомандовала Лутохе Ярогнева.

Вдвоем они оторвали Горихвоста от земли и потащили вверх по крутому склону – туда, где виднелись скалистые зубцы, острыми краями царапающие небесную гладь. Едва поспевающий за ними князь остановился, тревожно оглянулся на тонущий в огне остров с развалинами, и воскликнул:

– О, боги! А это еще что такое?

Его слова утонули в грохоте взрыва, от которого затряслись скалы. Из жерла Змеиной горы вырвался столб черного пепла и выстрелил в облака, обдав поднебесье россыпью

раскаленных камней. На головы людей посыпалась огненная шрапнель, состоящая из темно-багровых, шипящих комков лавы. Один из осколков закатился за шиворот Ярогневе и обжог ее белую кожу, отчего она вскрикнула и на миг выпустила Горихвоста.

– Гора извергается, – стянув с головы мокрую от пота шапку, пробормотал Лутоха. – Вот это беда так беда!

Верхуслава подскочила к дочери и потянула ее к вершине, но Ярогнева заупиралась и вцепилась в изорванную вотолу Горихвоста.

– Я без него не уйду! – заявила она. – Либо вместе спасемся, либо все разом сгинем!

Горихвост ласково тронул ее, заглянул в потемневшие от решительной силы глаза, и проговорил:

– Иди, моя душенька! Уходи побыстрее. Я останусь и дам змею бой. Да и вы уходите! – обратился он к князю с княгиней. – Уводите людей. Может, есть еще безопасное место?

– Ветхое капище! – подсказал Лутоха. – На селе нет места выше. Если равнину зальет, то до капища огонь и вода доберутся в последний черед.

Нежата подхватил Ярогневу и через силу потащил ее к гребню. Князь с княгиней устремились за ним. Воропай и селяне добрались до вершины горы, и вдруг разом остановились.

– Вот ты, черт! Тебя только тут не хватало! – с досадой гаркнул Нежата.

Горихвост посмотрел ему вслед. Из-за каменных зубьев скалистого гребня выходил боярин Видослав Рославич с обнаженной саблей в руках. Его щегольские сапоги с желтыми голенищами ярко виднелись на фоне серых, потемневших от гари камней. Зеленые шелковые портки сочно блестели среди чахлых трав. А золотая пряжка на роскошном малиновом поясе сверкала почище клинка, которым он размахивал с самым воинственным видом.

– Опомнись, безумный! – замахал на него руками Всеволод. – Не время сейчас для усобиц. Не видишь, что ли – всему Гремячему долу конец наступает!

Видоша ослабился и расхохотался ему в лицо. Змей упал с высоты и пролетел над головами людей, отчего деревенские жители попадали и покатались по склону, оглашая простор испуганными воплями. Один только Видоша даже не подумал пригнуться, хотя шапка на его макушке и задымилась от жара.

– Как были вы грязью, так и остались! – надменно проговорил он.

– Уймись, ненасытный! – возвысил голос Дый. – Уйди с дороги, дай людям спастись. Змей пожжет всех, и пылинки не оставит.

– Не боюсь я вашего змея! – воскликнул Видоша, сверкая саблей. – Ничего не боюсь! И кому вы только нужны, мелкие князьки со своими холопами! Нечисть поганая, твари лесные! Все вы – грязь под моими ногами. Даже саблю не

хочется пачкать в вашей мерзкой крови. Убирайтесь! Не вы мне нужны, а он – змей, могучий, повелевающий миром!

И Видоша ткнул острием в небеса, под которыми реял рассыпающий искры дракон.

– Вот олух! – в сердцах выкрикнул Дый. – В кого ты такой уродился? Змей – беда всему белому свету. От него – сплошь потрава. Неужели ты до сих пор не понял?

– Это для вас, мелких холопчиков, змей – беда, – возразил боярин. – Для меня он – сила и власть. Глупый мельник не смог его подчинить. Деревенщине не дано править миром. А вот мне, великородному боярину и владыке, такой чин под стать. Слышишь, змей? Повинуйся мне! Спустись и склони шею! Я – твой хозяин!

– Обезумел, – безнадежно махнул рукой Всеволод.

– Я и не думал, что мне улыбнется удача! – не слушая его, хохотал Видослав. – Кто бы вообразил, что я окажусь всего в шаге от давней мечты. С детства я знал, что достоин большего, чем быть слугой мелких князьков. Я рожден, чтобы быть господарем. Не слугой, а хозяином! Я, боярин Видоша, о которого вы вытирали ноги! Змей, спускайся! Сожги этих людишек! Видишь, как они трусят? А вот я не боюсь. Покорись моей воле! Приказываю: князя с его семьей – сжечь! Погань Дикого леса – спалить! Ну а после лети на столицу, Великий Мир-город. Разнеси в клочья Кремник! Развали терема воевод! Изничтожь самого царя! А если навстречу тебе выйдет войско – не оставляй живых, круши всех! Ты приведешь ме-

ня на престол и сделаешь владыкой мира. Слышал приказ? Исполняй!

Гора разразилась залпом огня и камней, которые вылетали из ее жерла, как пушечные ядра.

– За меня – силы всей преисподней! – пьянея от восторга, орал Видослав.

Оранжевая лава на дне ущелья покрылась темными пятнами, а затем резко вздулась и понеслась вверх, как кипящее молоко, убегающее из котелка. Тысячи огненных языков взвились ввысь и слизнули последние сосенки, криво торчащие в расщелинах скал. Берега гранитного острова в середине вулкана утонули в кипящем вареве, поднимающемся со дна. Остатки Рогатой вежи рассыпались, мраморные глыбы понеслись в пене потока, как легкие сухарики в наваристых щах.

– Нас сейчас захлестнет! Убирайтесь! – выкрикнул Горихвост и оттолкнул от себя Лутоху.

Нежата с Ярогневой на руках добрался до каменного зубца, у подножия которого возвышался Видоша.

– Пропусти, иначе никто в живых не останется! – сердито выкрикнул кметь.

– Катись прочь, пес! – надменно проговорил боярин и уступил ему путь.

Нежата перевалил через камень и поставил Ярогневу на твердую почву. Князь с княгиней тут же соединились с ними, а Воропай и селяне потянулись за своим господином.

Змей опять начал снижаться, но на этот раз он решил не нападать свысока. Пролетев над кипящим потоком, вышедшим из берегов, огненное чудовище рассекло пламенные пузыри и багровые всплески, исходящие из лавы, и как будто напиталось их силой. Искрящаяся чешуя со звоном обрушилась на скалистый склон, длинная шея с тупой мордой на конце изогнулись и потянулась вслед убегающим людям. Горихвост оказался у нее на пути. Он зажмурил глаза, прикрыл ладонями голову и прошептал:

– Спасайтесь! Я постараюсь его задержать!

Но Видоша сбежал вниз по склону, грубо столкнул его с места и насмешливо гаркнул:

– Посторонись, слабосильный! Драться с чудовищами – не дело лесных вурдалаков, да еще тех, у кого с головой не в порядке. Или ты со страху голову потерял?

И он издевательски расхохотался.

– Прочь! – замахнулся он саблей. – Сражаться со змеем может лишь прирожденный боец. Не тебе, лесной твари, совать нос в наше боярское дело. А ну, змейка, ползи ко мне – я с тобой побеседую!

И он решительно зашагал к чудовищу, размахивая сверкающим клинком. Лутоха подхватил Горихвоста и потянул его вверх по тропе.

– Всего несколько мгновений, – шептал Горихвост. – У людей всего несколько мгновений, чтобы перевалить через гребень и скатиться с горы. А там – прячься в лесу и беги до

деревни, авось, змей в густой чаще не разглядит.

– Ты ногами-то двигай! – подгонял его нищий.

– Скажи князю: пусть катится под горку, как колесо, – хрипел ему в ухо Горихвост.

– Скажу-скажу. Ты и сам не зевай! – тащил вверх юродивый.

Змей разинул пасть и обдал гору пламенем. Огненные клубы опалили камни всего в нескольких саженях перед Видошиными сапогами.

– Ах, ты так? – разъярился боярин. – Не смей дерзить господину! Ты обязан исполнить мое желание. Я приказываю: повинуйся!

Но змей и не думал склоняться перед маленьким человечком. Он взмыл вверх, изогнулся и набросился на Видошу всей тяжестью своей огненной чешуи. Лава из жерла горы выплеснулась за ним и поползла вверх по склону, затопляя все новые и новые скалы. Боярин поднял голову, размахнулся и ткнул саблей в брюхо дракону. Чешуя зазвенела и прыснула россыпью искр.

– Подчинись! – не унимался Видоша. – Я – твой хозяин!

У Горихвоста подогнулось колено. Он споткнулся, упал и увидел, как нависший над Видославом змей распахивает багровую пасть и извергает из глотки такую волну огня, что устоять перед ней не смог бы и гранитный утес. Отчаянно размахивающий саблей Видоша утонул в этой ослепительной волне. Она накрыла его с головой, а когда схлынула че-

рез несколько мгновений, то на том месте, где только что стоял боярин, валялась лишь его оплавленная сабля, да дымились каблуки догорающих сапог.

– Никому не дано править аспидом, – подытожил Лутоха. – Змей – дикарь, чужих слушаться не умеет.

Ярогнева вырвалась из рук Нежаты, сбежала к Горихвосту и подхватила его под руку. Воропай и селяне успели перевалить через гребень и теперь неслись вниз по склону, прямым к лесу, где их поджидал Сиводур, готовый проложить просеку через чащу. Дый отправил вперед израненного беца с русалкой и лешим, а сам задержался, чтобы помочь вурдалаку. Верхуслава бросилась было за дочерью, но Всеволод подхватил ее и потащил прочь.

Вдвоем с Лутохой Ярогнева подняла Горихвоста на ноги, и уже через несколько шагов все трое оказались на гребне горы, среди острых зубцов, вонзающихся в небесную синеву. Оглянувшись на жерло, Горихвост мельком увидел, что остров полностью скрылся под лавой, которая вышла из берегов и норовила догнать беглецов.

– Перехлестнет через край – всю долину зальет, – сказал Горихвост подбежавшему Дью.

Извивающаяся чешуя змея заструилась между высокими валунами, гремя броней и рассыпая вокруг искры. Ярогнева с Лутохой добрались до зубцов и протащили Горихвоста в узкий проход между скалами. Далеко внизу, на крутой каменистой тропе, уже катились к подножию последние дере-

венские жители во главе с Воропаем. Отсюда, с вершины, было хорошо видно, как Всеволод с Верхуславой проносятся под воротами тына, за которыми их встречает великан, возвышающийся над лесом.

– Теперь путь под горку, сейчас мигом доскачем, – с облегчением выдохнул Лутоха.

И тут же на его шапку обрушилась целая россыпь искр, издающих сухой треск. Над высоким зубцом показалась длинная шея змея. Гребень с торчащими иглами взметнулся ввысь, желтые тарелки глаз с черными зрачками начали озирать травы, от которых тянуло дымком.

– Бежим! – заверещала княжна.

Вдвоем с Лутохой они оторвали Горихвоста от земли и понесли его под уклон, спотыкаясь о камни и едва успевая поворачиваться на крутых изгибах тропы. Облако пламени понеслось за ними и слизало несколько чахлах кустов, но накрыло лишь следы на каменистом пяточке, с которого они только что соскочили.

Сиводур распахнул перед ними ворота и завыл, будто вихрь:

– Где вы топчитесь? Все давно уже проскочили.

– За нами змей гонится! – сердито бросила в ответ Ярогнева.

– Бегите, я его задержу! – взвыл великан.

Ярогнева с Лутохой спустили Горихвоста с земляного вала и потащили к опушке. Чур раздвинул перед ними кусты

и проскрипел:

– Сюда! Все уходят к деревне.

Горихвост обернулся к волоту и с беспокойством воскликнул:

– Сиводур, уходи! Змея тебе не сдержать!

Но великан даже не обернулся на его сдавленный хрип. Створки деревянных ворот схлопнулись за их спинами. Волот заложил их засовом, проверил, надежно ли они заперты, и удовлетворенно пробурчал что-то в свой огромный кулачище. Чур приподнялся, и, шевеля всеми корнями, резво пополз за беглецами по лесной тропе, прикрывая их своей бурой корой.

Змей соскользнул с гребня горы, но не удержался на косогоре и покатился вниз, гремя огненной чешуей. Сиводур звучно расхохотался, и принялся потешаться:

– Что, склизкая гадина, не по нраву тебе наши лесные дорожки?

Однако долго веселье его не продлилось. Змей подпрыгнул на каменном уступе, взмыл ввысь и всей тяжестью обрушился на ворота, которые с оглушительным треском рассыпались в щепы и тут же вспыхнули, будто хворост. Волот отскочил к лесу и запрыгал на одной ноге, хватаясь за обожженную пятку.

– Ах, ты так? – разъярился Сиводур. – А дубины моей не желаешь отведать?

Он подхватил сосновый ствол, очищенный от ветвей, и

со всей силы заехал им по хребту извивающегося дракона. Чудовище опрокинулось навзничь и вспыхнуло ослепительно-алым огнем, как будто порыв ветра дунул на полыхающие уголья.

– Вот тебе! – с торжеством заорал Сиводур, но сосновый ствол в его огромной ручище переломился и загорелся, как спичка.

– Ай! – еще раз обжегшись, отшвырнул его волот.

Разъяренный змей, извиваясь, пополз вдоль бревенчатого тына, уничтожая остатки ограды и обрушивая ветхий земляной вал.

Ярогнева с Лутохой уже успели занести Горихвоста в лесную чащу. Впереди узкая тропинка ветвилась, образуя развилку. Одна тропка вела к опушке, за которой простиралась Грязная Хмарь, другая уводила к Туманной поляне, на которой рос Миროствол.

Горихвост оглянулся на шум и увидел, как перепуганный Сиводур с треском продирается сквозь чащу, круша все на своем пути и образуя просеку из поваленного леса. В несколько шагов он обогнал путников и побежал перед ними, прокладывая широченный путь.

Стоило Сиводуру скрыться из виду, как до прядающих ушей Горихвоста донеслись возмущенные выкрики князя и Лесного царя – очевидно, волот догнал и едва не примял их. Судя по треску продолжающих ломаться деревьев, великан и не думал останавливаться – он несся сломя голову и не

обращал внимания на окрики лесного начальства. Багряное корзно с золотым соколом мелькнуло среди поваленных деревьев.

– Батюшка! – выкрикнула Ярогнева. – Я его вижу. Быстрее! Еще чуть-чуть, и мы всех догоним!

– Нет, погодите! Пойдите немного! – остановил спутников Горихост.

Они замерли на развилке двух троп. Лутоха внимательно оглядел Горихвоста и печально ему улыбнулся.

– До деревни – рукой подать. Нам помогут! – нетерпеливо рвалась Ярогнева.

Горихвост сделал долгую паузу, набрал воздуха в легкие, задержался, а затем с шумом выдохнул:

– Туда нам не надо.

– Как так? А куда надо? – с непониманием уставилась на него девушка.

– На Туманную поляну. Только туда! – решительно заявил вурдалак.

Лутоха отвернулся и смахнул со щеки слезу.

– Ты с ума сошел! – нетерпеливо притопнула Ярогнева. – Гляди сам: к поляне уже не пробраться. Лес горит. Вон, какой дым валит с той стороны.

– Мне туда, – настаивал Горихвост.

– Это будет непросто, – кротко молвил Лутоха. – Ты точно решил?

– А куда деваться?

– Что ж поделать? Пойдем! – Лутоха приподнял плечо Горихвоста и повел его прямо в душную пелену.

– Эй, вы что? Ну-ка, стойте! – растерянно окликнула их Ярогнева, но двое спутников уже уходили, и она припустила за ними.

Вулкан выбросил столб черного дыма. Раздался грохот, задрожала земля, и из жерла выплеснулся фонтан яркого пламени, как будто преисподняя решила выстрелить в небо из исполинской пушки. Град раскаленных камней обрушился на окрестности. Они вылетали из горы свистящими тучами и разносились по округе, а после обрушивались на лес, поля, воды, в которых тонули с шипением, как будто хотели расплескать реки до самого дна. Волна пламенеющей лавы перекинулась через гребень горы и понеслась вниз по склону, пожирая все на своем пути. Остатки бревенчатого тына с земляным валом снесло в один миг, гнилые ворота рухнули, и лава начала заливать травы с подлеском, потянулась языками к замершему от ужаса лесу, начала слизывать опавшие листья с узких тропинок.

– Не дойдем! – с горечью выкрикнула Ярогнева.

– Может, ты нас оставишь? – осторожно спросил ее Лутоха.

– Еще чего! – обиженно отозвалась княжна.

Порыв ветра унес облако душного дыма, но за ним прикатился ручей огненной лавы, которая пересекла тропу и подпалила сухую листву.

– Я тебя перенесу, – сказал Горихвосту Лутоха.

– Не обожгись!

Лутоха схватил Горихвоста в охапку и резво перескочил с ним через огонь. Ярогнева прыгнула следом, примяв сапогом загоревшийся лист.

– Куда путь держать от корней Мироствола? – спросил, трясясь, Горихвост.

Лутоха потащил его вдаль, рассказывая:

– Тело бренно, оно останется на земле. А душа воспарит к небесам по Трояновой тропке. Там, на небе, увидишь великую звездную реку, что тянется из одного края вселенной в другой. На берегу стоит город: стены серебряные, а купола золотые. Если повезет, встретишь в городе кого-нибудь и спросишь, куда идти дальше. Не повезет – найдешь лодку и поплывешь по реке, а она сама выведет, куда надо.

– Долго плыть?

– Никто не скажет. На небе мгновенье бывает – что наша вечность, а бывает, и наоборот.

– Вы о чем таком говорите? – прервала двух мужей Ярогнева. – Что за околесицу несете?

Однако ни тот, ни другой не подумали ей отвечать.

– Нет у нас вечности. Гремячий дол погибает, – хмуро проговорил Горихвост.

– Следуй своим путем, и ни о чем не тревожься, – отозвался Лутоха, перепрыгивая через очередной рукав лавы. Если исполнишь свой долг, то боги сами решат участь Дола.

*

Головач, старший сын Воропая, вскарабкался на осыпающийся склон Ветхого капища, втянул на кручу жену с малым дитем на руках, и сурово, по-начальски прикрикнул на отстающих селян:

– А ну, мать вашу туды-сюды, резвее, не спать на ходу! Не то прибежит вурдалак и так хватит за пятку, что придется на одной ножке прыгать!

Трактирщик Щеробор, до сих пор не оправившийся от вывиха, снял с телеги свою обмотанную тряпьем ходулю и дерзко возразил:

– А ты чего тут распоряжаешься? Возомнил себя главным, пока батьки нет?

– Видали и поглавнее, – уперла руки в боки Русана, жена Нежаты.

– Чего вы сразу лаяться? – упавшим тоном пробормотал старостин сын. – Я же за наше село радею. За весь народ.

Многочисленное семейство старосты, в которое входили его сыновья с женами и дочери с детьми и мужьями, тоненькой вереницей растянулось на узкой тропе, протоптанной от деревни до Крутояра. Из калитки в окoliце лился целый поток жителей Грязной Хмари, обеспокоенных начавшимся извержением. Бабы и мужики тревожно вглядывались в лесную даль, где за верхушками деревьев пыхала клубами чер-

ного дыма Змеиная гора.

Из лесной чащи с сумасшедшим граем вырвался Хорохор.

– Пожар! Горе! Беда! – всю хрипел ворон. – Всем разбежаться из леса! Спасайся! Рви когти!

Головач не успел от него увернуться. На лету ворон воткнулся клювом в его подбородок, сбил с ног, и пуще прежнего заголосил:

– Волчий коготь мне в гузку! Чего торчишь на пути? Разуи зенки: сейчас от твоей деревни и щепочки не останется!

Опрокинутый Головач в свою очередь завопил:

– Ах ты, кряква летучая! Зачем народ полошишь? Ну-ка, быстро уймись!

– Я тебе щас уйму! – сипел ворон, летая над ним кругами. – Лапоть драный, дыра в старом мешке! Лесной царь всем велел спасаться. Уходить сюда, к Ветхому капищу. Сейчас весь лесной народец здесь будет.

– Этого нам не хватало! – обеспокоилась Русана. – Чтобы нечисть дремучая лезла в село? Где ж это видано?

Едва она договорила, как в лесу послышался страшный треск, и на опушку выкатился Сиводур, бестолково размахивающий кулаками. Его налитые кровью глаза ошалело вращались, рубище из грубой холстины ободралось и свисало клочьями, обнажая участки толстой, заросшей густым волосом кожи.

Не чуя под собой ног, великан ломанулся к деревне, наступил на высокий плетень, с хрустом смял его и помчал-

ся по главной улице, руша заборы. Последние из селян, как раз выходявшие из избышек с пожитками в руках, пришли в панику, побросали узелки с добром и бросились врассыпную. Старшая дочь Головача, Млава, метнулась через огород, нещадно давя пятками грядки с репой. Бабы завыли, разразились пронзительным плачем дети.

А из Дикого леса по просеке, протоптанной великаном, уже выбегала нечистая сила. Продрался сквозь кусты Вахлак, кривыми пальцами зажимающий свой израненный хвост. Русалка Шипуня в рваных обносках, выловленных в реке, перепугала всех сходством с утопленницей. Наконец, показался сам Лесной царь в мантии из роскошных мехов. Одним своим видом он мог бы внушить суеверный трепет, если бы на загривке его не сидел белый, как молоко, оборотень Деряба, скинувший свой иноземный камзол. Деряба пришпоривал царя пятками, как коня, размахивал рваными рукавами и вопил во всю глотку:

– Всем конец! Все пропало!

Над лесом показался оранжево-красный змей. Он резко спикировал и полыхнул на деревья жаром. Огненный вихрь охватил чащу, треск горелых ветвей ударил в уши, запах гари пробрался в ноздри.

Дыя как подстегнули: он бросился к капищу, не разбирая пути. Его подданные без раздумий устремились за ним. Деряба соскочил с его шеи и принялся бестолково скакать, взметая вокруг себя комья земли.

Через бурелом на опушке перебрался Нежата, откинул с дороги поваленный Сиводуром ствол осины, и заботливо проводил вперед княгиню Верхуславу, а за ней и Всеволода в багряном корзне. За спиной князя возился, как медведь в логове, Воропай, но кузнец так подсадил его мощным пинком, что староста пробкой вылетел из чащи. Худощавый Коняй побежал к Млаве, раскрыв для объятий руки так, что стал похож на пугало, а за ним посыпались, как горох из дырявого мешка, и остальные селяне, ходившие с князем на гору.

– Жив, отец родной! Жив, кормилец! – первым опомнился Щеробор и полез обниматься, чтобы князь лучше запомнил, кто рад ему больше всех.

Всеволод отпихнул прочь трактирщика и стремительно двинулся к капищу.

– Лесной царь и его подданные – наши гости! – объявил он. – Сегодня беда у нас общая. Из пекла вырвался огненный змей. Всему миру пощады не будет. Старые счета сводить уже поздно – скоро и нам конец подойдет.

– Неужели надежды нет? – упавшим голосом пролепетал трактирщик.

– Если только на чудо, – повел бровью князь. – Единственное, что мы можем сделать – это встретить конец света с честью, чтобы за нас не было стыдно богам, если они еще видят, что тут происходит.

Люди притихли и расступились. Всеволод подал руку Дью и помог ему забраться на Крутояр, с которого откры-

вался вид на реку. Лесной царь с почтением оглядел суровые лики кумиров, с высоты взирающих на пришельцев. Вахлак прошел между бабами и огрызнулся, показав желтые клыки. Потрепанного Дерябу успокоили и отряхнули. Шипуне накинута на плечи узорчатую сорочку. Неуклюжего лешего втащили, как пень на пригорок. Даже Хорохора – и того приголубили, хотя тот по-прежнему не доверял людям и сверкал на них черным глазом.

– Соберите вокруг себя жен и детей. Обнимите родных, – велел князь. – По всему видать, настает судный час. От лютого змея спасения нет, разве что Государи на небесах услышат наши молитвы.

*

Они выбрались на Туманную поляну в тот миг, когда огненные ручейки слились в целую реку. Багровая жижа шипела, поглощая овраг за оврагом. Клубы едкого дыма заволокли чащу, вытеснив запахи прелого мха и древесной гнили. Вершина Мироствола, тянущегося к небесам, утонула во мгле. Стаи птиц поднимались с ветвей и уносились в Ирй, оглашая Дол возмущенным разноголосьем.

Лутоха поставил Горихвоста на землю, сорвал с головы шапку и вытер ей пот, ручьями стекающий по лицу.

– Фу, да тут не продохнуть! – заметила Ярогнева, прикрывая нос краем ветоли, которую она сняла с Горихвоста, что-

бы тому было полегче.

– Главное – уберечь Мироствол, – отозвался Лутоха. – Если Дерево загорится, все миры подселенной рухнут и перемешаются.

– Никогда не бывало такого, чтобы Дерево загорелось, – возразил Горихвост. – Его ни один костер не берет.

– Тут не просто костер. Тут целое пекло разбушевалось, – добавил Лутоха, глядя, как вспыхивает сухая листва, к которой подбираются пламенные языки.

– Зачем мы сюда пришли? – растерянно огляделась дева.

Извивающееся тело змея со свистом рассекло воздух над их головами. Вершины сосен вспыхнули, будто спички, запахло паленой хвоей и топленой древесной смолой. Мироствол возмущенно заколыхал ветвями, отгоняя непрошеного гостя. Острый, как нож, змеиный хвост извернулся и обогнул Древо миров.

– Змей не даст времени. Медлить нельзя, – с тревогой проворчал Лутоха.

– Делай, что нужно, – велел Горихвост.

Юродивый отобрал у девушки Душебор, срубил несколько веточек с липки и принялся строгать острые колышки.

– Вы чего, а? – с беспокойством забегала глазками Ярогнева. – Что задумали-то?

Горихвост бережно обнял ее, стараясь не напугать своей волчьей мордой, прижал к груди, и, едва шевеля языком, произнес:

– Прощай, моя лада. Я уйду.

– Куда?

– Далеко-далеко.

Ярогнева вцепилась в шерсть на его щеках, заглянула в глаза и с тревогой спросила:

– Куда ты собрался? Говори, не томи!

– Кто-то должен передать богам весть. Рассказать, что у нас происходит. Без вестника наша молитва до них не дойдет. На богов вся надежда. Кроме них, нас никто не спасет.

– Но богов давно нет. Они в другом мире. Там живых не бывает, одни мертвые.

– Тела мертвые, души живые. Душу ведь не убить, правда?

– Но душа ничего не помнит. Она будто рождается заново.

– Значит, нужно отправить ее в тот мир так, чтоб она ничего не забыла.

Горихвост оттолкнул Ярогневу и обернулся к Лутохе:

– Давай!

– Влезь на корень. Повыше! Руки в стороны. Шире! – начал распоряжаться юродивый.

Горихвост послушно, как дитя, исполнял его требования.

– Терпи! Сейчас будет больно.

– Пусть будет, – покорно согласился Горихвост.

Лутоха приставил к его раскрытой ладони острие деревянного колышка, примерился, и рукоятью меча, как молотком, вбил ее вглубь.

– Ой! – вскрикнула Ярогнева.

Горихвост прикусил язык и тяжело задышал. Из пробитой ладони вытекла струйка крови.

– Выдержишь? – спросил Лутоха.

Сил Горихвоста хватило на то, чтобы рыкнуть. Лутоха размахнулся и вогнал колышек во вторую ладонь. Горихвост издал стон.

– Потерпи, друже, скоро это закончится, – бормотал юродивый, вбивая колья в его ступни, болтающиеся над дубовым кряжем.

Огненный вихрь взметнул ворох листьев и швырнул Горихвосту в лицо. Капли крови упали на золотистые листовые прожилки и унеслись вместе с ними с поляны. Змей пронесся над деревьями с гулом и грохотом, оставляя за собой бегущие дорожки пламени. Языки лавы тянулись все ближе, дыша жаром.

– Род-владыка, прости мне этот грех! – раскаялся Лутоха, вбивая последний кол.

Горихвост повис, пригвожденный к широкому стволу. Руки его растянулись, как будто он обнимал Дольний мир, а ноги согнулись в коленках – они уже не держали.

– Тебе больно? – спросила Ярогнева, и тут же в мыслях себя прокляла: «Боги, какая я дура! Что за глупый вопрос!»

– Это уже неважно, – откликнулся Горихвост. – А теперь, душа моя, самое главное. Возьми меч.

Ярогнева послушно приняла Душебор от Лутохи.

– Вонзи его мне прямо в сердце, – потребовал Гори-

хвост. – Одним ударом. Покрепче. Не сомневайся и не жалеяй меня. Чем больше жалеешь, тем сильнее я буду мучиться.

– Что ты? Я не могу! – заледенела Ярогнева.

– Ты должна! – настаивал Горихвост.

Дева влезла на кряж, уткнулась лицом в его грудь и отчаянно разрыдалась.

– Я люблю тебя! – через слезы прокричала она. – Ты мой ладо! Мой милый! Моя душа, мое счастье!

– Как раз поэтому ты и должна! – требовал Горихвост. – Никто больше не может. Ты одна. Иначе душа заблудится в райских кущах. Я прошу тебя! Возьми меч. Одним махом. Крепче. Давай!

Ярогнева завывла и приставила Душебор к его груди.

– Почему я? – зашептала она.

– Потому что я верю, что ты меня любишь. От других я меча не приму. А от тебя – все, что угодно. Ну, решайся!

– Ай! – Лутоха воскликнул и запрыгал на одной ножке.

Оранжевый язык лавы дотянулся до его сапога и лизнул подошву. В нос ударил запах горелой кожи. С головы юродивого сорвалась рваная шапка, упала в огненный ручей и вспыхнула, взметнув вверх буйные листья пламени.

Огненный змей опустился на землю всего в тридцати шагах, хищно изогнул шею и зашипел. Горихвост успел заметить, как мелькнуло отражение его распятой, согбенной фигурки в немигающих желтых глазах.

– Еще миг – и будет поздно! – испуганно завопил Луто-

ха. – Теперь, или уже никогда!

Горихвост заглянул в голубые глаза любимой и прошептал:

– Я в тебя верю. Прощай!

Ярогнева зажмурилась, сжала зубы, и с силой вогнала меч в его грудь. Клинок прошел через ребра насквозь и уткнулся в жесткую кору дуба. Горихвост резко дернулся, как будто хотел вырваться из своего тела, и безвольно повис без движения. Ярогнева свалилась с покатога кряжа к подножию дерева, прижала ладони к лицу и во весь голос завывала.

Змей распрямил шею. Его голова взвилась над верхушками полыхающих сосен. Пасть раскрылась и издала оглушительный рев. Волна пламени вылетела из глотки и обдала Мироствол. Целый пролет дерева над головой Горихвоста почернел, но не сдался стихии.

Лутоха подбежал к Ярогневе, поднял ее с земли и потянул за собой.

– Бежать надо! – настойчиво твердил он. – Тебе за Горюней не нужно. Он без нас справится. А тебе еще жить!

Княжна позволила юродивому оттащить ее подальше. Краем глаза она успела увидеть, как из груди Горихвоста вырвалась белая птица, и, широко взмахнув крыльями, взвилась в небо. Лутоха поднял деву на руки и побежал, перепрыгивая через огненные ручейки. В спину ему полыхнула волна огня, но широкие корни дерева остановили пламя.

Змей протянул шею к распятому Горихвосту, разочаро-

ванно обнюхал обвисшее тело, убедился, что в нем не осталось жизни, и резко набрал высоту.

Глава 17. Вознесение

Душа Горихвоста вырвалась из груди и стремительно понеслась ввысь. Она превратилась в белую птицу с переливчатой темной дымкой по краям крыльев и хвостика. Невиданная прежде, головокружительная свобода охватила ее до такой степени, что она забыла обо всем на свете. Расправив крылья, она сделала круг над поляной.

Гарь и пепел не мешали птице видеть и чувствовать все, что происходит вокруг. Она увидела деревенского мужичка, выносящего из огня юную деву. Она заглянула в лицо странному существу, распятому у корней Мироствола. Кажется, это существо когда-то было знакомо ей в той, прежней жизни. Как будто волшебный шутник приделал волчью голову к телу, похожему на человечесьё. Безвольно свесившись на грудь, голова эта чуть заметно раскачивалась при порывах ветра, несущего жаркое марево. Покрытое шерстью чело опустилось, глаза закрылись, длинный язык выпал из пасти.

Какое нелепое создание! Кажется, оно встречалось мне прежде? Эх, да что грустить! Ведь вокруг – вольная воля!

Птица вспорхнула и взмыла над облаком дыма. Она видела каждую травинку на многие версты вокруг. Каждое дуновение ветра, каждое трепыханье листьев на сотнях деревьев в округе отзывалось в ней бурным восторгом.

Со всех чувств будто спала пелена, раньше не дававшая им принимать мир в полную силу. Природа заиграла красками, о которых Горихвост прежде не подозревал. Душа его видела капли росы на берегах Шерны, слышала, как бормочет вода в тихих заводях, вдыхала запахи гор и ощущала холодок, идущий от облаков. Его слух распознал даже шепот растущей травы. Горихвосту казалось, что он может видеть сквозь землю и угадывать, что происходит во всех мирах подселенной.

Какое упоительное чувство свободы и легкости! Кажется, что теперь сбудутся все мечты. Интересно, о чем я мечтал? Какая разница! Все вдруг стало возможным. Все вокруг – яркое, великолепное, все – радость и восхищение!

Этому телу, распятому у корней, наверное, было больно. Но в новой жизни не будет боли. Больше не будет печали, тоски. Меня ждет только счастье!

Птица зашла от восторга, расправила крылья и совершила такой головокружительный кувырок, на какой не отважился бы никто из приземленных летунов.

В этот миг волна жара и пламени окатила ее с хохолка на макушке до черной каймы на хвосте. Оглянувшись, птица увидела распахнутую пасть огненного змея, который несся, рассыпая вокруг снопы искр. Струя пламени, рвущаяся из змеиной пасти, отражалась в двух желтых, огромных, как блюда, глазах, с узкими, черными, горящими огоньками зрачков.

Но огонь не мог причинить Белой птице вреда. Она вырвалась из душного облака и упорхнула ввысь, туда, где на недосыгаемой высоте нависали над Дольним миром раскидистые ветви Миросвола.

Змей разъяренно понесся за ней. Острые иглы на его гребне встали торчком, кривые зубы бешено клацали, а раздвоенное жало тянулось к хвосту птицы, пытаясь ухватить ее за перо. Но птица лишь хохотала над потугами этого чудища. Разве такой огромной махине удастся поймать маленького игруна?

Горихвост сам не заметил, как оказался в ветвях Древа миров. Змей полыхнул на них пламенем, но дуб возмущенно качнулся и так хлестнул его плетью раскидистых лап, что чудище тут же отпрянуло и рухнуло вниз. В бессильной ярости оно окатило огнем фигурку распятого вурдалака. Жар оказался настолько велик, что в мгновение ока слизнул то, что осталось от тела. Но Горихвост не оглядывался на покинутый Дол. Его путь лежал вверх, к самой вершине Древа – он знал это давним врожденным чутьем.

Ого, а веточки-то у Миросвола такие густые, что не продерешься!

Птица запуталась в хитросплетении ветвей. На сучьях Древа вызревали семена всех трав и растений, какие только встречаются на белом свете. Листья – огромные, как разросшиеся лопухи, и едва заметные, тонкие малыши – со всех сторон хлопали по хохолку. Зеленые, желтые, багряные и да-

же сизые краски вертелись перед глазами, как узоры калейдоскопа. Клюв то и дело натыкался на диковинные плоды, названия которых Горихвост никогда прежде не знал.

Крылья отчаянно забились в листве, пытаясь вернуть себе волю. Вот тебе на! Попал в ловушку! Да где – прямо на Древе миров! Разве такое бывает?

«Не вини себя, – подсказал внутренний голос. – Ведь каждое существо проделывает путь к небесам только один раз. Когда же узнать все премудрости, что понадобятся на этой тропе?»

Горихвосту вдруг стало обидно: он только что упорхнул от чудовищной опасности, преследовавшей его в змеином обличье, и для чего? Чтобы попасть в новую клетку?

Но чутье, в тысячу раз обострившееся, уже подсказывало: без помощи его не оставят. Длинный и острый лист папоротника отлетел в сторону, и из-за него на Горихвоста уставилась пара маленьких черных глазок. Рыжие ушки над остренькой мордочкой дрогнули, тонкие усики задергались вверх-вниз, ощупывая просвет в листве, а мелкие коготки заскреблились по коре, издавая стрекочущий звук. Рыжий зверек с белой грудкой ловко юркнул в ветвистую клетку, обмахнул клюв белой птицы пушистым хвостом и возмущенно зацокал, словно сетуя на неумелость пришельца.

Веверица! Я столько раз слышал, что ты приносишь добрые вести с небес. Я даже видел, как Дый кормит тебя с ладони. Но ты всегда убегала, когда я приближался. Неужели

в той, прежней жизни я был таким страшным?

Но сейчас веверица совсем не боялась. Она разметала листву и скакнула в проход между сучьев. Ее рыжий хвост с белым пушком на конце мелькнул и исчез в чаще. Горихвост встряхнул крыльями и пробрался за ней.

Коготки веверицы уверенно нащупали едва заметную тропку, выщущуюся вокруг ствола. Тропа поднималась все выше и выше, и сам Горихвост ни за что не разглядел бы ее в глубоких бороздах на бурой древесной коре, но рыжий зверек без колебаний выбирал нужные повороты, и птице оставалось лишь следовать за ним с верой в то, что он приведет к цели.

Древо казалось огромным, а путь по его стволу – бесконечным. Веверица вывела на северный склон, и в глаза Горихвосту ударили ослепительные солнечные лучи. Впереди, над западным краем земли, дневное светило купалось в облаках, окунаясь в них, как в воды бескрайнего океана. Путник на мгновение зажмурился, но тут же распахнул глаза во всю ширь, потому что прямо над его головой заиграла переливами, засверкала, забила в глаза мириадами ослепительных капель огромная, протянувшаяся к небесам радуга.

Вот это да! Неужели к радуге можно подойти так близко? Ни за что не поверил бы! И как она широка!

Воздух на высоте кружил голову чистой свежестью. Белая птица присела на ветку, чтобы полюбоваться играющим с радугой солнцем, но веверица оглянулась и так сердито зацо-

кала, так нетерпеливо замахала хвостом, что пришлось по-виноваться и поспешить за ней.

Целые поля сияющих белизной облаков остались уже далеко внизу, а Горихвост все набирал и набирал высоту. Крылья работали без остановки, но усталость не приходила. Легкость и живительная воздушность пронизывали его грудь. Ветви Мироствола с каждым поворотом становились все диковенней, все необычней. В каких только сказочных странах можно увидеть такие листья и такие плоды?

Чем ближе к вершине Древа, тем бесчисленнее становились стаи птиц со всего света. Пестрые попугаи с красными хохолками, розовые фламинго, туканы с огромными клювами и малютки-колибри вспархивали с ветвей и огромными тучами носились по поднебесью, оглашая просторы своим многоголосьем.

Веверица не останавливалась, ей все это казалось привычным и повседневным, а Горихвост замирал от восторга, и если бы не боязнь отстать от своей провожатой, то он и сам окунулся бы с головой в этот простор и принялся бы носиться со всеми, вопя от счастья и выделявая такие выкрутасы, на какие прежде у него ни за что не хватило бы духу.

Воздух становился все холоднее, а небеса – все темнее, и вскоре сквозь их прозрачный купол начали проблескивать звездные огоньки.

Горихвосту слышались райские голоса. Три чудесные птицы с женскими лицами пели такую дивную песню, что

странник едва не забыл о цели, к которой стремился. Песня очаровывала и ворожила, она наполняла печалью, а затем вселяла надежду, и от этого радость начинала хлестать через край.

Неумолимая веверица не позволяла остановиться. Она обернулась, недовольно замахала пушистым хвостом и зацокала.

«Да ладно тебе, – захотелось сказать Горихвосту, – погоди хоть немного, дай мне дослушать эту чудесную песню. Представится ли еще случай?»

И тут же над головой его раздался рассерженной клетот, звучно хлопнули крылья, а по хохолку чиркнули длинные, острые когти. Огромный, свирепый сокол пикировал на него с высоты, и вид его сулил мало хорошего. Взгляд маленьких черных глаз буравил насквозь. Перья топорщились, норовили задеть и опрокинуть. Кривой, багром загнутый клюв угрожал зацепить и порвать на кусочки всякого, кто осмелится не подчиниться.

Горихвост испуганно затрепетал и сорвался с ветки, но от крылатого стража так просто уйти не удалось: похожие на мечи когти мелькнули перед самым носом и отсекли путь назад.

Неужели мне одному страшно? А как же другие птицы? Вон, как порхают несметные стаи, как будто и нет тут этого хищника. Им что, все равно?

Белый хохолок на макушке сам собой лег пластом, голова

погрузилась в пушистые перья. Горихвост ожидал, что вот-вот эти когти вонзятся ему в спину, а клюв-багор пробьет голову. Но ничего ужасного не случилось.

Выровняв полет, Горихвост заметил, что сокол летит прямо над ним и сверкает рассерженным глазом. Ничто не мешает ему схватить беззащитную птицу, но кажется, что он не нападает, а оберегает ее.

Вот так новость! Оказывается, так тут встречают!

В самом деле: небесные стаи приветствовали сокола громким шумом и радостными кувырками. Появление стража вызывало у всех взрыв веселья. Сокол хлопнул крыльями перед Горихвостом и клекотом велел следовать за собой.

Отбросив сомнения, Горихвост взмыл за ним. Поднебесные стаи с завистью провожали его, и на прощанье запели на все голоса Песню Радостной Встречи.

А вот и вершина Древа! Как она похожа на верхушку сосны, только раскидистая рогатина на ее конце тычет не в голубое небо, как на земле, а в черно-бархатную бесконечность, усыпанную звездами. Кажется, что созвездия заигрались и устроили хоровод вокруг ее острого кончика, но показавшийся Месяц не распускает их, как пастух свое стадо.

Хлоп! Хохолок Белой птицы неожиданно врезался во что-то твердое. Тут что, камни? Прямо над головой?

Горихвост забил крыльями, пытаясь преодолеть неожиданное препятствие. И с изумлением обнаружил, что бьется об огромную прозрачную пелену, как мотылек об оконное

стекло. Пелена эта нависала над Дольним миром от одного края земли до другого. И ничего удивительного, что неопытный путник ее проглядел: составляющие этот твердый небосвод алмазные кристаллы оказались настолько прозрачными, что взгляд проникал сквозь них, как лучик света сквозь чистое окошко.

Сокол насмешливо заклекотал, глядя на жалкие потуги новичка, сделал сальто и ловко нырнул в просвет между сводом и вершиной Древа, к которому тянулся тонкий радужный мостик. Горихвост последовал за ним, взлетел над горбатым изгибом радуги и неожиданно оказался совсем в другом мире, какого он не мог себе вообразить.

Далеко-далеко, насколько хватало глаз, золотились хлебные нивы. Легкий ветер трогал тяжелые колосья, пуская по ним волну, как по морю. Солнце, висящее почти что над самой макушкой, лило свет на березовые рощи, дубравы и сосновые боры, встающие за полями. По черному бархату неба кружились звездные карусели, завораживая и заставляя мечтать.

И через весь этот необозримый простор, из одного края вселенной в другой, несла ослепительно белые воды река, не похожая ни на одну другую. В ней как будто текло молоко, но состояло оно из множества ярких блесток, играющих с глазом в прятки. Они то вспыхивали, то тускнели, и путнику подумалось, что это, должно быть, мириады маленьких звездочек слились в широкий поток и плывут теперь в никуда, к

какой-то неведомой цели.

Сокол проводил его до окраины, над которой нависала последняя ветвь Мироствола. Сделав прощальный круг, небесный страж понесся обратно, к Древу, на котором его заждались. Горихвост даже не успел поблагодарить своего проводника, хотя чувствовал такую признательность, что излить ее не хватило бы и тысячи слов.

Едва он вылетел из-под сени Последней ветви, как тяжесть земли притянула его, и он опустился на гладкую алмазную мостовую. Подошвы алых, нарядных сапог сбили с дороги кристальную пыль. Неловко качнувшись, он упал на колено, и в прозрачных камнях увидел отражение молодого лица – такого, каким он помнил себя в юные годы. Ни одного рубца, ни одной мелкой царапинки, ни даже точек и родинок не осталось на безупречной и мягкой коже.

Из глубины алмазного зеркала на него смотрел статный, величественный молодец с зелеными глазами и темными кудрями.

Это что, новый я? А куда делась птица?

Горихвост решительно ничего не понимал, но удивляться уже не было сил. Он оглядел свое тело, свои новые руки и ноги, будто отлитые из слоновой кости. Из-под широкой накидки, прикрывающей плечи, виднелась белая рубашка с распахнутым воротом. Невесомый пояс и легкие портки, заправленные в сапоги – все было снежным, молочным, незапятнанно-светлым.

Откуда все это взялось? Вот они, чудеса нового мира!

Он взмыл над равниной, ощутив ту же воздушную легкость. Ветер понес его вдоль дороги, но заигрался и бросил в гущу нетронутых ржаных колосьев. Горихвост выбрался на алмазную колею и расхохотался:

– Нет, уж лучше идти на своих двоих! Так вернее!

И он двинулся вдаль по мостовой, алмазы в которой переливались тысячами ослепительных огоньков.

Солнце катилось на запад, и казалось, что оно вот-вот сорвется с края небесной тверди и упадет в океан, плещущийся далеко внизу. Золотые лучи светили Горихвосту прямо в глаза, но он не испытывал боли. Ему казалось, что эти лучи пронизывают его насквозь – настолько прозрачной и легкой стала та оболочка, в которой держалась его душа.

Однако могучие, тяжелые дубы, стеной вставшие на пути, загораживали сияние светила. Они отбрасывали длинные тени, отчего казались древними гигантами, уснувшими у дороги. Горихвост вступил в густую дубраву, и вскоре услышал серебряный звон, доносившийся из-за деревьев.

«Что мне шумит, что мне звенит далече рано пред зорями?» – вспомнились слова старой песни.

Его охватила радость – раз впереди слышен звон, значит, там кто-то есть, и вскоре он набредет на хозяев этого мира, которые встретят его и подскажут, что делать дальше. Но на пути его неожиданно встал дикий вепрь, упрямый, огромный и неповоротливый. Сбросить его с дороги не смог бы

и самый могучий охотник, а Горихвост даже не чувствовал своего тела и не знал, может ли он вообще хоть кого-нибудь тронуть.

Путник в замешательстве остановился, и тут солнце бросило на бока вепря луч, и шкура зверя заиграла золотистыми бликами, как будто была позолоченной.

– Вот она, свинка золотая щетинка! – расхохотался Горихвост. – А я думал, ты только в сказках встречаешься!

Вебрь подбежал к нему и потерся о бок. Белая накидка заиграла позолотой в том месте, где ее коснулся небесный зверь. Горихвост погладил его и ощутил, как золотая щетина приятно ласкает ладонь.

Копыта вепря ударили об алмазную мостовую и высекли из нее искры. Он обернулся и позвал за собой. Горихвост отбросил последние сомнения и зашагал за ним.

А вот и источник серебряного звона, что так радует слух! Вебрь довел его до огромных ворот, выложенных из позолоченного камня. Шатер надвратной башни терялся в сумрачных небесах. От башни в обе стороны тянулись прясла высоких стен, отлитых из серебра. Ветер звенел в их зубцах, выдувая чистейшие ноты, складывающиеся в сумбурную природную музыку.

«Город! Я наконец дошел!» – Горихвост ликовал. Вебрь похрюкал, потоптался у закрытых ворот, и исчез в чаще.

Путник толкнул створку, но она не поддавалась. Да и как мог он, призрачный, невесомый дух, отворить эту гигант-

скую створку, крытую тяжеловесным золотом, даже если бы она не была заперта?

Как же так? Горихвост чуть не плакал. Прodelать такой путь, вытерпеть столько страданий, чтобы застрять в шаге от цели? Не может такого быть, чтоб сюда не пускали! Ведь это же горний мир! Здесь всем должно место быть!

*

На Ветхом капище царило столпотворение. Обитатели леса перемешались с селянами и с одинаковой тревогой вглядывались в южную даль, где пыхтела и грохотала Змеиная гора. Всеволод приобнял Дыя за плечи и с надеждой расспрашивал:

– Нет ли способа унять змея?

– Пойди, уйми это чудище, – хмыкнул Лесной царь, наблюдая из-под густых бровей за полетом дракона, на глазах превращающего лес в трескучую стену огня.

– Может, заговорить его словом из черной книги?

– Этой твари зубы не заговорить. Да и нет у нас больше книги – сгинула невесть где.

В этот миг гора будто разверзлась. Из ее глубин вылетел целый залп раскаленных камней. Широким веером они вырвались из клубов черного дыма и осыпали округу огненным градом. Недра загрохотали, земля заходила ходуном, и даже Крутояр тряхануло так, что князь едва устоял на ногах. На

головы людей посыпались горячие осколки, едкий прах покрыл лица, превратив их в подобие масок.

Коняй оттащил Млаву за статую Перуна, прижал к шершавому камню и так стиснул, что у девки перехватило дыхание. Но она даже не пискнула, и только оглянулась на отца с дедом – как бы не наказали за вольность. Однако Головачу с Воропаем было не до нее: мужики не находили, куда спрятать баб и детей от поднебесного обстрела, и пытались скрыть растерянность за суровыми окриками.

– Ой, а это что? – испуганным голосом выдала Верхуслава.

Змеиная гора взорвалась. Ее склон раскололся, и через трещину на долину обрушился целый водопад оранжевой, с черными прожилками лавы. Огненные ручьи понеслись к Шерне, сметая остатки леса. Кипящая жижа разливалась неторопливо, будто уверенная, что в этом мире нет силы, способной ее задержать.

С обрывистого берега лава хлынула в реку. Вода в Шерне зашипела, в воздух поднялись облака пара. А гора все продолжала и продолжала извергать из своего чрева тысячи тонн раскаленной породы, как будто огромного великана, засевшего в преисподней, вдруг вытошнило, и содержимое его нутра вываливалось наружу.

– Быть беде! – закрыл лицо Дый.

Глядя на господина нечистой силы, Всеволод понял, что настала пора беспокоиться по-настоящему. Он обнял жену и прижал к себе.

– Как там сейчас наша доченька? – прошептала Верхуслава.

Всеволод погладил ее по платку, прикрывающему пышные волосы, но не нашел, что ответить.

*

Горихвост принялся барабанить в городские ворота, но на холодной позолоте не оставалось следа от ударов. От бессилия хотелось рыдать, но слезы не приходили, а глаза словно пересохли. И тут створки сами растворились под порывом ветра. Ворота запели, как будто приветствуя нового пришельца.

Еще не веря в удачу, Горихвост скользнул внутрь, под высокие своды каменной арки. Мрак и холод со всех сторон охватили его. Ему вдруг показалось, что он никогда не выберется из этого исполинского туннеля, в котором могли бы проехать, наверное, десять слонов верхом друг на друге.

Ветер всколыхнул дубраву, как будто негодуя на пришельца за то, что тот осмелился пробраться в святая святых. Ворота за спиной Горихвоста с грохотом захлопнулись, и он очутился в кромешной тьме. Запах сырых камней, земли, плесени нахлынул на него, словно он оказался в глубоком подвале.

– Эй, есть тут кто? – выкрикнул Горихвост, испугавшись. Звук его голоса затерялся во тьме, отразился от сводов,

нависавших на недостижимой высоте, и вернулся обратно слабым эхом. Путник зябко поежился: ему показалось, что он пропадет в этой темнице. Но впереди замаячил свет, и он бросился к нему со всех ног.

От нетерпения он взмыл над скользкой мостовой и полетел, боясь, что свет пропадет. Однако яркое пятно становилось все больше и больше, пока не превратилось в огромное жерло, которым подбашенный туннель смотрел на солнечный мир.

Горихвост вылетел из темноты и обомлел: прямой солнечный свет так ударил ему в глаза, что он с непривычки зажмурился, и вынужден был остановиться. Придя в себя, он разомкнул веки и увидел, что низкое солнце висит вдалеке над прямой улицей, заглядывая в лицо, и пронизывает его невосомое тело тысячей золотистых лучей.

А городок-то зарос! Что-то хозяева за ним недоглядели.

Он продрался сквозь густые заросли колючей малины и оказался на широкой улице, вымощенной гладкими яхонтами. За плечами остались две непомерно высокие караулки, сложенные из массивных каменных валунов. В узких окнах, среди щебня и мусора, порхали птицы. Никаких признаков стражи, никаких окриков и обычных вопросов: кто, откуда, по какой надобности?

Острый солнечный луч норовил уколоть в самый глаз. Дневное светило – огромное, багровое, пышущее жаром – повисло над краем алмазной тверди. Кажется, стоит пробе-

жаться по улице – и дотянешься до него ладонью, если, конечно, не боишься обжечься.

Долгая тень за спиной Горихвоста повторяла его движения, как гримасничающая обезьяна. Она то скользила по малиновым зарослям, игриво касаясь колючек, то нежилась на прохладной серебряной стене, уносясь к высоким зубцам.

Неожиданно Горихвост обнаружил, что теней уже две: вторая крадется за первой, будто выслеживая и подстерегая. Ее смутные очертания то прячутся за караулкой, то выпрыгивают из узких щелей между башнями и каменными палатами, крыши которых угрюмо сверкают облезлой и почерневшей позолотой.

Страх холодным ветерком вскружил голову.

– Эй, хозяева, покажитесь! Куда подевались? – закричал Горихвост.

Радостное чириканье диковинных птиц, шум листвы, завывание ветров в пустых окнах – вот единственный ответ, которого он дождался.

– Стража, я здесь! Встречайте! – настаивал путник.

И снова – беззвучие нарядных, но запустелых палат, шелест листьев, многоголосый щебет. Только тени тихо скользят по выщербленным мостовым, усыпанным опавшими ягодами.

Ах вы, невидимые владыки Горнего мира!

От досады Горихвост прикусил губу, но не почувствовал привычной боли. Путь к отступлению отрезан. Ворота за-

хлопнулись, из города не уйти. Это что за капкан в раю?

Продираться через заросли малины оказалось труднее, чем можно было представить. Густые кусты захватили улицу, выложенную запыленными камнями. Ступая на этот заброшенный путь, Горихвост обнаружил, что каждый шаг его сбивает с дорожки вековую пыль, и камни начинают сиять, как драгоценные самоцветы.

Он начал озираться по сторонам, но ни одной живой души не углядел. А где боги? Они же тут раньше жили.

Город совсем запустел. Растерянный путник увидел лишь свою тень, отброшенную низко повисшим солнцем. Тень, раз в десять длиннее хозяина, маячила за спиной и играла, копируя его жесты. Она казалась живым существом, прилипшим к чужаку, осмелившемуся забраться в запретный сад.

Таким брошенным и одиноким он не чувствовал себя даже в лесу. Вторая тень двигалась невпопад. Она не успевала за движениями Горихвоста, а если тот оглядывался – замирала. Когда Горихвост вертел головой по сторонам и звал владык – она гримасничала и кривлялась, как будто издевалась над ним.

Нет, так дело не пойдет! Тут что-то неладное...

Осторожно, чтобы не внушить неведомому преследователю подозрений, Горихвост развернулся и пошел обратно, беспечно насвистывая себе под нос. Наверное, как раз так должен вести себя ничего не подозревающий путник. Ну, может, он не будет так часто сбиваться с ритма и путать мело-

дии. И голоску его дрожать не с чего. И так бегать глазками по сторонам не обязательно. И ушками прядать. Но в целом – гость гуляет по городу, в который только что прибыл – что тут такого?

Однако неуловимая тень оказалась хитрее. Она скользнула к обочине, спряталась за живой изгородью, разросшейся до дикого состояния, и забежала путнику за спину. Пока Горихвост обманывал сам себя, делая вид, что разглядывает золоченые крыши дворцов, едва выглядывающих из-за малинника и деревьев, тень обогнала его и заскользила вперед по улице, куда бьющее в глаза солнце не давало как следует заглянуть.

– Значит, морочите меня, да? – от досады Горихвост не находил себе места. – Куда все попрятались? Думаете, я не найду? Да у меня волчье чутье!

Однако именно это чутье и подсказывало, что город необитаем. Ни один хозяин не запустил бы свое жилище до такой дикости и разрухи.

Яхонтовая улица вывела его на широкий бульвар, кольцом опоясавший площадь. Веки сами собой сомкнулись, чтобы спасти глаза от ослепительного сияния. Мало того, что настырное солнце так и норовило упасть на самую макушку, так еще мириады бликов отражались от золоченых дорожек и пускали солнечных зайчиков на роскошные дворцы, окружившие площадь, и на гигантскую вежу, высящуюся в ее центре.

Эта вежа поразила Горихвоста до такой степени, что он замер, как вкопанный. Если поставить ее на земле, то она доставала бы до небес. Но тут, в Горнем мире, не было неба, и ее острый купол уносился прямо в черную ночь, по которой рассыпались звезды. Неведомый строитель выложил массивное основание из гигантских валунов, белых, как мел. Три яруса тянулись ввысь, и каждый казался неприступной крепостью, которую не одолеть ни одному врагу.

Первый ярус был круглым, второй – четырехугольным, в третий, верхний, представлял собой восьмерик, увенчанный луковичной головой. Под барабаном, на котором покоилась голова, устроилась звонница, открытая на все стороны света. Как и все вершины этого города, луковичка блистала от позолоты, только солнце бросало на нее свои отсветы не сверху, а снизу.

Такого грандиозного сооружения Горихвосту видеть не приходилось. Он даже не представлял себе, что такие исполинские башни вообще кто-то может построить. В чувство его привел звонкий смех, донесшийся со ступенек дворца.

Горихвост прикрыл глаза от золотых бликов и увидел три статуи, изображающие божеств в самых величественных позах. Но внимание привлекали не статуи, а прекрасная дева, чей облик казался настолько воздушным, что походил скорее на клубящийся туман. Дева ослепительно улыбалась и движением рук звала Горихвоста к себе.

Наконец-то! Нашел! Хоть кто-то, с кем можно погово-

ритель!

Горихвоста наполнила радость. Не помня себя, он устремился к незнакомке, и, забывшись, попробовал облобызать ее, но тут же опомнился, сообразил, что в гостях у божеств нужно вести себя поприличней, и опустил перед ней на колено – в его представлении это был предел вежества.

– Какое счастье, что я тебя встретил! – заговорил он. – А то брожу тут один-одинешенек и даже не знаю, рады мне тут или нет. Извини за дурацкий вопрос, но ты кто?

Дева слегка отстранилась и попыталась обольстить его белозубой улыбкой. Ее одежда переливалась, так что невозможно было понять, какого она цвета.

– А где все? – слова так и выскакивали из Горихвоста от переизбытка чувств. – Я думал, тут будет полным-полно небожителей. Мне очень нужно добраться до самых главных. Подскажешь, как их найти?

Дева распахнула объятия так широко, как будто собралась прижать его к груди. Горихвост бросился к ней и попытался обнять. Мало ли, какие у них тут порядки? Может, так принято. Это же Горний мир. Тут ведь все сестры и братья, разве не так?

И он почти не ошибся. Дева и в самом деле обняла его. Прижала так крепко, что сперло дыхание. Белая накидка на плечах смялась, руки сковались, а ноги оторвались от ступенек.

– Эй, полегче! – через силу выдавил он из себя. – Я к та-

кому радушию не привычен.

Он попытался вырваться из объятий, однако не тут-то было! Незнакомка взяла его в плен с очевидной безжалостностью.

– Отпусти! – прохрипел пленник, и, собрав силы, отпихнул ее от себя.

Захватчица отлетела на шаг. Воздушное тело перестало клубиться, а одежда – переливаться радужными цветами. В один миг с ее уст слетела улыбка. Лицо исказилось от гнева, а в мутно-серых глазах засверкали искорки ярости.

– Не будем ссориться, – попытался уладить дело миром Горихвост. – Ведь я рад тебя видеть. Я так надеялся, что встречу кого-то, кто примет, накормит-напоит, расскажет, куда идти дальше, и даст мудрый совет. Так зачем препираться?

«На колени!» – незнакомка по-прежнему не произносила ни звука, но ее жесты были красноречивы.

– За кого ты меня принимаешь? – обидевшись, выкрикнул Горихвост, но не успел он договорить, как гневная дева окончательно потеряла свой переливчатый облик.

Клубы тумана сложились в огромную, мощную рысь, нервно прядящую пышными кисточками на кончиках ушек. Короткий бросок – рысь сбросила его со ступеней, прокатила по золоченой дорожке и прижала к земле.

Отличный прием!

– Перестань! Давай просто поговорим! – взмолился Гори-

ХВОСТ.

– Покорись! – прорычала рысь.

– Хорошо, покоряюсь! Драку не я начал.

– Признай себя моим рабом!

– Так мы не договаривались!

Горихвост попытался скинуть с себя хищную тварь, но обнаружил, что его руки и ноги так крепко прижаты к земле, что не удастся даже пошевелиться.

– Кто бы ты ни была – умоляю, не терзай меня! – сбивчиво заговорил он. – Я всего лишь запутавшаяся душа, которой нужна помощь богов.

– Врешь! – озлобленно прорычала рысь. – Я волка за версту чую. Ты оборотень и исчадие преисподней. Таким тварям не место в раю.

– Кем я был раньше – неважно, – продолжал умолять Горихвост. – Теперь от меня осталась одна душа. Если выгнать ее из Горнего мира, то нового места она не найдет. Но важно не это. Те, кто мне дорог, до сих пор на земле. Если я не помогу им – они пропадут, вместе с Гремячим долом и моим родным лесом.

– Какое тебе теперь дело до этих людей? Они в мире живых. Тебе туда не вернуться. Забудь их!

– Нет, я так не могу. Я до сих пор к ним привязан.

– Хочешь, чтобы я тебя отпустила? – рыкнула рысь.

– Будь добра. Я на это надеюсь.

– Поклянись, что будешь послушен и исполнишь любое

требование!

Каким бы отчаянным ни казалось Горихвосту его положение – тут он не выдержал и расхохотался.

– Любое требование? А вдруг ты пожелаешь какой-нибудь дряни? Откуда я знаю, может, ты спишь и видишь, как бы учудить несусветную пакость? Нет, делай со мной все, что хочешь – но давать опрометчивые обещания я остерегусь.

– Ах, так? Тогда я порву тебя в клочья! – вышла из себя хищница.

Заливистый хохот в один миг сменился приступом ярости.

– Чтобы какая-то кошка повелевала мной? – взревел Горихвост. – Да кем ты себя возомнила? Пусть мы и в городе, правил которого я не знаю – но этому не бывать!

Он ловко выкрутился, подсек лапы рыси и сбросил ее с груди. Рысь покатила по позолоченным плиткам, горячим от солнца. Забывшись от ярости, Горихвост оседлал ее и принялся лупить по кошачьей морде, приговаривая:

– Вот тебе обещанье: не обижай гостей, и не тронут тебя в твоём доме. А вот еще: как примешь нуждающегося, так от него и получишь. И напоследок: не лапай волка, и не схлопочешь от него по мордам!

Кажется, враг получил по заслугам, отчего Горихвоста наполнило чувство исполненного долга. И тут рысь, вместо того, чтобы запомнить урок на всю жизнь, вдруг раздулась в размерах и превратилась в чудовище.

Кажется, пора драпать...

Горихвост скатился с шерстистого брюха противницы и плюхнулся на горячее золото дорожки. Рысь оскалилась и угрожающе зарычала. Недолго думая, он бросился в сторону площади, за которой высилась белая вежа. Хищница погналась за ним, норовя цапнуть когтем.

Укрытием могла послужить только белая вежа, грозным исполином уходящая в черное небо. Триста пологих ступеней вели к узкой двери, обитой железными листами. К счастью, дверь оказалась не заперта.

Горихвост ворвался в просторный зал, дальние стены которого терялись во тьме. Не успев осмотреться, он изо всех сил налег на дверь, с трудом сдвинул ее с места и захлопнул. Железные края лязгнули о каменный косяк, но для надежности Горихвост запер дверь на засов и вдобавок забаррикадировал длинной скамьей и столом, попавшимися под руку.

Только после этого он перевел дух и дрожащей рукой вытер лоб. Снаружи не доносилось ни звука. Он напряг слух и припал ухом к двери, но ничего не расслышал. В огромном зале повисла звенящая тишина. И вдруг эту тишину разогнал глухой звук, сотрясший дверь.

Горихвост мигом отпрыгнул в глубину зала, подальше от входа. Свет сочился сквозь восемь узких бойниц, прорубленных на высоте в три человеческих роста. Солнце заглядывало в одну из них, отчего на противоположной стене плясали золотые лучи. Только благодаря им огромная палата не по-

гружалась в полную тьму, хотя освещение и оставалось настолько слабым, что Горихвост то и дело спотыкался о деревянные скамьи.

В середине зала он едва не уткнулся в столб, подпирающий крышу. От стола расходились на восемь сторон длинные столы, накрытые белыми скатертями. Вдоль столов валялись перевернутые лавки, поверх которых некогда стелились ковры. Теперь ковры, рваные и истлевшие, кипами громоздились в углах, где по ним ползали паучки, успевшие наплести целые простыни паутин.

А идти-то куда? Куда тут деваться? Я что, снова в ловушке?

Горихвосту пришлось проделать изрядный путь, прежде чем он добрался до одного из углов. Очаг, выложенный в каменной стенке, давно остыл. Россыпь золы да куча угольев – вот все, что осталось от пламени, на котором когда-то жарили мясо.

Вокруг вежи поднялся вихрь. Его холодные порывы так и лезут за шиворот. Горихвосту почудилось, будто тонкая тень проскользнула в бойницу и растворилась в сумраке зала.

– Эй! Кто здесь? А ну, покажись! – закричал он.

Но никто не ответил и не появился. Столы, как лучи звезды, сходились к центральному столбу. На скатертях стояла неубранная посуда, оставшаяся от древних пиров. Массивные серебряные блюда, золоченые чаши с тускло блестящими самоцветами, мисочки, лотки, ковшики – все узорные,

все в каменьях. Кто мог оставить вас здесь? Где те хозяева, что устраивали в этой палате пиры, поражавшие роскошью? И какие яства лежали на этих блюдах? Молочные поросята, печеные гуси, блины с икрой, сметки, расстегаи?

Даже не чувствуя голода, Горихвост по привычке сглотнул слюну. И тут же на ближайшем блюде возникла стопка горячих блинов, щедро смазанных маслом.

Немея от неожиданности, Горихвост и уставился на скатерть. А в глубокой чаре рядом с блинами уже кипел сбитень, и огромный осетр, обложенный репой, луком и чесноком, будто просился в рот, умоляя: съешь меня! Ну хоть кусочек отведай!

Вот, начались чудеса. Жаль, не ко времени и не к месту. Во-первых, есть совершенно не хочется, и голод не приходит с тех пор, как душа выпорхнула из тела. Во-вторых, не до вас мне, любезные угощенья. У меня тут дела поважнее наметились. Вот потеха: стоило мне подумать о яствах, как они появились. Это что, самобранка так распорядилась? Она угадывает мои мысли?

Яства тут же исчезли. Горивост даже подумал, что ему все почудилось. Он пошарил ладонью по скатерти, и нащупал шершавые крошки, оставшиеся от ломтиков ржаного хлеба. Да нет же, совсем не почудилось! Вот бы хозяева так появились: подумал о них, а они – тут как тут.

Но нет, никто не торопился предстать перед потерянным путником – ни друзья, ни враги.

На всякий случай Горихвост поднял край скатерти и заглянул под стол. Фу, ну и пылица! Век никто не убирался.

Он чихнул. Комки пыли взметнулись и облепили неясную фигуру, скрывающуюся за его спиной. Очертания фигуры не удалось бы угадать даже при пристальном взгляде – настолько она была прозрачна и невесома. Одни лишь пылинки, насевшие на нее, рисовали в полутьме силуэт, который вдруг начал расти, и раздулся до самого потолка.

Горихвост опустил скатерть и распрямился. Силуэт за его спиной растопырил ладони и занес над его головой.

– Эй, гулящая девка, ты где? – осторожно позвал Горихвост и прислушался.

Силуэт искажился и дрогнул. Солнечные лучи пронизывали его насквозь, но слипшиеся пылинки отбрасывали тень, которая упала на пол и вытянулась перед Горихвостом.

Стоп! За моей спиной что-то маячит, или это в глазах помутилось от мрака?

Горихвост замер. Огромные лапы потянулись к его шее. Тень склонилась над ним, как будто желая проглотить целиком. Он резко отпрянул, повернулся к врагу лицом и закричал:

– Ага, вот ты и попался!

Силуэт мгновенно стал видимым. Он оказался могучим витязем в кольчуге со стальными пластинами на груди. В руках витязя колыхалось копье с длинным, вытянутым, как игла, острием.

– Кто ты – друг или враг? – заставляя себя устоять и не броситься наутек, выкрикнул Горихвост.

– Богам – друг, бесам – враг, – прогрохотал витязь.

– Я не бог и не бес, – дрожа, заявил Горихвост. – Но будь другом и мне.

– Ты бесовская тварь. Опустись на колени. Дай клятву верности. Признай себя моим холопом!

– Не для того я скинул тело, чтоб и в иной жизни быть чьим-то холопом!

Ответ призраку не понравился. Воин метнул в Горихвоста рогатину. Та на лету превратилась в лиловую молнию, ослепительную и не знающую промаха. Своды зала сотряслись от раската грома. Молния ударила в пол прямо под ногами Горихвоста. Яркая вспышка ошеломила его.

– Я – твой господин! Признай это и повинуйся! – наседал призрак.

Горихвост понял, что ему не устоять, и бросился бежать. Единственная дверь палаты до сих пор оставалась забаррикадирована. Зато у дальней стены он разглядел витую лестницу, уводящую вверх.

Преследователь раскрыл ладонь. На ней появился живой синий цветок. Бутоны на глазах распустились, и из лепестков выскочил маленький конек, прозрачно-голубой, невесомый, как и его хозяин. Витязь подул на конька – тот стремительно начал расти и превратился в большого и резвого жеребца, под стать богатырскому седоку.

Воин вскочил в седло, вернул в руку рогатину и пустился вскачь. Горихвост бросился вверх по ступеням. Если б он был все еще в своем теле, то непременно выдохся бы уже на первом пролете. Но теперь легкий дух его парил ввысь, не задерживаясь. Вот беда – преследователь, видимо, тоже не тяготился земной оболочкой. Конь взлетал по ступеням намного быстрее, и расстояние между всадником и беглецом стремительно сокращалось.

*

Каменные завалы перегородили Шерну. Попадая в воду, потоки лавы застывали и превращались в твердые глыбы, стеной встающие на пути у реки. На эту преграду напозлали все новые и новые волны остывающей лавы. Они ручьями стекали вниз, срывались и падали раскаленными каплями, накрепко запечатывая речное русло. Вода упиралась в эту внезапно возникшую стену, шипела от негодования, пенилась и поднималась, затапливая берега.

Нежата услышал бурление водоворота и наклонился с обрыва, чтобы разглядеть, что происходит. Навстречу ему выпрыгнул, как тюлень, болотник Колоброд, хлопнул ластами и обрушился в омут, подняв тучу брызг. Пожилой воин вытер капли с лица и обругал хозяина заводовей:

– Нашел время играть, крюком тебя за ребро!

– Дурень, я не играюсь! – болотник выпучил багровые, с

синими прожилками зенки. – Не видишь, что ли: река вышла из берегов. Ты и почесаться не успеешь, как деревня уйдет на дно по самые трубы. Все тогда в рыб превратитесь: тут я вами и поиграюсь!

– Как? Еще что-то случилось? – поспешил на берег яра князь.

– Остолопы! Пришел ваш конец! Кто дышать под водой не умеет – пусть летать учится, иначе от наводнения не уйти, – шлепая хвостом по волнам, голосил Колоброд.

– Прекратить ругань! – строго велел Лесной царь. – Говори толком, в чем дело.

– Река перепружена, – сбивчиво забулькал болотник. – Ее воды покроют всю землю. Негде спрятаться. Негде спастись. Одна водяница рада – то-то ей выйдет раздолье!

– Сколько у нас телег? – деловито распорядился князь. – Срочно запрячь все, что катится. Баб и детей – на возы, коней – под уздцы, и по восточной дороге уходим в Красную слободу.

– Поздно! – хмуро ответил Нежата. – Нет больше восточной дороги.

Всеволод взгляделся вдаль. С юго-востока на Грязную Хмарь шла сплошная волна огня. Она накатывалась на деревню огромным серпом, и казалось, будто это невидимый исполин решил одним махом снести с лица земли людей вместе с их жалкими домиками. Южную сторону плотно перекрывали потоки лавы, продолжающей вытекать из горы. Они

же тянулись с востока в сторону Змейки, выжигая на своем пути леса, загородившие путь огненной, трескучей стеной. Сама Змейка бурлила на севере, обдавая пеной низенькие холмы. Ее волны несли в Шерну щепы Курдюмовой мельницы. Сама Шерна с запада подступала к капищу темной мутной громадой, скрывающей земли до самого края окоема.

Деревья на том берегу Шерны уже ушли в воду по нижние сучья. Березы, дубы, сосны раскачивали ветвями, словно умоляя небеса о спасении. Пышные кроны взметались ввысь, словно это огромные девы встряхивали волосами, и шелестели, как будто сокрушаясь о скорой гибели.

– Теперь нам не выбраться, – подвел Нежата итог. – Крутояр превратился в остров. С одной стороны – вода, с другой – огонь.

– Что же делать? – князь впервые казался растерянным.

– Уповать на богов, – покачал головой его воин. – От нас больше ничего не зависит.

*

Всадник подстегнул коня и направил его за Горихвостом, однако богатырский скакун едва умещался на узенькой лестнице. Его копыта то и дело срывались со ступеней и зависали над пустотой, но конь не падал, а взмывал, как заправский летун, и парил, будто облако.

Горихвост ждал, что за спиной вот-вот раздастся цокот

подков. Его сапоги касались каменных ступеней, и он ясно представлял, с каким грохотом и сопеньем должен мчаться по ним тяжелый всадник в железных доспехах. Однако слух его улавливал лишь легкий шорох, как будто за ним кралась кошка. Горихвост с недоумением обернулся, и увидел, как могучий витязь налетает на него из полутьмы, едва не дыша в спину. Длинная рогатина с острым наконечником нацелилась ему между лопаток, и охотнику оставался всего лишь скачок, чтобы размазать его по стене.

– Лихо-мареву! – непроизвольно вырвалось из глотки беглеца.

Горихвост оторвался от лестницы и полетел, не касаясь ступеней. Так подниматься оказалось намного легче, он как будто сбросил с плеч тяжкий груз. Его несло ввысь стремительно, будто пылинку. Пролеты лестницы мелькали перед глазами. Если бы он был в своем теле, то давно запыхался бы и обессилел, но теперь, став почти невесомой душой, он пролетал ярус за ярусом, не замечая, на какую огромную высоту они вздымались.

Наконечник рогатины мелькнул у Горихвоста над ухом и задел прядь волос. Горихвост сделал последнее усилие, метнулся ввысь и влетел в квадратный лаз, прорубленный в потолке верхнего яруса. На его счастье, лаз был оборудован прочной крышкой, которую беглец тут же захлопнул. Преследователь с лету уткнулся в крышку наверху шлема и отскочил вниз.

Горихвост понял, что очутился в новой ловушке. С колокольной площадки некуда было деться. Восемь стрельчатых окон, проделанных в каждой из стен, глядели на все стороны света. Под окнами громоздились каменные скамьи с рельефными узорами. Не найдя больше лестниц, Горихвост понял, что оказался на самом верху.

Охотник перестал биться в запертый люк и притих.

– Чтоб тебя ветер унес! – ругнул его Горихвост и высунулся из окна.

Вершина Белой вежи оканчивалась барабаном, а тот в свою очередь венчала позолоченная глава в виде луковицы с острым шпилем. У основания шпиля сияло багровым светом яблоко из драгоценного лала, а на самом кончике рассыпала искристый свет серебряная звезда, да такая, какой Горихвост никогда прежде не видел. Все восемь ее лучей – четыре длинных и четыре коротких – выстреливали в окружающую темноту серыми искорками, что разлетались по темному небосводу и мерцали, то пропадая из виду, то ярко вспыхивая.

Но Горихвосту некогда было любоваться на это великолепие. Он перегнулся через подоконник и глянул вниз. Дыхание у него перехватило, а голову так вскружило, что он едва не вывалился.

Перед его взором простирались все три мира вселенной. Они лежали перед ним, как на ладони – небо богов, земля людей и преисподняя бесов, и каждый их уголок, каждый

их маленький закоулок открывались взгляду так, что в них больше не оставалось тайн. Далеко внизу, в просветах между кучерявыми горками облаков, мелькали сказочная Индия с ее богатствами, необъятный и непостижимый Китай, и даже диковинная страна за Вечерним морем, о которой никто в вятичах прежде не слышал.

Мастеровитые черти в пекле под строгим надзором бесов ковали зловещие украшения, полные колдовских чар. За серебряными стенами небесного города колыхались яблони волшебного сада, на ветвях которых зрели яблоки, дающие вечную молодость. Но смотрел Горихвост не на них.

Его взгляд оказался прикован к единственному уголку Дольнего мира, о котором душа его не могла забыть.

Тонкая нитка Шерны превратилась в широкое полотно. Высокий берег тонул в мутных водах, деревья захлебывались от испуга. Бурлящие водовороты вырывали с корнями кусты. Течение несло их и, будто играя, забрасывало на крыши домов, ушедших под воду. Ветки рябины, шиповника и ежевики цеплялись за печные трубы, будто надеясь, что те спасут их от потопа. Но деревенские избы и сами едва дышали: лишь узенькие коньки на верхушках скатов выглядывали из грязной пены, заполонившей долину.

Ветхое капище на Крутояре превратилось в остров. С одной стороны на него накатывалась разбушевавшаяся вода, с другой подбирался трескучий лесной пожар, дым от которого поднимался до облаков. Огненный змей играл в воздухе,

наслаждаясь волей. Он то взмывал до небес, то вытягивался в струну и мчался к низинам, рассыпая над лесом искры. Его жаркое брюхо оставляло в желто-зеленой листве огненные борозды, которые показались Горихвосту похожими на кровоточащие рубцы. Маленькие, по-муравьиному суетливые фигурки людей метались по капищу, не зная, куда податься. Со всех сторон на них надвигалась гибель, и спастись от нее было негде – отсюда, с небес, это становилось ясно, как день.

– Ярогнева! – прошептал Горихвост.

Он уже разглядел князя в приметном багряном корзне и Верхуславу в синей накидке. Но тонкая дева в обрывках одежды до сих пор не показывалась, хотя отсюда, с вершины всех трех миров, каждую мелочь в Доле можно было рассмотреть так отчетливо, будто ее приближало подзорной трубой.

Неожиданно из узкой бойницы под Горихвостом вырвалась струя сизого дыма. Непроглядное облако окутало колокольню, а затем сорвалось и со свистом ринулось вокруг барабана, выискивая окно поудобней. Туманный вихрь закружился вокруг стрельчатых окон с бешеным ревом. Горихвост отшатнулся и отпрыгнул назад.

Струя сизого дыма втянулась в окошко, и на глазах человека дымные клубы обрели очертания огромного, ростом до потолка всадника на белом коне. Кольчуга со стальными пластинами на груди медленно проявилась поверх белого пла-

тъя, до удивления похожего на женское. Под длинным подолом мелькнули копыта, как у козы. А когда всадник неловко развернулся на узкой площадке, чтобы направить на Горихвоста рогатину, то за спиной у него мелькнул маленький козий хвостик.

Горихвосту стало так страшно, что он даже расхохотался.

– Вот свалилась химера на мою голову! – выкрикнул он.

Он выбрал место перед высоким окном, за которым зияла пустота.

– Ну, давай, нападай! – закричал он нахально, распахнув руки в стороны.

Стерпеть такой дерзости всадник не мог.

– Ты сам напротился! – с угрозой произнес он и направил на Горихвоста рогатину.

Хлестнув плетью коня, всадник помчался на него. Богатырский скакун резко взмыл в воздух. Легкость, с которой он нес такого тяжелого ездока, поражала. Горихвост раскорячился перед оконным проемом и вцепился руками в узорные косяки. Он и не думал уклоняться и нарочно подставлял под удар свою грудь, как будто опасность была ему нипочем. Острые рогатины нацелилось ему в переносицу, опустилось и принялось блуждать, пытаясь найти уязвимое место. Горихвост непроизвольно зажмурил глаза.

Конь налетел на него, намереваясь сбить и растоптать. Рогатина ткнула в живот. Горихвост упал на скамью, устроенную под окном, прикрыл руками пупок и завыл:

– Что ты сделал? Все кишки мне наружу выпустил! Ой ты, зверь!

Всадник промчался над его головой и вылетел в окно. Конский хвост хлестнул Горихвоста по лбу. Нимало не заботясь о ране, Горихвост вскочил на ноги, ухватился за хвост и резко рванул его на себя. Коня вывернуло наизнанку, всадник вывалился из седла и вдруг схлопнулся, как воздушный шарик, в который ткнули иглой. За окном осталось только мутное серое облачко, затрепетавшее под порывами ветра.

– Что, проткнуть меня захотел? – закричал человек. – Кишки выпустить? А кишок-то у меня уже нет, я их там, в дальнем мире оставил! Думаешь, я не заметил, что в тебе настоящего – один хвост с копытами, а остальное – дутая оболочка?

– Пусти, злобный волчище! – резанул его слух визгливый крик.

Жесткое копыто садануло по коленке так, что нога отнялась.

– Я тебя в пекло сброшу! – продолжал заходиться тоненький визг. – В порошок сотру! Мыло сварю из твоей требухи!

Темные пятна перед глазами рассеялись, и Горихвост с удивлением разглядел жалкую тощую тварь, бьющуюся в его ладонях. Рваное платье, напоминающее небрежно сшитую простыню, едва прикрывало бурую, поросшую чохлыми волосками кожу. Козьи ножки с копытцами отчаянно бились об пол, оставляя щербинки в камнях. Короткий, ошипанный

хвостик вызывал такую жалость, что Горихвост перестал тянуть его, чтобы не причинять этой нелепой кикиморе лишних страданий.

Размытый силуэт всадника все еще продолжал колыхаться за окном, но стал безжизненным и неподвижным. Он на глазах истончался и становился прозрачным. Порывы ветра развеивали его, как легкое облачко.

Горихвост шлепнул пленницу и прикрикнул:

– Ты кто такая?

– Я – грозный владыка молний! – попыталась взвыть та утробным басом.

– Ах, так ты, значит, владыка?

Шлепок по косматой башке мигом привел ее в чувство.

– Вот тебе молнией по сопатке, владыка! Вот тебе по загравку громом! Ты порыпайся у меня! Мигом вытрясу душу из наволочки, которую ты на себя нацепила!

– Не смей бить! Прокляну! В скверне утоплю! – не унилась кикимора.

– Что ж, по-хорошему, ты, видно, не понимаешь!

Горихвост поднял ее за шкурку и высунул за окно. Пленница с визгом поджала козьи ножки, под которыми простерлась бездонная пустота.

– Ты просила тебя отпустить?

– Нет! Не надо! – задергалась жалкая тварь. – Умоляю! Возьми меня в рабство! Делай, что хочешь! Только не отпусти! Кай!

– Как ты из такой мелкой козюльки превратилась в огромного всадника?

– Это призрак! Одно наваждение. Он не настоящий!

– А рогатиной зачем в меня тыкала?

– Она тоже не настоящая! Только видимость.

– В этом чертовом мире все – видимость. Куда делись боги?

– Ушли! Не тряси меня! Я упаду!

– Куда ушли?

– Далеко! Не добраться туда. Если б я сама могла до них добежать, то разве стала бы тут куковать?

– Откуда вообще ты взялась? Как зовут тебя?

– Я – Убава, такая же навка, как ты.

– Я не такой как ты.

– Еще не понял? Погляди на себя – кроме прозрачной души, ничего не осталось. Тут все такие. Нави и навки – это души умерших, что попали на небо. Заблудилась я тут, в Горнем мире. Поднялась моя душа снизу, с земли, глядь – а тут никого. Так и сижу на развалинах, как потерянная. Ой, на горло мне не дави, задыхаюсь!

Горихвост затащил ее на подоконник, привел в чувство щелчком по длиннющему носу и усадил на скамью. Навка съежилась, отдышалась и боязливо вытаращила на него бесцветные глазки.

– Зачем ты пыталась меня похолопить?

– Не серчай на меня! Очень мне тут одиноко. Тоска, как у

чертей в преисподней. А на раздольных лугах за рекой пляшут навьи. У них вечное лето и жатва, и живут они в изобилие, какого на земле никто не видал. Мне бы к ним, да только самой не добраться. Вот бы донес меня кто? Может, ты мне поможешь?

– Какие еще луга? – с недоверием переспросил Горихвост. – Я даже с вежи ничего не видал.

– Далеко они. Плыть надо. По речке, – сбивчиво бормотала Убава. – Только я не умею. Может, ты встанешь в лодочку, оттолкнешься от берега, и прощай, брошенный город?

– Где тут лодочка?

– Так на пристани! Неужто не видел?

Глава 18. Звездная река

Извилистая Змейка разъярилась. Из мелкой речушки она превратилась в полноводный поток, сметающий все на своем пути. Плотину Курдюмовой мельницы смыло, и замоченные в ней конопляные стебли разлетелись по волнам. Мельничное колесо сорвалось, и течение катило его в сторону омута, подбрасывая на подводных ухабах.

Воды Шерны поднимались все выше и выше, подбираясь к Крутому яру, на котором металась обреченные бабы с малыми детьми на руках. От разбушевавшейся речки люди бросались к противоположному краю капища, но оттуда на них надвигался трескучий пожар, пожирающий остатки леса. Огонь уже выбрался на опушку и принялся за сухую траву, оставшуюся на Девичьем поле после косьбы.

– Где Яруша? – бросалась княгиня от одного беженца к другому. – Вы не видели Ярогневы?

Но люди лишь ошалело мотали головами и отводили глаза. Всеволод вцепился в мантию Дыя, притянул к себе и заглянул в карие, играющие отблесками искр глаза.

– Что теперь с нами будет?

– Мы – лишь мелкие муравьи на груди у земли. Исчезнем – земля не заметит. Главное – Мироствол. Если он загорится – конец всему миру. Упадет Дерево – рухнет небо.

Твердь распадется на осколки. Погаснут солнце и месяц, звезды осыплются, наступит тьма. Миры вселенной перемешаются, жить станет негде, – подвел черту Дый.

Ровную площадь посреди горки встряхнуло так, что князь ухватился за столб. Кумиры старинных богов дрогнули и перекошились. Порыв горячего ветра повалил ворота ветхого капища, и без того дышавшие на ладан. Столбы, на которых они держались, выворотились из земли и рухнули на чахлую траву, в которой уже мелькали озорные искорки близкого пожара.

Вихрь попытался сорвать с Дыя мантию и едва не сбросил с Крутояра трактирщика, который метался больше всех. Щеробор издал дикий вопль, вцепился в статую Рода и заголосил:

– Кто не держится – тот пойдет на уху!

Хорохор сорвался с каменной шапки кумира, встопорщил крылья и истошно загреял:

– Летит! Прячьтесь! Пропадем ни за грош!

– Кто летит? Куда прятаться? – тотчас впал в панику Щеробор.

– Змей летит! Пламя несет! – нарезая круги, вопил ворон.

Всеволод тревожно взгляделся в юго-восточную даль, откуда порывистый ветер швырял в глаза пыль и пепел пожара. Оседлав воздушный поток, оттуда неслась пламенеющая фигура дракона. Змей то и дело нырял вниз и обдавал землю огненными волнами, словно охотясь на добычу, пытающуюся-

сы ускользнуть от него в лесных зарослях.

– А вот и наш простачок! Ай да ловкач! – с удивлением бросил Нежата.

Всеволод повертел головой, не понимая, о чем толкует его верный слуга, и тут же увидел, как из-за бурелома выпрыгивает Лутоха, сжимающий в руках что-то тонкое, длинное, затянутое в багряное корзно.

– Ярогнева! – прошептал князь.

Тонкая девушка казалась невесомой, но даже с такой ношей продираться через поваленные стволы было трудно, и юродивый то и дело спотыкался и припадал на колено. Окровавленный Душебор в ножнах болтался у него на боку и цеплялся за кусты. Верхуслава прижалась к мужу и стиснула его руку. Змей спикировал и накрыл чашу огненным шквалом. Еще не затронутые пожаром сосны вспыхнули и затрещали, как спички.

Лутоха перебежал через опушку и бросился в поле. Завернутая в корзно дева трепыхалась в его руках от тряски.

– Она жива? – заглянула в глаза мужа княгиня.

Всеволод не нашел, что ответить, и только крепче обнял жену. Змей опять пыхнул огнем. Сухая трава в поле вспыхнула, и шустрые огоньки понеслись вслед за бегущим, стараясь его догнать. До капища оставалось еще двести шагов, а змей уже несся над полем, и маленький человечек со своей тонкой ношей виднелся перед ним, как муравей, пытающийся уползти от орла.

– Тут никто не уйдет! – пытаюсь подготовить хозяев к беде, произнес Нежата.

Спасаясь от огненных струй, Лутоха принялся зайцем петлять по равнине. От пламени ему удалось ускользнуть, только сменив направление – теперь он несся не к капищу, а к реке, которая поднялась настолько, что начала заливать край поля и лесную опушку.

Порыв горячего ветра принес клубы черного дыма, которые заволокли обзор. Из этих клубов неожиданно вырвался змей, вытянулся в огненную струну и понесся на беглеца, как стрела.

– Все, пропал! – хлопнул ладонями по бокам Нежата.

Змей разинул багровую пасть и полыхнул струей жара. Лутоха метнулся к кромке бурлящей реки и бросил в воду девушку. Огненная волна понеслась на него. Всеволод сжал кулаки, Верхуслава зажмурилась.

За мгновенье до того, как огонь обрушился на поверхность реки, Лутоха успел нырнуть в воду и притопить деву, бултыхающуюся перед ним. Волна пламени пронеслась по реке, достигла омута и угасла. Змей взмахнул крыльями над речной рябью, заложил крутой вираж и взмыл к облакам.

Верхуслава потеряла дар речи. Народ на краю Крутояра молчал, не решаясь проронить ни слова. Поверхность воды оставалась недвижимой.

– Утонули? – сдуру спросил Щеробор.

И в этот же миг из воды поднялась, отбрасывая тучу

брызг, фигура Лутохи с длинным багряным свертком на руках. Из корзны выпуталась Ярогнева, встала на ноги, и, почти по пояс в воде, принялась отплеиваться и выжимать волосы.

– Дочь! Цела! – выдохнул князь.

Народ разразился восторженными криками. Уже через несколько мгновений княжну подняли на Крутояр, не забыв и про юродивого. Верхуслава бросилась к дочери и так ее стиснула, что едва не задушила в объятьях.

Воспользовавшись тем, что все внимание народа сосредоточилось на княжне, Лутоха отвел Дыя в сторонку, протянул ему Душебор и шепнул:

– Возьми лучше ты этот меч, Лесной царь! Оружие это жуткое, колдовское. Покойный Дедослав выудил его из змеиного храма. Подумать страшно, сколько душ оно погубило. Один Горихвост мог с ним совладать, потому что сила в вурдалаке была и от людей, и от прежних волхвов. Мне он не по зубам, так что храни его ты.

Дый принял протянутый меч и ответил:

– Благодарить не стану, ибо подарком твое подношение не назовешь. Да и хранить его не придется – времени не осталось. Видишь? Гремячий дол уходит на дно. А сгорит Мироствол – так и небеса рухнут.

– Я знаю дорогу, не сомневайся! – лебезила навка, цокая копытами по крутым ступеням витой лестницы. – Держись за меня, и не пропадешь!

Она буквально тащила за собой Горихвоста, вцепившись в его запястье.

– Эк как тебе не терпится! – поддел ее вурдалак.

– Побродил бы ты с мое среди руин, тоже замаялся бы! Стоило ли лезть на небеса, если рай переехал невесть куда?

Прозрачную площадь Убава пересекла с превеликой опаской. Только на Золотом кольце навка выдохнула и раскрепостилась. Горихвост едва поспевал за ней. Оставалось лишь диву даваться, как ловко находит она нужные закоулки в развалинах, заросших кустами. Нырять то в один проход, то в другой, навка вывела его на широкую улицу, и с нетерпением потянула к воротам. Солнце ударило в левый глаз, и Горихвост догадался, что они движутся к северу.

Его провожатая не стала задерживаться и в воротах, за которыми мирно несла серебристо-молочные воды река. Пристань, рассчитанная на огромные корабли, поражала воображение, но еще больше Горихвоста впечатлила одинокая лодочка, привязанная к причалу. Она выглядела такой сиротливой, что хотелось развеселить ее, прокатив по волнам.

– Бери в руки весло! Не зевай! – деловито распоряжалась Убава, отвязывая серебряную цепь. – На корму вставай, олух! Толкай! Что ты делаешь, руки-крюки? Шест лежит для чего?

Не отвечая на ее ворчанье, Горихвост подобрал шест, заботливо уложенный вдоль днища, и оттолкнулся от берега. Ладя начала выворачивать на стремнину. Молочные воды подхватили ее и понесли по свекающей ряби. Убава взгромозилась на нос с гнутой фигурой в виде морской девы, зачерпнула ладонью из речки и расхохоталась:

– Смотри, чистые звезды! Рекой текут! Где еще такое увидишь?

– Куда плыть-то? – прикрикнул на нее Горихвост.

– Держись ближе к стремнине! Река знает, куда тебе плыть. Она донесет!

Горихвосту лишь изредка приходилось обмакивать в воду весло, когда нос ладьи отклонялся от середины реки. Течение понесло так стремительно, что он едва успевал разглядеть чудесные рощи с диковинными зверьми, выходявшими к берегу, чтобы встретить таких редких путников.

– Долог ли путь? – с беспокойством спросил он.

– А куда ты торопишься? Для души время – вечность.

– Это у нас вечность. А на земле – беда. Не успеем – целый мирок пропадет.

– У тебя там кто-то остался? – вытаращила на него круглые глазки Убава.

– У всех там кто-то остается, – нехотя буркнул он.

– Не забыл еще. Знать, они тебе дороги, – пробормотала Убава под нос. – Только что мы теперь можем сделать? Лишь глазеть свысока.

– Я не брошу их, – шептал Горихвост, рассекая густые воды веслом. – Ярогнева. Дый. Князь. Воропай и селяне. Братья-лесовики. Я вас помню. Я с вами. Держитесь!

*

Дождавшись, пока бабы перестанут охать вокруг княжны, Колоброд вынырнул из волны и спросил:

– Эй, а где вы Горюню оставили?

Ярогнева изменилась в лице, и, не найдя, что ответить, пустилась в слезы. Лутоха скорчил жалобную гримасу и задумчиво почесал спутанные космы. Болотник оглядел меч в руках Дыя, с кончика которого до сих пор падали алые капли, и сбивчиво пробормотал:

– Как же так? Вот несчастье... Я ведь Горюню еще мальцом помню. Каким он был шустрым, когда дед его от беды в лес спровадил...

Ярогнева разрыдалась еще сильнее. Всеволод прижал ее к груди и погладил по мокрым волосам.

– А вы знаете, все равно я в Горюню верю! – неожиданно выпалил Колоброд. – Жаль его, но я знаю: он и на том свете нас не оставит. Он такой! Своих ни за что не бросит. Даже оттуда, с небес...

– Если только он там... Грешник ведь он был. Как бы к бесам его не уекли, – отозвался Лутоха.

– Вот дурак! Помолчал бы! Что на уме, то и на языке, –

обругал юродивого Воропай.

Лутоха пожал плечами.

– Как бы не так! Нашего вурдалаша так просто в пекло не заманить! – убежденно вымолвил Колоброд. – Он из таких передряг выкарабкивался, что и на том свете себя в обиду не даст. Я в него верил при жизни, я и после смерти в него верить буду. А меч этот вы сохраните. Им одним можно одолеть водяницу. Когда-то он принадлежал Чернобогу, если верить преданиям из колдовской книги. От него даже нечистая сила шарахается.

– Не водяница меня беспокоит, – Дый указал на огнезмея, парящего под облаками.

– А вот и зря! – возразил Колоброд. – Не было бы ее, не было бы и пожара. От Шутихи все беды пошли.

– Если ты такой умный, то плыви, разыщи ее, и прикончи! – велел с раздражением Дый. – Вот и меч тебе, если ты в состоянии с ним совладать.

И Лесной царь бросил болотнику Душебор. Колоброд на лету схватил меч, приладился перепончатыми пальцами к рукояти и довольно забулькал.

– Смотри, не потеряй! – пригрозил Дый.

– Будь спокоен. Теперь я эту злодейку запросто одолею! – заверил его Колоброд и с шумом шлепнул хвостом по воде.

И в тот же миг схлопотал веслом по своей косматой, нечесаной голове.

– Кто тут меня одолеет? – раздался насмешливый женский

ГОЛОС.

Разбушевавшаяся Змейка выплескивала в Шерну свои воды так рьяно, что над омутом, который был прежде таинственно-тихим, закружился водоворот. Из туманной пелены над ним бесшумно выскользнула ветхая лодка. Почерневшие и набухшие от воды доски жалко потрескивали. Брошенные весла болтались на ржавых уключинах, издающих пронзительный скрип. Масляный фонарь, притороченный к носу, едва поблескивал призрачным огоньком, а за кормой волочилась оборванная цепь, которой некогда эту лодку привязывали к причалу. С бортов свисали круглые щиты, обтянутые мокрой кожей, что придавало судну воинственный вид. Но взгляд Ярогневы упал не на них.

На деревянной скамье, устланной расшитым покрывалом, гордо сидела водяница Шутиха с книгой в черном кожаном переплете. Ее мокрое тело оставалось прикрыто одной лишь исподней рубахой – длинной, спускающейся ниже колен, и белой, без единого вышитого узора. От влаги рубаха казалась прозрачной, она сползала с плеч, и сквозь распахнутый ворот виднелись две пухлые груди, по которым стекали тонкие струйки. Водяница привстала со скамьи и поправила венок из болотных кувшинок, который прикрывал ее длинные, отдающие зеленью волосы.

– Шутиха! Только тебя нам и не хватало! – булькнул Колоброд.

В ответ Шутиха вырвала весло из уключины и так огрела

им болотника, что тот закатил глаза, безвольно перевернулся вверх желтым брюхом, и медленно начал тонуть. Водяница выхватила Душебор из его обмякшей лапы, высоко подняла и расхохоталась:

– Вот он, тот самый меч Чернобога, которого все так бо-
ятся! Думали, он поможет вам со мной справиться? Не на-
дейтесь!

Широко размахнувшись, она бросила Душебор в омут. Замерев, Всеволод с Ярогневой смотрели, как меч уходит на дно. Вслед за ним начала погружаться и туша болотника, потерявшего чувства. Челюсть Колоброда отвисла, длинный язык выпал из пасти, и вскоре лишь по пузырькам воздуха в мутной воде можно было узнать место, где он сгинул.

С кормы лодки вспорхнула серенькая камышовка, сделала круг над водоворотом и пронзительно защебетала.

*

Время остановилось. Звездная река несла Горихвоста в глубины вселенной. Самые дальние уголки мироздания вставали у него перед глазами. Маленькие звездочки на глазах превращались в огромные солнца и светили так жарко, что могли бы испепелить, но Горихвост сам ощущал себя лучом света, и впитывал этот жар, как земные животные поглощают еду и питье.

Навка на носу ладьи притихла и съежилась. Встающие

перед глазами мира, состоящие из неисчислимых мириад огоньков, пугали и восхищали ее. То ли час был мгновеньем, то ли мгновение часом – Горихвост то и дело опускал весло в воду, чтобы держаться поближе к стремнине, но и он не мог сказать, сколько длилось их плаванье.

Неожиданно ладью так тряхнуло, что Горихвост едва не свалился с кормы. Нос лодки задрался к темному небосводу, а после резко ушел вниз, как будто деревянная птица вздумала клюнуть зерно. Навка подпрыгнула и истошно заголосила.

– Куда смотришь, раззява? – в сердцах выкрикнул Горихвост. – На кой ты вообще там уселась?

– Работай веслом, остолоп! – не осталась Убава в долгу. – Не видишь, что ли: пороги под самым носом!

В верно: только теперь Горихвост разглядел, что река перекатывается через каменистые пороги, зубчатой лестницей уходящие в кромешную тьму. То справа, то слева по ходу движения вздымались огромные валуны, омытые слабым мерцанием звездного потока. Невидимые булыжники царапали днище и так скрежетали, что обострившийся слух Горихвоста страдал. Ладью снова бросило вниз и закружило в водовороте.

– Выворачивай! Разобьет! – пискляво вопила Убава, с ног до головы облепленная молочными звездочками.

– Хватай весло и гребь! – сквозь пену и брызги бросил ей Горихвост.

Убава кинулась под скамью и начала шарить, только усиливая суматоху. Наконец, ей удалось нащупать шест. Она тут же принялась отталкиваться им от утесов, возникающих так неожиданно, как будто невидимый великан швырял их навстречу.

– Пронесло! – с облегчением выговорил Горихвост, когда ладью перестало болтать и вертеть.

Пороги остались у них за спиной, течение выровнялось, и речка опять усыпляюще зажурчала, как ни в чем не бывало.

– Погоди радоваться! – взвизгнула навка. – Нас несет прямо на остров. Щас как бросит на берег!

Горихвост посмотрел поверх ее спутанных мокрых волос. Прямо по курсу молочный поток разделялся на два рукава, огибающие сказочный островок.

– Вертай в сторону! – завизжала Убава.

Горихвост изо всех сил заработал шестом. Ему удалось перебороть течение и направить ладью в один из рукавов, но берег начал шириться прямо у него на глазах, вытягиваясь сразу вправо и влево.

– Это еще что за шутки? – выкрикнул Горихвост, но волна уже подхватила ладью и вынесла ее на песчаную отмель.

– Все, приплыли! – с досадой сказал он, бросая шест.

– Кажись, да! – согласилась навка, и голос ее звучал до удивления довольно.

Горихвост выпрыгнул на влажный песок. Тонкие ручейки звезд заструились под его сапогами. Убава не давала огля-

нутья – она потащила его за собой, приговаривая:

– Скорей, не зевай, иначе проспишь свое счастье!

– Видали мы такое счастье, – попытался сопротивляться Горихвост, но вскоре заметил, что Убава ведет его по удобной дорожке на холм, над которым сияет радуга. «Раз дорожка проложена – значит, по ней кто-то ходит», – смекнул он, и позволил Убаве увлечь себя вдаль.

Остров, казавшийся издалека маленьким, теперь выглядел необъятным. И справа, и слева, насколько хватало глаз, тянулись заливные луга.

– Вижу их! Вижу! – восторженно визжала навка.

Вместе с ней Горихвост на одном дыхании долетел до вершины холма.

– Ну что ж ты? Не мешкай! Ведь сам к ним хотел! – тянула Убава к цветному шатру, стоящему на возвышении.

– Да к кому к ним-то? – не мог отвязаться от нее Горихвост.

– Дурень! – бросила Убава, откинула полог шатра и затащила его внутрь.

*

– Вот она, виновница торжества, полюбуйте! – вышел на край обрыва Дый. – И не стыдно тебе показываться на глаза после всего, что ты натворила?

Шутиха залиvisto расхохоталась.

– Стыд и позор должен чувствовать проигравший! – с вызовом выкрикнула она. – А я победила! Посмотри вокруг!

Она повела рукой, показывая, как речные волны захлестывают Девичье поле и подбираются к деревенским избам.

– Это мой мир! Мое царство! – подплывая поближе, продолжала она. – Час мой уже наступает. Скоро вся суша уйдет на дно, а вы превратитесь в рыб. Только от моей прихоти будет зависеть, миловать вас или казнить. А тебя, вшивый царек, я превращу в холопа и заставлю пасти жаб и гадюк!

– Не слишком-то ты опечалена гибелью мужа, – хмурясь, встал рядом с Дием Всеволод.

– Мой благоверный был простаком, – отозвалась Шутиха. – Он думал вернуть меня с того света. Переживал, что отправил жену в мир теней. Я вертела им, как хотела.

И она опять рассмеялась – на этот раз с самодовольством.

– Ты загубила свою душу злодейством, – мрачно заметил Дый. – Пропащим душам с того света выхода нет.

– Верно! – выкрикнула водяница. – Мой наивный супруг никак не мог взять в толк, что этого мне и не надо. Я всегда знала, что родилась для большой власти. Этот потоп превратит Гремячий дол в подводное царство. И я в нем стану царицей! В этом царстве не будет предела моей воле! Как захочу, так все и поворочу. А вы все мне подчинитесь, либо сгинете без возврата. Вам понятно? На колени перед своей госпожой! Я кому говорю?

И она замахнулась веслом на народ, столпившийся на бе-

регу. Воропай испуганно отступил, растолкав напирających баб.

– Ничего у тебя не получится! – злорадно возразил Дый. – Змей тебя попатит! Видишь, как он ширкает под облаками? Того и гляди пыхнет пламенем!

– Дурень! – залилась хохотом водяница. – Змей здесь лишь потому, что я этого захотела. Его выпустил мой муженек, потому что вслед за пожаром приходит потоп. Мне того только было и нужно!

– Ты сама с ним не сладишь!

– Вот и нет! – водяница подняла в руке черную книгу, вымокшую в пене водоворота. – Змеем можно повелевать с помощью заклинаний. Он – оружие в моей деснице. С ним я страшнее Перуна! Видишь – он делает то, что мне нужно: жжет остатки деревни и леса. Когда они догорят, их поглотит вода. И тогда мое царство придет. Никто этого не остановит!

– Оплошала ты! – мстительно улыбнулся Дый. – Змей хозяев не признает, и он это уже доказал.

– Меня он признает! – заверила без сомнений Шутиха. – Признаешь и ты, и все твои дикие твари, и эти людишки, что скоро уже перестанут дышать. Деваться вам некуда! Либо в рабство ко мне, либо в полное небытие! Выбирайте!

*

Горихвост шагнул под полог и обомлел. Он как будто про-

валился в огромный чертог, поразивший его необъятным простором. Стены шатра расступались и уходили в стороны верст на десять. У скитальца ум за разум зашел, когда он попытался представить, как такое просторное сооружение может помещаться на вершине холма. Нога его почти по колению ушла в мягкий ворс ковра, застилающего пол. Ворс беспрестанно колыхался, в нем шло нескончаемое шевеленье, и Горихвост даже подумал, что тут, видать, завелись насекомые. Однако приглядевшись, он обнаружил, что это двигались чудесные изображения, вытканые разноцветными нитями. Города, крепости и долины утопали в садах, по которым бродили волшебные звери. Земледельцы косили травы и жали колосья хлебов. Особенно поразил Горихвоста иссиня-черный змей, кольцом обернувшийся вокруг каменного кремля. И все это – у него под ногами, в волшебном движении узоров.

Вдали, у столба, подпирающего потолок, выселись три роскошных престола. Середина шатра была уставлена столами, там царило столпотворение, бурлил пир и звенела музыка. Веселые песни лились из уст музыкантов, бренчавших на гусях и дувших в сопелки.

– Наконец-то! Нашел! – облегченно вздохнул Горихвост и шагнул к ним.

И тут же отскочил назад, как ужаленный. Его сапог наступил на хвост змея, обернувшегося вокруг крепости. Змей пришел в движение, зашипел, поднял голову и высунул жа-

ло.

– Что за черт! – от неожиданности выкрикнул путник.

Навка издевательски расхохоталась.

– Смотри под ноги! – панибратски хлопнула она его по затылку.

Струящийся вокруг крепости змей успокоился и улегся, и Горихвост понял, что это – всего лишь движущийся узор, которому не дано оторваться от ковра, украшенного такой дивной тканью.

– Быстрее! Мы в одном шаге от рая! – потянула Убава за рукав спутника, который никак не мог прийти в себя.

И тут же перед ними словно ниоткуда возникли двое стражников в блестящих доспехах. Оба могучие, но бестелесные, как и все в Горнем мире. Из-под кольчуг проглядывали неосязаемые, почти прозрачные тела, прикрытые рубахами, но крепкие руки уверенно сжимали копья и вытянутые щиты.

– Откуда взялись? Чего надо? – не слишком приветливо молвил тот, что повыше.

– Мы с земли. Заблудились. Нам бы к Роду-владыке, – залезбила Убава.

– Еще чего! – молвил второй стражник, низкий и толстенький. – От вас обоих за версту несет нечистью.

Горихвост непроизвольно ощерился, по старой еще привычке, но теперь клыков у него не осталось, и оскал получился ущербным.

– Ой, оскалился, волк! – засмеялся высокий. – Жаль, не наш грозный князь с тебя шкуру снял. Вот ты и заявился – чтоб тебя побыстрее разделали.

– Пропустите, – глухо, сдерживаясь изо всех сил, прошипел Горихвост. – Я по делу иду.

– По какому такому делу?

– По важному.

– Доложи нам свое дело, а мы решим, важное оно или нет.

– Ты мне не начальник, чтоб тебе докладываться. Веди к государю!

Разгорающуюся ссору прервало появление грозного всадника в добротной кольчуге, поверх которой колыхалось лазурное корзно. Рука крепко сжимала рогатину, а на челе сверкал золотой обруч с сияющим самоцветом.

– Ой! Это Перун, государь горней дружины, – тоненьким голоском сообщила Убава. – Я его страсть как боюсь!

– Мирослав! Славомир! Живо ко мне! – звучно выкрикнул небесный витязь.

Голос его разразился, как гром. Стражники бросились к нему и схватили коня за поводья. Взгляд Перуна с любопытством скользнул по Горихвосту, словно выискивая затаенные уголки.

– Кем бы вы ни были и зачем бы вы ни явились, у вас есть право получить в предместьях рая приют, – проговорил он. – Вас накормят, напоят, и дадут отдохнуть.

Он отдал поводья помощникам и повел странников за со-

бой. Горихвост и Убава двинулись вдоль длинных столов, за которыми сидели высокие, горделивые небожители. Навьи мужи и жены чувствовали себя, как дома. Они поднимали задравные чары и стукали их краями, издавая серебряный звон. На оживленных лицах играли улыбки, хохот и шум перекрывали чарующие песни музыкантов. Убава приплясывала от нетерпения – так ей хотелось немедленно броситься к ним, занять за столом свое место, сдвинуть вместе со всеми чары и затянуть песню о вечной жизни в раю.

Но Горихвост смотрел только прямо. Там, у центрального столба, подпирающего свод шатра, высились три престола. Почтенный старец в накинутом на плечи рдяном мятле держал тяжелую чару, вмещающую чуть не ведро вина. Он поднялся с престола и вышел навстречу путникам. Перун с почтением поклонился ему и промолвил:

– У нас гости, владыка Род. На наш шатер набрели новички: заблудшая навка и вурдалак, распятый на Древе миров.

– Этого доходягу распяли на Миростоволе? – с любопытством осведомился Род. – Какому бесу пришло в голову такое злодейство?

– Я сам это сделал! – с вызовом произнес Горихвост.

– Зачем? – удивился старейшина.

– Чтобы попасть к вам, владыкам вселенной, – речь Горихвоста зазвучала взволнованно. – Там, на земле, приключилась беда. Злодейская сила выпустила огнезмея, которого вы, государи, заперли в горе на краю Дикого леса. Люди не

смогут с ним сладить. Если его не унять, он попалит их мирок.

– И чего же ты хочешь? – внимательно оглядел его старец.

– Чтобы вы помогли нам, как в давние времена. Смирите чудовище. Избавьте людей от несчастья!

Божества переглянулись.

– Ты знаешь, почему мы покинули Город? – гулко выдохнул старец.

– Нет, государь, – признался Горихвост. – Всю жизнь я прожил в лесу, среди диких животных и братьев-нечистиков. Откуда мне знать стародавние байки? Разве что дед рассказывал на ночь истории из черной книги, да можно ли им верить? Никто из людей не упомнит те времена, когда миром правили боги.

– Вот именно, – нахмурился рдяной бог. – Люди нас бросили и забыли. А теперь, когда воля дала им плоды, они снова бегут к нам? Так не выйдет. Пора жить своим умом.

Перун едва заметно кивал предводителю, полностью с ним соглашаясь.

– Но мы не выдержим в одиночку! – сбиваясь и горячась, заговорил Горихвост. – Нам нужна помощь! Без вас мы пропадем!

– Люди сами выбрали свою участь, – отрезал старец. – Они решили жить самостоятельно. Это значит, что со своими бедами они должны справляться без нас.

Горихвост зарычал от бессилия и закрыл лицо ладонями.

– Не слушайте его! – выскочила у него из-за спины навка. – Я не такая! Я тут вообще не при чем!

– А тебе чего надо? – уставился на нее Род.

– Того же, что и другим. Рая. Счастья. Веселья. Я столько скиталась! Столько ждала и надеялась. Неужели я не заслужила?

Род откинул широкую полу мятля и достал из заткнутой за пояс сумочки увесистые ключи. Навка уставилась на них так, словно они были главным сокровищем во вселенной.

– Ступай за мной! – велел ей владыка.

Широкий полог шатра откинулся. Горихвост увидел за ним зеленый луг, поросший медовыми травами, а за лугом – высокие стены из мрамора, покрытого позолотой, и широкую башню с воротами.

Род уверенным шагом пересек луг. Убава поскакала за ним, смешно вертя от нетерпения хвостиком и задирая копытца, чтобы не примять красочные цветочки. Владыка отпер ворота ключом и распахнул створки. Солнечное сияние вырвалось из-под башни и ударила Горихвосту в глаза, привыкшие к сумраку, царившему под шатровым пологом. Торжественная черед навьев, жен и мужей, вышла из ворот с хлебом-солью и встретила гостью. Обомлевшая от счастья Убава обмакнула в соль краешек каравая и разрыдалась.

– Добро пожаловать в рай, наша новая сестра, – молвил ей навий муж, державший каравай на расшитом узорами полотенце.

– Добралась все-таки! Добралась! – всхлипывая, бормотала навка.

– Смелее! Ступай! – подтолкнул ее Род.

Убава вступила в свет, ворота за ней захлопнулись, и довольный Род вновь закрыл их на ключ.

– Ну, голубчик, а теперь о тебе посудачим, – вернувшись под шатровый полог, сказал он Горихвосту.

*

Лутоха вырвал у Щербора суковатую палку, на которую тот опирался, и запустил в Шутиху. Трость пролетела сквозь мокрое платье, как будто это было всего лишь туманное облачко, и лишь сучок на конце палки зацепился за Черную книгу и вырвал ее из рук водяницы.

– О чем с ней толковать? – выкрикнула Ярогнева. – У нее в голове черти пляску устроили. Ее мысли – как рваные струны, на которых безумные бесы бренчат копытами и хвостами. С ней один разговор – изничтожить, чтоб и памяти не осталось!

– Ой, а кто это подал голос? Неужели наша задохленькая княжонка? – издевалась над ней водяница. – Попищи, девонька, попищи, перед тем как у тебя прорастут жабры и выскочит рыбий хвост. Поглядим, каким станет твой голосок под водой. Там ты с рыбками наговоришься – они у меня разговорчивые. Слушают, не перебивая, и только умные глазки

пучат!

– Горихвост натерпелся от жизни и от врагов, – не могла остановиться княжна. – Мало ему было бед, ты решила добавить. Да еще как все вышло: я своей же рукой его сердце пронзила! Если б ты, дрянь болотная, знала, чего мне это стоило! Как мне это далось, и что я теперь переживаю! У меня до конца моих дней его кровь будет на пальцах краснеть!

– А вот это ты зря! – возразила Шутиха. – Я могла надумать Курдюма, чтобы он твоего ненаглядного сразу прикончил. Вурдалак ведь простой, как полено – ему самогонки нальешь, он и думает, будто ты его лучший друг. Я б велела Курдюму, чтоб он в первую же ночь его и прирезал, только мне это было не нужно. Вурдалак должен был выдать заветное слово, которым отпирается черная книга. Для этого мой муженек и водил его в баню, и спинку ему веничком парил, чтобы вычитать, что у того меж лопаток наколото. Позже, книгу прочтя, мы выяснили, что пробудить змея можно, лишь принеся в жертву девку благородных кровей, да еще сделать это нужно ветхим мечом, которым древние колдуны тешили чудище в давние времена. И ведь надо, какая досада: этот меч, Душебор, почти был у нас в руках! Да только твой вурдалак уже успел улизнуть, и ищи его, будто ветра! Пришлось посылать Курдюма за ним в Дикий лес, где его уже мелкий царек приговаривал. Ох, и набегался же мой благоверный!

Водяница расхохоталась.

– Так что я твоему Горихвосту еще несколько дней пода-

рила. И за эти дни он с тобой успел познакомиться и сойтись. Да и ты к нему чувствами воспылала.

Ярогнева вспыхнула, будто от страсти – ее лицо стало того же цвета, что и княжеское корзно.

– Ты – злодейка, и нет тебе оправданий! – заключила княжна.

– Вурдалак был чудовищем, нелепым и страшным! – не унималась Шутиха. – Такое и не должно было ходить по земле. Нечего делать такому среди людей. Вот мы с тобой вместе и отправили его к праотцам. Не волнуйся: мы сделали доброе дело.

Ярогнева зарычала от злости – почти так же, как делал это Горихвост, когда был еще жив. Сорвавшись с места, княжна взвалила на плечи поваленные ветром ворота капища и поволокла их к обрыву.

– Ты чего вздумала, доча? А ну-ка, постой! – встревоженно попыталась остановить ее Верхуслава.

– Нежата, держи ее! – испугавшись больше жены, завопил князь.

Сообразительный воин тотчас бросился к княжеской дочке, но Ярогнева уже сбросила с Крутояра широкие деревянные створки, болтающиеся на выдернутых столбах. Ворота хлопнулись на воду, обдав брызгами щиты, развешанные на бортах ладьи. Однако едва княжна попыталась спрыгнуть с обрыва, как Нежата схватил ее за пояс и потянул к себе.

– Ты куда, милая? – уговаривал он Ярогневу, как вздыб-

ленную кобылицу. – Шутиха тебя только и ждет. Сама в руки к ней не ходи – пропадешь!

Но княжна и не думала слушаться. Она распутала узенький пояс, стягивающий ее рубаху, и вырвала у Нежаты кистень с тяжелой шипастой гирькой, с которым тот не расставался. Нежата оторопел. Распущенный пояс повис в его грубых ладонях. Ярогнева выскользнула и бросилась вдоль обрыва. Ее яркие сапоги замелькали на узкой полоске кручи, нависшей над поднимающейся водой.

– Да что же ты будешь делать? Вот бешеная девка! – в сердцах бросил воин, вертя в руках пояс, ставший ненужным.

Рдяные сапоги княжны истрепались и заляпались грязью. Один из каблучков оторвался, другой завяз в густой жиже, в которую превращалась размытая земля. Ярогнева попыталась его выдернуть, потянула пару раз, махнула рукой и скинула обувь. Ее босые пятки взмесили мокрую глину, оставляя узкие следы на самом краю берега.

Княжна спрыгнула с кручи на плавающие ворота, которые течением несло к середине реки. Она обернулась к ладье водяницы, раскрутила над головой шипастую гирьку кистеня и заголосила:

– Берегись, стерва!

– Давай-давай, плыви ко мне! – хохотала Шутиха, правя свою ладью к ней. – Мне нужны новые слуги. И ты станешь первой!

Ворота, превращенные в плот, держались на волнах неуверенно. Они то и дело кренились, норовя сбросить деву в мутную воду. Но Ярогнева не обращала внимания на колебания опоры. Она азартно размахивала кистенем и шептала:

– Только бы подобраться поближе!

На берегу Крутояра люди перемешались с лесными созданиями. Все затаили дыхание, наблюдая за уплывающей княжной. Лутоха молился и целовал оберег, Воропай мял в руках шапку, Духаня жалела и причитала. Даже могучий Дый побледнел и закрыл руками лицо.

– Яруша, не лезь к ней! Шутиха – призрак, железо ее не проймет! – простонал Лесной царь.

Но княжна не оглядывалась назад. Водоворот подхватил скрипучий плот и понес его к омуту. Боковой столб, к которому крепились створки, ушел в воду, доски перекошились. Ярогнева едва не соскользнула в волну. Верхуслава уткнулась лицом в грудь Всеволода и завывала. Стремительное течение несло плот прямо к ладье. Обратного пути уже не было.

– Только не оплошай, дочка! – бормотал Всеволод.

– Кистенем ее, кистенем! – вторил с края обрыва Нежата.

– Вот и моя первая раба! – торжествующе развела руки в стороны водяница. – Чтобы стать частью подводного царства, тебе осталось одно – утонуть. Не томи меня – прыгай в воду. Ты ко мне так торопишься, словно тебе невтерпех.

– А отведай-ка кистеня! – звонко выкрикнула Ярогнева и ударила водяницу биллом, болтающимся на цепочке.

Шипастая гирька прошла сквозь Шутиху, как сквозь туман, и с грохотом обрушилась на скамью, покрытую узорной тканью. Водяница расхохоталась.

– Бей меня, бей! – подзадоривала она. – Чем больше потратишь сил – тем скорее станешь моей.

Ярогнева закусила губу и принялась молотить ее билом, нанося удар за ударом. Ловко орудуя деревянной ручкой, она раз за разом раскручивала гирьку и изо всех сил обрушивала ее на противницу. Но било с цепью пронизывало Шутиху насквозь, не причиняя той никакого вреда, словно она находилась не в этом, а в каком-то ином мире, откуда лишь ее дальнейшее отображение мелькало перед глазами в виде бесплотного наваждения.

Шипы обрушивались на борта ладьи и дробили их в щепы. Отзвуки хлестких ударов гудели в ушах, разносясь над бушующими водами и достигая поникших лесов, борющихся с потоком.

Камышовка, вспорхнула с кормы и возмущенно захлопала крыльями, словно негодуя на бесчинство, устроенное не желающей покоряться негодницей. Цветное покрывало, которым была застелена скамья, на глазах превращалась в рваное тряпье. Масляный фонарь, болтающийся на носу ладьи, разлетелся вдребезги. Ржавые уключины скрипели, брошенные весла безвольно колыхались в воде, а Ярогнева все громила и громила чужую лодку, не успевая перевести дыхание. Наконец, щиты, вывешенные на бортах, сорвались и упали

в воду. Шутиха сняла с головы веночек из белых лилий и протянула его Ярогневе.

– Иди ко мне, девица! – зазывно пропела она. – Надень этот веночек! Стань моей!

Ярогнева расплакалась от бессилия и швырнула кистенем в протянутый дар. Кистень прошел сквозь призрачные рукава рубахи, которыми тянулась к ней водяница, но задел сплетенные цветы, вырвал их из ладоней Шутихи и увлек за собой в бурлящий водоворот. Вслед за тяжелым оружием кувшинки пошли на дно.

– Так-то ты принимаешь мой дар? – рассердилась Шутиха. – Ну, смотри у меня!

Водяница перегнулась через разломанный борт ладьи, поддела ладонью речную струю и направила ее на крутящиеся в водовороте врата. Вода в омуте вздыбилась, пошла волнами и опрокинула шаткий плот. Ярогнева свалилась в воду как раз в том месте, где только что утонул кистень. Минуту она боролась с мутным потоком, но водяница толкнула ее веслом и налегла, погружая глубже. Волосы княжны растрепались, водоворот закрутил их в пучок, и дева скрылась под толщей воды.

– Дочь, держись! – отчаянно выкрикнул князь.

Стоящий рядом с ним Дый помотал головой, словно не веря в спасение. Верхуслава бросилась на колени и разрыдалась. Русана попыталась ее утешить, но это было ей не по силам.

– Что там видно? Жива ли Яруша? – с надеждой взгляды-
вался в бурлящие воды Всеволод.

– Не видать. Омут на дно ее потянул, – обреченно ответил
Нежата.

Шутиха перехватила весло и направила ладью к Крутояру.

– Эй, хозяин! – насмешливо закричала она, обращаясь к
Всеволоду. – Будь так добр, пожалуйста за дочерью в мое цар-
ство. Уж если ты был великим князем в столице, то и мои-
ми утопленниками распорядиться сумеешь. Дам тебе долж-
ность при моем новом дворе, станешь моим любимым слу-
гой. И сударушке твоей, великой княгине, найдется местеч-
ко. Вот выйдет семейка подводной челяди!

– Ах ты, гниль болотная! – разъяренно выскочила к ней
Верхуслава. – Да я лучше владыку-Перуна упрошу разбить
молоньями в крошево весь наш мир, лишь бы он и тебя каз-
нил!

– Ну и где твой Перун? – издевалась над ней водяница. –
Одна память по нем и осталась. Правда, Дый? Ты-то знаешь,
что богов больше нет, и рассчитывать не на кого. Так хоть ты
покорись судьбе. Смири гордость, признай меня госпожой.
И вели то же слугам.

– Не получишь ты нас в своем царстве! – проскрипел Лес-
ной царь зубами. – Ни один лесной брат тебе не покорится.

– А куда вы все денетесь? Места вам не осталось. Либо в
воду, либо развеетесь в пыль и прах.

В этот миг водоворот за спиной у Шутихи забурлил и вы-

плюнул струю грязной пены. Взметая тучу брызг, из мутного фонтана вывалился болотник Колоброд, вращающий выпученными глазами. Одной лапой он тащил за собой Ярогневу, крепко сжав ворот ее рубахи, а другой лапой неловко вздымал в воздух меч Душебор, тускло блеснувший в лучах заходящего солнца. Его хвост так шлепнул по воде, что ладья водяницы едва не перевернулась. Ярогнева с шумом глотнула воздух и начала сплевывать воду.

– Вот ведь девка! И в воде не утонет, и в огне не сгорит! – подивился Нежата.

Колоброд перекинул княжну через борт лодки, помог встать и сунул меч ей в ладонь. Не обращая внимания на потоки воды, ручьями стекающие с головы, Ярогнева выпрямилась во весь рост, подняла Душебор и шагнула к водянице.

Шутиха медленно обернулась. Лицо ее изменилось: на нем промелькнули обида, досада и злость.

– А меч-то откуда? – растерянно произнесла она.

– Болотник на дне подобрал! – мстительно ответила дева.

Она сделала резкий выпад и вонзила острие Душебора Шутихе в грудь, как раз туда, где в глубоком вырезе рубахи виднелись два выпуклых бугорка, по которым струились капли воды.

– Ой! Больно... – вырвалось у Шутихи.

Княжна вырвала меч. В груди водяницы открылась рваная рана, из которой вытек тоненький ручеек темной крови. Кровь смешалась с водой и обагрила белую рубаху Шутихи,

оставив на ней размытые блекло-красные пятна.

Водяница выронила весло. Оно гулко шлепнулось в реку, и всплеск ясно донесся до слуха людей, замерших на берегу.

– Этот меч тысячи душ забрал, – шипя от ненависти, произнесла Ярогнева. – И твою заберет!

– Не надо! – тоненьким голоском взмолилась Шутиха. – От меня, кроме души, ничего не осталось.

– Да и та сгнила в омуте, среди грязи и слизи! – не оставливалась Ярогнева. – Глупый Курдюм хотел вернуть тебя с того света. Только не видел он, что возвращать уже нечего. Нет той веселой Шутихи, с которой ему было когда-то так сладко. Остался поганый дух, который весь мир хочет превратить в омут.

И княжна сделала новый выпад, всадив меч водянице в живот. Так схватилась руками за брюхо, жалобно застонала и упала на колени. И снова пятно темной крови расплзлось вдоль разреза рубахи.

– Пощади! – взвыла Шутиха. – Я остановлю потоп. Я верну все, как было!

– А Горихвоста ты тоже вернешь? – наступала на нее Ярогнева. – Вернешь всех, кто погиб по твоей вине?

– Разве я виновата? – склонив голову, закрылась руками Шутиха.

Ярогнева занесла над ней меч и сказала:

– Вся беда в Грязной Хмари началась от того, что ты соблазнила Курдюма. Жить бы тебе в Слободе и смущать та-

мошных мужичков, так нет – ты захотела быть барыней. Если б не ты – все были бы живы. Не летал бы змей над нашими головами, не палил бы наш мир, который боги оставили нам в наследство в незапамятные времена. Не жались бы друг к другу люди и черти в последний свой час перед общим концом. Это твоя мерзкая алчность довела всех до края! И ты просишь пощады?

– Я только хотела счастья! – воздела ввысь руки Шутиха.

– Что это за счастье, из-за которого мне пришлось милого своей рукой на тот свет отправить? – взревела Ярогнева. – Видно, тебя уже не исправить. Казнь – вот что ты заслужила. И чтобы духу твоего не осталось!

Ярогнева замахнулась пошире и рассекла водяницу надвое. Шутиха даже не охнула. Призрачная фигура в запачканной кровью рубахе покачнулась и распалась на половинки, которые зависли в воздухе, истончаясь и медленно испаряясь.

– Вот он, меч Чернобога! Любую нечистую силу берет! – торжествуя, закричал на берегу Лесной царь.

*

– Ступай за мной, – велел Горихвосту Род. – В раю тебя ждет твоя навка. Небось, успела соскучиться по тебе, ненаглядному.

Позолоченный ключ бросил солнечный зайчик в глаза, от-

разив лучик низко висящего солнца. С замиранием сердца Горихвост наблюдал, как Род отпирает ворота под мраморной башней. Вот они распахнулись, и медовые луга залило неземным сиянием.

Горихвоста охватил трепет. Он вдруг понял, что всего один шаг – и наступит совершенно другая, счастливая жизнь, о которой он так мечтал и которую никогда не знал. В этой жизни не останется места печали – ее наполнит светлая радость, и она будет вечной, как вечны земля и небо.

Неужели всего один шаг? Там, на земле, было холодно и неудобно. Там приходилось жить в полужемлянке, питаться чем попало, мерзнуть зимними вечерами и водить дружбу с чертовщиной. Там меня гнали взащей отовсюду, где я появлялся. Там все считали меня чужим. И только здесь приняли за своего. Здесь я забуду все беды, которые портили мне кровь на земле. Забуду обиды. Забуду все, что заставляло страдать. Все забуду...

Что, правда все? А мою Ярогневу? Ее тоже забуду? Забуду деда, что до сих пор лежит на леднике, не похороненный по-человечески?

Его сапог нащупал порог, за которым открывался новый, волшебный мир. Оттуда уже двигалась череда навьев, чтобы встретить его хлебом-солью. Во главе ее шла Убава, но бывшая навка до того преобразилась, что Горихвост не поверил глазам. Козий хвостик и копытца пропали. Спутанные волосы превратились в золотистую волну, падающую

на изящные плечи. Стройная фигура, скрытая праздничным платьем, огромные очи, сияющие от счастья, и настоящая, такая радушная улыбка – хитроумная навка и впрямь стала другой.

Вот она направляется прямо ко мне, вот подносит хлеб-соль на расшитом рушнике... По обычаю я должен отломить краешек, обмакнуть в соль и отведать. Все так радостно на меня смотрят. У всех праздник. И герой этого праздника – я. Не могу же я обмануть такие радужные ожидания. Разве не грех портить праздник?

Род по-своему понял его колебания.

– Чего заробел? – от души рассмеялся владыка. – Ступай, даже не сомневайся.

Убава не раскрывала рта, но улыбка ее так звала, что сопротивляться не было ни желания, ни сил. Как она молода и прекрасна! Так и пышет красотой вечной жизни. Я что, стану таким же? Разве не здорово?

Род легонько подтолкнул его в спину. Горихвост развернулся, отпрянул назад, и обеими руками пихнул в грудь владыку. Толчок получился настолько резким, что Хранитель ключей шлепнулся на задок, примяв яркие луговые цветы. Навьи замерли в изумлении – до их разума не доходило, как такое возможно.

– Не за этим я шел сюда! – выкрикнул Горихвост. – Не себе счастья искал! Не за райскую блажь позволил распять себя на Миростволе и заставил любимую вспороть мою грудь!

Как же вы не поймете? Не за себя я радею, но за близких своих. За лес, за людей, за знакомых и незнакомых – даже за тех, кого знать не знаю. Я был мальчишкой, когда меня силой выгнали из моего мирка. И с тех пор я только и делал, что пытался защитить тот жалкий клочок земли, который у меня еще оставался. Не станет его – не станет моей души. Для кого тогда вечная жизнь?

Уязвленный Род поднялся, глубокие очи его сверкнули, и он загремел, разом становясь грозным и непреклонным:

– Ах ты, мятежник! Смутьян и крамольник! Как ты только посмел поднять руку на горнее божество? Все вы, люди – неблагодарные твари. Вы кусаете руку, которая гладит вас. Всякий человек в душе вурдалак – сколько его ни ласкай, он все равно смотрит волком.

– Прости меня, государь! – развел Горихвост руками. – Я оскорбить тебя не хотел. Нет у меня к тебе ни обиды, ни зла. Просто пойми меня: мыслями я все еще на земле!

Ворота рая со стуком закрылись, сияние померкло. На помощь Роду уже спешил Перун. Горихвост сразу понял, что властителя молний лучше не сердить. Далеко внизу, под алмазным куполом небес, небо тут же заволокло облачной дымкой. Тяжелые тучи отгородили небосвод от земли. В густой пелене, налившейся свинцовой тяжестью, сверкнули яркие спицы молний. А ведь Перун еще не брался за свою рогатину!

– Пойдите! – выкрикнул Горихвост. – Не торопитесь сер-

диться! Послушайте меня хоть немного! Ваш рай чудесен, я о нем и не мечтал. Но прежде спасите Гремячий дол!

Он поспешил обратно в шатер и отвернул край ковра, открыв взорам пол из прозрачных алмазов, сквозь которые просвечивали отражения нижних миров.

Ветер будто нарочно унес даже маленькие облачка, чтобы они не скрывали картины, разворачивающейся на земле. Боги уставились вниз, глядя на происходящее сквозь сверкающие грани кристаллов.

Вода затопила Гремячий дол до верхушек деревьев. Печные трубы деревенских домов торчали из волн, словно моля о пощаде. Водоворот прибивал к ним вырванные с корнем кусты, обломки заборов, размочаленных дверей и собачьих конур. Нигде, насколько хватало глаз, не осталось ни клочка сухой земли – лишь Ветхое капище на Крутояре еще поднималось над водами маленьким островком, но и тот сопротивлялся стихии из последних сил и уже начинал уступать.

Волот Сиводур, которому не хватило места на суше, барахтался по горло в воде и ревел во всю глотку, предчувствуя скорый конец. Его рев заглушал шепот селян, упавших на колени перед каменными кумирами.

Водоворот, окруживший со всех сторон остров, заставил людей почувствовать себя бессильными и ничтожными. Бежать было некуда, спастись негде. Вдобавок, под небесами парил змей, хищно высматривающий добычу. Одна волна пламени из его огненной глотки – и остатки жизни слизнуло

бы с жалкого клочка суши, как языком.

Людям осталось одно – молиться. Но была ли надежда на то, что их кто-то услышит?

Слова молитвы отчетливо доносились до небесного шатра, в котором сгрудились умолкшие боги.

– Надо же! Оказывается, люди нас не забыли, – проговорил тихо Род.

– Они в нас нуждаются. Молят о помощи, – добавил Перун.

Горихвост замер.

– Действовать нужно немедленно, – хмуро проговорил Род. – Времени не осталось.

И, обернувшись к Перуну, добавил:

– Готов ли ты выступить, любезный брат?

– Разумеется! – приподнимаясь с колена, ответил Перун.

– Тогда за дело! – распорядился владыка. – Давненько ты не охотился, верно?

*

– Берегись! Пригни голову! – неожиданно заголосил Нежата.

Змей, успевший превратить лес в сплошную стену огня, вырвался на речной простор. Он парил над водой, как будто забавляясь, играя со своим отражением, скольльзящим в речной ряби. Капли шипели и пенились на его брюхе, когда он

опускался чересчур низко, но это ему даже нравилось. Он с восторгом нырял в облака пара, стараясь разбить их упругим и длинным хвостом, на конце которого полыхал огненный шип.

Распавшаяся на половинки Шутиха воспарила и превратилась в туманную дымку. От нее осталось лишь прозрачное облако, стелющееся, как дым над водой ранним утром. Огнезмей вытянул шею и устремился к этой облачной дымке, как будто надеясь вдохнуть ее сладкого пара. Капельки тумана осели на его чешую, и, шипя, тут же сгорели, не оставив от водяницы и тени.

Жар обдал Ярогневу, и та бултыхнулась в воду. Колоброд перевернул ладью днищем вверх и накрылся ей с головой, не забыв прикрыть и княжну. Пролетев, огнезмей двинул по лодке хвостом, отчего та рассыпалась в щепы, которые вспыхнули и усеяли воду.

Ярогнева вынырнула, поглядела вслед улетающему змею и спросила:

– А что Шутиха?

– Нет больше Шутихи, – ответил ей Колоброд, борющийся с водоворотом. – Даже дыма от нее не осталось.

Нежата уже бросал в воду веревку, крича:

– Эй, держитесь там, оба! Сейчас мы вас вытянем!

Но помощь его не понадобилась. Колоброд сам посадил Ярогневу на Крутояр, где ее тут же обняли Всеволод с Верхуславой. Дый скинул с плеч горностаевую мантию и забот-

ливо укутал в нее промокшую до нитки княжну.

– Ты цела, дочка? – все еще не веря, спросил Всеволод.

– Цела, батюшка, – ответила Ярогнева. – А вот Шутиха сгинула без следа.

– Хоть бы и памяти по ней не осталось, – вставила Верху-слава. – Отдышись, доча, согрейся. Вон, как вся посинела.

– А я Черную книгу из реки выудил. Что с ней делать-то? – двумя пальчиками поднимая кожаный переплет, оповестил всех Лутоха.

Глава 19. Небесная охота

«Что же они так возятся? Быстрее надо!»

Превратившийся в призрачного волка Горихвост подскочил сзади к Перуну и легонько куснул его за сапог, чтобы тот не мешкал. Звериные челюсти смачно клацнули и зажевали толстое сафьяновое голенище, которое смялось, как будто было пустым.

«Вроде, хозяин на месте, а куснешь – не найдешь. Нет, не понять чудес этих горних миров!»

Пока Горихвост соображал над своей промашкой, боги, сопровождаемые целой толпой навых слуг, выходили из шатра, осторожно переступая через порог. Убава бросила протирать стол и побежала со всеми. Только тут волк пришел в себя и потянулся вослед.

«А Убава-то, Убава, так и лезет вперед! Ей что, больше всех надо? Или девка выслуживается, чтоб ее заприметили и в милость взяли?»

Горихвост поспешил за навкой, но едва выскочил за полог, как тут же чуть не схлопотал по лбу конским копытом в добрый пуд весом.

Государыня Мокошь подвела к шатру белого, как пушистое облако, скакуна. Этот конь и размерами был, словно облако – то сжимался, становился жилистым и поджарым, то

раздувался, как воздушный шар, становился невесомым и взлетал над лугом.

Убава и тут сунула нос – принялась ласкать коню морду, гриву, бока, как будто сто лет с ним водила знакомство. Увидев Перуна, облачный конь радостно заржал. Грозный князь подобрал лазурное корзно и лихо взлетел в седло. Узкое острие рогатины в его руках блеснуло такой опаской, что Горихвосту стало не по себе.

– Мирослав, Славомир, со мной! – зычно выкрикнул бог, сверкая синими глазами.

Оба стражника с готовностью натянули поводья своих коньков, казавшихся скромными и неприглядными рядом с облачным скакуном.

Богиня Мокошь подвела Убаву, обняла ее за плечи и погладила по плечам. И тотчас же из-за спины навки вырвались два белоснежных крыла, с такими огромными, легкими перьями, что она стала похожа на невиданную птицу.

На кожаную перчатку Перуна сел сокол с хищно изогнутым клювом.

– Вот теперь можно трогаться! – заключил старец Род.

Убава взмахнула белоснежными крыльями и взмыла ввысь. На черном, непроглядном фоне бескрайнего простора она казалась серебряным ангелом, разрезающим ночную тьму. Сокол сорвался с перчатки Перуна и устремился за ней, словно почуяв азарт близкой охоты. Горихвост глазом моргнуть не успел, как все три всадника – Перун на облач-

ном скакуне, и даже эти двое, Мирослав со Славомиром, пронесли мимо.

– Эй, песик! Ты остаться решил, или как? – насмешливо бросил Перун.

– Беги! – шлепнула волка Мокошь.

Вслед за ватагой охотников Горихвост подбежал к краю алмазной тверди и недоверчиво обнюхал его. Там, внизу, виднелось сплошное поле кучерявых облаков, неспешно плывущих по своим неведомым делам. До этого поля было еще дальше, чем от него до земли, и казалось совершенно немыслимым вот так просто взять да и спрыгнуть в эту бездонную высоту, наполненную только воздухом и свистом безудержных диких ветров.

Убава расхохоталась над нерешительностью волка, хлопнула его по загривку и так растопырила свои пушистые крылья, что заслонила едва не полнеба. Всего один шаг в пустоту – и она сорвалась в океан ветра, как отчаянный пловец со скалы ныряет в глубокое море.

Хорошо ей! Вон, крылья какие широкие. Так и несут ее, как на ковре-самолете. А у меня ковра нет, я если свалюсь – то кирдык. От меня и так ничего не осталось, кроме голой души, а как развеет ее ветерок – так и от той даже запаха не почувешь.

Убава заложила невероятный вираж и взмыла над краем небес.

– Эй, волчок! Ходь ко мне. Порезвимся на просторе! –

захохотала она, порхая над его головой.

Издевается, ветреница. Давно ли ныла, вертя козым хвостом: мол, такая я горемычная, душа заблудшая, сжальтесь-помилуйте, хоть вы, боги, хоть ты, призрак навъего мужа. А теперь веселится, как будто всю жизнь прожила тут, на небе. Один час райской жизни – и ты здесь, как родная. Видать, к хорошему просто привыкнуть. А вот я до сих пор не привык.

И, будто в подтверждение его мыслей, сразу с двух сторон рядом с ним пронеслись кони стражников, Мирослава и Славомира. Только ветер в ушах засвистел.

Белоснежный конь Перуна едва не двинул его копытом. Алмазные подковы ударили о край неба и высекли из прозрачных кристаллов искры, брызнувшие в глаза. Позолоченные шляпки на гвоздиках, вбитых в подковы, сверкнули и тут же пронеслись мимо. Край лазурного корзна из прозрачного шелка скользнул по волчьему носу и раздулся на ветру, превращаясь в подобие паруса.

Небесный всадник, сжавший в деснице рогатину, спрыгнул с алмазной тверди и уверенно направил коня вниз, к далеким облачным пажитям. Сокол над его головой сложил крылья и стрелой бросился следом, словно пикируя на добычу.

Горихвост поджал хвост. Высоко! Что ж такое? Я один тут остался? А еще сам всех звал быстрее на помощь. Нет, нельзя отставать. Будь, что будет!

Он зажмурил глаза и прыгнул с края небес. Душа захладела, голову замутило. Но, на его удивление, он не падал, как камень, а лишь мягко парил, как самое легкое перышко.

С души разом упал тяжкий груз. Горихвост повеселел и хищно щелкнул зубами. А ватага охотников уже приземлилась на верхний край облаков – отсюда, с высоты, хорошо было видно, как ловко скользит Перунов конь между облачными торосами, подсвеченными лучами низкого солнца.

Волк выбрал полянку на самой большой туче и направился на нее. Лапы коснулись кучерявой поверхности, но, вместо того, чтобы мягко спружинить, провалились и начали погружаться в липкое марево.

Непроглядная мгла окутала Горихвоста. Вокруг не было видно ни зги, стало душно, тоскливо и мрачно. Волк перестал ощущать свои лапы и хвост – ему показалось, будто они слились с окружающим сумраком, превратились в одно целое с этой тучей. Чего доброго, так и останусь частью душевного тумана – до тех пор, пока ветер не развеет его по поднебесью...

Эта мысль до того напугала его, что он изо всех сил заработал лапами и завертел головой. Какое облегчение, что те еще подчинялись. Однако судорожные движения привели к совершенно неожиданному результату.

Хлоп! – и Горихвост влетел лбом во что-то твердое и очень холодное, отчего его душа едва не заледенела.

Что тут такое? Что может быть твердого посреди этой мут-

ной хмари?

Его лапы заскользили вниз по ледяной стенке, уходящей вниз крутой горкой. Не успел он сообразить, что происходит, как со всего маху плюхнулся в студеную воду, по поверхности которой плавали острые льдинки. Холод сковал его до такой степени, что лапы онемели и перестали шевелиться. Шерсть намокла и встала торчком, превращаясь в сосульки.

– Вот забот не хватало! – раздался снаружи, из-за тучи, досадливый возглас Перуна. – Куда подевался наш песик? Ищите его, а не то опоздаем.

Горихвост прижал уши и стыдливо завыл – сначала тихонько, как будто стесняясь, затем громче и громче. Его вой отразился от ледяной чаши, зазвенел и разнесся по поднебесью, многократно умножившись. Будто целая стая затянула разом волчью песню, сзывая собратьев на помощь.

– Кажись, наш волчок угодил в горние воды! – слышался сверху насмешливый голос Убавы.

Широкие взмахи крыльев отбросили тень на хмурую пелену, окутавшую Горихвоста. Острые лучи солнца пронзили мглу и высветили ледяную стенку, рядом с которой бултыхалась вода. Волк вонзил когти в лед, чтобы удержаться на плаву, и ошалело завертел головой.

Это что, чаша? Из прозрачного льда? Мне не мерещится? И я прямо внутри, как муха, свалившаяся в вино?

– Нашла! Здесь он! – голосила Убава из-за облачной пелены.

Горихвост почувствовал, как рука в жесткой перчатке ухватила его за шкурку и потянула наружу. Золотистые лучи солнца ударили в глаза так резко, что пришлось зажмуриться. Перун встряхнул его, как щенка, и громогласно расхохотался.

– Смотрите на нашего песика! Едва не окочурился! Дрожит, как цуцик! – потешался небесный князь.

Горихвост разозлился и попытался тяпнуть спасителя за палец, но челюсти не слушались и отказывались подчиняться. Его и в самом деле колотила мелкая дрожь.

– К-куда я попал? – заикаясь, выпалил он.

– В чашу с дождевой влагой, – не переставая смеяться, ответил Перун. – Только тебе могло прийти на ум в ней искупаться. Надо же – угодил в самую сердцевину грозовой тучи! Кому еще так везет?

Ледяные капли до сих пор стекали с продрогшей шкуры. Бог поставил его на верхний край облака. Горихвост осторожно опустился на лапы, боясь вновь провалиться, но на этот раз обнаружил, что держаться на облаке – не так уж и трудно, достаточно не нырять и не пытаться зарыться носом в туманную пелену.

– Ничего! – подбодрил его Перун. – С непривычки по облакам бегать не у всех получается. Для первого раза ты держишься неплохо. А теперь не отставай!

Лазурное корзно бога раздувалось от ветра, как парус ладьи. Багряная попона с золотой бахромой колыхалась на кон-

ском крупе, отражая солнечные лучи, которые падали на облака и красили их в розовый с золотом цвет. На боку князя бряцала секира, притороченная к седельной сумке, а в руке он вздымал рогатину, и Горихвосту казалось счастьем, что ее острый наконечник нацелен не на него.

Убава вспорхнула над его головой и унеслась вперед. Горихвост недоверчиво тронул лапой мягкий краешек белого поля. Подушечка на его лапе отскочила от облака. И он ринулся прямо на запад – навстречу льющимся лучам солнца, застывшего в небе, как будто само время остановилось и замерло.

*

Дикий лес глухо стонал, все глубже и глубже погружаясь в мутный водоворот. Грязная пена поднималась к вершинам деревьев и лопалась от огня, пожирающего ветви. В то время как стволы и корни утопали в воде, верхушки трещали, охваченные пожаром. Пламя спорило с потоком, кому достанется лес, и торопилось забрать свою долю, пока добыча не оказалась на дне.

Могучий Мироствол в одиночку сопротивлялся стихиям. Веверица выскочила из дупла и едва не свалилась в воду, которая добралась до ее жилища. Зверек ринулся вверх, цепляясь коготками за борозды в старой коре, взобрался на нижнюю ветвь, подобрал пушистый хвост и возмущенно завере-

шал, жалуясь на бесчинство враждебных сил.

Отсюда, с ветвей Древа миров, было хорошо видно, как уходят под воду остатки Гремячего дола. Хмуρο жались друг к другу холмы на берегу разбушевавшейся Змейки.

За Девичьим полем, в южной дали, поднимались из воды крыши княжеских теремов и господских хором, в которых не осталось ни души. Вода поглотила их нижние клетки и медленно, но упорно подбиралась к светлицам. На этот разгул угрюмо взирала громада Сторожевой башни, оказавшейся самым высоким строением в округе. Стаи галок, голубей и ворон перемешались на ее верхней площадке. Каменная машина казалась непотопляемой, и тут было бы безопасно, однако водовороты закрутились вокруг башни с такой яростью, что добраться до нее стало почти невозможно. И последним островком суши, на котором еще копошилась жизнь, выглядел Крутояр с Ветхим капищем, утыканным кумирами древних божеств.

Нежата замер, вглядываясь в западный край неба, где сквозь густую облачную пелену пробивались последние солнечные лучи.

– Смотрите, солнце не движется! – с тревогой предупредил он. – Никогда прежде такого не видел. Чтоб свет стоял вечером, не шелохнувшись? Да что ж это творится?

– Зато на востоке небо зашевелилось! – откликнулся на его зов Лутоха.

Князь оторвал взгляд от поля, залитого мутной водой. Да-

леко-далеко, у самого края небес, показалась тяжелая грозовая туча. Она неслась, заслоняя небо и разгоняя легкие белые облачка, беззаботно плывущие над землей. До слуха докатились приглушенные раскаты грома – как будто небесное воинство разом ударило в барабаны, изготовившись к бою.

– Быти грому великому! Дождю быти! – ликуя, возвестил Лутоха.

– Чему радуешься, дуралей? – осадил его Нежата. – Этот дождь всех нас смое.

– Еще посмотрим, кого он смое, – не согласился юродивый.

Князь в сомнении покачал головой, не зная, кто из них прав.

Один только змей не желал замечать этих жалких надежд. Он сделал круг над островом, в который превратилось капище, и сообразил, что людям некуда деться. Они метались перед ним, как муравьи на растревоженной горке. Со всех сторон островок окружала вода, и она поднималась все выше и выше. Спасение становилось немислимым, и змей уже предвкушал, как дунет на них огнем, отправив тела к небесам, а души – в тридешатое пекло.

Но там, среди этих людишек, скрывалась и та, что его разбудила. Та самая дева, чья капля крови вдохнула в чудовище новую жизнь. «Она предназначена мне в жертву, – пульсировали мысли в змеиной голове. – И я получу свое. Это – мое древнее право. Добычу никто у меня не отнимет!»

Он пролетел низко над капищем, высматривая свою жертву, но мелкие муравьишки попрятались, как будто каменные истуканы могли их защитить. Змей уже порезвился вволю и чувствовал голод. Но это был голод не по плоти и крови.

Языки пламени в его оперении из ярко-оранжевых становились багровыми, как тлеющие угольки. Чешуя истончалась и переставала брэнчать от того, что чешуйки стучались друг о друга при каждом движении.

«Нужно срочно глотнуть огоньку!» – вот что чувствовал змей, пролетая над капищем и опалая кумиров гарью. Поэтому он устремился не к людям, а к Змеиной горе, продолжающей извергать смесь камней, пепла и вязко-текучей лавы. Хищник нырнул в самое жерло вулкана и с наслаждением погрузился в лавовый поток, питающий его своей силой.

Зловещая черная туча росла на горизонте, уже начиная сверкать извилистыми уколами молний. На ее вершине клубились тени, похожие на небесного всадника в окружении охотников. Нежата выбрался из-под опаленной статуи Перуна, приложил ладонь к бровям и воскликнул:

– Вижу белую птицу! Вона, как крыльями машет!

– Это не птица, – поправил его Лутоха.

– А кто тогда?

– Небесная берегиня!

– У юродивых – половина ума! – с досадой гаркнул княжеский кметь, отмахиваясь от нищего, как от назойливой мухи.

Дракон выполз из кипящего жерла и взмыл ввысь. Он на-

слаждался силой и властью. Впитав пламя дышущей горы, он стал намного могущественней. Его крылья переливались всеми цветами жара, от огненно-алого до слепяще-белого. Сумерки быстро сгущались, но не от того, что солнце уходило к Вечернему морю, как ему было положено в этот поздний час. Как раз наоборот – светило продолжало висеть, словно прибитое к небу гвоздем. А вот тучи над головой становились все гуще и гуще, отчего угасал свет и холодило хребет.

Но змея не беспокоило то, что творилось над его головой. Гораздо приятнее было смотреть, как мелькает в пенных волнах отражение его желтого брюха, покрытого огненной чешуей. Длинный изогнутый хвост с острым шипом на конце, изящный изгиб алых крыльев, и шея с костистым гребнем, угрожающим небесам десятками игольчатых стрел – что может быть великолепнее этого древнего зрелища, которого мир людей не видел уже много веков?

Дракон спикировал и полыхнул огнем на мельницу, уже порядком расшатанную водоворотом. Крыша ее мигом вспыхнула, колесо сорвалось и покатило в воде. Поток ошалевшей Змейки подхватил колесо и потащил его к омуту. Попав в водоворот, оно завалилось набок и завертелось, как будто снизу, из глубины, кто-то насадил его на невидимую ось и принялся вращать, как волчок в ловких пальцах. Удовлетворенное чудище развернулось и обратило свой взор на Крутояр – туда, где за кумирами капища прятались уцелевшие люди. Вот и настал их черед!

Змей рассек хвостом воздух и устремился на них.

– Все пропало, все пропало! – носился по капищу Щеробор, забыв о больной ноге.

– Укройтесь! Быстро! – выкрикнул Нежата, глядя на небо, с которого резко пикировал вертящийся клубок пламени.

Но укрываться на выжженном капище было негде – лишь перекошенные кумиры глядели в небеса своими каменными глазами, да повалившийся тын из обветшалых бревен пускал вверх струйки дыма. Всеволод обнял жену и дочь, словно надеясь закрыть их от надвигающейся беды.

– Не смотри туда, доченька! – вымолвила Верхуслава и попыталась заслонить лицо Ярогневы ладонью.

Однако княжна бесстрашно взглянула в небо и ответила:

– Не стану я прятать взгляда! Если приблизится смерть – я хочу посмотреть ей в глаза!

Пышущая жаром чешуя пронеслась над их головами, опалив волосы.

– Высматривает добычу. Первой жертву свою хочет взять, – смекнул староста.

В этот миг со Сторожевой башни донесся пронзительный крик. Щеробор подпрыгнул над горящим тыном, замахал руками и завопил в ответ:

– Сюда! К нам!

– Ты кого зовешь, остолоп? – накинулся на него Нежата. – Мало тебе гада летучего?

Но крик исходил не от змея. На ровной площадке камен-

ной башни, возвышающейся над водой, подскакивал и голосил во всю глотку Звяга. Его мятый кожух отсырел и разбрызгивал капли – как видно, псарю пришлось искупаться, прежде чем он смог выбраться из подвала, в котором был заперт. Об этом же говорили и обрывки веревок на его грязных запястьях – руки пленного до сих пор были опутаны ими, и только длинные концы болтались, как у огородного пугала.

– Вот те на! Про Звягу-то мы и забыли! – хлопнул себя по лбу Нежата.

– Что с ним станется? – хмуро откликнулся Дый. – Он сам выпутался. Видать, перегрыз веревки.

– Заберите меня отсюда! – через залитое водой поле орал псарь.

Лесной царь переглянулся с князем.

– Как мы его заберем? – сморщился Всеволод. – От нас самих скоро одни пуговицы останутся.

– Спасите! – не унимался псарь, продолжая прыгать и размахивать длинными ручищами. – Не дайте пропасть!

– Кабы была у нас лодка – забрали бы, – озадаченно почесал всклокоченную шевелюру Нежата.

– Кабы была у нас лодка – сами удрали бы! – возразил Щеробор.

– Змей опять налетает! Держитесь! – прозвенел голос Лутохи.

Дракон сделал круг над Крутояром и приготовился к новой атаке, но крики со Сторожевой башни отвлекли его. Он

разглядел мокрого человечка, который метался по ровной площадке, не находя себе места. Человечек подскакивал, голосил и размахивал сырым кожухом, надеясь привлечь внимание.

И это ему удалось. На миг змей позабыл о своей жертве и направился к новой цели. Этот маленький муравей так смешно прыгал, так махал своей шкуркой! Любопытство смешалось с игривым настроением – дракон чувствовал, что он тут хозяин, и ни одно из этих жалких созданий не уйдет от него.

Змей отклонился от капища и, перелетев через водный поток, опустился на краю башенной площадки, как будто нарочно приспособленной под драконий насест. Вонючий кожух в руках крикуна мигом просох. Псарь обомлел, перестал прыгать, и попятился к противоположному краю башни. Змей сложил крылья, хлопнул хвостом, и вытянул к этой смешной жертве шею. В его прямоугольных зрачках отразилось перекошенное лицо Звяги, почувывшего погибель.

– Прыгай, дурень! Спасайся! – закричал издали Нежата.

Его голос едва доносился через пенное поле, но Звяга сообразил, что делать, и без подсказок. Он повернулся к змею спиной, пробежал несколько шагов и сиганул с края площадки в бурлящие воды потопа.

Змей с удовольствием распахнул пасть, и окатил летящего вниз головой муравья такой густой волной дыма и пламени, что огонь на миг скрыл от глаз и падающую фигурку, и

зажатый в ее руках кожух.

Ярогнева зажмурилась и отвернулась. Князь же, напротив, во все глаза смотрел на то, как обгорелые останки псаря плюхаются в воду, и водоворот затягивает на дно клочки кожуха, распавшегося на ошметки.

– Сейчас и с нами так будет, – угрюмо подвел итог Дый.

Больше ничто не мешало змею расправиться с мелкими тварями, возомнившими себя новыми хозяевами земли. Он взмыл под тяжелые тучи, сковавшие небо, вытянулся в струну, и ястребом полетел вниз, прямо к капищу. Деревенские бабы в один голос взвыли и принялись разбежаться, но змей нацелился не на них. Чутье вело его прямо к жертве, кровь которой его разбудила. Она, худая, тонкая дочка местного князя, видать, возомнила себя бессмертной. Вместо того, чтобы залезть с головой под остатки забора, или хотя бы метнуться в сторону, как сделали все мало-мальски разумные люди, она бросилась по центральной аллее, вдоль которой стояли кумиры.

Змей почувствовал наслаждение. Какая чудесная охота! Он и мечтать не мог, что представится такой редкий случай: не просто взять свою жертву, а сделать это красиво, в полете, прочертив над аллеей идеальную линию, по прямоте не уступающую грани алмаза.

Глупая добыча даже не думала прятаться. Она добежала до конца ровной тропы и уперлась в срединный столб с нахлобученным конским черепом. Даже сейчас у нее оставался

шанс юркнуть в сторону и попытаться спастись, но она встала, как вкопанная. Деревенские бабы в этот миг с визгом и оханьем прятали под кустами и бревнами своих розовощеких детей, а добыча только прижалась спиной к холодному камню и уставилась на огненного ящера такими же холодными, синими глазками, как будто надеясь сковать льдом его пламя.

Змей привык все делать быстро, стремительно, но сейчас ему хотелось продлить удовольствие. Он опустился на землю, выжигая на ней полосу черной гари, и пополз прямо к деве, вытягивая вперед шею, разевая пасть и шипя.

Дракон дотянулся до ее лица и попытался лизнуть ее языком. И надо же, какая досада! Как раз в этот сладостный миг кто-то куснул его за кончик хвоста. Вот найдутся же такие вредители, которые помешают в самый приятный момент!

Змей скрутил свою длинную шею и обернулся, горя желанием растерзать того, кто вмешался в столь неподходящее время. И увидел прозрачного волка, похожего скорее на привидение, чем на существо из настоящего мира.

Волку приходилось туго. Даже призрачная душа не выдерживала жара, исходящего от дракона. Она истончалась и испарялась, делая своего обладателя совсем слабеньким. Но он упорно лез на рожон, как будто ему больше всех было нужно.

– Горюня! Я знала, что ты не пропадешь насовсем! – закричала дурная жертва.

В этот момент в бок змея вонзилась острая сулица, бро-

шенная ловкой рукой опытного загонщика. Непробиваемая чешуя задержала ее, но все равно неприятно – как будто иголку воткнули. Кто там еще безобразничает?

Не так-то просто вертеть головой, находясь на земле. Простор ограничен, шеей не пошевелишь, развернуться негде. Прошло несколько драгоценных мгновений, прежде чем змей выгнулся в другую сторону и осмотрелся.

Что за напасть? Еще и тут пара новых пришельцев. Двое всадников бросают короткие копья, норовя засадить их под дых, где чешуйки потоньше, а огни послабее. Тоже призраки-навьи. И эти туда же: так и лезут под тяжелую лапу, так и напрашиваются на расправу!

Только бы жертва никуда не сбежала!

Змей снова вытянул шею и увидел, как прямо перед его мордой опускается с неба летучая дева с огромными крыльями, настолько широкими, что за ними не видно разлившейся речки. Эта летучая тварь заслонила княжну белесыми перьями, как будто не давая ее в обиду. Тоже нашлась берегиня! Дуну – дымка от тебя не останется!

И опять дурной волк ухитрился цапнуть за хвост, пусть и ценой пары зубов. «А ведь больно! Ты же сам зверь, и сам знаешь правило: хвост – не трогать! Ну, пеняйте на себя! Вы меня разозлили! Сначала вас поपालю, а после сожру вашу княжну!»

И тут случилось то, чего змей никак не ожидал. Слепительная извилина молнии вырвалась из грозовой тучи и вон-

зилаась ему в хребет, пробив дыру, сквозь которую проступила горелая проплешина почвы. Змей надломился и плюхнулся брюхом на почерневшую траву, которая зашипела и задымилась. Ошеломленную княжну берегиня быстро повлекла прочь-подальше.

Из тучи выскочил небесный всадник на белоснежном коне. Рогатина, молнией пронзившая змея, выскочила из земли и вернулась ему в ладонь. Конь почувал нестерпимый жар, исходящий от змея, заржал и встал на дыбы. Всадник удержался в седле и начал нацеливать свое оружие на аспида, чтобы еще раз пронзить его насквозь.

Ящер не стал дожидаться. Алые языки пламени вспыхнули и мгновенно затянули рану, пробитую небесным жалом. Хребет снова стал гибким, змей распрямился и пыхнул на бога огнем. Лазурное корзно на всаднике вспыхнуло, золотистая бахрома конской попоны обуглилась и почернела.

Испуганный конь подскочил высоко вверх, но всадник справился с ним и заставил слушаться. Рогатина вырвалась из его перчатки и понеслась змею в голову. Тот ловко вывернулся, и вторая молния обуглила землю прямо перед срединным столбом – как раз там, откуда Убава только что увела Ярогневу.

Змей разъярился и прыгнул за всадником, пытаясь выпиться зубами в брюхо коня. Конь опрокинулся, едва не выбросив наездника из седла, но Перун сдюжил и даже успел подхватить рогатину, которая снова легла ему в руку.

Оба противника – змей и бог – закружились в неистовой пляске, пытаясь отыскать друг у друга уязвимое место.

Горихвост потерял Ярогневу из виду. Молнии сыпались сверху одна за другой, гром оглушал чуткий слух. Раз за разом Перунова рогатина пробивала в гибком змеином теле дыры, и раз за разом они затягивались огненной дымкой. Змей мгновенно приходил в себя, изгибался, и, как ни в чем не бывало, бросался в атаку.

Ворон Хорохор не выдержал этой свистопляски, сорвался с плеча Дыя и начал носиться между огненных струй, хрипло каркая:

– Гром! Гарь! Не выдержать! Всем хана!

Острая искорка угодила ему в крыло, и он, как подбитый, рухнул в ладони Лесного царя, который и сам не знал, куда деться от бури. Но и с подбитым крылом ворон не утомился, а продолжал оглашать капище своим хриплым граем, только усиливающим всеобщее смятение.

Горихвост метнулся к столбу, чтобы найти след любимой, но как раз в этот миг рогатина снова вернулась в десницу Перуна. Широкий взмах, бросок – и острие рогатины сверкнуло, как синяя спица, и распалось на множество ответвлений, каждое из которых нашло щель между чешуйками змея. Громоподобный грохот ударил в уши, одна из молний попала в столб и сбила обугленный лошадиный череп, а четырехгранный камень раскололся на половинки, каждая из которых мгновенно почернела и ушла в землю. И все это прямо перед носом

волка, который даже приплюхаться не успел!

Сквозь тяжелые тучи солнца не было видно. Тьма сгустилась, как ночью, но ее каждый миг прорезали вспышки молний и драконье пламя. Огонь отражался в черной воде, и казалось, будто бой идет одновременно и сверху, и снизу, а люди приплюснуты посередине, как между молотом и наковальней.

Еще одна молниеносная вспышка – и Горихвост наконец разглядел, куда все подевались. Дый – вот молодчина! – отвел всех на самый край Крутояра, подальше от взрывов. Леший Распут загородил всех своими ручищами, рубище из грубой холстины на нем задымилось, дырявая шапка того и гляди загорится. Упырь подтянул под себя хвост и вжался в землю – даже он не решался посмотреть в небеса, чего уж об остальных говорить? Громадный Сиводур, и тот набрал в грудь побольше воздуха и нырнул, чтоб только не высываться из воды. И в середине этой компании – жалкая кучка людей во главе с Всеволодом и Верхуславой.

Вспышка молнии – и рядом с отцом мелькнуло лицо Ярогневы. Отчего оно синее? Или это молонья так ее подсветила?

В пылу боя Перун позабыл обо всем. Его рогатина так и втыкалась в землю. Повалились истуканы Сварога и Рода, Велеса и Хорса, Ярилы и Лады. Раскат грома – и огненная проплешина сожгла остатки травы у самых ног князя.

Горихвост потерял ощущение времени. Он увидел, как на

сжавшихся, дрожащих людей опустилась Убава и окутала их своими широкими крыльями. Молнии посыпались справа и слева, крылья берегини затрепетали, но выдержали напор.

Он метнулся к ней, чтобы помочь.

– Я долго не продержусь! – выкрикнула берегиня. – Уводи битву в сторону!

Горихвост зарычал от бессилия. Когда бьются великие, малым лучше к ним не соваться. Призрачный волк подскокил к мятущемуся всаднику и пролаял:

– Господине, уйди прочь, иначе людей погубишь!

Перун даже не оглянулся – змей как раз в этот миг налетел на него, разевая огромную пасть и норовя ударить шипом на конце хвоста.

– Господине, не сыпь молнии – люди не выдержат! – проорал Горихвост, но белый конь так скакнул, что едва не раскроил ему череп алмазной подковой.

Рогатина пронеслась у него над ушами, пробила змеиное тело и воткнулась в землю, отчего островок затрясся, а последние из уцелевших кумиров попадали. Воспользовавшись мгновением, пока раненый змей приходил в себя, Перун резко поддал сапогом в бок коня. Конь набросился на противника и принялся топтать его копытами, затрещавшими от напряжения. Всадник примерился для удара, но рогатина не успела вернуться в его ладонь, и он с досадой наблюдал, как рваная рана в броне змея затягивается, и противник опять оживает.

Пролетев мимо Горихвоста, конь повернулся к нему крупом. Длинный, повисший космами лошадиный хвост заметался перед глазами.

– Ну, дождетесь вы у меня! – зарычал Горихвост и вцепился в этот белесую метелку зубами.

Не ожидавший такого подвоха конь дико заржал, поднялся на дыбы и резко скакнул ввысь. Всадник едва не свалился, вцепился руками в лошадиную шею и припал лицом к гриве. Скакун вознес его под нижний край туч, нависших над островом.

Рана змея как раз в этот миг затянулась, он хищно клацнул зубами и понесся догонять противника. Оба борца вновь сошлись в схватке, но теперь они оказались высоко-высоко – там, где клубились грозовые тучи. Вспыхнул огонь, молнии снова засверкали, но на этот раз они посыпались вдали от острова, попадая то в воду, то в верхушки горящих деревьев.

Убава с облегчением сложила крылья, а люди перевели дух, хотя гром продолжал грохотать над их головами.

Все взоры устремились ввысь. Всеволод, Воропай, Верхуслава задрали головы, чтобы получше рассмотреть, что происходит в поднебесье, однако оттуда виднелись лишь яркие вспышки огней и доносились оглушительные раскаты.

Змей пустил в ход последнюю уловку, которую приберегал на крайний случай. Он совершил в воздухе ловкий переворот и подставил Перуну желтое брюхо. Короткие лапы с острыми когтями вытянулись вперед, словно намерева-

ьясь подловить противника. Перун увидел, что ящера можно ткнуть рогатиной прямо в нутро, и, не раздумывая, направил коня вперед.

– Берегись! – рявкнул Горихвост, но его слабый возглас потонул в громовых раскатах.

Змей расчетливо выждал, пока всадник приблизится на уязвимое расстояние и забудет об осторожности. С драконьих когтей сорвались железные стрелы и дождем осыпали горнего витязя и его коня. Острые наконечники прорвали корзно Перуна, оставили дырки в конской попоне и срезали роскошную бахрому. Одна из стрел разбила в щепы задник седла, другая угодила коню в переднюю ногу, отчего тот захромал и сбавил ход.

Перун распахнул корзно – под ним показалась прочная кольчуга со стальными пластинами на груди. Драконьи когти оставили на пластинах глубокие вмятины, но пробить их насквозь не смогли. Однако их жестких ударов хватило, чтобы ошеломить всадника и сбить ему дыхание. Секиру, притороченную к седлу, сорвало, но оглушенный витязь успел подхватить ее левой рукой.

Люди на капище, задравшие головы и наблюдающие за боем, в один голос вскрикнули, словно драконьи стрелы ужалили их самих.

Конь споткнулся и припал на переднюю ногу. Всадник едва не вылетел из седла.

– Дружок, потерпи чуток, – зашептал он коню на ухо. –

Сейчас подберемся поближе, и я наконец уязвлю это чудище.

Горихвост ясно увидел, что Перун задумал предпринять решительную попытку победить змея. Скакать на коне, как прежде, было уже невозможно. Скакун послушался хозяина, собрался с силами и приблизился к чудовищу, но резвости у него поубавилось, и рассчитывать приходилось лишь на один точный бросок.

Дракон, как нарочно, выжидал и готовился к сближению. Он распахивал пасть и высовывал длинное жало, раздвоенное на конце. Но пламя больше не вырывалось из его глотки – то ли и он копил силы, чтобы пыхнуть по-настоящему, то ли боялся испугнуть врага, который сам шел на съедение.

Расстояние между противниками стало опасным: Перун подъехал почти вплотную, без суеты нацелился и метнул рогатину прямо в разинутую драконью пасть. Бросок оказался метким: острое вошло змею в рот, рассекло высунутый язык и пробило насквозь нижнюю челюсть, отчего ящер вспыхнул багрянцем и засиял, как новорожденная звезда.

Древко рогатины застряло в пробитой челюсти. Змей замотал головой, пытаясь избавиться от занозы, но отчаянные телодвижения лишь причиняли ему нестерпимую боль. Лихорадочные огоньки побежали по его чешуе.

Зрители с капища возликовали. Лутоха сорвал с тела дражное рубище и швырнул его в воздух. Дый стиснул в медвежьих объятьях князя, а Верхуслава прижала к себе Ярогневу. Леший Распут заплясал на одной ноге, широко растопы-

ривая руки-сучья, и даже вредина-русалка зашла в пронзительном визге, выражающем высшую радость.

– Наконец-то! – облегченно вздохнул Воропай. – После такого чудище уже не очухается.

– Рана должна быть смертельной, – авторитетно подтвердил Нежата и от избытка чувств хлопнул старосту по спине.

– Победа! – заголосил Щеробор, вылезая из-под забора.

– Погодите праздновать! – каркнул ворон.

Он оказался единственным, кто не поддался всеобщему ликованию. Перебитое крыло не позволяло Хорохору как следует двигаться, и от того он сидел на поваленном истукане и продолжал смотреть в небо, пока другие предавались веселью.

Ящер рывком сомкнул челюсти и перекусил древко, застрявшее в его пасти. Рогатина треснула и переломилась. По ее обломкам пробежали струйки огня. Змей изогнул шею и так резко потрянул головой, что обломки выпали, и, догорая, понеслись вниз, к реке.

Горихвост только и успел, что проводить их взглядом. В темной воде отразились полыхающие щепы. Обломок потяжелее, со стальным наконечником в виде острого жала, плюхнулся неподалеку и обдал волка брызгами. Раскаленная сталь зашипела и погрузилась на дно.

Радостные голоса мигом смолкли. Повисла тяжелая, напряженная тишина. Затих гром, извилистые линии молний перестали разрезать темные небеса.

– Что теперь? Все пропало? – растерянно задал вопрос Щеробор. – Выходит, плакала наша победа?

Никто ему не ответил.

Дракон повеселел. Лихорадочные огоньки перестали пробегать по его чешуе, он засиял ровным ало-оранжевым пламенем, как будто новые силы наполнили его изнутри. Острые иглы на его гребне встали дыбом, он извернулся и бросился в нападение, пытаясь кольцом охватить и зажать коня с всадником. Перун едва успел выскочить из этого огненного капкана. Он взмыл высоко вверх, к грозовой туче, нырнул в ее пороховые клубы и скрылся в непроглядной мгле.

Князь сжал ладонь Дыя и оглянулся на своего верного кметя, словно ища у него поддержки. Нежата покрутил ус, отвел в сторону взгляд и глухо вымолвил:

– Бой проигран.

Раскрасневшаяся Ярогнева нахмурилась, ее лицо потемнело.

Змей метнулся под тучу, преследуя всадника, но залезть в ее мрак не решился, боясь, что не сможет в нем ничего разглядеть. Вместо этого он принялся носиться по поднебесью и вертеться волчком, пытаясь ухватить себя за кончик хвоста. В этот миг он походил на узор клейма, которым Курдюм прижег Горихвоста.

– Ишь, ликует, – осудил его Лутоха. – Это он радость свою показывает. Когда змея за хвост себя пытается укусить – значит, сильно удовлетворена.

– А чего делать-то? – завопил Щеробор. – Куда всем теперь? В воду или в огонь?

Ветер в поднебесье начал жутко свистеть и превратился в смерч, переходящий в огненную свистопляску. Нижний край туч окрасился алыми сполохами, как будто на них проступила кровь.

Горихвост зарычал и взмыл над Каповым Середицем. Им овладела одна мысль: разыскать бога-воина, так позорно покинувшего поле боя, и заставить вернуться в сражение.

«Не знаю, как это устроить. Делай, что хочешь – хоть зубами рви, хоть царапайся и кусай – но Перун должен вернуться. Иначе все было напрасно! – эта мысль затмила угасшие чувства. – Как ты мог сдаться? Как мог спрятаться от врага? Ты же бог! Ты – хозяин грозы! Князь небесной дружины! Если ты бежишь – то как быть остальным?»

Горихвост увернулся от танцующего ящера и влетел в тучу. Тут и в самом деле было не продохнуть. Даже собственного носа не видно – плыви, куда хочешь, пока не наткнешься на что-нибудь. И не придумаешь лучшего места, если в прятки захочется поиграть. Нет ни молний, ни грома, только ватная тишина. И сквозь вату – глухой стук копыт. Ага, вот ты где, храбрец на белом коне!

Горихвост засучил лапами, но призраку двигаться среди тучи – все равно, что плыть под водой. Вроде, шевелишься изо всех сил, а продвигаешься еле-еле. Хорошо, что и сбежавший всадник застрял среди этой вязкой ваты. Волк

не столько услышал ушами, сколько почувствовал нюхом, где тот скрывается.

Вот ты и попался мне, подлый трус! А еще называл себя горным витязем! И за что? За то, что прячешься от врага в облаках?

Конь хромал – Горихвост распознал это по тому, как вяло стучало копыто. Даже сквозь пелену удалось быстро догнать его. Волк накинулся на лошадиный круп, но облачное животное, едва не растворившееся в плотной туче, не занимало его. Всадник – вот, кто должен был ответить за грех трусости!

– А ну, стой! – гневно зарычал Горихвост, впиваясь когтями в кольчугу Перуна. – Стыдно смотреть на тебя: драпаешь, как мышь от кота! Еще не поздно спасти честь. Вернись в бой. Не можешь победить – так хоть погибни с достоинством!

– Дурак! – обернулся к нему всадник, и тяжелой рукой в жесткой перчатке сбросил с изломанного седла.

Горихвост отцепился, но остался висеть рядом в облаке. Дырявое корзно Перуна колыхалось перед его носом. Он зарычал от ярости и впился зубами в лазурную полу. Всадник сбросил ненужную паволоку и сердито выкрикнул:

– Ты мне только мешаешь! Отстань!

– Я тебе так отстану, что ты век не забудешь! – пообещал волк.

Перун поднял секиру – единственное оружие, оставшееся

в него в руках.

Ах, ты так, значит? Решил топором меня сечь? Вот до чего довела тебя подлая трусость, изменник!

Горихвост резко дернулся вслед за теряющимся во мгле всадником, и тут же вклеился лбом в ледяную стену. Холодная капелька чистой воды упала на разгоряченный нос.

Это еще что? Со мной такое уже бывало. Я что, второй раз попадаюсь? Вот тебе и волк: ничему опыт не учит!

Его лапы прижались к покатоному боку сосуда. Сомнений не оставалось: это огромная ледяная чаша с дождевой влагой, собранной внутри тучи. Снова она у меня на пути, и как раз в самый неподходящий момент!

Горихвост зарычал от досады.

– Посторонись, зверь! – раздался из мглы голос Перуна.

Что значит «посторонись»? Куда тут «сторониться»? Здесь же сплошная чернильная хмарь, сквозь которую ничего не разглядишь. Сам-то ты где, горе-войка? Что затеял?

Всадник вынырнул из темноты. В деснице зажата секира. Ладонь поднялась вверх – видать, для того, чтобы рубануть изо всех сил. Ну, давай, рубани. Я же не змей. Меня сечь не страшно, я огнем не дышу.

Горихвост съежился, прижал уши к макушке, подтянул хвост. Конь набрал полный ход. Где твоя хромота? Залечил рану в облаке?

Деться некуда. Во мгле от всадника не сбежать. Волк замурился, ожидая удара по темени.

Острый звон – прямо над головой. Ледяные осколки, как иглы, впиваются в тело. Вода хлещет потоком, словно начался потоп. И здесь потоп? Здесь же небо.

Горихвост распахнул глаза во всю ширь. Темная мгла поредела. Ледяная чаша расколота надвое, а Перун продолжает рубить ее своей секирой, да еще с такой яростью, будто она и есть его главный враг.

Дзинь! – и отколот огромный кусок хрусталя. Рушится ледяная стена, и новые потоки дождевой влаги вытекают наружу, развеивая облачную пелену. Вода собирается в зрелые капли, а те проливаются ливнем и устремляются струями к земле, где горящие кроны деревьев так ждут их.

Вот так ливень! Как будто запруду прорвало! А как же моя голова? Неужели цела?

– Эй, чего на дороге торчишь? – заорал прямо над ухом Перун. – Если не помогаешь, то хоть не путайся под ногами!

– А чего помогать-то? – растерянно пролепетал Горихвост.

– Лупи стенку! Ледышки разваливай!

И хрясь секирой по высокой ножке, поддерживающей чашу! Волчок едва успел отскочить. Ледяная ножка подломилась, расколотая чаша опрокинулась и завалилась набок. Стенки, уже порядком разбитые оружием Перуна, окончательно рассыпались на мелкие ледяные осколки, а те тут же рухнули вниз, накрывая дольний мир градом.

Град! Вот, что ты замышлял! А я тебя костерил! Эх, и

дурак же я после такого!

Крупные градины вывалились из тучи густой россыпью и усеяли огненную чешую чудовища, празднующего победу. Прикасаясь к пламенеющей броне, они коварно шипели и обжигали морозом. Ящер даже не понял, что за напасть вдруг обрушилась на него из облаков. Холод сковал его крылья, а ледяные осколки прожгли в них такие дыры, что змей едва удержался в полете.

Перун выпрыгнул из тучи, вздымая секиру, но змею было не до него. Вслед за ледяным градом на него обрушились потоки холодной воды. Влага гасила огонь, заставляя змея шипеть от злости. Пламя на его чешуе начало затухать, силы таяли с каждым мгновением.

Огненный вихрь, в котором кружилось его длинное тело, сначала замедлился, затем вовсе остановился. Перун на полном скаку подлетел и рассек его шею секирой – как раз в том месте, где она отходила от тулова.

Чешуя треснула, огоньки вспыхнули, но на этот раз они оказались слишком слабы, чтобы соединиться и слиться в единое пламя. В отличие от прежних атак, рана не смогла затянуться. Змей взревел от боли, как сто тысяч труб, и пустился наутек. Ему нужно было время, чтобы вернуть силы и дать ране зажить.

Однако Перун уже чувствовал, что противник сдает. Он понесся вдогонку, размахивая секирой и выкрикивая победный клич. Но облачный конь все еще прихрамывал и не мог

бежать быстро. Змей уходил от погони, и даже навьям Мирославу и Славомиру не удавалось его догнать.

«Нет, так не пойдет! От лошадей ты еще можешь упорхнуть. Но от меня не уйдешь!» – едва не рычал Горихвост, устремляясь в погоню.

Он повел себя, как вожак в волчьей стае, загоняющей дичь. Двигаться среди смерча и воя ветров было невероятно трудно, но он все же перегнал провисающий хвост чудища и поравнялся с основанием шеи. Рана зияла и вспыхивала огоньками, но разрубленные края чешуи так и не срослись. Минуту Горихвост бежал рядом, выбирая момент для прыжка, а потом резко скакнул и вонзился зубами в горячее горло ящера.

Он почувствовал, как пульсируют под броней жилы, по которым течет жидкое пламя. Змей мотнул головой и попытался сбросить его, но волк – бывалый охотник, и так просто от него не избавиться. Чудище заметалось – оно начало задыхаться и чахнуть. Пламя вырвалось из разорванных жил и ударило Горихвосту в глаза, так что он вынужден был зажмуриться, чтобы не потерять зрение. Вслед за пламенем из змеиного нутра повалил едкий дым, и на этот раз туго пришлось ноздрям волка.

Однако ослабить охотничью хватку не смогло бы ничто на свете. Горихвост сжимал зубы так яростно, что скорее дал бы порвать себя в клочья, но не отпустил бы добычи. Змей заметался, суматошно захлопал крыльями и задергал хвостом.

В этот миг прямо перед ним опустилась из тучи Убава, расправила крылья и загородила дорогу. Собрав последние силы, змей раскрыл пасть и пыхнул на нее жаром. Однако это усилие так истощило его, что багровые крылья потухли, безвольно обвисли, и тяжелая туша начала опускаться к реке.

Волна огня окатила Убаву, ее пушистые крылья вспыхнули и загорелись. Как подбитая птица, она понеслась вниз, едва не срываясь в неуправляемое падение. Краем глаза Горихвост видел, как она пытается выровнять полет, но отцепиться от змеиного горла для него было невыносимо.

Змей задыхался. Взмахи его крыльев становились все реже и судорожней, жар угасал, а тяжелая туша опускалась все ниже и ниже к воде. Этих мгновений хватило Перуну, чтобы догнать его. Точный удар секирой – и сначала одно крыло отлетело от тулова чудища, затем – другое. Горихвост почувствовал, что змеиная туша камнем уходит к земле и тащит его за собой.

Нет, дружок, пока ты еще жив, я тебя не отпущу!

Он не разжал бы зубы, даже если бы пришлось сверзиться вместе со змеем и разбиться с ним в мокрое месиво.

Однако Перун не дремал. Чудовище не успело пролететь и половины пути из поднебесья к земле, а хвост с острым шипом уже отделился, и пришел черед головы, повисшей на раненой шее.

– Ты свое дело сделал! Дай мне примериться и ударить! – велел Горихвосту Перун.

Волк попробовал высвободить челюсти, но те так плотно завязли в змеиной броне, что выдернуть их не удалось.

– Уйди прочь! – рассердился Перун, конь которого в любой миг мог сорваться в безудержное падение.

Горихвост изо всех сил уперся лапами в горло дракона и начал вытягивать из него зубы. Его тело сжалось, мускулы напряглись, и даже хвост заходил ходуном, помогая держать равновесие.

Горний всадник не мог больше ждать. Он размахнулся пошире и нанес сокрушительный удар секирой по основанию шеи.

Глаза змея затянулись туманной пеленой, кожистые веки сомкнулись. Горихвост вдруг почувствовал, что жилы под его зубами перестали пульсировать. Судорожные движения и рывки чудища прекратились. Слабые огоньки, еще пробегавшие по чешуе, разом угасли. В теле, которое волк до сих пор сжимал, исчезли последние проявления жизни. По зубам Горихвоста закрипело железо, и ему стало ясно, что угасшая плоть огненного чудовища превратилась в горячий металл.

Этот металл был еще жидким от жара. Призрачный волк наконец выдернул зубы из змеиного горла. Окаменевшая голова на длинной шее отпала от туловища и с шумом обрушилась в воду Змейки, попав точно в прежнее русло между мельницей и речным устьем. Крылья плюхнулись в омут, хвост с шипом – за запрудой, а тяжелая туша свалилась как раз перед берегом Крутояра, обдав людей и нечистиков мут-

ной волной.

Речная вода зашипела, гася остатки драконьего пламени. Остывающая чешуя камнем пошла ко дну. Горихвост отскочил перед самой поверхностью вод. Горячие брызги прошли сквозь его шкуру, которая тут, на земле, была не плотнее прозрачного облачка.

Обалдевшие от невиданной свистопляски загонщики, Мирослав и Славомир, поднимали из воды Убаву. Берегиня осталась цела – лишь края перьев ее опалились, отчего крылья приобрели черную бахромку.

Перун пролетел над водой, убедился, что останки змея завязли глубоко в речном иле, и отрывисто бросил:

– За мной! Быстро на небо! Нам на земле делать нечего.

Убава взмахнула опаленными крыльями. Мироша со Славутой поддерживали ее, но дева-птица расхохоталась и оттолкнула их. Без посторонней помощи она взмыла ввысь, и, радуясь вновь обретенной свободе, сделала круг над головами людей.

– Вот теперь победили! – радуясь вместе с ней, воскликнул Лутоха.

Горихвост поискал глазами Ярогневу. Она стояла рядом с матерью, задрав к небу голову, и подставляла ладони под холодные струи, изливающиеся с небес. Капли текли по ее лицу, такому милому и родному. Горихвосту ужасно захотелось заглянуть в ее бездонные голубые глаза и приложиться к ее алым губкам. И ему стало грустно при мысли, что в сво-

ем нынешнем виде – бестелесного привидения – он скорее всего так напугает его, что она больше слышать о нем не захочет.

Ничего себе, привидение! Зубы до сих пор ломит от этой поганой чешуи. Чудище точно зарылось в ил? Не поднимется? Не оживет?

Перун настойчиво звал за собой, но Горихвост не успокоился, пока не пробежался, мягко скользя над водой, по всем местам, где затонули останки дракона. Хорошо хоть, нюх не отбило от таких передраг.

Лутоха настырно лез к воде – убедиться, что чудища больше нет. Кажется, он даже готов был нырнуть, хотя его рубаху и без того можно было выжимать – волна от упавшей драконьей туши окатила его с головы до пят.

Горихвост показался перед ним и тихо рыкнул:

– Не лезь!

– Горюня, ты? – Лутоха пытался разглядеть в сумерках то, что должен был представлять собой дух без тела. – Змей уже не вернется? Правда?

– Как будто ты сам не видел, что от него осталось.

Юродивый вроде успокоился, но тут же опять завертелся:

– Гляди, ливень какой! А у нас и так топко. Дождик – это к добру, но только не сейчас. Замолвишь за нас словечко? Ты лучше знаешь, перед кем...

И вправду: ливень продолжал хлестать из грозовых туч, как из ведра. Бесконечные струи заливали Змеиную гору, по-

давяя вспышки ярости, клокочущие в ее недрах. Клубы дыма, вырывающиеся из жерла, становились прозрачнее. Гора на глазах выдыхалась и переставала плеваться расплавленной лавой и стрелять раскаленными камнями.

Огонь, полыхающий внутри горной утробы, злился, шипел, но уступал потокам воды, льющимся из поднебесья. Наконец, пламя потухло, и лишь слабые струйки дыма все еще вырывались из щелей в горных склонах. Однако эти последние дымки уже не могли никого испугать. Извержение прекращалось, и вулкан впадал в спячку.

Перун ускакал уже далеко. Его облачный конь набирал высоту. Горихвост едва видел, как мелькают вдали алмазные подковы, расколотые о драконью броню.

– Господине, постой! – устремился он вслед за всадником.

– Не задерживаться! – сердито рявкнул Перун, обернувшись. – Мир людей – не наш дом. Дело сделано. Мы уходим.

– Стоять, кому говорю! – зарычал волк и ухватил коня за заднюю ногу.

Скакуну пришлось остановиться, а вот Горихвост едва увернулся от его копыта.

– Что ты творишь, окаянный? – рассердился Перун. – Конёк мой и так хромает, а ты вообще его ног лишить хочешь?

– Наш долг не исполнен! – горячо выпалил Горихвост. – Разве не видишь – людей заливают потоп!

Перун призадумался.

– Вот свалилось забот мне сегодня! – досадливо вымол-

вил он. – Ладно, будь по-твоему. Посмотри на небеса. Тучи уже истончились. Дождевая влага в них кончилась, ливень должен вот-вот прекратиться. Еще чуть-чуть, и ветер развеет последние облака. Когда выглянет солнце – ты наконец успокоишься?

И верно: как будто в подтверждение слов бога, в небесную полынью, промытую в облаках ураганом, заглянуло дневное светило – словно Дажьбог высунулся в оконце и улыбнулся Долу. И тотчас же вся земля засияла от солнечных бликов, отразившихся от речной ряби.

Затянувшийся день не желал уходить, отнимая у ночи ее часы. Однако даже Великий князь света не может задерживаться в небесах бесконечно. Последние лучи его солнечного венца медленно угасали, дневной свет меркнул, и радужный мост тихо растворялся в вечерних сумерках.

И тут вырвавшаяся откуда ни возьмись молния огненной стрелой прорезала небосвод и ударила в середину плотины, перегородившей Шерну. Раздался оглушительный взрыв. В воздух взметнулись тучи ошметков и пыли. На месте каменной перегородки образовался глубокий провал, в который хлынули воды запруды.

Стихийно возникшее на месте долины озеро устремилось в пробитую брешь с таким рвением, словно вознамерилось снести все на своем пути. Водные струи своротили с места камни, набросанные извержением. Вода сама расчищала свое прежнее русло, бурно негодуя на беспорядок, устроен-

ный враждебными силами.

Глава 20. Возвращение

21 вересня

Всю ночь люди с нечистиками оставались на Крутояре, дрожа от холода и глядя с надеждой на звезды. К утру наводнение окончательно спало, и только глубокие лужи, чавкающие под ногами, напоминали, что недавно повсюду стояла вода.

– Вот потрава-то! – принялся причитать Воропай, едва оказавшись у родного двора. – Что теперь будет? Как жить?

Селяне расползлись по домам и принялись жечь костры, чтобы высушить хотя бы одежду. Сиводур пошарил ручищей по опустевшей площадке и нащупал роскошную мантию Дыя, превращенную в ворох тряпья.

– Что с ней делать теперь? – посетовал Лесной царь. – Она вся отсырела. Ни на что не годится.

– Погоди: вот верну себе велик стол в Мире-городе – новую подарю, – посулил Всеволод.

– От Дикого леса до Мира-города – сотня верст, да и те непролазные дебри, – усомнился Дый.

– Не беспокойся, царь, я тебя не забуду. И о нашем договоре тоже, – обещал князь.

– А я не забуду, что люди нас приютили в самый лихой

час, – ответил Дый.

Хорохор занял место на плече господина и встопорщил перья, хотя перебитое крыло все еще мешало ему летать.

– Погостите еще? – позвал Всеволод.

– Благодарствую. Но нас ждет Дикий лес. Нам нужно расчистить гарь и заносы, а вам – приводить избы в порядок. Дел невпроворот.

Несмотря на усталость, люди выбрались за околицу, чтобы проводить лесных гостей.

Один Лутоха ни с того ни с сего полез в реку и погрузился в нее с головой, как будто вчерашних купаний ему показалось мало. Напрягшись, он выудил со дна обрубок змеиной туши – часть седла с твердой шкурой и несколькими позвонками. Капли воды зашипели, испаряясь на чешуе.

– Еще тепленькая! – похвастался дурачок.

– Умалишенный! Брось эту гадость! – завопил в панике Щеробор.

– Сам ты гадость! – ответил Лутоха, и бережно упрятал обрубок в мешок.

Но Ярогневу не волновали деревенские заботы. Она улизнула и потянулась к Дикому лесу, вслед за Дыем и уходящими лесовиками.

– Доченька, ты куда? – испугалась Верхуслава. – Неужто дикари тебе дороже отца с матерью?

– Что ты, матушка! Не волнуйся, – успокоила ее дева. – Осталось еще одно дело. Горюню по-человечески так и не

похоронили. А ведь мы все перед ним в долгу.

– Одну я тебя не пущу! – решительно заявила княгиня.

– Тогда пойдемте все вместе!

Как ни торопился князь вернуться на господский двор, но удержать дочь он не мог. Пришлось и ему вместе со слугами отправиться в самую чащу, чтобы воздать по заслугам тому, кто их спас.

Дый вывел всю компанию на Туманную поляну. Ярогнева сразу почувствовала, как изменился лес. Он сиял свежестью и чистотой, как будто ушедшие воды умыли его. Но Мироствол высился исполином, как и прежде – лишь небольшие ожоги на его коре свидетельствовали, что пожар добрался и до него. Веверица вернулась в дупло и теперь суежилась, заново выстилая свое жилище травой.

Лутоха подбежал к обгоревшему скелету, распростертому чуть повыше корней. Увидев его, Ярогнева расплакалась в три ручья. Верхуслава обняла дочь, но не смогла остановить ее слез. Нежата помог Лутохе выдернуть колышки из ног и ладоней останков, и уложить кости на поляну.

– Вот и все, что осталось от нашего Горюни, – вздохнул Дый.

– А ведь мы стольким ему обязаны, – поддержал его Всеволод.

– Погодите тут поминальную петь, – недовольно буркнул на них Лутоха. – Лучше бы помогли обернуть его кости жиром.

– Это зачем еще? – недоуменно спросил Нежата.

– Юродивый – что с него взять? – снисходительно разрешил князь.

Лутоха взрезал драконью шкуру и завернул скелет в теплую плоть, по которой еще пробегали последние вспышки пульсирующих огоньков.

– Так-то оно все сохраннее будет, – пояснил дурачок.

Всеволод покачал головой – мол, одни боги знают, что у юродивых на уме. Ярогнева погладила чешую, под которой теплилась еще не ушедшая жизнь.

*

В Горнем мире утро окрасилось в самые радужные тона. Перун пребывал в превосходнейшем расположении духа после удачной охоты, какой давно уже не случалось. Князь небесной дружины изволил шутить с прислугой, сам хохотал над своими остротами, и даже выказал милость Убаве, хлопав ее по выпуклой ягодице.

Сама Убава успела сбросить крылья и хлопотала в шатре, устилая стол скатертью-самобранкой, что угадывала желания пирующих и без лишних просьб выставляла самые изысканные яства.

Вскоре к рано поднявшемуся князю подтянулись оставшиеся государи – Род и Велес. Но по-настоящему пир пошел горой только после того, как к троице присоединилась

хозяйка Мокошь.

Едва самобранка выставила перед Перуном роскошное блюдо с верченым поросенком, как на пороге послышались гомон и шум. Полог шатра откинулся, и на ворсистый ковер ступил Горихвост, вернувший себе человеческий облик.

– Я знаю, что не заслужил рая, – склонив голову перед владыками, проговорил он. – Распорядитесь моей душой, как посчитаете нужным. Я смиренно приму любой приговор.

Род обвел взглядом собратьев и ответил за всех:

– Ты проявил себя настоящим богатырем. Спас невинных людей. Перед тобой весь Горний мир. Захочешь – Перун примет тебя в дружину воинов-гридей. А не захочешь, то можешь податься к любому из наших любезных сестер и собратьев, тебе все будут рады.

– Даже не знаю, куда мне деваться, – помялся Горихвост. – Я явился к вам не ради теплого местечка. Мое дело сделано, а о другом я и не думал. Но даже если я и найду себе место – то что будет с вами? Вы-то куда дальше? Так и останетесь в этом шатре?

– Мы оказались здесь не по своей воле, – бросил на него недовольный взгляд Велес.

– А по чьей же? – взволнованно заговорил призрачный путник. – У меня судьба с детства пошла наперекосяк. Но вас-то кто заставляет сидеть в добровольной ссылке? Почему вы не возвращаетесь в Серебряный город? Люди ждут вас. Вы нужны им. Вчера вы это видели.

– Ты заблуждаешься, – мягко, как маленькому, объяснил Род. – Люди сами изгнали нас.

– Ерунда! Мир людей без вас опустел.

– Люди вспоминают нас только во время беды. В другое время мы не нужны им. Нет, Горислав Тихомирович, мы не собираемся возвращаться. Но ты можешь вернуться. В книге судеб не написано, что ты должен был вознестись в эти дни. Ты пошел наперекор судьбе, а это еще один беспорядок. И мы его можем исправить. Если хочешь – мы вернем тебя к жизни, на землю.

– На землю? Разве такое бывает?

От удивления Горихвост не сразу понял, о чем владыка толкует.

– Мы – боги. Мы можем все, но не всего мы хотим. Ради тебя я сделаю исключение из правил.

Род оглядел собратьев.

– Пусть катится, откуда явился. И чтобы духу его у нас не было, – буркнул Велес.

Род заглянул Горихвосту в глаза.

– Служить богам – это, наверное, очень почетно, – помялся человек. – А жить с вами в раю – это и вовсе должно быть невиданным счастьем. Но я не могу забыть тех, кого оставил в Гремячем доле. Если владыки не шутят – то я в самом деле вернусь.

– Вот и славно! – облегченно вздохнула Мокошь. – Выпей чарку на посошок.

И богиня протянула ему серебряный кубок с игристым вином. Горихвост отхлебнул и сказал:

– За то, чтобы больше никто вас не тревожил. Чтобы порядок не нарушался, а светила всегда были там, где положено. Рано или поздно я снова у вас окажусь – этого никто не минует. А покуда не поминайте лихом!

Голова у него закружилась. В глазах помутилось. Он почувствовал, что силы уходят, и опустился на мягкий ковер.

*

Лутоха озадаченно огляделся. Его взгляд упал на ворона Хорохора, подпрыгивающего на одной ножке.

– Эй, птица! – позвал юродивый. – Ты знаешь, что нужно делать?

– Я умнее вас всех! – прокаркал ворон.

– Я бы послал тебя за водой, да с твоим крылом много не налетаешь.

– Зачем посылать за водой? – удивилась Ярогнева. – Вон ее сколько в округе разлито.

– Нам не простая вода нужна, а особая. И этот черный брехун ведает, какая, – пояснил Лутоха.

– Дурень! – обругал его Хорохор. – Забыл, где мы? Лететь никуда не надо. Вон родники – из-под корней бьют!

– В самом деле! – Лутоха хлопнул себя по лбу. – Мы же у Мироствола. Вот я простак!

Ничего не понимая, Ярогнева, а вместе с ней князь с княгиней и все, кто собрался вокруг, наблюдали, как юродивый набирает в берестяной коробок прозрачную воду, тонкими струйками вытекающую из-под корней Древа миров. Первым сообразил, что он делает, Лесной царь.

– Не перепутай источники! Сначала левый. Потом, с запозданием – правый, – посоветовал он.

– Без тебя знаю! – отмахнулся Лутоха.

Дый в сильном сомнении покачал головой. Всеволод вопросительно посмотрел на него, но тот только развел руками – мол, я за этих ведунов не отвечаю, пусть творят, что и как разумеют.

Кто-то коснулся плеча Ярогневой. Княжна тихо ойкнула и оглянулась. У нее за спиной колыхался в воздухе призрак богини в белых одеждах. Государыня Горнего мира погладила Ярогневу по волосам и приложила палец к губам – мол, молчи и не вмешивайся.

Струйка водички сбежала из берестяного короба на змеиную кожу, обернутую вокруг обгорелых костей. Жесткая чешуя зашипела, давая понять, что она все еще горяча. От нее повалил пар – настолько густой, что поляну заволкло туманом. На несколько мгновений он скрыл из глаз действия Лутохи, а когда ветер развеял завесу, Ярогнева увидела, что кожа прилипла к костям, как родная. Змеиное тело словно прирастало к скелету, облекая его новой плотью.

Дева даже разинула рот, забыв о приличиях. Дый сооб-

разил и накинул на останки свою потрепанную мантию.

– Не держи долго! Снимай! – подсказала богиня на ушко Ярогневе.

Княжна бросилась к телу, оттолкнула Лутоху и сдернула мантию. Под ней лежал ее Горихвост – молодой, ладный, как будто не тронутый пламенем и железом. Только лицо его, восковое, без единой кровинки, говорило, что в нем нет жизни.

Ярогнева растерянно оглянулась.

– Лей! – едва слышно подсказала богиня.

Княжна вырвала из рук Лутохи второй коробок, сквозь щели которого уже сочилась холодная влага. Вода из второго источника пролилась Горихвосту на грудь. Все затаили дыхание. Ничего не происходило, покойный не двигался и не дышал.

– Что тут вообще происходит? – запрочитала дева, но подсказать было некому.

Призрак богини развеялся в воздухе. Ярогнева прикоснулась к груди любимого, расстегнула ворот рубахи, приложила ухо к сердцу.

«Это сердце я сама пробила мечом, – мелькнуло в ее голове. – А после змей попалил все, что еще оставалось. На что я надеюсь? Чего жду?»

С груди Горихвоста осыпались остатки чешуек, открывая тонкую, белую, без следа загара кожу. Похоже, змеиное пламя все еще продолжало пульсировать – Ярогнева почувала,

как оно бьется.

Все вокруг отчего-то загомонили. Не понимая, она взглянула на отца. Всеволод показался ей взволнованным до изумления.

– Дышит? – спросил Дый.

– Дышит, – не слишком уверенно отозвался Лутоха.

Ярогнева потерла любимому щеки – под ее пальцами они начали розоветь и наливаться румянцем. Она не сдержалась и поцеловала Горихвоста в уста. Губы, сначала безжизненные и немые, шевельнулись и начали отвечать ей. Она почувствовала поцелуй – первый в жизни, какого никогда прежде не знала.

Шум толпы оглушил ее. Она оторвалась от губ Горихвоста. Тот вздохнул и открыл глаза.

– Ожил? – тихонько спросил Лутоха.

– Ожил, – еще не веря, подтвердила дева.

*

Горихвост пришел в чувство. Ветви великого дуба шумели над головой. Желудь с жухлым листочком свалился и стукнул его по лбу. Слабый удар, а ведь больно! Надо же! Всего ничего был на небе, а от боли успел отвыкнуть.

В уши ударил шелест листвы и шум ветра. Какие грубые, оказывается, эти звуки! Раньше не замечал.

Холодный воздух овеивал кожу, бороздя ее невидимыми

трещинками. Небо ясное, с редкими облачками, но такое слепящее, что хочется зажмурить глаза.

Не открывать бы их никогда! Не слышать бы ничего, не чувствовать, ничего не касаться. Как было легко там, на небе! Как безудержно весело рядом с раем! Как великолепны владыки вселенной. Разве тут, на земле, кто-то с ними сравнится?

Вставать не хочется, даже не хочется шевелиться. Но я, кажется, вправду вернулся. Что, опять теперь мучиться? А куда деваться? Сам напросился.

Горихвост попытался сказать этому миру «здравствуй», но с языка сорвался только горестный стон.

К нему склонилось заплаканное лицо. Знакомое. Видел раньше. Дорогое. Кажется, я был к нему привязан. Какие большие глаза! Ясные и голубые, как небо. След от колечка на лбу. Под снятым кольцом кожа беленькая, а вокруг – загорелая, как кора дуба. Точно, я ее знаю. А зовут ее?

– Ярогнева!

Это первое слово, которое удалось произнести Горихвосту. Княжна уткнулась лицом ему в грудь. Голова ее задрожала. Что-то сырое намочило рубаху.

Он сделал усилие, поднял ладонь и погладил ее по растрепанным волосам. Вокруг – целый взрыв хохота, гомона, голосов.

Горихвосту едва удалось оглядеться. Все здесь: и Лутоха, и князь с княгиней, и Воропай с голытьбой деревенской,

Нежата и даже Коняй со своими лошадиными зубами, выпирающими из челюстей. Ну, компания! От этих не сбежишь.

– Теперь точно вернулся, – слабым голосом проговорил Горихвост.

На него набросились, принялись щупать и теревить, словно не веря, что он вправду здесь.

– Никогда раньше чуда не видел! – удивленно проговорил Лутоха, трогая щетину на его подбородке. – Рассказал бы кто – не поверил.

– И не такое бывает, – успокоил его Горихвост.

– Ты видел Их? Ты Их видел? – лез Лутоха в лицо, нимало не беспокоясь о плачущей Ярогневе.

– Не только видел. Еще и на орехи от них получил, – едва улыбнулся Горихвост.

Ярогнева оторвала заплаканное лицо от его груди.

– Твоя длака сгорела, – сообщила она. – Не уберегла. Прости!

– Ничего! – легонько коснулся он ее волос. – Мне она теперь не нужна.оборотничье заклятье после перерождения не действует. Не бывает такого, чтобы боги жаловали сразу всем.

– Ну, чего разлегся? – Нежата напомнил, кто тут командир. – Давай, поднимайся! Отдохнул – с тебя хватит. Дел невпроворот.

– И то верно, – согласился с ним Горихвост. – Помогите-ка встать.

«Вот, значит, что осталось от моей ветхой избушки...»

Горихвост скрипнул набухшей от влаги калиткой и вошел во двор дома, принадлежавшего Дедославу. Потоп смыл песчаные дорожки, старательно выложенные среди грядок. Грязь и мусор покрыли жирную землю. К яблоне прибило сломанное колесо от телеги. Хорошо хоть, что дом уцелел. Сколько ему уже лет?

Дверцу подпола удалось открыть лишь с превеликим трудом. Тело Дедослава все еще лежало там, где он оставил его – на леднике, только теперь оно было вморожено в лед, который не успел растопить кратковременный водный наплыв.

Горихвост вздохнул и полез на чердак за топором, чтобы вырубить покойника из ледяного саркофага.

22 вересня

Только в дни бабьих праздников на Девичьем поле собиралось столько народу. Но сегодня сюда пришли все – и бабы, и мужики, и даже девки с подростками-отроками.

Лутоха отсчитал от Мокушиной березы сорок шагов, ткнул пальцем в кочку и указал:

– Здесь!

Горихвост молча кивнул. Всего полчаса хватило деревне, чтобы соорудить краду – высокий погребальный костер, на который поставили ладью, оставшуюся от Шутихи. Ее же по-

лотнищами – коврами, простынями и покрывалами – заново застелили скамьи и днище. На них уложили мертвого Дедослава со скрещенными на груди руками, под которыми разместили обнаженный, сверкающий Душебор. Из самой дорогой паволоки, тщательно высушенной и отглаженной, сделали парус, и подвесили его к мачте.

Горихвост не вмешивался в это действие. Он сидел под березой и только смотрел, как знаток-Лутоха распоряжается селянами, деловито таскающими дрова с хворостом. Снующие туда-сюда люди напоминали муравьев: со стороны кажется, что они без толку суетятся, но стоит немного подождать, и на пустом месте возникает хитро задуманный муравейник. И Горихвост знал, что лучше не мешать людям: они устроят все по задумке, давно сложившейся в их памяти.

Князь Всеволод первым встал у костра и затянул погребальную песнь. К нему присоединился Дый с лесной братией, пришедшей проводить волхва. Селяне и князь слуги выстроились вокруг и поддержали слова, в которых перечислялись заслуги покойного. Только тут Горихвост присоединился ко всем, но и теперь ему не пришлось ничего говорить: все было сказано за него.

– Большая честь! – шепнул ему на ухо Лутоха. – Усопшего князь провожает. Это не каждому выпадает.

В руках юродивого уже полыхал факел – кривое древко, на кончик которого намотали тряпицы, вымоченные в смоле.

– Теперь ты! – подсказал Лутоха. – Краду должен разжечь

наследник.

Горихвост принял от него факел и ткнул в кучу костры – сушеной трухи конопляных стеблей, оставшейся после трепания. Костра вспыхнула и затрещала, щедро рассыпая искры на уложенный связками хворост.

Пламя объяло ладью. Ярогнева взяла Горихвоста за руку, безмолвно стараясь его поддержать. Он едва слышно шепнул ей:

– Благодарю, душа моя!

В тихой Шерне бултыхнулся Колоброд. Хвост с плавником ударил по мелкой ряби и обдал брызгами спины упыря Вахлака, русалки Шипуни, лешего Распуты, кикиморы Вертлюжки и оборотня Дерябы, бледного, как полотно, которым накрыли покойного. Ворон Хорохор сделал почетный круг над костром и прокаркал слова прощания на птичьем языке, понятном ему одному.

Жихарь поворошил костер кочергой, чтобы пламя разгорелось жарче. Нежата отвел Верхуславу подальше, чтобы огонь не обжег ее. Коняй обнял за плечи Млаву. Воропай опустил голову, печалась вместе со всеми. Непривычно тихий Щеробор, Пятуня, кузнец Валуй с подмастерьем Шумилой – все были здесь, и все провожали волхва в последний путь.

Огонь крады взметнулся так высоко, что Горихвосту почудилось, будто пламя ушло в облака. Зеленый камень в руке Душебора вспыхнул, озарил всех сиянием и погас. Яро-

кий изумруд потемнел, стал угрюмым и непроглядным, словно исчезло живое око, наблюдавшее за людьми из его середины.

Борта ладьи полыхали, на глазах превращаясь в уголья. Занялся огнем парус, открыв взгляду дыры, сквозь которые на мгновение проступили очертания серебряных стен и исполинской вежи, белой стрелой уносящейся в черную даль. Клубы дыма заволокли краду, приняв очертания корабля. Паруса корабля надулись, и ветер понес его к небесам, оставляя за кормой бранный мир с его страданием и печалью.

– Будь уверен: боги примут твоего деда в раю, – приблизившись, сказал Горихвосту Лутоха.

Ярогнева сжала ладонь милого. Горихвост нашел силы, чтобы с благодарностью улыбнуться обоим.

Он сам собрал обгорелые кости в урну, закупорил ее и захоронил под холмом на высоком берегу Шерны. Туда же отправился и обгорелый меч, ставший невзрачным и тусклым.

– Пусть никто больше тебя не найдет, – напутствовал древнее оружие Горихвост.

Наступил черед князя распоряжаться – он затеял погребальные игры. До самого вечера селяне вместе с лесовиками «стояли на костях» – славили память покойного и читали молитвы, чтобы открыть ему легкий путь в Горний мир.

В сумерках начал накрапывать дождик, Горихвост быстро промок, но вездесущий Лутоха и тут нашелся:

– Это хороший знак! Небо плачет по волхву. Видать, он

был любезен богам.

Все это время Ярогнева не отходила от своего лады, и отец с матерью не сказали ни слова упрека. Только под самую ночь она вдруг пропала. Горихвост почувствовал, что ее не хватает. Он попытался найти ее, но не увидел ни князя с княгиней, ни даже Нежаты с Коняем.

Костры, на которых жарили мясо, уже начали догорать. Селяне по одному расходились. Воропай распрощался с Дыем и поблагодарил за участие лесных гостей.

Горихвост лег на землю и подставил лицо осеннему дождю. Однако передохнуть ему не удалось. Чуткий слух, так и оставшийся обостренным, уловил, как земля задрожала, словно по ней шла большая орда.

Он вскочил и наострил ушки. От дороги, ведущей на Красную слободу, надвигалась темная масса колышущихся силуэтов. Топот и ржание лошадей донеслись до реки, тихо плещущей свои воды. Плотные ряды пеших воинов заполнили равнину. Знамена, казавшиеся совсем черными в сгустившейся темноте, реяли над головами.

– Что? Опять нападают? – не сдержав чувств, выкрикнул Горихвост. – Когда ж нам дадут хоть немного покоя?

В свет угасающей крады вступили двенадцать бояр. Их предводитель, грузный, морщинистый, с трудом несущий тяжесть прожитых лет, снял с головы высокую шапку, и голосом, привыкшим к распоряжениям, потребовал:

– Где князь? Дочь моя где? Если с ними хоть что-то слу-

чится – всех затопчу!

– Тятенька! – сорвалась с места Верхуслава и повисла у боярина на груди.

Что за диво? Первый раз Горихвост видел, что великая княгиня ведет себя, как дитя малое. Боярин погладил ее и смягчился.

– Где мой зять? – тем же трубным голосом прогудел он.

– Здесь я, здесь, Держимир Верховодович! – Всеволод присоединился к жене и с почтением поприветствовал председателя.

– Ух, и перепугал же меня Святоша! – подобрел боярин, дружески трепля князя по щекам. – Прискакал, взмыленный, ничего толком сказать не может, только хлебает квас ведрами и голосит: злой Видоша, мол, по наущению Бури-воя задумал отца извести, натравил на него нечисть из Дикого леса, обвинил черт знает в чем, ломаной косою головы чуть не срезал... Простая чадь как услышала такие вести, так взбунтовалась. Черный люд требует, чтобы я вел полки брать Кремник приступом. Вот, пришли защитить нашего князя. Вы, мои дети, не бойтесь: мы в обиду вас не дадим.

Оставшиеся бояре сняли шапки и встали перед Всеволодом на колени. Князь обошел их, погладил каждого по плечу и поприветствовал, узнавая:

– Вот и вы, верные слуги. Твердислав Милонежич, и гривна твоя на шее. Куда ж без нее? Мечислав, Негослав, Любомысл, все здесь! Как я рад видеть вас!

– Мы, как слышали, что с тобой беда, Всеволод Ростиславич, так сразу же и ополчились, – сказал Твердислав, поблескивая золотой гривной со львами, разинувшими пасти.

– Все, как один, за тебя встанем, – добавил тот, кого князь назвал Негославом. – Вся земля вятичей, от мала до велика. Только скажи: и стены Кремника нас не остановят. Выгоним Буривошку взащей, а тебе вернем белый стол твоих предков.

– А где сын мой? Куда сам Святоша исчез? – забеспокоился князь.

– Тут я, батя! – с поджарого скакуна ловко спрыгнул молодой витязь в тяжелых доспехах.

– Ох, как вырядился! Не узнать тебя, – рассмеялся Всеволод. – Выходит, это ты весь народ всполошил?

– Народ сам всполошился, мне подстрекать не пришлось, – ответил Святополк, снимая шлем.

– Так что делать будем, зятек? – потребовал ответа старый боярин.

– Раз народ уже встал – значит, война, – признал Всеволод. Ряды пеших воинов разразились воинственным криком, знамена заколыхались.

– На столицу! В Великий Мир-город! Вернем то, что принадлежит нам по праву! – подкинули шапки в воздух бояре.

Ярогнева набросилась на Горихвоста. Она вся сияла от счастья.

– Видишь? Мой братец вернулся. Да не один, а с целым войском! – звонким голосом пела она. – Теперь батюшке ни-

чего не грозит. Нашей будет победа!

– Ох, не видать мне покоя, – ласково отстранился от нее Горихвост.

23 вересня

С утра пораньше Горихвост зашел в кружало. Хлопнула дверь у него за спиной. Щеробор выскочил из-за стойки, прихрамывая на ногу, уже не стесненную деревянными дощечками.

– Горюня, а я тебя ждал! – залез безил он, вытирая полотенцем самый большой стол у окна. – Знал, что ты мимо меня не пройдешь. Сегодня все за мой счет. Угощаю! Ты ведь у нас богатырь и спаситель. Чего налить-то? Хочешь, винца? А хочешь, и водочки?

– Молока мне. Большую крынку, – хмуро откликнулся Горихвост. – Меду тусок. И калачей белых. Корзину.

– А чего так? Сѣдни день-то не постный, – вытаращил на него бледные зенки трактирщик.

– Не для себя это. Я, брат Щеробор, кое-что видел на небе.

Трактирщик преданно заглянул в глаза, доверительно тронул за руку и спросил:

– Ну и как там, в раю?

Горихвост стал серьезным:

– В Белой веже горят очаги. Боги пируют, пока в них есть дым от костров, что мы зажигаем на капищах. Сейчас Вет-

хое капище заброшено, пусто. Но если послать в горный мир угощение, как прежде – может, боги вернуться?

– Ты про себя-то не забывай, – посоветовал Щеробор, потирая ушиб. – Я б тебе и закуски поставил. Вон, гляди, какие у меня грибочки. Соленьенькие, только что заготовленные. На языке тают!

Горихвост даже не стал его слушать. Он выбрался через узкие двери корчмы, обеими руками сжимая корзину с калачами, набросанными поверх молочного кувшина с горлышком, заботливо перетянутым тряпицей, и увесистого тuesка с медом. Вспомнил, что на крутых ступеньках нужно быть поосторожней, особенно, когда тащишь поклажу. Аккуратно спустился, взвалил корзину на плечо и побрел к Ветхому капищу, каменные кумиры которого криво вздымались за Девичьим полем.

Вот почему все устроено так неудобно? Щероборово кружало от капища дальше всего. Шагать через всю деревню. И еще этот груз на себе тащить. Чего этот трактирщик не построил свое заведение на краю Девичьего поля?

– Горюня, айда к нам! – радостно завопил Воропай, распахивая для объятий свои безразмерные хваталки.

Ой, нет, только не это! Я уже понял, что вы, ненаглядные, что-то затеяли. Вона, как засуетились. Как муравьи в разворошенном муравейнике. С раннего утра к княжескому двору стягиваются мужики. Кто в толстой простеганной кожан-

ке, кто в льняной телогрейке, а кто и с помятым шлемом на дурной голове. А, так это же Головач! Ну а кто еще? Чья еще рожа, перекошенная от воинственного оскала, будет так глупо выглядеть под этим мятым ведром? И у всех в руках топоры, луки, рогатины...

– Собрались куда-то? – нехотя осведомился Горихвост.

– А ты разве не слышал?

Воропай ухватил-таки его за рукав и потянул к возбужденной толпе.

– Война у нас! – тараторил староста, не давая проходу. – Идем ратовать за нашего князя, Всеволода Ростиславича. В столице проведали, что воевода Видоша пытался его умерить, вот народец и возмутился. Вся земля вятичей ополчилась! Вышвырнем узурпатора Буривошку из Кремника и вернем нашего князя на законный престол, где ему сами боги велели сидеть!

– Слышали бы тебя эти боги, – поморщился Горихвост. – Где ты названий таких нахватался: узурпатор? Таких кривых слов даже кривичи не придумают.

– Всеволод Ростиславич своего бывшего дружка сам называть так изволит, – перешел на таинственный шепот староста. – Своим ухом слышал! Я при князе теперь – важная личность! Целой волости ополчением начальствую. Не веришь? А вон, у Нежаты спроси!

Горихвост покосился на двор, где пожилой кметь с гордостью разворачивал темно-красное знамя с золотым соко-

лом, несущим дубовую ветку. Толпа деревенских вояк при виде стяга разразилась такими воплями, будто увидела самого Перуна, спустившегося с небес.

– Пошли с нами! Поратуй за Всеволода Ростиславича! – воодушевлял староста, настырно затягивая на двор.

– Ну уж нет! – решительно вырвался из его цепких объятий Горихвост. – У меня другие дела.

– А мы пойдем на войну и все, как один, умрем за великого князя! – горделиво выкрикнул Головач из-под шлема.

Он отобрал-таки у Нежаты знамя, и теперь размахивал им, воображая себя знатным боярином, что во время сражения ни на шаг не отходит от господина.

– Я один раз уже умирал, – откликнулся Горихвост. – Боги меня вернули. Боюсь, что если повторю – они меня не одобряют. Слишком часто умирать – злоупотребление.

– Ты бы мог стать славным витязем! Настоящим героем! – не унимался Воропай.

– Не судьба мне, – отрезал Горихвост. – В княжеских распрях отроки пусть тешатся. А мое дело – чтоб шумел Дикий лес. Чтоб нетронутым цвел Мироствол. Чтоб Гремячий дол при первом же дождике не опускался на дно. Вы уйдете, а мир так и будет стоять. Век пройдет – никто и не вспомнит, кто сидел на престоле у вятичей.

– Ну, как знаешь, – обиделся Воропай. – А в деревне все семьи идут. Я иду с сыновьями. Идут Валуй и Шумило. Князьи слуги, само собой, тоже идут. Даже Пятуня и Жихарь –

и те в стороне не остались.

– Тогда я спокоен! – рассмеялся Горихвост. – Мне ли равняться с такими богатырями? Рядом с ними я воробушком буду смотреться.

– Эх! – махнул на него Воропай, отпуская.

Горихвост с облегчением вздохнул, однако так просто отделаться от приглашений в это утро ему было не суждено. На вороном Басилее к нему лихо подскакал Всеволод. За плечами у князя развевалось, как парус, багряное корзно. Конь взметнул пыль копытами прямо перед лицом. Всадник расхохотался, глядя, с каким страхом отшатнулся от жеребца бывший вурдалак.

– Война! Какое облегчение! – поделился Всеволод. – На войне знаешь, что делать. Тут – свои, там – чужие. Сойдешься в поле строем на строй, а дальше – как боги решат. Все понятно и просто. Соскучился я по войне. Пойдешь со мной?

– Зачем я тебе?

– Без тебя дочь сохнуть станет.

– А кем я стану в дворцовых палатах? Слугой? Воеводой? Боярином?

Всеволод озадаченно почесал голову.

– Но ты ведь больше не оборотень? – после раздумий спросил князь.

– Что с того? Я как был лесовиком, так и остался. Беречь Древо миров важнее, чем буянить в столице. У тебя своя служба, у меня – своя.

– Что ж, как знаешь. У нас с тобой всякое было – и хорошее, и плохое. Не поминай лихом!

– Лиха не помяну, – пообещал Горихвост.

Всеволод развернул вороного и поскакал к знамени. Горихвост поправил на плече корзину и прошел мимо Коняя и Млавы, которые тискались за забором, думая, что никто их не замечает. Девка лила слезы на дырявую кольчугу конюха и вопрошала:

– Ты вернешься ко мне?

– Конечно, вернусь! – гладил ее по волосам Коняй, показывая в смущенной улыбке лошадиные зубы.

– Обещаешь? – с надеждой заглядывала ему в глаза внучка старосты.

– Еще бы! Победим узурпатора – станем жить во дворце. Я и тебя к себе заберу. Приеду и заберу. Вот увидишь!

Горихвост покачал головой, сделал вид, что ничего не услышал, и поспешил пересечь площадь перед избой старосты, но загляделся по сторонам и угодил сапогом во что-то мягкое и тягучее.

– Как? Опять? Да что ты будешь делать! – не удержался он от восклицания.

Поганая лужа смачно чавкнула и попыталась втянуть сапог в свое чрево.

– Отпусти! Не отдам! – спорил с ней Горихвост, пытаясь не потерять равновесие и не уронить корзину.

Но болотце просто так не сдавалось.

– Вот дурни! – бросил он в сторону мужиков, вырывающих друг у друга древко, лишь бы покрасоваться со знаменем. – Лучше б болото засыпали. А вы на чужую войну, где от вас толку, как от дырявых лаптей.

Болотце разочарованно хлюпнуло и выплюнуло сапог с таким видом, будто он пришелся ему не по вкусу.

– То-то же, – наставительно произнес Горихвост. – Впредь не смей меня трогать!

Издалека стало видно, что на капище кто-то уже суетится.

– Вот и ты! – воскликнул Лутоха так, как будто давно его ждал. – Ну, давай. Что принес?

Горихвост опустил к его ногам корзину с едой.

– Посмотрим, – деловито бормотал оборванец, роясь в снеди. – Калачи? Белоярые, как и положено. Не трухой же богов угощать!

Он поднял на Горихвоста светлые глаза и рассмеялся.

– Молочко. То, что надо. А вот и мед! Тебя и учить ничему не придется. Сам все разумеешь.

– Так ведь дед у меня был волхвом. Всю жизнь Рода славил.

– Оно и видно. А я, дурак, беспокоился: мол, не на кого оставить капище, никто после меня кумирам требы ставить не возьмется.

– Что значит «после меня»? – с тревогой взгляделся в него Горихвост. – Куда ты собрался?

– Да куда ж я от тебя, горемыки, денусь? – улыбнулся Лутоха. – Рядом буду. Зови, если что. Кстати, у меня до тебя разговор, и серьезный.

– И о чем разговор?

Но Лутоха уже смотрел ему за спину, и выражение его лица из строгого становилось умильным.

– А вот и ладушка твоя прибежала, – сказал юродивый, указывая на аллею между кумирами.

Горихвост оглянулся и увидел Ярогневу, поднимающуюся на Крутояр.

Княжеская дочь вбежала на капище так, будто боялась опоздать. Щеки ее покраснелись, голубые глаза стреляли по сторонам, но всюду натыкались лишь на строгие взгляды каменных идолов, негодующих по поводу очередного бесчинного вторжения пришельца, забывшего о том, как почтительно нужно вести себя в их присутствии.

Только заметив разложенный Лутохой костерок, она успокоилась и отчего-то смутилась. Движения ее вдруг замедлились, походка стала неуверенной. Она кинула быстрый взгляд на Горихвоста и тут же перевела его на Лутоху.

– Вот вы где, – неловко пробормотала она. – Лутоша, я тебе кое-что принесла. Батюшка шлет одежду со своего плеча.

И она протянула юродивому пухлый сверток. Лутоха развернул шерстяную ветолю, под которой обнаружились шелковые порты, расшитая узорами рубаха и ношенный, но богато украшенный пояс. Рассмотрев все как следует, он доволь-

но прищелкнул языком и сказал:

– Царский подарок! Вот спасибо! Даже совестно принимать.

– Ничего-ничего, – заверила его Ярогнева. – Батюшка на войну отправляется. Там ему будет не до красивой одежды.

Нищий заметил, что ладонь княжны до сих пор перевязана чистой тряпицей, и участливо осведомился:

– Как ладошка? Болит?

– Заживает, – ответила дева. – Я к ней жив-траву приложила.

Лутоха перевел веселый взгляд с княжны на Горихвоста, и, улыбаясь во всю ширь, сказал:

– Побегу, обновки примерю. А вы тут оставайтесь. Приглядите за капищем. Костерок я уже запалил, он вот-вот разгорится.

– Ступай, Лутоша. Мы побудем тут, приглядим, – ласково проводила его княжна.

Юродивый удалился, насвистывая веселую песенку. Горихвост с Ярогневой остались наедине. Княжна неловко переминалась с ноги на ногу, не зная, с чего начать.

– Так и думала, что тебя тут застану, – кусая губы, вымолвила она. – Попрощаться пришла. Батюшка мой идет брать столицу, а с ним мужики из села. Скоро уже выступаем.

Она запнулась, покраснела и помолчала.

– Я тоже с ним вместе отправлюсь, – сообщила она. – Ему моя помощь нужна. Мы теперь всей семьей заедино.

– Так и должно быть, – согласился Горихвост. – Пусть Перун даст твоему отцу правду.

– Не могу его бросить, – виновато сказала Ярогнева и потупила очи.

– И не надо. Тебе здесь не место.

– Почему? – вспыхнула девушка.

– Дико тут. Лес один. Глушь да грязь.

– Я тут выросла! – возразила она.

– Что с того? Ты княжна. Выйдешь замуж, нарожаешь владык и правителей.

– Может, поедешь со мной? – попросила дева. – Батюшка так тебе благодарен! Он у тебя в долгу.

– Нет у него передо мной долгов. Он у меня не заимствовал.

– Так не в займе же дело! – княжна закусила губу от досады. – Поедем, Горюня! Отец вернет себе стол, снова станет хозяином в вятичах. Сможет любое желанье исполнить! Поселит тебя во дворце, станет кормить и поить, как почетного гостя. Сможем видеться каждый день...

– Каждый день видеться – только душу зря бередить. Ясно же: вместе нам быть не судьба. Я – лесной зверь, а ты – госпожа. Мы из разных миров.

– Город и для тебя родным домом станет.

– Нет, я в городе не приживусь. Сидеть в каменной палате? Да я с тоски взвою. Я привык к воле, к простору. Вурдалака в кремле не удержишь.

Ярогнева подняла на него глаза и уже не сводила взгляд.

– У тебя глаза стали синими, – улыбнулась она. – И шерсти на загривке больше нет.

– Разумеется, – улыбнулся в ответ Горихвост. – Теперь она мне ни к чему.

– А волком ты никогда больше не обернешься?

– Уже никогда. Но варварам и злодеям об этом знать не обязательно – пусть верят, что если набедокурят, то волк за ними придет.

Дева погладила его по щеке и призналась:

– Я с тоски по тебе иссохну.

– Тебе сохнуть некуда, ты и так тощая, как соломка.

– Так не покидай меня, чтобы я не зачахла.

– Разве мы покидаем друг друга? Просто пути у нас разные. Мне – назад, в лес. Тебе – дальше, в столицу. Большие дороги ведут далеко. Жаль, что в разные стороны.

Ярогнева кинулась ему на плечи, охватила руками шею, прижалась к груди.

– Я всегда тебя буду помнить, – пообещала она.

– Что тут помнить? Как злодей тебе едва кровь не пустил?

– Да причем тут злодей? Он свое получил. Главное – что мы с тобой повстречались.

– Нас судьба свела на день. А теперь вот разводит, – утешая, проговорил он, глядя княжну по подрагивающим плечам.

Они обнимались до темноты, и Горихвост впервые в жиз-

ни шептал деве ласковые слова. Когда непроглядная темень окутала мир, он проводил княжну до господской усадьбы. Село до сих пор не ложилось, дворы гудели от возбуждения, словно праздник еще продолжался. От избы старосты доносились жалостливые визги гармошки, под которую Головач пел веселую песню о том, как «в поход выступает хороброе войско...» Целый хор голосов подтягивал невпопад. Особенно выделялся петушиный, срывающийся баритон конюха.

У забора усадьбы Горихвост обнял Ярогневу в последний раз.

– Прощай, моя душа, – прошептал он. – Ступай своим путем, и пусть он принесет тебе счастье.

24 вересня

Ветер дул в спину уходящему войску, будто подталкивал князя с дружиной к столице. Нежата взгромоздился на коня и с гордостью красовался рядом со Всеволодом, поднимая повыше багряное знамя с золотым соколом. Тонкая змейка возбужденных мужиков струилась по едва подсохшей дороге на Красную слободу. За ними грохотали, подскакивая на ухабах, телеги обоза, на которые набросали горой нехитрое деревенское оружие и мешки со съестными припасами.

Горихвост оперся ладонью о холодный, шершавый камень кумира, торчащего из земли на краю Ветхого капища. Отсюда, с высоты Крутояра, растянувшаяся рать казалась тонень-

кой ниточкой, с которой ветер играет, шевеля и заставляя трепыхаться.

Он упер в губы кулак и прикусил костяшку на пальце. «Где Ярогнева? Наверное, вон на той белой лошадке, под самым знаменем, которое ветер будто нарочно расправил? Бело-синее платье, уверенная осанка, высокий убрус на голове, из-под которого не выбивается ни пряди – нет, это не дочь, это мать, рядом с мужем, что скачет неторопливо в окружении слуг и начальников ополчения.

Ха-ха-ха, разве эта шепутная девка согласилась бы на такую игрушечную лошадку, всю беленькую и холеную, будто лебедь в боярском пруду? Как бы не так! Вон она, на поджаром гнедом скакуне, что так и кусает удила, буйствуя от того, что хозяйка не пускает его во всю прыть. Золотистая рубаха под алым корзном, развевающимся от дыхания Стрибога. Две косички пшеничного цвета, пляшущие за спиной. Порывистые движения, будто она старается успеть сразу всюду. Кажется, княжна задорно покрикивает на отстающих – жаль, что отсюда не слышно ни слова. Мужики ржут, как кони – они любят княжну, но не так, как я. Они обожают ее, как госпожу и наследницу князя, с которым связаны их надежды.

А что остается мне? Смотреть вслед уходящим? Чувствовать, что теряю что-то важное и дорогое, что мне и прежде не принадлежало?»

Вот войско втянулось в широкую просеку между обугленными стволами деревьев. Еще недавно там стояла жел-

то-красная стена осеннего леса, а теперь только черные обрубки торчат из грязно-серого пепла.

Гнедой скакун встряхнул гривой и понес наездницу к голове колонны, куда звали ее отец с матерью. «Впереди у нее большой путь. Большая судьба. А какая моя судьба? Что со мной будет дальше? Знать бы ответ...»

Горихвост вымазал красной охрой каменную шапку Рода, вытер о траву руки, и по крутой тропке спустился на Девичье поле.

Перейдешь поле – вот и изба Дедослава. Теперь она моя. Все, как в детстве. Поднимешься по крыльцу, толкнешь дверь – и ты в сенях. Тонкий нюх сразу ловит знакомый, давно устоявшийся запах жилья.

Бьет в нос прелый запах рогожи, щекочет ноздри сухое сено. Хлев давно опустел, но скотина оставила в нем такой след, что он не выветрится, наверное, никогда.

Под ногой скрипнули обгорелые доски, на которых Курдюм разводил костер. Подстилка спрятала почерневшие пятна – если не знать, что тут лилась кровь, то сразу и не догадаешься. Сломанная лестница на чердак – как неудобно туда забираться, того и гляди, приложишься макушкой о притолочную балку. Вот, теперь я хозяин всего этого добра. И что мне с ним делать? Был бы дед – подсказал бы.

Горихвост шагнул в угол и поднял остатки разорванной сумки. «Что это? Боги! Вот это да! Это же моя переметная сума, в которой я носил длаку! Одна рвань от нее и осталась.

А я так к ней привык! Хотя, зачем она мне теперь? Длаки уж нет, и я никогда больше ее не накинута. Не почувствую себя волком – диким, поджарым, вечно голодным зверем, которого веселит мысль о том, что весь мир вокруг – это его охотничий заповедник, в котором каждая тварь, от самой маленькой до самой большой, подарена ему самим небом.

Какое это счастье – чувствовать себя хозяином всего леса! А теперь я кто? Мелкая сошка, приبلудившаяся к чужому жилью? Отшельник, пугающий односельчан своим прошлым? Что мне делать-то среди этих людей?»

*

На дворе хлопнула сломанная калитка, висающая на одной петле. Эй, кого принесла там нелегкая? Не боитесь заходить в гости к бывшему вурдалаку, соседи?

– К тебе можно? – раздался знакомый голос.

Горихвост выбрался на крыльцо.

Ах, вот это кто. Ну конечно, кто же еще? По песчаной дорожке к избе ковыляет господин Новый Мельник.

– Вот это вырядился! – не слишком приветливо встретил гостя хозяин. – Что нацепил на себя? Шерстяная вотола? И льняная сорочка? И пояс? Новый, кожаный, на блестящей застежке? Поглядеть на тебя – вылитый Иванушка-дурачок после того, как женился на царевне и отхватил полцарства в придачу.

– По царевнам – это ты у нас главный ходок, – ничуть не обидевшись, рассмеялся Лутоха. – Тут мне до тебя далеко. А полцарства свои ты, гляжу, упустил. Хоть они и просились тебе прямо в руки.

Горихвост сел на завалинку, приглашая к себе и Лутоху.

– Обживаешься? – спросил гость.

– А куда мне деваться? Вот, свалилось хозяйство на голову. Что мне теперь – кур и свиней заводить?

– Свинья на дворе – к богатству, – со знанием дела заметил Лутоха.

– Боюсь, как бы я живьем ее не сожрал, – возразил Горихвост. – Вдруг в полнолуние захочется старое вспомнить?

Они посидели, глядя на то, как клонится солнце в сторону мирной, спокойной Шерны.

– Чего пришел-то? – спросил хозяин. – Ты ведь себе на уме. Без дела не ходишь.

– Пришел именинника с днем рождения поздравить.

– Ах, да! – спохватился Горихвост. – Нынче у меня день рождения. А я и забыл.

– Ты-то забыл, да друзья твои не забыли.

– Какие у вурдалака друзья? Лешии да кикиморы.

– Я, выходит, кикимора? – хитренько подмигнул Лутоха.

– Уж и не знаю, как тебя величать. Давеча был дурачком, а теперь поглядеть на тебя – вылитый барин.

– Сколько тебе исполняется?

– Не припомню. Давно сбился со счета.

– А прежде ты не считал?

– Куда там? В лесу дни рождения не празднуют.

– Давай-ка прикинем, – с умным видом почесал нос Лутоха. – От преждевременной гибели твоих бабушки с матушкой прошло два-девять лет плюс три года. А случилась эта беда на десятый год от их свадьбы. Ты родился спустя год. Выходит, тебе три и три-девять.

– Ровно тридцать? А я себя чувствую на шестьдесят. В лесу жизнь – год за два.

– Ты на заслуженный отдых не торопись. Тебе еще дом восстанавливать. А главное – есть у тебя кое-какие долги перед народом.

– Нет у меня никаких долгов! – возразил Горихвост. – Взаимы ни у кого не просил.

– Это как посмотреть, – не согласился настырный Лутоха. – Дед твой ушел, не закончив всех дел. А дела у него были важные.

– Дел своих он мне не завещал.

– Зато он завещал кое-что позаковыристей. Это и будет тебе подарком на тридцатилетие.

Лутоха выудил из котомки книгу в черном кожаном переплете и протянул ее Горихвосту. Тот взял ее в руки и раскрыл.

– Что надо сказать? – напомнил гость.

– Спасибо? – почесал голову хозяин.

– Дурень! Чтобы книга заговорила!

– Ах, да! «Веда»! – спохватился Горихвост.

С пожелтевших страниц вдруг дохнуло силой и стариной. В нос ударил запах костров и сражений, в ушах зазвучали крики воевод и стоны гибнущих воинов. Ведьмы зашептали колдовские слова, а искатели кладов потянулись к сокровищам, зарытым под камнем Алатырем на далеком острове.

Горихвост резко захлопнул книгу, и видение исчезло.

– Как она, не разбухла от влаги? – с той же хитрой усмешкой спросил его гость.

– Письмена все такие же четкие. Их ни огонь, ни вода не берут, – ответил хозяин.

– Разобрать их сумеешь?

– Дед меня с детства учил. Вот не знал, что когда-нибудь пригодится!

– Еще как пригодится! Деревня без волхва не может. К Дедославу всем миром за советом ходили.

– Я-то что посоветую? Как охотиться на баранов? – невесело усмехнулся Горихвост.

– А про травы ты что знаешь? Как ими лечиться? Когда собирать? Как сушить?

– Это любой лесовик ведает, – нехотя признал Горихвост.

– Лесовики на селе не живут. Окромя тебя, никого больше нет. Быть тебе деревенским волхвом взамен деда. Ты ведь дальше него пошел.

– Я-то? Ну, ты скажешь!

– Сам подумай. Дедослав только мечтал побывать там, на

небе. Любой волхв об этом мечтает. Самолично увидеть богов! Кому еще выпадало такое?

– Рано или поздно всем выпадет, – не слишком радостно буркнул Горихвост.

– Да не все после вернутся, – возразил Лутоха. – Ты сам видел, как горят очаги Белой вежи. У тебя в душе теперь вера такая, какой ни у кого больше не сыщешь. Вот и выходит, что стал ты таким волхвом, каким даже предки твои не бывали.

Горихвост призадумался.

– Слышал бы тебя мой пра-прадед, которого звали Плетуном, – наконец, произнес он. – За то, что так плел языком словеса, что у всех уши в трубку сворачивались.

– А он слышит! Тебе ли не знать? И гордится тобой больше, чем любым из своих потомков. Теперь тебе приводить капище в божеский вид. Тебе хранить вечный огонь, без которого очаги Белой вежи погаснут. Когда пламя в Палате пиров запылает, боги снова вернутся. Не забывай угощать их хлебом, медом и молоком. Негоже нам, людям, держать богов в голоде да в нужде. Вот почувствуют, что снова стали нужны – и вернутся. Пусть уведают, что их не забыли.

Горихвост тяжело вздохнул:

– Мне бы в лес. Привык я к нему.

– Привыкать к людской жизни трудней, – возразил Лутоха.

Горихвост обнял тяжелую книгу обеими руками и прижал к животу.

– Дед погиб за нее, – задумчиво сказал он.

– И ты должен погибнуть, только б в руки злодейские не отдать! – заявил строго Лутоха.

– Ну всё: записали в герои – теперь не отмажешься, – безнадёжно сказал Горихвост.

Солнце спряталось за макушками сосен, дневной свет начал гаснуть. Из села доносилось мычание скотины, которую гнали с пастбища. В ушах вязли крики заносчивых баб: кажется, это Духаня с Русаной затеяли спор, кто теперь тута главный, пока мужики на войне.

– По глазам вижу – ты и сам всё уже понял, – заключил Лутоха, поднялся и пошел к мельнице.

– Заходи, если что! – крикнул вдогонку ему Горихвост.

В такой вечер сидеть в пустой избе не хотелось. Он перешел через овраг по скрипучему мостику и двинулся вдоль конопляника, на котором остались лишь куцые островки неубранного урожая. Дикий лес даже после пожара стоял мрачной стеной, пугающей таинственной силой.

Горихвосту вдруг захотелось войти в эту чащу, пуститься бегом по едва заметным тропинкам, которые разглядит лишь тот, кто сам их проложил. Но он сделал усилие и остановил себя. «Наверное, мне дальше нельзя, – пришла горькая мысль. – Я теперь житель деревни, а у нас договор: в Дикий лес – ни ногой. Хочешь жить по-людски – подчиняйся законам».

Он дошел до Шерны и присел у холма, под которым покоились останки его деда. Колесница Дажьбога уже докатилась до Западного дворца, что за краем Вечернего моря, и последние солнечные лучи красили темное небо в золотисто-розовый цвет. Над головой пронеслась лебединая стая, улетающая в далекие края. Из воды то и дело выпрыгивали мелкие рыбешки, словно решившие разузнать, что творится в неведомом им, воздушном мире.

Опускалась ночь. Волчья пора, самое время для охоты. Горихвост поежился от холодка и закутался в теплый коч.

«Мне б сейчас на луга – побродить, как когда-то, порыскавать в ночи, распугивая селян и наводя страх на скотину. Вот веселье! Да теперь не порыщешь. Ты теперь человек, разве нет? А что это такое – быть человеком? Они все это знают. Мой дед знал. Слишком рано погибший отец. Князь с княгиней и дочь их, моя Ярогнева. Старый воин Нежата с женой. Воропай это знает. И Валуй, и Шумило, и Жихарь с Пятуней, и даже Коняй-самохвал с дурой-Млавой – им-то что? Они с детства привыкли. Да полно, знают ли они сами? Ведь они даже об этом не думают. А я думаю. Почему? Может, просто отвык? Как теперь тяжело возвращаться в обычную жизнь!

Примут ли меня эти люди? Кто я им – чудище, вышедшее из леса, или друг, ставший верной опорой? Да откуда им знать, пока я сам этого не решил? Что же делать? Как разгадать, что ждет меня впереди? И как жить?»

Тьма сгустилась. Ночные шорохи бередили затаенные

страхи. Лес шумел и скрипел, и плескалась река.

«В такой час деревенские бабы испугаются сунуться в поле. А я по-прежнему ничего не боюсь. Я как будто опять на охоте. Я хищник, которого слишком старательно приучают к жилью. Не проснется ли во мне прежняя, дикая страсть?»

Что теперь толковать? Раз судили мне боги вернуться домой – так изволь, возвращайся. Богам не перечат. Но я чую: не будет покоя, пока сам не узнаю, кто я все-таки – человек или зверь?»